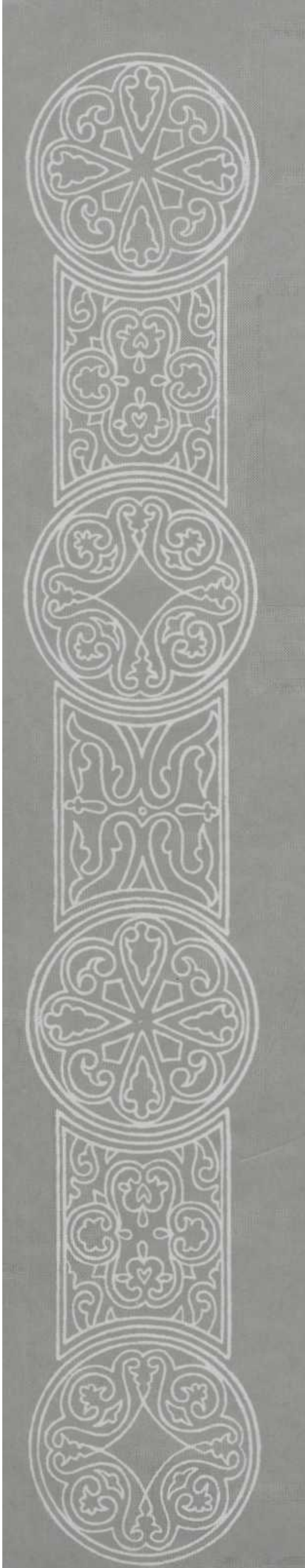
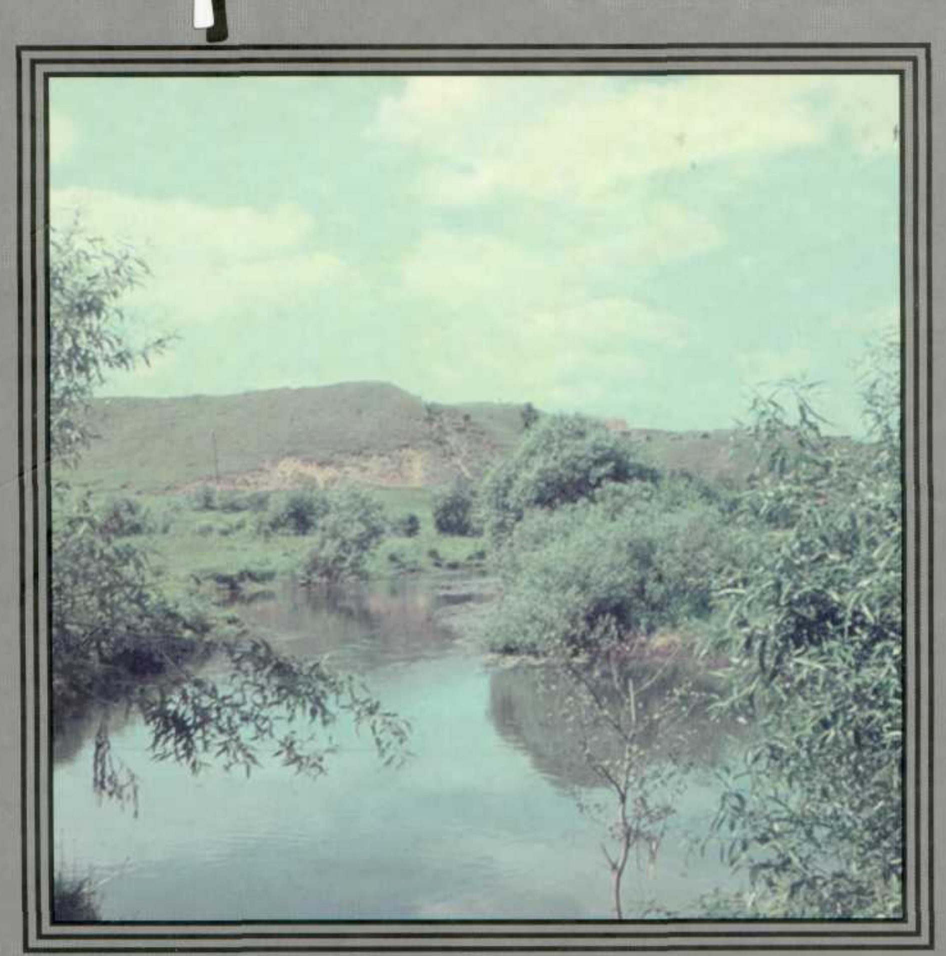
Л.В. АЛЕКСЕЕВ



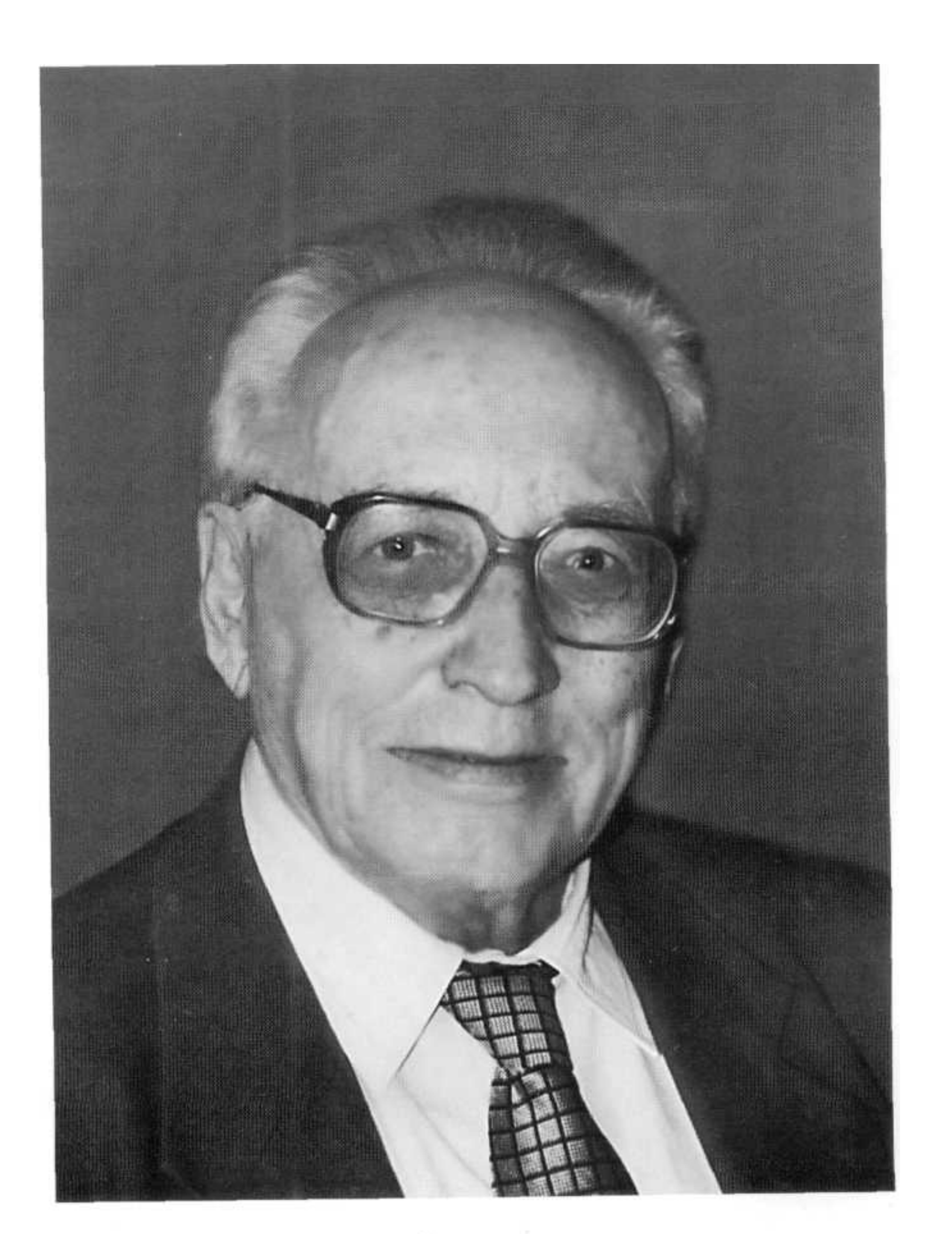
Западные земли домонгольской Руси

Очерки истории, археологии, культуры



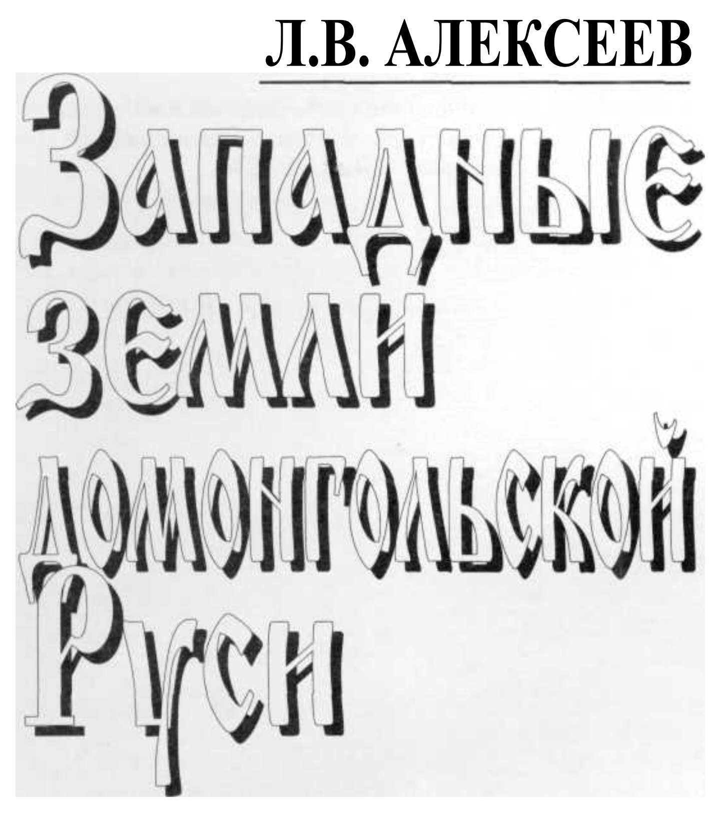
Книга 1

НАУКА



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Л.В. АЛЕКСЕЕВ



Очерки истории, археологии, культуры

В двух книгах

Книга 1

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
А47

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16328д

Рецензент член-корреспондент РАН
Я.Н. ЩАПОВ

Алексеев Л.В.

Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. /Л.В. Алексеев ; Ин-т археологии РАН. - М. : Наука, 2006. - ISBN 5-02-010351-9.

Кн. 1. - 2006. - 289 с. - ISBN 5-02-034937-2 (в пер.).

В монографии обобщаются достижения русской и белорусской археологии в изучении истории западных русских земель IX-XIH вв. Составленная автором карта находок арабских монет и кладов показывает, что на Руси в IX - начале XI в. существовал особый регион - Днепровско-Двинское междуречье, не выделенный письменными источниками, но крайне важный для экономического развития Руси, связывающий Скандинавию и Европу с Черным морем по волокам. Этот путь был важнейшим компонентом "Пути из Варяг в Греки" летописи. Анализ материалов позволяет выделить особую дружинную стадию - "гнёздовский этап Руси", обусловившую в западнорусских землях сравнительно раннее развитие государственности: городов, княжеств и т.д. с характерными чертами экономики и культуры. Исследование сопровождается разносторонним иллюстративным материалом.

Для историков, археологов и всех интересующихся прошлым России.

Темплан 2006-1-281

ISBN 5-02-0I0351-9
ISBN 5-02-034937-2 (кн. 1)

Предисловие

15 января 2006 г. Леониду Васильевичу Алексееву, автору этой книги, исполняется 85 лет и 55 лет научной деятельности.

Л.В. Алексеев - видный археолог-славист, один из тех, кого археологи, принадлежащие к более молодым поколениям, справедливо относят к числу отцов-основателей своей науки, крупнейший знаток археологии средневековой Руси, прежде всего древностей Белоруссии.

Леонид Васильевич родился в 1921 г. в Ростове-на-Дону, в интеллигентной семье, в которой было принято интересоваться театром, литературой, музыкой. В 1948 г. он заканчивает исторический факультет Московского университета по кафедре археологии, в 1953 - аспирантуру Института истории Академии наук БССР. Большое влияние на молодого ученого оказал его научный руководитель, крупнейший советский археолог и историк, академик Борис Александрович Рыбаков. От него Леониду Васильевичу передались страстная увлеченность археологией Древней Руси, чуткость к эстетическим достоинствам ее художественных памятников. Как и Б.А. Рыбаков, Л.В. Алексеев никогда не мыслил себя узким специалистом- "раскопщиком"; он смело углубляется в изучение письменных источников или художественных памятников, в тех случаях когда логика научного поиска заставляет его обращаться к ним. Вместе с тем Леонид Васильевич на протяжении многих десятилетий выступает как высокопрофессиональный исследователь-полевик, руководитель крупных раскопок, образцовых по используемой ученым методике. Наконец, Л.В. Алексеев - автор многочисленных работ, посвященных истории науки, причем его интерес привлекают не только "штатные" археологи, но и неброские, но очень важные для развития нашей науки фигуры скромных провинциальных краеведов.

В 1955 г. Л.В. Алексеев защищает кандидатскую диссертацию на тему "Полоцкая земля в IX-XII вв.". Значение проблемы и объем поднятых молодым исследователем материалов значительно превосходил требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям. Полоцкое княжество, одно из древнейших крупных древнерусских земель-княжений, по обеспеченности своей истории источниками значительно уступает таким регионам, как Киевщина, земли Великого Новгорода, Псковщина, Владимиро-Суздальское или Галицко-Волынское княжества. По этой причине роль археологических материалов в изучении прошлого этого весьма значительного региона исключительно велика. Серия комплексных историко-археологических исследований, связанных с отдельными землями-княжениями, открывается замечательной монографией А.Л. Монгайта, посвященной Рязанской земле (1961). Через пять лет после книги Монгайта выходит монография Л.В. Алексеева "Полоцкая земля", представляющая собой переработанный и дополненный текст его кандидатской диссертации. Появление этих двух книг ознаменовало становление нового и чрезвычайно перспективного научного направления - комплексных макрорегиональных исследований крупных земель-княжений. В 1975 г. была опубликована коллективная монография "Древнерусские княжества X-XIII вв.", задуманная как историческая, но фактически написанная преимущественно археологами. Это обстоятельство отражало имевшее место в то время лидерство археологов в изучении домонгольского периода русской истории. Перу Л.В. Алексеева в этой монографии принадлежит очерк "Полоцкая земля". Позднее Леонид Васильевич занялся изучением Смоленского княжества. Его монография "Смоленская земля в IX-XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии" (1980) в 1982 г. была успешно защищена в качестве докторской диссертации.

Помимо чисто археологических работ Л.В. Алексеев обращается к такому сложному письменному источнику, как Устав Ростислава Смоленского, и убедительно показывает большое значение этого документа для изучения процесса феодализации средневековой Руси. В поле зрения исследователя попадают и такие сюжеты, как памятники эпиграфики, произведения прикладного искусства. Среди последних особенно важным представляется цикл публикаций, посвященных шедевру древнерусского ювелирного искусства, пропавшему в годы Великой Отечественной войны - кресту Евфросинии Полоцкой. Леониду Васильевичу удалось разыскать уникальные фотоматериалы высокого качества, позволяющие составить достаточно полное представление об утраченном памятнике. В конце 1990-х годов Л.В. Алексеев в качестве консультанта

принимал участие в восстановлении креста (изготовлении его точной копии из драгоценных материалов современными ювелирами), за что был награжден патриархом всея Руси Алексием II орденом Св. Владимира III степени.

Когда к Леониду Васильевичу обращаются за советами и консультациями (а это бывает очень часто), он всегда проявляет себя очень внимательным и доброжелательным человеком. Он приятный и интересный собеседник. Вместе с тем Л.В. Алексеев может оказаться достаточно строгим и даже резким в тех случаях, когда он сталкивается с работами, не соответствующими его представлениям о надлежащем уровне академической науки.

Поздравляя Леонида Васильевича с юбилеем, хочется пожелать ему прежде всего крепкого здоровья и хорошего настроения, а его многочисленным коллегам, ученикам и почитателям - увидеть новые работы исследователя.

А.В. Чернецов,
заведующий отделом
славяно-русской археологии НА РАН

Светлой памяти
Наталии Владимировны Ширяевой,
незабвенного друга, жены

От автора

Западные земли домонгольской Руси - обширный район, по площади равный третьей части древнерусских земель. Под Западнорусскими землями мы понимаем пространство Восточной Европы, заключенное между водоразделами верхней Оки на востоке, Диснинско-Дриссенским водоразделом с притоками Западной Двины и бассейном верхнего Немана на западе. Северной границей этого региона является Себежско-Невельско-Торопецкий озерный край, южной - левобережье Припяти, среднее течение р. Сож и верхнее течение р. Десны (южная граница верхнего Поднепровья).

История Западнорусских земель - одна из интереснейших страниц нашего российского прошлого. Страна, изобилующая водными пространствами - озерами и реками последнего оледенения, населенная сначала балто-финскими племенами, куда позднее составной частью вошли славяне, она издревле была связующим звеном частей европейского континента. Здесь проходили западные ответвления (Западная Двина - Днепр - Неман) древнего Пути из варяг в греки, по которым от Балтики к Черному морю исстари двигались лади с торговцами-воинами, нагруженные товарами, а места волоков были всегда заселены.

Постоянное общение с иноземцами, обмен товарами, переговоры на ломанных, вероятно, часто условных языках - все это создавало особый мир, своеобразную культуру, что не могло не отразиться на характере живших здесь людей, на их образе жизни, быте и т.д. Удивительно ли, что здесь рано вызрели княжеские объединения со своей оригинальной историей, бытом, понятиями. Если на рубеже нашей эры и позднее здесь жили балтские и финские племена, то в эпоху раннего средневековья соединение их со славянами дало конгломерат местного населения, сохранившего в быту пережитки язычества прежних племен, особый говор, обычаи, своеобразную историю, отличавшуюся от истории соседних литовско-польских племен на западе и на северо-западе, братских племен Южной и Юго-Восточной Руси. Не случайно именно здесь, на водных торговых путях и волоках между ними, возникло одно из передовых русских княжений - Полоцкое княжество, как увидим, первое, открывшее путь к феодальной раздробленности Руси, князь которого ярко изображен в знаменитом "Слове о полку Игореве".

Настоящая монография названа "Очерками" и охватывает, следовательно, не весь обширный круг вопросов, связанных с данной территорией в домонгольское время. Мы ограничиваем себя лишь историко-археологическими и политическими темами. Социально-экономический же аспект истории страны по необходимости остается в стороне и затрагивается лишь частично.

Автор считает своей обязанностью назвать с самой большой благодарностью всех, кто тем или иным способом помогал ему в написании этой работы. Здесь прежде всего следует назвать многочисленных участников его археологических работ в Белоруссии, Смоленщине и в соседних с ними землях. Это археологи: М.Д. Полубояринова, Я.Г. Риер, Р.Ф. Воронина, Т.В. Равдина, Н.А. Соболева, С.С. Ширинский, З.М. Сергеева; краеведы-энтузиасты И.С. Мигулин (Могилёв), М.И. и С.С. Ивановы (Рославль), а также замечательная когорта студентов из г. Перми - И. Воеводкина, В. и А.В. Ивановы; Н.М. Кузнецова и В.П. Богданов (Москва) и др.

В самый разгар работы над рукописью этой книги скончалась Н.В. Ширяева (1922-2002), которой автор обязан консультациями по общим вопросам средневековой истории Европы, а также редактированием и проверкой обширной библиографии издания. Вся эта помощь была неоценима.

Введение

Природные условия

> Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека. Равнина ли определила русский характер, или восточнославянские племена остановились на равнине, потому что она пришлась им по душе?...
>
> *Д.С.Лихачев, 1984 г.*

Северо-западный край имеет ярко выраженный моренный ландшафт. Здесь много холмов, ледниковых озер, везде изобилуют большие валуны и мелкие камни. Юго-восточнее (через города Невель и Городок) протянулась Витебско-Невельская гряда, состоящая из красно-бурых моренных глин. И здесь типично моренный ландшафт с холмами, тянущимися в меридиональном направлении. Еще восточнее местность пересекается поймой Западной Двины и заметно поднимается, а еще восточнее - между Днепром и Западной Двиной - она вновь повышается, но сохраняет моренный ландшафт. Далее (бывший Вельский и соседние уезды), продолжая повышаться, местность создает перемычку между Валдайской и Среднерусской возвышенностями. Моренный ландшафт здесь полностью исчезает - Четвертое, Вюрмское оледенение сюда не дошло. Здесь, на ровном и обширном пространстве еще в древности образовался громадный лесной массив, именуемый во времена летописца Оковским. Рассмотрим его детальнее.

Оковский лес

В Начальной летописи неоднократно упоминаются лесные массивы: Чёртов лес (Волынь), Болдыж лес (на Десне), Брынский лес (на р. Брыни), Оковский лес (в верховьях Волги), Ширенский лес (у Рыбинской луки р. Волги) и т.д. *(Спицын,* 1917. С. 14). Самым древним упомянут Оковский лес, сообщение о котором мы находим уже в географической части Повести временных лет: "Дн-бпрь бо потече из Оковьскаго л-Ьса, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же л-вса потечеть, а идеть на полуноще и внидеть в море Варяжьское. Ис того же л-Ьса потече Волга на въстокъ..." (ПВЛ, 1950. С. 11).

Как далеко распространялся Оковский лес? Уже сама территория, очерченная летописью, показывает, что он был весьма велик. Так как из него вытекала р. Западная Двина, то лес этот распространялся, следовательно,западнее ее истоков, т.е. доходил до верховьев р. Торопы, возможно, даже и до низовьев р. Куньи, и до среднего течения р. Ловати. Малое количество остатков древних поселений и погребений в этих местах подтверждает это. На севере Оковский лес, вероятно, доходил до озер Селигер, Пено или Стерж, а может быть, кончался правым берегом р. Полы. Его восточная граница начиналась у оз. Селигер, пересекала Волгу у устья р. Песочной, далее шла по левому берегу ее притока Пырышне к устью р. Молодой Туд. Село Оковцы (Оковец), расположенное на р. Пырышне, знаменито своими древностями и не один раз упоминается в летописи. Близлежащие курганный могильник и городище (рис. 1, 2) доказывают, что село существовало уже в домонгольское время *(Крылов,* 1862. С. 6)[1]. В 1539 г. здесь, в лесу над Пырышней, на Пырышенском (Оковецком)

[1] Можно думать, что с. Оковцы существовало еще в языческую пору: неподалеку есть "Святой ручей" *(Рачинский,* 1902. С. 28-29). По рукописи, хранившейся в оковской церкви, последняя была построена на месте древнего городища, которое было "малое и плохое" *(Токмаков,* 1889. С. 47). Археологическое обследование этих мест в 1972 г. Л.В. Алексеевым (1973. С. 49) показало, что Оковецкое городище расположено на р. Пырышне, возвышается над ней на 15 м и внешних признаков валов не сохранило, так как овальная площадка (40 x 70 м) испорчена огромным храмом XVII-XX вв. и кладбищем вокруг. Культурный слой возле храма мощностью 1,2 м помимо поздних захоронений, как оказалось, содержит только лепную керамику, типичную для IX-X вв., что и позволяет датировать памятник этим временем.

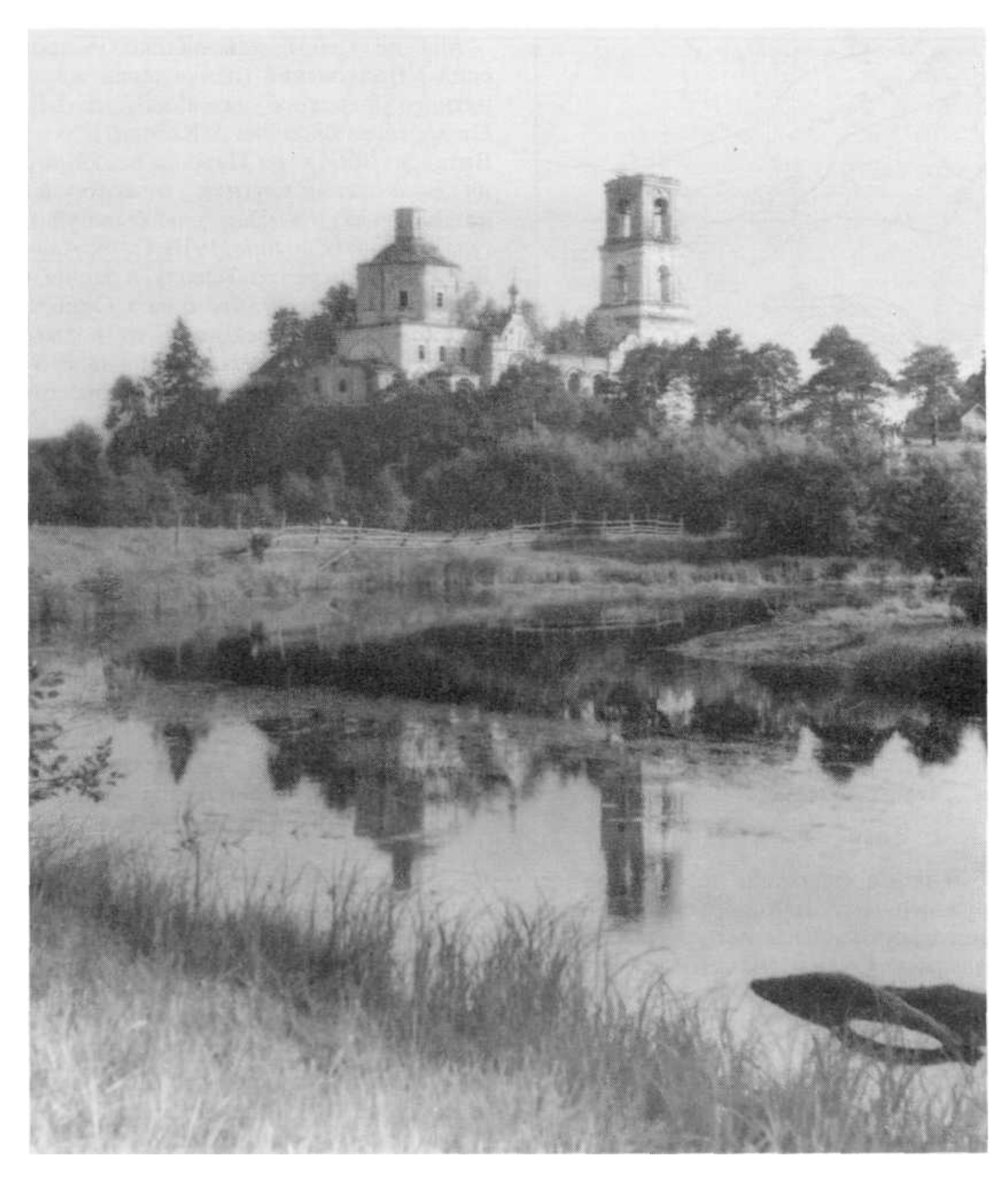


Рис. 1. Городище Оковец на границе Оковского леса. Селижаровский р-н Тверской обл. Фото автора, 1972 г.

городище, как сообщают источники, явились две чудотворные иконы, и для них митрополит Иоасаф указал отстроить на городище два храма, куда в 1563 г. после взятия Полоцка заезжал молиться царь Иван Грозный (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 365). Село Оковец получило название, несомненно, от того леса, на границе которого оно стояло. Наличие лесного массива здесь подтверждается преданием, записанным в книге XVII в., хранившейся в оковской церкви *(Токмаков,* 1889. С. 47). О том же свидетельствует Никоновская летопись: в 1548 г. "побежали в Литву бояре князь Михаила Васильевич Глинский да князь Иван Турунтай Пронский из своих сел изо ржевских, и князь великий послал за ними в погоню князя Петра Ивановича Шуйского и с ним дворян своих. И князь Петр Шуйской дошелъ их в Ржевскихъ м-Ьстах в великых, тесных и в непроходных т'Ьснотах; они же, послышав за собою князя Петра погонею и узнаша, что им уйти невъзможно ис т"Ьх гьснот, и они возвратишася к царю...". В Москве они объясняли, "что они не бегали, а поехали молитися Пречистой в Ковец... и съехали в сторону, не зная дороги..." (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 155).

На восток Оковский лес простирался южнее р. Молодой Туд. То обстоятельство, что из него вытекал Днепр, показывает, что лес доходил, во всяком случае, до верхнего (а, возможно, и среднего) течения р. Вазузы, но р. Вязьмы и г. Гжатска, по-видимому, не достигал (рис. 3), иначе его непременно упомянул бы проезжавший там С. Герберштейн. Однако он, побывавший дважды в России

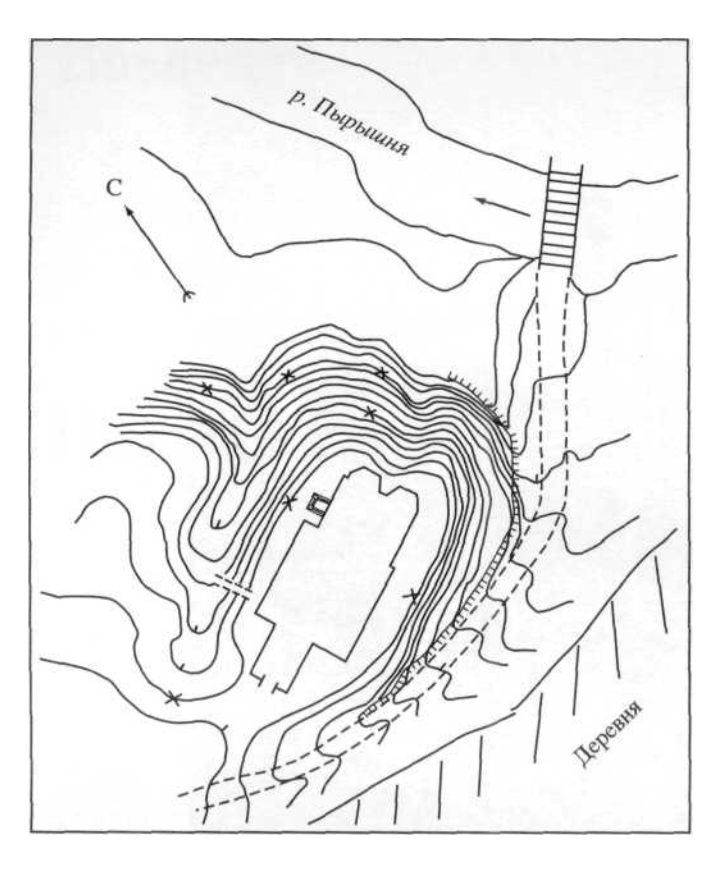


Рис. 2. Городище Оконец. **X в. План**

(в 1517 и 1526 гг.) и ездивший через Вязьму и Гжатск (окружающие леса которых описывал), локализует интересующий нас лесной массив, называя его Волконский, "на несколько миль к западу от Ржева-Димитриева" *(Герберштейн,* 1908. С. 113). Ржев-Димитриев и Ржев-Володимеров - две стороны города Ржева, разделенные Волгой.

Вопрос о значении термина "Оковский лес" исследователей не занимает, однако он очень интересен. Как я уже писал *(Алексеев,* 19806. С. 36), *yoki* по-фински означает река[2]. В Оковском лесу берут начало крупнейшие русские реки: Волга, Западная Двина, Днепр, а также Торопа, Межа и др. Очевидно, финские аборигены называли этот лес "Лес рек", что и восприняли от них славяне. С. Герберштейн сообщает, что из этого леса вытекают четыре реки (четвертая - Торопа или Межа), что в нем есть Фроновское болото, из которого начинается не очень большая река и через две мили впадает в оз. Волго, и "увеличенная множеством вод, она снова вытекает и называется Волгой" *{Герберштейн,* 1908. С. 113). Он называет этот лес Волконским - в те далекие времена его именовали еще и "Волоковским" (ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 262). Можно думать, что восточная граница Оковского леса кончалась в районе Вазузы (здесь из него вытекал Днепр) и, переходя в южную границу, от Вазузы шла на запад.

[2] Не приходится сомневаться, что от этого слова получила наименование и река Ока и, вероятно, ряд других русских рек.

Мы не знаем, как далеко уходил Волоковский / Волконский (осмысление жителями непонятного финского названия) лес на юго-запад. Он достигал бассейна р. Каспли, ибо на "чертеже" Витебска 1664 г. на Нижнем замке показана башня "Волконский кругляк", от которой шла дорога на Смоленск, а в XX в. еще была ул. Смоленская (ул. Ленина) *(Сапунов,* 1910. С. 16; *Алексеев,* 1964). Дорога шла через оз. Касплю, и башня, видимо, так называлась потому, что шла к Оковскому (Волоконскому, Волоковскому - от волоков в лесу?) лесу. Так определяется граница на юго-западе. Восточную и южную границы Оковского леса подтверждают данные топонимики: в Смоленщине 8 топонимов Раменье-Раменка (Список..., 1868. Т. XV), что означало край пашни, опушки *(Срезневский,* 1903. С. 65). И все они распространены в Северной Смоленщине и относятся к Оковскому лесу: в Вельском у. 3 топонима, в Гжатском - 3, в Сычовском - 1, в Дорогобужском - 1.

Прочие леса Западнорусских земель

"Многочисленные леса к северу от Западной Двины в районе крепости и оз. Нищи" видел в 1517 г. С. Герберштейн (1908. С. 304). В 1563 г. Иван Грозный приказал двинуться к Полоцку и "всему этому воинству с собою имати (запасы. - *Л.А.),* довольные на всю зиму, занеже ити до Полоцка месты пустыми и непрходными", и дорогу перед собой велел "чистити", и далее: "от Невля до Полоцка... дорога лесна и тесна..." (ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 304). Через 16 лет Р. Гейденштейн записал: "По направлению к Пскову и Лукам почти на сто миль простирались густые и непроходимые леса" *(Гейденштейн,* 1889. С. 62). Подобные густые леса сохранились к северу от Полоцка и до XIX в.: "По приближении к границам Себежа и Невеля путешественников встречают боры, наподобие тучь нависшие на горизонте..." *(Барщевский,* 1846. С. 147). Эта же картина была в районе Себежа, чем был поражен епископ Витебский и Полоцкий Савва, впоследствии архиепископ Тверской и Кашинский *(Савва,* 1902. С. 211). Изобиловали лесами и окраины Полоцкого княжества на западе: "Я выехал в... 1413 г. из Динабурга (Двинска) через огромные пущи, - писал французский путешественник Жильбер де Лануа, - и так непрерывно странствовал два дня и две ночи, не находя жилища..." *(Hedemann,* 1930. С. 381).

Густые леса на западной окраине Полоцкого княжества сохранились до XIX в.: "Я забрался к восточному краю Виленской губернии, тут к востоку (еще уцелели. *-Л.А.)* громадные леса, за ними - Неман", — писал М.А. Коялович (1887. С. 45).

Есть ранние свидетельства об обилии лесов на южных окраинах Полоцкого княжества. В 1564 г.

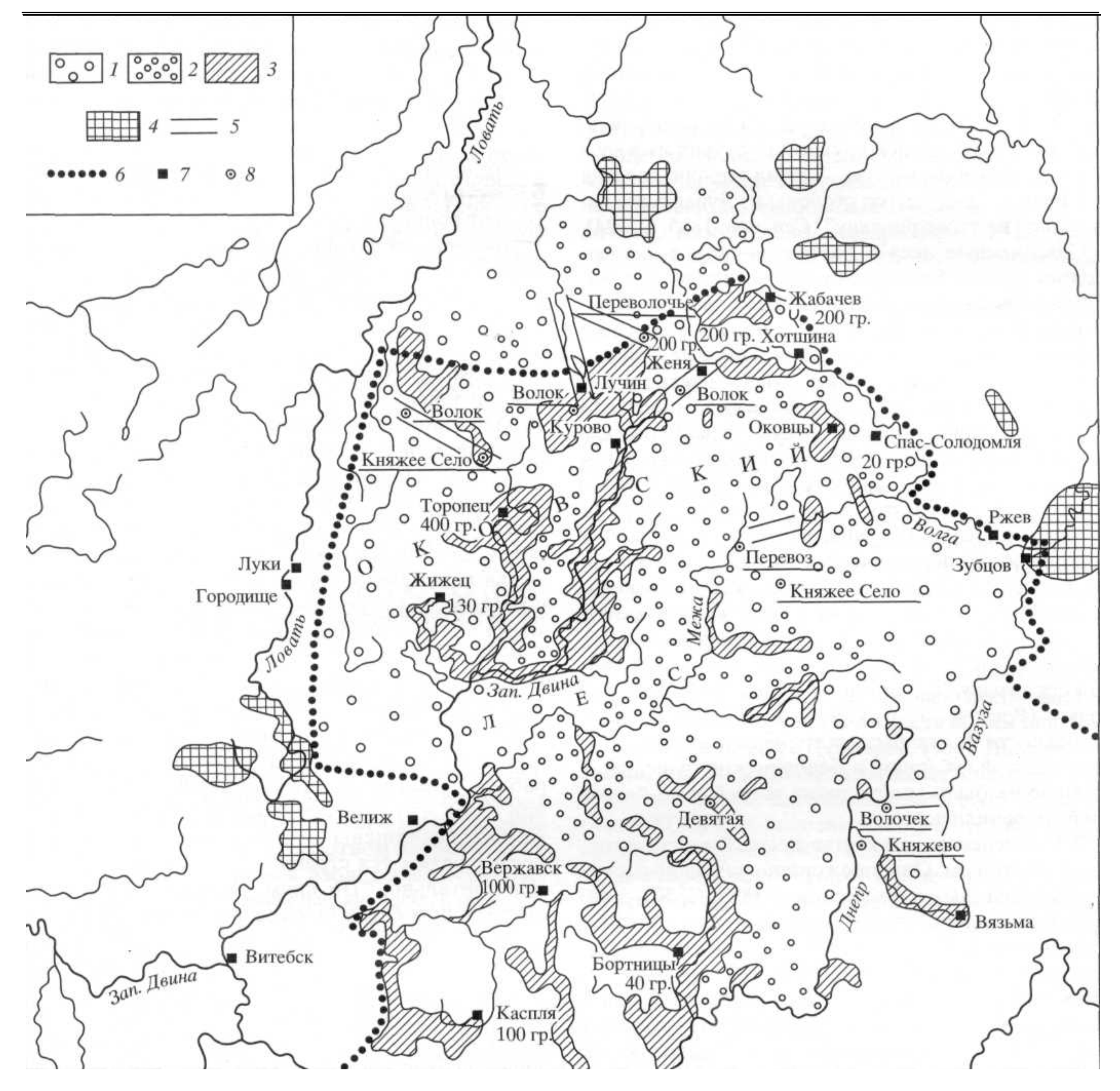


Рис. 3. Карта летописного Оковского леса

Условные обозначения: *1* — реконструируемая часть Оковского леса; *2* — рудименты Оковского леса, сохранившиеся в XIX в.; *3* - скопления поселений Смоленской земли (по распространению курганов); *4* - скопления несмоленских поселений (по распространению курганов); 5 — реконструкция волоков; *6* - граница Смоленской земли (по А.Н. Насонову); 7 — феодальные центры Смоленской земли, возле которых есть остатки городищ; *8* - современные топонимы Смоленской земли

королевские войска напали на русских воевод, шедших из Полоцка. "Царевы же великого князя воеводы не токмо доспехи успели на себя положити, но и полки стати не успели, зане пришли места тесные и лесные..." (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 377). Еще в конце XVII в. Бернгард Таннер (1891. С. 25), двигаясь в Московию, ужасался обилию "страшных лесов" между Минском и Борисовом. Там же в 1812 г. "в темный и громадный лес около Минска углубился Наполеон" *(Сегюр,* 1941. С. 175).

Особенно мощные леса были на границе Литвы и Руси, которые служили пограничной защитой: "Москвитяне, как это они делали в других местах, нарочно дали разрастись непроходимым лесам, ибо у них такой обычай, что они оставляют землю, соседнюю с неприятелем, на протяжении нескольких миль вполне невозделанной и необитаемой; частые деревья, которые по необходимости вырастают на свободной почве, и густые леса затем образуют некоторого рода оплот против непри-

ятеля, и они считают себя в безопасности от вражеских набегов. ...Сураж находился как бы на самой опушке вышеупомянутого леса" *(Гейденштейн,* 1889. С. 116). Есть сведения и о лесах внутри Полоцкого княжества: в 1654 г. воевода П.И. Шуйский "с войском своим выступил из лесу в поле, прилежащее к Улле, - писал королю воевода Радзивилл, - а я с другой стороны из Луневского леса вышел на ту же равнину" {*Сапунов.* 1885. С. 124).

Совсем иные леса и растительность в юго-западных землях Белоруссии, где возникло Турово-Пинское княжество. Большая часть здесь принадлежала низинным землям. "Не знаю, кого бы мне попросить, чтобы ссудили меня пером для описания этой пустыни камыша и лозы, - цветисто писал польский писатель Крашевский, описывая Пинское Заречье, заболоченную страну площадью около 14 000 кв. верст - так называемые Пинские болота. - Представьте себе род леса или сплетенного тростника, связанного и спутанного, как волоса в пинском колтуне, леса безграничного и бесконечного, пересекаемого местами ложем реки, которая узенькой ленточкой, как бы извиваясь, пробирается через ряды очерета или камыша... Все это пространство, т.е. Заречье, бывает под водою еще в июне и в июле...". Крестьяне часто косят траву "стоя по пояс в воде, или прямо из лодки" (Россия..., 1905. Т. 9. С. 40-41). Густые леса в древности были распространены западнее - в Гродненской губернии, в Беловежской пуще, где в те времена было много диких зверей и до наших дней сохранились зубры...

В Смоленском княжестве лесов было больше, чем в Полоцком. Они еще хорошо видны на чертеже Максима Цызарева {*Сапунов,* 1893. С. 501-506). И не удивительно: страна была заселена в древности гораздо меньше, чем в Полотчине, близкой к торговым путям. А. Мейерберг свидетельствует, что в 1661 г., когда он проезжал через эти земли в Москву, между Вязьмой и Можайском тянулся сплошной лес, пустынность которого охранялась одной деревней Царево-Займище {*Мейерберг,* 1874. С. 193). Густые лесные массивы были и в восточной части Смоленщины: в 1370 г. "гнаше можаичи (короля Ольгерда. *-Л.А.)* и побиша смолнян на лесе на Болонском, а полон отъяша..." (Православный Палестинский сборник. 1887. № 12. С. 31). Деревня Болоновцы на р. Десногa, в 16 км от Ельни, указывает, что лес начинался где-то к юго-востоку от этого города, видимо, границ княжества. Весьма возможно, что в верховьях р. Болвы, судя по малочисленности курганов, мало заселенной местности, но где находился, видимо, город Блеве[3]. Лесами изобиловала и южная Смоленщина - в Рославльском у., например, в начале XX в. они занимали 40,5% территории, а в древности их было, конечно, больше! *(Ляуданст,* 1932. С. 111).

[3] Н.И. Срезневский (1893. Т. 1. С. 112) связывает "Болонье" с сырой местностью, но скорее это - место за пределами какой-то территории ("Болонье" - в г. Смоленске). По Словарю русского языка XI-XVII вв. (1975. Т. 1. С. 282) - это "наружные, мягкие слои дерева".

Когда же начали вырубать эти древние лесные богатства нашей страны? Если говорить серьезно, то этот вопрос не решен и теперь.

Древнейшая история русских лесов все еще мало изучена, и у специалистов на этот счет представления более, чем туманные {*Алексеев,* 1966. С. 71). Один из ведущих специалистов, исследовавший изменения лесов в нашей стране, М.А. Цветков, считал, что первые значительные порубки лесов начались у нас в конце XIV в., когда король Ягайло уничтожал священные рощи в Самогитии, о чем упомянул в XVI в. М. Меховский {*Цветков,* 1957. С. 9). Не историк, М.А. Цветков ошибался - порубки лесов в нашей стране начали производить уже с середины первого тысячелетия н.э., в период перехода от подсечно-огневого способа обработки земли к системе больших пашень[4]. Именно тогда, с ростом сети деревень, окруженных возделываемыми полями, началось массовое истребление лесов. Однако в XV-XVI вв. лесов еще было много. В 1523 г. Альберто Кампензе сообщал папе Клименту VII о русских соснах среди множества лесов: "сосны величины необычайной, так что из одного дерева достаточно на мачту самого большого корабля..." {*Кампензе,* 1836. С. 27, 30). Он добавлял при этом, что леса эти "будучи уже в некоторых местах расчищены трудолюбием жителей, не представляют тех страшных дебрей, как прежде". Действительно: "По пням больших деревьев, существующих еще и поныне, видно, что страна была очень лесистой" {*Герберштейн,* 1908. С. 98). Уничтожение лесов в XIX в. приняло уродливые формы: "Нынче безлесят Россию, - писал Ф.М. Достоевский, - истощают в ней почву, обращают в степь и приготавливают ее для калмыков. Явись человек с надеждой и посади дерево - все засмеются: разве ты до него доживешь?" {*Достоевский,* 1975. Т. 13. С. 54).

Реки, почвы, растительность, животный мир

Южную часть Оковского леса составляет так называемый Ельнинский узел Среднерусской возвышенности - правильный лучеобразный сток рек во все стороны, кроме северо-запада, где им преграждает путь Валдайская возвышенность. Отсюда, из Оковского леса текут важнейшие русские реки - Волга, Западная Двина, Днепр и другие, а из

[4] Значительные порубки местных лесов производили и славяне, заселяя в конце I тыс. эти территории.

Ельнинского узла (Рославльский, Краснинский, Мстиславльский, Горецкий уезды прежнего административного деления России) клин этот преграждает путь свободному течению Днепра и отклоняет его на запад до Орши, где река прорвалась через него к югу (и образовались небольшие пороги). "Оторванная" часть лежит к западу от Орши и доходит далее до истоков р. Друти. Восточнее ее эта часть возвышенности переходит в Белорусскую волнистую гряду, тянущуюся в широтном направлении к Минску и захватившую весь водораздел Западной Двины и Днепра. Вся территория к востоку от Днепра представляет в общем ровную сухую равнину, некогда сплошь занятую лесными массивами (ныне встречающимися отдельными островками). Остатки прежних лесов отчасти сохранились в Брянщине.

Через древние западнорусские территории тянется, как известно, главный водораздел европейских рек (между бассейнами Балтийского и Черного морей). Проходит он на западе между Слонимом и Пинском, севернее Минска и Заславля, Борисова и Смоленска, южнее Гжатска (Гагарин) и т.д. Словом, он имеет на данной территории диагональное направление с юго-запада на северо-восток.

В Белоруссии главный водораздел европейских рек отсекает на юге знаменитые низины и прежде всего так называемые Пинские болота с большими топями, сильно препятствовавшими заселению этой территории. Сплошная зона низинных болот в своей средней части имеет болотистую долину реки Припять, текущей в широтном направлении с запада на восток. Сильная изолированность этих мест способствовала образованию здесь народонаселения с особой спецификой культуры - так называемых полешуков.

Рек, протекающих по западнорусским землям, достаточно много. Это прежде всего Волга, Западная Двина и Днепр, берущие начало, как мы видели, в летописном Оковском лесу. Все они изобилуют притоками, главнейшим из которых является днепровская Десна. Это также упоминаемая громадная река Припять, впадающая в Днепр. Она изобилует притоками, из которых главнейший - р. Птичь, начинающаяся немного южнее Минска и широко, как и другие притоки, орошающая всю южную часть Белоруссии, Большое значение в Западной Белоруссии принадлежало р. Неман.

Почвы изучаемой территории своей большей частью (Белоруссия) входят в северный или озерный геоморфологический округ. Они возникли на древних девонских отложениях и характеризуются дерново-подзолистостью и сравнительно небольшим плодородием. Полезных ископаемых, доступных человеку в древности (болотные руды, гончарные глины, известняки), было мало.

Растительность, как уже говорилось, характеризовалась обилием лесных массивов, непроходимых чащ. На подзолистых почвах рос смешанный лес: ель, сосна, береза, осина, белая ольха. Много своеобразного содержит так называемое Минское полесье. Севернее верхнего Немана и далее в сторону Рогачева проходит северная граница распространения граба, который заполняет всю южную часть Белоруссии. Площадь лугов в древности была небольшой. Левобережье Припяти, занятое болотами, изобиловало кустарниками и болотной растительностью. Для земледелия оно было мало пригодно.

Животный мир, судя по остеологическому материалу, найденному при раскопках, в древности был много богаче.

Основную массу костей диких животных, судя по раскопкам польских археологов в Гродно, составляют кости благородного оленя (46% всех костей диких животных *(Цалкин,* 1954. С. 225)). Сейчас особи этого животного сохранились почти исключительно в Беловежской пуще. "Изобилие остатков этого оленя в материале из древнего Гродно представляет убедительное свидетельство прежней многочисленности этого животного в лесах Белоруссии (и, очевидно, в Смоленщине. *-Л.А.),* - сообщает В.И. Цалкин. - "Поскольку в литовском слое XIV-XV вв. кости оленя продолжают встречаться в больших количествах, надо предполагать, что сокращение ареала этого вида произошло уже значительно позднее" *(Цалкин,* 1954). Любопытно также, что по наблюдениям исследователя, "благородный олень, населявший западную Белоруссию в XII-XVвв. был значительно крупнее современного" *(Цалкин,* 1954. С. 226).

На втором месте стоит зубр, причем выясняется, что литовские (и, вероятно, белорусские) зубры в XII-XV вв. "отличались от современных гораздо более крупным ростом".

Далее следует дикий кабан, которого ныне в изучаемых нами краях уже стало немного. "Обращают на себя внимание, - пишет В.И. Цалкин, - очень крупные размеры костей кабана из древнего Гродно. Это становится особенно наглядным при сравнении их с одноименными костями... в частности кавказских кабанов, относимых к той же расе, что и белорусские" *(Цалкин,* 1954. С. 230).

Косуля или маленький олень, "вполне обыкновенный в Белоруссии (по числу костей. - *Л.А.),* лишь немного уступает кабану".

Что касается лося, то, по свидетельству того же исследователя, "они никогда не были в Белоруссии многочисленными, всегда уступая в этом отношении благородным оленям".

Бобр представлен в Гродно малым количеством костей, хотя мы знаем, что в западнорусских землях бобры, несомненно, были распространены. "Бассейны рек Западной Двины, Днепра и Оки славились множеством бобровых колоний. Бобровые гоны как предмет специального повсеместного промысла в древности имели исключительную

ценность. В XVII в. бобр начинает быстро исчезать, и уже в половине XIX в. он находится на грани полного исчезновения" (во всяком случае в Смоленщине) *(Плющенников,* 1952. С. 290; *Добровольский В.Н.,* 1915). "Едва ли мы ошибемся, определив пятидесятыми годами срок окончательного исчезновения бобров в Полесье", - писал Н. Холодковский (цит. по: *Плющенников,* 1952). На существование бобров и бобровых гонов в Смоленщине в древности, вероятно, указывают: топоним "Бобровники", встречающийся в Уставе Ростислава Смоленского 1136 г. (Древнекняжеские уставы..., 1976. С. 142), "три гоны короткие", получаемые смоленским епископом в начале XIII в. (грамота "О погородье" 1110/11-1117/18 гг. - Древнерусские княжеские уставы..., 1976. С. 146). По наблюдениям того же В.И. Цалкина, бобры водившиеся в окрестностях Гродно, были крупнее "раннеславянских" бобров, находимых в памятниках Воронежской губернии.

Кости куницы, барсука и зайца, находимые при раскопках, показали, что они тоже водились в окрестностях Гродно и, вероятно, были распространены много шире. Мясо куницы в пищу не годится (неприятный привкус), их убивали ради шкурок; мясо барсука вполне пригодно в пищу, но охотились на него, вероятно, тоже из-за шкуры. При охоте на зайца все идет в пищу, но странно, что костей его найдено крайне мало. Мало найдено и костей медведя, хотя охота на него практиковалась везде во все времена. Мало также костей лисицы, выдры, волка. Однако их наличие сигнализирует нам о том, что эти звери водились в интересующих нас местах. В.И. Цалкину удалось определить и косточки диких птиц, на которых в те дальние времена охотился человек. Это тетерев-глухарь, лебедь, гусь, журавль. Каким-то образом в культурные слои Гродно попало несколько косточек, принадлежавших семейству воробьиных *Щалкин,* 1954. С. 225-232).

Матвей Меховский (XVI в.) сообщает, что в Литве крупных зверей больше, чем во всем христианском мире. Так как леса там большие, то во множестве попадаются и ловятся крупные звери: буйволы и лесные быки, которых они на своем языке называют турами или зубрами, дикие ослы, лесные кони, олени, лани, газели, козы, кабаны, медведи, куницы, белки и другие породы зверей. Есть и более ранние сведения, например, 1499 г. (АЗР. 1846. Т. 1. № 165). Большинство перечисленных диких животных, интенсивно использовавшихся человеком в древности, к XIX в. были истреблены.

Историография[5]

Источники по истории Западнорусских земель немногочисленны и мало подробны. Когда в XV-XVI вв. к ним проснулся интерес, все сведения по истории Вселенной основывались на Библии, с которой стремились сопоставлять местные легенды о прошлом. Благодаря Яну Длугошу (1415-1480), Мартину Вельскому (1495-1575) наука впервые узнала о существовании западнорусских летописей *{Приселков,* 1940. С. 17).

Однако следующий исследователь, Матвей Стрыйковский (1547-?), первый понял, что русские летописи более основательны и более важны исследователю: "Мне кажется, - писал он, - что это (одно из событий, сообщаемых русскими летописями. *-Л.А.)* достаточно верно, ибо старые летописцы соблюдали правду", литовские же "значительно ошибались в отношении времени и самого события" *(Рогов,* 1966. С. 176). М. Стрыйковский стремился найти и вещественные источники для своей хроники. Они, как он, по-видимому, считал, могут сохраняться в земле. То есть, как мы бы теперь сказали, он обратился к зачаткам археологии (!). Путешествуя по Белоруссии и Литве, он тщательно осматривал древности, беседовал с населением о возможных находках. От замка Гедруса на оз. Кемонт, писал он, "ныне едва видно городище, так как в древности, как и теперь в Литве, был обычай замки и города делать из дерева, почему следов древних памятников в тех краях столь мало видно, в противоположность тому, что я сам насмотрелся в Греции, в Италии" *(Strykowski,* 1847. S. 118). Он отметил следы замка на оз. Свиръ, который, как стало ясно ученому, "будучи деревянным, еще в древние времена пришел в негодность". Возражая Я. Длугошу и М. Меховскому, сомневающимся о месте битвы 1294 г. - у Троянова или у Жукова, М. Стрыйковский сообщает, что эти места он посетил: Трояновское поле ровное и песчаное, и он сам видел, как пахарь там выпахал шпоры, три древка от шестов, круглую булаву и несколько наконечников стрел деревянной выделки, разрушенной временем. Итак, не под Жуковым, а под Трояновым Литва со своим князем Витенем одержала эту победу. Мы видим, что археологические материалы служили ученому историческим источником. Описывает он и башню в Витебске, обращенную к Западной Двине и соединяющую Нижний каменный замок с Верхним деревянным, и дополняет: "половина ее, отбитая и почти отрубленная Витовтом, стоит и поныне. Эти руины смотрел я сам, когда там нес полтора года службу в 1573 г." *(Strykowski,* 1847. Т. 2. S. 109). Интересовали М. Стрыйковского и так называемые "Борисовы камни", расположенные в Западной Двине (их он связывал, правда, с неким

[5] Более детальную разработку темы см.: *Алексеев,* 1996а; 1990. С. 241-252; 1998а. С. 176-190, и др.

несуществовавшим Борисом Гинвиловичем) *(Strykowski,* 1846. T. I. S. 241).

Печальные события произошли с М. Стрыйковским в 1578 г., когда его бывший витебский начальник, взявший у него (по-видимому, в 1573 г.) рукопись, издал ее под своим именем *(Gwagnin,* 1578), чем возмущался историк XIX в. Ю. Крашевский, указавший, что "целая история Литвы живьем украдена у нашего автора (Стрыйковского)" (см.: *Семянчук А.,* 1995. С. 4; см. об этом же: *Strykowski,* 1847. Т. 2. S. 316; *Niesiecki,* 1728. S.). Интерес к истории наших земель особенно повысился в конце XVIII в., в связи с присоединением польских земель к России Екатериной II (1772, 1793, 1795), а также после Наполеоновской эпопеи 1812 г. По свидетельству современника, издатель "Русского Вестника" С.Н. Глинка с 1808 г. стал знаменит: «После войны с французами и Тильзитского мира (1807), он возненавидел французов и Наполеона. Сначала цель его была при издании журнала напомнить русским родную Русь, ее старину и подвиг; потом мало помалу он перешел к совершенной ненависти враждебного нам тогда народа, очаровавшего нас языком, модами и вредными обычаями. Журнал Глинки... пришелся совершенно по времени и имел успех необыкновенный... Надобно вспомнить, надобно знать то время, чтобы понять всю важность "Русского Весника". Теперь о нашей старине твердят беспрестанно; а тогда многие в первый раз услышали из "Русского Вестника" о царице Наталии Кирилловне, о боярине Матвееве - воспитателе Петра Великого, и в первый раз увидели их портреты» *(Дмитриев,* 1985. С. 208, 209).

Возрождающийся интерес к своей истории начал сопровождаться и интересом к памятникам старины. Евгений Болохвитинов (1767-1837) в начале XIX в. полагал, что нужно испытывать "пошву земли" в Новгороде, сообщал, что "на Торговой стороне по набережным местам инде аршин 8 или 9 копать до материка"! (Исторические разговоры..., 1803. С. 2). Н.М. Карамзин в 1805 г. писал брату, что ему "не отделаться от Киева, надобно будет туда съездить..." *(Эйдельман,* 1983. С. 50), в своем капитальном труде он постоянно упоминал древние реалии *(Карамзин,* 1817. Т. 5. С. 448 и др.) Интерес к этим реалиям в Западном крае проявляла еще Екатерина II, посещая "западные губернии Российского государства" в 1780-1790-х годах. Тогда даже готовились некоторые рукописные книги для "поднесения государыне" *(Алексеев,* 19806. С. 5). В 1810 г. были предприняты первые раскопки курганов с "научной" целью. Командированный М.В. Барклаем-де-Толли в восточную Белоруссию для возведения укреплений под Могилевом, военный инженер Ф.Е. Нарбутт (1784-1864) вскрыл 10 насыпей под Рогачевым и так увлекся, что после войны продолжал эти работы в своем имении Шавры *(Алексеев,* 1996а. С. 21 и ел.).

Трудно представить, чтобы войны с Наполеоном не способствовали поднятию интереса к древностям Западного края и в дальнейшем. Это отразилось прежде всего на тираже "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина. Выход каждого тома его воспринимался событием, петербуржцы острили, что ныне улицы по вечерам пустеют - город погружается в эпоху Грозного *(Лорер,* 1988. С. 336). Е.Ф. Канкрин подробно исследовал Борисов камень и в 1818 г. описал его Н.П. Румянцеву с рисунком *(Алексеев,* 19916. С. 256-265; 1996а. С. 30-38). По выходе первых томов Н.М. Карамзина, древностями заинтересовался П.И. Кеппен, путешествуя по Белоруссии в 1819 и 1821 гг. *(Алексеев,* 1996а. С. 38-41).

Что касается Смоленщины, то там еще в 1804 г. появился труд некоего дьякона с исключительно интересной биографией - Н.А. Мурзакевича *(Мурзакевич Н.А.,* 1804) - добросовестный труд по доступным ему источникам, большая часть которого, увы, погибла в пожаре 1812 г. После него дальнейшая разработка истории Смоленщины принадлежала А.П. Елоховскому - одному из старейших преподавателей смоленской гимназии (1820-е-1830-е годы). Труд не был напечатан и попал в руки нечестных плагиаторов *(Алексеев,* 1980. С. 5).

В 1837 г. вышли из печати первые исторические карты походов Стефана Батория в Белоруссию (Карты военных действий..., 1837), что, безусловно, еще больше подняло интерес к Западному краю. Чертил карты участник походов Пахоловицкий. Там изображались и домонгольские древности, городища и др.

В это время интерес к истории "Западного края" был поддержан в связи с так называемым "воссоединением" православной и западнорусской униатской церквей. Периодическая печать того времени полнилась сообщениями об истории униатства, ходе "присоединения" (1839). Вспоминалась "исконность" русских земель на Западе и т.д. В 1833 г. впервые опубликовали, например, план полоцкой Спасской церкви Спасо-Евфросиниевского монастыря. Храм был обмерен довольно точно (О церкви Всемилостивейшего Спаса..., 1833). В 1841 г. впервые опубликовали описание и рисунок (неточный) креста Евфросинии Полоцкой 1161 г. (автор, вероятно, П. Кеппен - Святыня..., 1841).

К 1843 г. относятся первые издания документов по истории Полотчины и Прибалтики - грамоты православных монастырей и церквей губерний Виленской и Ковенской (Собрание древних грамот..., 1848).

С 1850-х годов в Белоруссии и Смоленщине начинают появляться работы по истории местного края, претендующие на некоторую глубину.

В 1857 г. вышла книга О. Турчиновича по истории Белоруссии *(Турчинович,* 1857), "охватывающая предмет... со времен Геродота до разделов Польши Екатериной П", где на основании сходства топонимов доказывалось, что народ части этих мест пришел из... Дакии.

Тогда же, в 1850-е годы появляются новые имена любителей Смоленского края. Среди них выделяется Н.М. Ельчанинов, в 1819 г. опубликовавший статью о надгробных памятниках *(Ельчанинов,* 1819), а позднее занимавшийся историей Вельского уезда *(Ельчанинов,* 1858; 1860). В 1860-1880-е годы появляются статьи К.А. Говорского и А.М. Сементовского по истории Витебской губернии (см.: *Сементовский,* 1867; 1878; *Алексеев,* 1996а), о Туровском княжестве (Минский листок. 1886. № 28, 29), Турове и его окрестностях (см.: *Дубист,* 1933. № 2501, 2502 и др.). В 70-80-х годах XIX в. в Смоленщине активизируется деятельность краеведов, в основном учителей. Это С.С. Ракочевский, издавший капитальное по тому времени исследование по истории Рославля *(Ракочевский,* 1878; 1880а, б), смоленские краеведы СП. Писарев (1882; 1894; 1898) и И.И. Орловский (1902; 1906; 1907; 1909).

На чем же основывались местные историки, какие документы использовали? Мы хорошо знаем, что кроме общих летописных сводов, в их руках оказывались уникальные, позднее исчезнувшие источники.

Еще В.Н. Татищев держал в руках полоцкую летопись. Принадлежала она некоему П.М. Еропкину, участнику заговора А.П. Волынского (1689-1740), он помнил, что "не имел времени всего выписать, и потом его видеть не достал, слыша, что отдал списывать" *(Татищев, \11А.* Т. 3. С. 513, примеч. 597). Однако подобные летописи ходили и по рукам, например, Н.А. Мурзакевич на вопрос Н.П. Румянцева, какие летописцы Вы обозначаете? Отвечал, что имел из Полоцкого летописца выписки о епископах от преосвященного Парфения, которые потом возвратил, "теперь же не знает где достать" *(Орловский,* 1903. С. 20). «Трудно понять, что это был за "летописец", - добавляет И.И. Орловский, - Литовская летопись и летопись Аврамки представляют, по-видимому, совсем отличные от летописца, источники» *(Орловский,* 1903. С. 23).

Тем не менее, источники по местному краеведению всячески разыскивались, и главным образом, жителями данной местности.

Так например, после I раздела Польши граф П.А. Румянцев-Задунайский (1725-1796) получил в подарок от Екатерины II город Гомель, отстроил там дворец, а его сын Н.П. Румянцев (1754-1826), став знаменитым собирателем древностей, организовал там роскошный музей, куда входило большое количество древних рукописей, связанных с историей края. Граф объединил вокруг себя большое число сотрудников (П.М. Строев, К.Ф. Калайдович, А.Х. Востоков, Е. Болохвитинов и др.). Он был в переписке с целым светом, в Смоленщине, в частности, с первым историком Смоленска Н.А. Мурзакевичем. Благодаря последнему, в Смоленской губернии в 1819 г. была опубликована специальная инструкция по собиранию сведений о местных древностях: "Приглашение барона И.Г. Аша" (см.: *Алексеев,* 1990а. С. 283-287). По "Инструкции" полагалось собирать:

1. Исторические рукописи.
2. Обнаруживать "камни надгробные" и др. памятники: земляные, каменные.
3. Места, которые любопытны по преданиям и очевидности.
4. Старинные документы, хранящиеся в частных руках.
5. Сохранившиеся древние церкви (дать описание).
6. Собирать сведения об известных военных подвигах населения, воинов во время наступления Наполеона.
7. Просьба о присылке дополнительных сведений, "ежели таковые объявятся после того, как первые сведения уже были посланы" *(Алексеев,* 1990а. С. 265, 286).

Какой же результат имела эта первая в стране инструкция по собиранию древностей? Историки, упоминавшие этот важный для истории науки документ, никогда не интересовались результатом, возможно, по неимению сведений. Но они есть и, увы, не утешительные: сын Н.А. Мурзакевича, Н.Н. Мурзакевич перепечатал этот документ и присовокупил: "На этот вызов не последовало ни единого (!) отзыва, как со стороны дворянства, так равно духовенства и купечества". По скромности, Н.Н. Мурзакевич не открыл, что единственным человеком, который откликнулся на призыв губернатора барона И.Г. Аша, был он сам, издав серьезный труд "Достопамятности Смоленска" *(Мурзакевич Н.Н.,* 1835). Как теперь считают специалисты, труд этот "внес значительный вклад в изучение и пропаганду памятников смоленской архитектуры" *(Воронин, Раппопорт,* 1979а. С. И).

Изучение древностей в XIX — начале XX века

В Смоленске первые археологические работы по изучению древней церкви на Протоке начал М.П. Полесский-Щепилло (1867 г.). "Нужно отдать должное скромному смоленскому любителю-археологу, - писали Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт. - Без всякой подготовки в области методики раскопок, он осуществил их на достаточно по тем временам высоком научном уровне, проявил большую осторожность и сделал ряд наблюдений над строительной техникой и архитектурой храма.

При всем своем несовершенстве, эти раскопки дали первое сведение о памятнике, который не был тогда вскрыт до конца и представлялся исследователю обычным четырехстолпным храмом с притвором ("трапезной") и погребальными аркосолиями в стенах" *(Воронин, Раппопорт,* 1979а. С. 300).

Замечательны работы в Смоленщине помещика имения Завидичи Лепельского уезда Михаила Францевича Кусцинского (1829-1905).

Однокашник графа А.С. Уварова по Московскому университету, по его совету воспользовавшись средствами Московского Археологического общества (фактически графа А.С. Уварова), он в 1874 г. начал раскопки смоленских курганов, родины, как считал граф, летописных кривичей - в верховьях Двины, Днепра и Волги и очень скоро наткнулся на Великий Гнёздовский могильник *(Кусцинский,* 1883). Результаты превзошли все ожидания, курганы в Гнёздове оказались исключительно интересными, так как содержали среди местных и скандинавские захоронения. Это был могильник, как мы дальше увидим, древнейшего Смоленска, находившегося тогда здесь же, и являвшегося действительно, как говорит летописец Повести временных лет, племенным центром кривичей.

Огромную работу по археологическому изучению Западнорусских земель провели за свою не очень долгую жизнь логойские помещики графы Константин Пиевич (1806-1868) и Евстафий Пиевич (1814—1873) Тышкевичи, которыми раскопана не одна тысяча курганов Белоруссии и главным образом в их родном Лепельском уезде. Е.П. Тышкевич публиковал свои раскопки, был тесно связан с Московским археологическим обществом. Его трудами был создан Виленский музей древностей (фактически, всего Западнорусского края). Скандал, разыгравшийся в музее в 1864 г. из-за вмешательства муравьевско-русификаторских чиновников, стоил Е.П. Тышкевичу больших нервных сил и, вероятно, ускорил его кончину *(Алексеев,* 1996а. С. 81-86).

Младшим сподвижником братьев Тышкевичей был Адам Карлович Киркор (1838-1886), раскопавший в Белоруссии и Виленщине не одну сотню курганов. Упомянем, наконец, мало известную фигуру (он был очень скромен) брата известного декабриста А.С. Корниловича - Михаила Осиповича Без-Корниловича (1796-1862), много занимавшегося в белорусских губерниях тригонометрической съемкой местности и попутно собравшего обильный материал по древностям Белоруссии, что составило довольно большую книгу на эту тему и явилось как бы первым подробным описанием вещей такого рода. Любопытно, что, не побоявшись быть в переписке с "государственным преступником", сидящим в Петропаловской крепости братом, М.С. Без-Корнилович вступил с ним в подробную переписку и пользовался научными советами этого замечательного талантливого человека *(Корнилович,* 1957).

Во второй половине XIX в. в изучении истории края выделилось имя замечательного деятеля-энтузиаста своего дела Алексея Максимовича Сементовского-Курилло (1823-1893). Сементовские-Курилло - старый дворянский род Полтавской губернии, из которых вышло немало исследователей прошлого Украины и Белоруссии. Отец А.М. Сементовского Максим Филиппович (род. 1793) был известным полтавским врачом. Из его сыновей известны Николай - украинский этнограф и писатель, Алексей - белорусский историк, археолог, земский статистик, Константин - публицист, этнограф, фольклорист Украины. Самым талантливым из них был Алексей Максимович (1823-1893), который, окончив Нежинский лицей (1840), отбыв военную службу и поработав в ряде мест, зарекомендовал себя увлеченным работником и, получив приглашение, занял место витебского губернского лесничего и навсегда переехал в Витебск (1860). Став главой Губернского статистического комитета, он смог объезжать всю губернию по своему желанию.

В печати начали появляться описания городов губернского и уездных, собрался огромный материал, который нужно было только успевать обрабатывать. А.М. Сементовский поставил перед Комитетом вопрос о необходимости регистрации древностей губернии и составления их археологической карты. И все это, прибавим, в то время, когда науки археологии еще не было, датировки объектов полностью отсутствовали! Если одна из первых статей А.М. Сементовского "Описание Витебской губернии в лесном отношении" была напечатана в Трудах Вольного экономического общества (т. III, 1862), в дальнейшем большинство статей были посвящены археологии (см.: *Алексеев,* 1967. С. 162). Первая книга А.М. Сементовского о древностях называлась: "Памятники старины Витебской губернии" (1867), последняя - "Белорусские древности" (1890). Многочисленные труды исследователя рассыпаны по разным изданиям и заслуживают отдельного рассмотрения (см.: *Алексеев,* 1996а. С. 95-99).

В те же 1880-1890-е годы в южной части Белоруссии большие археологические ракопки курганов вел профессор Киевской духовной академии В.З. Завитневич, раскопавший около 600 насыпей. Его отчеты, опубликованные в 1880-1890-х годах *(Завитневич,* 1886; 1888; 1890а, б; 1892; 1895), долго служили "основной литературой" о дреговичах *(Успенская,* 1953. С. 99). В.З. Завитневич увлечен был идеей византийского влияния на Русь, о чем прочитал специальный реферат на XII Археологическом съезде *(Завитневич,* 1905. С. 109). Этот серьезный исследователь проводил раскопки по специально составленному им плану, стремился по материалам раскопок выявить границу расселения дреговичей и вел исследования в окрестностях Минска, Заславля, Борисова, Логойска, Бобруй-

ска, Речицы, Турова, Мозыря, Пинска и т.д. Ему первому курганный погребальный обряд служил историческим источником. Классификация и датировки курганных вещей в то время не были разработаны и, естественно, к ним ученый обращался мало.

Девятый археологический съезд, намеченный на август 1893 г., был посвящен древностям именно наших территорий. При подготовке к нему проводились раскопки в Белоруссии, Литве и Смоленщине, составлялись археологические карты (Ф.В. Покровский). Съезд имел огромное значение для исследования истории данных земель *(Алексеев,* 1996а. С. 130-157).

В это время в Западнорусских землях появились крупные историки - Алексей Парфеньевич Сапунов (1853-1924), Е.Р. Романов (1855-1924), М.В. Довнар-Запольский (1867-1934), В.Е. Данилевич (1872-1936). Последние два были участниками семинара В.Б. Антоновича - известного профессора Киевского университета, который давал слушателям региональные темы, в том числе и по Западнорусским землям.

Вышедшая в 1891 г. работа М.В. Довнар-Запольского (1891) ставила задачу "рассмотреть географическое положение Туровского, Смоленского и Полоцкого княжеств в политическом отношении и проследить течение политической жизни названных княжеств, насколько возможно то и другое по нашим летописным данным". Исследование таким образом суживалось в хронологическом отношении для расширения рамок географических. Бесспорной заслугой работы являлся выход исследователя за летописные рамки и привлечение, в известной степени, ряда других важных источников (Устав Ростислава 1136 г., его датировали 1150 г., "Слово о полку Игореве", Хроника Генриха Латвийского, ряд данных исторической географии и др.). Ставились вопросы племенных границ, местонахождения некоторых городов и т.д. (Здесь автор не был пионером, учитывая работы Ходаковского (1837. С. 38 и др.); М.П. Погодина (1848. С. 135). Конечно, работа М.В. Довнар-Запольского была большим шагом вперед.

Интересна, безусловно, книга В.Е. Данилевича (1896), в которой привлекались и данные археологии (например, на основании обряда погребения некоторых курганов делался вывод о дославянском населении этих мест и т.д.). Основные главы посвящались, естественно, политической истории по летописям. Был собран большой материал, но о детальных выводах из него при том состоянии науки нечего было и думать! Надо сказать, что обе книги писались в дошахматовский период изучения летописей, и все эти работы, основанные даже на детальной проработке летописных сведений, нас теперь удовлетворить не могут.

Исследования местных древностей в западной части интересующей нас территории, сколько известно, начались любительскими раскопками времен царствования Екатерины II - в конце XVIII в. В собрание документов Винцентия Меницкого попало письмо последнего польского короля Станислава Августа, датированное 1790 г., к помещику Бжостовскому. Заинтересованный раскопками последнего кургана в имении Мосар (современная Витебская область), коронованный любитель древностей просил дополнительных сведений: не найдено ли при скелете помимо бубенчиков на ремешке каких-либо еще предметов? Принадлежал ли скелет мужчине или женщине ("это может выяснить всякий цирюльник"), находился ли он в гробу и т.д. *(Mienicki,* 1892. S. 285-289). Другие помещики в это время также интересовались археологическими древностями: первая находка в коллекции А.С. Платера относилась к 1800 г. *(Plater,* 1848. S. 19). Раскопки в своем имении Шавры проводил в Виленской губернии Ф.Е. Нарбутт *(Narbutt,* 1856. S. 4). Он был первым, кто понял, что раскапываемые им курганы принадлежат времени "до русинов" (как он думал до славян, т.е. - древних людей), но считал, что определить время захоронения этих людей невозможно. В 1848 г. курганы и городища Ошмянского у. исследовал Р.С. Зенкевич *(Зверуго,* 1989. С. 5-6).

Важную роль в изучении этих мест сыграла Виленская археологическая комиссия *(Алексеев,* 1996а. С. 57-63), руководимая Евстафием Пиевичем Тышкевичем. Много проводил археологических исследований ее активнейший член А.К. Киркор, которым было раскопано, по утверждению Я.Г. Зверуги (1989. С. 6), более тысячи курганов. Ему принадлежит идея определения этнической принадлежности умерших по погребальному обряду. В Понеманье в 70-80-х годах XIX в. вел раскопки Ян Завиш, раскапывавший городище близ Коссово, городище и курганы на о. Свитезь *(Зверуго,* 1989. С. 7). Курганами у Волковыска в те же годы занимался З. Глогер *(Зверуго,* 1989. С. 2).

Изучение древностей в первое послевоенное десятилетие

В годы Первой мировой войны (1914-1918) и в годы войны гражданской (1918-1920) над страной нависла страшная разруха, отразившаяся и на нашей территории, прежде всего потерей западных губерний (Гродненской, Белостоцкой). Белорусские земли оказались в зоне военных действий (в 1918 г. ее заняли кайзеровские войска, в 1919-1920 гг. - легионеры Ю. Пилсудского). Советская власть утвердилась там в 1917 г. (Смоленщина) и в 1920 г. (Белоруссия). Понятно, что археологические работы здесь в это время не велись, однако военные действия, как это часто бывает,

всколыхнули интерес к прошлому страны, к ее древностям. В Слуцке, в Игуменском уезде оживились дореволюционные учреждения: Минское общество древностей российских провело даже раскопки Заславльских курганов, Витебское отделение Московского археологического общества возобновило занятия Археологического института (420 студентов на трех факультетах *(Алексеев,* 1990а. С. 241; 1996а. С. 175)).

На Смоленщине в это время работал основатель Рославльского музея СМ. Соколовский (1860-1927), раскопавший в 1918 г. 43 кургана, в 1919 г.-55, в 1920 г.-4.

Энтузиаст смоленских раскопок, копавшая вяземские курганы еще до революции, Е.Н. Клетнова возобновила разведки в крае (1922) *(Алексеев,* 1991а). Теперь она была профессором Смоленского университета (в свое время она окончила Смоленское отделение Московского археологического института), ее слушали многочисленные студенты (и, между прочим, будущая археологическая звезда первой величины А.Н. Лявданский, скоро начавший свои раскопки, консультируясь, по-видимому, у А.А. Спицына в Петрограде). Его сообщение на Первом съезде исследователей белорусской археологии сделало переворот в науке (1926). Темой реферата была классификация смоленских городищ, вошедшая в современную классификацию городищ железного века Восточной Европы. Работы в Смоленщине ученый производил в 1923 и 1924 гг. *(Алексеев,* 1996а. С. 178-182).

Продолжая исследования, А.Н. Лявданский целиком перешел на исследования в Белоруссии и переехал в Минск (1927). Прежде всего его внимание привлекли, естественно, ближайшие к Минску древности: комплекс памятников около г. Заславля в верховьях р. Свислоч - городище "Замечек", остатки древнего средневекового Заславля, обилие курганов вокруг (1926 г.). Фактически это были первые городские древности, которые в Белоруссии тронула лопата археолога.

Можно с полным основанием считать, что раскопками раннего городища замкового типа "Замечек", исследованиями заславских средневековых укреплений А.Н. Лявданским в 1926 г. началось археологическое изучение западнорусского средневекового города *(Ляуданст,* 1928. С. 3-12).

В дальнейшем А.Н. Лявданский обследовал Оршанское городище, городища Витебска и Полоцка, З.И. Довгялло - Борисова и др. *(Ляудансш,* 1930а, б).

Важнейшим открытием А.Н. Лявданского было обнаружение древнейшего городища Полоцка за рекой Полотой. Составив план Полоцка, он начал осматривать огороды местных хозяев с целью выявления древнейших мест в городе. Здесь ему, надо думать, помог огромный опыт при исследовании керамики смоленских городищ. Оказалось, что на правом берегу Западной Двины в излучине, которую образует устье р. Полоты, есть небольшая треугольная почти возвышенность, напольная сторона которой как бы поднимается, давая понять, что некогда здесь были остатки сильно распаханного вала. "На площадке, - пишет ученый, - нами были сделаны раскопки в 4 местах. Оказалось, что городище имеет в себе две культуры" - древнейшую городищенскую с лепной керамикой IX в. и более позднюю средневековую с гончарной керамикой *(Ляудансш,* 19306. С. 163-165). Любопытно, что на городище сразу была найдена норманнская бляшка. Весной 1928 г. А.Н. Лявданским были обнаружены следы и древнейшего Витебска. «Витебский замок, - писал исследователь, - находится на левом берегу Западной Двины и представляет мощное природное укрепление. Он делится на две части - Верхнюю, или Верхний замок, который находится на самом берегу Двины, на высоком взгорке "Лапиха", при впадении в нее р. Витьбы, и Нижний или Дольный Замок, который помещается как раз за Верхним. В XVI в. было еще третье укрепление на правом берегу Витьбы, которое именовалось Взгорковое» *(Ляуданст,* 1930а. С. 94). Здесь же напечатаны были и выводы ученого: "На месте Верхнего Замка существовало городище, которое возникло здесь не позднее IX в., которое являлось первоначальным укреплением Витебска..." и т.д. Эти важные заключения талантливого исследователя впоследствии полностью подтвердились.

С открытием Смоленского университета (1918 г.), энергическую деятельность по изучению древностей Смоленщины начала профессор этого университета Е.Н.Клетнова (1869 - после 1925). Ее студентом оказался А.Н. Лявданский, и вскоре его археологические знания значительно переросли учителя. Е.Н. Клетнова еще до революции, как мы знаем, вела раскопки в Вяземском уезде и в своем имении Кочетово (этого уезда) создала большой краеведческий музей. Теперь, в 1921 г. она была вынуждена из-за грабежей в деревне переехать в Смоленск и подобно тому, как это сделала в 1911 г. М.К. Тенишева, передать свою коллекцию в собственность города. В Смоленске она вскоре организовала Смоленское археологическое общество (САО) (см.: От археологического общества, 1922), а 1 апреля 1922 г. с ее помощью вышел первый номер краеведческого журнала "Смоленская Новь", посвященного, как там было сказано, "вопросам народного просвещения, школы и культуры местного края" (От редакции, 1922). В номере 4 за этот же год она обещала произвести раскопки в Гнёздове. В 1923 г. ей удалось добиться постановления Губисполкома об охране памятников Смоленской губернии, порча которых каралась штрафом в 300 рублей золотом (Обязательное постановление № 120). Работая в Гнёздо-

ве, Е.Н. Клетнова заложила на городище Новые Батеки "несколько колодцев" и определила его неолитическим (!), что потом критиковалось исследователями нашего времени *(Третьяков, Шмидт,* 1963. С. 141).

В ее раскопках с успехом участвовал и А.Н. Лявданский (выводы которого, хотя бы о данном городище, не могли сойтись с выводами мало квалифицированных раскопок Е.Н. Клетновой). На малую квалифицированность раскопок Е.Н. Клетновой обращал внимание А.А. Спицын, к которому она очень прислушивалась (см.: СОГА. Ф. 113 (Е.Н. Клетновой). Оп. 10. № 303). В 1923 г. ей было отказано в выдаче Открытого листа (вероятно, на раскопки в Гнёздове) и было указано, что Открытый лист выдан ассистенту А.Н. Лявданскому (Архив ЛОИА. Ф. ГАИМК. 1923 г. № 92). Поняв, что любимые работы для нее отныне закрыты, а переучиваться ей было слишком поздно, как она, видимо, считала, Е.Н. Клетнова эмигрировала в Прагу (СОГА. Ф. 113 (Е.Н. Клетновой). № 70). Думаем, что так строго обошелся с ней ГАИМК по настоянию А.А. Спицына, резко указывавшего ей на ошибки при раскопках и при ведении дневников. Весь архив Е.Н. Клетновой вместе с интереснейшими родовыми документами поступил в Смоленский университет, ныне хранится в СОГА (некоторая часть есть в фонде В.А. Городцова в ГИМ).

Широкие работы в 1923-1925 гг. в Смоленщине (как в самих городах, так большей частью вне их) проводил А.Н. Лявданский, открывший в самом Смоленске Лестровское городище *(Лявданский, Дмитриев,* 1923), городище на Рачевке в том же Смоленске, изучал Ковшаровское городище (боярскую усадьбу), стоянку каменного века у пос. Немыкари и др. и, самое существенное, составил Археологическую карту Смоленской губернии *(Лявданский,* 1924). При участии В.Р. Тарасенко он выяснил количество гнёздовских курганных насыпей. Оказалось, что первоначально их было около 5 тыс. *(Лявданский,* 1924. С. 5). При нем сохранилось 3862 насыпи.

Одним из важнейших открытий этого выдающегося самородка-ученого было открытие обширного Гнёздовского селища на территории деревни Гнёздово *(Лявданский,* 1930). Это сразу же перевернуло науку, хотя А.Н. Лявданский о нем написал очень скромно. Стало очевидно, что селище площадью в 16 га и есть та территория, на которой жили те, кто хоронил в этом громадном курганном могильнике, и современный Смоленск не имеет никакого отношения к гнёздовскому городищу и селищу с курганами - это единый комплекс конца IX - начала XI в. Мы увидим, что в Смоленске этого времени нет!

Большим событием в истории Западнорусских земель был Первый съезд белорусской археологии и этнографии (Минск, 17-18 января 1926 г. 36 участников, 21 гость). Уже говорилось о громадном значении доклада А.Н. Лявданского о классфикации городищ.

Активная археологическая работа в Смоленщине продолжалась и во второй половине 1920-х годов, однако раскапывались только курганы и городища.

В 1927 г. Институт белорусской культуры (ИНБЕЛКУЛЬТ) издал первый том своих трудов (Гістарычна-археалагічны зборнік. Менск, 1927). Работы археологического профиля преследовали лишь публикаторские цели. Во второй половине 1920-х годов археологические исследования были сконцентрированы исключительно на поселенческих комплексах, однако городская тематика еще не рассматривалась.

В 1928 г. отдел гуманитарных наук Инбелкульта выпустил пятую книгу трудов, полностью посвященных археологии. Основу их составили две капитальные работы А.Н. Лявланского о городищах Смоленской губернии.

Попытки изучения древностей в 1930-е годы

В 1930-х годах тот ж отдел Инбелкульта выпустил новый том "Трудов", так называемых "Прац" (Прады II), где было много статей А.Н. Лявданского, в том числе впервые о пробных городских раскопках в Полоцке и Витебске, о чем мы уже говорили.

С 1930-х годов Белоруссия - республика в СССР со своей Академией наук, отпускавшей специальные средства на археологические исследования. После перехода в 1928 г. А.Н. Лявданского в Минск работы в Смоленщине вел В.Р. Тарасенко, который выявил в разведках 18 городищ.

Итак, 1920-е годы были эпохой расцвета в изучении древностей на белорусских землях. Широко изучались памятники республики, выходили важные публикации высокого научного уровня *(Хозераў,* 1928; *Бруноў,* 1928; *Шчакацiхiн,* 1928; *Дубiнскi,* 1933). Было налажено издание "Прац" - Трудов Академии наук БССР со статьями многих белорусских археологов и прежде всего А.Н. Лявданского. В городах и местечках стихийно создавались местные краеведческие организации. Систематически издавался замечательный белорусский журнал "Наш край" со многими статьями по археологии и истории края. Свои издания по краеведению открылись и в Смоленщине. К концу 1920-х годов здесь кроме некоторых университетских обществ были: Общество изучения Смоленского края, общество краеведения, пять местных краеведческих обществ и т.д.

В 1929 г. наступил "Год великого перелома". Страна вступала в период широкой индустриализации, перевода деревни на коллективные основы

труда. Занятия местной историей, древностями отвлекали молодежь от поставленных задач. "Прошлое" объявлялось ненужным и вредным, занятие им строго порицалось. А все неудачи были свалены на якобы саботаж интеллигенции, появилось "новое" слово "вредительство", начались аресты интеллигенции (показания выбивались насильно). В журнале "ВАРНИТСО" ("Всесоюзная ассоциация работников науки и техники"), где громились "ученые-вредители", во втором номере за 1930 г. была напечатана лживая статья некоего Э. Кольмана "Вредительство в науке".

После нескольких месяцев борьбы археология в Западнорусских землях прекратилась, как ненужная. Археологи, как и многие другие ученые, попали в тюрьмы. 27 августа 1937 г. был расстрелян гордость науки А.Н. Лявданский по ст. 63-1, 70, 76 УК БССР (сведения мне любезно сообщены белорусским археологом В.С. Вергей, за что я ей крайне признателен).

Изучение древностей в 1950-1980-е годы

Победа 1945 г. принесла Западнорусским землям значительное территориальное приращение: Белоруссия получила все среднее Понеманье и верхнее Побужье - в основном это бывшая Гродненская губерния. Все это предстояло осваивать археологам.

В 1950-1960-х годах Белоруссия залечивала свои раны после войны, и было явно не до науки о прошлом. Важнейшие города - Минск, Полоцк, Витебск и др. - лежали в развалинах. В сильной степени был разрушен Смоленск. Из древних городов более или менее сохранилось Гродно, где в течение 1930-х годов вели раскопки польские археологи.

Вместе с тем в Белоруссии понимали, как важно было исследовать древности хотя бы главного города страны - Минска. Это видно уже из того, что средства на изучение его прошлого были отпущены белорусским правительством в 1945 г., в самый последний год войны! Поручено это было белорусскому археологу В.Р. Тарасенко (1899-1972), зарекомендовавшему себя в 1920-х годах работами в Смоленщине. Работы велись с 1945 по 1951 г. без перерывов. Были открыты напластования Минска с рубежа XI-XII вв. и, главное, остатки каменного храма, по-видимому, того же времени (см. ниже). В 1957-1961 гг. работы были продолжены Э.М. Загорульским. Велись они на должном уровне, но связать упущенное в работах В.Р. Тарасенко с новыми исследованиями ученому не удалось. Экспедиция наладила на месте дендрохронологическое изучение находимого в раскопках дерева и получила ценнейшую дату построения города, судя по его крепостным сооружениям - 1063-1066 гг. Стало ясно, что Минск был отстроен знаменитым полоцким князем Всеславом (1044-1101). По настоянию мало сведущих властей работы в Минске в 1951 г. были прекращены - они якобы мешали строительству *(Тарасенко,* 1957а; *Загорульский,* 1982; *Алексеев,* 1987).

В 1949 г. Н.Н. Ворониным в Гродно были возобновлены и закончены работы поляков на детинце, а также и по исследованию Коложской церкви XII в. Исследователь определил, что это типичный древнерусский город на пограничье Руси - "типичный провинциальный", однако породивший свою оригинальную школу каменного зодчества, "местные вкусы" которого нашли "отклик и подражание в архитектуре других областей Руси", - писал Н.Н. Воронин (19546. С. 202), упуская, что при наличии всего найденного при раскопках на детинце, при наличии в городе двух (теперь, мы знаем, трех) выдающихся архитектурных построек, свидетельствующих об оригинальной школе зодчих, вызвавшей подражания, о "провинциальности" можно говорить очень условно (что было отмечено и в рецензии на эту монографию *(Тарасенко,* 1955. С. 78, 79). Дальнейшие археологические раскопки белорусских исследователей на Замковой горе Гродно лишь подтвердили эту мысль *(Трусаў, Собаль, Здановіч,* 1993 и рецензия на эту книгу - *Заяц,* 1996. С. 97-111).

В 1950-х годах в изучение истории Белоруссии домонгольского времени включился Л.В. Алексеев, начавший с составления ее археологической карты[6] (Витебская область, *Алексеев,* 1959а. С. 273-315) и затем издавший обширную монографию "Полоцкая земля в IX-XIII вв" *(Алексеев,* 1966; 1975). Это была первая сводная работа, осно- ванная на археологических и письменных источниках. Большим недостатком этого исследования было малое количество археологических материалов по древнерусским городам, раскопки которых тогда были еще немногочисленны. Т. Василевский в рецензии на книгу отмечал недостаточность археологических материалов для решения некоторых важных вопросов *(Wasilewski,* 1968. S. 373-378), с чем автор был не совсем согласен *(Алексеев,* 1975. С. 231).

С 1960-х годов Белорусская академия наук начала издавать работы археологов Белоруссии. Удачным было издание двух томов по археологии Белоруссии (Очерки..., 1970; 1972), из которых второй том был посвящен средневековью (Очерки..., 1972), где подводились итоги белорусских исследований. Работы обобщающего характера стали публиковаться в Минске с середины 1970-х годов, начало чему положили исследования П.Ф. Лысенко (1974), Г.В. Штыхова (1975) и Я.Г. Зверуги (1975) о древнерусских городах Турово-Пинских

[6] В свои аспирантские годы (1950-1953) пешком и на лошади автор обследовал все районы тогдашней Витебской области.

земель, Полоцка и Волковыска (см. рец.: *Белецкий, Лесман,* 1979; *Алексеев,* 1980а).

Несмотря на "широковещательные" названия, фактически все три книги являлись публикациями материалов раскопок (что само по себе было очень важно). Следом была издана монография М.А. Ткачова *(Ткачоў,* 1978) об оборонных сооружениях Белоруссии XIII-XIV вв. Автору удалось выделить ранний этап укреплений (с башнями-донжонами XIII - первой половины XIV в.) и более поздний (замки типа Кастель второй половины XIV-XV в.). Новогродненский и гродненский замки позволили исследователю изучить памятники оборонного зодчества Белоруссии второй половины XIV-XVII вв. Исследовав 21 частновладельческий замок, ученый обратился к изучению оборонных укреплений белорусских городов частновладельческих (Несвиж, Слуцк) и "вольных" (Брест, Кобрин). В особый раздел он выделил "инкастелированные" храмы - церкви-крепости и укрепленные костелы, появившиеся, как он полагал, в XV в. (Сынковичи, Маломожейково). Однако сейчас, после раскопок Л.В. Алексеева в Мстиславле, стало очевидно, что деревянные церкви-донжоны были уже известны в середине - второй половине XII в. *(Алексеев,* 19936. С. 217-238). Капитальное исследование М.А. Ткачова открыло путь широким историческим обобщениям, и переоценить их невозможно. Это было первое крупное исследование большой исторической темы *(Ткачоў,* 1977а; *Ткачов,* 1987). Дальнейшие изыскания этого разностороннего ученого и яркого человека, к сожалению для Белоруссии, как и вообще для науки, были прерваны его смертью (1992) *(Алексеев, Колединский, Метелъский,* 1994. С. 250-252).

В том же году вышло еще одно обобщающее исследование, посвященное древнейшей истории домонгольских городов Белоруссии, где Г.В. Штыхов (1978) собрал воедино все сведения о раскопках городов Полоцкой земли (см. рец.: *Белецкий, Лесман,* 1982). Попутно отметим, что в этом же году в Белоруссии была издана важная монография А.Г. Митрофанова по железному веку этой страны *(Митрофанов,* 1978) - плод многолетних полевых изысканий этого серьезного ученого. Книга эта важна и для нас, она освещает предисторию белорусских земель в "аборигенный" период[7].

Монография Э.М. Загорульского "Возникновение Минска" (1982) была следующей крупной вехой в изучении истории Западнорусских земель. Она была подробно нами разобрана в специальной рецензии *(Алексеев,* 1987), и о ней еще мы будем говорить. Здесь же скажем лишь, что в ней собран, детально проработан и глубоко осмыслен материал раскопок в Минске В.Р. Тарасенко и, главное, самого автора, которые ему пришлось проводить в труднейших условиях.

В середине 1980-х годов была опубликована важная для нас книга В.И. Шадыро об аборигенном населении северной Белоруссии, что значительно пополняет сведения А.Г. Митрофанова (охватившего центральную часть этой страны) *(Шадыро,* 1985). Белорусские города продолжают интересовать археологов - Витебск *(Левко,* 1984; 1989), Берестье (Брест-Литовск, ныне Брест) *(Лысенко,* 1985, рец.: *Алексеев,* 1998г. С. 178, 179).

В конце 1970-х - 80-х годах в Белоруссии появляются исследования нового типа, посвященные как узкоспециальным вопросам (например, кузнечному ремеслу и не всей Белоруссии домонгольского времени, а лишь Полоцкой земли - *Турин,* 1987), так и общим *(Загорульский,* 1977), где обобщаются достижения науки в послереволюционное время (Белорусская археология, 1987) и т.д. Итоги работ в Понеманьи были подведены Я.Г. Зверуго (1989).

Плодом длительной работы была библиографическая сводка Т.Н. Коробушкиной (1988), продолжившая замечательный труд С.А. Дубинского *(Дубінскі,* 1933). К сожалению, автор была вынуждена отказаться от детального построения книги своего предшественника (см.: *Алексеева,* 1998г. С. 179-180).

В условиях бурного восстановления послевоенной Белоруссии археологов не могла не заботить охрана памятников - ценнейшего достояния прошлого страны. Были опубликованы сводки памятников Белоруссии, в частности, Полотчины, распределенные не по географическому признаку нахождения объекта, а по постоянно меняющемуся административному делению страны *(Штыхов,* 1971). Забегая вперед, отметим, что в еще большей степени этим грешит монография П.Ф. Лысенко (1991. С. 190, рис. 35), где на карте "Археологические памятники Минской *области"* к дреговичам отнесены все ее северо-западные районы, населенные не дреговичами, а *кривичами* ибо границы расселения тех и других ему не были известны!

Весьма важной работой, базирующейся, естественно, в основном, на археологическом материале, была книга Т.Н. Коробушкиной о земледелии домонгольской Белоруссии, где были изучены сельскохозяйственные культуры, высеваемые тогда, определялась система земледелия, изучались земледельческие орудия земледельцев *(Коробушкина,* 1979). Эта работа, безусловно, важна, так как дополняет материалы по земледелию В.И. Довженка (Украина), А.В. Кирьянова, Ю.А. Краснова, А.В. Чернецова, Н.А. Кирьяновой (Россия), П.В. Дундулене (Литва), А.П. Расиныпа (Латвия).

Итак, мы видим, что после войны археология постепенно достигла уровня 1920-х годов, а к 1960-1980-м годам его переросла. Надо отметить,

[7] Оставляю в стороне работы Л.Д. Поболя по древностям славян *(Поболь,* 1971; 1973; 1974; 1983) - отзывы специалистов о них крайне негативны *(Каспарова, Мачинский, Щукин,* 1976; *Митрофанов,* 1986), возражений же автора на жесткую критику не последовало.

что этому способствовали работы в Белоруссии российских археологов П.Н. Третьякова, Ю.В. Кухаренко (железный век), В.В. Седова (славяне), Н.Н. Воронина (культура средневековья).

Что касается изучения памятников культуры Белоруссии, то, кроме Н.Н. Воронина, особого внимания заслуживают работы М.К. Каргера и ученика Н.Н. Воронина П.А. Раппопорта. О Н.Н. Воронине и его работах в Гродно уже говорилось. По предложению тогдашнего главы белорусских археологов, зав. сектором археологии Института истории БАН К.М. Поликарповича, ученому было предложено обработать и подготовить к изданию рукопись И.М. Хозерова "Архитектура Белоруссии и Смоленщины XI-XIII вв." (только что приобретенную БАН у вдовы исследователя)[8]. Оригинал этой работы погиб при бомбежке Минска в 1941 г. Этот же экземпляр исследования восстанавливался И.М. Хозеровым по памяти и не был закончен из-за внезапной смерти автора (1947). Н.Н. Воронин воспользовался лишь частью работы, относящийся к архитектурным памятникам Бельчицкого монастыря под Полоцком, к которой присоединил и свои наблюдения 1929 г. над данными памятниками *(Воронин,* 1956. С. 3-20). Сейчас эта работа - главнейший источник по выдающимся архитектурным памятникам Бельчиц. В ней Н.Н. Воронину удалось выяснить, что строителями бельчицкого Успенского собора (он называл его "Большим") были зодчие киевской школы, а храм, возведенный ими в Полоцке, был развитием киевского храма Спаса на Берестове *(Воронин,* 1956. С. 17). Остальные же два храма - Параскевы Пятницы и Бориса и Глеба - были построены позднее зодчим Иоанном и являлись прообразом Преображенской церкви Спасского монастыря в Полоцке, возведенного иждивением игуменьи этого монастыря Евфросинии перед 1161 г. *(Воронин,* 1956. С. 4-14).

Нельзя переоценить замечательные исследования древней смоленской архитектуры, которые в 1962-1974 гг. вели Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт. Многочисленные остатки архитектурных памятников были давно известны (в городе сохранилось лишь три целых объекта, остальные лежали в развалинах). Исследованию подверглось 16 руин домонгольских церквей, одна перестроенная и две сохранившихся. В результате, перед учеными выросла картина "большого градостроительного мастерства смоленских зодчих, их умение гармонически связывать свои постройки с окружающей природой: здания украшали ландшафт, а природа украшала здания - они звучали как согласный хорал", - цветисто писал Н.Н. Воронин *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 4). В конце XII - первой трети XIII в. интенсивное церковное строительство позволило создать здесь две самостоятельные архитектурные школы зодчих - артели княжеская и епископская *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 396), которые опирались, как выяснили исследователи, на школу зодчих Полоцка, а потом распространили свои достижения в смоленской архитектуре на ряд других русских земель.

Остатки фресковой росписи на некоторых смоленских храмах и прежде всего храма "На протоке", позволили Н.Н. Воронину детально изучить художественное ремесло живописцев ХП-ХШ вв, расписывавших смоленские храмы *(Воронин,* 1977).

В эти же годы некоторые исследователи изучали памятники позднего средневековья. В капитальной монографии М.А. Ткачова *(Ткачоў,* 1978) впервые были изучены памятники оборонного зодчества Белоруссии XIII-XVII вв. Оказалось, что на раннем этапе, до введения артиллерии (XIII - первая половина XIV в.) укрепления возводились с башнями-донжонами, на позднем - строились замки так называемого типа "кастель" (XIV-XV вв.). Новогрудский и гродненский замки позволили представить характер оборонного строительства в XIV-XVII в. В особый отдел были выделены так называемые церкви-крепости и укрепленные костелы, появившиеся, как он полагал, в XV в. Однако наши раскопки в Мстиславле убедили нас в том, что деревянные церкви-донжоны существовали в Западнорусских землях уже в середине XII в. *(Алексеев,* 19936. С. 217-238).

Изыскания в области белорусской архитектуры продолжил второй ученик П.А. Раппопорта - О.А. Трусов (1988), разработавший методы датировки памятников архитектуры по строительным материалам, и в частности изразцам. Эта работа подводила итоги исследования всего архитектурного наследия Белоруссии.

В заключение этого раздела скажу несколько слов о моих скромных раскопочных трудах в Западнорусских землях. В течение девяти сезонов мною производились работы по изучению культурного слоя полоцкого города Друцка (1956-1967 гг., с перерывами). Работая на памятнике, не застроенном современными зданиями, удалось закладывать раскопы в разных местах и выявить, благодаря этому, социальную топографию памятника и прежде всего детинца: выделить княжескую его часть, где стояли терема, городскую площадь детинца, характер въезда на памятник, также место, где на нем стояла церковь Богородицы 1001 г., район детинца, где жили княжеские ре-

---

[8] После войны И.М. Хозеров переехал на жительство в Минск (1946), возобновил свои исследования домонгольской архитектуры Белоруссии, продолжил работы на полоцком Софийском соборе (XI в.) и приступил к изучению гродненской Коложской церкви (XII в.). После него остались ненапечатанные рукописи (см.: *Воронин,* 1956. С. 3, примеч. 1), фотографии и зарисовки в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска и Минска. Их значение неоценимо, и лишь в недавнее время многое из этого было издано усердием белорусского археолога О.А. Трусова в том виде, в каком они вышли из-под пера автора, в сопровождении его предисловия и комментариев *(Хозеров,* 1994; *Трусаў,* 1995).

месленники и т.д. Подобные наблюдения в раннесредневековом городе Западнорусских земель, сколько известно, проводились впервые *(Алексеев,* 2002а, б).

В течение 15 сезонов мне пришлось вести работы на детинце древнего Смоленского города Мстиславля (1959-1989 гг., с перерывами). Памятник оказался более трудоемким, чем Друцк, так как в нем хорошо сохраняется древнее дерево и слой, таким образом, гораздо мощнее. Изучить топографию детинца подобно тому, как это было сделано в Друцке, не удалось: вся площадь памятника засеяна огородами местных жителей. Зато было найдено интереснейшее сооружение в северной части памятника - деревянный донжон-церковь, возведенный немедленно, как только начали отстраивать город и несколько раз перестроенный за время его существования (с середины XII в. до 1654 г.).

Наши работы проводились в небольшом объеме и еще на двух городских центрах Западной Руси. Это - древний Браславль (Браслав) - город Полоцкой земли на границе с Литвой и древний Ростиславль в Смоленской земле. При исследовании первого оказалось, что древнерусский слой XI в. отложился на уничтоженном пожаром аборигенном слое IX-X вв., что жители русского слоя ютились в небольших усадьбах под валом и центр детинца вообще был лишен культурного слоя (по некоторым данным там, вероятно, стояла церковь). Во втором памятнике были расчищены домонгольские (XII в.) и более поздние слои с остатками деревянных строений. Интереснейшей находкой здесь оказался фрагмент деревянной чаши с цветным изображением дружины, препирающейся с князем. Обо всем этом речь впереди.

Результаты работ автора этих строк были освящены в двух книгах: "Полоцкая земля в IX-XIII вв." (М., 1966) и "Смоленская земля в IX-XIII вв." (М., 1980). Ряд работ его были посвящены истории археологических изысканий в Белоруссии и Смоленщины *(Алексеев,* 1996а) и др., а также изучению некоторых древних художественных изделий Западной Руси, в частности, креста Евфросинии Полоцкой 1161 г. *(Алексеев, Макарова, Кузмич,* 1996; *Алексеев,* 1993а). Все эти изыскания в том или ином дополненном или сокращенном виде вошли в настоящее издание.

Современное состояние изучения западных земель Древней Руси

Наступила эпоха 1990-х годов с ее потрясениями для всей страны. Белоруссия стала отдельным государством, экономические связи с другими частями былого СССР искусственно разорвались, начался спад производства во всех частях ранее единого целого, а с ним и неизбежное обнищание их, а в результате инфляция, что не могло не сказаться на археологических исследованиях, требующих финансирования. Вместе с тем на Украине и в Белоруссии (как и в других частях СССР) вспыхнул национализм, дискутируется вопрос о правомерности термина "Западная Русь" и т.д. *(Кром,* 1995. С 28).

Несмотря на трудные условия, Белорусская академия наук продолжала свои археологические исследования. П.Ф. Лысенко, раньше детально издавший свои раскопки в Бресте, где ему удалось обнаружить деревянные постройки с дверными проемами *(Лысенко,* 1985), теперь опубликовал монографию "Дреговичи" *(Лысенко,* 1991), Г.В. Штыхов - "Кривичи" *(Штыхау,* 1992), разобранные нами в одной из работ *(Алексеев,* 1998г. С. 182-184). К сожалению, в этих монографиях, авторы ставят лишь чисто археологические вопросы (не поставлен даже вопрос о конкретных границах, которые занимают эти племена и т.д.).

Обоими исследователями так и не поставлены вопросы, что же такое "кривичи", "дреговичи", хотя это был предмет давнего спора между крупнейшими нашими учеными - П.Н. Третьяковым и А.В. Арциховским *(Третъяков,* 1937. С. 33-52; *А.В. Арциховский,* 1937. С. 53-62), так и не пришедшими к единой точке зрения. Дискуссия эта не удостоилась внимания ни П.Ф. Лысенко, ни Г.В. Штыхова (подробнее см.: *Алексеев,* 1998г. С. 183).

В Белоруссии в 1990-х годах было воскрешено ценное довоенное издание "Псторычна-археалагічны сборнік" (с 1993 по 2001 г. вышло 16 выпусков, см.: *Алексеев,* 1998г. С. 185 и ел.). В этих изданиях много важного и для нас; работы по средневековой археологии там можно встретить постоянно. К сожалению, общий недостаток белорусских исследований там присутствует почти полностью: интересы белорусских археологов, занимающихся средневековыми памятниками Белоруссии, не выходят за пределы своей республики, хотя в изучаемое время (в раннем средневековье) Белоруссии еще не было (термин "белорус" появился, как известно, в XIV в.), была единая страна - Русь, которая жила единой исторической жизнью, как на западе, так и на востоке. Лишь работы А.А. Метельского заходят иногда в Смоленщину (чего все белорусские археологи избегают).

Надо сказать, что белорусские археологи обратились ныне и к западным окраинам территории страны: к Понеманью *(Зверуго,* 1989), к Браславскому поозерью *(Дучыц,* 1991), к Побужью *(Коробушкина,* 1993). Наиболее широко развернута тема книги Я.Г. Зверуго. Здесь и балтекие древности, и славянские памятники, и хозяйство и быт, также рассматриваются вопросы культуры и верований изучаемой территории. Интерес-

на работа Л.В. Дучиц о северо-западном крае домонгольской Белоруссии, где исследовательница открыла и детально осмыслила замечательный торговый центр - городище Масковичи с обилием привозных вещей, в частности, скандинавских.

Три книги белорусских ученых - Ю.А. Заяца (1995), СВ. Тарасова (1998) и особенно А.А. Мельского *(Мяцельскі,* 2003), отчетливо показывают, как далеко шагнула белорусская археология последнего времени. Эти работы посвящены отдельным городам республики Беларусь домонгольского времени, детально рассматривают все связанные с ними вопросы и позволяют надеяться, что белорусская средневековая археология подходит к своему расцвету.

Очерк первый

Аборигены, приход славянских племен

Аборигенное население Западнорусских земель

В середине I тыс. н.э. благоприятные условия для жизни человека в Европе сменились сильным похолоданием, сопровождавшимся увеличением выпадения осадков и даже трансгрессией Балтийского моря *(Седов,* 1995. С. 209 и ел.). Связанное с этим повышение уровня речных систем, разрастание болот было препятствием для земледельческой деятельности населения и вызвало массу переселенцев, двинувшихся в более высокие места. Славяне со средней Вислы (ареал так называемой пшеворской культуры) двинулись на более высокие места Средне-Неманской гряды, а затем далее, вплоть до Валдайской возвышенности. Иные природные условия вели здесь к формированию новых культур, создавался особый (курганный) погребальный обряд - изменились, следовательно, верования и т.д. Разными путями и в разное время славяне пришли в Восточную Европу из перенаселенной Западной Европы, где климат, растительность и животный мир были иными, иными были и навыки жителей. Для освоения новых условий славянам был необходим контакт с жителями новых мест. И такой контакт, безусловно, существовал, о чем свидетельствуют прежде всего сохранившиеся до настоящего времени балтские корни названий мелких рек, освоенной территории.

Итак, двигаясь на восток, славяне попадали не в пустые земли, но в земли заселенные (может быть, не очень густо) аборигенами. Какие же археологические культуры застали славяне в Западнорусских землях и как развивались эти культуры с древнейших времен? Что дали они славянам?

С конца III - начала II тыс. до н.э. Западнорусские земли были населены племенами культуры, представляющей вариант так называемой культуры ямочно-зубчатой керамики, которую "нельзя не сопоставить ... с позднейшим распределением финских языков" *(Брюсов,* 1952. С. 254). В начале второго тысячелетия до н.э. на земли современного белорусского Поднепровья "проникла волна племен культуры шнуровой керамики ... знаменующая начало бронзового века" *(Калечиц,* 1987. С. 134). Во второй половине II тыс. до н.э. здесь выделилась так называемая сосницкая культура эпохи бронзы, которую в первые столетия I тыс. до н.э., в скифское время, сменила так называемая милоградская культура эпохи железа.

В эпоху мезолита в современной Литве сложилась культура, именуемая неманской *(Черняўскі,* 1974), которую в свою очередь "нельзя не сопоставить" с позднейшим распространением восточнобалтийских языков. Со временем она продвинулась и в среднее Подвинье *(Чернявский,* 1987. С. 44). Эпоха бронзы на интересующей нас территории мало изучена (см.: *Артеменко,* 1967).

Мы плохо представляем, когда в Западнорусских землях было освоено производство железа. По-видимому, это произошло в VII-VI вв. до н.э. у так называемых племен милоградской культуры (Южная Белоруссия). В одном из ранних могильников, относящихся к милоградской культуре, у д. Дубой Столинского р-на на левом берегу р. Горыни Ю.В. Кухаренко были обнаружены пять наконечников копий галыптатского типа, датируемых VII-VI вв. до н.э. *(Мельниковская,* 1967. С. 72).

Кратко рассмотрим жизнь аборигенных племен в Западнорусских землях в железном веке. Основное население в это время составляли пять групп племен, оставивших свою оригинальную культуру. Это археологические культуры - милоградская, смененная затем зарубинецкой (современная Южная Белоруссия), юхновская (бассейны средней Десны, верхней Оки и Сейма), культура городищ

штрихованной керамики (современная Центральная Белоруссия), культура типа нижнего слоя городища Тушемля, где найдены "гальштатско-латенские бронзовые браслеты V—III вв. до н.э. *(Третьяков,* 1963. С. 12). Подобные вещи происходят, как мы видели, из городищ и погребений милоградской культуры, есть они и в юхновской культуре *(Третъяков, Шмидт,* 1963. С. 12; *Воеводский,* 1949. С. 67). На севере современной Белоруссии и в северной Смоленщине жили племена днепро-двинской культуры, близкие к культуре нижнего слоя Тушемли. Северо-восток Смоленщины частично занимали племена текстильной керамики, основная масса которых жила севернее, вне пределов нашей территории *(Шмидт,* 1976. С. 31). Эти племена принято связывать с древними финнами.

МИЛОГРАДСКАЯ КУЛЬТУРА (VI-V вв. до н.э. -1—II вв. н.э.) была распространена в современной южной Белоруссии и центральной Киевщине (с Черниговщиной). Ее границы на севере совпадали с южной границей культуры городищ штрихованной керамики (Слуцк, Клецк - Рогачов). На востоке она доходила до Новозыбкова, где граничила с юхновской культурой. Западной границей ее было Волынское Полесье, а южная, захватывала, как мы сказали, Киевщину и Черниговщину (в Киеве эту культуру именуют подгорцевской - *Мелъниковская,* 1967. С. 17, 18). Поселения Милоградской культуры располагались на городищах или на возвышенностях среди болот, а также и на небольших селищах у городищ. Городища устраивались группами, что, видимо, соответствовало отдельным семьям, объединенным в род *(Мелъниковская,* 1967. С. 25, 33). Постройки были либо в центре городища, либо у вала. Известны жилища трех родов: землянки, наземные, но углубленные в землю, наземные (самые поздние). Признаком их является очаг. В плане они близки к квадрату или к прямоугольнику, встречен и длинный дом с небольшим углублением *(Мелъниковская,* 1967. С. 34-35, рис. 11). Стены представляли собой плетень, следов обмазки не встречено, видны лишь ямы от столбов как с внутренней стороны, так и с наружной. Именно они-то, как думает автор раскопок, и забирались "частым плетнем" *(Мелъниковская,* 1967'. С. 37). Для крыши милоградских домов характерны центральные столбы. При больших размерах жилища столбов было два. Полы, по свидетельству автора раскопок, земляные, "утоптанные", иногда представляют "твердые обожженные (что обожжено? - *Л.А.)* участки с углистыми включениями. Чаще же расположение жилищ на песчаных грунтах обусловливает плохую сохранность полов" *(Мелъниковская,* 1967. С. 38). В ранних слоях поселений встречаются черепки эпохи бронзы (сосницкая культура и др.). Для милоградских поселений, как известно, типичны круглодонные сосуды характерного типа. Из предметов вооружения встречаются скифские (пирамидальные) наконечники стрел и железные наконечники местных типов - эта особенность характерна для всей милоградской и подгорцевской (южная ее часть) культуры. О копьях раннего времени уже говорилось, к этому прибавим единственную находку раннелатенского дротика IV—III вв. до н.э. *(Мелъниковская,* 1967. С. 71, рис. 29, 33). Укрепления в эпоху милоградской культуры были весьма примитивны, особенно на ранних этапах, - городище ограждалось, по-видимому, деревянными стенами, следов которых не сохранилось. На более позднем этапе появляются небольшие валы, вероятно, также укрепленные стенами. Некоторые городища имеют несколько площадок, отделенных одна от другой "дополнительными валами и изгородями" *(Мелъниковская,* 1967. С. 27).

Памятники изобилуют находками, что позволяет представить как хозяйственную жизнь, так и бытовую. Много орудий труда - топоров, серпов, зернотерок, костяных игл, проколок и т.д. "Чрезвычайно широко и многообразно представлены на милоградских памятниках всевозможные украшения и вещи, связанные с одеждой", - пишет О.Н. Мельниковская (1967. С. 75). В 1954 г. на городище Горошков Гомельской области был найден клад великолепных латенских вещей из серебра и 16 бусин, по которым можно датировать клад. Большой интерес представляют многочисленные бронзовые латенские фибулы - раннелатенского (IV—III вв. до н.э.), среднелатенского (II—I вв. до н.э.) и позднелатенского времени (I-II вв. н.э.) *(Мелъниковская,* 1967'. С. 86).

Земледелие было ведущей отраслью у милоградцев, причем земледелие, как полагает исследователь, в пашенной форме, которой владели их южные соседи. Вероятность подсеки, как она думает, снижается наличием большой плотности населения на многих участках поречья Днепра и Сожа *(Мелъниковская,* 1967. С. 131). Возможно, это подтверждается и преобладанием в их стаде крупного рогатого скота, в отличие от северных соседей, где, как мы увидим, преобладала свинья.

Охота была, естественно, широко распространена. Судя по костному материалу на всех городищах, более всего охотились на лося, кабана и бобра *(Мелъниковская,* 1967. С. 137). Рыболовство мало занимало милоградские племена - кости рыб встречаются чрезвычайно редко, что также отличает их от соседних племен.

Домашнее производство представлено, прежде всего, железоделательным на базе железных руд, которыми так богато болотистое Полесье. Цветные металлы, как думает О.Н. Мельниковская, попадали к милоградцам через "юго-западные районы" (1967. С. 143). Об этом домашнем производстве свидетельствуют тигли, льячки, литейные формы. Металлических изделий и, в частности,

украшений на памятниках этой культуры встречается много. Анализы 23 образцов позволили проф. Л.И. Каштанову сделать вывод о связях милоградцев (можно думать, опосредованно) с кельтским, а также и более поздним славянским миром *(Мельниковская,* 1967. С. 143).

Могильники данной культуры представляют грунтовые захоронения трупосожжений за валами городищ (Чаплин, Асаревичи), а иногда - в пределах укреплений (Горошков, Мохов). По мнению автора раскопок, это - типичные "поля погребений с сожжениями. Прах по сожжении где-то поблизости всыпался в небольшие ямки, внутри которых обнаруживаются следы обгоревших человеческих косточек, черепки (в одном случае целый разбитый сосуд), основание столбика, обозначающего на поверхности захоронение.

КУЛЬТУРА ГОРОДИЩ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ (VII в. до н.э. - V в. н.э) занимала центральную часть Белоруссии. Ее северная граница - Поставы, Дуниловичи, Докшицы, севернее Лепеля, р. Усяж-Бук, Орша; восточная - Днепр, южная - Барановичи, южнее Клецка и Слуцка - Рогачов. Западная граница захватывала восточные части Литвы. Племена этой культуры жили в густых лесах, первоначально без укреплений (селища Гатовичи, Занарочь) и лишь позднее на городищах. Как и милоградцы, они пользовались столбовыми жилищами с очагами в виде полукруга из камней. Посуда не круглодонная, как там, а с плоскими днищами. На древнейшем этапе (I тыс. до н.э. - начало н.э.) она .двух типов: покрытая штриховкой (откуда и название культуры, форма неизвестна) и гладкостенная двух типов - горшковидные и баночные.

С железом это население познакомилось, как считает А.Г. Митрофанов, лет на сто позднее милоградцев (связь с которыми была, так как на южных памятниках в ранних слоях встречаются круглодонные черепки милоградского типа - VI-IV вв. до н.э.). Большинство городищ, на которых встречаются железные шлаки (Кимия и др.) - более поздние, обладают мощной системой укреплений: вал по краю площадки, дополнительные валы часто устраивались на пологих склонах. На всех валах, естественно, возводились стены.

Могильники городищ штрихованной керамики неизвестны.

Население этой культуры более всего занималось земледелием (подсечным, требующим труда большого коллектива). Наряду с этим было и скотоводство. Судя по костным остаткам, более всего разводили (как и все прибалтийские племена) свиней, шла в пищу и лошадь (24% всех костей домашних животных - *Митрофанов,* 1978. С. 45[1]), мелкого рогатого скота было, по-видимому, мало, разводили кур. Охота "на крупных животных в целях получения мяса играла большую роль, чем охота на пушного зверя. В целом охота как отрасль хозяйства имела большое значение" *(Митрофанов,* 1978. С. 46). Первое место и по количеству костей, и по количеству особей принадлежит крупным диким животным - оленю, лосю, медведю. Охотились также на птиц (тетерев, глухарь и т.д.). К рыболовству обращались редко, впрочем, на Августовском городище под Лепелем обнаружены кости крупных рыб, но это, видимо, исключение *(Митрофанов,* 1978. С. 46-47).

Среди домашних производств (их неверно называют ремеслом) более всего занимались железоделательным производством из болотных руд, что доказывают находки шлаков и главным образом, по-видимому, криц (домницы были вне городищ, как, например, на городище Тербахунь *(Алексеев,* 1959а. С. 282, рис. 3), все шлаки, найденные на поселениях, были скорее крицами с большим содержанием шлаков. Вполне справедливо писал А.Н. Лявданский: почти на всех ранних (ранее - IX в.) поселениях каждая из родовых семей занималась выплавкой для себя железа из местной болотной руды и вырабатывала разные орудия труда *(Ляўданскі, Палікарповіч,* 1936).

Не совсем понятно, откуда поступало сырье для изделий из бронзы - этому исследователи не уделяют внимания[2], но обилие толстостенных сосудов-тиглей, просто тиглей, ухватиков к ним, а также глиняных формочек для отливки изделий - все это показывает, как считает А.Г. Митрофанов, что племенам культуры штрихованной керамики было известно бронзолитейное дело. Отливались только украшения: кольца, браслеты, спиральки, подвески, бляшки *(Митрофанов,* 1978. С. 29, 30). Вполне вероятно, что производство это всецело принадлежало женщинам. Отметим, что бронзовых изделий в культуре штрихованной керамики гораздо меньше, чем в милоградской (где они изобилуют). Это были племена больших густых лесов, и связи с внешним миром у них если и были, то очень ограничены (опять же по сравнению с милоградцами).

"Штриховики" занимались обработкой кости, дерева, прядением, ткачеством и т.д. *(Митрофанов,* 1978. С. 50, 52).

ПЛЕМЕНА ДНЕПРО-ДВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (VIII-V вв. до н.э. - II—IV вв. н.э.) жили в северной части Белоруссии и в Смоленщине. На севере они занимали незначительную часть южных районов Псковской области, где иногда наблюдается инфильтрация на их территорию финских племен текстильной керамики (в Езерищанском р-не - Загорцы, Бураково, Мямли). На востоке городища этой культуры доходят до верховьев Десны и

[1] На следующей странице ошибочно утверждается обратное соотношение, и свинье отведено последнее место *(Митрофанов,* 1978. С. 46).

[2] Это можно выяснить по составу примесей в металле.

Угры. На юге она граничит с городищами штрихованной керамики по линии, нам уже известной, - Поставы - Дуниловичи - Докшицы - южнее Лепеля - р. Усяж-Бук - Оршица. Западная граница определена В.И. Шадыро: Дуниловичи - Воропаево - Браслав - Краславка *(Шадыро,* 1985. С. 108).

Культура этих племен, по свидетельству названного исследователя, пережила три периода: для раннего (VIII-V вв.) характерны слабые укрепления городищ (иногда они отсутствуют), вещей из железа. Керамика - гладкостенные сосуды баночных форм с грубобугристой поверхностью, орнаментация - вдавления, сквозные отверстия в верхней части. В среднем периоде (IV-I вв. до н.э.) - более совершенные укрепления городищ (по периметру площадки - вал и ров), дома удлиненных форм, многокамерные. Железные вещи встречаются (и главным образом в восточной части региона), посуда - та же, но сильно заглажена. В третьем периоде (I-V вв. н.э.) система укрепления городищ еще более совершенна: по всему периметру площадки, на склонах - кольцеобразные валы. Наземные постройки выделяются четырехугольной формой, но очаги те же - с каменной обкладкой. Железо распространено широко.

Для всех трех периодов характерны наземные дома столбовой конструкции. На ранних этапах прослежены ямы, которые могли быть землянками, но уверенности в этом пока нет *(Шадыро,* 1985. С. 24). Подобные ямы известны в верхнем Подвинье *(Станкевич,* 19606. С. 34), в Латвии *(Ванкина,* 1952. С. 73).

Что касается хозяйственной деятельности, то, в отличие от предыдущих двух племен, "на протяжении длительного времени вплоть до конца I тыс. до н.э. основную роль в жизни племен играли скотоводство и охота. Это и отличает данную территорию от однокультурной области Верхнего Поднепровья, где земледелие стало ведущей отраслью хозяйства уже с VI-V вв. до н.э." *(Шадыро,* 1985. С. 90, 91, со ссылкой на: *Шмидт,* 1961. С. 361). "В этом отношении, - продолжает исследователь, - изучаемая территория находилась приблизительно на одинаковом уровне развития с сопредельными лесной зоны ... В отличие от городищ Смоленщины, Волго-Окского бассейна, где в стаде преобладал мелкий рогатый скот и значительный перевес имела свинья, на севере Белоруссии преобладал крупный рогатый скот" *(Шадыро,* 1985. С. 91).

Что касается земледелия, то его удельный вес пока не вполне ясен. Вслед за Я.Я. Граудонисом (1967. С. 122), Ю.А. Краснов (1971. С. 86, 87) считает, что в зоне балтских племен в I тыс. н.э. уже было пашенное земледелие. Отмечая это, В.И. Шадыро (1985. С. 95) все же не решается делать какие-либо заключения на эту тему. И, пожалуй, прав.

Охота и рыболовство в этом озерном и лесном крае, несомненно, имели большое, но все-таки подсобное значение. В.В. Щеглова (1969. С. 407-409) свидетельствует, исходя из костных остатков, что пушные звери в эти времена составляли в охоте 40%, мясные - 60%. Правда, как указывает В.И. Шадыро, цифры эти приблизительны, так как многих пушных животных (рысь и т.д.), несомненно, свежевали в лесах. Из диких животных чаще всего в этих городищах встречаются кости кабана, лося, зубра, лисицы (ее, видимо, не свежевали в лесу, а употребляли для пищи собак и кошек). Чаще всего попадаются кости бобра, охота на которого достаточно легка, мясо годится в пищу, а шкурка шла на обмен (В.И. Шадыро). Озерный край, где жили "днепро-двинцы", конечно, изобиловал рыбой (что и было причиной большой заселенности его издревле), однако костных остатков рыбы на поселениях немного. Возможно, прав тот же ученый, предполагая, что этот вид костных остатков плохо сохранялся. Однако на каждом памятнике они встречались.

Автору этих строк лишь однажды пришлось копать городище днепро-двинской культуры. Это была Девичья Гора в Мстиславле, с которой надлежало ознакомиться, приступая к исследованию древностей этого средневекового города. Небольшое городище расположено на правом береговом склоне р. Вехры, на высоком мысе. Оно элипсовидной формы, вытянуто с юго-востока на северо-запад, сильно понижается к реке. Небольшая площадка (без валов 103 х 48 м) окаймлена валом, значительно сократившим ее размеры. Вал насыпан из культурного слоя, и его высота достигает теперь около 2-2,5 м. На памятнике вскрыто было в 1960 г. 192 кв. м (раскопы I—III - на площадке, раскоп IV - на валу). Работами руководила тогда сотрудник ГИМ Надежда Александровна Соболева (ныне крупный специалист по геральдике). Культурный слой мощностью 0,4-0,6 м интенсивно черного цвета. На площадке сохранилась только его нижняя часть, ибо верхняя еще в древности была срыта для подсыпки вала. Выяснилось, что древнейшая часть слоя сохранилась лишь под самым валом, и первоначально памятник, следовательно, не был укреплен. Остатков построек выявлено не было.

Первоначальный вал был ниже современного на 0,8 м (в центре), и его высота равнялась 1,25 м. Верхняя его часть насыпана из предматерикового слоя. Вал укреплялся еще и деревянным тыном (сохранились остатки бревен). В непосредственной близости от тына наклонная поверхность вала была укреплена с внутренней стороны слоем жердей и бревен. Обугленность жердей и бревен указывает на гибель укреплений в результате пожара. После этого несчастья вал был подсыпан заново из культурного слоя.

Находки, описанные нами в предварительной публикации *(Алексеев,* 1963. С. 76 и ел.), свидетельствуют, что городище Девичья Гора в Мсти-

славле - типичный памятник днепро-двинской культуры, жизнь на котором началась еще в середине I тыс. до н.э.: под валом в небольшом культурном слое неукрепленного валами поселения оказалась керамика, типичная для раннего периода днепро-двинской культуры, о котором мы говорили. Это светло-желтые, слабо профилированные сосуды больших размеров (диаметр устья некоторых около 30 см), но сравнительно тонкостенных (5-6 мм), очень прочных, с примесью крупной дресвы, дающей грубую бугристую поверхность. Полтора десятка черепков, собранных нами в траншее разреза вала, орнамента не имели. Сопоставление этой керамики с керамикой нижнего слоя городища Тушемля *(Третъяков,* 1958. С. 176, рис. 6, 6) показывает, что оба эти типа очень близки, следовательно, почти одновременны, а нижний слой Девичьей Горы может быть датирован второй половиной I тыс. до н.э.

Верхний слой городища Девичья Гора вскрыт нами под валом и на валу (во вторичном залегании) и, главным образом, на площадке. Среди датирующих находок первое место принадлежит среднелатенской фибуле, близкой к фибуле с городища Городок западной Смоленщины, опубликованной П.Н. Третьяковым (1966. С. 233, рис. 67), и отличающейся лишь более плоской спинкой. Дата фибулы, по П.Н. Третьякову, I в. до н.э. - I в. н.э. Более узко - I в. н.э., датировал нашу фибулу Ю.В. Кухаренко и указал, что она является подражанием второй группе зарубежных фибул, по классификации А.К. Амброза, правда, перевязи у нее на спинке нет. Действительно, фибулы зарубинецкой культуры похожи на нашу, но точно таких там нет *(Амброз,* 1959. С. 185). Отмечая нашу находку, П.Н. Третьяков свидетельствует, что и керамика, найденная на нашем городище, тоже напоминает зарубинецкую *(Третъяков,* 1966. С. 232). Не противоречат дате слоя по фибуле и керамике находки грузиков дьякова типа.

Все сказанное позволяет думать, что перед нами типичный двухслойный памятник днепро-двинской культуры или близкий к ней, просуществовавший все три периода этой культуры с середины I тыс. до н.э. до I—II вв. н.э. Соблюдая осторожность, можно датировать памятник второй половиной I тыс. до н.э. - I в. н.э. (как это было нами сделано в предварительной публикации - *Алексеев,* 1963. С. 79).

Приход славянских племен (общие сведения)

Миграция славянских племен в Западнорусские земли, как известно, относится к концу I тыс. н.э. Нас интересует взаимоотношение аборигенов со славянами. "Аборигенное балтское население, - пишет В.В. Седов, - при миграции славян в основной массе не покидало мест своего обитания. Большой разницы в уровнях развития экономики между балтами и славянами не было. Взаимоотношения между ними носили преимущественно мирный характер. И те и другие были земледельцами, а участков пахотных земель было предостаточно[3]. В результате на будущей этнографической территории белорусов складывается балто-славянский симбиоз. Этому способствовало и то, что славяне и балты на бытовом уровне могли объясняться между собой" *(Седов,* 2001. С. 47). Автор, несомненно, имеет в виду, что, по свидетельству лингвистики, выделение славянских и литовских языков из индоевропейских произошло в позднейшее время.

Ныне установлено, что славянские племена проникали в Белоруссию и Смоленщину двумя противоположными путями. Летописные дреговичи (как считают исследователи, - новообразование, сформировавшееся "на основе одного из крупнейших праславянских образований начала средневековья"; *Седов,* 1995. С. 360), двигаясь с юга, к X-XII вв. достигли левых притоков Припяти, нижней Березины и верхнего Немана. Выйдя на верхнюю Свислочь, они пришли в соприкосновение с кривичами, двигавшимися с севера, и распространились здесь, судя по исключительному изобилию курганов X-XI вв., густой компактной массой.

В это время двигавшиеся со стороны р. Великой и Псковского озера так называемые "смоленско-полоцкие кривичи" освоили все земли белорусского севера и северо-западной Смоленщины, и придя в соприкосновение с дреговичами, остановились и осели большой массой вдоль образовавшейся "границы". Как шло проникновение славян в чуждую среду аборигенов? П.Н. Третьяков, кажется, был первым, поставившим этот вопрос: "Условия расселения славянских группировок в первой половине I тыс. н.э., - писал ученый, - по-видимому, серьезно не отразились на их семейных и общественных порядках. Судя по всему, это было постепенное продвижение *отдельных общин,* а не *массовое расселение"* (курсив мой. - *Л.А.) (Третьяков,* 1974. С. 83). Говоря о поселениях славянской культуры типа корчак (VII-IX вв.), он отмечал, что они "сохраняют и некоторые архаические черты, в частности, расположение *группами".* И действительно, исследованная И.П. Русановой группа на р. Гнило-

[3] Это не совсем точно: свободные земли в то время были заняты либо лесами (в основном), либо болотами.

пяти окружала могильник с трупосожжениями и языческое святилище *(Третьяков,* 1974. С. 82). Сходные мысли находим и у Б.А. Рыбакова (1958. С. 850-851): "наблюдая наиболее изученный район Днепровского левобережья, мы видим там группировку городищ VIII-X вв. в определенные *гнезда* по 5-8 поселков. ... Центром почти каждого гнезда является город, известный нам по летописным упоминаниям в X-XI вв.: Путивль - 9 городищ, Рыльск - 5, Курск - 4 ... Внутри поселки отстоят друг от друга на 3-6 км, а одна группа от другой отделена незаселенной полосой в 20-30 км. Все без исключения гнезда расположены в лесных островках..." Нам остается предположить, что и на интересующих нас территориях, вероятно, возможно проследить более мелкие скопления поселений "гнездами".

В самом деле, составленная мною подробная археологическая карта длинных и круглых курганов *(Алексеев,* 1959а. Рис. 1; 1966. Рис. 5; 1975. С. 208, 211), показала, что в IX в. кривичи расселились в приозерном крае 4-го Вюрмского оледенения, вышли к Лукомльскому озеру и на ту же Западную Двину в районе Витебска. На всех этих землях древнейшие курганы содержат кремированные захоронения в лепных урнах IX-X вв. К северу от Заславля у современной деревни Соломеречье к ним подошли, двигаясь с юга, дреговичи. Оставались еще незанятые славянами земли юго-восточнее, на верхней Друти, где древнейшие курганные захоронения, как выясняется, датируются концом X - началом XI в. (кремация, если она есть, то только в гончарных урнах этого времени гнёздовского типа - Синчуки, Арава, по-видимому, Загородье) *(Алексеев,* 1966а. Рис. 6; *Алексеев, Сергеева,* 1973. Рис. 11 и 12). Как и у дреговичей, здесь были сплошь круглые курганы, массовый обряд захоронения в длинных курганах был оставлен еще тогда, когда кривичи были на Западной Двине.

Как мне уже приходилось писать *(Алексеев,* 1978. С. 24-25), в Западнорусских землях славяне селились не хаотически, а группами, которые разделялись массивами лесов. Наименее заселенными были водоразделы Двины и Днепра, где кривичские поселения, судя по тем же курганам, единичны. В будущей Полоцкой земле крупнейших скоплений сел насчитывается девять, причем восемь из них - кривичские (Полоцко-Ушачское, Гайно-Березинское, Лукомльское, Друцкое, Оршанское, Усвятское, Изяславльское (Заславльское) и Витебское) и два дреговичских - Минское и Свислочское. Примечательно, что семь кривичских скоплений более или менее равновелики, в то время как восьмое (Полоцко-Ушачское) по площади и по количеству памятников превышает их почти втрое. Не исключено, что это соответствует десятичному членению населения древнерусских племен *(Рыбаков,* 1982. С. 259).

Если это справедливо, то можно думать, что каждое из этих скоплений соответствовало "тысяче", а мелкие скопления поселений, также окруженные небольшими лесами, соответствуют "сотне" поселений, т.е. одному племени.

В Смоленщине обстояло несколько иначе. Судя по курганам, более всего были заселены земли в северо-западной части (долины рек Западной Двины и Торопы), а также юго-западная часть этой территории. В первом случае это были районы, где ранее (VII-IX вв.) были распространены длинные курганы *(Седов,* 1970; 1975. С. 241 и ел.). Вторым районом было междуречье Сожа, Днепра и Каспли. Третьим - южная часть Смоленщины, населенная радимичами. По внешней форме курганы здесь не датируются (длинные насыпи - более "ранние", круглые - "поздние"), но курганов в этих местах раскопано достаточно много, и общую картину заселения края славянами можно представить. Если насыпи у д. Демьянки и Ипуть спорны и, вероятно, не имеют отношения к предшествующей эпохе Банцеровщины - Тушемли - Колочина (VI-VIII вв.), как в противоположность автору раскопок полагает В.В. Седов *(Соловьева,* 1967; *Седов,* 1970. С. 135), то немногочисленные курганы с трупосожжением IX-X вв. показывают, что радимичи в это время были разбросаны по южной Смоленщине небольшими поселениями в несколько домов каждое *(Соловьева,* 1962). Приходится делать вывод, что основная масса радимичей появилась в этих местах позднее, и обилие оставленных ими курганов падает на XI-XII вв. Но процесс этот был внутренний - польских материалов их курганы не содержат, в противоположность утверждению летописи *(Рыбаков,* 1932. С. 134; *Соловьева,* 1968. С. 356; *Седов,* 1970. С. 141). Земли, интенсивно заселенные радимичами - на верхнем Остре, при ее впадении в р. Сож, в районе нижнего течения Стомети и на верхней Беседи при впадении Ресты в Проню и в междуречьи Ресты и Ухлясти.

Мало заселенными в древности были территории бывших Гжатского и Сычовского уездов Смоленской губернии (недаром в "послениконовскую" эпоху они были наводнены старообрядцами, бежавшими в глухие леса!). В XVI-XVII вв., проезжая в Москву, иностранцы фиксировали здесь громадные незаселенные массивы лесов, и некоторые из них отмечали, что многие места, еще недавно занятые лесом, "теперь расчищены трудолюбием жителей" (Павел Новокамский). С. Герберштейн (1908. С. 113) в XVI в. видел остатки таких лесов, которые можно было отличить по пням. Население с трудом осваивало этот массив, теснясь у берегов рек, у сухопутных дорог.

Как в древности была заселена южная часть Смоленщины, восстановить труднее: леса там теперь встречаются небольшими островками. Однако, судя по более поздним сведениям, густые неза-

селенные места были и там. Так, мы упоминали, что комтур Рагнети, следовавший в 1406 г. через Белоруссию в Брянск для помощи Витовту, от самого Днепра ехал лесами и за 17 (!) дней пути лишь трижды смог заночевать под крышей *(Prochaska,* 1882. S. 131). Лесов этих нет и в помине. Некоторая разреженность домонгольских сел в районе севернее Мстиславля, а также севернее истоков рек Стомети и Остра и малонаселенные места к востоку от Ельны, по-видимому, объясняются наличием вырубленных в этих местах в позднейшие времена древних лесов.

Итак, как уже говорилось выше, славяне оседали в Западнорусских землях компактными массами, разделенными безлюдными лесными массивами. Так расселились славяне в северной Белоруссии, с вариантами в Смоленщине, ту же картину мы видим и у дреговичей в южной Белоруссии *(Лысенко,* 1991. С. 190, рис. 35; 224, рис. 36). Как правило, исследователи не придавали значения изучению расселения славян компактными группами хотя бы по расположению курганов. Однако нам ясно, что подобный характер заселения славянами новых земель не случаен. Мы уже упоминали о членении восточнославянских племен на части по десятичной системе Б.А. Рыбакова: "сто" - группа небольших земледельческих поселков, "тысяча" - небольшая область, древнее племя, "тьма" - 10 000, в древности - "союз племен" (в дальнейшем "Черниговская тьма", "Киевская тьма" и т.д. - *Рыбаков,* 1982. С. 255). Система эта перешла в Киевскую Русь, но основа ее восходит к древнерусским племенам. Славяне продвигались в интересующие нас новые земли, конечно, не малыми родами, а довольно большими коллективами - "малыми племенами" (тысячами), и стремились жить отдельными, отделенными одна тысяча от другой лесными массивами. Объединение этих "малых племен", "тысяч", составляло большое племя - "союз племен" - полоцких кривичей, смоленских кривичей, дреговичей и т.д. Эти "малые племена" состояли из гнезд-общин с их "надобщинными центрами", выявить которые, подобно тому, как это сделано сейчас на Украине Б.А. Тимощуком (1990. С. 72 и ел.), еще предстоит. Во главе такого племени стояли родоплеменные князья ("наши князи добри суть", - говорят про таких князей древляне) (ПВЛ, 1950. С. 40), сидевшие в племенном центре, "лучшие мужи", племенная дружина. В каждом возникавшем на новых землях центре, несомненно, возводилось и свое племенное святилище. О существовании таких центров мы знаем из летописей - древлянские грады, обследованные в свое время П.Н. Третьяковым (1952. С. 65). Это - городища Оран, Иваньково, Малино (собственность князя Мала?), Городок на среднем Тетереве. Все они подчинялись князю Малу, жившему в Искоростене на р. Уже. Князь этот был, между прочим, настолько могуществен, что считал возможным просить руки киевской княгини Ольги. Подобный князь, Рогволод, можно думать, сидел и в небольшом городище Полоцке - центре "полоцкой тысячи", распространившейся на ледниковых озерах среднего течения Западной Двины. Это уже после его падения и возвращения его внука, сына Рогнеды, в Полоцк, город был увеличен, расширен, и его власть распространилась на всю Полоцкую землю. По исследованиям П.Н. Третьякова мы знаем, что центры "наших князей" были небольшими - 2 тыс. кв. м (городище Малино), их окружал курганный могильник (Оран, Городок и др.), иногда они состояли из нескольких мысовых городищ и т.д. На Украине, где работал П.Н. Третьяков, укрепленным городищам племенных центров предшествовали неукрепленные поселки.

Карта круглых курганов показывает, что "тысячные" скопления населения были и в Полоцкой земле - в озерном крае к югу и юго-востоку от Полоцка, а также вблизи оз. Лукомль теснилась, по-видимому, не одна "тысяча".

Вопрос о том, как была устроена жизнь славянских племен в это время, несомненно, очень интересен, и кое-что из этого мы теперь уже знаем. В.В. Седов провел уникальные по скрупулезности исследования в зоне смоленских кривичей. Пешком он в течение пяти лет (1955-1959 гг.) детально обследовал остатки поселений и погребений центральной Смоленщины к востоку от Смоленска и пришел к важнейшим выводам. Выяснилось, что для VIII-XI вв. были характерны крупные неукрепленные поселения свободных еще общинников, живших территориальной общиной. "В центре общины находилось городище-убежище или городище-святилище, рядом обычно располагался курганный могильник" *(Седов,* 1960. С. 126) и только позднее (в XI-XIV вв.), судя по обилию "гнезд" курганов, например, на северных и южных белорусских землях, традиции прошлого существовали достаточно долго. И здесь славянское население жило, конечно, подобными общинами, имело свои укрепления-убежища, святилища и свои общинные административные центры, подобно тому, как это было на других славянских землях Руси *(Тимощук,* 1990). Исследования, подобные тем, которые провел В.В. Седов, только начинаются.

Скопление "гнезд" поселений в древней Руси именовалось, по-видимому, "мир". В центр "мира" в праздничные дни собирались представители городищ (центров общин. - *Л.А.)* и "дымов", составлявших "мир". Здесь выбирали "градского старца", ведавшего порядком на общественном городище, или "князя" - начальника и полководца мирских сил, здесь разбирались тяжбы "родовладык", судили провинившихся и обрекали виновных на "изгойство" *(Рыбаков,* 1958. С. 840).

Языческие представления славян[4]

Продвигаясь в Западнорусские и Северные земли Восточной Европы, славяне не могли не вступать в сношения с аборигенами и благодаря этому донесли до нас, как мы знаем, местные гидронимы и топонимы.

Кривичи вживались в местный быт, за сотни лет сложившийся там, и, видимо, многое вошло в славянское мировоззрение, в славянские диалекты этих мест, что видно, между прочим, в совпадении границ восточно-балтского населения и современных белорусских диалектов (граница твердого "р" и умеренного аканья совпадает с северной границей культуры штрихованной керамики и т.д.) *(Карский,* 1903. Карта; *Алексеев,* 1966. С. 22, рис. 1). Отразилось это и в идеологических представлениях славян: "Обычай сооружения длинных курганов, - свидетельствует В.В. Седов, - не был привнесен переселенцами, а зародился уже тогда, когда они осели в Новгородской земле. ... Длинным курганам (славян. - *Л.А.)* предшествовали грунтовые захоронения" *(Седов,* 1995. С. 213, 215). Длинные курганы кривичей, мы знаем, содержали большое количество кремированных захоронений. Этот обряд, возникший в чужих этнических землях, свидетельствует о каких-то изменениях в воззрениях славян на культ мертвых, как только они оказались в новых краях. Вряд ли мы ошибемся, если отметим, что изменения в верованиях славян на загробный мир возникли под каким-то нам неизвестным влиянием идеологических представлений аборигенов тех мест, куда они попали. Впрочем, это, конечно, требует изучения. Славяне ассимилировали менее культурное население, но, видимо, и они, в свою очередь, что-то от него восприняли. Касаясь этой проблемы, Б.А. Рыбаков писал: "Местные дославянские святилища воспринимались славянами как бы по наследству и продолжали существовать очень долго, перейдя в дальнейшем в христианскую форму". Подтверждением этому, считал он, является пример "Благовещенской горы" у Вщижа - языческого святилища юхновской культуры *(Рыбаков,* 1987. С. 123).

Летописец, живший в конце XI - начале XII в. застал еще древнерусские племена и ужасался, как известно, их верованиями:

"Живяху в Л-БС-Ь, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословие у нихъ предъ отци и предъ снохами, и браци (браки) не бываху у них, но игрища межи селы - схожахуся на игрища, на плясанья и на всякие б-Ьсовские П-БСНИ, И ту умыкаху жены соб-Ь, с нею кто совъщашеся; имаху же и по дв-в и по три жены.

И аще кто умряху, творяху тризну надъ нимъ, и семь творяху кладу велику, и возложахуть и на кладу мертвеца, сожжаху, и посемь, собравше кости, вложаху в судину малу и поставляху на столп* на путех, еже творять вятичи и ныне..." (ПВЛ, 1950. С. 15). Языческие традиции существовали у восточных славян очень долго, в частности, у полоцких кривичей. Князь Всеслав Брячиславич (1044-1101), считалось, родился (ок. 1020 г.?) "от волхвования" и всю жизнь поэтому был "немилостив на кровопролитие", так как носил на себе (очевидно, по указанию волхвов) талисман "язвено", с которым и родился на свет (ПВЛ, 1950. С. 104). Там же, в кривичской земле в конце XI в. (1092 г.) среди дня живым явились души усопших - "навье" - страшные всадники, при виде которых люди падали замертво. Это было дурным предзнаменованием - «злые силы, являвшиеся из заклятой Полотчины причиняли страшную засуху - леса, болота "взгорахуся сами"; на Русь напали половцы, "в си же времена мънози человеци умираху различными недуги", зимой в Киеве умерло 7 тыс. человек» *(Рыбаков,* 1987. С. 462). Многие природные явления рассматривались как предзнаменование походов страшного полоцкого князя-чародея Всеслава...

Созданное через 86 лет после его смерти (1101 г.) "Слово о полку Игореве" рисует его в сверхестественном виде, а русский фольклор вообще именует его волхвом ("Волх Всеславич", *Рыбаков,* 1963а. С. 94 и ел.).

Как известно, белорусский фольклор сохранил нам более всего сведений о древнем славянском язычестве. К нему мы и обратимся.

Пережитки языческих представлений

Что представляли собой эти пережитки? Прямых данных у нас нет, и судить об этом можно прежде всего по тому, что сохранили нам белорусы XIX - начала XX в. в фольклоре. Архаичность фольклора этих потомков кривичей, дреговичей и радимичей объясняется, видимо, той борьбой, которую упорно вел в своих лесах и болотах белорусский крестьянин с "ополячиванием" и "окатоличиванием" своих земель, стремившийся сохранить "долитовско-допольские" черты, а также и окраинным положением страны, связь с которой затруднялась во многих местах болотами, топями, дремучими лесами. Сохранности языческих пережитков способствовала и необычайная замкнутость местного населения (пережиток изолированных друг от друга в прошлом "малых племен", о чем мы уже говорили). Так, крестьянки Краснолукской волости Борисовского уезда, например, неохотно выходили замуж за 5-6 верст от родной деревни и называли это - "чужая сторона"! *(Шейн,* 1902. С. 90). На обилие языческих пережитков жа-

[4] О верованиях у белорусов см.: *Зайкоўскі, Дучыц,* 2001.

ловались неоднократно белорусские священники *(Миссионер,* 19066. С. 193, 194; 1906а. С. 384-388 и др.). Даже иконы в Красном углу именовали в Белоруссии "боги", а идя в церковь, шли молиться "богам и божкам..." *(Никитенко,* 1955. С. 210; *Покровский,* 1908. С. 872), перед иконами на коленях произносились заговоры *(Богданович А.Е.,* 1895. С. 40). Под Бегомлем был распространен праздник "Комоедицы", 24 марта накануне православного Благовещения, когда «хозяйки пекли специальные "комы" из гороховой муки, устраивались пляски в вывернутых мехом вверх одеждах в честь весеннего пробуждения медведя... Первоначальный срок непотревоженной (христианством. - *Л.А.)* масленицы - весеннее равноденствие. Непременной маской на масленничном карнавале является "медведь" - человек, ряженный в медвежью шубу или вывороченный тулуп» *(Рыбаков,* 1987. С. 158). Белорусская этнография сохранила нам и пережитки других тотемических культов древности: «у потомков дреговичей и у потомков вятичей до XIX в., - сообщает тот же Б.А. Рыбаков (1987. С. 537), - сохранился девичий головной убор с большими "турьими" рогами из соломы и ткани (материалы этнографа Супинского)». Есть материалы, свидетельствующие о распространении в древности в Белоруссии культа змеи (Следы почитания змей..., 1893. № 89; Белорусские поверья..., 1911. С. 149-159).

Вместе с этими пережитками "ранних" культов (как считают этнографы) в северной и центральной Белоруссии встречались пережитки более "поздних" тотемических культов - культа деревьев, кустов, камней и т.д., распространенных в Полоцком, Борисовском, Игуменском и других уездах. А в Станиславовской волости Лепельского уезда, в Борисовском, Себежском и ряде других уездов зафиксированы пережитки культа поклонения коню *(Быковский,* 1868. С. 80—84; *Богданович А.Е.,* 1894; *Шейн,* 1893. С. 523).

Судя по этнографическим, фольклорным и археологическим данным, язычество Белоруссии в общих чертах было близко к верованиям славян всей Восточной Европы, хотя, несомненно, были и локальные отклонения. Языческие верования кривичей, как и у других восточнославянских племен, разделялись на два основных культа: культ сил природы и культ предков. Культ природы в свою очередь членился на более мелкие культы, среди которых особенно выделялись аграрные культы, а в них основное место уделялось, естественно, культу производителя всего живого - солнца - Ярилы.

Рассмотрим все эти культы детальнее.

КУЛЬТ ПРИРОДЫ. АГРАРНЫЕ КУЛЬТЫ. Календарь белоруса четко членился по временам года и в XIX в. начинался с зимних коляд в Рождественский сочельник 24 декабря (что в христианскую пору было, очевидно, приурочено к Рождеству). Дореволюционный белорус, часто не знавший названия месяцев, твердо знал, что "от Коляд до Благовещения - 12 недель, до Юрия - 16, до Миколы - 20, до Купалы - 26 и от Купалы до Коляд тоже 26 *(Романов,* 1912. С. 67). Что представлял собой общеславянский праздник Коляда, что это за культ, точно неизвестно *(Афанасьев А.,* 1869. С. 730; *Гальковский,* 1916. С. 86). Белорусы говорили о Колядах в двух смыслах: в смысле еды и в смысле праздника *(Богданович А.Е.,* 1895. С. 83). В Борисовском и Новогрудском уездах, где работал А.Е. Богданович, так же, как и в других местах Белоруссии, к празднику Коляд закалывали кабана и по его крови и внутренностям гадали о лете, его урожайности в данном году и т.д. Налицо, следовательно, пережитки обряда жертвоприношений. Возможно, что праздник этот, как и большинство остальных, связывался с зимним солнцеворотом 22 декабря, что и позволяло гадать об урожае, также зависящем от солнца. "Новым солнцем" начинался год. В праздник "Постной Коляды", в рождественский сочельник, готовились специальные блюда (кутья, оладьи, мед, блины). Перед трапезой просили Мороз не поморозить всходы, для чего его приглашали "отведать кутьи". Можно думать, что в древности праздничной еде предшествовали специальные "культовые действа", моления. После вечери начинали гадать - топили воск и лили его в воду, рассматривали положение звезд на небе, искали в сене зерен. Всем этим везде занималась, естественно, молодежь. В других местах в "Колядные вечера" уединялись в комнате или в клети, девушки смотрели через кольцо на пламя свечи, по одиночке запирались в бане с зеркалами, которые ставили друг перед другом, и в них стремились разглядеть судьбу, суженого и т.д.

Перед Крещением считали колья на заборе, дрова в охапке (очевидно, что-либо при этом загадав).

Любопытно, что уже в играх на Коляду мы видим отголоски аграрного культа, хотя на дворе - зима: были специальные игры, связанные с пожеланием хорошего урожая. Некоторые игры в Полоцком, Лепельском, Дриссенском уездах назывались "Женитьба Терешки" - род языческих оргий, которые смыкались с летописным рассказом о славянских игрищах между селами, о которых мы говорили *(Шейн,* 1893. С. 99-105). В каком-то виде эти игры сохранялись и южнее - в Борисовском у. Минской губернии *(Киркор,* 1858. С. 168; *Шейн,* 1893. С. ПО; *Богдановича,* 1895. С. 90-93).

Переходя к древним аграрным культам, приведем прежде всего аграрный календарь IV в. н.э. из Киевщины, который тонко выявлен Б.А. Рыбаковым на одном из священных сосудов[5] (раскопки М.А. Тихановой):

[5] Полной уверенности в том, что сосуд - славянский, у нас нет, но, может быть, он отражал какие-то близкие воззрения индоевропейцев?

1. Праздник первых ростков - 2 мая. Постепенно был заменен праздником Бориса и Глеба (Борис-Хлебник, "Бориш день").

2. Моления о дожде с 20 по 30 мая.

3. Ярилин день - 4 июня.

4. Моление о дожде с 11 по 20 июня.

5. Праздник Купала (позднее - Иван Купала) - 24 июня.

6. Моления о дожде с 4 по 6 июля.

7. Отбор жертв для праздника Перуна - 12 июля.

8. Моления о дожде с 15 по 18 июля.

9. Праздник Перуна (Ильин день) - 20 июля.

10. Начало жатвы - 24 июля. Моления о прекращения дождей.

11. Зажинки, окончание жатвы - 7 августа. Праздник "первых плодов" (Спас-Преображенье 6 августа).

Исследователь указывает, что "составление такого детального и точного календаря, оказавшегося очень устойчивым вплоть до XIX в., было результатом многовековых наблюдений, приведших славянских пахарей Среднего Поднепровья к познанию оптимальных сроков дождей для яровых хлебов.

Оформление аграрно-языческого календаря было, несомненно, делом жреческого сословия, тех волхвов "облакопрогонителей", которые аккумулировали вековые наблюдения над природой и соотносили их с урожайностью своих полей, своей "жизни" {*Рыбаков,* 1987. С. 657). Не приходится сомневаться, что этот детальный календарь аграрных культов был распространен у славян Восточной Европы. Материалы, которыми мы располагаем для Западнорусских земель, этого не только не опровергают, но скорее подтверждают. И, конечно, земли, которые нас интересуют, имели и свою языческую специфику, в чем в дальнейшем мы и убедимся. Обратимся к тем особенностям языческих пережитков в Белоруссии, которые фиксируют этнографы.

Весна в районе Полоцких земель призывалась уже на Масленицу, ее празднование, по свидетельству этнографов, мало отличалось от великорусских губерний. «Масленичные песни девушек по вечерам, - пишет А.Е. Богданович, - были двух родов: первые содержали призыв весны и посвящались замужним женщинам, вторые пелись часто под окнами "молодых", повенчавшихся в последний мясоед. Естественно, что наиболее древние черты сохранились в первых» (*Богданович А.Е.,* 1895. С. 99, 100). Собственно "весновные песни" пелись несколько позднее, что в христианскую пору было приурочено к "Сорокам" (дню Сорока мучеников Севастийских 9 марта). Обряд назывался "выкликанием весны" и продолжался весь Великий пост: молодежь выходила в поле, усаживалась на возвышенности и пела:

Благослові, Боже,
Зіму замыкаці,
Вясну выклікаці.
Дай нам, Боже,
Жіта і пшаніцы Зеленай травіцы...

(*Богданович А.Е.,* 1895. С. 101)

Не приходится сомневаться, что в древности "выкликание весны" сопровождалось множеством священных языческих игр, тесно связанных с сельскохозяйственными работами. Один такой обряд-игру, в разговоре с А.Е. Богдановичем еще вспоминала старая женщина в Борисовском у. Минской губ., но в то время в эту игру уже не играли. Состояла она в том, что молодежь выбирала "Вясноўку", сажали ее на борону и парни возили ее по полю вокруг костров, символизирующих, несомненно, солнце (*Богданович А.Е.,* 1895. С. 105). Пение "Вясноўных" песен, сообщал А.Е. Богданович, по словам старух, которые пели их в молодости, гарантировало урожай текущего года. Подобные веснянки пели как великорусы, так и украинцы и белорусы. На Украине их пели от ранней весны "аж до зеленых свят" - Троицы (Ігрй та пісні, 1963, С. 15). "Обрядовый характер встречи весны дольше сохранялся у белорусов... К концу XIX в. и у белорусов обряд встречи весны стал разрушаться" (*Соколова,* 1979. С. 77).

Особенно много языческого сохранялось в песнях следующего языческого цикла, так называемых "Волочебных" песнях, исполнение которых позднее было приурочено к величайшему празднику Православия - Святой Пасхе. Нигде в белорусских песнях не отводилось столь почетного места земледельческому труду, как здесь. Даже в XIX в., - узнаем мы у А.Е. Богдановича, - в этих песнях не было ничего, «что указывало бы на христианское значение праздников Пасхи, если не считать припева "Христос воскресе!", заменяемого, впрочем, и другими припевами, вроде: "зелена елка, зелена!" или: "Спявайце, молодцы, спявайце!". "Великоднями", т.е. Пасхой, начинается земледельческий год, и "Великодные" песни почти сплошь подчинены у белорусов (и в соседних землях) воспеванию земледельческого труда. В Новогрудском, Слонимском и др. уездах "волочебников" именовали "ралешниками" (от "ралля", "оралля" - пахота), иначе говоря, "певцами земледелия"» (*Богданович А.Е.,* 1895. С. 106, 107).

Во многих местах России до XX в. провожали зиму и встречали весну выпеканием к 9 марта - дню 40 мучеников Севастийских - "жаворонков" - печенье в виде птичек символизировало прилет жаворонков к этому дню (так называемым "сорокам"). Считалось, что жаворонки приносят весну. На Украине жаворонков часто называли "голубці" (*Соколова,* 1979. С. 68-75). В Смоленской губернии на Благовещение пекли специальные пирожки для девушек - закликалыциц весны (*Соколова,* 1979. С. 75).

Как известно, всякое дело славянин-язычник связывал с определенными обрядами и, конечно, это более всего касалось аграрных работ. Так, например, собираясь пахать, он должен был выйти в поле с хлебом и солью, а в день начала пахоты полагалось "набіць" тестя и тещу *(Никифоровский,* 1897. С. 102, 103). Сеять начинали с Благовещения - 25 марта, и крестьянин-белорус прикреплял освещенную просфору в тряпке к ушку "севалки" (корзина для сеяния) или к фартуку, если сеять приходилось из него - в языческие времена просфора, конечно, фигурировала в виде чего-то другого. Белорусские этнографы отмечают, что в древности у кривичей существовали особые обряды, связанные с окончанием сева - так называемые "дожинки", "досевки" *{Мухлинский,* 1830. С. 153).

"Среди весенних народных праздников важное место занимал Егорьев (Юрьев) день - 23 апреля старого стиля, - пишет В.К. Соколова. - Георгий был одним из самых популярных святых у многих европейских народов, почитался он и в древней Руси, о чем свидетельствуют многие храмы его имени. Дата эта имела большое значение в народном календаре. Ее считали началом настоящей весны, тепла. Егорий - с теплом (летом, росой, водой), а Никола (9 мая) - с травой (или кормом), - говорил народ *{Соколова,* 1979. С. 155). На Егория впервые после зимы выгоняли скот в поле, причем в Белоруссии это делали до рассвета на "Юрьеву росу".

По окончании сева, когда урожай всецело поручался деятельности солнца, молодежью устраивались специальные игры, посвященные богу солнца - Яриле (отсюда -"яровой хлеб", см.: *Гальковский,* 1916. С. 41). Священные "Ярилины игры" дошли до XIX в.: бог изображался молодой девушкой в белом, босиком на белом коне с венком на голове и с пучком ржаных колосьев в руке. Вокруг этого белого всадника молодежь водила хороводы, пела "Ярилины песни" и т.д. *{Афанасьев А.,* 1865. С. 441). А.Н. Афанасьев указывал, что "воспоминание о Яриле живее сохранилось в Белоруссии, а в деревнях Великой и Малой России весенний праздник Ярилы перешел в чествования Юрьева дня; собственно же под именем Ярилова праздника известны были и удержались весьма долгое время те игрища, которые издревле совпадали с периодом удаления летнего солнца на зиму" *{Афанасьев А.,* 1865. С. 441, 442).

Если весна и ее обрядовые языческие песни связывались в народном представлении с идеей рождения, пробуждения природы и т.д., то лето с его палящим солнцем и дождем, как бы оплодотворяющим землю для вызревания всходов, связывалось с представлением о браке. Особенно архаичным из обрядов этого рода был общеславянский праздник Купалы, сохранявшийся в играх белорусской молодежи до самого недавнего времени. Обряд Ивана Купалы (как он в христианское время стал называться и был приурочен ко дню рождения Иоанна Крестителя не только в славянских странах, но и у других индоевропейских народов (везде - 24 июня, что указывает на его индоевропейские, по-видимому, корни - например, во Франции - "Сен-Жан", см.: *Покровская,* 1978. С. 21 и ел.) и т.д. У славян Купала - праздник ночной, в ночь с 23 на 24 июня - в нем огромную роль играл костер; Б.А. Рыбаков связывает его с богиней плодородия Макошей *{Рыбаков,* 1987. С. 126). В северной Белоруссии, например, обряд этот состоял из двух частей: первая посвящалась богам, вторая - любви. В "Купальную ночь" молодежь приносила в поле водку (вскладчину), закуски и разжигала костер, на котором девушки жарили священное блюдо - яичницу-глазунью. Наибольшего торжества достигал праздник, когда на шесте, вбитом в землю, (иногда на оглобле) вверху вспыхивало облитое дегтем колесо от телеги. Вокруг этого "вспыхнувшего" солнца водили с песнями хороводы, плясали, пели купальские песни. Как только сгорало одно колесо, его заменяли другим. Текст песен был посвящен солнцу, от которого зависел будущий урожай, а потом прыгали через очистительный костер...

Как видим, перед нами яркая картина славянского языческого праздника, посвященного плодородию и солнцу...

После "Купалы" наступал сенокос, с ним также связывались в ряде мест какие-то поверья и обряды, однако у белорусов этнографам они неизвестны, что вероятно, следует распространять и на все Западнорусские земли.

Иное дело - жатва. Здесь было тоже много пережитков языческих верований: в Себежском у., например, в XIX в. (!) перед жатвой крестьянин, выходя в поле, обращался лицом к солнцу и... молился (!) *{Романов,* 1912. С. 240). Любопытно, что, судя по этнографическим материалам, период жатвы воспринимался язычником как период печальный - солнце отслужило свою службу и шло на убыль. Благодарственные обряды, обращенные к главному божеству - солнцу, были распространены лишь в день окончания жатвы - "дожинок", и прежнего пафоса обращения к божеству - как не бывало! *{Романов,* 1912. С. 240).

Аграрный культ кончался Спасом 6 августа. Последующие осенние месяцы до зимних Коляд, когда он возникал вновь, сохранили в этнографии Западнорусских земель мало интересного. Повсеместное увядание природы отразилось лишь на празднествах культа "Дзядов" - предков, но это уже с аграрными культами не было связано. К рассмотрению этих верований славян Западнорусских земель мы теперь и перейдем.

КУЛЬТ ПРЕДКОВ - "ДЗЯДЫ". Откуда у людей представление о том, что предки, которых они

Рис. 4. Кладбище в центре д. Гадиловичи Рогачевского р-на Гомельской обл. с символами пережитков язычества

сами хоронили, непременно должны быть живы и влиять каким-то образом на жизнь живущих? Не приходится сомневаться, что дело здесь прежде всего в сновидениях... (см., например: *Фрейд* 1989. С. 50-152). Человек, много думавший о своих дорогих умерших, начинал постепенно их видеть во сне, разговаривать с ними, "слушать" их указания и т.д. Проснувшись, он понимал, что это "деды" к нему приходили, значит они где-то живут... В то время, когда славяне, в частности, кривичи, пришли в леса Восточной Европы (VIII-IX вв.) они, мы говорили, жили в больших многосемейных домах, сравнительно большими родовыми коллективами. Они и умершим предкам стали "строить" дома, вернее, создавать их символы - длинные курганы (нечто подобное, но другого типа, создавали и их соседи словене, насыпая высокие сопки). Позднее и словене, и кривичи, перейдя к парной семье, насыпали, мы знаем, "односемейные" могилы - круглые курганы (X-XП вв.). Все это указывает на характер верований в загробный мир предков. В круглых курганах кривичи клали умершему в могилу еду, питье; мужчине - орудия труда, оружие, женщине - кроме еды и питья, украшения и т.д. Обряд этот утвердился настолько, что еще совсем недавно в некоторых глухих местах Белоруссии покойнику продолжали класть все необходимое. В Шапке, например, по свидетельству П.В. Шейна (1893. С. 531), умершему клали даже трубку из глины, табакерку и т.д.! Часто покойники "жили" рядом за деревней в курганах или могилах[6].

Итак, загробный мир в Северо-западных славянских землях, как, видимо, и в других местах, воспринимался весьма натуралистически: верили, что умирая, человек переселяется в другой, но столь же "материальный" мир, где ему, во всяком случае на первых порах, будут нужны все те вещи, которыми он пользовался в этой жизни.

Для вящего уяснения характера веры славян Западнорусских земель нам надлежит обратиться к рассмотрению обрядовой стороны культа мертвых на интересующей нас территории.

Обрядовая сторона "дзядов". Обряды, относящиеся к культу предков, в древности в свою очередь делились на две части. В одну входили обряды, связанные непосредственно с умершим и поминовением его в Сороковой день (отсюда - "сорок"), и на регулярно отмечаемые 4 раза в год поминовения предков.

Археологические раскопки показывают, что славянские покойники языческой поры погребались по обряду кремации и их прах, преданный земле, затем большей частью прикрывался курганной насыпью. Сошедшего в могилу сопровож-

[6] **В** д. Гадиловичи Рогачевского р-на и сейчас в центре деревни - маленькое огороженное кладбище, на всех крестах вешаются ленты, украшения и т.д. (рис. 4). Мертвым поклоняются!

дали вещи, и в районах, близких к распространению литовских племен, часты предметы специально испорченные - по-видимому, в соответствии с местным верованием, они тоже "умерщвлялись", чтобы быть с покойным на том свете.

В X в. (кое-где даже в начале XI в.) обряд кремации был прекращен и заменен ингумацией. Пожалуй, было бы слишком примитивным связывать это непосредственно с влиянием христианства, как это обычно делается. Отметив, что христианские символы (крестики, нательные иконки и т.д.) появляются в русских деревенских курганах не ранее рубежа XII-XIII вв., Б.А. Рыбаков пишет: "Кроме того, очень важным аргументом против мнения о том, что духовенство будто бы сумело коренным образом изменить погребальный обряд русской деревни уже к началу XI в., является полное отсутствие в церковных поучениях темы погребальных костров[7]. В поучениях XI-XIII вв. бичуются ритуальные пляски, принесение жертвы языческим богам, моление под овином, в бане, почитание мелких демонов, различные суеверия, но ни разу, ни в одном из поучений не говорится о старом языческом обычае сожжения покойников... Во времена Владимира Святого... русская церковь была еще очень далека от русской деревни, еще не проникла туда и едва ли могла эту смену организовать". Он добавляет, что "отказ городского населения X-XI вв. от кремации, безусловно, прямо связан с принятием христианства", забывая, что и здесь отсутствует аргумент о "погребальных кострах" {*Рыбаков,* 1987. С. III). Вопрос о причине перехода Руси от кремации к ингумации умерших до сих пор остается открытым. Находимые в ряде мест в курганах монеты (помогающие в датировках) свидетельствуют, как некоторые думают, о распространенном суеверии о плате перевозчику через реку на тот свет {*Покровский,* 1908. С. 870-874).

Похороны сопровождались в древности целым рядом языческих обрядов, реликты которых улавливаются часто этнографами. Некоторые районы в Западнорусских землях позволяют наметить как бы локальные варианты этих исчезнувших верований. Такие варианты могут указывать на некоторые различия в культе предков у отдельных малых племен. К сожалению, все эти детали древних представлений не собраны. На "Шестины" (сороковой день), например, в некоторых местах Белоруссии, когда гости заполняли всю хату, родные выходили наружу (женщины непременно с распущенными волосами) и на завалинке ждали "богомоления" (!). Когда же в избе гости начинали петь, женщины на завалинке начинали раскачиваться в такт, припевая после каждого слова "ия-уя!", "ияуя!" (этим вызывался умерший, и это был ему панегирик). Пение было очень длительным, по его окончании, запевала выходил из хаты в сени, громко восклицая: "Душечку (имярек) поминаем, вас в хату позываем!". Родственники входили в хату и далее следовало траурное пиршество {*Нечаев,* 1878). Налицо - обряд далекой родопатриархальной общины с "богомолением" к богам, с выкликанием души усопшего (в летописи эти души именуются "Навье"). В Белоруссии и западной Смоленщине обряд поминовения усопших называется "Хаутуры".

Праздники "Дзяды" в этих местах являются поминовением усопших. Житель Западнорусских земель эпохи язычества почти непрерывно находился в общении с умершими предками своего рода. Он не только возводил земляную насыпь-курган на окраине своего села, которая имитировала жилище живых, но 4 раза в год вызывал их тени, "представлял себе их наружность, не прерывая сердечные о них воспоминания, которые объединяли его с миром духов" *(Tyszkiewicz,* 1847. S. 380, 381). Наиболее поминальным праздником, во всяком случае в Северной Белоруссии, был осенний праздник "Дзядоў", когда по древнему обычаю следовало убить скотину (древнее жертвенное закланье) *(Tyszkiewicz,* 1847. S. 378; *Шейн,* 1893. С. 603). В Бегомльском приходе, например, в этот день родственники вместе с гостями начинали день с мытья в бане, затем шли на кладбище и при кострах обкладывали могилу дерном. Уходя, оставляли покойнику веник (выходя из могилы, он почистится). Обряд затягивался, к ночи с кладбища уходили, оставляя на всю ночь громадные горящие костры, которые должны были гореть до следующего дня. Утром родственники возвращались "будить" умершего и снова шли домой, где возобновлялось то же, что и на "Шестинах" с пением "ияуя!". Подобные празднества устраивались и в оставшиеся три годовых праздника: на "Радуницу" - вторник Фоминой недели и т.д. *(Шейн,* 1893. С. 619). Особый обряд существовал в Полоцком уезде на так называемую Дмитровскую субботу, когда вся семья ползала на коленях вокруг стола, вызывая дух покойного с припевом: "Шаври-Гаври, сам прибывай к нам!", после чего начиналась трапеза (Нечто о поверьях, 1865. С. 274; *Шейн,* 1893. С. 629-631; см. также: *Tyszkiewicz,* 1847. S. 376, 377). По свидетельству В.Ф. Миллера, эти обряды переносят нас в эпоху неолита *(Миллер,* 1874). Варианты этих поверий были зафиксированы в Витебской, Минской, Виленской и других губерниях.

[7] Отметим, «какое мистически восторженное состояние переживал язычник, перед которым на костре на земле начинал пылать политый смолой костер, и под действием тепла мышцы дорогого родственника начинали сокращаться, он начинал двигаться - "оживал", понимали все, и кидались перед ним на колени...! Сильное переживание было у родных, когда при них умершего не бросали в яму, а медленно у всех на глазах засыпали дорогие останки землей... Все эти потрясения от непонятного лишь развивали мотивы смерти, перешедшие очень быстро, надо думать, в погребальный культ с его особыми мистическими правилами».

ВОПРОС О ЯЗЫЧЕСКИХ СВЯТИЛИЩАХ. Языческий пантеон требовал не только повседневного поклонения себе, но и соблюдения культовых молений, связанных с определенным временем и местом. О "священных местах", "храмах", "капищах"[8], распространенных у восточных славян, мы почти ничего не знаем, и здесь вновь помогает фольклор и этнография.

Известны народные предания о горах, где некогда якобы стояла церковь, но "ушла в землю" *(Богданович А.Е.,* 1895. С. 27 - Лукомля); имение Веляшковичи в Суражском у. *(Шейн,* 1913. С. 424), д. Городок Суражского у. *(Никифоровский,* 1897. С. 304, 305), у д. Городец Лепельского у., близ оз. Княже гора Церковище *(Сементовский,* 1890. С. 56) и др. Места эти издревле почитались святыми (туда не гоняли скот, проходя мимо, крестьянин непременно крестился). Есть местности, где сохранялось предание об уничтожении такой церкви неким "оселком" - силачом *(Шейн,* 1913). Подобные предания восходят, очевидно, ко времени крещения этих мест, когда посланные туда (князем, епископом) воины на месте древних капищ возводили христианские храмы. "Ушедшие в землю" церкви - это, несомненно, языческие храмы, капища и т.д., которым народ продолжал поклоняться! Летопись рассказывает об уничтожении языческих храмов Добрыней в Новгороде (ПВЛ, 1950. С. 81), что в XVI в. совершил инок Илья, посланный Новгородом и Митрополитом Макарием в Вотскую пятину *(Кеппен,* 1851).

Описания языческих святилищ мы неоднократно встречаем и в фольклоре, например, в заговоре против болезни: «У цемном лесі, - читаем мы в записи одного заговора из д. Холопнич Борисовского у., - стаіць гара высокая, там растуць дубы вечістыя, там стаіць царква свянцовая, там бяжіць вада цудоуная. А яж ту ваду брала, балючае цела абмывала, піць давала, слауцо вымауляла: "Пашла немоць з цела вон!"» *(Никифоровский,* 1896).

Особенно интересное описание языческого капища в действии дает Волочебная песня с. Погорелого Игуменского у.:

На яго дваре ды стаяць горы,
Да стаяць горы высокія;
А на тых гарах да ляжаць брусся,
Да ляжаць брусся цесовыя.
А на тым бруссі да стаяць staубы
Да стаяць стаубы, малевания
А на тых стаубах да вісяць катлы
Да вісяць катлы атливаныя;
А по пад катламі ды гараць агні,
А гараць агні ясьненькия,
Да ідуць дымкі сіненькія.
Там сідяць дзедкі старенькія,
Вараць воскі жоуценькія,
Сучаць свечі двойчастныя, сподзеюцся любых госцікаў,
Любых госцікау велікоднічкаў..."

(Богданович А.Е., 1895. С. 27, 28)

Если первый отрывок, давая самые общие представления о капище, называет их церковью (обычная замена языческой терминологии христианской), то второй отрывок все же более важен. Там не только описывается языческое святилище, но оно показывается и в действии! Капище располагалось на возвышенном месте, на горе, это - деревянная постройка из продольных брусьев, на которых укреплены вертикальные столбы с привешенными к ним котлами, где варится воск. Специалисты-старики (т.е. волхвы, кудесники) возжигают костры под котлами и, растапливая воск, "сучат" "свечи двойчастные". Лингвисты сближают слово "волхв" с понятием "волохатости", "косматости". По Б.А. Рыбакову, колдун-жрец, имитируя процесс охоты, чтобы боги поняли о чем он просит, выступал в звериной шкуре (обычай, быть может, идущий с неолита) и был "волохатым", а позднее ритуальная одежда - звериная шкура - дожила до XIX в. (праздник комоедицы 24 марта у белорусов и соседних народов-славян; *Рыбаков,* 1987. С. 123, 158).

Отыскивая археологические аналогии описанному в приведенной песне, обратимся на соседнюю с Западнорусскими землями Брянщину, где по-соседству с древним городом Вщиж (более позднего времени), Б.А. Рыбаковым открыто капище на Благовещенской горе - треугольном городище, огражденном с напольной стороны подковообразным валом, к которому изнутри примыкал большой подковообразный дом со входом посередине. Его задняя стена представляла плетень, прислоненный к валу, передняя состояла из вертикальных столбов. В южной части памятника открыто огромное кострище.

Со времен работ Б.А. Рыбакова в 1950-х годах, славянские святилища были открыты археологами в разных местах. В.В. Седовым было выявлено межплеменное святилище Перынь под Новгородом *(Седов,* 1954).

Этому же исследователю удалось археологически выявить и детально изучить несколько святилищ Смоленской земли *(Седов,* 19626. С. 57-64). Оказалось, что они представляют собой памятники, аналогичные Перынскому святилищу, имеют круглую (или "овально-округлую") площадку, ограниченную кольцеобразным валом, иногда с округлым рвом снаружи. Их дата не определима из-за отсутствия культурного слоя и устанавливается, по свидетельству В.В. Седова, по неукрепленным памятникам по-соседству. Селища и курганные могильники этого рода имеют общую дату -

[8] Этимология слова "капище" в смысле "святилище" исключительно интересна. По мнению Леже, "капище" происходит от слова "кипь", что в ряде славянских языков означает "статуя", "изваяние". Капище, следовательно, - место, где стоят изваяния - идолы *(Леже,* 1908. С. 34). Сравните также, например, польское разговорное слово: "kipnac" - умереть. Капище, несомненно, связано с культом умерших.

IX-X вв. *(Седов,* 19626. С. 59). Таким памятником является Шепыревское городище в междуречье Днепра и верхнего Сожа к юго-востоку от Смоленска. Его ближайшее селище (0,7 км юго-восточнее) имеет характерную лепную керамику IX-X вв., рядом - курганный могильник с трупосожжением. В том же районе на р. Волости было подобное Рудовекое городище с селищем X-XШ вв., в 2,5 км от него находились и курганы IX-XI вв. Подобными городищами-святилищами были еще несколько окрестных памятников. Ближайшей аналогией всем этим городищам является, по наблюдению исследователя, святилище, открытое на Перрыни под Новгородом *(Седов,* 1953. С. 92-103).

Все эти памятники, считает ученый, относятся к первому периоду существования поселений Смоленщины - к IX - началу XI в. *(Седов,* 19606. С. 126), т.е. к эпохе, которую мы именуем гнёздовской.

Не приходится сомневаться в том, что при археологических раскопках, в частности, в Западнорусских землях, остатки языческих святилищ встречались неоднократно, и нам, безусловно, интересно, что же о них говорит археология.

Первым археологом, обратившимся к этой интересной теме, был, безусловно, все тот же А.Н. Лявданский (1924. С. 51). По своим "крошечным размерам" ряд городищ, которые он копал, - писал он, - не могли быть укрепленными пунктами на случай защиты от нападения, а тем более местом жилищ, то остается допустить, что они служили для обрядовых и вообще религиозных целей. Подтверждением этому может отчасти служить и их круглая, отнюдь не случайная форма. Эту мысль позднее на примере тех же смоленских городищ разделил В.В. Седов (19626. С. 57-64), датировавший данные памятники-(не имеющие культурного слоя) по находкам на соседних селищах.

Позднейшие исследования археологов, по нашему мнению, поколебали эту уверенность (о чем речь впереди). Начнем с каменных изваяний, которые в древности на нашей территории, можно думать, были распространены. Изваяния эти, безусловно, должны свидетельствовать о распространении здесь язычества, изображали древних богов языческого пантеона и стояли, вероятнее всего, на местах, где им поклонялись - т.е. в языческих святилищах или на могилах родственников, ушедших на тот свет. Идолов этих скорее всего следует искать в местных так называемых "Святых" озерах, в руслах рек и т.д., куда они были сброшены в период крещения Руси, т.е. в X - начале XI в.

Однако беглый просмотр библиографического справочника С.А. Дубинского (1933) показывает, что такие изваяния-идолы древности во многих местах Белоруссии высились совсем еще недавно! Как и во всей Руси, их здесь именовали "каменными бабами", "болванами". Вот их перечень: Невельский уезд *(Дубінскі,* 1933, № 1437); Оршанский у., д. Семахово - № 2269 (на кургане!); д. Пуховичи у "Князь озера" "хаутурны камень", Витебская губ. (№ 2668); между г. Речицей и Бобруйском "каменная баба" (№ 2677); каменные бабы в Смоленском музее (№ 3070); каменная баба из Рославля (№ 3087а); Волковыск; Ятвеск Гродненской губ. (№ 3447).

Итак, каменные бабы - древние языческие божества - были распространены в наших землях и иногда фиксировались. То обстоятельство, что некоторые из них стояли на курганах, заставляет думать, что это - славянские памятники, большая часть которых уничтожена в конце X - начале XI в. То, что идолы, а, следовательно, и места, где им поклонялись, - капища были распространены, подтверждается также топонимией. П.Н. Третьяков сообщает, что в Смоленщине, в *Ъ-А* км от знаменитого городища Тушемля есть усадьба Болвановичи, где, по сведениям 1882 г. (и по местным преданиям), стояло каменное изваяние наподобие человека *(Третъяков, Шмидт,* 1963. С. 31). Об этом же или, возможно, о каком-то другом идоле говорится в интереснейшей рукописи XVII в.: "в 30 поприщах от Смоленска" по дороге к Чернигову, стояли каменные изваяния - "аки люди стояще на поле там, видимы суть и понынe" *(Третьяков, Шмидт,* 1963. С. 31). Есть сведения, что "изваяния человека были в верховьях р. Габьи - правого притока р. Десны, в начале XX в. Там стоял каменный крест, напоминающий фигуру человека. Однако окрестное население называло эту фигуру "Болваном". Очевидно, когда-то "болвана" заменили крестом.

Наконец, каменных идолов на нашей территории и по соседству находили и археологи. Три каменных изваяния были найдены на Днестре у с. Ивановны - в земле тиверцев *(Довженок,* 1952). Это было святилище с тремя идолами (каждая фигура весила по 1 тонне), самая крупная из них наподобие знаменитого Сбручского идола *(Русанова, Тимощук,* 1993. Рис. 3; *Рыбаков,* 1987. С. 239, рис. 50) была четырехликой (о расшифровке этого см.: *Рыбаков,* 1987. С. 245 и ел.).

Об идолах Западнорусских земель писали уже в XIX в. Известный собиратель минских древностей Г.Х. Татур (1892. С. 34) писал, что идолы, чтимые языческими народами, составляют очень редкое явление. Они представляли собой не только статуи, но и более или менее оформленные столбы с разными изображениями или чертами вверху лица человека. Такой, например, камень известен в Игуменском уезде под названием "Царь Давид", которое, понятно, ему присвоено было уже христианским поколением.

Наиболее важным событием (может быть, недостаточно оцененным белорусскими исследователями) была находка при строительных работах каменного идола под Шкловом, на берегу реки

Серебрянки. Каменная фигура высотой 1,2 м была высечена из песчаника и весила около 250 кг. Верхняя часть представляла (женский?) лик, высеченный очень примитивно и грубо. Голова не имела шеи и непосредственно переходила в каменный столб. Идол лежал в земле на глубине 2-2,5 м. Г.В. Штыхов был вызван на место находки и перевез ее в Минский музей. Раскопок на этом месте он, сколько известно, не производил, и непосредственная окрестность идола осталась неизученной (хотя там могло быть святилище).

Первые святилища на нашей территории были ювелирно исследованы П.Н. Третьяковым, открывшим их на трех смоленских городищах: Тушемля, Городок и Слобода-Глушица в верховьях р. Сож *(Третьяков, Шмидт,* 1963. С. 13, рис. 2 (карта)). Датировались они (нужные нам слои) второй половиной первого тысячелетия н.э., т.е. предславянским временем.

На городище у р. Тушемля (Починковский р-н) аборигенный слой этого трехслойного памятника датировался V—III вв. до н.э. и принадлежал восточным балтам. Древнейшее святилище здесь было открыто в *среднем слое* (начало I тыс. н.э.), в северной части памятника, за валом. Оно представляло круглую утрамбованную площадку, диаметром 6 м, окруженную неглубокой канавкой, в центре которой было углубление для укрепления идола - старшего божества, вырезанного из дерева. Углубления от столбов (идолов меньшего ранга?) на равном расстоянии друг от друга были расчищены и в канавке. Итак, младшие идолы окружали старшего по кругу. Та же картина повторилась и в верхнем слое, где святилище было повторено и погибло в пожаре IX в. *(Третьяков, Шмидт,* 1963. С. 12-14).

Аналогичные результаты получены П.Н. Третьяковым на городище Городок, в 18-20 км к северу от Тушемли. Здесь также на "стрелке" памятника было открыто святилище - круг утрамбованной земли в 5 м диаметром был окружен выкопанной канавкой, где стояли "столбы" - младшие боги, окружавшие центрального главного. Все погибло в пожарище IX в., как и в Тушемле *(Третьяков, Шмидт,* 1963. С. 26-28). Ценнейшей находкой был череп крупного медведя, сохранивший нижнюю челюсть - доказательство, что она от него не отделялась (скажем, при еде), а вся голова мертвого животного венчала один из столбов (может быть, думает исследователь, центральный), - следовательно, на данном святилище почитался культ медведя.

Третий языческий памятник предславянской Смоленщины был исследован П.Н. Третьяковым у д. Слобода-Глушица того же времени, что и городища Тушемля и Городок. Здесь, на городище не было сравнительно большого святилища, круговая площадка была много меньшей, что показало, что святилища, как такового (капища), здесь не было, а было городище-убежище с местом для моления: среди круга стоял только один небольшой идол *(Третьяков, Шмидт,* 1963. С. 111, 112).

Существование городищ со святилищем у аборигенного населения этих мест показывало, что языческие святилища могут быть открыты и у пришедших сюда немного позднее славян. Действительно, в 1969 г. группа московских археологов нашла остатки славянского святилища в стране радимичей, вблизи границы с дреговичами, у д. Ходосовичи близ Рогачева. Рядом находились курганы с кремацией VIII-IX вв., что позволило исследователям датировать и этот памятник *(Куза, Соловьева,* 1972. С. 146-153).

Как и в аборигенных святилищах, здесь в слое X в. был обнаружен утрамбованный круг диаметром 7 м, который был сооружен на мысовой части городища. В центре круга - углубление 15 см. С севера, востока и юга на расстоянии 2 м от внешнего края круга были выкопаны три серповидные канавки 6 м длиной при ширине 1,8 м. Ямы эти были заполнены черным углистым песком, а на их дне было большое скопление угля. Любопытно, что на расстоянии 10 м к востоку обнаружилось второе кольцо диаметром 5 м, в его канавках были видны следы столбов, зарытых в дно на 20-30 см. Как и в первом случае, на расстоянии 1,5 м и здесь были серповидные канавки шириной 1,1 м и глубиной 1,2 м. Одна из них сохранилась полностью и, как и в предыдущем случае, имела длину 6 м при максимальной ширине 1,1 и глубине 1,2 м. В северной части дюны был ручей, впадающий поблизости в Святое (переименовано на Доброе) озеро.

Авторы реконструируют святилище следующим образом. На дюне у Святого озера была размечена круглая площадка с главным идолом в центре. Кольцевой ровик окружал площадку и был, по-видимому, переполнен сонмом деревянных идолов, вкопанных в землю, либо, предполагают авторы, в нем возжигали "малый костер" и т.д. Огнем горели сучья, солома и т.д. Костры, несомненно, горели и в полукруглых ровиках вокруг (сильно заполняя их золой). У южных ровиков как первого, так и второго кольца существовали какие-то сооружения, как думают авторы, - жертвенники. Типичная керамика гнёздовского времени позволяет отнести ходосовское святилище по типу к межродовым святилищам этого времени *(Куза, Соловьева,* 1972. С. 152-153).

Перейдем к остаткам крупного святилища, расположенного в Турове, рядом с которым, по-видимому, его уничтожив, возник деревянный православный храм, в XII в. замененный памятником из плинф *(Лысенко,* 1999. С. 228; 2004. С. 98-101). К большому сожалению, автор не отнесся к уникальному памятнику с должным интересом, не счел нужным вскрыть его полностью и ограничился лишь открытой его половиной. А это полной картины не дает и делается только в самых безвыходных положениях.

Как это ни парадоксально, капище в тех деталях, которые были раскопаны, все-таки дало возможность, хотя бы поверхностно, судить о Туровском капище и даже сравнить его с капищами, о которых речь. Его устройство в тех деталях, которые дошли до нас по его половине, действительно их напоминает. В центре полукруга (вероятно, круга), состоящего из двух рядов овальных ям, выкопанных узкой стороной к центру, была круглая яма диаметром 1,0-0,8 м. Эту яму окружают полукольцом (в действительности, вероятно, кольцом) два ряда ям. Один на расстоянии двух метров от центра, другой - далее (масштаба нет). В первом ряду - 5 ям, во втором - 7. Западные ямы первого круга овальные, узкой стороной направленные к центру (кроме восточной, круглой). Автор полагает, что все ямы содержали изображения идолов: как он думает, Перуна (в центре) и более второстепенных богов по кругу. Из-за того, что вторая половина святилища не была раскопана, мы не знаем общего количества ям, идолов. А эти данные на таком памятнике, как святилище, очень важны, так как количество богов, овальных ям и т.д. может дать важные сведения, например, о числах, которые могут быть священны и сопоставимы с будущими раскопками языческих святилищ! Видимо, ювелирные раскопки в этих случаях необходимы.

Как видим, в западных землях Руси на сегодня археологи вскрыли несколько ценнейших и редчайших памятников - языческих святилищ - второй половины и конца I тыс. н.э. и самого начала второго. Это большая удача. Изучение характера этого вида памятников позволит в будущем установить характер религиозных верований древнего населения.

Подводя итоги описанию раскопок святилищ, нужно отметить, что характерной особенностью, типичным, видимо, для святилищ аборигенного и пришлого населения можно считать расположение святилища и идолов на нем. Основу всего составляют круг и его центр. О чем это говорит? Круг является древнейшей геометрической фигурой, известной человеку уже во времена неолита (кромлех, стонехендж и т.д.) Круг видел человек, выходя в степное поле, он ограничивался линией горизонта, круглыми были солнце, луна, некоторые другие светила, если видеть их позволяет глаз. Двигаясь к горизонту, человек видел, что круг вместе с ним перемещается, к какой бы части горизонта он ни шел. А это наводило мысль на понятие бесконечности. В первоначальном мышлении понятие о времени, начале и конце, не существовало. Основываясь на Платоне, Г.К. Вагнер пишет, что "идея о круге возникла в период, когда отсутствовала идея историзма". Последняя предполагает начало и конец, т.е. линейное, а не круглое движение (начало-конец). Круг, следовательно, - символ бесконечности, что адекватно идее вечности... Идея развития исключалась. «Мы не знаем, какие действия совершались в круглых святилищах, но как бы оно ни совершалось, у них было лишь одно направление - по замкнутому кругу без начала и конца. Идея четвероугольника гораздо "историчнее" по своей природе идеи круга» (*Вагнер,* 1999. С. 29). Участники культовых действий в четырехугольном пространстве «уже не представляли ту недифференцированную массу "сборища", которая могла толпиться вокруг центрального идола в святилищах круглой формы, - пишет он далее. - Ясно также, что повышение обрядовой роли и, следовательно, повышение обрядового ранга происходило по мере приближения к жертвеннику, т.е. к одной из прямоугольных сторон "капища" более позднего времени...» (*Вагнер,* 1999. С. 30).

Любопытно, что языческие капища, в нашем случае аборигенных балтов и пришлых славян, по-видимому, были похожи друг на друга: главный бог - центр круга, меньшие боги - по окружности вокруг него, что указывает, как думал Б.А. Рыбаков (1987. С. 123), на медленную ассимиляцию субстратного населения и "при этом местные дославянские святилища воспринимались славянами как бы по наследству и продолжали существовать очень долго, перейдя в дальнейшем в христианскую форму". Конечно, имело место и это, но главная причина сходства святилищ кажется не в этом, а в общности языческих идей в том понимании вечности, при котором, как мы сказали, на той начальной стадии умственного развития человека, идея круга казалась всеобъемлющей. Напомним, что балто-славянские языки в индоевропейской системе языков как, видимо, и культурные особенности, разъединились последними. Не так далеко разошлись, вероятно, и верования.

Так археология дополнительно иллюстрирует тот небольшой и неполный материал о пережитках языческих верований славянских племен-кривичей, сохранившихся в виде рудиментов до XIX-XX вв. лучше всего в Белоруссии. Надо сказать, что этот ценнейший источник еще требует целенаправленного и детального сбора данных и, насколько это возможно сейчас, глубинного осмысления.

Очерк второй

Гнёздовский этап Западной Руси (IX-начало XI века)

Однодревки, приходящие в Константинополь из внешней Руси, идут из Новогарды, в которой сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски, из Телюцы, Чернигови и Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самвата. Данники их Славяне, называемые Кривитеинами и Лензанинами...

Константин Багрянородный, X в.

Интенсивное развитие европейской экономики IX-XI вв. привело к бурному росту производительных сил стран Западной Европы. В Италии, Франции и в других европейских землях шел процесс феодализации. Натуральное хозяйство играло все меньшую роль. Судя по источникам (капитуляриям, полиптикам, картуляриям), среди крестьянства все шире распространялось деревенское ремесло, которое начинало превышать местные потребности. Возник "стимул, побуждавший крестьянина-ремесленника убегать от сеньера в такие места, где он мог найти более широкое поле деятельности, сбывая продукцию" *(Стоклицкая-Терешкович,* 1960. С. 7, 8). Появились люди, посвятившие себя скупке и перепродаже скупленного там, где в нем нуждались. Это ознаменовало огромный скачек в экономике того времени, появление класса купцов. Рейн, Шельда, Маас стали важными торговыми артериями, по которым двинулись негоцианты на север (Англия, Скандинавия), юг (Италия), восток (русские земли). Западную и Восточную Европу покрыла обширная сеть торговых путей. Навстречу европейским купцам поплыли ладьи, груженные арабским серебром, пряностями, мехами, воском, их меняли на товары, произведенные в Европе - сукна, оружие, некоторые виды украшений и т.д. Началась эпоха оживленных сношений Запада и Востока раннего Средневековья.

Опасность дальних длительных путешествий с товарами по рекам и по суше для купцов-одиночек породила систему передвижений караванов судов. Узловые пункты на скрещивании путей, на вынужденных остановках у волоков и т.д. были крайне важны: там густо селилось местное население, рассчитывая на работу по перевозке ладей по суху, на необходимость смоления судов после этого, также на возможную здесь торговлю с проезжими. Остатки таких древних поселений широко известны археологам и некоторые изучаются. У нас на Руси главными артериями движения товаров были Волга, соединявшая Европу с арабским миром, и Путь из Варяг в Греки - транзитный путь из Скандинавии в Византию.

Своеобразие Западнорусских земель, столь поражавшее иностранцев, как мы знаем, в XVI-XVII вв. не могло не удивлять проезжих и в более отдаленные времена. Во Франции еще с эпохи Великой Римской империи шла колоссальная вырубка местных лесов под пашни, а здесь, на Руси, были нетронутые гигантские лесные массивы, полные зверья, "ихтиофауны" в лесных реках и водоемах, почти нетронутых с четвертого, так называемого Вюрмского оледенения! Среди лесов на холмах-городищах прятались еще малоразвитые восточнобалтские аборигены, знавшие лишь подсеку, примитивное скотоводство, охоту, рыболовство и бортничество. Им не мешали втиснувшиеся в их леса славянские племена, знавшие, в отличие от них, и пашенное земледелие, и торговлю. Места хватало всем! Аборигены и пришлые славяне жили

мирно и в контакте: иначе, как мы говорили, мы не узнали бы наименований местных озер и речек, где слышится и теперь их исконный балтский корень.

При приходе первых славян, здесь царило, надо думать, недолгое удивительное время полной свободы жизни. Славяне и восточные балты мирно уживались, по здешним рекам двигались купеческие ладьи с товарами и проворными торговыми людьми из разных, часто далеких стран. Но вскоре все изменилось - избыток продукта породил у жителей неравенство, возникла зависимость одних от других, наставали раннефеодальные времена, и это не могло не отразиться на жизни местных сел. В чем это выражалось мы, к сожалению, не знаем.

Главнейшие коммуникации Западнорусских земель

Главным условием контактов в древней Руси были коммуникации и прежде всего, конечно, водные, связавшие Русь с Востоком благодаря Волге еще в конце первого тысячилетия н.э. К этим "началам" мы и перейдем (см. рис. 5).

ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ. Расцвет торговли Руси с арабским востоком, по В.В. Мавродину (1945. С. 134-137) падает на VIII-IX вв. Однако М.А. Артамонов утверждал, что Волжский путь начал широко использоваться только в IX в. *(Артамонов,*

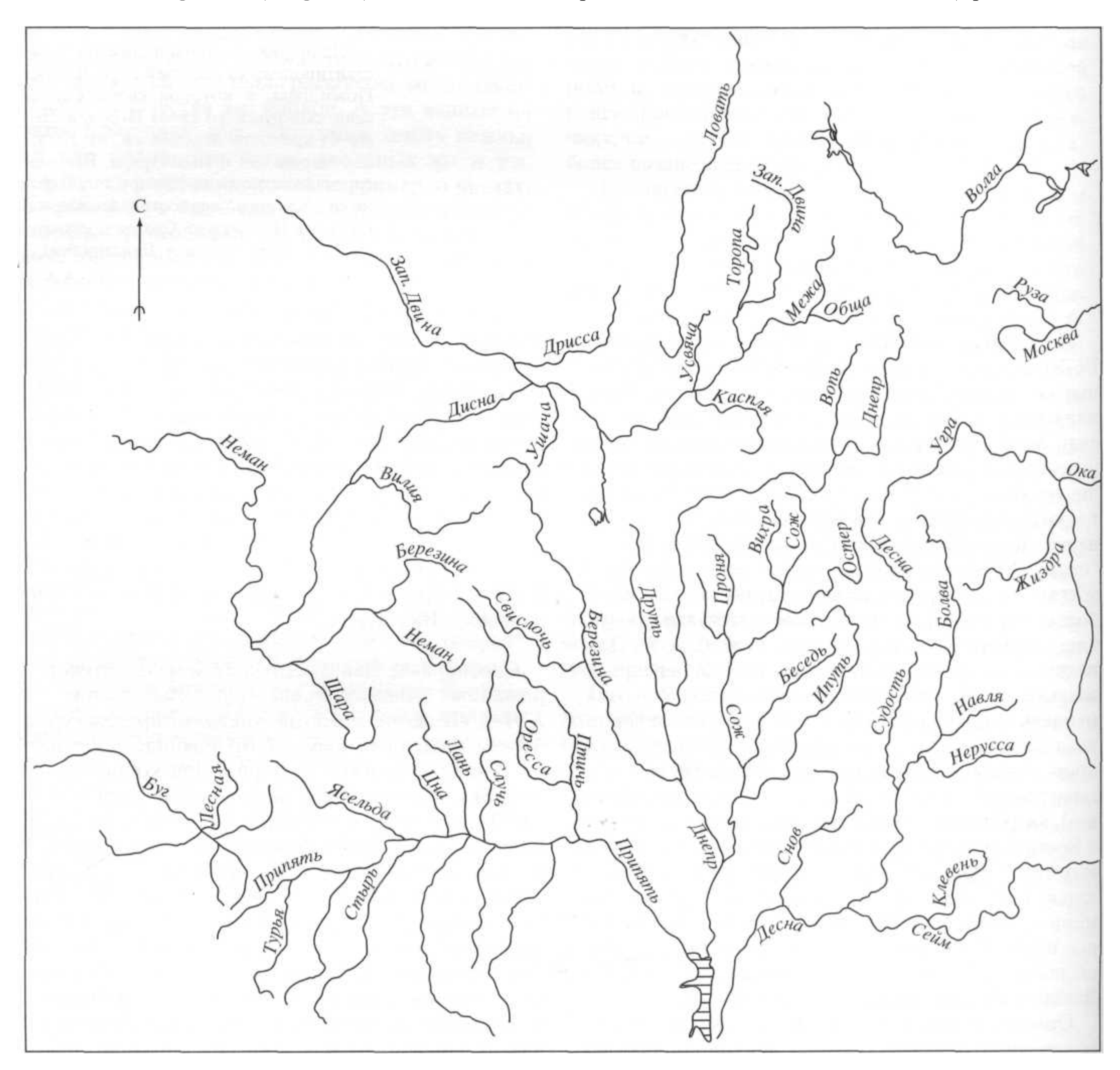


Рис. 5. Водные коммуникации Западнорусских земель

1962. С. 299) и, в частности, со второй его половины, к чему склонялся и Б.А. Рыбаков (1948. С. 317). С этой датой соглашался и А.Л. Монгайт (1961. С. 90-95), отметивший, что Путь из Варяг в Греки "начал играть значительную роль позже, чем Волжский путь", а последний, как он утверждал, возник якобы в VIII в. до н.э., в период существования ананьинской культуры (VIII—III вв. до н.э.!). В Сассанидское время (III—VII вв. н.э.) "на берегах Камы находилось много арабского серебра и монет. К этому времени, вероятно, был уже проложен путь от Балтийского до Каспийского моря" *(Монгайт,* 1961). Это утверждение не вышло бы за рамки предположеий, но его следующее соображение, что Волжский путь был в значительной степени "Окским", а воротами был Болгар, отрицать нельзя. Исследователь приводит список восточных монет, найденных на этом Окском пути и выясняется, что треть восточноевропейского серебра происходит с Оки. Именно по ней оно попадало в Киев, а затем расходилось в разных направлениях и, в частности, в Западную Русь. В капитальном труде о Волжском пути И.В. Дубов поддержал мысль Б.А. Рыбакова, что путь этот начал развиваться во второй половине IX в. "когда Ладога, Рюриково городище, Ростов Великий и другие центры, выявленные археологически в последнее время, играют ключевую роль в связях с Востоком и Скандинавским севером" *(Дубов,* 1989. С. 164).

Каждый торный торговый путь привлекал население. "Территория расселения ел овен, кривичей и мери, - замечает Е.Н. Носов, - удивительно совпадает с районами, через которые со второй половины VIII в. проходил Балтийско-Волжский путь". По нему "поступало восточное серебро на Русь и в страны Балтики. Северный отрезок этого пути рельефно высвечивают монетные клады... по Неве, Волхову, по рекам Ильменского бассейна - Поле, Мете, с переходом на верхнюю Волгу и далее - в Волго-Окское междуречье". У Старой Ладоги найдено четыре монетных клада VIII-IX вв., одиннадцать - в верховьях Волги, где древнейшие датируются IX в., пять - у Ростова Великого (IX в.), два - у Тимерева *(Носов,* 1990. С. 186-188). По мнению этого исследователя, путь по Волхову сложился в VIII в., интенсивно функционировал в IX в. и отразился обилием населения и находок в низовьях и верховьях *(Носов,* 1984. С. 36) (рис. 6).

ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ возник, может быть, несколько позднее, но стал главнейшим. Летописец писал: "БЪ путь из варягъ въ греки и изъ грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловоти и по Ловоти внити въ Ылмерь озеро великое, из него же озера вътечеть Волховъ в озеро Нево, и из того озера внидетъ устье в море Варяжское..."(ПВЛ, 1950. С. 11).

"Путь из Варяг" с ответвлениями на больших пространствах проходил, судя по кладам, через

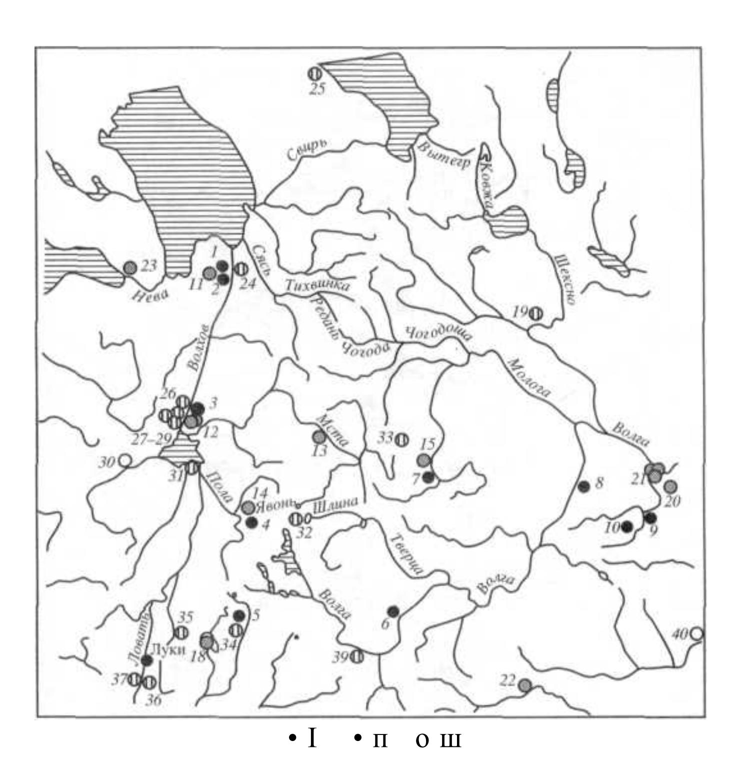


Рис. 6. Карта кладов арабских и других монет IX-XI вв. в Северо-Западной Руси *(Носов,* 1976)

/ - Старая Ладога; 2 - Княжчино; *3* - Вылеги; *4* - Демянск; 5 - Набатово; 6 - Семенов Городок; 7 - Загородье; *8* - Углич; 9 - Угодичи; *10* - Сарское городище; *11* — Старая Ладога; *12* - Новгород (Кириллов монастырь); *13* - Потерпилицы; *14* - Шумилово; 75 - Кузнецкое; *16* - Лучесы; *17* - Витебская губерния; *18* - оз. Зеликовье; *19* - Панкино; *20,21* - Тимерево; *22* - Москва; *23* - С.-Петербург; *24* - Старая Ладога; *25* - Петрозаводск; *26* - Новая Мельница; *27-29* - Новгород; *30* - Любыни; *31* - Подборовка; *32* - оз. Шлино; *33* - Иловец; *34* - Пальцево; 55 - Торопецкий уезд, р. Кунья; *36* - Великолукский уезд; *37* - Великие Луки; *38* - Витебск; *39* - Ржев; *40* - Владимир. Условные обозначения: I - конец VIII в. - 833 г.; II - 833-900 гг.; **III** - 900-970 гг.

Западнорусские земли - Полоцкую *(Алексеев,* 1966. С. 84, рис. 15; *Рябцевич,* 1998. С. 66-80; 2000. С. 66-721) и Смоленскую *(Алексеев,* 1980а. С. 36—37, рис. 5) (рис 7, 8). Нумизматические находки в Смоленщине распространены, собственно, в трех местах. Северная часть Смоленской земли (верховья Западной Двины, ее приток р. Торопа и верховья Волги) заселена, судя по курганам, была не очень сильно и в основном по названным рекам - именно они и были главным притяжением. Здесь найдены клады у г. Торопца, причем, клады у Зеликовья и Набатова датируются IX в. *(Носов,* 1976. С. 104, 105). Восточнее - находки монет в верховьях Западной Двины - Курово и Пальцево (клад с младшей монетой 914 г.). Еще восточнее, у Ржева - два клада: Семенов Городок и собственно Ржев. На верхней Волге, как мы знаем, с. Оковец указывает границу Оковского леса. И действительно, большое пространство, судя по расположению курганов, не было заселено. Лишь в одном случае (у д. Дунаево) здесь, в Оковском лесу, в 1925 г. был

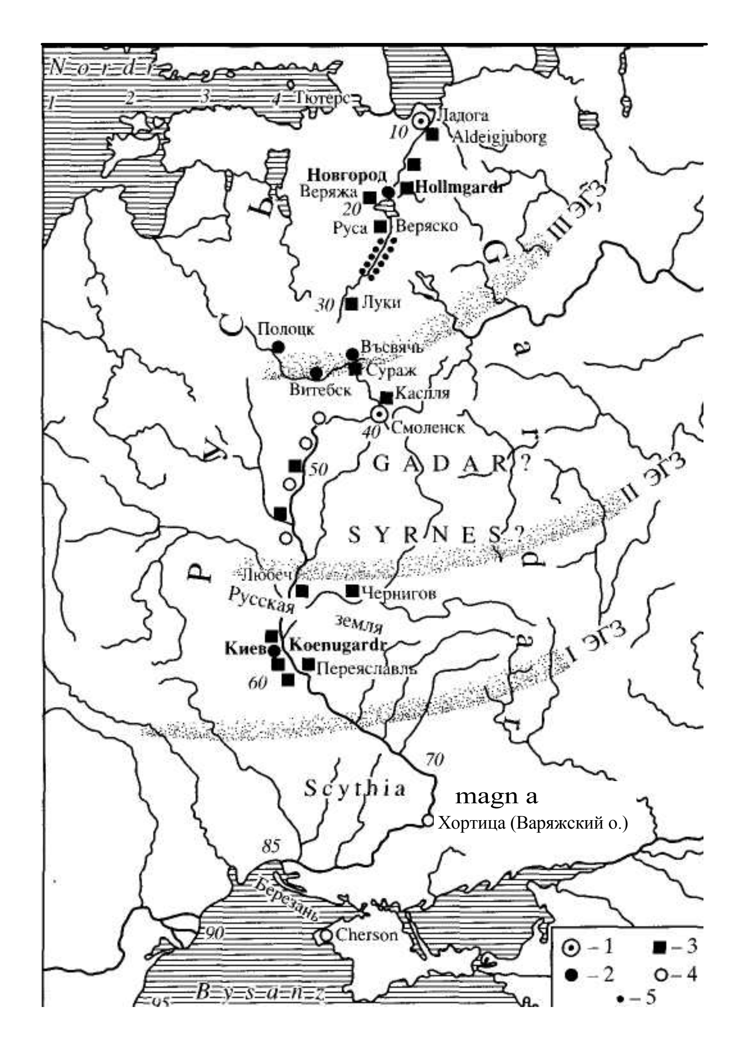


Рис. 7. Путь из Варяг в Греки по данным археолого-навигационного обследования экспедиции "Нево" , 1985-1995 гг. *(Лебедев, Жвиташвили,* **2000)**

Условные обозначения: 1 - открытые торгово-ремесленные поселения (архаические города "старшего типа"); 2 - древнерусские города (классический средневековый город "младшего типа"); 3 - "градки" на пути из Варяг в Греки; 4 - "градки" в основании древнерусских городов XI-XIII вв.; 5 - сельские поселения с функцией контроля на водном пути. Цифрами *1-95* отмечены дневные переходы

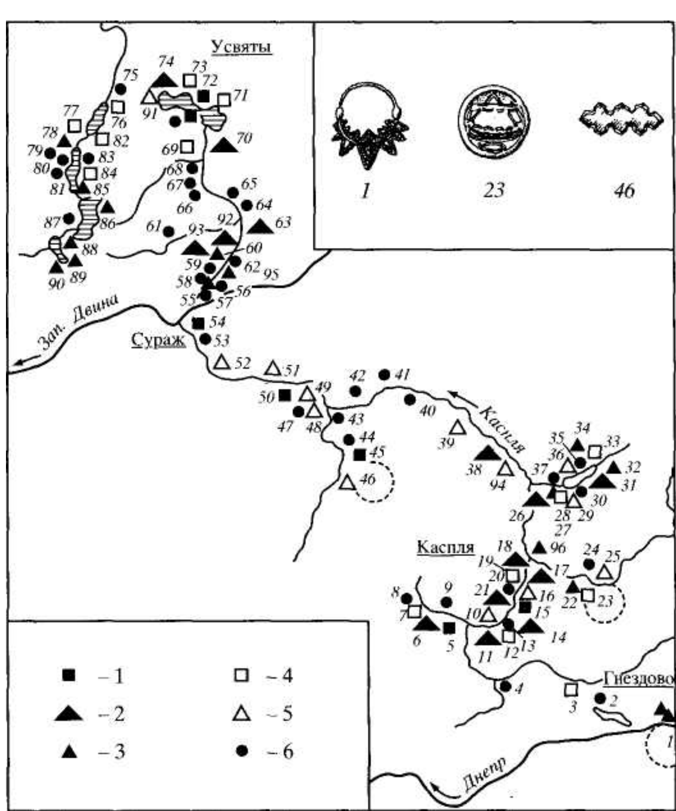


Рис. 8. Переход из Двины по Каспле (по данным 1966 г. - см.: ***Лебедев, Жвиташвили,*** **2000)**

Условные обозначения: 1 - городища X-XIII вв.; 2 - селища X-XII вв.; 3 - селища XIII-XVI вв.; 4 - городища с лепной керамикой; 5 - селища с лепной керамикой; 6 - курганы. На врезке - археологические находки *(1,23* - 1967 г.). Цифрами на карте обозначены местонахождения: *1* - Гнёздово, 2 - Куприне, *3* - Ермаки, *4* - Лелеква, 5 - Иньково, *6-9* - Рокот, *10* - Каспля III, *11-13* - Пилички (Монастырщина - Волоковая), *14* - Каспля I, *15* - Каспля (городище), *16* - Алфимово I, *17* - Алфимово II. *18* - С. Лупихи, *19* - Лакесы ("Городец"), *20* - Лакесы, *21* - Каспля II, *22-25* - Кислая, *26* - Марченки, *27* - Дубки, *28-30* - Акатово, *31* - Холм, *32* - Захарьино, *33* - Захарьино (городище "Теткина Гора"), *34* - Диво, *35-37* - Дроково, *38* - Дедово, *39* - Демидов, *40* - Минаки, *41* - Осиновцы, *42* - Заболотье, *43-46* - Ковали, 47, *48* - Понизовье, 49, *50* - Н. Боярщина, *51* - Кошавичи, *52-54* - Сураж, *55* - Галиново, 56 - Слобода, *57* - Гончары, *58, 59* - Казакове, *60* - Запольское, *61* - Марковичи, *62* - Демяхи, *63* - Жильцы, *64, 65* - Шепечи, *66-68* - Дрозды, *69* - Тарасовские Горы, *70* - Лукашенки, *71* - Юрьевы Горы, *72, 73* - Усвяты, *74* - Рыбакова Нива, *75* - Узкое, *76* - Лялевщина (городище "Пупок"), *77, 78* - Лялевщина, *79* - Маркины Ляды, *80, 81* - Межа, *82* - Жеребцовское городище, *83, 85* - Конец, *84* - Степановичи, *86* - Двухполье, *87* - Заборок, *88* - Боброве, *89* - Шелбаево, *90* - Заречье, *91* - Лукашенки, *92* - Н. Александровка, *93* - Залута, *94* - Дедово, *95* - Синий Камень

найден клад диргемов *(Алексеев,* 1980а. Рис. 5). Монетные находки начинаются южнее, там, где проходит путь к Финскому заливу и к Риге.

ОТВЕТВЛЕНИЯ "ПУТИ ИЗ ВАРЯГ" С ДНЕПРА НА ЗАПАДНУЮ ДВИНУ. В летописи говорится о пути из Днепра в Ловать, нас же интересуют те ответвления "Пути из Варяг", которые через волоки соединяли Днепр и Западную Двину и которые можно установить по находкам монетных кладов и отдельных монет (рис. 9, 10) и частично по топонимам волок, переволочная и т.д. (рис. 11, 12).

Впервые о пути с севера через Смоленск на запад и на юг мы читаем в летописях, относящихся к событиям 860-х годов, когда Аскольд и Дир не решились взять Смоленск, "велик и мног людми" (863 г. ПСРЛ. 1982. Т. 38. С. 18), и якобы сразу двинулись к Киеву. Однако Никоновская летопись, по своим источникам, добавляет, что Аскольд и Дир "воева полочан и многа зла сътвориша" (ПСРЛ. 1965. Т. И. С. 9). "Зло", как удается выяснить благодаря археологии, действительно от Смоленской земли перекинулось к Полоцкой, о чем свидетельствуют четыре зарытых клада IX в. с очень близкими датами младших монет: 1) у

Условные обозначения:
клады: – IX в. – X в. – XI в.
I–V – торговые пути
монеты: – IX в. – X в. – XI в.

Рис. 9. Клады и отдельные находки арабских монет IX - начала XI в. в Западнорусских землях (по: *Рабцевич, Стуканаў,* 1973; *Рябцевич,* 1998; 2000; *Алексеев,* 1966; 1980)

1 - клад вблизи р. Цны; 2 - Дегтяны; *3* - Греск; *4* - Слуцк; 5 - Пятевщина; *6* - Новоселки; *6а* - Койданово; 7 - Минск (4 находки монет); *8* - Заславль; *8а* - Избище; 9 - Погорельщина; *10* - Раковцы; *11* - Симоны; *12* - Глубокск; *13* - Поставы; *14* - Красная; *15* - Прудники (6 находок кладов и отдельных монет); *16* - Видзовский Двор; *17* - Ахремцы; *18* - Поречье Глубоковского р-на; *19* - Полоцк (4 находки монет); *20* - Козьяки; *27* - Полоцк (2 клада); *22* - Струнь; *23* - Малые Дольцы; *24* - Тупичино; *25* - Усвица; *26* - Словены; *27, 28* - Стражевичи; *29* - Прусиничи; *30* - Красновинки; *31* - Шапчицы; *32* - Збаров; *33* - Рогачев; *34* - Микулино; *35* - Гомель; *36* - На р. Узе; *37* - Покоть; *38* - Кисаляки; *39* - Вотня; *40* - Староселы; *41* - Поповка; *42* - Песчанка; *43* - Могилев (6 находок); *43а* - Красковинка; *44* - Горки; *45* - Ст. Дедин; *46* - на р. Проня; *47* - Зимница; *48* - Багриново; *49* - Вядец (2 находки); *50* - Застенок; 5/ - Соболеве; *52* - Борщевина; *53* - Лучесы; *53а* - Гарица; *54* - Богушевск; *55* - Суходрево; *56* - Любиничи; *57* - Витебск (4 находки монет и кладов); *58* - Городок; *59* - Гнёздово; *60* -Иловка; *61* - Мутышкино; *62* - Дорогобуж (2 находки); *63* - Ярцево; *64* - Жигулино; *65* - Кислая; *66* - Слобода; *67* - Дунаево; *68* - Попово; 69, *70* - Паново; *71* - Гульце; *72* - Горки; **73** - Ржев; *74* - Семков Городок; *75* - Курово; *76* - Торопец; *77* - Пальцево; *78* - Жабичев; *79* - Харлапово; *80* - Березино; *81* - имение Антовили; *82* - Черневичи; *83* - оз. Шо (д. Шо); *84* - Новый Двор; *85* - Горовляны; *86* - Суденка; *87* - клад из Оршанского у.; *88* - Глазунове; *89* - Поречье; *90* - Богомолец; *91* - Лециковщина; *92* - Саки; *93* - Смольяны; *94* - клад из Богушевского р-на; *95* - Плисса; *96* - Путилковичи; *97* - Сенно; *98* - Добрино; *99* - Дивная; *100* - Слободка. На карту не нанесены находки кладов и отдельных монет, местонахождение которых известно лишь в пределах районов (Бешенковский (1), Витебский (2), Глубокский (1), Миокский (3), Шарковщинский (3), Червенский (1), Сенненский (1)) или в пределах области (Витебская (2)) - итого 14. Всего было найдено 139 нумизматических находок, большая часть которых происходит из Днепро-Двинского междуречья

Рис. 10. Арабские диргемы и западноевропейские монеты XI в. из клада у д. Прусиничи Толочинского р-на Витебской обл., Беларусь, неподалеку от волока Друцк-Лукомль

Рис. 11. Река Ловать в районе волока к притокам Западной Двины. Вдали - городище раннего железного века (культура штрихованной керамики) у бывшей д. Жеребцы. Фото автора, 1950 г.

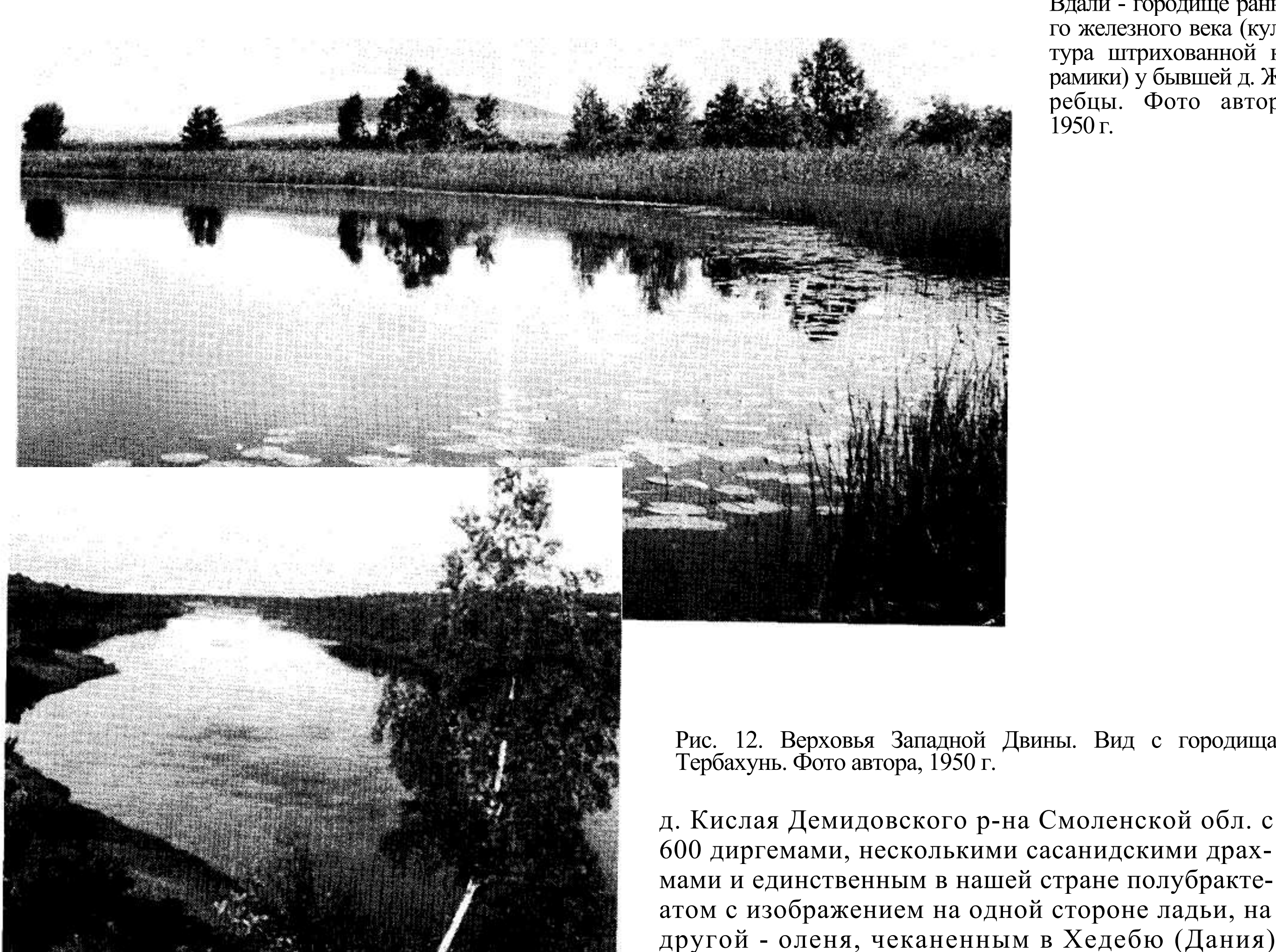


Рис. 12. Верховья Западной Двины. Вид с городища Тербахунь. Фото автора, 1950 г.

д. Кислая Демидовского р-на Смоленской обл. с 600 диргемами, несколькими сасанидскими драхмами и единственным в нашей стране полубрактеатом с изображением на одной стороне ладьи, на другой - оленя, чеканенным в Хедебю (Дания) около 825 г. *(Шмидт,* 1969. С. 83-85; *Потин,* 1970. С. 76, примеч. 1); 2) у д. Соболеве Дубровенского р-на Витебской обл. (138 целых диргемов, 168 обрезков с младшей монетой 857 г.) *(Кузняцоў,* 1949); 3) д. Лучё'сы Витебского р-на с младшей монетой 862/863 г. *(Рябцевич,* 1998. С. 67). Четвертый клад найден у д. Добрино Лиозненского р-на с младшей монетой 841/842 г. *(Рябцевич,* 1998. С. 69). Близкие даты этих кладов позволяют предполагать, что они зарыты были при нападении Аскольда и Дира (863 г.). Воеводы не взяли Смоленска, не взяли, видимо, и Полоцка - там нет и кладов монет IX в. Однако, они причинили "зло" волости Полоцкой. Где же они прошли? Они двигались по рекам между Днепром и Западной Двиной именно, видимо, через Добрино на север к "городку" на Витьбе, где найдены 2 диргема 786-809 гг., и 823/824 г. *(Рябцевич,* 1998). Далее, можно думать, они действительно рассеялись по земле полочан, причиняя "зло" (клад у д. Ахремцы с младшей монетой 852/853 г. *(Рябцевич,* 1998), Видзский Двор - 2 диргема (807, 808 г.) (отдельные монеты можно связать с походом Аскольда и Дира условно - *Рябцевич,* 1998), клад у Поречья с младшей монетой

853/854 г. *(Рябцевич,* 1998. С. 68) и т.д. Если клады, о которых идет речь связывать с походом Аскольда и Дира неосторожно, то, все-таки картографирование кладов и отдельных монет IX в. указывает нам, что проникновение арабских монет на Западную Двину произошло именно в это время. На остальной территории междуречья Западной Двины и Днепра их нет (рис. 9).

Так или иначе, но все же для нас несомненно, что на Западную Двину арабское серебро попадало начиная с IX в., и при том двумя путями. Севернее Оковских лесов оно шло с Волги, южнее же этих лесов, в районе гнёздовского Смоленска и восточнее его везли с юга - из Киева, куда оно попадало, как мы видели, через р. Оку с Волги.

Первый (основной) торный путь Днепр - Двина. Не приходится, кажется, сомневаться, что главнейшее направление движения серебра на эту территорию шло главным образом на гнёздовский Смоленск (рис. 13) *(Корзухина,* 1954, С. 87-89; *Авдусин, Каменецкая, Пушкина,* 1976. С. 53-74; *Белоцерковская, Пушкина, Петрухин,* 1974. С. 42; *Пушкина,* 1994. С. 171-186; 1998. С. 370-378; и др.).

Второй торный путь Днепр - Двина, судя по кладам и отдельным монетам, начинался от Днепра выше Орши (в районе Соболева) и шел в сторону Витебска (д. Добрино на Ворхите, Суходрево, Лучеса). В самом Витебске в 1822 г. был найден клад и в разных местах города еще 4 диргема *{Рябцевич,* 1998. С. 67). Почти полное отсутствие нумизматических находок между Витебском и Великими Луками, о чем писал СВ. Бернштейн-Коган (1950) (обломок саманидской монеты-привески при кремации в Городке - исключение - *Рябцевич,* 1998. С. 68), не должно удивлять: в Витебске арабское серебро получалось с юга, в районе Великих Лук - по Волге. Путь Днепр - Витебск, подобно гнёздовскому, по обилию находок кладов, имел, по-видимому, тоже большое значение. Его использовали, когда устремлялись к Витебску (на нем около десятка кладов и отдельных монет). По Гнёздовскому пути арабские монеты, по-видимому, везли лишь в том случае, когда они нужны были в гнёздовском Смоленске, где они и оседали. Кратчайший путь на Витебск - это путь, который мы назвали "вторым" (рис. 14).

Третий торный путь Днепр — Двина шел, как мы понимаем, по р. Друть, в верховьях которой образовался центр Друтеск - Друцк (о нем мы будем говорить ниже). Здесь лишь отметим, что в гнёздовское время на друцких холмах над рекой Друцк занимал более низкий холм, где позднее образовался Окольный город, и лишь в самом конце гнёздовской поры, в конце X - начале XI в., главной частью города стал соседний холм - детинец князя, а окольный город был укреплен (см. ниже).

От Друцка начинался волок на р. Усяж-Бук и далее на Лукомку с Лукомльским озером. Здесь в конце волока был основан городок Лукомль

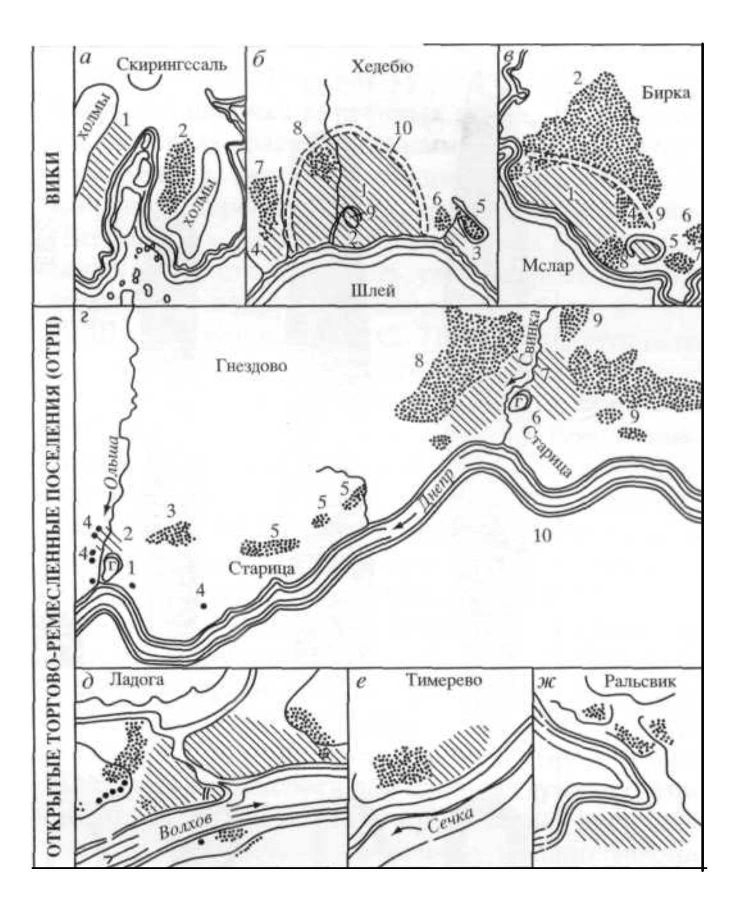


Рис. 13. Гнёздовский Смоленск IX - начала XI в. и структурно близкие к нему поселения ***{Лебедев, Жвиташвили,*** **2000)**

Условные обозначения: точки - могильники, штриховка - культурный слой поселений

(о чем - ниже). Существование описываемого Друцкого пути подтверждается находками двух кладов у д. Стражевичи, клада у д. Прусиничи, (рис. 10) монет привесок в кургане у д. Вядец и т.д. (рис. 9, *28, 29, 49).*

Четвертый торный путь шел, несомненно, по р. Березине (Днепровекой). Целых кладов арабских монет здесь, правда, пока не обнаружилось, но находки этих монет совсем недавно были выявлены. Летом 2000 г. в 0,8 км от д. Брили в прибрежном песке были вымыты рекой уникальные вещи: фрагменты меча, серебряной гривны, 10 гирек разновесов и 256 арабских диргемов. Все это оказалось в речном песке на площади около 2 кв. м.

О.В. Иовом там были заложены раскопки на площади 36 кв. м. По его свидетельству, "весь Трилевский денежно-весовой комплекс включает в себя 265 диргемов и их фрагментов, 10 гирек разновесов, фрагмент шейной гривны, 10 фрагментов меча. Серебряная гривна была свернута в спираль и использовалась владельцем как платежное средство на вес. Подобные гривны нередко находят в кладах эпохи викингов вместе с диргемами (например, клады из Унгени 1937 г. и Кушки 1896 г. в Латвии)" *{Иов,* 2002. С. 138). Я. Петерсен датировал подобные мечи концом IX - первой половиной

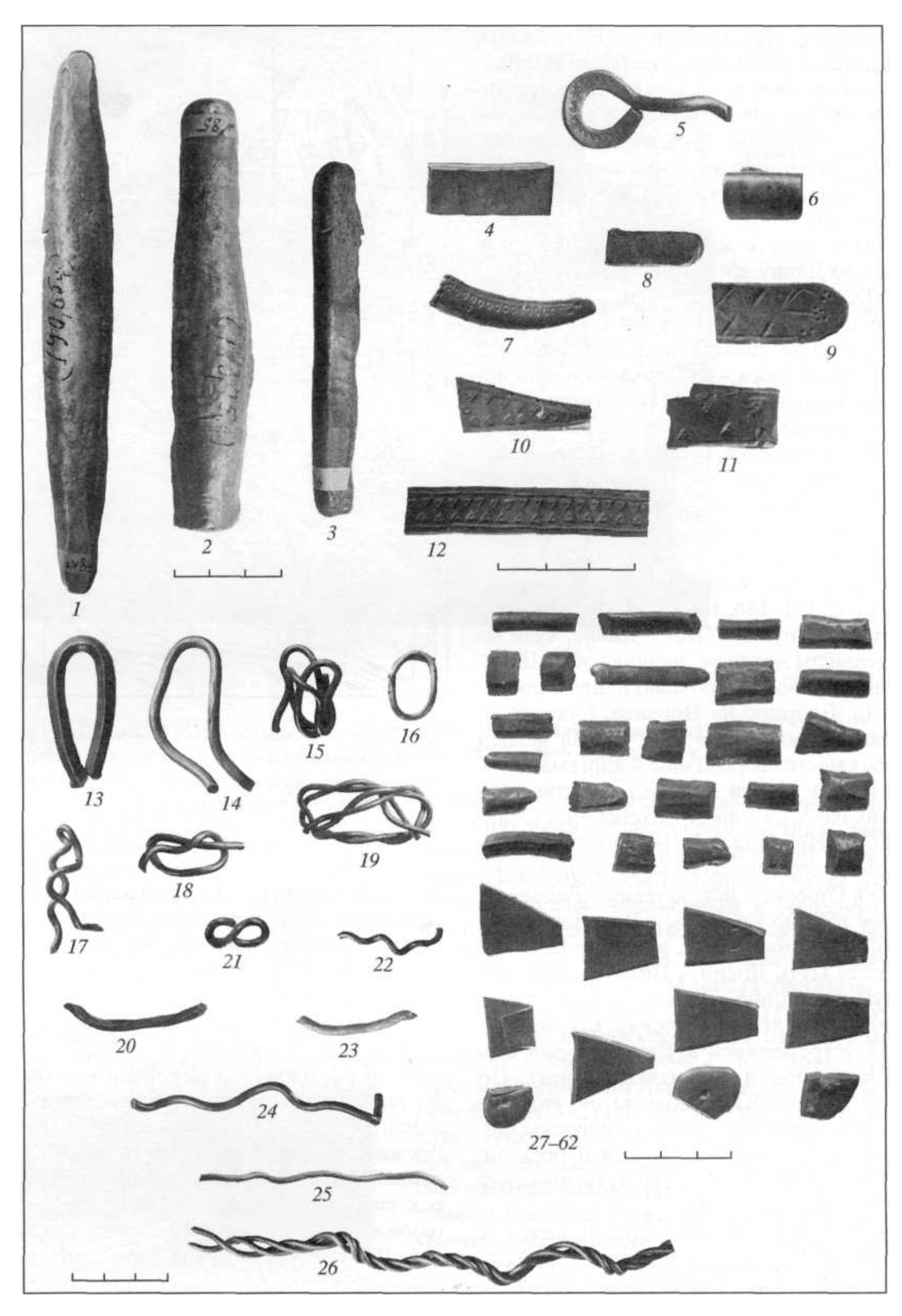


Рис. 14. Полоцкий клад XI в. 1910 г.

X в., А.Н. Кирпичников - X - началом XI в. (мечи типа "Н") *(Иов,* 2002). Монеты представляют собой 189 целых и 76 фрагментов - все это куфические диргемы. Старшая монета датируется 742/743 г., младшая - 890/891 г. (определение В.Н. Рябцевича).

Условия находки, считает автор публикации, свидетельствуют, что это не клад, а утерянные при драматических обстоятельствах ценности воина-торговца (викинга), трагически попавшего с кораблем на мелководье и погибшего в стычке с разбойниками. Его воображение нарисовало следую-

щую вероятную картину: "Трагедия произошла на судне или возле него, на мелководье, во время вооруженной стычки. Пораженный воин с обнаженным мечом (в раскопе найдены детали ножен) упал в воду, выронив при этом оружие и потеряв кошель" {*Иов,* 2002. С. 142)[1]. Во всяком случае, все эти находки исключительно важны, так как подтверждают наше предположение о торговом пути викингов по р. Березине.

Пятый торговый путь Днепр -Двина, видимо, на всем протяжении был особенно торным. Обилие находок вокруг Менеска гнездовского времени - находки кладов у Койданова, Заславля (X в.), Летьковщины (X в.), отдельных монет на территории Комаровского моста, на берегу Свислочи (оба VIII в.), еще в трех местах у современного Минска (не путать с гнёздовским Менеском на р. Менке) (X, X-XI вв.) *(Рябцевич,* 1998. С. 76), в имении Станьково (XI в. -диргем 904 г.) *(Алексеев,* 1996а. С. 115) - все это показывает, что с Днепра шел путь к верховьям Свислочи, далее по ней, или через Припять, Случь или Птичь (два клада между Клецком и Слуцком, один из них - знаменитый Дегтянский клад), севернее верховьев Вилии (клад у д. Симоны, Поставы, отдельные монеты в районе Браслава - *Рябцевич,* 1998. С. 67), Видзы (2 диргема IX в. - *Рябцевич,* 1998). Большое количество арабского серебра найдено севернее Браслава, в Миорском районе - Козловицы, Козловицы-Шнитки, Прудники - находка в разных местах 7 диргемов, клад диргемов у д. Красная (X в.) *(Рябцевич,* 1998. С. 71) (см. рис. 9). Все это показывает, что при выходе на левый берег Западной Двины в современном Миорском районе серебро широко продавалось приехавших по "пути № 5" торговцами. На этом пути нам встречается лишь один "городок" гнездовского времени, это - Браслав *(Алексеев,* 1960).

По этому пятому пути (как, несомненно, и по другим путям) возили вещи даже из Скандинавии. Так, например, в Минский музей в 1911 г. было передано некое "металлическое украшение с каменьями норманнского типа" (Минская Старина. Минск, 1911. Т. 2. С. 243). Оно было найдено в Слуцке. Пятый путь выходил на Припять. Здесь у Пинска в Лещинских курганах найден саманидский диргем 952-963 гг. *(Кухаренко,* 1968. С. 87) и т.д.

СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ПУТИ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ охватывала в основном Оковский лес ("Лес рек"), где, кстати, есть несколько топонимов, связанных с переправой между реками. Топонимов "Волок" три в Оковском лесу: Волок на р. Серёже, у Лучанского озера и озера Охват, т.е. в северной части Смоленской земли; один - в верховьях Днепра ("Волочёк"), один ("Переволока") - у озера и один ("Перевоз") у р. Межа, откуда отходит далее цепочка курганных групп, соответствовавших селам, расположенным вдоль пути. Итого, 6 топонимов, сигнализирующих нам о наличии сухопутных переправ между реками. На топоним "Волок" у р. Серёжи указывал уже 3. Ходаковский (1837), его древность удостоверяется расположенными вокруг курганами *(Кособрюхов,* 1911. С. III; *Побойнин,* 1897. С. 7). Пытаясь уточнить этот путь, он передвинул его к истокам р. Серёжи, но это мало реально: мелкие водные истоки не могли быть основой волока. Деревня Волок показывает, что волок был гораздо ниже, очевидно, как раз в том месте, где ладьи с грузом далее продвигаться не могли. Здесь именно и начинался 30-верстный волок по левому берегу р. Серёжи, до притока Торопы Желни *(Ходаковский,* 1837. С. 13; *Барсов,* 1885. С. 25). А.П. Моця (1983. С. 84) полагает, что г. Желнъ (Желди), куда в 1116 г. были переселены дручане (ПВЛ, 1950. С. 200), был основан "выходцами из Смоленской земли" - с реки Желни, но это не кажется вероятным: город Желъди был выстроен для пленных дручан специально. Найденные там кривичские височные кольца, радимичское височное кольцо *(Моця,* 1983. Рис. 20, *1-3)* скорее принадлежали переселенным туда из Друцка (и окрестностей) пленным кривичанкам и радимичанкам. Возможно, что неслучайно здесь же находилось Княжье Село (древность удостоверяют его курганы), где мог жить княжеский тиун, собиравший мыто, поступавшее затем в Смоленск в числе 400 гривен, которые платила в Смоленск Торопецкая волость по грамоте Ростислава Смоленского 1136 г. Как видно по карте, путь в Новгород по Торопе был кратчайшим и, можно думать, использовался интенсивно.

Это предположение 3. Ходаковского и Н.П. Барсова подтвердилось археологией, когда выяснилось обилие средневековых памятников на р. Торопе и почти полное их отсутствие на верхнем отрезке Западной Двины и Ловати *(Станкевич,* 1960а. С. 147). Движение судов по Торопе подтверждается наличием торопецкой пристани, имеющейся еще в XVI в. - "Лодейница" *(Побойнин,* 1897. С. 8).

Порожистость течения Торопы была причиной того, что следующий топоним Волок мы встречаем не здесь, а в верховьях Западной Двины, в месте соединения ее с оз. Лучане - здесь находился центр Лучин, взимавший мыто с проезжавших по волокам Западной Двины - Полы, с Пено на Иола.

Третий топоним, "Переволока", соответствовал волоку от оз. Пено через р. Куда с той же Полой и также платил мыто в Лучин. Этим волоком пользовались владельцы тех ладей, которые шли через оз. Волго с р. Волги и обратно.

Четвертый топоним Волок - у северной оконечности оз. Охват. 16-километровый сухопутный путь выводил от Охвата к оз. Пено, где мыто взи-

[1] Мы нашли возможным столь подробно остановиться на этой интереснейшей находке в приречном песке Березены, так как о ней впервые сообщено в редком полоцком издании.

малось Женней Великой, собиравшей здесь, судя по грамоте Ростислава Смоленского, доход не ниже 200 гривен. Уже 3. Ходаковский отмечал, что местные топонимы (например, "Извоз" у оз. Жаденье), показывают, что "погрузка судов была даже от самого начала Двины" *(Ходаковский,* 1837. С. 15). Сюда сходилось, по-видимому, несколько путей. Во-первых, оз. Пено сообщается с оз. Стерж, в северной оконечности которого еще в XIX в. стоял знаменитый Стерженский крест 1133 г., свидетельствующий о каких-то гидротехнических работах по соединению Волжского и Ловатского бассейнов *(Колосов,* 1890; *Михайлов,* 1913. С. 15). Во-вторых, здесь был единственный кратчайший путь с Волги на верховья Двины, а с нее через деревни-села, устанавливаемые по курганам *(Станкевич,* 19606. Карта), к Торопцу.

С Двины на Днепр переходили по Каспле и Гобзе. Касплянский путь от Касплянского оз. шел далее по ее притоку Клецу до волока (д. Волоковая) на р. Удру. Этот путь подтверждают и села, судя по курганам, расположенным по волоку. Это тот самый смоленский путь, который упоминают смоленские грамоты XIII-XIV вв. Можно думать, что был путь от гнёздовского Смоленска на Вержавск (арабские монеты здесь найдены у д. Саки, Слобода, Жигулино на р. Царевич) (подробнее см.: *Алексеев,* 1980а. С. 66).

ПРОЧИЕ ВОДНЫЕ ПУТИ СМОЛЕНЩИНЫ. В окрестностях Смоленска с юга близко подходит водораздел между течением собственно Днепра и его левых притоков. "А вытекла Сожа-река от Смоленска, близко от Днепра-реки", - говорится в Книге большому чертежу (1950. С. 100).

Те же обычные курганы свидетельствуют, что эти места были заселены. В 20 верстах от современного Смоленска от д. Яново тянется лента курганных групп у сел Белоручье, Долгомостье, Панское и Никольское - здесь находили "при обработке земли бердыши, копья, мечи и т.д." *(Шперк,* 1900. С. 553). Это же подтверждает археологическая карта Ляпушкина (1968а. Рис. 3). Наличие пути по Сожу подтверждают и летописи. Сож - исконная река радимичей, по которой и двигались древнерусские князья ("путь на радимичей"). По Сожу в 1168 г. ехал великий киевский князь Ростислав Мстиславич из Киева в Новгород и по дороге в Чечерске пировал с Олегом (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 528). "На радимичь", т.е. вероятнее всего по Сожу, ехал князь Владимир Андреевич, "уворотившись" с Дорогобужа (Волынского) к Андрею Боголюбскому в Суздаль (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 528). Путь по Сожу был много короче и безопаснее днепровского, граничащего с Полоцкой землей. Можно думать, что первое мыто при въезде в Смоленскую землю получалось в Прупое (Пропойске-Славгороде) и было, во всяком случае в XII в., небольшим (Устав Ростислава 1136 г.) - всего 10 гривен в год. В верховьях Сожа, видимо, было несколько сухопутных дорог-волоков: на Дресну, на Наготь, на Лосну через Россажу (через Солодовую и с. Долгий Мост, известное нам благодаря Житию Меркурия Смоленского) *(Буслаев,* 1861. С. 189), может быть, и через Ливну *(Седов,* 1957. С. 105; 19606. С. 11).

Выше Смоленска Днепр подходит к верховьям Угры и Вазузы. Здесь можно предполагать сухопутные переправы. Действительно, у Дорогобужа на р. Осьме есть село Волочёк с огромным курганным могильником, исстари привлекавшим внимание *(Пляшкевич, Чулков,* 1888. № 23; *Щ.К.,* 1891. № 91; *Один из многих,* 1891. № 76; и т.д.). Это наименование в Писцовых книгах 1668 г. названо уже деревней, "а преж сего бывал монастырь святаго Николая" *(Писарев,* 1891. № 82). Курганы у этого Волочка оказались очень богатыми *(Спицын,* 1899. С. 181 - раскопки А.А. Спицына и Эйбоженко), что свидетельствует о зажиточности населения. Сам волок начинался, можно думать, с левого притока Днепра - Осмы при впадении в нее слева р. Готова и несколько выше - с речки со знаменательным названием Гостишка. Примерное направление волока можно определить: вверх по Готове в речку Приду (она же Волочевка - *Савін,* 1930. С. 220 и карта), на которой стоит Волочёк. Далее: Подмошки, Лепешки, Новая Меркишевая и затем в долине р. Черновка к д. Городок на Угре (домонгольское селище и курганы). Любопытно, что в 1927 г. жители показывали "канаву" длиной в [3]А версты, прорытую якобы для более удобного передвижения по ней по волоку (вспомним: по волоку суда "волокли" на больших катках). У Дорогобужа был найден клад византийских монет (IX-XI вв) *(Марков,* 1910; *Кропоткин,* 1971. С. 86).

Между верховьями Днепра и Вазузы также есть топоним Волочек. Можно думать, что здесь также проходил водно-сухопутный путь, правда, данных о заселенности этих мест у нас пока нет (нет сведений о курганах). Возможно, топонимика этих мест скорее указывает на эпоху развитого средневековья (наименования современных деревень от русских имен в притяжательной форме скорее указывает на мелких владельцев этих сел) Петрово, Настасьино и т.д. у с. Волочёк, Власово, Пелагейкино - у р. Вазузы (подробнее см.: *Алексеев.* 19806. С. 70).

Наши археологические разведки в Смоленщине показали, что р. Угра и Десна были в древности судоходны, а их берега сильно заселены в домонгольское время. Конец волока Днепр - Угра начинается у д. Волочёк, а у д. Городок есть большое селище, по керамике и пряслицам датируемое XI - XII вв. *(Алексеев,* 1973. С. 49).

О том, что р. Десна широко использовалась как водная коммуникация, свидетельствуют письменные источники (в 1167 г. умирающего Ростислава Мстиславича везли в Киев именно по ней), а также

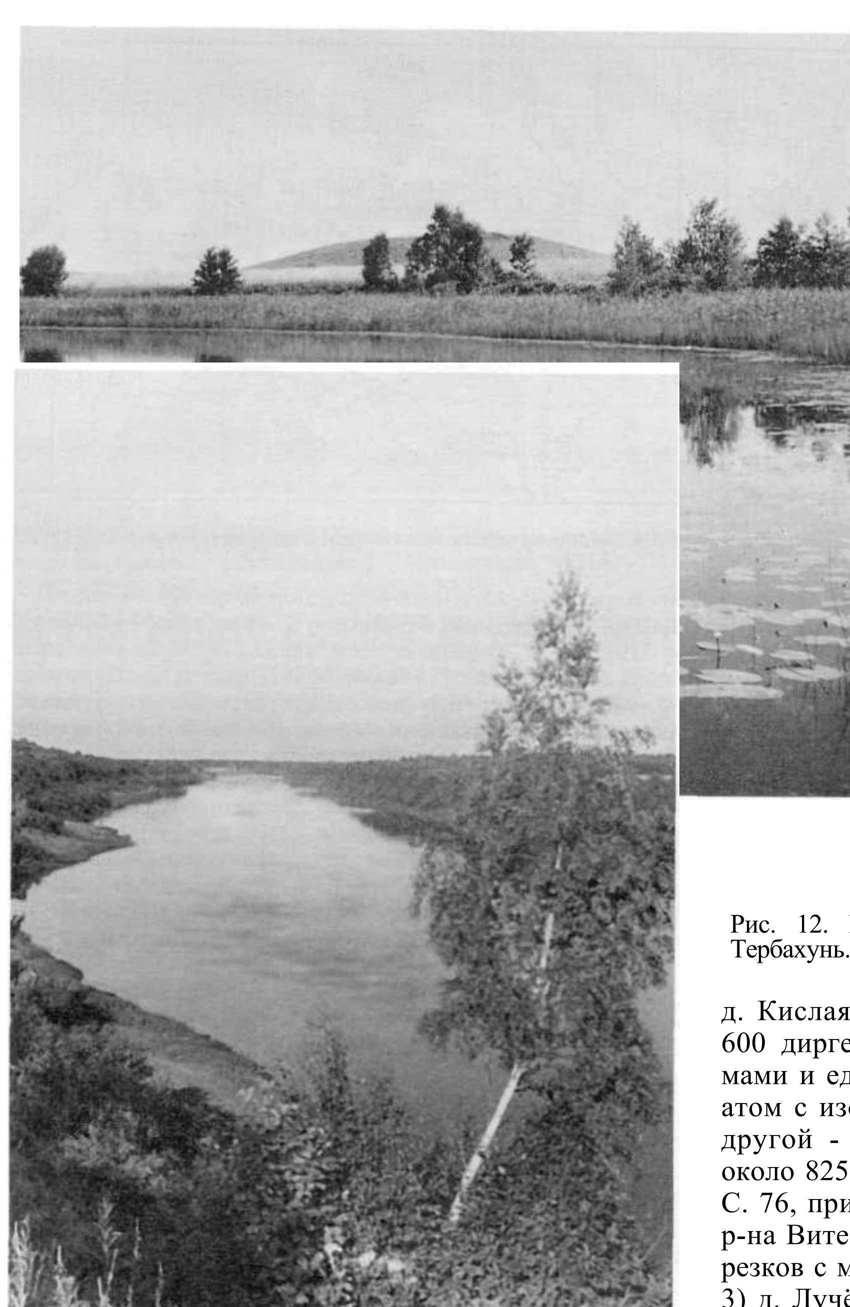


Рис. 11. Река Ловать в районе волока к притокам Западной Двины. Вдали - городище раннего железного века (культура штрихованной керамики) у бывшей д. Жеребцы. Фото автора, 1950 г.

Рис. 12. Верховья Западной Двины. Вид с городища Тербахунь. Фото автора. 1950 г.

д. Кислая Демидовского р-на Смоленской обл. с 600 диргемами, несколькими сасанидскими драхмами и единственным в нашей стране полубрактеатом с изображением на одной стороне ладьи, на другой - оленя, чеканенным в Хедебю (Дания) около 825 г. (*Шмидт,* 1969. С. 83-85; *Потин,* 1970. С. 76, примеч. 1); 2) у д. Соболеве Дубровенского р-на Витебской обл. (138 целых диргемов, 168 обрезков с младшей монетой 857 г.) (*Кузняцоў,* 1949); 3) д. Лучёсы Витебского р-на с младшей монетой 862/863 г. (*Рябцевич,* 1998. С. 67). Четвертый клад найден у д. Добрино Лиозненского р-на с младшей монетой 841/842 г. (*Рябцевич,* 1998. С. 69). Близкие даты этих кладов позволяют предполагать, что они зарыты были при нападении Аскольда и Дира (863 г.). Воеводы не взяли Смоленска, не взяли, видимо, и Полоцка - там нет и кладов монет IX в. Однако, они причинили "зло" волости Полоцкой. Где же они прошли? Они двигались по рекам между Днепром и Западной Двиной именно, видимо, через Добрино на север к "городку" на Витьбе, где найдены 2 диргема 786-809 гг., и 823/824 г. (*Рябцевич,* 1998). Далее, можно думать, они действительно рассеялись по земле полочан, причиняя "зло" (клад у д. Ахремцы с младшей монетой 852/853 г. (*Рябцевич,* 1998), Видзский Двор - 2 диргема (807, 808 г.) (отдельные монеты можно связать с походом Аскольда и Дира условно - *Рябцевич,* 1998), клад у Поречья с младшей монетой

и археология (заселенность по курганам) и нумизматика - изредка здесь находят арабские и другие монеты (в Митьковщине Брянской области в курганах найдены диргемы и даже 8 серебренников Владимира Святого и 4 - Святополка Окаянного, что позволяет датировать клад "первыми годами XI в." - *Мец,* 1960. С. 205-214). Нужно сказать, что популярность Десны как водного пути объясняется главным образом тем, что вблизи ее берегов находился Чернигов.

Водный путь по Сожу был, по-видимому, не менее популярен - он выводил к Смоленску, но на нем не было такого большого города. Мстиславль был в стороне (в 10 км. от Сожа, но развился он поздно - в конце XII в., о чем - ниже).

Некоторое значение, можно полагать, имел путь с Остра в районе западнее Ростиславля (Рославля) на Ипуть в районе Доброносичей {*Алексеев,* 1973. С. 49), где есть городище-убежище, возможно, славянское, без культурного слоя и много курганов {*Сизов,* 1887. С. 41, 42; *Шмидт, Ходченков,* 1961. С. 41, 42). Путь проходил вверх по Ипути до д. Переволочна, оттуда волоком в левые притоки Беседи, где есть деревня с наименованием Городок. Наше предположение допустимо как по обилию курганов на верхней Ипути и курганов на притоках Беседи, так и по трем типичным названиям для волоков: Переволочье на одном конце волока, Городок - на другом, а в середине - д. Княжин (вспомним подобные топонимы в других местах Смоленщины у волоков р. Серёжа, на верхней Меже, на переходе от Днепра к Вазузе и т.д.). И здесь, видимо, со временем князь положил свою тяжелую руку на этот волок!

СУХОПУТНЫЕ ДОРОГИ В СМОЛЕНЩИНЕ, как и в других древнерусских землях, особенно в западнорусских, были распространены в гораздо меньшем количестве, чем водные. И это понятно: их надо было прокладывать в сильно залесенной местности. Летом пользовались "водными" дорогами, зимой - теми же дорогами по замерзшим рекам. Длинные сухопутные дороги проходили только в местах больших скоплений поселений (например, в районе Смоленска, возможно, между Мстиславлем и Рославлем, Пацынем и т.д.), однако здесь их установить не удается, и о направлении их могут быть лишь предположения. В ряде мест древние дороги можно нащупать по "ленточному" расположению курганных групп и, следовательно, древних сел.

Главная дорога северной части Смоленщины шла прямо на север от Смоленска к Вержавску через Иловку и Варнавино Смоленского р-на, где есть курганы и были, следовательно, древние села (АКР, 1997. Вып. 1. С. 98 и 174) и где найдены арабские диргемы. Это тот самый "Вержанский путь", который обозначен в письменных памятниках: "за Днепром бояре у Вержанском пути", "слуги доспешныя у вержавъскомъ пути" {*Востоков,* 1842. С. 129,1492 г.). Один клад арабских диргемов у д. Жигулино в сочетании со скоплением сел по курганным группам показывает, что вдоль р. Царевич шел довольно оживленный торговый путь от Днепра и Вопи через Бортницы к верховьям Гобзы и Слободе (где есть диргемы в виде подвесок) и далее к Западной Двине. Этот путь был удобен тем, что в случае надобности, позволял миновать Смоленск и проехать со стороны Дорогобужа на Двину, минуя этот город. Трудно что-либо сказать о сухопутных дорогах восточной Смоленщины. В "курганную" эпоху (до XII в.) торных дорог здесь, видимо, не было: на карте древних поселений они не прослеживаются. В эти отдаленные от Смоленска места за данью, видимо, ездили по рекам (скорее всего замерзшим, т.е. зимой). Знаменитая впоследствии и, вероятно (учитывая исключительную заселенность этих мест), единственная дорога от Смоленска на Вязьму - Можайск, возникла, нам кажется, только в эпоху возвышения Москвы. В "послекурганный период" (XIII-XIV вв.) поселения вокруг Дорогобужа, по вехней Вязьме (где много курганов) и в верховьях р. Москвы, разрастаясь, стали соединяться прямой дорогой, необходимость которой еще диктовалась усилением Москвы. На дороге этой теперь усилились или возникли вновь новые центры: Вязьма (где есть находки ХП-ХШ вв.) {*Шмидт,* 1982. С. 27), которая упоминается летописями под 1239 г., Можайск, попавший в летописи под 1231 г. (ПСРЛ., 1965. Т. 10. С. 103), по-видимому, перерос другие феодальные пункты, возникшие в период власти в этих местах смоленского князя.

Что касается южной Смоленщины, то здесь пути сообщения не прослеживаются с такой четкостью, как в северной (где был Путь из варяг в греки). И здесь пользовались, вероятно, руслами рек: из Заруба и Пацини, например, можно было беспрепятственно проехать к среднему Остру и далее - в Мстиславль. Ленточных же скоплений поселений, которые, как мы сказали, отражают сухопутную дорогу, здесь нет совсем.

Отметим в заключение, что, как и в Полоцкой земле, изобиловавшей волоками, сухопутные пути сообщений тянулись вдоль рек и только в местах волоков между бассейнами приобретали самостоятельное значение.

Пути сообщения Турово-Пинских земель

ЮЖНЫЕ ПУТИ ТУРОВЩИНЫ до сих пор еще специально не изучались. В капитальных исследованиях о них говорится очень бегло и недокументированно {*Лысенко,* 197'4; 1991; 1999. С. 112, 118). Нам приходится лишь наметить вехи в решении этого вопроса.

Помимо чисто географических наблюдений над течением рек, впадающих в Припять, здесь извест-

ную помощь могут оказать характер заселенности данной территории, а также находки иностранных монет. Однако вопрос о распределении этих находок не изучен. Итак, несколько наших поверхностных наблюдений.

Главные торговые пути Туровщины, судя по находкам кладов и отдельных монет на юге - реки, впадающие с левого берега в Припять, идущие, следовательно, в меридиональном направлении, а также все левобережье Днепра. Больше всего находок сделано вдоль Днепра. Например, в Могилеве в 1822 г. найден клад, датируемый IX в., а в 1878 г. в кургане - 6 диргемов *(Рябцевич,* 1998. С. 77). Там же, в Могилеве либо поблизости были найдены два клада. Один - с исбегбедскими монетами, о другом известно лишь, что он найден в 1870 г. *(Рябцевич,* 1998. С. 78). Есть сведения о находках арабских монет и в других местах Могилевской губернии. Если клад из д. Староселье на левобережье Днепра с 200 монет, младшая из которых датируется 911/912 г., сюда можно относить лишь условно *(Рябцевич,* 1998. С. 78), то есть сведения о других кладах Могилевщины - в Быхове (в 1946 г. в крепостном валу найден "мешочек из серебряного дрота с арабскими монетами" - *Рабцевіч, Стуканаў,* 1973. С. 39). В 1973 г. в разоренном кургане нашли диргем *(Рабцевіч, Стуканаў,* 1973). и т.д. Из Гомельщины (Заужелье) происходят два мелисария (X в.)[2]. Надо сказать, что византийские монеты в Белоруссии достаточно редки и встречаются лишь в восьми местах: три в районе Пути из Варяг в Греки (Поречье Толочинского р-на Витебской обл.; Старый Дедин Климовичского р-на Могилевской обл.); одна - на ответвлении того же пути под Минском и три в Брестской области.

Следовательно, главный торговый путь в X-XI вв. (и, вероятно, в XII в.) шел по Днепру, затем по Свислочи в район Минска и т.д.

ЗАПАДНЫЕ ПУТИ ТУРОВЩИНЫ с известной четкостью выделены в монографии Т.Н. Коробушкиной (1999. С. 114-125). В Западных областях современной Белоруссии (Гродненская и Брестская области, а также частично восточная окраина современной Польши) находки арабского серебра встречаются гораздо реже. Известен клад серебряных гривен и монет из д. Бужиски Вельского у. Гродненской губ. (Указатель памятников..., 1893 г. С. 157, 158). "Арабские монеты в виде клада и отдельных экземпляров - в неизвестных местностях (Гродненской губ. - *Л.А.),* византийская монета близ Брест-Литовска" - вот все, что вошло в известную сводку А.А. Спицына (1899. С. 297). Есть сведения, что в Белостоцком у. в д. Шорцы в кургане при покойнике была найдена монета, скорее всего арабская (Из Белостоцкого у., 1898). Видимо, в эту часть Западнорусских земель арабское серебро привозили редко, и по находкам его получить представление о путях сообщения здесь нельзя. Вместе с тем, раскопки нашего времени показали, что, если серебро не оседало по пути (как это было в Полоцкой земле), оно все же оседало в городах. Монета VIII в. (диргем) была найдена в раскопках Замчища в Волковыске. Оттуда же происходят византийская монета Иоанна II Комнина (1118-1143) и западноевропейские монеты несколько более позднего времени *(Зверуго,* 1975. С. 81, 82).

Монет здесь мало, но географическое расположение рек в значительной степени располагало к движению по ним торговых судов. Здесь русло р. Буг с притоками близко подходило к руслу верховьев Припяти с притоками. "Приток западного Буга, р. Мухавец издавна являлась основной водной магистралью, связывающей западные земли Руси с востоком. Почвы этой территории дерново-болотистые и торфяно-болотные. Они отличаются относительным плодородием *(Коробушкина,* 1993. С. 4) и, судя по обилию курганных захоронений, были сильно заселены *(Карабушкіна,* 1999). Здесь находились известные, важные для Западной Руси центры: на Буге - Дрогичин, на р. Мухавце - Брест.

Отмечая, что в задачу его исследования не входит выяснение, каким путем попадали завозные вещи в Волковыск, Я.Г. Зверуго, вместе с тем четко определяет эти пути: большинство импортных вещей было завезено в Волковыск через Приднепровье или непосредственно по Днепру, а затем Припяти и ее левому притоку Ясельде к верховьям Роси, возможно, через Волынь, сначала по правым притокам Припяти, а потом опять-таки по Ясельде. Верховья Ясельды и Роеи разделены низинным участком шириной не более 20 км. Еще ближе подходит Рось к Нареву (правому притоку Западного Буга). Волковыск лежал на древнем волоковом пути, соединяющем бассейн Днепра, Западного Буга и Немана. В.П. Даркевич даже высказал предположение, что от слова волок происходит и название города *(Зверуго,* 1975. С. 82). Нам также представляется, что предположение о связи термина "волок" с наименованием Волковыска, высказанное В.П. Даркевичем (1963. С. 109) безусловно справедливо.

Особо важное подтверждение тому, что торговый путь в своем главном направлении шел через Брест-Дрогичин Надбужский следует видеть в находках так называемых дрогичинских пломб, привешиваемых некогда к товару и, видимо, снимаемых в дрогичинской таможне. Находкам этих замечательных пломб посвящена, как известно, большая литература, начиная с К.П. Тышкевича (1867) и Н.П. Авенариуса (1892; 1897).

Итак, дреговичские земли пересекали два пути: один путь шел на север от Припяти по левым ее притокам к Западной Двине и далее уходил в сторону будущей (основана в 1201 г.) Риги, другой - от верховьев Припяти на северо-запад к Западному Бугу, Дрогичину Надбужскому и далее - в Европу.

---

[2] Гомельщина - Черниговская земля *(Насонов,* 1951. Рис. на с. 64-65).

Центры гнёздовского времени

Итак, обилие водных путей в высшей степени способствовало возвышению Западнорусских земель. Судить о его характере можно прежде всего по развитию возникших центров. Здесь мы вступаем в яркую эпоху Руси, эпоху, в сущности, недостаточно еще выделенную наукой, а, следовательно, полностью и неизученную, именуемую нами "гнёздовским временем" (IX - начало XI в.) по главному центру этого времени на нашей территории - "гнёздовскому Смоленску" (о нем - ниже). В эту пору повсеместно в Западной Руси начали возникать предфеодальные "центры-городки", получавшие чаще наименования от тех рек, к которым они теснились и, следовательно, реки как торговые пути стали ныне привлекать окрестное население. Большинство этих укрепленных обычно "городков" к середине XI в. становились малы, не отвечали потребностям времени, к концу гнёздовской эпохи либо вовсе исчезали, либо чаще преобразовывались, переносились на более недоступные места по соседству, а иногда и в некотором отдалении. Словом, на те места, которые больше отвечали новым условиям — в свои права вступала новая эпоха - ранний феодализм. Племенные князья, окруженные дружиной, становились постепенно ранними феодалами. Перенос этих "городков", а иногда и уже довольно крупных центров (Смоленск, Витебск, Полоцк, Минск) на новые места, как увидим, чаще всего не влиял на их наименование, даже если центр переносился на 10-15 км. Так, Смоленск гнёздовского времени назывался "[С]Милиниски" (Константин Багрянородный), созвучно названию города на новом месте (современный Смоленск); Менск, перенесенный с реки Менки, оставался Менеском и т.д.

Рассмотрение всех этих центров - "городков" начнем, естественно, с крупнейшего - первоначального Смоленска, расположенного у современной деревни Гнёздово, в 12 км ниже нынешнего Смоленска на правом берегу Днепра.

Главный "городок" у Днепра на реке Свинка

Изучение кривичских древностей, - считал А.С. Уваров, - целесообразно начать "с ближайших окрестностей Смоленска - главного культурного центра или гнезда славян-кривичей и оттуда уже расширять по рекам и окраинам Смоленской губернии" (*Сизов,* 19026. С. 1). Ученый прекрасно понял значение гигантского Гнёздовского могильника под Смоленском и рассматривал его как основной объект исследования крупнейшего древнего славянского племени кривичей.

Этот главнейший памятник кривичей состоял, как мы теперь знаем, из двух городищ, ряда огромных курганных могильников и селища. Главнейшим памятником было так называемое Центральное городище на левом берегу р. Свинки, на мысу, представлявшее в плане неправильную четырехугольную форму с площадкой 115 х 95 м. С северной и восточной стороны ее ограждал мощный земляной вал высотой до 2,5 м и ров глубиной до 2,5 м. Дата всего комплекса достаточно узка, как показали раскопки, - IX - начало XI в. Центральное городище было укреплено с самого начала (*Шмидт,* 1983. С. 59).

Поселение вокруг городища торгово-ремесленного характера (*Шмидт,* 1974. С. 164), несмотря на сравнительно узкую дату, разрослось до 15-16 га, а все пространство вокруг селища было окружено, как мы сказали, большим курганным могильником, состоящим из нескольких курганных групп. По подсчетам А.Н. Лявданского, в 1924 г. было 3862 кургана, но раньше их было гораздо больше: они уничтожались "половодьем Днепра, прокладкой железнодорожного полотна, известковыми заводами, грабительскими раскопками, сносом под постройки и использованием для других хозяйственных целей... Можно считать, - заключал А.Н. Лявданский, что курганов погибло около 3/5 всего числа. Таким образом, курганов в Гнёздове было не менее 5000" (*Лявданский,* 1924. С. 4, 5). Обилие гнёздовских курганов всегда поражало: это самый крупный курганный могильник в мире. Было много споров о том, где жило население, хоронившее в данном могильнике. Первые взоры обратились, естественно, на Смоленск, расположенный в современном месте (о спорах на эту тему см.: *Алексеев,* 19806. С. 9-12, 138-144), однако с открытием А.Н. Лявданского (1924), получившим подтверждение в раскопках И.И. Ляпушкина (1966; 1968а. С. 114, 115), существование гнёздовского селища, синхронного курганам, при отсутствии жизни в современном Смоленске в IX - первой половине X в. перевернуло все построения. Стало очевидным, что перед нами громадный комплекс памятников, свидетельствующий об огромном поселении, просуществовавшем весьма непродолжительное время с конца IX по начало XI в. По подсчетам М.Н. Кислова (1952. С. 118), в Гнёздове на площади 37 525 га сохранилось 2539 курганных насыпей (ранее их было, мы говорили, не менее 5000), делящихся на группы: Центральную (769 курганов), Лесную (1661) и Левобережную (109). Курганы тянутся и далее вдоль Днепра.

Из Гнёздова происходит, как теперь выяснено, не менее 7 кладов одного времени - X в. (*Пушкина,* 1998. С. 370), т.е. - того же времени, что и весь комплекс памятников. Что касается нижней даты

Гнёздова, то его главный исследователь, Д.А. Авдусин (1991. С. 14, 15) упорно утверждал что IX в. в Гнёздове нет и жизнь здесь возникла в X в. (в основном, во второй его половине). Он недооценивал ни исследования И.И. Ляпушкина (1968а. С. 114-115; 19686. С. 44; 1969. С. 67; 1971. С. 36), ни В.А. Булкина, ни В.А. Назаренко (1971. С. 15, 16), ни даже Е.А. Шмидта (1974. С. 159), хотя все они настаивали, что жизнь в Гнёздове началась в IX в.

Что же представляет собой Гнёздовский комплекс памятников? Во-первых, состав его жителей был полиэтничен. Отрицая ранее наличие в нем норманнов, Д.А. Авдусин (1991. С. 12) признал, что их курганов найдено более 100, не, учитывая, что мужские захоронения этнически чаще неопределимы, а именно мужчины - основной контингент торговых иностранцев, они были главными действующими лицами среди иностранцев. Таким образом, можно не сомневаться, что варягов в Гнёздове было гораздо больше! Найден там ряд погребений с погребальным обрядом, напоминающим восточных балтов типа Акатовского могильника (V-VII вв.). От последних, полагает Е.А. Шмидт, этот обряд был воспринят населением, оставившим длинные курганы. Есть и другие захоронения, которые, по мысли того же исследо-, вателя, деталями инвентаря напоминают погребения восточных балтов и перенесены сюда как "субстратный" пережиток "ассимилированного местного населения" *(Шмидт,* 1970). "Главными компонентами в формировании гнёздовской группы кривичей, - писал Е.А. Шмидт, - были большая масса продвинувшихся на север славян и остатки местного ассимилируемого балтского населения" *(Шмидт,* 1970. С. 108). Славяне пришли сюда, как мы видели, не с юга, а с севера, но общее заключение исследователя, по-видимому, справедливо. Справедлива и его дальнейшая мысль, что "ассимиляция местного балтского населения началась еще до возникновения гнёздовских курганов X в., так что в них прослеживаются только отзвуки этого интересного процесса, протекавшего накануне X в. Поскольку Гнёздово отражает жизнь торгово-ремесленного населения, совершенно закономерно нахождение в нем отдельных представителей и других этнических групп" *(Шмидт,* 1970). Скандинавские древности найдены также в гнёздовском селище. Т.А. Пушкина выделяет 8 типов предметов, попавших на Гнёздовское поселение из этих краев. Среди них две равноплечные фибулы IX-X вв., женские накладки, кольцевая фибула IX-X вв., бронзовые подвески-амулеты IX-X вв., подвеска с молоточками бога Тора X-XI вв., стеатитовый сосуд "эпохи викингов", наконечник ножен меча X-XI вв. *(Пушкина,* 1981. С. 286-289).

Элементы полиэтничности гнёздовского населения более всего заметны в первых двух стадиях существования Гнёздова, выделенных В.А. Булкиным (IX - начало X в., середина X в.). Позднее, как отмечает В.В. Седов, этнические различия нивелируются *(Булкин, Дубов, Лебедев,* 1978. С. 39; *Седов,* 1999а. С. 208).

Занятия жителей Гнёздова хорошо прослеживаются как на материалах погребений его жителей, так и на материалах селища и городища. Главную роль играла торговля: памятник расположен в начале пути с Днепра в Двину. Не случайно, мы говорили, здесь найдено самое большое количество кладов и отдельных находок монет - арабского серебра. Численность этих находок ежегодно возрастает, как и количество импортных вещей вообще. И это все лишь за последние полтора - два столетия! Сколько же всего было найдено в прошлые эпохи и бесследно исчезло! В Гнёздове, как известно, особенно сильна была связь со скандинавским миром - с мореходами-варягами, а весь характер памятника в целом напоминает подобные поселения торгового типа - "вики" в Северной и Западной Европе *(Булкин, Лебедев,* 1974. С. 11-17).

В Гнёздове жило в основном оседлое население, которому приходилось заниматься земледелием и ремеслом. На селище изобилуют остатки шлаков, тиглей, литейных форм и, конечно, орудия земледелия. Было развито кузнечное и слесарное дело, ювелирное производство, стеклоделие, керамическое производство и т.д. Ювелиры Гнёздова создавали изделия, как думает Т.А. Пушкина, всего вероятнее на местный рынок: спектральный анализ их продукции выявил даже ряд местных особенностей сплавов - они часто, правда, напоминают скандинавские и прибалтийские сплавы, что, возможно, указывает на единый источник сырья, попадавшего в Гнёздово путем торговли *(Пушкина,* 1974. С. 15, 16). По материалам селища можно говорить и о домашнем производстве. Есть следы рыболовства и т.д. Есть данные о домашнем строительстве, о ткачестве, обработке кости, производстве средств передвижения по воде - ладей. Делали, конечно, и "колы" (для передвижения по земле на волоках). Несомненно, занимались массовой добычей смолы для смоления проезжающих судов. Делали "однодревки".

Гнёздовский комплекс памятников принадлежит к кругу археологических объектов, отражающих предгородской, дружинный период в русской истории (типа Шестовиц под Черниговом, Тимерева и Михайловского под Ярославлем, Новоселки у Смоленска). Он постепенно становился раннесредневековым городом, подобным тем, что возникают на международных торговых путях - Киеву, Чернигову и др. Это был строй военной демократии периода разложения родового строя и зарождения феодальных отношений. Военная дружина воинов, полностью зависевшая от своего племенного князя, ходила с ним в полюдье, оберегала его, всемерно содействовала его возвышению, постепенно превращая в феодала-сюзерена, и сама при этом превращалась в феодально-земледельческую

знать. К сожалению, культурный слой гнёздовского селища в наше время сильно перемешан, и судить о дружинном Гнёздове можно только по соседним курганным захоронениям, находки в которых очень значительны.

Так называемые Большие курганы (от 3 до 7 м) были широко распространены на Руси и содержали останки верхних слоев дружинного общества *(Седов,* 1999а. С. 204-214). К таким памятникам относятся в Чернигове Черная могила, раскопанная Д.Я. Самоквасовым, Гульбище, Березки, так называемая могила князя Игоря под Коростенем (древний Искоростень - *Фехнер.* 1982. № 4. С. 243, 244), есть они и в Скандинавии *(Петрухин,* 1998). В Гнёздове раскопано несколько таких насыпей. Погребальный ритуал этих захоронений не отличается от ритуала в многочисленных малых курганах Гнёздова. Отличие было, видимо, лишь в социальном положении погребенного. В гнёздовских Больших курганах изобилует оружие и прежде всего стальные мечи из рейнских мастерских, а также ромбовидные стрелы, кольчуги, шлемы *(Седов,* 1999а. С. 205-206). Любопытно, что в гнёздовских курганах постоянны находки миниатюрных весов для взвешивания серебряной монеты и гирек к ним, например, два полных комплекта весов (коромысла, вилка, чашечки) и 8 фрагментированных *(Пушкина,* 1991. С. 227 и ел.). "Весы и гирьки найдены в 18 наиболее богатых гнёздовских курганах, выделяющихся сложностью... многочисленным разнообразным инвентарем, включающим как предметы вооружения - мечи, скрамасаксы, копья, стрелы, защитный доспех, так и женские украшения, ритоны, ременные наборы, игральные шашки, металлические или стеклянные сосуды, резную художественную кость и монеты. Подобные погребения составляют около 30% рассмотренного гнёздовского материала" *(Пушкина,* 1991. С. 234).

В.В. Седов рисует общую схему развития Гнёздова: "Во второй половине IX в. в прибрежной части Днепра в устье р. Свинки возникает поселение площадью около 4 га и рядом - небольшая группа курганов. Постепенно поселение разрастается, достигая к середине X в. 15 га. В это же время на мысе левого берега р. Свинки сооружается городище площадью около 1 га. Параллельно разрастается курганный некрополь, состоящий из нескольких групп. Около середины X в. возникает еще второй поселенческий комплекс (городище и селище) у устья р. Ольши, а рядом с ним еще курганный могильник. На рубеже X-XI вв. и в первой половине XI в. поселения в Гнёздове приходят в упадок" *(Седов,* 19996. С. 207).

Если гнёздовский комплекс представляет собой огромное поселение с городищами и курганами, которое находилось вблизи Смоленска и прекратило свое существование в первые десятилетия XI в., то возникает недоуменный вопрос: как называлось это поселение, чем объяснить, что летописи о нем ни разу не упоминают?

Оспаривая мнение Д.А. Авдусина о якобы сосуществовании Гнёздова и Смоленска по-соседству, я писал: "Правомерно ли вслед за последними построениями Д.А. Авдусина считать, что в IX-XI вв. на верхнем Днепре всего в 10 км друг от друга располагались два огромных древнерусских центра, один из которых - кривичское торгово-ремесленное поселение, где в течение одного столетия (судя лишь по захоронениям!) жило не менее 4-5 тыс. человек... Как представляет себе Д.А. Авдусин реальные взаимоотношения предполагаемых им "политического" и "торгового" центров, расположенных бок о бок? Знает ли он этому исторические примеры?" *(Алексеев,* 19806. С. 143). Энергично оспаривая мое утверждение о невозможности симбиоза рядом двух гигантских центров, когда о главнейшей части в этой паре - Гнёздове - летописец "не осведомлен", а знает только более поздний, но соседний Смоленск, не уловив, даже, что слоев гнёздовского времени в Смоленске нет, П.П. Толочко подыскивает парное сосуществование вовсе *не крупных* поселений и *с разными датами* (Тимерёво X - начала XI в. - Ярославль - XI в. и т.д. - *Куза.* 1996. С. 121; *Толочко,* 1989. С. 161 и ел.).

Что сообщает летопись о раннем Смоленске и смоленских кривичах? "Кривичи, иже сЬдять на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Дн-впра, их же градъ есть Смоленск - туд-в бо СБДЯТЬ кривичи" (ПВЛ. 1950. С. 13). Итак, Смоленскъ - "город кривичей", племенной центр. Город этот был заметным центром даже для Византии: Константин Багрянородный (905-959), говоря об однодревках, идущих по Днепру, называет его Милиниски (Памятники истории..., 1936. С. 60). Поздняя (XVI в.) Устюжская летопись со следами древнего смоленского летописания *(Воронин,* 1972; 1975) сообщает о Смоленске IX в. (напомним, слоев IX в. в городе нет!): "Асколд и Дир испросиста у Рюрика ко Царюгороду ити родом своим. И поидоша из Новагорода на Днепр-реку, и по Днепру вниз мимо Смоленеск, зане град велик и мног людьми". Киев же, напротив, оказался "мал", князья умерли, и он платит дань хазарам (ПСРЛ. 1982. Т. 37. С. 18). Это 862-865 гг., а под 881 г. там же сообщено о походе Олега из Новгорода "воевати". Он «придоста под Смоленск и сташа выше города[3]... Уведоша смоляне, изыдоша старейшины их к шатром и спросиша... "Кто сей прииде, царь ли, или князь в велице славе?" И исшед Олег ис шатра, имы (имея) на руках у себя Игоря, и рече смольником: "Сей есть

[3] Выражение "выше города" скорее следует понимать не в смысле течения Днепра, а на высотах левого берега - менее приступных, там, где в конце XI в. возник Смоленск. Гнёздовский же Смоленск был на низком правом берегу Днепра.

Игорь князь Рюрикович руски". И нарекоша его смолняне государем, и вдася весь град за Игоря, и посади в нем наместники» (ПСРЛ. 1982. Т. 37. С. 18).

Что же мы узнаем, таким образом, о раннем Смоленске по письменным источникам?

1. Это племенной центр крупнейшего славян ского племени кривичей.

2. В 860-х годах он - "велик и мног людми, упра вляется старейшинами".

3. В середине IX в. плывшие мимо Аскольд и Дир не решились его взять и удоволетворились меньшими городами - Полоцком и Киевом.

4. В 881 г. Смоленск мирно сдается войску Оле га (с ним - варяги, чудь, словени, весь, кривичи, очевидно, псковские), посадившего в нем своего ставленника.

5. В первой половине X в. Смоленск продолжа ет играть крупную роль, о чем рассказывает Кон стантин Багрянородный, именуя его "Милиниски".

Где же этот мощный племенной центр кривичей, который в IX-X вв. крупнее Киева? Есть ли следы этого громадного раннего города в современном Смоленске? Следов, оказывается, нет. Ранняя дата культурного слоя в городе - конец XI в. Нет и следов погребений этого времени - курганов. Впрочем, оговоримся: в 1979 г. главный исследователь смоленских древностей Д.А. Авдусин сообщил, что, наконец, в Смоленске "открыты следы разрушенного слоя и даже X в" {*Авдусин,* 1979. С. 161). Это, конечно, сенсация! Но, что это за таинственные "следы", чем это подтверждается, где они найдены, остается неизвестным. Однако этот же исследователь в 1991 г. сообщал, забыв сказанное ранее: "славянские *напластования (в Смоленске) относятся здесь к концу XI в. и позже. Ни один из раскопов не дал слоев древних* (курсив мой. -*Л.А.).* Нет ранних слоев и на других "горах" Смоленска. Так, на Воскресенской горе, где стояла церковь XII в., руины которой изучены Н.Н. Ворониным, найдена керамика XII в., причем на очень небольшой площади... На верхнем плато, от которого спускаются ручьи и овраги, отмечены слои еще более поздние: видимо, эти районы находились уже за пределами первоначального городского вала и были заселены относительно поздно" {*Авдусин,* 1991. С. 7). К вящему нашему удивлению, однако, оказывается, что исследователь всетаки надеется, что следы огромного города - столицы кривичей IX-XI вв., Смоленска найдутся. Он продолжает: "Слои IX в., к которому относится первое упоминание о Смоленске, в этом городе пока не открыты, как неизвестны они в Новгороде, Чернигове, Белоозере и во многих других городах" {*Авдусин,* 1991. С. 7). Но ведь в Смоленске нет не только напластований IX-X вв., но большей части и XI в.! {*Авдусин,* 1991. С. 8). Автор, к тому же, забывает, что Смоленск, как мы видели, был крупнейшим центром *крупнейшего* восточнославянского племени[4]! Где же искать его остатки, если все важнейшие места археологами вскрыты: Соборная гора - цитадель с храмам Мономаха, соседние горы, прибрежная часть левого берега Днепра, правобережье низинное без холмов... ? Не помогают и аргументы Д.А. Авдусина в пользу раннего существования города - находка двух вещей на Армянской (Соболева) ул., относимых к XI в, - стеклянной геммы и византийской обкладки ларца из кости, которые могли использовать и в XII в. Неубедителен и "самый сильный" аргумент, который противниками утверждения Д.А. Авдусина якобы всегда замалчивается. А. Марков действительно сообщает о монете, найденной в "губернском городе" Смоленске с "другими вещами". Монета эта - саманидский диргем 942/953 гг. н.э. - вполне могла быть *одной из старших* монет в кладе XI в. В Смоленске, на Резницкой улице некогда найдены были и два диргема VIII в. и 780 г. {*Марков,* 1910. С. 141 и 45). Есть еще и третья находка. Она найдена, по свидетельству Д.А. Авдусина, на Бабьей Горе, "в районе, лишь недавно вошедшем в черту Смоленска", а в древности, следовательно, находившемся за пределами предполагаемого месторасположения Смоленска IX-X вв. Исследователь не замечает далее, что приводимая им цитата из А.В. Арциховского, призванная, как он думает, подкрепить его построение, полностью противоречит ему: "единичные клады любого времени, - пишет А.В Арциховский (1947. С. 16), - могли быть зарыты где угодно, хоть в *лесных дебрях,* но *скопление кладов* (курсив мой. *-Л.А.)* одной эпохи на территории одного города (или в его ближайших окрестностях) всегда является доказательством, что этот город имел тогда известное значение".

Перед нами совершенно определенная картина: вблизи места современного Смоленска существует древнее поселение Гнёздово с большим количеством памятников IX - начала XI в., где найдено 7 богатейших кладов этого времени {*Пушкина,* 1998. С. 370), где находки диргемов постоянны (на селище есть монеты IX в., в курганах немного более поздние). Выше по течению Днепра на месте современного Смоленска (с отложениями не ранее конца XI в.) были найдены единичные находки - клад и отдельные монеты VIII-X вв. в трех местах... Вывод представляется очевидным: скопление семи кладов и находки отдельных монет, как пишет А.В. Арциховский, указывают на *существование города,* имевшего "известное значение", находки же за его пределами (хоть и попавшие на территорию более позднего города) зарыты были именно в "лесных дебрях" той поры, когда сущест-

[4] Утверждение, что на территории племенного центра не могли жить иноэтничные элементы (Петрухин, Пушкина) недоказуемо. Вспомним также, что в X-XI вв. племенная организация была на излете!

вовало Гнёздово и *не было Смоленска на современном месте.*

О различных мнениях ученых о местонахождении древнейшего Смоленска, нам уже приходилось много писать {*Алексеев,* 1977; 19806. С. 10-14, 36-145). Спор этот разгорелся между теми, кто считает, что слои IX-XI вв. будут найдены в Смоленске (Д.А. Авдусин с учениками - Н.В. Сапож-никовым, Н.И. Асташовой и др.) и сторонниками мнения, что первоначальный Смоленск был в Гнёздове и в конце XI в. был перенесен на современное место (А.Н. Лявданский, И.И. Ляпушкин, Л.В. Алексеев, В.А. Булкин, Г.С. Лебедев, И.В. Дубов и др.). Игнорируя наши аргументы, Д.А. Авдусин продолжал упорно отрицать возможность переноса городов, хотя это исторический факт. В Полоцке, как мы увидим, было городище времен Рогволода (X в.), после 980 г. оно было перенесено с р. Полоты на Западную Двину. Минск (М-внескъ), названный по р. Менке, где он был расположен в IX - начале XI в. (о чем см. ниже), в середине XI в. был перенесен Всеславом на верховья Свислочи, за 14 км {*Алексеев,* 1998в. С. 375-392). То же было и с Витебском в гнёздов-ское время - центр, по-видимому, малого племени "витебских кривичей", расположенный на Замковой горе в современном Витебске, в середине-вто-рой половине XI в. оказался на Верхнем Замке {*Алексеев,* 1964. С. 99-111), Борисов был основан С- на р. Врйссе, притоке Березины (где есть следы \ поселения IX в.; *Штыхов,* 1978. С. 100, 101), в 1102 г. друцкий князь Борис Всеславич перенес его на расстояние 5 км к самой Березине, к своей западной границе {*Штыхов,* 1978. С. 102). То же произошло с летописным городом Луки, где были найдены вещи второй половины X и XI вв. и "лишь спорадически встречены находки XII - начала XIII в." {*Станкевич,* 19606. С. 83; 1960а. С. 146, 147). В XIII-XIV вв. жизнь на городище была перенесена на 4 км ниже по р. Ловати, поселение было значительно большим, город сохранил свое название Луки с добавлением Великие (разведки автора). Крупнейший специалист по древнему градостроительству и архитектуре, М.К. Каргер (1961а. С. 11) указывал, что "передвижки на более удобную территорию, обеспечивавшую дальнейшее развитие города, в конце IX-X вв. были характерны в истории целого ряда древнерусских городов, вызванные бурным ростом этих городов в процессе феодализации" (в чем нам предстоит убедиться).

Итак, предфеодальный Смоленск IX - начала XI в. - та самая крепость "Милински"[5], о которой повествовал в X в. Константин Багрянородный (Памятники истории..., 1936. С. 60). Гнёздовский Смоленск сначала имел небольшую крепость-"городок". Вокруг, видимо, весьма быстро разрослось обширнейшее торогово-ремесленное поселение. Быстрота, с которой оно развивалось, свидетельствует о том, что жизнь здесь, на торговом Пути из Варяг в Греки, вблизи волоков, выводящих в бассейн Днепра, представляла для населения несомненно большие "транспортно-торгово-ремесленные" выгоды. Расцвет города падает, как мы знаем, на вторую треть X - начало XI в., т.е. на время расцвета движения скандинавов по этой важной для Руси артерии.

Что касается наименования деревни Гнёздово, то оно, несомненно, не случайно. «Название "Гнёздово", - писал М.Н. Тихомиров, - связывается с понятием "гнезда" по-древнерусски - рода. Вероятно, такого происхождения и название одного из древнейших польских городов - "Гнезно"» {*Тихомиров,* 1956. С. 17). Не согласившись с Д.А. Авдусиным, предложившим тогда считать, что гнёздовский могильник - кладбище Смоленска, стоящего на современном месте, Т. Арне писал: "Я предполагаю, что наименование Гнёздово возникло после основания теперешнего Смоленска, чтобы обозначить гнездо, из которого развился город" {*Агпе,* 1952. S. 143). В самом деле, на Руси много таких наименований, и они связаны, как правило, с древними памятниками, чаще всего в форме "Гнёздилово" {*Алексеев,* 19806. С. 145, примеч. 47).

Т.Н. Джаксон выяснила, что Гнёздово под Смоленском впервые встречается в документах под 1646 г. {*Джаксон,* 2001. С. 74, примеч. 19 со ссылкой на Н.А. Мурзакевича).

Доказательством того, что гнёздовский комплекс памятников имел свое первоначальное имя, может служить интересная идея Т.Н. Джаксон (1986. С. 80-83; 2001. С. 75). «Имя древнейшего Смоленска, - пишет исследовательница, опираясь на работы С. Роспонда, - могло быть образовано... при помощи весьма продуктивного форманта "ьвкъ", наиболее характерного для Северной Руси, доминировавшего в названиях городов в самый древний период, использовавшегося для образования вторичных топонимов (в частности от гидронимов: *Бужъск-Буг, Пинск-Пина; Полоцк, Полотескъ-Полота, Случьскъ-Случь, Смоленск, Смолъньскъ-Смольня* {*Фасмер,* 1971. Т. 3. С. 690; *Кордт,* 1910, № X, XII), и иметь, соответственно, вид Свинеческъ, Свинечск» {*Джаксон,* 2001. С. 75). Эта идея лингвиста вполне допустима, ибо историк древней Руси знает, что реки и селения от "свиньи" в летописях древнейшего периода встречаются:

Река Свиная, Свинь - в Черниговской земле (1152 г.) (ПСРЛ. 1962. Т. 2. С. 456).

Город (?) Свинорт - в Новгородской земле (1200 г.) (НПЛ, 1950. С. 45, 239).

Село Свинухи (Свинуси) - в Волынской земле (1156 г.) (ПСРЛ. 1962. Т. 2. С. 486).

[5] (С)милински? Последний звук, может быть, отражает произносимый в древнерусском "ъ"?

Свиные ворота в Пскове (1539 г.) (ПСРЛ, 1848. Т. 4. С. 302).

Рек с названием "Свинец", т.е. от металла, которым крыли церкви, в летописях нет, это явно новообразование в нашей литературе (см. труды Д.А. Авдусина и др.). Первоначальное наименование гнёздовской реки - Свинка[6]. Предположение Т.Н. Джаксон тем более допустимо, что в летописях наименование поселений *именно "Свинескъ" встречается* в списке городов XIV в. в Волынской и в Рязанской землях (НПЛ, 1950. С. 476).

В свое время В.Л. Янин и М.Х. Алешковский (1971. С. 41) предположили, что древнейшее самоназвание Новгорода отложилось в скандинавских источниках в форме Holmgradr - Холм-Город, т.е. первоначальное наименование древнейшего поселения в городе на Славенском холме. То же самое Т.Н. Джаксон удалось проследить по скандинавским источникам и в отношении гнёздовского городища, расположенного, как мы знаем, на мысе у р. Свинки. Хаук Эрлендсон, описывая страны северо-западной части Гардарики, называет Новгород, Syrnes Gadar и Полоцк. Тот факт, что два эти непонятные слова "помещены автором трактата между Новгородом и Полоцком, говорит о существовании между ними территориальной связи", - свидетельствует Т.Н. Джаксон и уточняет: первое слово означает "свиной мыс". «Таким образом, - заключает исследовательница, - транскрибирование местного названия и сопутствующее народно-этимологическое его преобразование могли в данном случае идти параллельно с калькированием первого корня, легко осуществимым в полиэтничной среде "древнего Смоленска". Превращение второй части композита в nes - "мыс" тоже вполне закономерно, поскольку гнёздовское городище расположено на мысу левого берега Свинца» ("Свинки". *-Л.А.) (Джаксон,* 1986. С. 81; 2001. С. 75, 76). Вывод очевиден: первоначально Смоленск был Свинескъ.

Возникает, наконец, вопрос, как вышло, что наименование городища от речки, на которой оно расположено, стало со временем "Смоленском"? Нам представляется, что в эпоху расцвета торговых связей гнёздовского Смоленска, т.е. во второй половине X - начале XI в., когда здесь засновали купеческие караваны судов, одной из главных функций этого городка была даже не торговля, а смоление судов после волока, перед их далеким плаванием в Киев. Эта важнейшая функция Гнёздова, не отразившаяся почти в археологическом материале, ни в летописях (за ненадобностью для летописца), но главная (здесь наверняка изобиловали мастерские - смолярни), послужила причиной того, что город стал именоваться "Смоленск": "город смолярен"[7].

Таков был главный "городок" IX - начала XI в. на важнейшем ответвлении Пути из Варяг в Греки. Перейдем к более мелким.

"Городок" на Полоте

Не приходится сомневаться, что помимо гнёздовского Смоленска с его ранним наименованием от реки ("Свинескъ") были еще остановочные пункты на длинном Пути из Варяг в Греки с его многочисленными ответвлениями. Таким пунктом, первым крупным после Балтийского моря, был "городок" на Полоте - Полтескъ. К югу от города были бесконечные ледниковые озера с обилием рыбы, которой промышляло теснящееся к Полоцку население, к северу от "городка" были густые леса, охота в которых давала этому населению при торговле с проезжими купцами большую прибыль. Можно думать, что "городок на Полоте" был для купцов очень удобен. Сам же городок еще недавно был центром "тысячи" - полоцких кривичей. Вокруг были курганные захоронения, которые мы видим на гравюре XVI в. Пахоловицкого. Вблизи Западной Двины хоронили, по-видимому, дружинников местного племенного (раннефеодального?) князя. Во всяком случае, именно здесь был найден при постройке швейной фабрики стальной меч X в. *{Алексеев,* 1966а. С. 141, рис. 26; *Поболь,* 1960. С. 150, 151; *Кирпичников,* 1966. С. 39, рис. 9).

Впервые Полоцк, как известно, упоминается в Повести временных лет под 862 г.: "И прия власть Рюрик, и раздая мужемъ своим грады - овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Б-Ьлоозеро..." (ПВЛ, 1950. С. 18) А.Н. Лявданский открыл этот "городок" гнёздовского времени и установил, что это раннее городище Полоцка на правом берегу р. Полоты, недалеко от ее устья. Стало ясно, что памятник имел укрепления в виде вала с деревянными стенами на нем. Четыре шурфа, заложенных на площадке, показали два напластования: нижнее - малой мощности с лепной керамикой и верхнее - с гончарной. Нижнее напластование А.Н. Лявданский отнес к VIII-IX вв., верхнее - к X-XП вв. *(Ляўданскі,* 19306. С. 157-173) (рис. 15).

В 1962 г. белорусский археолог Г.В. Штыхов провел очень важные исследования полоцкого городища. Он разрезал край памятника, сплошь испорченный огородами местных жителей, и выявил

[6] Любопытно: "свинья - древний символ плодородия" *(Фрейд,* 1989. С. 102). О топонимах "Свинь", первоначально -"СвЬнка" см.: *Рыдзевская,* 1934. С. 518. 519.

[7] Такое наименование "Свинескъ" должен был получить от русской окрестной среды, которая именно и занималась смолением проезжих судов и от них это новое наименование, видимо, перешло и к скандинавам, и в виде "Милиниски" достигло Византии и попало в труд Константина Багрянородного. Созвучие наименования города с племенами смолян у Эгейского моря *(Седов,* 1995. С. 154) нам представляется случайным.

вал. Выяснилось, что "первоначальные жители полоцкого городища не имели специальных укреплений, у самого обрыва культурный слой толщиной 10-15 см лежал на предматериковом слое песка, под которым открывался материк" *(Штыхов,* 1975. С. 24). Исследователю удалось выяснить, что нижний культурный слой с лепной керамикой был оставлен балтскими аборигенами (так называемая днеро-двинская культура) и, следовательно, относился к первой половине I тыс. н.э.[8]

Вал был насыпан позднее. С его внутренней стороны под пожарищем, которое перекрывало первоначальную насыпь, был обнаружен целый лепной горшок, типичный для длинных курганов (VIII—IX вв.), оставленных кривичами. Аналогичные сосуды были найдены как в длинных, так и в круглых курганах с кремацией (д. Борки, Рудня, Глинище и т.д.). В слое пожарища была найдена более поздняя керамика, которую автор раскопок датировал ГХ-Х вв. *(Штыхаў,* 19636. С. 63-72; *Штыхов,* 1978. С. 24, 25). "Если обнаруженный сосуд VIII-IX вв. попал на свое место с образованием культурного слоя, - осторожно писал Г.В. Штыхов, - то тогда первоначальный вал, возможно, несколько древнее его и сооружен в начале VIII в. Позднее вал несколько раз подсыпался. Наиболее основательное усиление вала было сделано позже X в., по-видимому, в XI в." *(Штыхов,* 1978. С. 25). Последнее заключение, как мы понимаем, для нас особенно важно и проливает свет на первоначальные этапы развития Полоцка.

Заключение А.Н. Лявданского о первоначальном месте Полоцка на городище не только не опровергается работами Г.В. Штыхова, но подтверждается и его собственными исследованиями на обнаруженном им поблизости селище. Древнейший Полоцк, установил он, имел неукрепленный посад. Надо сказать, что полоцкое городище не очень типично: его общие размеры 73 х 75 м при высоте над Полотой в 13 м. Его верхняя площадка - "меньшая (75 х 40 м) и по форме напоминает прямоугольник с выступом в восточной стороне. Восточная же часть городища ниже на 4,5 м верхней площадки. На плане Полоцка 1707 г. эта площадка почти квадратная. Городище со всех сторон омывается водой. Этот интереснейший археологический памятник сильно испорчен поздним кладбищем" *(Штыхов,* 1975. С. 22).

История древнейшего полоцкого городища, по-видимому, может быть установлена следующим образом. Прежде всего не забудем, что (как это выявляется нашей археологической картой курганов,

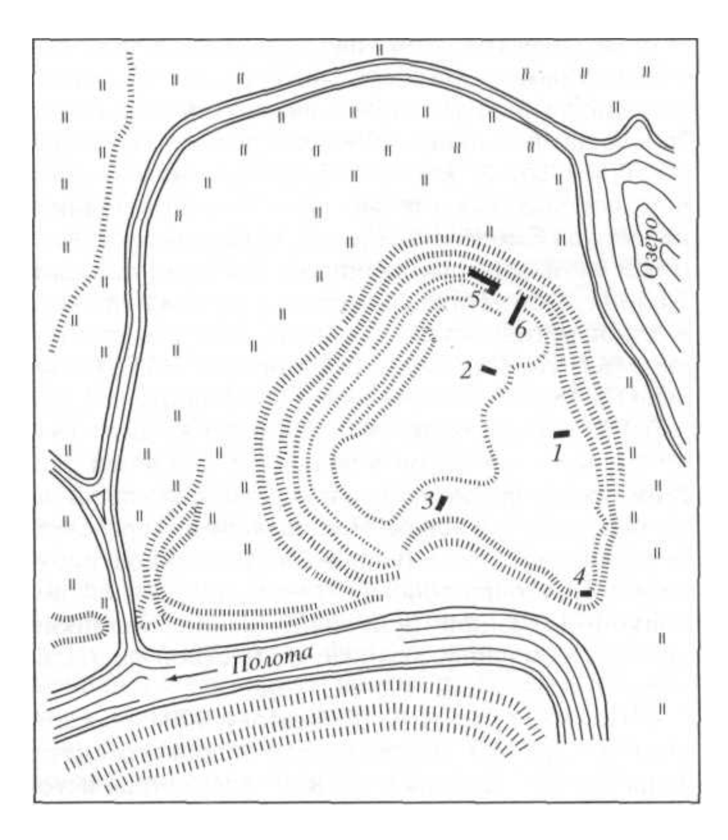


Рис. 15. "Городок" на р. Полете. План *(Штыхов,* 1975) *1^4* - шурфы 1928 г., *5, 6* - траншеи 1960, 1962 гг.

примыкающих к Полоцку и его городищу) в курганах к югу от Полоцка постоянно встречаются погребения в лепных урнах, датируемых IX в. (Рудня-Бездедовичи, Глинище и пр.). Видимо, население, погребенное в этих курганах, и представляло собой племенную организацию - "тысячу" (может быть, несколько племен-тысяч). Племена, пришедшие в эти места, основали свой племенной центр на р. Полоте, от которой стали именоваться "полочанами", упоминаемыми в летописи. Итак, по нашей реконструкции история Полоцка гнёздовского времени выявляется следующим образом:

1. Полотеск - племенной центр полоцких кривичей - полочан. IX в.

2. Центр этот, стоящий на Великом водном пути (его "полоцком" ответвлении), в IX и особенно в X в. хорошо известен скандинавам и получил отражение в их древнем эпосе под названием Pal(l)teskia, Pallteskioborg, что отражает древнерусскую форму "Полтескъ", известную по летописи *(Джаксон,* 1989. С. 31; 1991. С. 153, 154). Варяги, следовательно, хорошо знали этот город и возили сюда товары.

3. Под 862 г., как уже говорилось, мы находим в летописи первое упоминание Полоцка. Там же сообщалось, что "перьвии насельници" в Полоцке - кривичи, чем как бы подтверждается, что до власти князей это был кривичский племенной центр, видимо, со старейшинами или "своими князьями", т.е. племенными князьями, во главе (ПВЛ, 1950. С. 18).

---

[8] Важнейшей находкой на городище следует считать позолоченную бляшку "серого металла" норманского типа (подобная, как указывал еще А.Н. Лявданский, была найдена в кургане у с. Гульбище близ Чернигова (X в., *Самоквасов,* 1916. С. 50, рис. 58, *з-о.),* в Михайловском могильнике (X в., *Недошивина,* 1963. Рис. 17, *1),* в Тимерёве *(Дубов,* 1982. С. 226, рис. 29, *8).*

4. Поздняя Никоновская летопись под 865 г., по неизвестным нам теперь источникам, сообщает, что пришедшие из варяг князья Аскольд и Дир "воеваша полочанъ и много зла сътвориша" (ПСРЛ, 1965. Т. 9. С. 9). По другим источникам, они ринулись сюда после того, как не решились напасть на Смоленск. Мне уже приходилось писать о том пути, который прошли с боем эти князья к Полоцку - он устанавливается по находке кладов с близкой датой младшей монеты: Добрино наورхите (842 г.), Симоны (846), Поречье (854), Соболево (857 г.) *(Алексеев,* 1966. С. 102, примеч. 106).

5. 907 г. Выясняется, что Полоцк уже достаточ но крупный центр: он участвует в коалиции рус ских князей против греков и наравне с крупнейши ми центрами - Киевом, Черниговом и Переяславлем - получает свою (видимо, немалую) контрибу цию с Константинополя. Очевидно, сильной по лоцкой дружиной руководит некий полоцкий князь, несомненно, выходец из местной родоплеменной знати (ПВЛ, 1950. С. 24).

6. Под 980 г. (по А.А. Шахматову, 970 г.) в лето писи сообщается, наконец, имя полоцкого князя, правившего в Полоцке в X в. Это известная исто рия со сватовством молодого новгородского тогда князя Владимира Святославича к полоцкой княжне Рогнеде, дочери Рогволода. Из этого текста мы узнаем, что в Полоцке сидит князь Рогволод, который якобы пришел из-за моря и имеет жену и дочь Рогнеду (ПВЛ, 1950. С. 54). Отказ Рогнеды, произнесенный якобы в оскорбительной для Владимира форме, имел следствием захват Полоцка большим войском (варяги, словени, чудь и кривичи), убийство Рогволода и насильное приведение его дочери в гарем Владимира, захватившего к этому времени Киев. Однако долго в Киеве полоцкой княжне с сыном от Владимира, если верить летописи, быть не пришлось.

За непокорность они были высланы в бывшее свое княжество, но не в Полоцк, где сидел, очевидно, ставленник Владимира, а к южной границе Полоцкой земли, в городок, получивший от имени княжича Изяслава имя Изяславль[9] (ПСРЛ, 1927. Т. 1. Стб. 299-301). В 988 г. Владимир простил своего малолетнего сына (если следовать датировке захвата Владимиром Полоцка (970 г.) А.А. Шахматовым *(Шахматов,* 1908. С. 173-175), то в 988 г. Изяславу было около 19 лет) и разрешил ему въехать с матерью в Полоцк.

Рогнеда умерла в 1000 г., ее сын, полоцкий князь Изяслав - в 1001 г., в Полоцке вокняжился его сын Брячислав (ПВЛ, 1950. С. 88). Никаких сведений о том, что происходило в Полоцке в годы возвращения Рогнеды с сыном в Полоцк у нас нет. Исходя из археологических раскопок на полоцком городище, о которых уже шла речь, можно думать, что городище это было оставлено "не ранее начала XI в.", как полагал Г.В. Штыхов (1975. С. 181). Нам представляется, что Брячиславу (1001-1044) принадлежала лишь идея грандиозной постройки новой полоцкой крепости-детинца. Полностью осуществить ее предстояло его сыну Всеславу Полоцкому (1044-1101), очевидно, в середине XI в., когда в Полоцке был построен и Софийский собор.

Гнёздовский период Полоцка окончился в первой половине XI в.

"Городок" на реке Витьбе

Другим удобным остановочным пунктом для ладей иностранных купцов был "городок" на левом берегу р. Витьбы при впадении ее в Западную Двину. Как и в Полоцке, здесь не было надобности смолить суда после волоков, но здесь скрещивались меридиональный (Путь из варяг в греки) и широтный (по Двине) водные пути, собирающие у "городка" население еще с IX в. Был ли этот "городок" первоначально племенным центром "витебских кривичей", сказать трудно: слишком мало возле курганных групп. Их много лишь у самого "городка", и это, несомненно, следы умерших витебских горожан, возможно, и более позднего, чем IX в., времени.

Как бы то ни было, письменные источники XVI-XVII вв. указывают нам на такие наименования групп витебских курганов, следов которых до наших дней не сохранилось полностью: 1) Задунайские волотовки. "Задунавье" Витебска; 2) Заручайские волотовки. "Заручавье" Витебска; 3) Задвинские волотовки у с. Ильинщина в Витебске; 4) Задвинские волотовки у слободы Русь в Витебске *(Алексеев,* 1966. С. 168, рис. 40).

Обилие курганов у устья Витьбы и значительно малое их количество далее устья Витьбы (например, Лятохи с сожжениями X в.) *(Супінскі,* 1925. С. 18-21; Штыхаў,1993. С. 382; 1992. С. 112-113) показывает, что к этому устью стекались кривичи не всем малым племенем, а отдельными, вероятно, семьями, заинтересованными в данном тороговом пути. В каком отношении они находились с их малыми племенами и где "гнездились" эти последние, неизвестно. Ясно лишь, что в гнёздовское время устье Витьбы было сильно заселено, и неудивительно, что в IX-X вв. здесь возник небольшой "городок", окруженный впоследствии селами: "Задунавье" и т.д.

Такой "городок" с характерным для поселений этого времени наименованием от реки Витбеск был найден А.Н. Лявданским (так называемая "Замковая гора").

Что же мы знаем об этом раннем городке на Витьбе, просуществовавшем, как увидим, до первой половины XI в. (до конца гнёздовского времени)?

Летописи впервые говорят о Витебске под 1021 г. Это самый конец существования витебско-

[9] Ныне Заславль под Минском.

го "городка", когда гнёздовский этап его существования, по-видимому, кончался. Что же касается более раннего времени, то в нашем распоряжении источники, к сожалению, не "первой руки". Однако и к ним следует присмотреться.

Так называя Витебская летопись, поздний экземпляр которой был переписал в 1768 г. зажиточным витебским мещанином Михаилом Панцырным, пользовавшимся разными, хранившимися в то время древними источниками (Кромером, Длугошем, Вельским и др. польскими хронистами - см.: *Улащик,* 1985. С. 218, 219), всего более посвящена истории Витебска.

Как отмечал Н.Н. Улащик, Михаил Панцырный "часто включает в свою летопись сообщения о событиях, происходивших далеко от этого города, имеющих к нему весьма отдаленное отношение, но подобные сообщения занимают у него совсем мало места. Период, когда витебские известия получили явный перевес над всеми, у Панцырного начинается с 1562 г." *(Улащик,* 1985. С. 218, 219). Тем не менее, летопись начинается с основания Витебска Ольгой Премудрой: "Roku 974. Zbiwszy Olha Jacwingow i piczynegow i, przeprawiwszy sie przez rzeke Dzwina, zanocowawszy z woyskiem, y upodobaszy gure, zaloza zamek drewniany, nazwala od rzieki Widiby Wittebskiem, wmurowala cerkicu w Wysznim zamku swienteho Michala, a w Niznim - Zwiastoanie. Dwa roki zmieszkawsky, odiechala do Kiowa". ("В *974 г. Ольга победила ятвягов и печенегов* м, *переправившись через реку Двину, заночевала с войском у красивой горы, заложила деревянный замок, назвала (его) от реки Витъбы Витебском, построила (из камня) церкви в Верхнем замке святого Михаила, а в Нижнем — Благовещения. Два года проживши (там), уехала в Киев".)* (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 193).

Разбирая текст, Н.Н. Улащик отмечает, что "в этой записи сразу бросаются в глаза те места, которые говорят о недостоверности летописи": в 974 г. Ольги не было в живых (умерла в 969 г.). "Если принять предположение Б.А. Рыбакова и Л.В. Алексеева, что в дате имеется ошибка, т.е., что следует читать не 974, а 947, то окажется, что в том году Ольга еще не была христианкой, а следовательно, и не могла строить церкви" *(Улащик,* 1985. С. 221). Мысль, что переписчики спутали 947 и написали 974, первоначально принадлежала А.П. Сапунову (1883. С. 642). Мы с Б.А. Рыбаковым повторили ее (Рыбакоў, Аляксееў, 1971. С. 12), полагая, что под поздним термином "церковь" могли строиться из дерева просто два языческих храма, перестроенных и переназванных в христианскую пору, когда возникли христианские названия. Все это, конечно, догадки, однако, в данном тексте есть и моменты, заслуживающие внимания. Прежде всего, это дата 947 г. В этом году "иде Вольга Новугороду, и устави по МьсгЬ повосты и дани и по Луз-Ь оброки и дани, и ловища ея суть по всей земли ... и по Дн-Ьпру перев-Ъсища и по Десн-в..." (ПВЛ, 1950. С. 43). В свое время я сопоставил с этим текстом текст летописи Михаила Панцырного о движении Ольги в этом самом 947 г. "из Киева в устье Витьбы" и основании ею погоста Витебска (и, видимо, других податных центров - для их организации Ольга и шла на север). «Почему Ольга, - писал я, - проходя в непосредственной близости от столь "злачных" мест на Пути из Варяг в Греки, лежащих по соседству к востоку от Витьбы в пределах будущей Смоленской земли (районы вержавских - касплянских путей, Жижецкого и Торопецкого озер, берега которых были исстари заселены, а также и оз. Селигер), почему Ольга двинулась на покорение более далекого Поместья на север, обойдя, тем самым, все будущие смоленские земли плотной дугой (Десна, Верхний Днепр, Западная Двина у Витьбы, Ловать, Мета)? Очевидно, потому, что эти земли были уже охвачены феодализированной данью. Конечно, здесь сидела, прежде всего, своя местная знать, выросшая "на местном корню" (А.Н. Насонов), но главное, безусловно, было не в этом: не приходится сомневаться в том, что отряды древнерусских даныциков с юга проникли сюда уже давно. Уже в 882 г. Олег "поим воя многи - варяги, чудь, словени, мерю, весь, кривичи ("вси кривичи"?) и приде к Смоленску с кривичи и прия град и посади муж свои". Став киевским князем в том же году, он "устави дани словеном, кривичем и мери". Двигаясь на север, уставляя погосты и уроки, Ольга не повернула к Смоленску: здесь ей просто нечего было делать - все было освоено. Она и двинулась в Новгородчину и в Псковщину, где можно было освоить глухие места по Луге, Мете, а по пути к ним - по глухим сравнительно местам - через Западную Двину у устья Витьбы, подчиняя себе население и здесь» *(Алексеев,* 1974д, С. 102-103). Весь этот затянувшийся экскурс был нужен для того, чтобы показать, что поход Ольги на север через Витьбу в 947 г. вполне реален. М. Панцырный опирался, видимо, на какие-то неизвестные нам древние источники. К этим нашим догадкам очень сочувственно отнесся такой специалист по белорусскому летописанию, как Н.Н. Улащик, нашедший, что наше предположение "представляется перспективным". Если это подтвердится, то "сообщение Витебской летописи уточнит не только маршрут княгини Ольги 947 г., но и масштаб ее деятельности в целом" *(Улащик,* 1985. С. 222).

Итак, Витебская летопись М. Панцырного XVII в. не противоречит нашей мысли, что древнейший Витебск мог существовать, во всяком случае в X в. Ольга остановилась на Витьбе, безусловно, в зоне, заселенной будущими данниками, а это означает, что в X в., а может быть, и ранее - в IX в. здесь обитало сельское население. Слово было за археологией, и она это подтвердила.

ЗАМКОВАЯ ГОРА В ВИТЕБСКЕ. А.Н. Лявданским, обследовавшим древности Витебска в 1928 г., было установлено, что на Верхнем Замке ранее существовала так называемая "Замковая Гора", следы которой "остались лишь на школьном дворе", где виден перемешанный темно-серый культурный слой до 1 м толщиной и найдены несколько лепных черепков. "На месте Верхнего Замка, - писал исследователь, - существовало городище, возникшее не позднее IX в., которое и являлось первоначальным укреплением Витебска". В этом раннем городище найдены обломки лепной посуды, близкой к посуде, как считал ученый, городища у Старого села (IX-X вв.). "Первоначальное городище (не ранее XIII в.) было расширено и был сооружен так называемый Верхний Замок, а затем - Нижний" (Ляўданскі, 1930а. С. 94). Как видим, ко времени А.Н. Лявданского о древнейшем городище судить было уже трудно - оно было в значительной степени срыто. На моей памяти остатки городища еще были видны во дворе здания Пединститута (в 1928 г. - школа), но следов культурных отложений уже не было вообще. Ныне оно полностью срыто. В поисках каких-либо следов этого важнейшего для истории Витебска памятника пришлось обратиться к архивам.

В 1960-х годах в Архиве Императорской археологической комиссии мне удалось разыскать "Дело о срытии Замковой Горы в Витебске" (ДАК, 1897. № 78). Оказалось, что упоминания об этой горе можно найти уже во второй половине XIX в. (Город Витебск, 1876. С. 156, 157). В 1890-х годах в прессе промелькнули сведения о ее "раскопках" (Правительственный вестник, 1895. № 176). Как видим, Замковую гору начали уничтожать уже в 1890-х годах.

Из копии "Предварительной записки при отношении министра народного просвещения М.Д. Делянова к министру внутренних дел" следует, что работы по срытию Замковой Горы в Витебске начались с разрешения И. А. Делянова еще в 1883 г. В 1895 г. там найдены "каменные фундаменты, нижний этаж здания с окнами до половины, каменная лестница и отчасти плитяной, отчасти булыжный пол". Возникло предположение, что это остатки княжеского замка. Работы приостановили, А.П. Сапунову было предложено собрать исторические сведения о Замковой Горе. А.П. Сапунов был известным историком Витебска, но не был археологом, значения древнейшего памятника города он не понял (правда, "раскопки", начатые с поверхности, открывали все время лишь самые поздние[10], по-видимому, слои, не имеющие отношения к древнейшей истории города, и в указанной записке И.Д. Делянова сообщалось: "Дальнейшие изыскания едва ли приведут к раскрытию данных несомненной исторической ценности, доказывающих существование в нем замка основателя Витебска. А потому нет, кажется, достаточных оснований заботиться местной государственной администрации о сохранении Замковой Горы"). Так началось планомерное уничтожение древнейших остатков первоначального Витебска *(Алексеев,* 1964). К нашему удивлению, нашелся только один голос в Витебске, который выразил свое возмущение этим поступком[11].

Итак, Замковая Гора в Витебске была уничтожена. Ко времени А.Н. Лявданского от нее осталась лишь маленькая часть, на которой он подобрал несколько лепных черепков, позволивших заключить, что памятник принадлежал IX и, видимо, X вв. и вокруг него на будущем верхнем замке раскинулось селище того же времени. Подобно

[10] Местная газета сообщала: "В настоящее время производится срытие Замковой Горы в Витебске ... От Замковой Горы уцелела незначительная часть, и ее предполагается срыть в видах расширения гимназического двора. Площадь, занимаемая горою, - 400 кв. саж., высота - 4—5 саж. При раскопках в южной части под слоем чернозема найдено 14 костяков ... Из предметов в черноземном слое найдено: глиняные грузила, точильные камни, ручные жернова... Из оружия - несколько ножей позднейшего времени, часть сабельной рукоятки, круглые свинцовые пули, железные наконечники стрел, чугунные ядра, железные копья, топоры. 27 июля в северной части раскапываемой площади рабочие наткнулись на подземную кирпичную арку и часть ее вместе с подходящими к ней стенами сломали. В видах выяснения характера найденных остатков здания директором гимназии приглашен к наблюдению за дальнейшими работами один из действительных членов Императорского Археологического Общества, под руководством которого раскопки ведутся на научных началах и до 2 августа уже открыто три стены с несколькими подвалами" (Виленский вестник, 1895. № 176). Находками на Замковой Горе был заинтересован и Н.Я. Никифоровский - известный витебский фольклорист. Он энергично призывал к собиранию археологического материала, указывал на сходство керамики Замковой горы с древнекиевской великокняжеской (в 1897 г., видимо, копали более ранние слои, чем в 1895 г.) *(Никифоровский,* 1897. №135-138).

[11] Это был исполняющий дела Витебского вице-губернатора, некто Мамчич, составивший гневную "Дополнительную записку", приложенную к записке И.А. Делянова. Мамчич указывал, что "гора до середины 1870-х годов сохранялась в своем естественном виде ... Ее окончательная раскопка началась только с постройкой гимназии и городского суда. Пологой стороной входя в набережную Витьбы, гора эта представляет собой усеченную пирамиду, покрытую травой с ровной площадкой наверху... Я признаю, - писал Мамчич, - что остатки Замковой Горы заслуживают полного внимания, и считаю долгом ходатайствовать о сохранении этого единственного остатка исторических памятников, свидетельствущего о том, что город Витебск - издревле русский" (ДАК, 1897. № 78). Слабой стороной этого последнего утверждения энтузиаста, вице-губернатора Мамчича, было то, что археологические признаки древности памятника, и тем более его "русскости", тогда еще абсолютно не были разработаны, а за памятник не вступился даже преподаватель истории этой самой Витебской гимназии, крупный ученый А.П. Сапунов (1852-1924), другой же местный историк и, главным образом, археолог Е.Р. Романов (1855-1922) в 1898 г. был переведен в Могилев на должность инспектора народных училищ *(Алексеев,* 1996. С. 140-148).

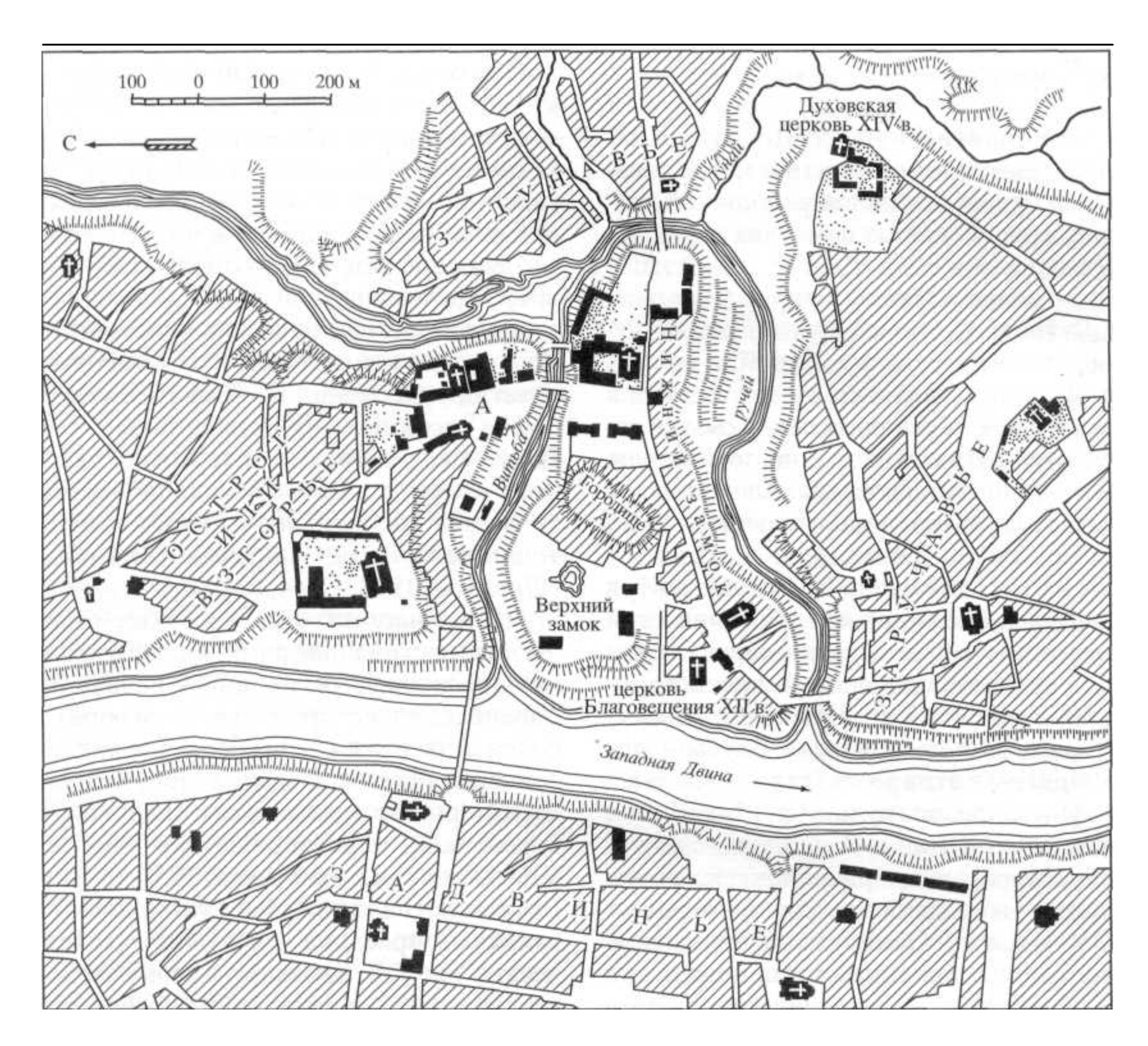


Рис. 16. Центральная часть Витебска по плану конца XVIII в. *(Егоров,* **1954)**
А - "Городок" IX-XI вв. на р. Витьбе

Полоцку, Друцку, Минску на р. Менке, первоначальный город возник в "гнёздовское время" на Замковой Горе и был в окружении, может быть, и обширного, селища (рис. 16).

О существовании таких селищ вокруг Замковой Горы, древнейшего городища Витебска, сигнализировали раскопки Г.В. Штыхова 1963-1966 и 1972 гг. Возле Благовещенской церкви XII в., на территории позднейшего "Нижнего Замка", ученый обнаружил напластования, отложившиеся в третьей четверти I тыс. н.э., выше которых были отложения селища X в., где были найдены фрагменты как лепной, так и раннегончарной посуды, а также ланцетоподобные наконечники стрел, стеклянные и сердоликовые бусины, глиняные дискообразные грузила для вертикального ткацкого станка *(Штыхаў,Лебядзеў,* 1974. С. 46). В 1964 г. к югу от Благовещенской церкви в предматериковом слое была найдена лепная и раннегончарная керамика IX-X вв., т.е. гнёздовского времени, глиняный диск, аналогии которого обнаружены в слоях IX-X вв. в Старой Ладоге, а в другом раскопе в том же слое - 2 наконечника железных стрел и псалий X - начала XI в. (тип, к сожалению, не указан) *(Штыхов,* 1978. С. 34, 35). Там же, в III раскопе в нижних отложениях найдена лепная посуда третьей четверти I тыс. н.э. и керамика IX - начала X в. Выше - лепная и раннегончарная керамика X - начала XI в. *(Штыхов,* 1978. С. 36). "Как правило, - сообщает исследователь, - лепная керамика IX - начала X в. находится несколько выше предматерикового слоя, в тех же пластах, что и посуда, подправленная на гончарном круге. Четкого разграничения прослоек с разными типами лепной посуды не прослеживается" *(Штыхов,* 1978. С. 36). "Таким образом, - заключает Г.В. Штыхов, - во всех раскопах Нижнего Замка найдены материалы VI-VIII вв., близкие к культуре типа Банцеровщины-Тушемли, и остатки материальной культуры IX - начала X в., которые можно связывать с летописными кривичами" *(Штыхов,* 1978. С. 37).

Таким образом, мы видим, что на р. Витьбе в гнёздовское время тоже был первоначальный "городок" IX-X вв. Его окружал "посад" этого же времени, располагавшийся над Западной Двиной, на горе, которая позднее, мы увидим, стала детинцем ("Верхним замком") будущего феодального города.

"Городок" на реке Лукомке

На третьем торговом пути между Днепром и Западной Двиной, куда славяне пришли, как мы говорили, в IX в., вскоре образовался небольшой "городок" Лукомль (рис. 17). Этот памятник раскапывался Г.Д. Штыховым в 1966-1974 гг., а до этого были известны только курганы вокруг *(Романов,* 1890. С. 147). Детинец ("Замок") Лукомля находится в черте современного поселка Лукомля на правом берегу р. Лукомки, недалеко от ее впадения в озеро. Юго-восточная часть памятника смыта рекой, и по подсчетам названного исследователя, первоначально площадка его занимала площадь 0,25 га. Мощность слоя городища в центре - 2 м, у восточного края - свыше 3,4 м.

Культурные отложения ученый разделил на три слоя - верхний, средний и нижний. Средний слой содержал невыразительные остатки дерева, нижний же, как он считает, основной, - интенсивно-черного цвета. По мнению Г.В. Штыхова, древнейшими обитателями памятника были балты - дославянские аборигены этих мест (так называемая банцеровско-тушемлинская культура VI-VIII вв.), позднее кривичи (IX-XII вв.). В нижних горизонтах, свидетельствует автор раскопок, встречен фрагмент бронзового изделия с красной выямчатой эмалью (IV-V в. н.э.). Обнаружен и бронзовый браслет с утолщенными концами, типичный для VI-VIII вв.

Переходя к укрепленным частям памятника, Г.В. Штыхов сообщает, что "трудно судить о времени появления оборонительных сооружений, но таковые, несомненно, были, когда обитателями городища стали те, кого мы называем полоцкими кривичами. Вероятно, они в IX в. возвели деревоземляные укрепления, погибшие во время пожара в X в. Один ланцетовидный наконечник стрелы был с наружной стороны вала в прослойке под дерном. Как видим, в восточной части городища имеются остатки укреплений IX-X вв., хотя не сохранились более поздние оборонительные сооружения". Далее следует весьма интересный разрез культурного слоя городища с запада на восток, где виден песчаный вал первоначального поселения в восточной его части - западная часть подмыта рекой *(Штыхов,* 1978. С. 44, рис. 16).

Нас сейчас, естественно, более всего интересуют напластования памятника, отложившиеся в гнёздовское время, т.е. в IX - начале XI в. Зона их определяется автором в верхнем горизонте нижнего черного слоя, где встречается как лепная, так и гончарная керамика. Здесь есть лепные черепки с характерными вдавлениями палочкой, обмотанной веревочкой, характерные для многих поселений VIII-IX вв. (см.: *Ляпушкин,* 1958. С. 34 и рис. 19,6). Встречаются типичные глиняные сковородки, глиняные пряслица - высокие "усеченно-биконические", по Г.В. Штыхову. Среди находок из бронзы исследователь называет пластинчатый перстень

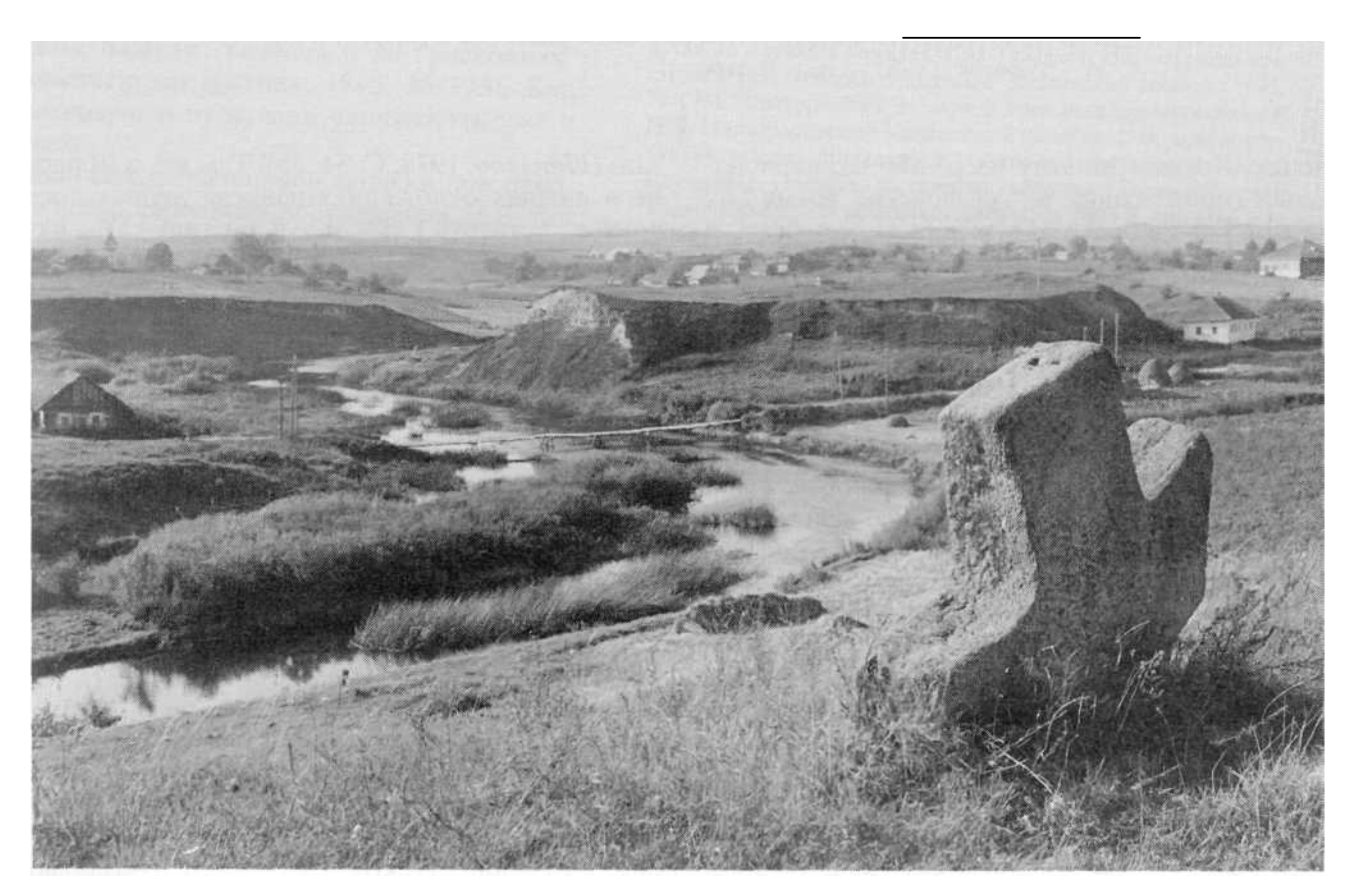


Рис. 17. Городище Лукомль. Фото автора, 1950-е годы

с заходящими концами, браслет из толстой проволоки, "перекрученный посередине", деталь с выпуклым пояском, характерную для длинных курганов. Самой интересной находкой является арабский диргем из второго штыка западной части городища, являющийся в действительности подражанием монетам Саманидов (Наср II ибн Ахмед - 914-943 гг.). Ниже на штык лежала литейная форма для отливки украшений-подвесок, аналогичная тем, что найдены на Псковщине в городище Камно *(Тараканова,* 1956. Рис. 20, левый сверху), датированная С.А. Таракановой VII-VIII вв. *(Тараканова,* 1956. С. 41). Здесь же в предматериковом слое найдена костяная ажурная пластинка, близкая к зооморфным фибулам VII-VIII вв. *(Штыхов,* 1978. С. 44, со ссылкой на работу Н.И. Хавлюка - *Хавлюк,* 1974. С. 189. Рис. 5, 9).

Исследование селища вблизи городища представляет большой интерес, ибо мы можем представить окружение городища в гнёздовское время. Оно имеет площадь 3 га, расположено на правом берегу р. Лукомки, на север от городища. Здесь в 150 м от памятника, во дворе средней школы в 1969-1970 гг. Г.В. Штыхов и вел раскопки. Мощность слоя здесь колеблется от 0,6 до 1,5 м, и слой сильно перекопан. В предматериковом слое найдены фрагменты керамики, как считает автор раскопок, второй половины I тыс. н.э., выше в слое с керамикой гнёздовского времени, лепной и гончарной посудой, на глубине 0,6-0,8 м была расчищена печь из глины и камней, указывающая на существование здесь жилища. Любопытно, что в материке попадались многочисленные ямы с материалами исключительно гнёздовского времени, ям ХП-ХШ вв. встречено не было *(Штыхов,* 1978. С. 48). Предположительно можно заключить, что именно в это время жизнь здесь шла наиболее интенсивно, впрочем, были встречены ямы и XVIII в.

Из находок гнёздовского времени в нижнем слое селища найдены 44 стеклянные бусины (среди них 28 лимонок, одна глазчатая бусина и т.д.), костяной орнаментированный футляр от одностороннего гребня, много костяных игл, проколок и т.д. Большое количество изделий из селища, к сожалению, описания не имеют и дата их нам не ясна: "6 навесных замков", "5 наконечников стрел" и т.д. Гончарная керамика расчленена автором на 4 группы, из которых, по-видимому, первая относится к интересующему нас времени ("раннекруговые горшки с элементарным (?) венчиком X - начала XI в. и линейным орнаментом по тулову сосуда" *(Штыхов,* 1978. С. 50). К сожалению, датированных аналогий автор обычно не приводит.

В начале XI в. в странах арабского востока, как считается, прекратилась чеканка серебряной монеты. Однако усиливающийся рост мелкотоварного оборота русского рынка в XI-XII вв. требовал нового серебра, и Русь переключилась на импорт его из Западной Европы. Денежное обращение этого времени представляют несколько кладов, среди которых важное место принадлежит двум кладам XI в. из д. Стражевичи (1898 и 1903 гг.) близ Лукомля. Не приходится сомневаться, что клады были зарыты ювелиром этого города, спасавшимся при каком-то бедствии, скорее всего, как предположил А.А. Спицын, при нападении на Лукомль, о котором сообщает в своем Поучении детям Владимир Мономах. Нападение на город им было осуществлено в 1078 г., и оба Стражевичских клада были спрятаны в это время. О кладах речь - впереди, сейчас же отметим лишь, что в 1971 г. место зарытия кладов посетил Г.В. Штыхов и обследовал место, где они были зарыты - в урочище Мартина Гора в 5 км от города. Никаких новых сведений исследователь не получил.

Что же собой представляло место, где возник Лукомль? Рядом находится большое Лукомльское озеро, на всем пути от Друцка здесь встречены, как мы знаем, клады и отдельные находки арабских монет (Прусиничи, Стражевичи, Вядец, севернее у Западной Двины - Усвица, может быть, Славёны). Это был торный торговый путь, названный нами "третьим ответвлением Пути из Варяг в Греки". Здесь у озера жили рыболовы, что было удобно для проезжих, нуждающихся, несомненно, в свежих продуктах. Вполне возможно, как предполагает Г.В. Штыхов, что первоначально осело здесь малое племя кривичей, которое выстроило свой племенной укрепленный центр, где жили старейшины *(Штыхов,* 1978. С. 52). Действительно, скопление курганных групп к северо-западу от Лукомля и полное их отсутствие к юго-востоку *(Алексеев,* 1966. С. 36-37, карта-вклейка) позволяет предполагать, что на р. Лукомке, верхней Ульянке, Верхней Кривине и Нижней Кривине, как и на Сенненском озере, жило малое племя кривичей ("лукомлян"?) - тысяча, по Б.А. Рыбакову.

Любопытно, что, судя по публикации Г.В. Штыхова, на городище почти (или вовсе) не встречено предметов, связанных непосредственно с производством и ремеслом, в то время как на посаде свидетельств о ремесле много. Зафиксировано железоделательное и кузнечное производства (шлаки), ювелирное и костерезное дело (тигли, обломки форм для отливок, слитки свинца, заготовки костяных изделий и т.д.) *(Штыхов,* 1978. С. 50). Мы понимаем, что это были следы умельцев, стянувшихся к своему племенному центру для торговых и прочих сделок с проезжающими по указанному нами третьему пути. О том, что торговые сделки совершались жителями как городища, так и посада, говорят многочисленные стеклянные бусины, некогда оброненные на городище, и ряд других вещей (см.: *Штыхов,* 1978. С. 50).

Исследователь отмечает, что Лукомль - один из древнейших кривичских центров на территории современной Белоруссии, и с этим нельзя не согласиться. Если это действительно так, то этот пункт

был основан в IX в. проникшими в лукомльские леса кривичами, соблазнившимися обилием озер в этих местах, и развился благодаря торговому ответвлению Пути из Варяг в Греки в конце IX - начале XI в.

В XI в. в Лукомле обосновался, по-видимому, княжеский тиун, поставлявший собранную с "лукомльских кривичей" дань в Полоцк, но это уже особая тема, к которой мы вернемся позднее.

"Городок" на реке Менке

МЪНСКИЕ ДРЕГОВИЧИ. В Полоцкой земле в районе Минска есть одна любопытная территория, заселенная потомками не кривичей, как вся Полоцкая земля, а дреговичей. Дреговичи - союз племен, основавший позднее Турово-Пинское княжество. Эта часть дреговичей, судя по курганам, составляла компактную группу, состоявшую из более 80 сел *(Алексеев,* 19986. С. 101), которые были захвачены Полоцком ранее, чем туда проникла туровская дань *(Насонов,* 1951. С. 150). Курганные насыпи - сферические с ингумированными покойниками XI-XII вв. *(Сербаў,* 1927; *Спицын,* 1899. С. 289-294; *Завитневич,* 18906. С. 11). Кремация здесь обнаружена только в двух случаях и с

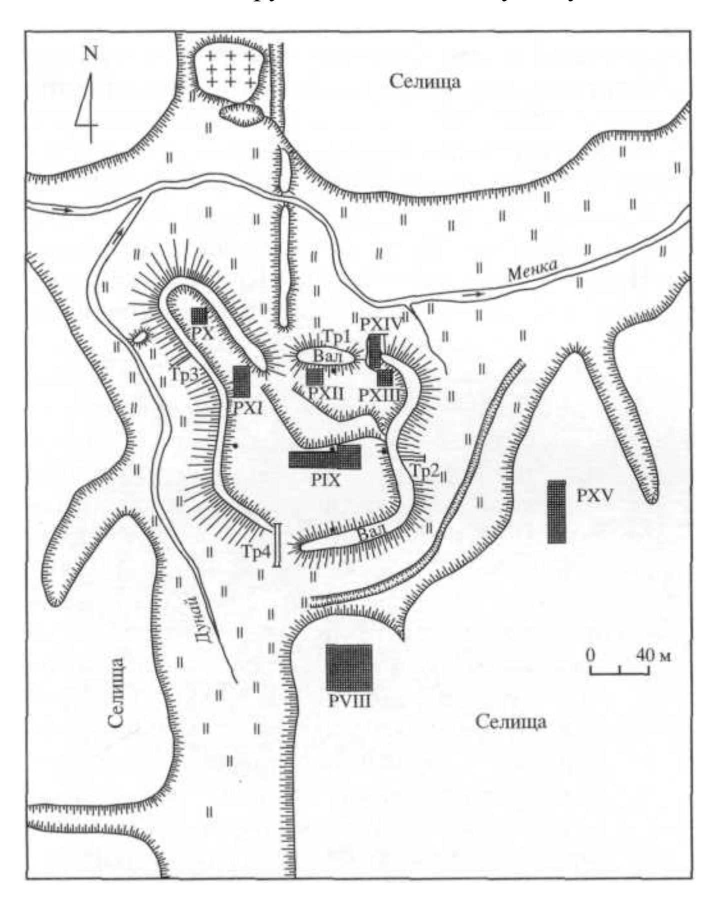


Рис. 18. Городище на р. Менке, неподалеку от Минска. IX - начало XI в.

Тр. 1^4 - прорезка вала, *PVIII-XV* - раскопы на городище и селище

гончарными урнами XI в.: у д. Каменка под Койдановым иуд. Новосады *(Дубінскі,* 19306. С. 512).

Видимо, двигаясь на юг, кривичи в XI в. зашли в зону, освоенную ранее дреговичами *(Алексеев,* 1966. С. 37). Новые раскопки Ю.А. Заяца эту картину не изменили. Вся территория дреговичских сел занимала правый берег верховьев р. Свислочь, Уши, Птичи, на западе их земли не доходили до верховьев Сулы неманской, на север они распространились до кривичского Заславля (севернее линии Заславль - Логойск - Борисов - Друцк начинались земли кривичских племен). На юге это скопление дреговичей кончалось у истоков р. Лоши. С запада, востока и юга, а также, по-видимому, узкой полосой на севере их ограждали мощные массивы лесов междуречья Немана, его притоков - Березины (Неманской), Случи и всего среднего течения р. Свислочь[12]. Это скопление дреговичских сел имело центр на р. М-Ънке (притока Птичи), откуда и наше условное название "м-ьнские дреговичи".

"МЪНЕСКЪ" - ГОРОДИЩЕ НА РЕКЕ "МЪНКЕ". Видимо, подобную тысячу составляло окруженное лесами скопление и северных ("минских") дреговичей. Оно тоже должно было иметь племенной центр, где жил племенной князь, было племенное святилище и т.д. Такое городище там действительно есть. Оно расположено, как мы говорили, на р. Менке, в 16 км к юго-западу от современного Минска (рис. 18). Этот выдающийся памятник исключительно интересен, и приходится только жалеть, что по обычаю белорусских археологов его поручали раскапывать разным археологам, так и не пришедшим к единому мнению о его назначении. В 1954 г. там вел раскопки специалист по раннему железному веку А.Г. Митрофанов, датировавший памятник не гнёздовским временем, а XII-XШ вв. и видевший в нем феодальный замок. В 1963, 1964, 1967, 1968 гг. там вел работы З.М. Загорульский, в 1969 г. - М.А. Ткачев (разрез вала), в 1975-1977 гг. - Г.В. Штыхов. В настоящее время исследование памятника поручено, по слухам, пятому белорусскому археологу - Ю.А. Заяцу. Будем надеяться, что ему, наконец, удастся найти ответы на вопросы, связанные с этим замечательным памятником.

Городище на р. Менке обращало на себя внимание еще в середине XIX в.: путешествуя по Белоруссии, П.М. Шпилевский писал, что "городище это было когда-то замком, доказательством чего служат древние монеты и железные орудия, находимые в этом местечке внутри каменистой горы в

[12] По-видимому, нельзя принять возражений В.В. Седова, по мысли которого, все указанные земли до инфильтрации туда дреговичей были освоены кривичами *(Алексеев,* 19986; *Седов,* 1999. С. 243). Банцеровский субстрат здесь, видимо, не помогает: распространение кривичских височных колец южнее Заславля-Логойска мы не встречаем, что и обозначает их южную границу *(Алексеев,* 1966. С. 45 и ел.).

виде огромного кургана или окопа (так называемого капища. *-Л.А.)" (Шпилевский,* 1858. С. 154).

Городище расположено на правом высоком берегу р. Менки (ныне пересохшей), у устья впадающего в нее ручья Дуная, рядом с древним городищем. Повторяя ошибку А.Г. Митрофанова, Э.М. Загорульский, утверждал, что оно сохраняет как бы "внешние черты мощного феодального замка" *(Загорульский,* 1982. С. 30), вокруг которого - обширное селище.

Памятник состоит из двух частей - узкой и более высокой с площадкой 16 x 80 м ("капище" П.М. Шпилевского) и прилегающей к ней ниже второй части с округлой площадкой размером 80 x ПО м, сильно пониженной в северо-восточной стороне. Обе площадки обнесены общим валом. В целом площадь памятника - 1 га. Добавим, что в верховьях р. Птичь, именно в этих местах, были обнаружены три очень больших клада монет, датирующихся от 816 г. до X в., что позволило П.Г. Любомирову считать, что здесь некогда существовал крупный центр (нашего городища он не знал - см.: *Любомиров,* 1923. С. 20).

Городище на р. Менке - интереснейший памятник, подобных объектов в Белоруссии больше нет, и крайне важно целенаправленное его изучение в течение многих лет. К сожалению, до самого последнего времени вопрос об этом никогда не ставился археологами, памятник изучался от случая к случаю. Он настолько труден в интерпретации, что исследователи, как мы видели, после го-да-двух раскопок его оставляли, так должным образом и не осмыслив. Лишь Э.М. Загорульский нашел возможным после годичного перерыва вернуться к раскопкам памятника, но и четырех лет для такого уникального объекта все-таки недостаточно (несмотря на существование материалов и других исследователей). Рассмотрим, что же было исследовано на памятнике различными белорусскими учеными.

Первые раскопки были начаты, как мы говорили, специалистом по раннему железному веку А.Г. Митрофановым, организовавшим здесь практику для студентов исторического факультета БГУ и заложившим раскоп на Малом городище (60 м^2) и на Большом городище (100 м^2). На Малом, где культурный слой, оказалось, имеет мощность 1,4 м, был выявлен угол деревянного дома с печью-каменкой и много находок (жернова, мешок грубой ткани с обгорелым зерном, серп, 5 ножей, железные шилья и т.д.). Датирующие предметы очень важны, но не были учтены А.Г. Митрофановым: серебряная серьга с подвеской так называемого волынского типа X - первых десятилетий XI в. (аналогии есть в Гущинском кладе 1930 г. близ Чернигова), бусины-лимонки (X в. - 1020-е годы), сердоликовая призматическая бусина (X в.), железный наконечник стрелы (близкий к стрелам тогда еще не опубликованного Новотроицкого городища VIII-IX вв. *(Ляпушкин,* 1958. Табл. ХСШ, *14)* и т.д. (Устное сообщение А.Г. Митрофанова, позволившего мне опубликовать несколько рисунков, см.: *Алексеев,* 1966. С. 147, рис. 29,*1, 2).*

Ныне это - единственный источник о его работах на этом памятнике. Как видим, датировка им городища XII-XIП вв. неверна. Это памятник более ранний. Э.М. Загорульский заложил раскопы на "Малом городище" (100 м^2) и на селище (240 м^2). В 1967 г. он заложил два раскопа на "Большом городище", а в 1968 г. разрезал вал "Малого городища", а также восточный вал "Большого". По свидетельству Г.В. Штыхова, в 1967 г. невежественные местные власти начали приспосабливать уникальный памятник под... стадион (!). Площадка была снивелирована бульдозером, валы подрезаны с внутренней стороны и т.д. *(Штыхов,* 1978. С. 85). В 1969-1971 гг. последний проводил наблюдения над культурным слоем окрестностей городища и выявил там много керамики X - начала XI в., т.е. гнёздовского времени. Оказалось, что на юг и восток от памятника на 500 м, на запад - на 400 м тянется селище. Общая площадь поселения X - начала XI в. вокруг городища, оказалось, составляет не менее 30 га *(Штыхов,* 1978. С. 66). В 1975 г. Г.В. Штыхов заложил раскоп южнее. На селище (30 x 30 м), где мощность слоя доходила до 1,4 м, и почти повсеместно в слое XI в. на глубине 0,2-0,4 м были выявлены скелеты людей, частично поврежденные вспашкой (распаханный курганный могильник?). В 1976—1977 гг. тот же исследователь обратился к "Большому городищу", где при мощности слоя 1,2-1,8 м раскопал площадь в 168 м^2 *(Штыхов,* 1978. С. 66-77).

Как мы видели, городище находится в 16 км от Минска и к тому же на р. Менке, откуда возникла молва, что именно здесь и был первоначальный летописный Минск. От этого города можно было действительно двинуться на р. Немигу ("поидоша к Немизе", - говорит летописец под 1067 г.). Отождествление городища на Менке с древнейшим Минском стало традиционно, и Э.М. Загорульский поступил очень верно, включив вопрос о Менском городище и его соотношении с древностями белорусской столицы в свою книгу "Возникновение Минска" *(Загорульский,* 1982. С. 30-63). Там он подробно знакомит со своими исследованиями на памятнике, приводит рисунки всех найденных вещей и обосновывает их датировки. Этот исследователь был первым, кто понял и доказал, что городище на Менке следует датировать X - началом XI в. Из находок интересны днища некоторых сосудов с княжеской тамгой - трезубцем. Все найденные горшки на городище изготовлены на гончарном круге, большинство венчиков, по свидетельству ученого, характерны для раннегончарных сосудов с венчиком "в виде карнизика" (подобные найдены на городищах IX-X вв.: Хотомель,

Шестовицы, Коростень, Гнёздово, см.: *Русанова,* 1958. С. 44; *Загорулъский,* 1982. С. 43). В раскопках Г.В. Штыхова был обнаружен тот же круг вещей, а также несколько днищ сосудов с княжеской тамгой Рюриковичей раннего варианта, близкой к тамге Владимира Святого (980-1015). Им было установлено, что на памятнике нет находок стеклянных браслетов и, следовательно, отложения XII-XIII вв., как считал А.Г. Митрофанов, на нем отсутствуют. Памятник характеризует, по свидетельству исследователя, подъемный материал, собранный на городище и на селище местным учителем СП. Еремчуком и его учениками. В коллекции этого краеведа хранится огромное количество разнообразных вещей, например, свыше ста древних бусин, и все они датируются X - первой половиной XI в. Среди них 26 бусин-лимонок, бронзовые украшения XI в. (топорик, конёк, монетовидная привеска с зернью и т.д.).

Очень характерно, что на селище, по свидетельству Г.В. Штыхова, есть лепная посуда, датирующая поселение IX в. и доказывающая, что селище возникло ранее городища. К сожалению, Г.В. Штыхову не удалось определить, что за могильник был им найден южнее городища и как он датируется.

Конечно, огромный интерес представляет вопрос о существовании на городище укреплений. Однако и здесь исследованием занимались три ученых, и у всех получились разные, часто взаимоисключающие выводы. Так, М.А. Ткачев проводил работы у южного въезда и, заложив там раскоп, по свидетельству Г.В. Штыхова, в 4 $м^2$, определил, что под валом Большого городища находится слой поселка железного века, первоначальный же вал состоит из песка, смешанного с культурным слоем и вещами IX-X вв. Этот вал был перекрыт вторым валом с находками XI в., прослоек между ними нет - второй вал насыпался вскоре после первого. По мнению исследователя, первый вал насыпался в начале XI в., т.е. в гнёздовское время, второй - в XI в. *{Ткачев,* 1969. С. 193-198). Э.М. Загорульский (1982. С. 55-65) разрезал оба вала, как на Малом городище, так и на Большом. По его мнению, на первом "под насыпью вала оказалась вся толща напластований не только раннего железного века, но и всего древнерусского периода", и он сделал вывод, что возведение вала - "одно из последних строительных мероприятий в жизни населения" и датируется XIV-XV вв. По Э.М. Загорульскому, древнерусский слой оказался под насыпью вала и на Большом городище. Оба исследователя привели чертежи своих разрезов валов, и, как я уже указывал *{Алексеев,* 1987. С. 266), чертеж М.А. Ткачева мне представляется более убедительным. Несмотря на утверждение Э.М. Загорульского, что обе его траншеи были связаны с раскопами, "являлись их непосредственным продолжением", по недосмотру автора, на его чертеже этого перехода разреза в слой мы не видим *{Загорульский,* 1982. С. 52, рис. 16). В 1983 г. Г.В. Штыхов разрезал вал в северной части памятника и любезно разрешил опубликовать его чертеж (см.: *Алексеев,* 1998в. С. 384, рис. 64). В "нижних частях вала" он расчистил, по его утверждению, остатки городен - срубы длиной *Ъ,5-А* м из дубовых бревен, которые ставились "в три ряда один возле другого" вдоль вала и "были плотно забиты суглинком и супесью". Возвышаясь примерно на 4 м, они составляли основу первоначального сооружения первой половины XI в. Г.В. Штыхов полагает далее, что "укрепления погибли в сильном пожаре вскоре после их возведения... Затем вал был реконструирован, стал вдвое выше прежнего вследствие подсыпки суглинка и песка. По гребню шел частокол ... его общая высота не менее 8,2 м" *{Штыхов,* 1985. С. 415). Мне представляется, что осмысление вала этим ученым ближе к работам на валу М.А. Ткачева. До новых публикаций, по-видимому, нам и следует придерживаться общих заключений этих археологов. Итак, дреговичи, обосновавшиеся в IX-X вв. на р. Менке (лепная керамика селища) возвели вскоре рядом большое укрепление, которое потом дополнительно усилили. Укрепление это, в свою очередь, заняло заброшенное селище раннего железного века.

Как же следует интерпретировать этот замечательный памятник на Менке до его дальнейших раскопок? Э.М. Загорульский считает, что предметы, найденные на нем, "типичны для древнерусских поселков X - начала XI в.", что предметов "городской культуры" здесь нет (в чем исследователь, по-видимому, прав). Он полагал, что на Малом городище мог уместиться один двор и далее, правда, с большой осторожностью, предположил что здесь был двор "знатного селянина или феодала" *{Загорулъский,* 1982. С. 47). Иначе толкует этот памятник Г.В. Штыхов, полагая, что в "X веке на Менке в густозаселенной местности существовал значительный центр округи, достигший расцвета в первой половине XI в. Необычайно большие его размеры по сравнению с другими поселениями X-XI вв. Полоцкого, Туровского княжеств и других соседних земель, состав находок, обнаруженных вблизи него трех кладов куфических монет X - первой половины XI в., позволяют видеть в нем важный населенный пункт на водоразделе бассейнов Немана и Припяти. Возможно, что это был летописный Минск" *{Штыхов,* 1978. С. 72).

Чем же объясняют исследователи внезапное прекращение жизни на Менском городище? По Э.М. Загорульскому, это - результат "процесса постепенной сегментации, выселения отдельных семей на новые места", что могло быть следствием истощения почвы "в результате длительного ведения интенсивного хозяйства" *{Загорулъский,* 1982. С. 62, 63). По Г.В. Штыхову (1978. С. 72), на-

селение потому оставило менское городище, что река могла обмелеть, либо прекратился через нее торговый путь. С нашей точки зрения, авторы недостаточно оценивают памятник. Как я уже указывал *(Алексеев,* 1998в. С. 385), это, безусловно, не остатки "феодального замка", на который он совсем не похож (да и знаем ли мы на нашей территории в это время подобные замки?). Это и не "двор знатного селянина, или феодала": X в. - слишком раннее время! Но что же это за памятник столь беспрецедентной для этого времени величины? По классификации П.А. Раппопорта (1956. С. 31; 1967. С. 92), это типичное городище "второго типа" - с "замкнутым валом". По Штыхову, это - "значительный центр округи в густозаселенной местности" *(Штыхов,* 1978. С. 71). Что же это за округа, что она выражает? Округа эта, как мы говорили, датируется в основном XI в. и охватывает густозаселенную местность на водоразделе Немана - Птичи - Свислочи (т.е. Немана - Припяти - Днепра). Это, мы помним, "малое племя" северных дреговичей, которое должно было иметь и свой племенной и религиозный центр, каковым, приходим мы к заключению, и был центр на р. Менке, по-видимому, древний племенной "Менеск". Важно, что находки на этих городищах, селищах и в курганах - один круг дреговичских древностей одного времени. Я думаю, что крупный центр на Менке, именовавшийся, видимо, по этой реке (подобно соседнему Случску - Случи, Дручску - Друти и т.д.), первоначально не был торговым центром, как думает Г.В. Штыхов, основываясь на географическом положении, а был племенным центром, и лишь несколько позднее через него пролег торговый путь на Киев. Такой племенной центр должен был иметь и общеплеменное святилище, и, может быть, не так неправ П.М. Шпилевский, именуя Малое городище вслед за сложившейся народной традицией, "капищем" (см. также: *Русанова, Тимощук,* 1993). Сосуды с княжескими знаками, иногда встречающиеся на памятнике, относятся, видимо, к непродолжительному времени, когда "М'Ьньск" со всем "менским племенем" был захвачен полоцким князем и жизнь на памятнике, мы увидим, прекратилась. Мне представляется, что городище на Менке, М-Ьнеск, полностью сопоставимо с Вержавском - племенным центром Вержавлян Великих в Смоленской земле, объединявшим девять погостов.

Правда, защищенное двумя озерами городище (столь же близкое к торговым путям) там несколько меньше *(Алексеев,* 1980. С. 56, 57).

Древний "М'Ънескъ", по нашей мысли, - древнейший Минск, жизнь на котором замерла, как показали археологические исследования, к середине XI в., т.е. в то время, когда по данным дендрохронологии в 1063-1066 гг. в 16 км. к северо-востоку стал отстраиваться современный Минск ("М'Внескъ" древнерусской летописи). Город, таким образом, был перенесен полоцкими князьями по каким-то причинам на верховья р. Свислочь, и этой теме ниже мы уделим особое место. Мы увидим, что население из "гнёздовского Менска" вывел Всеслав в 1066 г. - в 1067 г. "меняне" жили уже на новом месте "с женами и детьми" (ПВЛД950. С. 112).

'Городок" на реке Друти

Продвинувшись на р. Друть, как мы говорили, с севера и войдя в соприкосновение с распространившимися сюда с юга дреговичами, Малое племя "друцких" кривичей вынуждено было остановиться. Для племенного центра был избран, по-видимому, малый холм на правом берегу р. Друть, где при раскопках был найден слой с лепной посудой IX - первой половины X в. Как показали исследования О.Н. Левко *(Ляўко,* 2000. С. 97), первыми поселенцами на этом малом холме было балтское племя так называемой банцеровской культуры (VI-VIII вв.), однако в IX - начале X в. здесь поселилось славянское малое племя кривичей, назвав холм по рядом текущей реке Друцком. Соседний большой холм, тот, где позднее был возведен детинец, можно думать, они почти не занимали (высоко до воды). Там в наших раскопках лепная керамика встречалась лишь в материковых ямах и редко.

Раскопки О.Н. Левко еще не опубликованы, для представления об этом древнейшем слое малого холма (там позднее вырос Окольный город) мы можем судить лишь по ее небольшой популярной работе. Найдены были глиняные пряслица, датированные автором третьей четвертью I тыс. н.э., фрагменты тигелька, указывающие на какое-то литейное производство (вероятно, еще не ремесло), бронзовый орнаментированный пинцет (IV-V вв. н.э.) и т.д. *(Ляўко,* 2000. С. 97). Все это вещи "аборигенного" времени. К славянам относятся ключи типа А с квадратной лопаточкой X в., бронзовые перстеньки и браслеты, а также бубенцы с прорезью *(Ляўко,* 2000). Это все, что мы можем пока сказать о Друцке эпохи Гнёздова. В конце этой эпохи (начало XI в.) с наступлением раннего феодализма, главный центр был перенесен на соседний холм - так называемую Замковую гору. Там и был отстроен новый княжеский детинец (о нем см. ниже).

"Городок" на реке Свислочи, так называемый Замечэк

Говоря о верхней Друти, мы отметили, что там встретились два славянских племенных потока: шедших с севера кривичей и с юга - дреговичей. В результате эта территория оказалась сильно перенаселенной. То же произошло и в верховьях р. Свислочи. К югу находились земли распростра-

нившихся сюда так называемых менских дреговичей", захваченных, как мы думаем, в 1044-1160-х годах Всеславом Полоцким. К северу, вероятно, за небольшой лесной полосой скопилось кривичское население со своим племенным центром на городище Замечэк под современным Заславлем. Памятник не стоял на реке и, видимо, не получил характерного "речного" наименования. Здесь же, в верховьях Свислочи, на р. Гайне и в верховьях Березины расположились малые племена кривичей. Их центрами могли быть Изяславль, Логожеск и Борисов. Племенных наименований мы не знаем, но известно, что все они возникли в IX-X вв. Итак, описываемая зона, как и зона на верхней Друти, была пограничной между кривичами и дреговичами.

Здесь, в верховьях Свислочи, находился древний город Изяславль (Заславль). Благодаря работам белорусских археологов и, в частности, Ю.А. Заяца (1995), мы получили полное представление о памятниках Заславля и можем понять, что это один из древнейших городов здешних земель. "Широкомасштабное археологическое изучение основных археологических памятников Заславля, (Замок, городище Замечэк, посад), являющихся структурными частями города, - пишет Ю.А. Заяц, - позволило не только уточнить их датировку, но и разработать микрохронологию... исследование замковых укреплении дало возможность установить количество периодов и этапов в их строительстве и не только датировать их археологически, но и связать отдельные периоды с конкретными событиями, известными из летописей" *(Заяц,* 1995. С. 55). Таким образом, исследование Ю.А. Заяца "Заславль в эпоху феодализма" дает возможность представить историю древнего Изяславля в полном объеме.

Теперь не приходится сомневаться, что именно об этом городе говорит летописец, сообщая в статье 1128 г. легенду о возведении его Владимиром Святым для своей разведенной жены Рогнеды и их сына Изяслава.

Древний Изяславль интересовал исследователей уже давно, однако уверенности в том, где он находится в действительности, не было. В.Н. Татищев, например, скромно сообщал: "О Изаславле же, где был - неизвестно" *(Татищев,* 1963. Т. 2. С. 264, примеч. 380). Однако как об историческом городе о нем писали уже в XIX в., например М.А. Гаусман (1879); Р.Г. Игнатьев (1878).

А.Н. Лявданский - первый археолог, приступивший к древностям города, копал городище "Замечэк" (рис. 19), а также остатки средневекового замка, но домонгольских слоев нигде не обнаружил *(Ляўданскі,* 1928. С. 5 и ел.). Вокруг Заславля, как известно, имеется огромный курганный могильник, состоявший из десяти отдельных групп. Большое количество курганов было раскопано А.Н. Лявданским, начиная с 1926 г. Первоначально исследователь датировал курганы, как, впрочем, и городище Замечэк, X-XI вв. В дальнейшем исследователь, возможно, как предполагает Ю.А. Заяц, под влиянием работы З.И. Довгялло о Заславле изменил свои датировки. З.И. Довгялло отрицал датировку Заславля X-XI вв., он полагал, что "большинство городов Полоцкой земли возникло в период борьбы Всеслава Брячиславича и его сыновей с киевскими князьями. Основание Изяславля он отнес к началу XII в., высказав попутно предположение, что на место современного города Изяславль был перенесен в XIII в." *(Заяц,* 1995. С. 6).

Археологические работы в Изяславле возобновлены лишь после войны Э.М. Загорульским (1957, 1965) и Г.В. Штыховым (1960, 1967, 1970). Было выяснено, что заславльские памятники следует датировать с X в., Г.В. Штыховым был выявлен древний посад с напластованиями X-XI вв. В 1969 и 1972 гг. работы там вели В.А. Гилеп и С.А. Адамович *(Гилеп,* 1969. С. 142, 143; *Адамович, Гилеп,* 1973. С. 358). По свидетельству Ю.А. Заяца, "документация по этим раскопкам отсутствует" *(Заяц,* 1995. С. 7). Э.М. Загорульский пришел к заключению, что Изяславль развился из нескольких сельских поселков, жители которых в X в. перешли под стены замка *(Загорульский,* 1965. С. 144). Г.В. Штыхов (1978. С. 86, 87) раскапывал площадку и частично вал городища Замечэк, но главная его заслуга - изучение посада.

Основные работы в Заславле производились Ю.А. Заяцем в 1977-1983 и 1988-1991 гг., что и позволило ему написать упомянутую монографию.

ГОРОДИЩЕ ЗАМЕЧЭК - древнейшее укрепление, датирующееся гнёздовским временем (вторая половина X - первая половина XI в.), расположенное на отрогах склонов к юго-западу от г. Заславля, за железной дорогой. В плане оно представляет окружность правильной геометрической формы (рис. 19). Его вал был насыпан на материке (очевидно, на погребенной почве), ширина основания - 13-13,5 м, первоначальная высота - 2,8-3 м. Ров, куда переходит наружный склон, имеет треугольный профиль в разрезе, его глубина - 3,5 м, ширина -11м. Диаметр площадки - 70 м. Культурный слой сильно перемешан, так как в войну здесь стояла воинская часть. Под валом была обнаружена угольная прослойка незначительной мощности (0,13 м), отсутствие крупных углей показало, что это не связано со сгоревшими внутривальными конструкциями, которых не было. Автор раскопок предположил, что, подобно курганам с ингумацией, где покойника клали на выжженную траву - пережитки кремации - это тоже огнище, зажженное в ритуальных целях *(Заяц,* 1995. С. 15), однако скорее это сгоревший хворост, которым укреплялась глиняная подстилка под вал (что часто встречалось в укреплениях древних городов). Подобного кострища, сколько можно

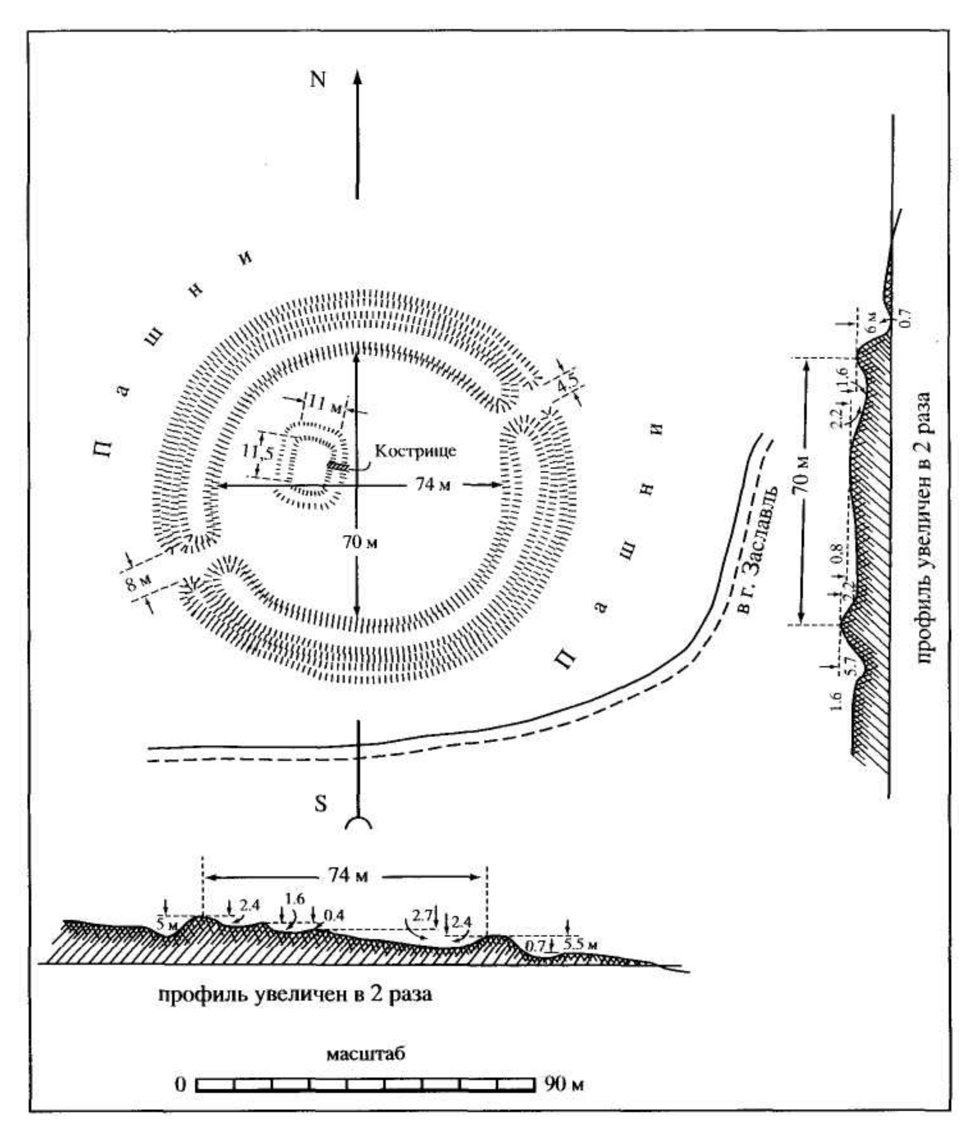


Рис. 19. Городище "Замечэк" у истоков р. Свислочи, близ г. Изяславля. X - начало XI в. План *(Ляўданскі,* 1928)

понять, на остальной площадке городища не встречалось. Культурный слой на площадке имеет небольшую мощность - 0,3-0,75 м. Во многих местах он уничтожен распашкой. Находки культурного слоя показывают, что он некогда имел два слоя - Киевской Руси и XVI-XVIII вв. Материалы первого периода составляют 82,35%, материалы второго - 17,65% *(Заяц,* 1995. С. 13).

Древнейшие напластования позволяют датировать ранний слой второй половиной X-XI вв. Это - глазчатые бусины, шиферные пряслица, куски четырех амфор, одна из которых, по определению М.В. Малевской и А.Л. Якобсона, сделана в X в. в Византии. Во втором слое находились поздние вещи: коробчатый изразец, поливная посуда XVI-XVIII вв. Под валом были найдены подпольные ямы, показывающие, что жилище стремились располагать под защитой укреплений. Все сооружения были наземные, рубленные в обло (столбовых ям не обнаружено). Ю.А. Заяц предполагает, что дома были двухкамерные, имеющие, как он считает, "два смежных сруба". В трех постройках печи были глинобитные, в четырех - каменки, ставились они в большинстве случаев в одном из углов западной стены. Вблизи жилья удалось зафиксировать и хозяйственные ямы. Следы ограждений усадеб не обнаружены.

Что касается укреплений, то кольцевой вал, ограждавший площадку, в верхней части имел площадку шириной 4 м, что, по мнению автора раскопок, позволяет предполагать наличие в древности бревенчатых стен срубной конструкции. "Открытые на городище остатки жилых построек и степень насыщенности находками прилегающих к ним участков культурного слоя убедительно свидетельствуют, - считает автор, - что это было не убежище, а укрепленное поселение, функционирующее непрерывно с последних десятилетий X в. до конца XI в.". И самое главное: "Отсутствие в Заславле других укреплений X в. позволяет считать городище Замечэк *остатками Изяславля* (курсив мой. *-Л.А.),* основанного, по сведениям историче-

ской песни, киевским князем Владимиром Святославичем и переданным во владение Рогнеде и Изяславу" *(Заяц,* 1995. С. 17).

"Городок" у "браста". Древний Браславль

На самом западном ответвлении торгового Пути из Варяг в Греки, на западной окраине Полоцкой земли, между озерами Дривято и Новято на высокой неприступной горе в гнёздовское время возник небольшой укрепленный пункт Брячиславль - современный Браслав (Витебская обл.). Далекая крепость, похожая на сотни других, так и не удостоилась твердого упоминания в летописи, и это наименование мы читаем в поздних, к тому же мало еще изученных летописях, достоверность сведений которых после неточного и, пожалуй, тенденциозного использования их в XVI в. М. Стрыйковским, часто считается сомнительной. В Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской летописях о Браславле не говорится. В списке городам дальним и ближним XVI в. (НПЛ, 1950. С. 457) он назван литовским городом. Первое сообщение о Браславле находим в западнорусских летописях. В хронике Быховца сообщено, что владения литовского князя Кернуса доходили до Браславо и до Двины. Если этому верить, Браслав оставался русским городом, ибо позднее Кернус и его брат Гимбут "желая увеличить силы свои литовские и жмудские и пошли на Русь к Браславу и Полоцку и Руси много зла причинили..." (ПСРЛ, 1907. Т. 17. С. 476, 477).

Археологические остатки древнего центра мало привлекали внимание исследователей. Упоминание М. Балинского и Т. Липинского, довольно подробное сообщение о городище в "Виленском вестнике", указание М. Мельникова на находку там древних (судя по описанию, так называемых каннелированных) кирпичей - вот, пожалуй, и все, чем мы располагаем.

Браславское городище находится в центре города Браслава, на перешейке между озерами Дривято и Новято, на высокой горе (14 м), доминирующей над местностью, и производит своей мощностью сильное впечатление. Вал памятника, окружавший в древности площадку со всех сторон, в настоящее время достигает высоты от 3-4 м на юго-востоке, где он распахан, до 9 м на северо-западе у памятника Нарбуту. В юго-восточном углу городища, где в начале XX в. брали землю для постройки городской церкви, площадка понижается. Площадь городища (100 х 200 м) не застроена, использовалась как футбольное поле, ныне здесь разведен парк с деревьями, что затрудняет изучение этого интереснейшего объекта (однако автор успел произвести исследования до этих посадок).

Работы на браславском городище осуществлялись Институтом археологии АН СССР в 1955-1956 гг. Для автора это были первые раскопки городского памятника. После зачистки нарушенной площадки в юго-восточной его части, где были выявлены следы домонгольских отложений, работы были перенесены на северную часть, где в течение двух лет были заложены траншея трехметровой ширины, перерезавшая вал под прямым углом, а также раскопы I-V. Общая площадь раскопа вместе с валом составила около 400 м^2.

Культурный слой памятника хорошо сохранился, достигает мощности 1,6 м (у вала) и постепенно выклинивается к центру городища (0,25 м). Он четко делится на последовательно сменяющие друг друга напластования.

Нижний, древнейший слой мощностью около 0,25 м интенсивно-черного цвета залегает на погребенной почве. Построек не обнаружено, но выявлено большое количество материковых ям, в основном, круглых, видимо, хозяйственного назначения и абсолютно пустых. Вещей в нижнем слое встречено немного, основным признаком слоя являются лепные сосуды, некоторые их обломки встречаются и в верхних штыках. Всего обнаружено 184 фрагмента. Более всего их на шестом штыке (68) и на пятом (46). Все фрагменты датируются X в. Этим же временем датируется и обнаруженный лепной сосуд, который удалось склеить почти полностью *(Алексеев,* 1966. С. 171, рис. 41, 42, *20).* Среди находок этого слоя можно указать калачевидное кресало (до XI в. включительно), односторонний (X в.) и трапециевидный (XI-XII вв.) гребни, льячку, янтарную битрапецоидную бусину, бронзовый бубенчик с простой прорезью, и др. Особо хотелось бы отметить 4 предмета из материковой западины раскопа IV - железный многослойнй нож - пакет (X-XI вв.), калачевидное кресало с язычком (до XI в.), браслет из бронзовой проволоки и часть витой железной гривны.

Керамика характерна: кроме отмеченной лепной, здесь доминируют толстостенные сильно рифленые сосуды довольно грубой и примитивной выработки, частично даже похожие на лепные. Форма их напоминает банку: венчик сильно отогнут наружу и имеет характерный косой срез по краю, плечики сильно опущены. Диаметр тулова обычно равен диаметру устья или даже немного меньше. Обжиг - плохой; в качестве отощителя использованы крупные зерна кварца.

Сосуды эти, как сказано, очень характерны и известны из памятников X в. Близкую аналогию можно указать, например, в находках В.В. Хвойки из раскопок 1911 г. кургана с трупосожжением X в. в Коростене *(Виезжев,* 1954. Табл. 1-31), есть подобные сосуды в слоях X в. Новгорода *(Смирнова,* 1956. С. 229, рис. 1 - тип IV-А), Старой Ладоги *(Равдоникас,* 1949. Рис. 31, левый ряд, второй свер-

ху; *Станкевич,* 1951. Рис. 8, 2). В Старой Ладоге описанная нами керамика четко датируется гнёздовским временем, т.е. концом X - началом XI в., что соответствует староладожскому горизонту "Д" {*Станкевич,* 1951. С. 244). Интересно упомянуть найденный в нижнем слое Браслава фрагмент рифленого венчика белоглиняного сосуда типично мазовецкого типа. Подобные сосуды опубликованы в Польше К. Мусианович *(Musianowicz,* 1957. S. 343, rys. 11).

Археологические находки, обнаруженные раскопками недавнего времени *(Семянчук, Шыдлоўскі,* 1994; *Семянчук,* 1997), подтвердили наши выводы по всем трем слоям Браслава. Из находок в раскопах Г.М. Семенчука и К.С. Шидловского укажем черепаховидную фибулу, характерную для древностей ливов (Археалогія Беларусі, 2000. Т. 3. С. 221, рис. 6).

Итак, первоначальное поселение на Браславской горе следует датировать гнёздовским временем (X - начало XI в.). Аборигенный поселок был уничтожен пожаром, выше которого встречаются вещи древнерусского кривичского типа, в том числе характерные кривичские височные кольца (Археалогія Беларусі, 2000. Т. 3. С. 220).

Несколько слов о наименовании "Браслав". Оно восходит к князю полоцкому Брячиславу (1001-1044) и, следовательно, подтверждает мыль о том, что браславльская крепость отстроена именно им. Однако город эпохи этого князя отделен от более раннего поселения пожарищем, уничтожившим его, и вполне возможно, что первоначально он назывался иначе. Действительно, название могло произойти от балтского "brasta" (брод)[13], и в этом случае наименование первого поселения связывается с рекой (брод между протокой озер Дривято и Новято), топоним же, связанный с именем полоцкого князя, возможно, является славянско-кривичским переосмыслением древнего названия.

"Городок" на реке Бриссе

В четырех километрах от г. Борисова на р. Березине, обследованного А.Н. Лявданским в 1928 г. без особых результатов *(Ляўданскі,* 1930. С. 254, 255), в 1968, 1969 и 1971 гг. Г.В. Штыхов (1978. С. 100-102) провел раскопки небольшого "городка" у с. Старый Борисов. Городище без следов вала с площадкой размером 150 х 80 м располагалось на левом берегу р. Березины. Рядом находилось озерко, с вытекающим из него и впадающим в Березину ныне ручейком, именующимся на картах 1595 г. речкой Бориссой (Бриссой?) (рис. 20).

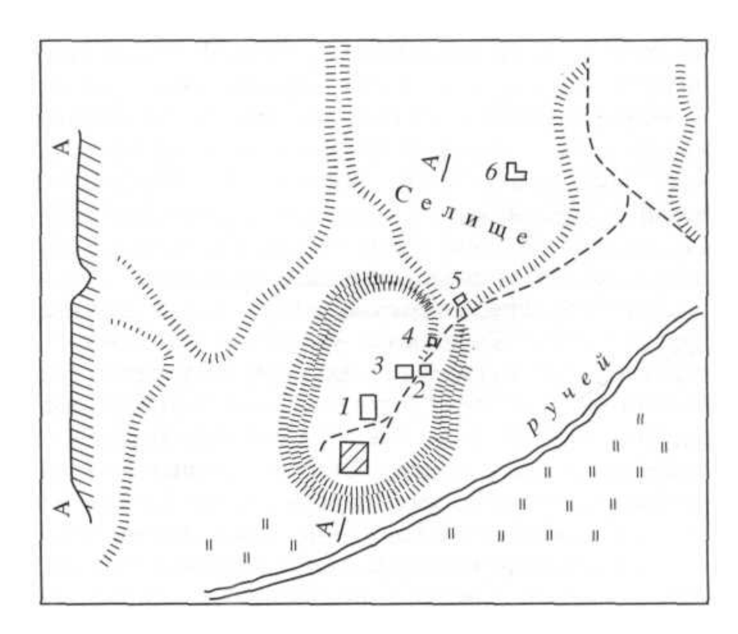


Рис. 20. "Городок" Староборисов. План *(Штыхов,* 1978) *1-6* - раскопы

Памятник сильно застроен, что затрудняло раскопки, а культурный слой сильно испорчен. На материке были найдены фрагменты лепных сосудов IX в. Выше, в остатке полуземлянки среди других вещей обнаружились золотое трехбусенное кольцо, несколько стеклянных браслетов, шиферных пряслиц и т.д. Рядом с городищем было обнаружено селище X - начала XI в. Памятник возник, следовательно, в гнёздовское время, и жизнь на нем продолжалась все домонгольское время.

Судя по р. Бориссе (Бриссе?), памятник получил первоначальное имя не от имени князя Бориса Всеславича, а от небольшой речки, на которой он располагался. Это был типичный "городок" гнёздовской поры, названный от малой речки, а позднее, когда, по В.Н. Татищеву, в 1102 г. Борис Всеславич построил между друцкими и минскими владениями небольшую приграничную крепостину, ее стали именовать от его имени. Позднее центр был перенесен на место, где теперь стоит г. Борисов. К сожалению, из-за испорченности слоя Г.В. Штыхову не удалось выяснить, был ли какой-либо перерыв в жизни между гнёздовским слоем и слоем 1102 г.

Итак, в IX-X вв. в Западнорусских землях образуется мощный торговый путь, именуемый Путем из Варяг в Греки. В междуречье Двины и Днепра, т.е. в северной Белоруссии, а также в западной Смоленщине, т.е. на территории, где можно было проплыть с волоками с Двины на Днепр, возникали небольшие укрепленные поселения. Все они датируются IX - началом XI в., т.е. гнёздовским временем. В остальных землях Западной Руси "предгорода" возникали позднее: Туров, Брест -

[13] О возможности такого осмысления наименования Браслав мне указал впервые Р. Шноре, выступая по моему докладу в Риге в конце 1950 г.

на рубеже X-XI вв., Пинск, Слуцк, Клецк, Слоним - в XI в., Гродно, Давид-Городок, Мозырь - в начале XII в. Обилие проезжих, их обслуживание на волоках, возможности обмена - все это привлекает местное население, лишь два-три поколения назад освоившего эти места. На торговых путях строились "городки" (IX в.), именуемые теперь не по племенной принадлежности, а по рекам.

Подобные предгородские центры возникали и в других местах Руси, но с уходящим племенным строем у них связь была, по-видимому, прочнее. В отличие от наших "городков", обязанных своим возникновением торговле, они связаны были более всего с земледелием. Таковы летописные древлянские "грады", раскопанные П.Н. Третьяковым (1952. С. 64—68). Как он показал, "грады" эти выросли на сельскохозяйственной основе, на контакте с ближайшей округой, снабжая ее продукцией своего ремесла. Таков был, например, Искоростень - столица древлян. Племенные князья в этих градах (по летописи, "добри суть") играют особенно крупную роль.

Тем не менее "грады" и "городки" завершали эпоху родоплеменного строя, эпоха раннего феодализма вступала в свои права. Это доказывается прежде всего тем, что все наши "городки" исчезают одновременно с концом эпохи Гнёздова - в начале-первой половине XI в. "Эпоха Гнёздова" себя исчерпала, "городки" уже более не удовлетворяли новым условиям, их переносили повсеместно на более удобное место. Права их князей-владельцев, выходцев из родоплеменной знати, вскоре переходят к князьям - ставленникам Киева. Эти новые князья переводят разросшееся население из "городков" в новые места, сохраняя их прежнее наименование.

Итак, перед нами - особый переходный этап развития Западнорусских земель, до сих пор специально еще не выделенный. Это - время дружинных курганов Гнёздова, Шестовиц и т.д., когда дружина носила уже надплеменной характер и весьма возможно, что она рекрутировалась из разных слоев населения. В гнёздовское время появились торгово-ремесленные центры (иногда их называют "прагородами"), где произошла, по выражению В.В. Седова (1995. С. 375), "кристализация" военно-дружинного, торгового и ремесленнического люда". На западнорусской территории это - "городки", изученные, к сожалению, очень неравномерно. Можно не сомневаться, что, подобно Гнёздову, земледельческие орудия там крайне редки, так как все устремление жителей было направлено на торговлю и обслуживание проезжих купцов и торговцев. Подобно Гнёздовскому селищу, открытому раскопками И. И. Ляпушкина (1967-1968 гг.), население остальных "городков" занималось железоделательным и кузнечным ремеслами (находки шлаков и т.д.), ювелирным (находки в Лукомле и др.), костерезным и другим ремеслом.

К сожалению, исследователи Белоруссии редко останавливались на занятиях населения этих "городков" и более интересовались городами на новом месте. Э.М. Загорульский (1982. С. 60), раскапывавший "городок" на р. Менке, выяснил все же большую роль земледелия. И это понятно: памятник находился на менее торном пути, чем "городки" на Полоте, Витьбе и т.д.

К "городкам" постепенно прирастали селища, превращая их в города "раннефеодального" времени с особой центральной властью, "чиновничьим" аппаратом, ведающим княжескими "поборами", ремесленниками и торговцами. Эти увеличивающиеся поселения теперь сопровождались обширными курганными могильниками "городского типа", о которых мы можем часто лишь догадываться по находкам, топонимическим данным *(Алексеев,* 1966а. С. 137, 168) или по немногочисленным находкам (Менка, *Штыхов,* 1978. С. 71, 72)[14].

Образование раннефеодальных отношений, возникновение обширных княжеств в Западнорусских землях

'Вержавляне Великие"

Мы говорили о начале "гнёздовского этапа" в истории Западнорусских земель, об известной "свободе жизни", которую он с собою принес. Связано это было с распространением славян на новых землях и с начавшимся ослаблением родоплеменной организации, возникновением соседской общины и, наконец, проникновением по речным коммуникациям сформировавшегося на Западе купеческого сословия. С другой стороны, сами союзы племен, значительно укрупнившись территориально, подчинялись теперь "великому князю", выходцу из местной родоплеменной знати. Возникла новая податная система. Сюзерену страны в определенные пункты теперь везли ежегодный "повоз", а он в определенное время года ездил с дружиной за этим повозом в "полюдье" или посылал вместо себя крупного чиновника.

[14] Интересно отметить, что подобные "городки" гнёздовского времени были, по-видимому, и в Могилеве (Пелагеевское городище с керамикой X в. - *Марзалюк,* 1998. С. 16), и в Кричеве ("Городец" на р. Кривичанке - *Метельский,* 2003. С. 20 со ссылкой на исследования памятника Г.В. Штыховым - *Штыхов,* 1972. С. 127). Могилевский и кричевский детинцы имеют раннюю дату XI и XII вв.

В "гнёздовское время" начал утверждаться термин "погост" (от "гостить"[15]), трижды упоминавшийся в Повести временных лет. Это - податные центры, куда свозилась дань для передачи князю во время его поездок с дружиной в "полюдье". Вспомним княгиню Ольгу - воинственную скандинавку по рождению. Она ходила "с дружиною" и "уставляла" по Мете и Луге "повосты" (947 г.); по погостам ходил с дружиной Ян Вышатич в Ростовских землях, отыскивая неплательщиков дани - "кто обилье держить" (1071). Сын Мономаха Мстислав "взя городъ ... Медведв-Ьжа Голова (Тарту) и погость без числа взяша" (1116) (ПВЛ. 1950. С. 43, 117, 201) и т.д. «Погост, - писал Б.А. Рыбаков, - микроскопический феодальный организм, внедренный княжеской властью в гущу крестьянских "весей" и "вервей". Там должны были быть все те хозяйственные элементы, которые требовались и в становище» (более крупные места остановок князей при объездах своих владений) {*Рыбаков,* 1982. С. 365). Не приходится сомневаться, что именно такой погост, двигаясь на Мету, утвердила Ольга на Витьбе.

Как же мы можем представить "погост" в Западнорусских землях? Прямых источников почти нет, по счастью сохранился до наших дней источник несколько более поздний, по которому, как удалось доказать {*Алексеев,* 1974д; 19806. С. 44 и ел.), можно получить представление о событиях более ранних. Я имею в виду так называемый Устав Ростислава Смоленского 1136 г., основная часть которого составлялась по более раннему источнику - списку доходов смоленского князя при организации княжества, а может быть, и еще ранее. Как удалось выяснить, список этот дополнялся по мере роста Смоленского княжества, и можно не сомневаться, что в соседних княжествах составлялись точно такие же реестры (табл. 1) (подробнее см.: *Алексеев,* 1980. С. 44-54).

Особый интерес для нас в этом источнике представляет первый пункт списка первоначальных доходов князя - Вержавляне Великие, ибо именно там упомянуты 9 погостов, вносивших княжескую дань в свой центр Вержавск, откуда она и поступала князю во время полюдья. Текст устава:

"И се даю с(вя)т-ьи Богородици еп(и)ск(о)пу: десятину от ВСЕХ даней смоленских, что ся с них сходит истых (к)ун.... У Вержавлянех Великих 9 погостов, а в тех погостех платит кто же свою дань и передм-вер истужници[16] по сил-ь, кто что мога..." (Древнерусские княжеские уставы, 1976. С. 141).

Что же такое "Вержавляне Великие"? В конце списка доходов Ростислава на 34-м месте стоит Вержавск - явно центр Вержавлян, но приписанный позднее, в конце, очевидно, в 1131-1135 гг. (табл. 1). Уже самое наименование "Великие" свидетельствует, что эта область была большой и многолюдной, ее 9 погостов платили князю дань в 1000 гривен. Объединение "Вержавлян Великих" образовалось, конечно, много ранее: это - одно из малых племен, входивших в большой "союз" смоленских кривичей и, как самое богатое, при образовании Смоленского княжества (1054) было включено в систему доходов князя первым {*Алексеев,* 19806).

Попробуем выяснить, почему вержавляне были столь многочисленны в этих местах, что их сюда привело? Определить это можно по Вержавску.

Местоположение Вержавска, определенное еще смоленским краеведом И.И. Орловским (1907. С. 169), следует видеть у д. Городище на оз. Ржавец в бывшем Поречском у. Смоленской губернии (ныне Демидовский р-н Смоленской обл.), что впервые археологически подтверждено В.В. Седовым (1961. С. 323).

Девять погостов, входивших в область Вержавлян Великих, удается определить по скоплениям курганов домонгольского времени, окружавших их центр (каждая курганная группа свидетельствует о наличии здесь в древности отдельных сел; скопление групп - скопление сел, составлявших "мир" - погост). Наблюдения над археологической картой скоплений курганных групп - сел показывают, что погосты Вержавлян представляли не компактную область, а разбросанные по соседним водным коммуникациям погосты. Эти коммуникации, следовательно, были важны для селившихся на них. Следовательно, население занималось не только земледелием, на что указывает Устав Ростислава ("А в тех погостех а некоторый погибне (очевидно, речь об урожае. -*Л.А.),* то тии десятины убудет..."), но и торговлей, как и рыболовством, а в X в., когда возвысилась роль Пути из Варяг в Греки, оно прирабатывало обслуживанием здешних волоков на водоразделе Днепра и Двины, и их стали называть "волочанами" (Смоленские грамоты, 1963. С. 50, 51 и др.).

Расположение девяти погостов Вержавлян Великих до целенаправленных археологических работ может быть определено условно. Вокруг Вержавска мы видим восемь скоплений отдельных курганных групп, одно из них по территории и по количеству курганов превышает остальные группы вдвое и представляет, по-видимому, два соседних скопелния сел, разросшихся и слившихся. Не приходится сомневаться, что девять разбросанных скоплений древних поселений вокруг Вержавска и есть те девять погостов, о которых говорит наш источник. Таким образом, мы можем установить границы территории Вержавлян Великих. Их северной границей была р. Межа (это подтверждает и название), которая, следовательно, являлась

[15] Гость по-древнерусски купец.

[16] Слово "истужники" отсутствует в словаре (см.: Словарь, 1979. Т. 6. С. 338), по смыслу ("кто, что мога") относится к людям бедным, угнетаемым бедностью (?), встречается, ви димо, в Поучении Мономаха: "весь день боряся, стужи ми" "весь день, нападая угнетает меня" (ПВЛ, 1950. С. 154, 355).

Таблица 1. Рост территории Смоленского княжества по списку даней Ростислава Смоленского 1136 г.

.№ Наименование п/п погостных цен-тров и волостей	Дань в гривнах	Географический район							Пятя дата
		Путь из Варяг в Греки	Волга	Центр	Вост. часть без вятичей	Зап. часть левобер. Днепра	вятичей	радимичей	
1. Вержавляне Великие	1000	+							1054*
2. Врочницы	200	+							
3. Торопец	400	+							
4. Жижец	130	+							
5. Каспля	100	+							
6. Хотшин	200		+						
7. Жабачев	200		+						
8. Воторовичи	100								
9. Шуйская	80				+				
10. Дешняны	30				+				
11. Ветская	40				+				
12. Былев	20				+				
13. Бортницы	40			+					
14. Витрин	30	+							
15. Жидчичи	10	+							
16. Басея	15					+			
17. Мирятичи	10					+			
18. Добрятино	30						+		Начало
19. Доброчков	20						+		XII в.
20. Бобровницы	10						+		
21. Дедогостичи	10				+				
22. Заруб	30				+				
23. Ження Великая	200		+						
24. Пацинь	30				+				
25. Солодовничи	20		+						
26. Путтино (с Беницами)	32,5						+		
27. Копысь	?					+			1116 г.
28. Прупой (Пропойск)	10							+	1127 г.
29. Кречут	10							+	
30. Лучин	7		+						
31. Оболвь	7				+				
32. Искона	40						+		
33. Суздальская дань	7								1134-1135 гг.
34. Вержавск	30	+							
35. Лодейницы	10	+							1136 г.
Итого:	3087,5								

* Первоначальный список даней, составленный в 1054 г. для нового смоленского князя.

"межой" между территориями Вержавлян Великих и "Торопецких" земель, где центром был Торопец, объединявший в древности, возможно, тоже девять погостов. Восточной границей являлись дремучие леса, названные впоследствии "Вельской Сибирью" (правый берег р. Вотрь). Юго-западной границей служил правый берег р. Каспли, а юго-восточной - линия, условно проведенная через р. Жераспея в ее верхнем течении, и р. Вотрь.

Особый интерес представляет девятое скопление курганных захоронений, наиболее удаленное от Вержавска на северо-восток, где расположена современная д. Девятая. В 1 км от этого поселения к востоку, на левом берегу р. Сулейки имеется древнерусское городище с округлой площадкой (72 х 61), окруженной по периметру валом высотой до 1 м. На городище обнаружена гончарная домонгольская керамика и глиняные пряслица {*Шмидт,* 1983. С. 142). В 1,5 км к востоку от д. Девятой в 1873 г. было не менее 20 курганных насыпей (*Спицын,* 1903. С. 340; 1899. С. 340; *Шмидт,* 1983. С. 142). Вряд ли мы ошибемся, если определим, что перед нами не просто один из погостов Вержавлян, но именно, последний их погост - Девятый. Здесь налицо центр погоста - городище у д. Девятая[17], вокруг, видимо, располагаются остатки селища, жителей которого хоронили в курга-

нах! На городище, вероятно, было и свое "погостское" святилище, куда стекались в определенные дни все жители данного погоста. Археологическое исследование уникального комплекса памятников на р. Сулейке к востоку от д. Девятой - на очереди дня. Это тот случай, когда археологу, вероятно, удастся решить важнейшие вопросы, связанные с Уставом Ростислава, а также и с историей этого края в дофеодальную племенную пору славян-кривичей.

Итак, нам представляется, что Вержавляне Великие первоначально были племенным объединением - так называемым малым племенем, "Тысячей", распространившейся в Днепро-Двинском междуречье, охваченном позднее княжеской данью из Смоленска. Как показывает карта распространения длинных курганов *(Седов,* 1974), в VIII—IX вв. территория Вержавлян Великих еще не была заселена славянами. Вержавляне пришли сюда видимо, позднее, т.е. не ранее X в., а это было временем расцвета Пути из Варяг в Греки, когда процветал гнёздовский Смоленск, были налажены широкие торговые связи с другими странами *(Лебедев,* 1985. С. 230), "княжеская" стадия жизни Смоленска еще не наступила *(Алексеев,* 1974. С. 84 и ел.; 19806. С. 136-154). Как уже говорилось, земледельческое население привлекал сюда открывшийся торный торговый путь, но не только по рекам (как показала наша археологическая карта распространения поселений), но и по сухопутным коммуникациям *(Алексеев,* 19806. С. 71-73, рис. 2).

ВЕРЖАВСК - ЦЕНТР ВОЛОСТИ "ВЕРЖАВЛЯН ВЕЛИКИХ" в Смоленской земле позволяет представить подобные центры в других волостях наших земель. Как мы видели, Вержавляне Великие были охвачены княжеской данью в середине XI в. Цифра в 1000 гривен, которые они платили в 1136 г., когда их было 9 погостов, заставляет думать, что эта сумма была определена ранее, когда их было 10 погостов (на Руси существовала десятичная система расчетов). Все погосты имели свои названия и главным был Вержавск, давший название всему малому племени. В 1136 г. и, может быть, ранее этот первый погост сильно вырос, и с него начали получать дополнительно 30 гривен (передавая десятину от даней епископу новоучреждаемой епископии, Ростислав "перед Богом" был точен в расчетах: 1000 гривен + 30 гривен, но неточно выразился, для краткости не указал сумму с Вержавска как погоста).

Вержавск не упомянут русскими летописями, повествующими о домонгольском времени. Однако о нем говорится в более поздних документах. В 1609 г. бояре отсюда послали грамоту в Смоленск: «И апреля, государь, в 11 день приехали к нам у Вержавск к Илье Пророку два литвина - Кузька Федоров да Иванко Офромеев с листом, лист запечатан, а в расспросе сказали: "едем де мы в Смоленск от великого пана Олександры Гашевскаго с добрыми делами", и мы, государь, тот лист тех панов послали к вам в Смоленск» (АИ, 1841. Т. 1. С. 218; *Орловский,* 1907). Итак, Вержавск был между Велижем и Смоленском, т.е. там, где указал в свое время И.И. Орловский.

Не противоречат этому и другие документы и, в частности, более ранние, в которых упоминается "Вержавский путь". Так, в "Описании князей и бояр смоленских" 1492 г. указаны "за Днепром бояре у Вержанском пути: Лукьян Лаптев, Васька Гордтозич" *(Востоков,* 1842. С. 129). Путь этот, следовательно, начинался за Днепром у Смоленска. Вержавск упоминается и в "Списке городов дальних и ближних" XIV в., под наименованием Ржавеск (НПЛ, 1950. С. 476). Вержавск у границы с Литвой упоминается и в Литовской метрике: в Записях Великого княжества Литовского (кн. IV. Л. 75 об.) назван Ивашко Онъбросович, получающий в держание "волостку Вержавск" *(Побойнин,* 1897. С. 10).

В 1971 г. автор этих строк обследовал Вержавское городище, произвел на нем шурфовку, разрезал вал. Памятник расположен между озерами Ржавец и Поганее на высоком мысе. Овальная площадка (100 х 50 м) возвышается на 31 м над уровнем воды. Вал шел некогда по ее периметру, но теперь почти не виден и обнаружен археологически. Большая часть памятника занята кладбищем, здесь некогда была и церковь, что не позволяло производить на нем какие-либо серьезные работы. Культурный слой достигает в среднем 1 м толщины. В двух шурфах были обнаружены домонгольские вещи (шиферные пряслица, керамика форм, типичных для XII-XIII вв.). В середине площадки, на ее самом высоком месте, культурного слоя не оказалась, как и могил. По-видимому, церковь Ильи Пророка, упомянутая в документе 1609 г., стояла именно здесь. Самый мощный культурный слой, пригодный для исследований, оказался в северной части площадки, где он не испорчен кладбищем. Мощность его 140 см. По керамике и некоторым вещам он датируется XII-XIII вв. (датировка керамики из шурфов любезно была проведена ныне покойной Г.П. Смирновой).

Разрез вала (рис. 21) показал, что он был насыпан на культурном слое мощностью немногим более полуметра. Этот древнейший культурный слой выклинивался в сторону площадки (брали землю для дальнейших подсыпок вала). Максимальная высота культурного слоя в этом месте до насыпки первого вала равнялась 60 см. Выше лежала первая насыпка вала, взятая из культурного слоя и имеющая вид "горизонтальной слоистости". Мощность этой первой насыпки вала - 50-60 см.

---

[17] Это и есть "крепостица", о которых писал Б.А. Рыбаков (1982).

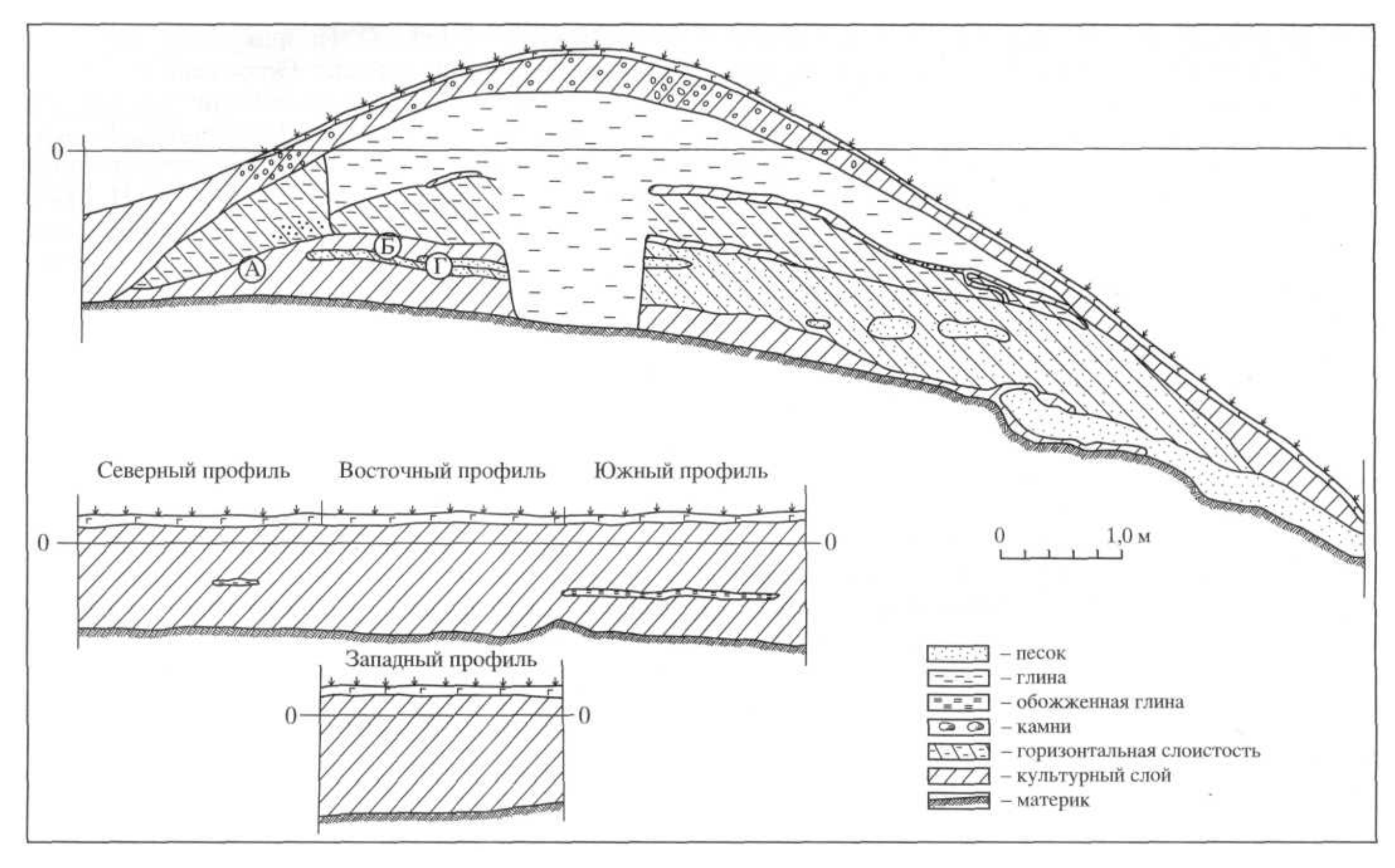


Рис. 21. Вержавск. Разрез вала. 1971 г.

На глубине этой присыпки был найден фрагмент стенки сосуда с рифленой поверхностью, характерной, как известно, для гнёздовского времени. Слоистость присыпки объясняется тем, что слой для нее поступал с культурного слоя, лежащего на материке. Высота первого вала равнялась 1,2 м. Эту присыпку от следующей отделяла тонкая прослойка культурного слоя (5-7 см). Вторая присыпка теперь состояла из сплошной глины, ее пришлось насыпать материковыми отложениями.

После второй подсыпки вал получил высоту 1,8 м. После этого городище Вержавск существовало, видимо, весьма долго: мощность культурного слоя, отложившегося на "чистой" площадке, была под валом, видимо, достаточно велика. Мощность третьей присыпки из нового культурного слоя на вершине вала равнялась 30-35 см, а вал получил высоту 2,3-2,4 м. Больше уже вал не насыпался, но рост культурного слоя на площадке продолжался, видимо, достаточно долго. Вержавск, мы помним, просуществовал до XVII в. Датирующих вещей в засыпках нет.

Однако вернемся к Вержавлянам Великим и попытаемся уловить малые племена, которые с течением времени вместе с их племенным центром превращались в волость, уплачивавшую князю дань.

Малых племен, подобных Вержавлянам Великим, несомненно, было повсеместно много, нужно лишь научиться выделять их археологические памятники и исследовать, что вовсе не так просто. Каждое малое племя должно было иметь и свой племенной центр со святилищем. Весьма вероятно, что малым племенем были "полочане", о которых говорит Начальная летопись: "Инии сЬдоша на Двин-ь и нарекошася полочане, р-ьчки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане" (ПВЛ, 1950. С. II). Наша археологическая карта курганных групп свидетельствует, что в районе устья Полоты с IX в. существовало большое количество поселений (сожжения с лепными урнами - Рудня, Глинище и др.). Заселены были как берега Западной Двины и ее левых притоков, так и Полоты. Вполне возможно, что именно об этом малом племени и говорит летопись. Правда, дальше полочане в ней фигурируют как княжение полочан, т.е. наравне с кривичами, дреговичами словенами и т.д. (ПВЛ, 1950. С. 13). Но и это возможно: полочане действительно образовали свое княжение с центром в Полоцке. Центром племени полочан, а затем княжения их к X в. было Полоцкое раннее городище, о котором речь впереди. Об этом мне уже приходилось писать, правда, без указания на то, что на первоначальное малое племя полочан указывает скопление курганов именно у Полоцка *(Алексеев,* 1966. С. 53-54).

Скопления курганов, где есть слои IX-X вв., могут свидетельствовать о наличии поселений

малых племен и в других местах, например, в "верховьях реки Торопы, и их центром мог быть древний Торопец. Не исключено, что скопления курганов с кремацией в лепных урнах к северу от устья Припяти (Пашковка, Орлянский с/с), многочисленные курганные группы с сожжением на горизонте и в насыпи на левом берегу Березины против устья р. Свислочь, на верхнем Немане в районе будущего Новогрудка и т.д. (см.: *Лысенко,* 1991. С. 22, рис. 1) говорят о поселениях здесь малых племен дреговичей.

"МЕНСКИЕ ДРЕГОВИЧИ". Особый интерес вызывает, как я считаю, малое племя дреговичей, в конце Х-XI в. переселившееся из более южных районов в верховья Свислочи, район современного Минска *{Алексеев,* 19986. С. ПО, 111; 1998в), и их племенной центр на р. Менке *(Алексеев,* 1998в. С. 380-386). В.В. Седов неточен, утверждая, что земли, как он называет, "Минской волости" первоначально были кривичскими и лишь в XI-XII вв. туда якобы продвинулись дреговичи *(Седов,* 1999а. С. 243). Возражая нам, он включает в эти "кривичские" земли территории вокруг Заславля (Изяславля), Борисова и Свислочи (в чем он прав), но не учитывает, что в большой "Минской волости", нет ни височных проволочных завязанных колец, ни других признаков кривичей, но встречаются дреговичские бусы и другие признаки этого "союза племен". Еще Е.И. Тимофеев отмечал, что "могильники Игуменского и Минского уездов, а еще более Борисовского уезда дают такие особенности в инвентаре и обряде погребения, которые в могильниках, расположенных южнее Минска, являются очень редкими и совершенно отсутствуют" *(Тимофеев,* 1961. С. 72). "Южнее Минска" - это та территория, где вокруг р. Менки (на 16 км южнее современного Минска) и было скопление поселений, названное мною по р. Менке "менскими дреговичами".

Итак, подобно Вержавлянам Великим, в середине XI в. "менские дреговичи" стали "волостью" полоцкого князя.

Конец гнёздовского времени и его "городков", названных по рекам

Все сказанное приводит нас к ряду наблюдений. С развитием производства и образованием сословия купцов-воинов, в Западной Европе в VIII-IX вв., а на Руси в IX-X вв. образуется мощный торговый путь "Из Варяг в Греки". Его многочисленные ответвления на Западную Двину с обилием там волоков притягивают недавно пришедшее сюда кривичское население, и в ряде узловых мест возникают первоначально небольшие "городки" (часто являвшиеся основой будущих городов) с названием, как правило, по речкам, на которых их возводили. Самое крупное поселение вскоре оказывается на р. Свинке вблизи Днепра, на территории современной д. Гнёздово. Есть основание полагать, что первоначальное название его было по реке - Свинеческъ, но вскоре его стали именовать по основной функции его жителей - смоление останавливающихся здесь торговых судов - "Смоленескъ" (созвучие с племенем смолян у Эгейского моря в этом случае случайно - см: *Седов,* 1995. С. 154), что и зафиксировал в Х в. Константин Багрянородный.

Исследование археологами гнёздовского Смоленска с его необычайно разросшимся во второй половине Х - середине XI в. населением показывает, что во всех этих "городках" с примыкавшими к ним селищами шла бурная созидательная жизнь. Помимо необходимого после преодоления волока смоления проезжих судов, население стремилось к торговле или обмену с проезжими негоциантами и наладило прежде всего свое ремесло, занималось охотой на пушного зверя, бортничеством и т.д. Подобные городки, по-видимому, возникали во многих землях Руси, где были торговые пути. Можно думать, что в южной Руси связь с племенной организацией была сильнее, чем у нас. Древлянские "грады" контактировали больше с соседней сельской округой, обменивая сельские продукты на продукцию возникшего в "градах" ремесла, например, в Искоростене - столице древлян (Очерки истории СССР, 1953. С. 125).

Племенные князья древлян, которые по летописи "добри суть", играли в "градах" более крупную роль, чем в "городках" на путях в Западной Руси. Однако и эти "грады", как и "градки", завершали эпоху племеннего строя. Это видно уже из того, что все эти укрепленные селения в начале - середине XI в. перестают удовлетворять потребностям времени. Новые князья, стоящие во главе возникших княжеств, переводят их население либо на соседние пространства с новыми укреплениями (Полоцк, Витебск, Друцк и т.д.), либо - на земли в некотором удалении (12-15 км), где удобнее заложить большую крепость: гнёздовский Смоленск - Смоленск на современном месте. Менск на Менке - Минск на Свислочи, и везде эти центры сохраняют наименование старое, от реки.

Перед нами - особый переходный этап развития западнорусских и, возможно, соседних земель, еще достаточно не выделенный наукой. Возникшее в это время дружинное сословие "сосредоточилось на Ильменско-Днепровском пути и его ответвлениях ... Дружинные курганные некрополи Гнёздова под Смоленском, Шестовиц под Черниговом и других мест отчетливо свидетельствуют, что дружина и войско Руси имели надплеменной характер и формировались из разнородного населения" *(Седов,* 1995. С. 375). В это время, по мысли исследователя, появляются ранние торгово-ремеслен-

ные поселения - протогорода - центры кристализации военно-дружинного, торгового сословия и ремесленного люда". На западнорусской территории это - "городки", к которым примыкали постепенно разрастающиеся селища, их окружал обширный курганный могильник, о котором мы знаем лишь по археологическим находкам (меч из Полоцка), древним рисункам - Полоцк, Витебск (*Алексеев,* 1966. С. 137, рис. 25 и с. 168, рис. 40), по раскопкам вокруг Менска на р. Менке (*Штыхов,* 1978. С. 71,72).

Изредка мы читаем в летописях о некоторых наших центрах гнёздовского времени, например, о гнёздовском Смоленске, под 862 г. в сравнительно поздней Устюжской летописи XVI в., сохранившей следы смоленского летописания (ПСРЛ, 1982. Т. 37. С. 18; *Насонов,* 1969. С. 346-350; *Воронин,* 1972; 1975), сообщено, что он "велик и мног людми" и управляется старейшинами. Аскольд и Дир побоялись его взять. В Полоцке, видимо, во главе своей дружины был некий князь Рогволод (третья четверть X в.) (ПВЛ, 1950. С. 54).

Характерной чертой всех этих "городков" является общность их судьбы: возникнув в IX в., в начале - середине XI в. жизнь на них перестраивается или прекращается. Строится рядом новая большая крепость (Полоцк, Витебск), либо князь "новой раннефеодальной формации" (Всеслав в Минске, новый князь в Смоленске) переводит все население в новую крепость на некотором отдалении.

Таковы общие черты исторического развития населения времен Гнёздова на интересующих нас землях.

В течение гнёздовского времени наши земли переформировывались. Сюзерен страны - князь зимой начинает свободно с дружиной отправляться в "полюдье", в центрах подвластных ему теперь волостей получает "повоз", который поступает из "погостов", а туда - с "дымов". Погосты, выгодно расположенные на торговых путях, как Вержавляне Великие, платят большую сумму - тысячу гривен. Над всем этим теперь твердо становилась мощная фигура главы сформировавшегося княжения, "большого" князя - полоцкого, турово-пинского, смоленского. Ранний, начальный феодализм вступал в свои права.

Очерк третий

Общественно-политическая структура земель Западной Руси[1]

Организация населения

Вопрос о структуре организации населения накануне образования феодальных княжеств важен, ибо от него в значительной степени зависело дальнейшее экономическое развитие страны. Подобно другим славянским племенам, кривичи имели по меньшей мере двухступенчатую структуру: низшую "малое племя" и высшую - "большое племя" ("союз племен"). «Основу этой структуры представляло "малое племя" - небольшая территориальная организация, занимавшая площадь обыкновенно от 2 до 10 тыс. кв. км, известная всем ветвям славян», - пишет Г. Ловмяньский, предлагая видеть ее в летописных полочанах, пещанцах и т.д. *(Lowmianski,* 1967. S. 89, 90). Однако, судя по письменным источникам, в XI в. картина была уже много сложнее.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ. Как нам уже приходилось писать, большой материал дают наименования поселений дофеодального и раннефеодального времени, ибо эти наименования отражали не владельцев, которым данное поселение принадлежало, а свободный еще коллектив, который его населял. Здесь крайне важен список даней Устава Ростислава Смоленского 1136 г., который ранее нами подробно исследовался *(Алексеев,* 1972; 1974д; 1979; 19806). Его основная часть, как оказалось, относится к XI в. Г. Ловмяньский (1972. С. 9) уже указывал семь патронимических топонимов этого документа, и мы можем думать, что и другие географические наименования Устава Ростислава указывают на какие-то еще группы населения земель, охваченные княжескими поборами. Большинство из них могут быть сгруппированы по их типично славянским окончаниям на -ъ:

Торопецъ	Витринъ	Копысъ
Жижецъ	Добрятинъ	Кречутъ
Хотошинъ	Доброчковъ	Лучинъ
Былевъ	Зарубъ	Вержавскъ

Два имеют окончание на -яне:
Вержавляне (Великие) Дешняне.

Шесть имеют окончание на -а, -я, -ая, -ея:

Ження Великая	Ветьская
Каспля	Басея
Шуйская	Искона

Пять наименований на -ицы:
Врочницы Бортницы
Солодовницы Беницы
Лодейницы

Четыре - на -ичи:
Воторовичи
Жидчичи Мирятичи
Погоновичи

Пять - на -ое:
Ясенское
Дроснинское
Моншинское
Немыкарское
Колодарское

Оставшиеся четыре наименования не могут быть введены в какие-нибудь группы по окончаниям:
Пацынь
Путтино
Свирковы Луки
Прупой

В свое время, рассматривая все эти наименования, я пришел к мысли, что, если центры, наименование которых оканчивалось на -ъ, были самостоятельными, а древнерусское население делилось

[1] Скудость источников по всем Западнорусским землям вынуждает работать по материалам лишь Полоцкой и Смоленской земель.

на села (их, естественно, было больше всего), объединенные чаще всего в патронимические коллективы, сменяемые постепенно общиной - вервью, соседской общиной, то они, в свою очередь, составляли погост-область со своими "центрами-погостами". Погосты же в свою очередь объединялись в более крупное объединение - волость. Так, по Уставу Ростислава, волость Вержавляне Великие состояла из девяти погостов, которые платили в Вержавск определенную сумму, величина которой, видимо, зависела от доходов каждого погоста. Все были, в основном, земледельцы, но уровень доходов зависел от урожая, от качества земельных угодий, от доходов погоста с проезжающих по волокам из Двины на Днепр купцов и просто от количества трудоспособных. Помимо погостов, Устав Ростислава называет еще и села: Дросненское Ясенское Моншинское

Все это были уже села княжеского домена *(Алексеев,* 1976. С. 53-59), почему они и попали в источник (с недомениальными селами княжеская канцелярия имела совсем иные отношения или не имела их вовсе). Устав 1036 г. фиксирует существование в Смоленской земле в XII в. (и, очевидно, это можно распространить и на все земли Западной Руси) патронимических коллективов - наследия прошлой родоплеменной эпохи, открытых М.С. Косвеном (1963) и сохранявшихся довольно долго на Русском Севере *(Витое,* 1962. С. 165 и ел.). Эти родственные по происхождению коллективы образовались в результате сегментации патриархальных общин, длительное время в той или иной форме сохраняли "хозяйственное, общественное и идеологическое единство" и имели также общее наименование, восходящее, по-видимому, к имени общего предка. "В славянских языках, - пишет М.С. Косвен (1963. С. 111), - это имена с окончанием на "ичи", "овичи", что находит греческие, англо-германские и другие параллели". В отличие от простых сел с наименованием, оканчивающимся чаще всего на -ое (Свирковы Луки - Свирколучъе), патронимические коллективы носили названия типа "Воторовичи" Жидчичи, Погоновичи. Наименования эти принадлежали прошлому, и к 1136 г. эти коллективы составляли одно целое с соседской общиной, объединенной уже не по родственному признаку, а по территориальному. Если села были мелки, в дани смоленского князя не отражались (как и князей других западнорусских земель), то села с названиями типа Мирятичи и Жидчичи - были мельчайшей единицей обложения, платившей, например, в Смоленск 10 гривен.

Слово *"погост"* понималось в Древней Руси, по-видимому, двояко: как определенный округ - волость, так и центр этого округа. Девять погостов грамоты Ростислава отражены, по-видимому, топонимами с окончаниями на "а", "я", "ая","ея". Самые крупные - Ження Великая уплачивавшая 200 гривен, Каспля - 100 гривен, самые мелкие - Басея (15 гривен). Все эти наименования женского рода, условно сюда может быть присоединена и Пацынь, платившая 30 гривен.

Погосты, объединявшиеся в коллективы погостов, отражались наименованием с окончанием на -е - Вержавляне Великие. Погосты-волости видимо, были очень большие, откуда и добавление - Великие. Сюда же следует отнести и Дешняне, правда, насколько они были велики мы не знаем, но вносить князю они могли лишь 30 гривен. Это были деснинские кривичи. Подобно полочанам (кривичам на р. Полота), песчанцам (радимичам на р. Песчане) дешняне - термин, обозначавший некогда малое племя кривичей на оз. Ржавец (Вержавец). Не приходится сомневаться, что ранее все население днепровских кривичей, кривичей западнодвинских, припятских дреговичей и т.д. состояло из таких "малых племен", но к середине XI - началу XII в. они отошли в область прошлого и лишь в отдельных случаях сохранились в княжествах.

Осталось разобрать топонимы на -ицы: Врочницы (Урочники), Бортники, Лодейники и Солодовницы (Солодовники), к ним следует отнести и Беницы (Беники) - как бы специализированные поселения, которые выделились из общины довольно поздно. Что касается Бениц - Веников, то по словарю И.И. Срезневского слово Бендъ, бендь - деталь налучъя и колчана (специалисты по колчанам?), ближе - б'Ьня, по-древнерусски - баня, бенечка в ярославских говорах - вилка, беньки - в костромских - рогатки, вилы для снопов *(Даль,* 1955. С. 81, 159). Наконец, Беницы - топоним, распространенный в Белоруссии (Беница в Молодечненском р-не Минской обл.).

Пользуясь приведенными данными очень условно (и возможно с коррективами), можно наметить по ним приблизительную организацию населения, в данном случае Смоленской земли, накануне и в первые периоды образования феодальных княжеств (цифры - сумма гривен, вносимая князю):

1. Центры обложения

Торопец - 400 гривен	Витрин - 30 гривен	Былев - 20 гривен
Хотшин - 200 "	Добрятин - 30 "	Доброчков - 20
Жабачев-200 "	Заруб-30 "	Копью-12
Жижец-130 "	Вержавск-30 "	Кречут-10

2. Области обложения - бывшие малые племена.

Вержавляне Великие - 1000 гривен Дешняне - 30 гривен

3. Волости - погосты

Ження Великая - 200 гривен	Искона - 40 гривен
Воторовичи - 100 "	Пацынь - 30 "
Шуйская - 80	Путтино - 32,5 "
Ветьская - 40 "	Басея- 15

4. Поселения "специализированные" (жители с однородной деятельностью)

Врочницы - 200 гривен	Лодейницы - 20 гривен	Беницы - 2 гривш
Бортницы - 40 "	Солодовницы - 20 "	

5. Крупные соседские общины с патронимическими наименованиями

Мирятичи-10 гривен Жидчичи - 10 гривен Погоновичи

6. Простые села

Дросненское

Ясенское

Моншинское

Свирковы Луки (Свирколучское)

Итак, наименования древних поселений, дошедшие до нас лишь в Уставе Ростислава Смоленского 1136 г., показывают, что они тесно связаны с историей их жителей и в известной мере отражают организацию населения того раннефеодального времени. Не приходится сомневаться, что подобная картина организации в общих чертах была распространена на большинстве территорий Западнорусских земель, где подобных документов не сохранилось.

Надо сказать, что в нашем распоряжении есть некоторые данные, позволяющие рассмотреть это явление более детально, а основным документом по-прежнему нам будет служить Устав князя Ростислава, касающийся населения Смоленской земли.

ВОПРОС О ВЕРВИ И ПОГОСТЕ НА ЗЕМЛЯХ КРИВИЧЕЙ. В науке принято считать, что переходной ступенью от родового коллектива к политической организации была община-вервь, организованная не по признаку родства, а по территориальному признаку. В том же Уставе Ростислава, мы видели, встречается термин "погост", однако, тонкими наблюдениями польских исследователей Д.А. и А.В. Поппэ установлено, что в этом документе прослеживаются следы общины-верви. К сожалению, эта важная работа была опубликована только по-польски и осталась в стороне от внимания русских исследователей, а в единственном упоминании о ней по-русски выводы даны слишком схематично *(Poppe D., A.,* 1967. S. 3-19; *Поппэ А.В.,* 1974). Остановимся на этом интересном исследовании подробнее и внесем некоторые коррективы.

Д.А. и А.В. Поппэ обратили внимание на текст Устава о Путтине, который выпадает из всего стиля документа: "На Путтине присно платять четири гривны, Б-Ьници - две гривны, корчмити - полпяты гривны, дедичи и дань и вира - 15 гривен, гость - 7 гривен, а из того святей Богородици и епископу - три гривны без семи ногат".

Ранее не замечалось, что доход князя с Путтина высчитан суммарно (из того), при этом указывается лишь доля епископу в 10% и не от всей суммы (32 гривны 10 ногат), а от 26 гривен 10 ногат. Вглядываясь в текст пристальнее, авторы заметили, что последнюю выплату в Путтино вносил не населенный пункт, а "гость" - категория населения. В тексте есть и "корчмити" - корчмари, видимо, не топоним, а категория жителей. То же и с дедичами. По П.В. Голубовскому, топоним "Дедичи", жители которого платили в Путтин, был на р. Соже (якобы близкий топоним Дедины!), что невероятно. Но "дедичи" вместе с тем - "реликтовая категория сельскохозяйственного населения, располагавшего наследственным правом на землю, известная западным и южным славянам" *(Трубачев,* 1959. С. 70, 71). Поэтому, полагают исследователи, можно думать, что эта категория некогда тоже существовала на Руси (можно дополнить, что подобные топонимы у нас есть действительно).

Идя этим же путем, польские ученые полагают, что и Беницы не топоним, а испорченное при переписке в XVI в. "бъртницы" (бортники) либо "Бобровники". Однако ученые не учитывают, что село Беники сейчас сохранилось. В его культурном слое XII в. его найден целый ряд соответствующих XII в. находок *(Успенская,* 1964), и это именно путтинские Беницы, расположенные, как и Путтино, в Боровском районе Калужской области. Раскопки А.В. Успенской, Д.А. и А.В. Поппэ остались неизвестными. В результате всех этих размышлений польские ученые пришли к мысли о том, что Путтино - погост, с которым связаны различные категории налогоплательщиков. Они пишут: "В пользу князя в Путтине собиралось 32 гривны и десять ногат, однако церковная десятина определена в 2 гривны и 13 ногат, т.е. 10% от 26 гривен и 10 ногат. Разница в 6 гривен объясняется весьма просто. Дедичи обязаны были князю платить дань и виру (т.е. штраф за убийство) вместе - 15 гривен. Так как во введении к документу смоленский князь предварил, что дает десятину от всех далее поименованных даней, за исключением, между прочим, и виры, то совершенно очевидно, что именно она и была изъята из общей суммы княжеского дохода с Путтина и уже затем была вычислена десятина. Дедичи из Путтина платили, таким образом, 9 гривен дани и 6 гривен виры" *(Poppe D.,* A., 1967. S. 7). Далее авторы привлекают четвертую статью "Пространной Правды": "Которая либо вервь начнет платити дикую виру, колисо л-Ьт заплатить ту виру, занеже без головника им платити..." *(Тихомиров,* 1953. С. 68) и заключают, что путтинские дедичи, находясь в верви, платят виру сообща и в рассрочку *(Poppe D., A.,* 1967. S. 8)

Итак, если следовать интересным построениям Д.А. и А.В. Поппе, Путтин (Путтино) оказывается важным центром-погостом, с которого дань шла не в какой-либо крупный центр (как, например, в Вержавск с Вержавлян Великих), а непосредственно в Смоленск. Путтинский погост организовался на базе одной соседской общины - верви дедичей (Вержавлянские погосты, уплачивавшие втрое более, объединяли, видимо, большее количество общин, что отметили и польские исследователи), но, помимо старой вервной организации дедичей, основанной на сельском хозяйстве, погост этот был организмом, объединяющим и новые явления, он был "многофункциональным сельским поселе-

нием XII в." и получал дань в пользу князя с торга, с некоторых категорий ремесленников *(Поппэ А.В.,* 1974. С. 297) и даже с одного небольшого населенного пункта Бениц. Перед нами - погост, зафиксированный документом в момент его постепенного роста - старое боролось с новым, а новое ставило его на путь образования города, но им он не стал и его нет в грамоте "О погородьи" 1211-1218 гг., где поименованы все города Смоленской земли *(Алексеев,* 1979). Путтинский погост платил в Смоленск, ибо в отдаленной "вятичско-голядской" земле, где он находился, пунктов обложения было слишком мало и среди сплошных лесов все пункты (Искона, Добрятино, Путтино) были связаны со Смоленском непосредственно. Аналогию Путтинскому погосту, как считают Д.А. и А.В. Поппэ, можно видеть на памятниках р. Березники к востоку от Смоленска, открытых В.В. Седовым. Действительно, на примере березинских памятников В.В. Седову (19606. С. 35 и ел., 134-142) удалось проследить историю и топографию одного смоленского погоста-волости. Нам остается сожалеть, что работы, подобные этому исследованию московского ученого, с такой скрупулезностью больше не производилось (памятники же из года в год уничтожаются глубинной вспашкой трактористов).

В рассматриваемом смоленском Уставе больше нет пунктов, подобных Путтину, но есть напоминающие его *(Алексеев,* 19806. С. 100), а это позволяет думать, что картина обложения, приоткрывшаяся нам на Путтинском куске, может быть распространена, возможно, с некоторыми коррективами, и на остальные земли, во всяком случае, западнорусских кривичей.

В заключение можно отметить, что основу населения Западнорусских земель составляли, как и везде, жители сел, занимавшиеся главным образом земледелием, скотоводством и некоторыми другими отраслями хозяйства. Малые семьи были объединены в соседские коллективы - верви, власть над которыми объединял погост. Во время "Полюдья" киевский князь объезжал, по Константину Багрянородному, земли древлян, радимичей, кривичей, северян и получал с них дань *(Рыбаков,* 1982. С. 317), скопившуюся в их центрах, в частности, Смоленске. Весьма вероятно, что и в более поздние времена, в XII в., чиновники объезжали свои земли - Полоцкие, Смоленские, дреговичские (Туровские) - и свозили дань в свои княжеские центры. Древний Минск на р. Свислочи был таким центром, куда сходилась дань с северных дреговичей и затем передавалась в Полоцк *(Алексеев,* 1998в. С. 104-106). Это же было, очевидно, и в других частях Западнорусских земель. Б.А. Рыбаков ставил в причинную связь огромную заселенную территорию кривичей с громадным пунктом для сбора с них дани в смоленском Гнёздове *(Алексеев,* 1998в. С. 325). Нам представляется, что основной причиной обилия населения в Гнёздове было то, что это был транзитный пункт на волоках Пути из Варяг в Греки. Обилие свезенной в этот пункт дани (Б.А. Рыбаков опускает мысль, что это и был древний Смоленск) не могло быть причиной гигантского скопления населения вокруг него (5000 курганов с узкой датой IX-XI вв. - *Алексеев,* 1977. С. 84-91). Сюда, на волоки с остановкой иностранных купцов стекалось в изобилии торгово-ремесленное население, находя здесь большие возможности к безбедному существованию, к большому обогащению (о чем уже говорилось). Доход с Вержавлян Великих, получаемый смоленским князем в размере 1000 гривен, достаточно это иллюстрирует.

Роль дани в разложении общины кривичей

Дань была наиболее ранней формой эксплуатации Киевом свободных общинников *(Черепнин,* 1972. С. 151 и ел.). Первоначально сбор дани осуществлялся наездами князей, носил случайный характер. Затем наезды участились, стали регулярными и, наконец, общинники оказались перед необходимостью ежегодно выплачивать дань даже вне зависимости от посещения князя - его чиновникам. Так осуществлялось в общей форме закабаление свободных общинников. Дань из контрибуции (от случая к случаю) превращалась в феодальную ренту. Процесс смены дани-контрибуции данью-рентой был длительным и, как отмечал Л.В. Черепнин, точной датировки не имеет. Данных насчет того, как проходил этот процесс в Западнорусских землях немного, и больше всего их имеется о кривичах - самом большом союзе племен в этой стране. С этим материалом мы, главным образом, и вынуждены иметь дело, по возможности проецируя выводы на всю территорию.

ВАРЯЖСКАЯ ДАНЬ КРИВИЧЕЙ. "Имаху дань варязи изъ заморъя на чюди, и на слов-бнехъ и на мери и на всЪхъ кривичехъ, - говорится в летописи под 859 г., а козары имаху на полянах И на с-Ьвер'Ьх, и на вятич-Ьхъ, имаху по б'Ьл'Ь и в-Ьв-Ьриц-Ь от дыма" (ПВЛ, 1950. С. 18). На радимичей варяжская дань, видимо, не распространялась[2].

Слабая плодородность почв Скандинавского полуострова поставила в VII-VIII вв. все разрастающееся местное население перед угрозой голода, что переориентировало жителей на занятия торговлей и грабежом в чужих странах *(Гуревич А.Я.,*

[2] Радимичи платили дань "козарам" (хазарам) (ПВЛ, 1950. С. 20).

1966. С. 34). О традиционном мореплавании шведов (свионов) говорил еще Тацит: "помимо воинов и оружия, они сильны еще флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любою из своих оконечностей, так как и та и другая имеют форму носа..." и т.д. *(Тацит,* 1969. С. 371). Варяги бороздили моря и в IX в. оказались на Руси. Племенная граница - между кривичами и радимичами разделяла тогда, следовательно, даннические интересы варягов и хазар в Западнорусских землях. Племенным центром кривичей, как свидетельствует летописец, был Смоленск (несомненно, гнёздовский) - "туд-Ь бо СБДЯТЬ кривичи" (ПВЛ, 1950. С. 13). По данным археологии это был, как и писал летописец, крупный центр, знакомый, к тому же достаточно близко, и скандинавам (здесь они неоднократно хоронили своих умерших). В 882 г. он был захвачен Олегом, двигавшимся на Киев, и тот укрепил данническую зависимость от себя кривичей: "Олег же нача городы ставити и устави дани СЛОВ-БНОМЪ, коривичи и меря и устави варягом дань даяти от Нова Города гривен 300 на Л-БТО мира деля, еже до смерти Ярослава даяше варягомъ" (ПВЛ, 1950. С. 20), им же платили не только Новгород, но и "слов-Ьн-Ь, кривичи и меря" (НПЛ, 1950. С. 107).

Нам ясно, что при появлении варягов население пряталось в лесах, и получать "от мужа" они могли только, войдя в контакт с верхушками малых племен или общин (где только и могли знать, сколько у них "мужей").

В интересующее нас время у кривичей существовала система погостов раннего типа - административно-религиозных центров общин *(Мавродин,* 1971. С. 52), куда стекалась, помимо других сборов, видимо, дань, предназначавшаяся воинственным норманам. Позднее, когда дань шла уже в Киев, погосты приобретали твердое "новое назначение - административно-фискальных округов" (*Черепнин,* 1972. С. 52). Контакт иноплеменных даныцикков со старейшинами погостов был обычным явлением и намного позднее *(Данилова,* 1955. С. 208).

Присмотримся к летописи, где есть важный и развернутый во времени материал. Словене, кривичи, меря и чудь, узнаем мы, сначала жили родами - "большими родственными коллективами, со своим внутренним управлением" *(Щапов,* 1972а. С. 182) и платили дань варягам. Затем, восстав, они "згнаша я за море", после чего якобы убедились в несостоятельности собственного управления и вызвали варягов опять. Последние два факта имеют дату - 862 г., следовательно, первая дань - варягам - выплачивалась ранее, очевидно, в середине IX в.

Итак, с изгнанием варягов у кривичей начался период самостоятельного развития, когда "нача сами володети и города ставити". Чем володети? Для чего города ставити? Владеть, несомненно, не земледельческими участками, которых тогда на Руси было более, чем достаточно. "Володение" самих кривичей здесь противопоставляется предшествовавшему "володению" варягов. Значит, термин "володети", охватывавший власть, суд, дань, более всего относился к последней. Кто вместо варягов у кривичей собирал дань? Кто ставил укрепления для ее, видимо, охранения? Так мы получаем первые, хотя и косвенные сведения о родоплеменной знати у словен, кривичей и других племенных объединений (о "нарочитых" и "лучших" мужах, местных князьках), которая после ухода варягов собирала дань со свободных общинников. Это была традиция, идущая с последних этапов первобытного строя *(Щапов,* 1965. С. 305), явление, привычное для населения, но все же вряд ли проходившее без конфликтов как с самими данниками и с общиной, так и с другими такими же сборщиками дани в пограничных зонах (где интересы тех и других сталкивались). Это, видимо, и нашло отражение в лаконичной фразе летописца: "всташа сами на ся".

Можно думать, что пункты сбора варяжской дани образовались не сразу, а лишь после того, как прекратились набеги варягов. Олег был первым, кто вннес в уплату дани кривичами какую-то систему (ПВЛ, 1950. С. 20). Он, видимо, не смог перевести всю дань, уплачиваемую варягам еще с середины IX в., на себя (ее платили кривичи до смерти Ярослава, как мы видели, т.е. до 1054 г.) и, как все последующие князья X и первой половины XI в., должен был с этой данью считаться (не забудем, что он сам был по матери варягом). Но Олег ввел, можно думать, какой-то регламент в выплату этой дани, дополнив ее и своей дополнительной данью, которую кривичи были обязаны платить в Киев сверх варяжских поборов. С хазарской данью радимичей Олегу было справиться значительно легче: он просто в 885 г. перевел ее на себя (ПВЛ, 1950. С. 20). Эту новую двойную дань, можно полагать, и собирали теперь чиновники на местах, жившие там с семьями под охраной особых отрядов. Если дружины Аскольда и Дира были слабы и Смоленск к дани ими не был принужден (они воевали лишь по пути в стране кривичей, что видно по кладам 40-50-х годов IX в. - *Алексеев,* 1966а. С. 102), то поход Олега на Киев и создание огромного войска для этого стоил кривичам и другим племенам дорого и сопровождался жестокой борьбой. Возможно, что именно результатом этого сопротивления был зарытый (и не "востребованный") клад последней трети IX в. в Тимереве (1973 г.) *(Добровольский, Дубов,* 1975. С. 65-70).

КИЕВСКАЯ ДАНЬ КРИВИЧЕЙ. О характере русской части дани кривичей и способах ее взимания данных у нас почти нет. По Константину Багрянородному и нашей летописи, в X в. она собиралась с помощью походов князей в полюдье - в отдаленные центры земли. Дань, как мы знаем, иногда со-

биралась не один раз (что могло кончиться для сборщиков и плачевно - случай с данью Игоря у древлян). Можно думать, что в IX в. специальных податных центров в землях кривичей не было. А если они и были, то сборщики дани пользовались теми местными центрами-погостами, которые объединяли по тем или иным причинам окрестные села-общины (например, местное святилище и т.д.). У налогоплательщиков варягов и хазар существовала уже дифференциация населения. При убийстве князя Игоря древлянами выясняется, что среди населения были князь и "лучшие люди, числом 20". Разложение соседской общины зашло, следовательно, достаточно далеко. На местную знать - лучших людей, по-видимому, и опирались все даныцики. Они не покидали местность, пока не получат все им причитающееся - так нужно понимать термин "полюдье" для IX-X вв. Лишь в XI-XII вв. походы в "полюдье" видоизменились, и получаемый продукт именовался уже иначе.

Вопрос обложения земель данью возник в 947 г., когда Ольга двинулась на Мету: "...Иде Вольга Новугороду и устави по Мьст-Ь повосты и дани и по Луз-ь оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и м-ьста и повосты... и по Дн-Ьпру перев-Ьсища и по Десн-ь..." (ПВЛ, 1950. С. 43). С этим текстом я сопоставил текст поздней витебской летописи, основанной на недошедших до нас источниках, о походе Ольги в 947 г. (там ошибочно 974) из Киева в устье Витьбы и основание ею погоста Витебска *(Алексеев,* 1974д. С. 102). Ольга миновала западную Смоленщину потому, что там население было освоено данью уже давно, в частности, Олегом. Двигаясь в глухие места Новгородской земли для учреждения там центров обложения, Ольга обошла Смоленское княжество по дуге (Десна, Верхний Днепр, Западная Двина, Ловать, Мета). Погосты учреждались вне зоны полюдья, а Смоленск - его важнейшее звено *(Фроянов,* 1974. С. 46; *Рыбаков,* 1972б).

ДОХОДЫ СМОЛЕНСКОГО КНЯЗЯ. Княжеские доходы, их рост и виды характеризуют уровень экономического развития страны и рассмотреть их крайне важно.

Первым смоленским князем, навязанным Смоленску извне, был сын Владимира Святого Станислав, прокняживший в Смоленске (гнёздовском, где найдена его тамга - *Ширинский,* 1968) несколько десятилетий и не оставивший после себя никакого следа *(Шахматов,* 1908. С. 89). Станислав, очевидно, мало включался в жизнь старинного торгового города, с варяжской данью не боролся (или не мог ее одолеть). Его основной функцией, по-видимому, были осенне-зимние поездки к кривичам за данью и передача ее в Киев. Этими походами кормились он и его дружина. В те времена самостоятельный князь в Смоленске не был нужен Киеву: после смерти Станислава новый князь туда не назначался 20 лет.

Все изменилось в 1054 г. Решение о выделении Смоленского княжения для сыновей Ярослава Мудрого осуществилось немедленно после его смерти. В этой ситуации вопрос о материальном обеспечении нового князя встал на очередь дня. Тогда же, мы видели, был составлен список княжеских доходов с подробным указанием, что и с каких центров причитается. Документ охватывал всего пять пунктов в области древнейшей заселенности страны славянами (от Торопецких озер до Каспли и Вержавлян), два - на Верхней Волге, один - в центре страны и четыре - на ее востоке и юго-востоке (Вержавляне Великие - Былев, см. табл. 1). Основу дани составлял Путь из Варяг в Греки, где найдены варяжские погребения IX-X вв. (Гнёздово, Новоселки, Торопец), и не приходится сомневаться, что это и были территории старой княжской дани, собиравшейся с кривичей (как и с других мест) "до смерти Ярославли". Дань эта, отобранная у них позже, составляла основу дохода смоленского князя, к которой было приписано еще 8 пунктов. Далее князю предстояло уже действовать самостоятельно. Он и прибавил к своим первоначальным даням еще пять пунктов внутри кривичских земель (Бортницы - Мирятичи, см. табл. 1): три в землях западных вятичей и одно по соседству с ними (Дедогистичи). С захватом Заруба и Пацыни смоленская дань подошла вплотную к северным радимичам, однако до Ростислава Смоленского данническому подчинению подвергались далее только пункты на Верхней Волге, Протве, Днепре (Копысь).

Эпоха Ростислава Смоленского (1125-1159 гг.) ознаменовалась новыми явлениями в княжеских доходах. Как известно, XII в. был временем бурного развития феодальной вотчины на Руси. Крупнейшими вотчинниками в Смоленской земле, как и везде на Руси, были князья. Рассмотрение доходов князя за 20 лет, с 1116 по 1136 г., показывает, что данническое освоение смоленской территории продолжалось по-прежнему (были основаны новые пункты обложения на Пути из Варяг в Греки (2), Верхней Волге, Протве и т.д.), но одновременно были захвачены огромные сильно заселенные территории северных радимичей, в землях которых определили всего два пункта обложения с ничтожной данью (по 10 гривен) на р. Соже (Кричев и Пропошеск). Начавшееся там вскоре строительство крепостей Ростиславля, Мстиславля и, возможно, Изяславля (по именам смоленского князя, его отца, необычайно им чтимого, и ближайшего союзника - брата) указывает, что земли эти Ростислав оставил за собой в качестве своих особых домениальных владений, передаваемых не всякому князю, сидящему в Смоленске, а по наследству *(Алексеев,* 1976а). У нас нет возможности установить размер домениального дохода Ростислава (он был, несомненно, очень велик), но сам факт его установления, видимо, свидетельствует, что дань с

34 центров земли отныне стала государевым княжеским доходом и поступала к князю только как к сюзерену страны и пока он им был. Домениальные же земли и доходы с них переходили к княжескому роду навсегда. Л.В. Черепнин говорил о таком расчленении княжеских доходов, главным образом, в более позднее время {*Черепнин,* 1972. С. 153-155). В самом деле, для ранних периодов нашей истории трудно расчленить то и другое, но здесь, нам кажется, удалось датировать такое расчленение: оно совпадает с появлением домениальных владений князя и в Смоленской земле датируется второй третью XII в.

Какова же сумма княжеских доходов "государевой" части? Уже говорилось, что дани в Уставе высчитаны в гривнах серебра. Можно считать, что в 1130-х годах Ростислав получал с "государевых земель" (без суздальско-залесской дани, без колеблющихся доходов с неотдаваемых в аренду корчем, гостинного и торгового обложения) 3087 гривен серебра (см. *Алексеев,* 19806. С. 108, примеч. 66).

Однако эта сумма - только та часть доходов князя как сюзерена страны, которая делилась с новооткрытой епископией. Преамбула Устава называет несколько видов доходов, не поступающих епископу. Это - виры, продажи, полюдье, которые, в отличие от Устава новгородского князя Святослава Ольговича, Ростислав епископу не передавал. В грамоте указаны были нормы обложения, установленные для обычного урожайного года ("в сии дни полны дани". ПРП, 1953. Вып. 2. С. 42; см.: *Черных,* 1967. Вып. 6), и можно полагать, что в засушливые или дождливые годы в них вносились какие-то коррективы ("по силе"). Любопытно проследить, как давно уже существовали нормы, близкие к тем, которые отражает наш документ? Установленный нами факт, что эти нормы здесь выражены в старых денежных единицах, позволяет беспрепятственно обратиться к временам более древним, предшествующим составлению нашего источника.

При распределении столов 15 июля 1077 г. на Волыни, Всеволод Ярославич получил Чернигов, а его бывший смоленский стол достался его сыну Владимиру Мономаху (ПВЛ. Т. 1. С. 132.). Не прокняжив и года в Смоленске, уже на Пасху 8 апреля 1078 г. благодарный Мономах торжественно въезжал в Чернигов, везя отцу на Красный двор солидный подарок: 300 гривен золота. Это 3000 гривен серебра - сумма огромная. Все денежное богатство минских князей, кроме потраченного ими на постройку трапезной в Печерском монастыре, составило 700 гривен серебра и 100 гривен золота (т.е. 1700 гривен серебра - ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 492-493; см.: *Романов Б.А.,* 1948. С. 380; см. также его комментарий: ПВЛ, 1950. Т. 2. С. 442). Откуда же молодой Мономах мог получить столь крупную сумму денег для сыновнего подарка? Не забудем, что, кроме того, он должен был обеспечить своих собственных вассалов, слуг домена и княжеского двора. Б.А. Романов уже предполагал, что сумма дара была собрана Мономахом в Смоленской земле, исходя из суммы дани, которая была близка к этому дару (ПВЛ, 1950. Т. 2. С. 442). Действительно, неурожайный год миновал уже давно (1075 г.), следующие два года были урожайными, и за осень 1077 г. Мономах мог собрать причитающуюся сумму в полном объеме, а зимой (1077 г. был в источнике мартовским) мог даже превратить ее в золотые слитки. Однако предшествующие наблюдения заставляют внести в слишком прямолинейное построение Б.А. Романова важные коррективы: в 1077-1078 гг. смоленская дань была намного меньше дани 1134-1136 гг.: она не собиралась с вятичей и голяди и взималась только с первых 17 пунктов списка даней (не выходя за пределы кривичей). По нормам 30-х годов XII в. она должна была равняться всего 2705 гривнам серебра, а в 70-х годах XI в. была, возможно, и меньшей. Где же Мономах добыл недостающие (по нормам XII в.) 295 гривен? Он был еще молод и мало вероятно, что эту сумму он мог дополнить личными "сбережениями". Ясно, что недостающая сумма была им покрыта за счет вир, продаж и, главное, полюдья, лишь упомянутых в источнике 1136 г., так как епископии они не поступали. Все сказанное заставляет нас предположить, что нормы обложения в 30-х годах XII в. были близки к нормам 70-х годов XI в. и за 40 лет особых изменений не претерпели. Процесс их становления, видимо, приходится на начальные периоды княжеской власти в Смоленске - на вторую и третью четверти XI в.

Попробуем рассмотреть в общих чертах прочие княжеские доходы.

Полюдье, видимо, особый доход князя, который он не делил с епископией. Я.Н. Щапов даже предполагает, что система его сбора отличалась от других сборов и именно это не позволяло делиться им с церковью *(Щапов,* 1963. С. 41). Но, кажется, здесь было иначе: "люди" - свободные общинники *(Черепнин,* 1972. С. 168-170), полюдье в это позднее сравнительно время - осенний поход князя, именно в те отдаленные утолки земли, где общинники считали себя еще свободными от дани князю, но он уже числил ее по своей разверстке. Не случайно в тех случаях, когда полюдье "просочилось" в Устав Ростислава, дань не упоминается (Копысь, Лучин). Полюдье, таким образом, в 30-х годах выплачивалось только свободным населением. Кто не платил дани, тот должен был отдавать князю полюдье, и наоборот. Полюдье - это "даровая" дань со свободных (вспомним "осеннее полюдье даровьное" грамоты Мстислава Владимировича и его сына Всеволода на с. Буйцы под Новгородом, 1125-1132 гг. - *Черепнин,* 1972. С. 168-170). Наша археологическая карта скоплений древних поселе-

ний в Смоленской земле такие уголки, не платившие дани, вполне отражает. Их можно видеть, конечно, более всего в северной части земли: на р. Вязьме, где много курганов, на Лучесе (притоке Межи), на р. Пырышне у с. Оковцы и т.д. Не исключено, что "полюдье" в XII в. имело и иной смысл: его взимали в Копыси, которая, мы видели, не имела даже населенной округи, и если это не ошибка составителя Устава *(Алексеев,* 1974. С. 92), то здесь под этим термином понималась дань с "людей", населявших или прибывавших для торговли в Копысь.

Сложнее с такими доходами, как "вира" и "продажа" - штрафы за убийство и оскорбление действием. Дедичи, мы видели, платили в Путтино "присно" 6 гривен с виры. Как ее можно было предугадать? Видимо, община иногда, отстаивая независимость от дани и не желая пускать княжеских даньщиков, вирников и т.д., откупалась согласием платить виру постоянно. То же и относительно продаж - еще одного вида побора князя с населения.

Князь получал еще "общесмоленские доходы" - "корчмити", "торговое", мыто, гостиную дань, "перевоз", и, наконец, "суздальско-залесскую дань" (о которой говорилось).

"Корчмити" - дань с кормчем упомянута в Уставе 4 раза. Она взималась на восточных окраинах земли (Путтино), на западных (Копысь), на южных (Прупой) и северных (Лучин), т.е. во всех тех местах, где въезжали в страну со стороны, стояли корчмы с постоялыми дворами. Лишь в одном случае, в самой отдаленной части земли, на территории голядско-вятических земель, корчмари выплачивали точно установленную сумму - полпяты (4,5) гривны, что было связано, видимо, с трудностями контроля, и корчемная выручка была передана на откуп, в остальных - эти доходы зависели от доходов самих корчем.

"Торговое", т.е. дань с торга, упоминается в Уставе всего один раз. Взималось она в Копысе. Как видно *(Алексеев,* 1966а. С. 85) по цепочке курганов правой стороны Днепра, город этот, расположенный на левом берегу, стоял против ответвления от Днепра 60-километровой сухопутной дороги на Друцк (и далее на Полоцк). Днепр здесь летом мелок, и конница свободно его переходила в XVII-XVIII вв. *(Трубницкие,* 1887. С. 49), а в осеннее и весеннее время, очевидно, существовал перевоз, дававший князю известный доход. Доход получался с существовавшего здесь оживленного торга и княжеской корчмы. На разнообразие торговых операций, возможно, указывает "громадный" клад арабских монет, найденный вблизи Копыси у д. Застенок в 1901 г. (Россия, 1905. С. 468).

К "торговому" близка "гостиная дань" - дань за провоз товаров, упоминаемая в Уставе дважды (ее брали в Пацыни на Десне и еще восточнее на р. Болви, в Оболви). Вероятно, эта же дань обозначена в источнике как "гость" (получалась в Путтине), а также "мыто" - дань за провоз товаров (в Лучине). Кажется неслучайным, что все эти торговые пошлины взимались на окраинах Смоленской земли, при въезде в страну.

Таковы были доходы смоленских князей, исходя из Устава Ростислава Смоленского 1136 г. К сожалению, письменных источников, подобных этому замечательному документу, для других земель Западной Руси у нас не сохранилось. Нам остается предполагать, что большая часть выводов, которые мы извлекли из него, *условно* можно проецировать и на все остальные Западнорусские земли.

Вече и князь в Западнорусских землях[3]

Полоцкая земля

Вече хорошо известно на Руси в Киеве и особенно в северных и северо-западных землях - в Новгороде, Пскове, Ладоге, Полоцке, Смоленске и т.д. Термин "вече" происходит, несомненно, от слова "вещать" — говорить и связан с "совещанием" вообще. Он применялся к разнородным явлениям *(Новосельцев и др.,* 1965. С. 33) "Вече" в смысле "народное совещание - уходит своими корнями в родоплеменные сходки. Вслед за предшественниками, Б.Д. Греков рассматривает его, как особый институт и выделяет три его стадии: "догосударственную" (вече — в полной силе), "государственную" (эпоха Киевской Руси, вече почти на функционирует - лишь изредка) и эпоху феодальной раздробленности (вече набирает вновь силу) *(Греков,* 1949. С. 348 и ел.).

О взаимоотношениях князя и веча в Полоцкой земле исследователи спорили издавна. Уже И.Д. Беляев в наивной книге по истории Полоцка считал, что он являлся "пригородом" Новгорода и, следовательно, "был устроен по образцу Новгорода или Пскова", являлся "новгородскою колониею" и т.д. *(Беляев,* 1872. С. 4). Важные наблюдения на эту тему принадлежали М.В. Довнар-Запольскому (1891) и В.Е. Данилевичу (1896). Об отношенях князя и веча коротко писал Л.В. Алексеев (1966а), однако детально разработан вопрос им не был.

Косвенные свидетельства о "полочанах" и полоцком вече находим в летописи, начиная с третьего десятилетия XII в., когда полочане, недовольные чужеродным князем, «рекше: "лишается нас" и выгнаша Святополка, а Василка посадиша

[1] Специальную разработку вопроса см.: *Свердлов,* 2003.

Святославича» (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 301). Если раньше, в 1127 г., "полочане сътснувшеси выгнаша Давыда и с сынъми и поемши Рогволода", просили у нападающего князя сменить одного Всеславича на другого, что сделано было явно под давлением коалиции южнорусских князей, осадивших Полоцк, и мы не можем быть уверены, что это результат решения веча *(Алексеев,* 1966а. С. 260), то теперь, в 1132 г. мы явно имеем дело с могущественным вечем. Князья Полоцка были высланы (см. ниже), вече свергло киевского ставленника.

О "полочанах" читаем и у В.Н. Татищева. Рассказывая о событиях 1151 г. (правда, в разделе, посвященном 1158 г.), он пишет: "Полочане, будучи под правлением кроткого князя Рогволода Борисовича, без всякой причины против него, но безумно извольничався, и от бесстрашия взволновались противо его, и, поймав, отдали Ростиславу Глебовичу минскому с братиею, а дом Рохволодов и пожитки все разграбили *(Татищев,* 1964. Т. 3. С. 62). В другой редакции В.Н. Татищев сообщает, что полочане "прислаша к Святославу Ольговичу, яко имети его отцом себе и ходити в послушании его..." *(Татищев,* 1964. Т. 4. С. 236).

Это явление вполне понятное - за Александром Македонским следовали диадохи, способствовавшие распаду его великой империи. То же произошло после смерти Всеслава Полоцкого - его сыновья перегрызлись, во взаимной борьбе ослабели, ослабили "империю" Всеслава, были высланы в Византию, власть в Полоцке была слабой, подняло голову народное вече...

Еще сильнее стало вече в середине XII в., которое замыслило в 1159 г. даже схватить Ростислава Глебовича Полоцкого, и тому пришлось спешно уносить ноги... Полоцкое княжество продолжало слабеть, что особенно проявилось в конце XII - первой половине XIII в. Вопрос об этом ин тересно разобран в недавней статье молодого ис следователя А.В. Рукавишникова (1999. С. 118-124). "В конце XII - первой половине XIII в. Полоцк являл собой, - пишет он, - тип го сударства с практически сложившимися чертами олигархического правления и слабо выраженны ми элементами княжеской власти". Он даже по лагает, что накануне литовского завоевания это была в чистом виде "боярская республика" *(Ру кавишников,* 1999. С. 122). Основные положения этого исследователя, по-видимому, возражений не вызывают. Я только предостерег бы автора, несмотря на все его оговорки, все-таки от излиш ней доверчивости к рассказу В.Н. Татищева о Святохне 1217 г. *(Татищев,* 1964. Т. 4. С. 352-354). Историческая "истинность" этого рассказа многократно опротестовывалась (см.: *Алексеев,* 1966а. С. 287 и примеч. 172-177).

Смоленская земля

В Смоленске вече прошло все три свои стадии. В докняжеском Смоленске, который был "силен и мног людьми", вече было сильным и подчинялось старейшинам, о чем и говорит летописец. Аскольд и Дир, "оставившие" свои следы у Смоленска и в Полоцкой земле в виде кладов IX в.[4], возможно, сжегшие и сам Полоцк, к Смоленску подступить не решились! (ПВЛ, 1950. С. 18, 19; ПСРЛ, 1965. Т. 9. С. 9; 1982. Т. 38. С. 18). Как ни кажется сообщение это легендарным, но оно подтверждается фактами: не взяв Смоленска, Асколь и Дир в Полоцкой земле "много зла сътворили" (ПСРЛ, 1965. Т. 9. С. 9), на Полоцком городище - следы пожара IX в. *(Штыхов,* 1975. С. 24, 25).

КНЯЗЬ. ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ и ПРАВА. В конце X в. Владимир Святой заменил смоленских посадников, навязанных Смоленску Киевом еще при Олеге (882 г.), своим десятым сыном Станиславом. Это сообщение сравнительно поздних летописей достоверно, так как подтверждается хроникой византийца Иоанна Скилицы, переписанной еще в X в. Георгием Кедриным *(Moravcsik,* 1958. P. 273-274; *Шахматов,* 1908. С. 89-90, примеч. 2). Более чем сорокалетнее его правление в этом го роде ничем не ознаменовалось, при нем, очевидно, даже не была снята с кривичей варяжская дань.

Возобновление власти князей в Смоленске в 1054 г. ознаменовало новую эпоху в истории земли. Как утверждались князья в Смоленске, мы не знаем. Известно лишь, что первые два князя - сыновья Ярослава Мудрого - прокняжили там не более трех лет каждый и потом внезапно скончались, а город был якобы разделен на три части (ПСРЛ, 1851. Т. 5. С. 139; 1856. Т. 7), правда, ненадолго. Можно думать, что при этих первых князьях Смоленского княжества (оно было организовано лишь теперь) была отстроена и княжеская цитадель выше гнёздовского Смоленска, на высоких отрогах гор левобережья Днепра - на месте современного Смоленска *(Алексеев,* 1977). Старый город был силен, и без цитадели князья борьбы с ним не выдерживали.

"Владельческие судьбы" Ростиславичей подробно изучены А.Е. Пресняковым *(Пресняков,* 1909. С. 139-143). Родоначальник их, Ростислав, получил Смоленск в год смерти деда, Владимира Мономаха (1125 г.). Вместе с братом Изяславом он был носителем политики Мстиславичей. Очевидно, не желая дробить княжество и тем его необычайно ослабить (что произошло только что с Полоцкой землей), Ростислав Мстиславич выделил сыновей

[4] Четыре клада IX в. в Полотчине имеют близкие младшие монеты: Добрино - 842 г., Симоны - 846 г., Поречье - 854 г., Соболево-875 г. *(Алексеев,* 1966. С. 102, примеч. 106). Клад IX в. у д. Кислая севернее Смоленска, возможно, тоже подтверждает приход Аскольда и Дира (младшая монета - 825 г.: *Потин,* 1970. С. 76, примеч. 51).

Рюрика и Давыда, дав им владения в Южной Руси, а Смоленск получил старший сын Ростислава, Роман. Этот город стал "не старшим столом среди территориальных владений данной княжеской семьи, а столом старейшего в их среде" *(Пресняков,* 1909).

Младший сын Ростислава, Мстислав получил Торопец - крупнейший после Смоленска город княжества. После смерти Романа в Смоленске садится не его сын, как казалось бы логичным, а брат - Давыд Ростиславич. Рюрик же Ростиславич, наследуя столы в Южнорусской земле, от претензий на Смоленскую землю отказывается, хотя и пережил смоленского князя Давыда. "Смоленские князья, - писал А.Е. Пресняков, - кончают XII в., не водворив в своей вотчине начал отчинного раздела, не введя у себя частноправового семейного наследования. Преемство в старшинстве, постепенно искажаясь, дожило у них до исхода рассматриваемого нами исторического периода" *(Пресняков,* 1909. С. 143).

Князь является, безусловно, первым лицом в земле. Он руководит дипломатическими отношениями, издает постановления, утверждает договоры. Многое им решается, как увидим, с согласия веча, но военными походами, вопросами войны и мира руководит безусловно он. Он - главный военачальник, которому подчиняется не только своя дружина, но и все смоленские ополчения. Впрочем, бывали случаи, когда последние устраивали во время похода свое вече и его решение определяло судьбу похода, как было, например, с князем Давыдом, который вынужден был среди пути возвратиться в Смоленск, так как этого требовало, по-видимому, его войско (1185 г. ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 647). П.В. Голубовский был прав, когда указывал, что случаи, подобные этому, происходили редко и, по-видимому, тогда, когда поход вызывался не интересами Смоленской земли, а династическими соображениями князей *(Голубовский,* 1895. С. 224).

Помимо случаев, оговоренных в Уставе Ростислава, князь представлял высшую судебную инстанцию. Епископ, по Уставу, в своем суде осуществлял семейное и брачное право и лишь в особом случае уголовное - "отправление" (ДКУ, 1976. С. 144, 145; *Щапов,* 1963. С. 41), княжеский суд осуществляет остальные отрасли права: ему были подсудны дела, касающиеся крестьян, он урегулировал конфликты из-за земли бояр, крупной церковной знати, князей-вассалов, и, можно полагать, князь вершил суд на местах во время объезда своих земель *(Новосельцев и др.,* 1965. С. 69). В юрисдикции князя были все тяжбы с иностранцами (Договор 1229 г.). За отправление суда ему шли пошлины, виры и т.д. Вира даже планировалась.

У князя была разветвленная сеть чиновничьего аппарата: тиуны ("тиун княжий городской", тиун на волоке и т.д.) - сборщики налогов, детские, исполнявшие решение суда *(Голубовский,* 1895. С. 225), куноемци (вид сборщиков налогов и других поступлений князю, которым запрещалось "урывать бороду"). П.В. Голубовский отождествлял их с таможенниками (Смоленские грамоты XIII-XIV вв., 1963). Не приходится сомневаться, что тиуны назначались самим князем. Важным лицом был тысяцкий, а за ним сотский. В 1159 г. должность тысяцкого занимал Внезд, в 1195 г. - Михалко. Это был высший воинский чин, назначаемый самим князем. П.В. Голубовский полагает, что сотский выбирался на вече... как это было при посылке сотского в Ригу и на Готский берег. Но это мало вероятно: вече могло выбрать для поездки в Ригу сотского, уже давно назначенного самим князем.

ВЕЧЕ И КНЯЗЬ. Вопрос о взаимоотношениях веча и князя в Смоленской земле поставлен уже давно. Наиболее подробно он разработан был П.В. Голубовским, но не все его выводы можно принять. Изучение вопроса он начинает с Устава Ростислава, во второй фразе которого видит указание на вече: "Приведох епископа Смоленску, задумав с людми своими". Подкрепление мысли он видит также в конце документа: "Да сего не посуживая никто же по моих днех, ни князь, ни людие..." (ДКУ. С. 141, 144; *Сергеевич,* 1867; *Голубовский,* 1895. С. 214; *Зимин,* 1953. С. 45). Термин "люди" действительно употреблялся для наименования "широких слоев населения" *(Черепнин,* 1972. С. 168 и ел.) и, может быть, чаще - низших классов. Однако обозначало оно и просто людей. "Люди свои" - явно не вече, а ближайшие советники князя. О каких "людях" во втором случае ведется речь, неясно. Непременно ли о вече? Так или иначе, для нас очевидно, что в эпоху Ростислава вече было, но роль его еще не была столь могущественной, как впоследствии и как считал Голубовский (оно якобы решало вопрос о создании в Смоленске епископии, т.е. имело законодательные функции). Данные о смоленском вече мы получим лишь во второй половине XII в., когда на смоленском столе сидели сыновья Ростислава. О столкновениях Романа Ростиславича со смолянами свидетельствует плач его княгини после его смерти (1180 г.): "...многая досады прия от Смолнян и не вид-ъ тя, господине, николи же противу ихъ злоу никотораго зла въздающа..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 617). В чем заключались эти трения, мы не знаем, но летопись сохранила лишь известие, что в 1175 г., во время княжения Романа Ростиславича в Киеве, "Смольнян-Ь выгнаша от себе Романовича Ярополка (оставленного на княжение в Смоленске отцом. *-Л.А.),* а Ростиславича Мстислава вьведоша Смоленьску княжить" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 598). После смерти Романа, при его брате Давыде атмосфера накаляется еще более. В 1185 г. смоляне делают вече в походе Давыда у г. Треполя, и по их решению князь вынужден возвратиться в Смоленск (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 647). Это вече (хотя оно так в источнике и названо) - лишь военный совет смолян, которые не желают слушать приказов своего князя, но оно весьма характерно для отношений Смоленска с Да-

выдом. В 1186 г. летопись говорит уже прямо о восстании смолян: "Въстань бысть Смоленске промежи княземъ Давыдомъ и смоляны и много головъ паде луцьшихъ муж". Это свидетельство находится в связи с новгородскими событиями, где только что "убиша Гаврила Неревиниця, Ивачя Свеневиця, и с моста съвьргоша" (НПЛ, 1950. С. 38, 228). Гаврила был братом новгородского посадника Завида, сторонника смоленского князя Давыда, к которому тот в минуту жизни трудную и "ушел" (НПЛ, 1950. С. 228; см. также: *Янин,* 1962. С. 108, 109). Трудно расшифровать, что это была за "въстань". Кажется только, что здесь идет речь о борьбе богатых горожан, возглавляющих вече ("лучшие мужи"), с князем. Крупная роль смоленского веча выступает в тексте летописи 1190 г.: Святослав Всеволодич имел "тяжу" с Рюриком и Давыдом Ростиславичами и "Смоленской землею" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 670). "Земля" эта, следовательно, была самостоятельной силой, с которой необходимо было считаться, как и с князем. Столкновения Давыда со смолянами продолжались. В 1195 г. Олег Святославич писал в Чернигов братьям о победе над полком Давыда и дополнял: "сказывають ми и смолян изыимани, ажъ братья ихъ не добр-Ь с Давыдом (живут)" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 692). В XIII в. роль горожан особенно усиливается. Под 1214 г. читаем о распре, проходившей через Смоленск рати новгородцев ("бысть распря со смолянами и убиша смолянина". НПЛ, 1950. С. 251). Еще в большей мере это подтверждается в договоре Смоленска с Ригой 1229 г., который составлен явно с участием смолян *(Голубовский,* 1895. С. 220). В 1222 г. полоцкий Святослав Мстиславич (сын Мстислава Романовича) сносится со смолянами, предлагая сесть у них на стол, но вече его отвергает *(Голубовский,* 1895. С. 221). В 1239 г. князь Ярослав захватывает Смоленск и, сажая Всеволода на смоленский стол, вынужден "урядить смолян" (ПСРЛ. Т. 7. С. 144). "До последних дней самостоятельного существования Смоленска вече является главой земли наравне с князем, и если вечу приходится уступить, то только после энергичного с его стороны сопротивления под давлением внешней силы", - писал П.В. Голубовский и был, несомненно, прав *(Голубовский,* 1895. С. 222).

Вопрос о вечевой жизни и отношениях веча с князьями на остальных землях

Надо полагать, что вечевая жизнь, борьба за городские вольности, вмешательство горожан в княжеские дела в какой-то степени были распространены и в остальной Западной Руси, но знаем об этом мы чрезвычайно мало.

Однако все это, несомненно, может быть в меньшей степени, чем в других землях, существовало и здесь. Во всяком случае, в соседней Галицко-Волынской земле борьба горожан с князьями тесно была связана с княжескими усобицами. Горожане Галича держали сторону Ивана Берладника в противовес князю Владимирку, при походе Ольговичей на Галич вынудили Владимирка вступить с ними в переговоры и т.д. (1144). В Галиче было много и других свидетельств о роли галичан в межкняжеских войнах. Но это - Галич, летопись которого до нас дошла, летописей же интересующих нас территорий, увы, нет. Можем идти лишь ощупью, часто с ошибками. Неверно, например, утверждать, что "Решительная попытка Юрия Ярославича в 1158 г. восстановить самостоятельную династию на Туровском престоле встретила горячую поддержку местного населения, хорошо помнящего и понимавшего преимущества самостоятельности и независимости в сравнении с условиями временных владений и постоянной сменой правителей..." *(Лысенко,* 1999. С. 18). Летописный текст, на который пытается опереться исследователь, никаких данных для этих заключений не дает.

Очень условно можно говорить о существовании веча в Берестье; но это уже послемонгольское время. По смерти Владимира Васильковича (1289), его брат Мстислав, став князем Владимира Волынского, узнал, что еще при болезни Владимира, берестьяне "учинили бяхуть коромолу": снеслись с князем Юрием Львовичем, прося его по смерти его "стрыя" сесть на княжение в их городе. По настоянию Мстислава, Юрий оставляет Берестье. Здесь же мы узнаем, что соблазнился он этим городом "по усъв-Ьту безумных своих бояр молодых и коромольниковъ берестьянъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 932). Проступок берестян не остался безнаказанным, о чем свидетельствует контрибуция, которую наложил Мстислав на Берестье. Это, несомненно, подлинный документ, который мы и не применем привести полностью: "Се азъ, князь Мьстиславъ, сынъ королевъ, вноукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны и в в-Ькы за ихъ коромолоу со ста по дв-Ь лоукн-Ь медоу а по дв-Ь овц-Ь, а по пятидцать десяткъвъ лноу, а по стоу хл-Ьба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 коуръ, а по толкоу со всякого ста, а на горожанахъ 4 гривны коунъ, а хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ Богомъ. А вопсалъ есмь в л-ЬтописЬць коромолу ихъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 932).

Здесь все-таки ощущается некоторая самостоятельная сила брестских горожан, что и не удивительно: это - конец XIII в. (1289 г.), время, когда вече в городах, голос горожан значил уже достаточно много.

Деревня и вотчина

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП. Не приходится сомневаться, что изменения в общественных отношениях отразились не только в родоплеменной знати, но и во всей общине в целом. Ее население разрасталось, приходилось расширять обрабатываемые земли для увеличивавшихся семей, в результате прежняя территория участков родоплемснных семей все расширялась, отдалялся и прежний родоплеменной центр, в результате родоплеменные связи ослабевали. Возникала новая связь, основанная на территориальном принципе. Появилась соседская община, во главе которой уже стояли иные люди. Так зарождалось на Руси крестьянство (хотя этот термин возник и позднее). Основными занятиями населения было по-прежнему земледелие, в пашенной форме, занимались скотоводством, охотой в соседних девственных еще лесах, рыболовством. Это население платило дань от дыма и было еще свободным.

Любопытно, что новым общественным отношениям в это время способствовал климат. Если его похолодание, как мы говорили, в середине I тыс. н.э. привело в движение многие народы и, в частности, славян, в значительной степени ушедших на восток, то теперь, как выяснили климатологи нашего времени, конец I и начало II тыс. н.э. (до XIII в.) характеризовались новым большим потеплением *(Монин, Шишков,* 1979. С. 343, 352; *Будъко,* 1980. С. 179; *Борисенков,* 1982. С. 23, 28), что было крайне важным обстоятельством для крестьянского земледелия (подробнее см.: *Кирьянова,* 1992. С. 6).

Как же жило теперь население, организованное по соседскому принципу и платившее определенную дань князю?

Вопрос о переходе от родоплеменной организации к территориальной системе, хорошо разработанный историками Западной Европы, у нас по малочисленности письменных источников, исследован гораздо меньше. К нему начали подходить сравнительно недавно, главным образом благодаря археологии. Мы теперь в известной степени знакомы с остатками материальной культуры этого населения, хранившимися в земле: селищами, городищами, погребениями, монетно-вещевыми кладами и т.д. - значит, и с их жизнью.

Первый вопрос, который поставили археологи, был вопрос о характере расселения крестьян. Ясно, что оно в общих чертах совпадало с распространением пришедших в Западнорусские земли славян, но значительно эти территории расширились теперь. В 1956 г. появилась первая работа, обобщающая, как считали авторы, весь имеющийся тогда материал. Однако его было тогда еще недостаточно, тем более по громадной лесной зоне Восточной Европы, и ряд выводов был неверен. Так, авторы считали, что сельские поселения домонгольского времени группировались по большим рекам и были якобы всегда малодворными {*Успенская, Фехнер,* 1956. С. 17). Ныне наука этого не подтверждает. Работы В.В. Седова показали, что прежде всего для общих выводов необходимы региональные исследования, подобные тем, которые произвел он на небольшом районе к востоку от Смоленска *(Седов,* 19606).

Однако работы по сельской заселенности все же крайне важны. Л.В. Алексееву (1975. С. 206) стало очевидным, что, выясняя вопросы заселенности страны в ряде регионов Западнорусских земель, можно пойти несколько упрощенным путем, учитывая лишь один вид памятников - погребения в виде круглых курганов. Этот метод вполне правомерен, ибо в северной части Белоруссии и в Смоленщине погребения балтских аборигенов неизвестны, там отсутствуют фактически и курганы эпохи бронзы. Захоронения в круглых курганах, таким образом, там имеют общую датировку -X-XI вв. Каждая курганная группа в среднем соответствует одной древнерусской деревне домонгольского времени, а скопление этих групп дает примерную схему заселенности страны в это время. Основываясь на этих соображениях, автор составил полную карту курганов в Северной Белоруссии *(Алексеев,* 1975. С. 208 (карта курганов); 211 - схема заселенности Полоцкой земли). То же удалось сделать на примере Смоленской земли *(Алексеев,* 19806. С. 36 и ел.), а в следующей работе выяснить отличие заселенности и ее характера обеих земель *(Алексеев,* 1978. С. 23-30). Надо сказать, что различие в характере заселенности обеих земель времени их племенной организации (IX - начала X в.) и более позднего времени, когда сельские жители стали крестьянами (вторая половина X-XШ в.), сейчас неуловимо: слишком мало производилось раскопок курганов, которые исчезают, к сожалению, с каждым годом все больше, а археологи немногочисленны и в большинстве случаев более всего занимаются городами, - там добывается якобы более эффектный исторический материал.

После названных работ Л.В. Алексеева, характер размещения сельского населения заинтересовал белорусского археолога, тогда доцента Могилевского пединститута (ныне профессора Могилевского университета) Я.Г. Риера (1982. С. 107-118; *Рыер,* 1990). Им был избран регион Могилевской области БССР. Приняв методику предшествующего автора, Я.Г. Риер многое детализировал, а многое и углубил. Он видел свою задачу в дальнейшей разработке "проблем расселения сельского населения в небольшом регионе путем комплексного анализа материалов, как из курганов, так и поселений в сочетании с особенностями природной среды

и топонимикой (очевидно, топонимией, Л.А.)" и основывался на сведениях о 533 курганных группах и на трех поселениях *(Риер,* 1982. С. 108). Выводы у этого серьезного исследователя были интересны. Он выяснил, что заселенность зависела не от рек, а от лесов, причем крупные могильники были чаще на периферии их скопления, на опушках лесов, очевидно, туда устремлялись, увеличиваясь в числе, жители. Крупные могильники концентрировались обычно у малых, а не у больших рек. Наблюдения Я.Г. Риера интересны и относительно тех территорий Белоруссии, которые упоминаются в Грамоте Ростислава Смоленского 1136 г.

К важным выводам на основании региональных работ восточнее Смоленска пришел В.В. Седов, не занимавшийся вопросами общей заселенности земли, но сосредоточившийся на одном районе. Им был выработан трудоемкий, но исключительно плодотворный метод археологического исследования, основанный на изучении каждого квадратного километра намеченной площади. Выяснилось, что древнейшие славянские памятники Смоленщины, длинные курганы, которые свидетельствуют о славянском заселении этих земель, относятся к VII в. *(Седов,* 1960а), а в данном районе - к VIII в. Автор резонно отказался от привлечения письменных источников более позднего времени, ибо они (переписные, оброчные книги и т.д.), как показали археологические исследования, обрисовывают лишь ситуацию своего времени, а сельские поселения VIII—XIII вв. "серьезно отличаются от деревень XV в. В частности, в XIV-XV вв. сходят со сцены феодальные усадьбы замкового типа, значительно увеличивается количество малодворных поселений, крупные поселения исчезают вовсе, изменяется группировка поселений и т.п. Археологические материалы показывают, что деревня XIV-XVI вв. коренным образом отличается от домонгольской деревни" *(Седов,* 19606. С. 7).

Пешие обследования данного региона привели автора к выводу, что сельские поселения центральных районов Смоленщины делятся на три периода:

1. VII - начало XI в. характеризуются сравнительно крупными неукрепленными поселениями свободных общинников. Сельская община в некоторых случаях соответствовала одному крупному поселению, в других она занимала несколько более мелких поселений - сел, связанных общностью происхождения. Центр общины имел укрепленное городище-убежище на случай опасности, которое строила вся община. Рядом был курганный общинный могильник и, добавим мы, где-то поблизости, по-видимому, было общинное святилище. В.В. Седов полагает, что податная система в это время была нерегулярной.

2. XI - начало XIV в. характеризуются селищами средних размеров (9-12 дворов). В целом поселения меньше предыдущих, а встречающиеся обширые селища являются погостами, т.е. административно-податными центрами. Возникшие в XI в., своим происхождением они связаны, - полагает В.В. Седов, - с родоначальными общинными селениями и расположены близ городищ-убежищ или святилищ. Очень редки случаи, когда погосты не связаны с общинными центрами. Нужно полагать, что такие административно-податные центры возникали в новых пунктах по воле властей в связи с тем, что общинное население оказывало сопротивление княжеским или волостным чиновникам. Некоторые погосты объединяли селения нескольких территориальных общин. Погосты были центрами только тех селений, на которых жили свободные общинники. Погостские власти были подчинены волостным правителям. С конца XI в. возникают частновладельческие поселения - феодальные усадьбы "замкового типа". Автор думает, что таких замков в это время было немного и большая часть населения была свободными общинниками *(Седов,* 19606. С. 126).

3. С начала XIV в. или с его середины селений становится много больше, они мельчают, преобладают малодворные или однодворные поселения (что уже выходит за хронологические рамки нашей книги) (см.: *Седов,* 19606. С. 126). Судя по источникам, сельские поселения в древности именовались чаще всего селами, погостами, изредка "весь".

Если термин "село" в основе связан с территориальной общиной, то "погост" с X-XI вв. фигурирует как административный центр целого небольшого округа сельских поселений. Иногда погосты объединяли несколько сельских общин, а в целом погосты подчинялись более крупным округам - волостям, о которых, как мы знаем, трактует известный Устав Ростислава Смоленского 1136 г. "В XI-XIII вв., - писал В.В. Седов (19606. С. 31), - селами назывались поселения, жители которых находились в различной степени феодальной зависимости. Это прежде всего поселения, входившие в состав княжеских доменов" (например, поселения Ясенское и Дросенское, входившие в состав владений смоленского князя). Он отмечает далее, что "в XI-XII вв. селами назывались не только поселения, входившие в состав княжеских владений, но и поселения, зависимые от монастырей и рядовых феодалов".

НЕУКРЕПЛЕННЫЕ ДЕРЕВНИ существовали, несомненно, на всей интересующей нас территории. В Белоруссии они изучены лучше всего в Понеманье, в Могилевском Поднепровье, в Припятском Полесье и в Побужье (Археолёгія Беларусі, 2000. С. 111 и ел.). Они располагались часто по берегам небольших речек, в некотором удалении от их впадения в большие реки (чем, по-видимому, достигалась безопасность). Их планировка, естественно, зависила от месторасположения. Села вдоль рек имели чаще рядовую застройку,

мысовые же селища использовали так называемую "кучевую планировку".

Под Минском раскопано селище у д. Рыловщина (ныне д. Дружба), датированное Х-ХШ вв., где найдено 23 остатка жилых домов наземного типа. Основной деятельностью жителей Рыловщны было, как полагает автор раскопок, земледелие, хотя указывает, что прямых данных для этого заключения нет ("железные сошники, наральники, серпы и косы имели достаточно крупные размеры и потерять их было трудно, а при поломке они шли на переработку") *(Заяц,* 1994. С. 132) - предположение мало обоснованное: орудия труда, части их постоянно находят при раскопках, они, следовательно, не "перерабатывались", а просто терялись, или выбрасывались). Жители также занимались скотоводством. По найденным здесь костным остаткам (определение В.И. Щегловой), здесь более всего разводили крупный рогатый скот (52,38%), лошадей, которые, видимо, шли в пищу (23,8%), этому уступало свиноводство (14,82%), мелкий рогатый скот (9%). Из ремесел были развиты металлургическое (сыродутные печи и шлаки), ювелирное (тигель, готовая продукция и т.д.), слесарное производство и пр. Охота представлена, как обычно, костями тех животных, которые употреблялись в пищу (лось, бобер). Охотились, вероятно, и на пушного зверя, мясо которого не шло в пищу (рысь и пр.).

Княжеские знаки здесь фигурируют уже в слое конца X в. *(Заяц,* 1994. С. 145, 146). Автор раскопок отмечает, что население было втянуто в экономические отношения как с ближайшими городскими центрами, так и с более отдаленными. Это подтверждается находками. Более далекий импорт представлен фрагментами амфор, шиферными пряслицами и бусами (сердоликовыми и золотостеклянной). Княжеские знаки свидетельствут, как он полагает, о существовании здесь с конца X в. "княжеской администрации". Жители поселка были похоронены в соседних курганах. Крайне важно, что "время наибольшего расцвета Рылаушанскаго поселения, по наблюдениям автора, совпадает с периодом расцвета археологического комплекса на р. Мена, или Менка" *(Заяц,* 1994. С. 146), которое мы с уверенностью считаем древним Минском. Это время Гнёздова.

Как уже упоминалось, Я.Г. Риером было изучено неукрепленное деревенское поселение возле города Чаусы Могилевской области на р. Басе. Раньше было известно лишь курганное кладбище вблизи Чаус, открытое в 1930 г. И.А. Сербовым, (при нем было 130 насыпей, в 1976 г. их осталось всего 89). В 1976 г. Я.Г. Риер открыл и место, где жили те, кто хоронил в соседних курганах. "Поселение, - сообщал исследователь, - тянулось вдоль берега и занимало площадь 2,5 га. Древний могильник находился к северу от этого поселения" *(Рыер,* 1978. С. 34). Поселение "является одним из немногих древнерусских сельских поселений с сохранившимся культурным слоем в могилевском Поднепровье" *(Риер,* 1977. С. 416). Находка семилучевого височного кольца указала на радимичскую принадлежность погребенных жителей.

УКРЕПЛЕННЫЕ СЕЛИЩА встречаются повсеместно наряду с селищами открытыми. Имеют они обычно городище, с валами и рвами, рядом - неукрепленное селище и курганный могильник. Примером подобных памятников может служить городище Хотомель, расположенное "среди обширных, местами заболоченных и покрытых кустарниками лугов в низовьях реки Горыни" на незаливаемом в половодье небольшом песчаном всхолмлении у современной д. Хотомель Давид-Городокского района Брестской области. В течение ряда лет здесь производили интереснейшие исследования Ю.В. Кухаренко (1957. С. 90-97; 1961. С. 22-27) и И.П. Русанова (1973).

Памятник состоит из небольшого городища, защищенного с трех сторон Гречкой и болотами. Высота городища над луговой поймой 7 м. С запада и востока оно было укреплено двумя валами и рвами. Между валами с напольной стороны вырыт ров. Овальная площадка (40 х 30 м) вытянута с запада на восток. Неукрепленное селище находилось сразу за внешними валами. В 200 м от памятника к юго-востоку от городища некогда крестьянами был обнаружен курганный могильник с трупосожжениями.

Работы на городище и селище были начаты в 1954 г. Мощность слоя на городище 40 см в центре и 2-2,5 м по краям площадки. По сравнению с нижним слоем верхний более насыщен находками, и находки эти удивительно детально рисуют занятия населения и позволяют достаточно точно его датировать. В нижнем слое городища встречена лепная керамика типа "Корчак" (VI-VII вв.), в верхнем - типа "Луки Раиковецкой" (VIII-X вв.), в материке вдоль внутреннего склона вала найдено большое количество корытообразных ям, заполненных углем и камнем, в одной из которых оказалась стрела "аварского типа" (VII—VIII вв.). В верхнем культурном слое - остатки огнищ, столбовые ямы, лепная и гончарная посуда.

Это - типичное убежище, где не жили, а прятались при осаде, а позднее, как думают исследователи, оно стало местом племенных собраний и т.д.

Корытообразные углубления нижнего слоя были расположены по кругу, выше угольной прослойки, отделявшей от них верхний слой, их повторяли какие-то столбовые сооружения без следов печей. Возможно, что на памятнике было и святилище. Находки группировались возле огнищ-костров. Из предметов чаще всего попадались остатки керамики и предметы военного обихода - стрелы, копья, а также остатки панциря (пластины), конского снаряжения и т.д.

Селище представило тоже большой интерес. Двумя рядами здесь параллельно валу располагалось большое количество землянок с глинобитными печами, устроенными на деревянном каркасе. Среди находок здесь нет предметов вооружения, конского снаряжения и украшений. Найдены орудия труда (сошники, железные рыболовные остроги, обломки серпа, ножи). Керамика, как и на городище, главным образом лепная, в завалах печей попадались и обломки гончарной посуды (видимо, наиболее поздние на памятнике).

Таков был этот интереснейший памятник, эффектно рисующий нам жизнь славянской общины VIII-X вв. в южной части Западнорусских земель. Она проходила в основном в неукрепленном поселении, население которого занималось земледелием, несомненно, в пашенной форме, скотоводством в необходимых размерах, охотой, рыболовством и т.д. Городище строилось силой всех членов общины, его использовали как святилище и как убежище в минуту опасности. Столь ранние памятники подобной, я бы сказал, уникальной сохранности, крайне редки.

Было бы интересно целенаправленно исследовать комплекс памятников "Вержавляне Великие". Это дало бы много сведений о переходном периоде от позднеплеменного строя (малое племя) в раннефеодальную эпоху. Интересно соотношение городища-погоста "Девятое" и волостного центра Вержавск, с одной стороны, и центра Девятое с селами - с другой.

ВОТЧИННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ. В письменных источниках мы не найдем в большинстве случаев сведений о возникновении вотчины в Западнорусских землях.

Неясно, когда они возникли, что собой представляли. А.В.Арциховский (1934), по-видимому, был первым, кто поставил вопрос о древнерусских феодальных замках, заговорил о формировании федальной дружины как особой группы населения, о развитии ремесленного производства как движущей силы прогресса. Он первый пытался ответить на все эти важнейшие исторические вопросы, но археологический материал, на который он пытался опереться, был еще скуден, требовались новые полевые обследования. Их осуществил впервые на нашей территории В.В. Седов (19606. С. 51-126), о чем мы уже говорили в другой связи. Начнем со Смоленской земли, более изученной. До захвата Смоленска Олегом (882 г.) им правили старейшины - выходцы из местной родоплеменной знати кривичей. Вскоре знать эта уже начала владеть собственными землями, богатство ее все разрасталось. Сплошными разведками П.Н. Третьякова к западу от Смоленска среди других поселения было выявлено много укрепленных замков, несомненно, местных феодалов, однако, замков этих в других местностях Смоленщины, по свидетельству того же П.Н. Третьякова, было гораздо меньше. В Краснинском районе, например, на крайнем западе левобережной Смоленщины по Днепру и его левым притокам Мерее, Луппе, Свиной, Лосвине он обнаружил десять городищ, из которых девять оказались раннесредневековыми замчищами, хотя некоторые имели и более ранние напластования *{Третьяков,* 1962). Эти памятники исследователь справедливо считал остатками усадебных замков феодалов, где "сидела на земле княжеская дружина и ближайшая ко двору знать" *(Третъяков,* 1962. С. 238). Здесь известны и раскапывались владельческие усадьбы - Ковшары, Воищина, Колычовское, Бородинское и т.д. П.Н. Третьяков указывал, что южнее по Днепру подобных городищ много меньше. Не случайно здесь найдены (именно к западу от Смоленска) вещи, которые связываются с замками феодалов и их усадьбами - золотой змеевик из д. Ковшичи Краснинского уезда, великолепный серебряный браслет-наруч с изображением птиц (с. Романове Горкинского уезда, 1897 г.), клад серебряных вещей из русла р. Луппы того же Краснинского уезда (1853 г.), энколпион - также из Краснинского уезда (1892 г.) (см.: *Толстой,* 1888; *Толстой, Кондаков,* 1897. С. 158 и рис. 219; Смоленский вестник. 1853. № 21; 1892. № 111). Как писал П.Н. Третьяков, владельческие села боярской знати гнездились к западу и югу от Смоленска потому, что к востоку, в районах, исследованных В.В. Седовым, земли были заболочены и мало плодородны, а следовательно, не выгодны для боярской знати. Они и заселялись простыми земледельцами. Феодальные же усадьбы там были крайне редки. Так было с вотчинными поселениями в Смоленщине.

Не приходится сомневаться, что в Полоцкой земле раннефеодальные усадьбы встречались в изобилии, однако крупного их исследования до сих пор нет. Можно думать, что о таких усадьбах говорит летописец, сообщая под 1159 г., что Ростислав Глебович, бежав из Полоцка, "много зла сотвори волости полоцкой, воюя и скоты и челядью (челядью феодалов? - *Л.А.)"* (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 462). Мы не можем себе представить челядь вне княжеско-боярской усадьбы. Следовательно, районы "Полоцкой волости", которые проезжал изгнанный князь, имели целый ряд усадеб полоцких феодалов. Если Б.А. Рыбаков (1948. С. 496) к феодальным усадьбам совершенно справедливо отнес смоленское городище Ковшары, раскопанное А.Н. Лявданским (1926. С. 225 и ел.), то к этому же типу памятников следует отнести объекты подобного типа у д. Черкасово Витебской области и др. (Працы II, 1930. С. 57-79). Подобными памятниками, возможно, были Германы под Оршей *(Дубінскі,* 1930а. С. 80-83) и др.

Городища усадебного типа выявлены и в Понеманье *(Зверуго,* 1989. С. 89). Городище Индура на Гродненщине расположено на высоком холме в

0,5 км от р. Индурки, имеет две площадки - внутреннюю и наружную. Внутренняя, округлая в плане, диаметром 16-18 м, занимает вершину холма и окружена двухметровым валом с двумя въездами. В 20-35 м от этого вала имеется второй двухметровый вал. Въезд - с северо-запада, рядом воронкообразная яма диаметром около 12 м. Она очень похожа на аналогичную яму на друцком детинце и, как и там, по-видимому, является остатками колодца. Раскопками К.Т. Ковальской в 1955 г. (не опубликованы) найдены предметы вооружения (стрелы, шпоры), орудия труда (сельскохозяйственного и промыслового) - серпы, жернова, глиняные пряслица, поделки из кости, шилья, игла, рыболовный крючок, кости домашних и диких животных и т.д. Дата памятника, по К.Т. Ковальской, XI-XIII вв. - слишком суммарная *(Гуревич Ф.Д.,* 1962. С. 193).

К сожалению, вопрос о назначении выявленных городищ негородского типа исследователей интересовал мало, и о нем мы можем только предполагать. Городище Индура, Мстибово близкого типа, видимо, представляли укрепленную усадьбу небольшого феодала. Но нельзя не согласиться с Я.Г. Зверуго (1989. С. 92), что "феодальной усадьбой древнерусской поры было и городище у д. Городок", расположенное на берегу р. Березины Неманской (некоторые историки предполагали, что это тот самый Городец, где в 1162 г. сидел Володарь Глебович, был осажден полоцким Рогволодом, ночью вместе с литвою разбил Рогволода и тот, боясь мести полочан за разгром войск, бежал в туровский Случьск - ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 519). Настаивать на этом до полных раскопок нельзя.

Княжеский домен (по Уставу Ростислава Смоленского 1136 г.)

Княжеский домен - личные земли князя - историки понимают по-разному. Говорят о домене "Русская земля" *(Пашуто,* 1968. С. 27) и о разделе его между Киевом и Черниговом *(Рыбаков,* 1971. С. 156), о "Черниговско-Северском домене" *(Фроянов,* 1974. С. 51) и т.д. Под княжеским доменом мы понимаем личные владения князя, остающиеся за ним вне зависимости от занимаемого им княжеского стола и являющиеся, следовательно, его неотторжимой собственностью. Прав И.Я. Фроянов, полагая, что княжеский домен (именно в нашем понимании) до X в. еще не существовал *{Фроянов,* 1974. С. 51). О развитом домениальном хозяйстве мы читаем в Правде Ярославичей, значит, XI в. и есть время формирования княжеского домена, во всяком случае, в южнорусских землях, где Ярослав Мудрый разделил земли между сыновьями. Иначе было в Западной Руси. В Полоцкой земле Всеслав Полоцкий (1044—1101) владел, по-видимому, всей Полоцкой землей и имел, вероятно, вотчины в озерном крае под Полоцком. И все-таки его личные земли, передающиеся по наследству, очертить нельзя: нет документов, а первоначально это было все Полоцкое княжество. Домениальные же земли его сыновей после 1101 г. вполне определимы. Они были вокруг тех центров княжества, которыми они теперь владели. Это были очерченные нами волости: Полоцкая (Давид), Друцкая (Борис), Минская (Глеб), Витебская (Святослав-Георгий?) и т.д. *(Алексеев,* 1975. С. 230 и ел.).

Смоленское княжество образовалось позднее и здесь было иначе. Святослав, направленный отцом в Смоленск, был номинальной фигурой *(Алексеев,* 19806. С. 112), его личные владения исчезли (если были), как только его власть прекратилась. Все изменилось с организацией Смоленского княжества вновь. Перед Вячеславом Ярославичем, конечно, сразу же возник вопрос о его материальном обеспечении. В 1054 г. дань варягам, как мы думаем, была снята и передана князю. Впрочем, она взималась, мы говорили, лишь с 12 пунктов *(Алексеев,* 1974д. С. 91; 19806. С. 45) и доходы этого рода были намного меньше, чем в XII в.

Основным источником, по которому удается в какой-то степени представить, как был устроен княжеский домен в XII в., является все тот же Устав Ростислава Смоленского. По нашей реконструкции этого документа *(Алексеев,* 1974) видно, что Ростислав поставил на первое место княжеских пожертвований новооткрытой епископии не десятину с даней, как было до него на Руси (начиная с десятинной церкви в Киеве), а со своих собственных владений - сел с людьми и угодий. Этот текст заключается даже специальной концовкой: "по велению святаго отца моего, чтож мога, тож даю". Таким образом, не только мысль об учреждении епископии в Смоленске, но и решение о передаче ей помимо доли с "общегосударственных" доходов-даней еще и княжеской собственности принадлежало отцу Ростислава - Мстиславу Владимировичу, также княжившему некогда в Смоленске (ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 232).

Это была его, несомненно, домениальная собственность, достаточно оформившаяся к XII в. Где же она находилась? Прежде всего, несомненно, вблизи Смоленска. Действительно, как видно по карте, село Дросенское располагалось от него к югу. Здесь установлено существование поселения XI-XV вв., в нижнем слое которого среди остатков срубных построек найдены днища сосудов с княжескими знаками XI-XII вв. *(Седов,* 1960. С. 31, 49, 127-128). Село Ясенское было на правом берегу

Днепра ниже Смоленска. Позднее там находился дворец "Ясена" и были какие-то пруды, которые в 1505 г. смолняне должны были засыпать *(Любавский,* 1892. С. 269). Погоновичи располагались к юго-западу от Смоленска при пересечении дороги на Мстиславль с рекой Погоновкой *(Седов,* 1960. С. 49). Судя по наименованию с патронимическим окончанием "ичи", это было не одно селение, а несколько, и епископии выделялась из них лишь земля (с людьми?) с. Моншинского. Следовавшие далее угодья также были разбросаны в разных местах. Озеро Немыкарское с сеножатями и "уезд княж" (охотничьи угодья) находились к юго-востоку от Смоленска, с. Свирковы Луки (ныне Свирколучье) также с лугами и "уездом княжим" были от Смоленска к востоку, оз. Колодарское, по П.В. Голубовскому, было между Смоленском и Дорогобужем. Конечно, у князя земель было значительно больше, чем он передавал церкви, но о них сведений нет. Отметим лишь, что села, поступавшие епископу, находились к юго-западу от Смоленска, угодья же - к востоку.

Чем объяснить, что епископ получал не компактный большой участок, а небольшие территории в разных местах? Очевидно, тем, что сам княжеский домен вблизи Смоленска не был единым. Княжеская власть возникла здесь в XI в., в городе, который до этого управлялся старейшинами и посадниками, и сильно заселенные его окрестности не могли в XI в. не быть в значительной мере офеодализированными. Здесь интересны наблюдения П.Н. Третьякова, установившего, что на берегах Днепра ниже Смоленска и к югу от него на нижнем Соже расположено большое количество сильно укрепленных городищ средневекового времени. Как и в Новгороде, княжеская власть в Смоленске была "вторичным" явлением *(Янин, Алешковский,* 1971). Домен смоленского князя вблизи столицы был, следовательно, "втиснут" среди местных владельческих сел. Видимо, частично захватывались земли еще сохранившихся здесь свободных общин, а часть земель, возможно, и покупалась. Княжеские земли чересполосно располагались среди владений местных феодалов, что и отразилось в Уставе Ростислава Смоленского.

Не будем думать, что домен князя вблизи Смоленска все домонгольское время оставался неизменным. У нас есть данные о том, что в XII в. он продолжал расти и расширяться. В уставе 1136 г. среди смоленских данщиков упоминаются Мирятичи и не упомянут Краен. Река Мерея сливается с р. Свиной в пределах города Краен Смоленской губ.

Вместе с тем под 1165 г. летопись сообщает о передаче Ростиславом Мстиславичем (тогда уже киевским князем) Василева и Красна "Романови Вячиславлю внуку" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 525). Так как в тексте перед этим упоминается Витебск, то совершенно очевидно, что здесь идет речь о Смоленской земле (а не о Киевской, где тоже есть Василев и Краен). Как определено В.В. Седовым, остатки древнего смоленского Красна следует видеть в городище Зверовичи в 12 км от современного Красна, а Василева - в 3 км от д. Васильево (имение Пестелей), неподалеку от Красного на Вехре *(Седов,* 1962. С. 17-18). Оба эти пункта не были городами, так как в конце XII—XIII в. не платили смоленскому епископу "погородья" *(Щапов,* 1976. С. 146; *Алексеев,* 1979. С. 99, табл. 2), несомненно, это феодальные центры в той самой волости, которая в 1136 г. называлась Мирятичи. Они, догадываемся мы, теперь принадлежат разросшемуся княжескому домену, поглотившему волость Мирятичей, и князь Ростислав мог передать их во владение по своему усмотрению. Так в XII в. домен смоленского князя расширился за счет сравнительно плодородных земель к западу от Смоленска.

Все же мало вероятно, чтобы домен, "втиснутый", как мы сказали, среди земель коренной смоленской знати, обладал размерами, удовлетворяющими смоленских князей, семья которых разрасталась. Из летописи видно, что в других княжествах домениальные земли князя часто были удалены от основного княжеского центра, и в этом удалении имели сравнительно компактный характер. В ростовском Ополье, например, Мономах вынес свои владения на Клязьму, где основал город своего имени и противопоставлял его "боярско-вечевому Ростову" *(Янин, Алешковский,* 1971. С. 46). Его сын, Юрий Долгорукий, обменивая у брата Ярополка киевского Переяславль-Русский на земли своего княжества, "вда [ему] Суздаль и Ростов и протчую волость свою, но не всю". (ПСРЛ, 1927. Т. 1. С. 302). Город Владимир не назван, он, следовательно, оставался за Долгоруким как его центр домениальных владений. Когда Изяслав Мстиславич Полоцкий был переведен в Переяславль и полочане его изгнали, выясняется, что у него оставались только "передни* волости его" - окраинный Минск, к которому Ярополк и добавил Туров и Пинск (1132 г.) (ПСРЛ, 1927. Т. 1). Видимо, в период насильственного княжения Изяслава Мстиславича в Полоцке (полоцкие князья тогда были изгнаны в Византию) *(Алексеев,* 1966. С. 261-264) Минск и окружающие его сильно заселенные земли рассматривались как княжеские домениальные владения. То же и на юге. При походе на Чернигов в 1148 г., разграбив села Ольговичей под городом, "нача Изяслав (Мстиславич) молвити: се есмы их пожгли вся... а пойдем к Любечу, идеже их есть вся жизнь..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 361). Речь и здесь, следовательно, идет об отдаленной части княжеского домена.

Где же могли быть подобные земли в Смоленском княжестве? Как мне уже приходилось писать *(Алексеев,* 1976. С. 56), весь север страны от правого берега Днепра исключается, ибо именно там

были волости, выплачивавшие смоленскому князю дань {*Алексеев,* 1974д. С. 96). Этой же данью были охвачены земли по верхней Десне - область Дешнян, волость Пацынь и Заруб, а позднее и западные земли вятичей *(Алексеев,* 1974д. С. 105; см. также: *Алексеев,* 19806. С. 45, табл. 1; 47, 48). Помимо земель вокруг Смоленска (их характер нами выяснен), в Устав Ростислава 1136 г. не включена полоса поселений, тянущихся, судя по курганным скоплениям, с перерывом лесными массивами от Дорогобужа к юго-западу, вдоль бассейнов Остра и Сожа (на Соже лишь два пункта платили мизерную дань - Прупой и Кречут, которую собирали явно не с окрестного многочисленного населения, а с проезжающих по этой реке) вплоть до Днепра в юго-западной части Смоленской земли. Что было в XII в. вокруг Дорогобужа (его окрестности, судя по курганам, были заселены очень плотно), мы не знаем, но остальная территория по Сожу и Остру, по-видимому, и относится к тем землям, где следует искать княжеский "удаленный от Смоленска" домен. О наличии именно таких земель здесь прежде всего сигнализируют топонимы, соименные смоленским князьям, - города Мстиславль и Ростиславль (ныне Рославль), не упомянутые в Уставе 1136 г., но фигурирующие в грамоте о Погородье и Почестье 1211-1218 гг. *(Алексеев,* 19806. С. 24, 25). По внешним признакам и даже по абсолютной величине детинцы того и другого центра крайне близки *(Алексеев,* 19936. С. 218, рис. 1; 1974а. С. 83, рис. 26). Раскопки показали, что они выстроены во второй четверти - середине XII в. и оба представляли солидные крепости с внушительной фортификационной системой. В Рославле (Ростиславле), погибшем первоначально от пожара, найдено костяное навершие с княжеским знаком, близким к тамгам князя Всеволода Ярославича (отца Владимира Мономаха) (1078-1093) и его правнука Ростислава Смоленского, а обломок деревянной "дружинной" чаши с рисунком воинов, "распревшихся" с князем, как бы указывает на дружинные княжеские пиры (см. рис. 67; *Алексеев,* 1974а. С. 89, рис. 30).

Наша мысль об удаленной от Смоленска части княжеского домена не вышла бы за пределы чистых предположений, если бы не один крайне важный текст летописи, на который обычно не обращается внимания. Под 1154 г. мы читаем: «Пошел Дюрди в Русь, слышав смерть Изяславлю и бысть ему противу Смоленску весть: "брат ти умерл Вячеслав, а Ростислав побежен, а Изяслав Давыдович седить Киеве..."». Узнав это, "Гюрги поиде к волости Ростиславли. Ростислав же, слыша то, и тако скупя вой своя многое множьство, испочин полки своя и поиде противу ему к Зарою..." (ПСРЛ, 1962. Стб. 476, 477). Положение, следовательно, было таково: в то время, когда, узнав о смерти киевского Изяслава Мстиславича, Юрий Долгорукий двинулся из Ростово-Суздальской земли в "Русь", в Киеве произошли следующие события. В городе возникло двоевластие престарелого Вячеслава Владимировича (сына Мономаха) и его племянника Ростислава Мстиславича, переехавшего из Смоленска в Киев. Предстояло разбить под Черниговом Ольговичей и Давыдовичей, чтобы обезопасить Киев от постронних претендентов на стол (по крайней мере, до прихода Юрия). Но внезапно умер Вячеслав, и Ростиславу пришлось бросить войско и вернуться на похороны дяди. Наскоро раздав имущество Вячеслава, Ростислав выехал к своему войску, но черниговцам уже помогали половцы. Он был разбит, едва не погиб, перебрался ниже Любеча через Днепр и ушел в свои смоленские владения. Любопытно, что Долгорукий своим путем в Русь избрал не обычный путь через вятичей (что было ближе, но труднее из-за отсутствия попутного течения рек), а через враждебный Смоленск, видимо, зная, что Ростислава там нет.

Однако в Смоленске уже знали о киевских событиях, и суздальский князь пошел иным путем, теперь кратчайшим - тем, по которому через 16 лет везли в Киев умирающего Ростислава. Что это за "волость Ростиславля", к которой повернул Долгорукий? Он ведь находился у Смоленска, и "волость" не могла здесь означать все Смоленское княжество. Что это за "Зарой", у которого произошла встреча, а затем и примирение двух князей? Зарой - несомненно, описка вместо "Заруб" (Зароя в топонимии Смоленской земли нет, а топоним "Разрытый", принятый с легкой руки П.В. Голубовского даже А.Н. Насоновым (1951. С. 172), неубедителен из-за антитезы смысла). Текст летописи о том, что Ростислав, услыхав о движении Долгорукого к его "волости", "скупи воя своя ... и поиде противу ему" к Зарубу (не в догонку, если бы Ростислав был в Смоленске), показывает, что когда Юрий подошел к Смоленску, Ростислава там не было. Он, видимо, находился в своих домениальных вотчинах, удаленных от Смоленска (в южной Смоленщине), куда прибыл только что после бегства из-под Чернигова и собирал свои расстроенные полки. "Волостью Ростислава", таким образом, летописец именует не все Смоленское княжество, а его удаленные от Смоленска домениальные земли, где Ростислав отстроил город своего имени - Ростиславль (Рославль), а затем и второй домениальный город - Мстиславль, названный в честь его отца.

Так подтверждается наша мысль о существовании домениальных земель смоленского князя не только у Смоленска, но и в отдалении от него. Добавим в скобках, что здесь же, у владений Ростислава на юге княжества находились и владельческие села его семьи: Заруб, как показал П.А. Раппопорт, было имение его сестры Рогнеды (ныне — Рогнедино). Заруб - это название не села, а, по-видимому,

области. По И.И. Срезневскому, "зарубати" - заваливать, засекать, преграждать дорогу, по "Словарю русского языка XI-XVII вв." (1978. Т. 5. С. 289, 290) - "заделать что-либо деревом", "Зарубъ" - "засека, укрепление из поваленных деревьев". Мысль П.А. Раппопорта о том, что Заруб - это городище Осовик, как мы показали, неверна *(Алексеев,* 1976а. С. 57, 58) и основана на незнакомстве ученого с положением Осовика на карте. По-видимому, Заруб - это область, где протянулась граница, разделявшая в проезжих местах смоленские земли от черниговских, где находились деревянные срубленные из стволов укрепления, препятствующие проникновению неприятельских войск в чужие пределы.

Изложенное показывает, что домениальные земли западнорусских князей действительно существовали, и их характер зависел от того, когда они возникали. Если в X в. отдельных домениальных владений у князей еще не было, в XI в. эти владения были еще небольшими и умещались на территории вблизи княжеского города среди земель прочей владетельной знати, то в XII в. княжеские домениальные земли крайне разрослись, для них тем или иным способом удавалось получить отдельную территорию в удалении от стольного города.

Очерк четвертый
Городские центры великокняжеской поры

"Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси..."

ВО. Ключевский

Гнёздовская эпоха Западной Руси с ее торговыми путями и "городками" на них внесла в формирующуюся страну мощные экономические изменения. Крестьянское ремесло окончательно отделилось теперь от земледелия, с которым пришли сюда предыдущие поколения, возник рынок, явились люди, только и занимавшиеся торговлей, - новый класс торговцев-купцов. "Городки" на путях, где все более скапливалось ценностей торговли и междоусобных войн местных князьков, становились крупными центрами княжеской власти, требовали новых, уже мощных укреплений и, как мы видели, чаще переносились в соседние или близлежащие неприступные, огороженные стенами, места. Так в XI в., в конце гнёздовской эпохи, стали возникать большие укрепленные центры, именуемые нами, при наличии рядом ремесленного посада, "городами" (от глагола "городить", "огораживать").

Как нам уже приходилось писать *(Алексеев,* 1966а. С. 132), "если экономические причины возникновения городов были едины, то конкретные пути их появления могли быть разными ... Город возникал именно там, где ремесленная продукция могла найти себе сбыт. Для его конкретного возникновения, по меньшей мере, необходимы были два обстоятельства: торгово-транзитный путь, обеспечивающий ремесленнику бесперебойный сбыт товаров, и наличие укрепленного пункта, гарантирующего его безопасность. Последним мог быть и замок феодала, и монастырь, и даже племенной центр со святилищем, если таковой укреплен. Так, очевидно, возникали крупнейшие древнерусские города: Киев, Новгород, Псков", на нашей территории - гнёздовский Смоленск, Полоцк, Минск, Витебск, Друцк и т.д.

Вопрос о времени и путях возникновения городов - центров ремесла и торговли, администрации и пр. может быть решен, и, по-видимому, более или менее окончательно. В процессе городообразования существуют две важные стадии.

Первая - предгородская (наши "городки"), когда в IX-X вв. в разных местах появляются неземледельческие торговые образования. Это были центры "кристаллизации военно-дружинного и торгового сословий, а также пункты становления древнерусского ремесла. Протогорода, основу населения которых составляли представители того племени, в ареале которого они возникли, охотно принимали в состав жителей иноплеменников" *(Седов,* 1999а. С. 214). Это были племенные центры - "города" дофеодальной эпохи, о которых в свое время говорил СВ. Юшков (1939. С. 21). Подобными предгородами, или "протогородами", как их называет В.В. Седов (2002), кроме названного Изборска, были Псковское городище - мыс при впадении в р. Великую р. Псковы, городище Камно *(Плоткин,* 1974. С. 13-16) на берегу Псковского озера, гнёздовский Смоленск *(Алексеев,* 19806. С. 136-146), Полоцкое раннее городище на р. Полоте *(Штыхаў,* 1963. С. 63-72; *Штыхов,* 1975. С. 21-27), древнейший Минск на р. Менке *(Загорулъский,* 1982. С. 30-63) (правда, этот исследователь его прагородом Минска не считает, о чем ниже) и т.д.

Плодотворна мысль И.Я. Фроянова (1999. С. 89), что многие "первые русские города выросли из племенных центров. Потом, когда утвердилась княжеская власть, в качестве градостроителей начали выступать князья. Но сначала они строили города-крепости для обеспечения обороны, из которых в будущем, при благоприятных обстоятельствах могли возникнуть города". Далее он пишет о первой городской (предгородской) стадии: "С расцветом внешней торговли на особенно оживленных и бойких местах торгового оборота вы-

растали поселки городского типа". Однако нельзя забывать, что многие племенные более ранние "городки" теперь постоянно оказывались перенесенными, превратившимися в города. На наших землях блестящий гнёздовский Смоленск, отнесённый на десяток километров выше по Днепру, до середины XI в. "заглох", видимо, обустраивался, и вошел в силу лишь в 1054 г. с образованием Смоленского княжества.

Как показывают археологические исследования, эти перенесенные на новое место городские центры становились очень скоро действительно городами, о чем свидетельствует прежде всего обширная укрепленная вновь территория, необходимая для большого количества людей, судя по находкам, занимающихся теперь не чистым земледелием, а главным образом ремеслом и, следовательно, торговлей, без которой не могло развиваться ремесло, требующее всегда рынка сбыта продукции. Не случайно города в большинстве случаев возникали в одно время - в конце X - начале XI в., т.е. в конце гнёздовской поры. Уже М.Н. Тихомиров, исходя из летописи, отметил, что XI в. был веком бурного роста городов на Руси, в XII в. их количество доходит до 134 (при 89 более ранних) *(Тихомиров,* 1956. С. 36). Благодаря раскопкам, мы знаем, что в наших землях в конце гнёздовского времени возникло около десятка центров "городского" типа[1], раза в полтора более - в XI в.[2] Примерно такое же количество прибавилось и в XII в.[3] Причем прослеживается четкая закономерность: города позднегнёздовского времени основываются в районе древнейших путей Днепр-Двина (где были "городки"). В XI в. территория их распространения расширяется на "Черную Русь" и в Смоленскую землю, и, частично, в Черниговскую. В XII в. территория образования городов перемещается в Смоленскую землю, вступающую в эпоху расцвета.

В заключение остановимся на трудностях, с которыми связано исследование раннесредневековых городов Западной Руси. Древние города с их обилием из слоя в слой повторяющихся вещей - кажущийся лакомый кусок для многих исследователей, стремящихся скорее создать книгу, защитить диссертацию и т.д. После этого объект, раскопанный лишь частично и ответивший на самые общие вопросы (время возникновения, планировка строений на данном участке, свидетельства о ремесле и частично торговле - все, что дает каждый городской объект, без выяснения его специфики), исследователь бросает, переходит к другому подобному объекту и ведет точно такое же поверхностное исследование. Эта порочная практика охватила ныне почти всех археологов-медиевистов Белоруссии, где начаты раскопки большинства имеющихся великокняжеских городов. Я уже говорил о том, что памятники этого рода иногда раскапываются разными исследователями (одновременно или последовательно) и что из этого получается.

Работая над нашей темой обобщающего характера, мы столкнулись и с трудностями, связанными с неудовлетворительной публикацией раскопанного материала. Особенно это касается, как пишут авторы, "материальной культуры" (подразумевая под этим найденные в раскопках вещи и, забывая при этом, что все, что найдено в раскопах - остатки построек, мостовых и т.д. - это тоже "материальная культура"). Вещи описываются суммарно, часто с рисунками, но абсолютно без намека на паспорт каждой, а датируются без общих аналогий, лишь со ссылкой на датировки подобных предметов при раскопках Б.А. Колчина в Новгороде. Трудно представить и связь найденных вещей со слоем, где они обнаружены. В результате нам приходится довольствоваться лишь "таблицей" ремесел, о наличии которых свидетельствует тот или иной город, а это крайне мало! Специфику ремесел в том или ином городе увидеть, естественно, не удается. А ведь наверняка для каждого города (или для многих городов) характерно превалирование одних видов ремесел над другими.

Учитывая все сказанное, исходя из стремления дать максимальное представление, хотя бы о некоторых (княжеских) городах Западной Руси, автор решил в данном очерке дать подробное описание раскопанных некогда им двух почти разновременных городов. Один из них, Друцк, возник на рубеже X-XI вв. на месте более раннего негородского поселения, другой, Мстиславль, основан почти на полтора столетия позднее - в середине XII в. на незаселенном месте. Однако не приходится говорить, что в этой монографии описание раскопок данных городов не может быть исчерпывающим, это предмет отдельной монографии.

---

1 *Полоцкая земля:* Полоцк, Минск на Свислочи, Витебск, Лукомль, Друцк, Изяславль. *Туровская земля:* Туров, Клецк, Рогачев.

2 *Полоцкая земля:* Логожеск, Копысь, Орша. *"Чёрная Русь":* Гродно, Новогрудок, Слоним, Берестье, Волковыск, Турийск. *Турово-Пинская земля:* Пинск, Клецк, Чарторыйск. *Смоленская земля:* княжеский Смоленск, Торопец, Жижец, *Черниговская земля:* Гомель, Речица (?).

3 *Полоцкая земля:* Борисов. *Турово-Пинская земля:* Давид-Городок, Мозырь. *Смоленская земля:* Вержавск, Ростиславль (Рославль), Мстиславль, Ельна, Дорогобуж, Кричев, Пропошеск (Славгород), Ржевка (Ржев).

Города Полоцких земель

Полоцк

Крупный древнерусский торговый и культурный центр на Западной Двине, город Полоцк был известен на Руси и на Западе, как мы говорили, еще с гнёздовского времени. В течение всего домонгольского времени сюда, к устью р. Полоты подплывали ладьи и небольшие корабли с восточными, византийскими, западноевропейскими товарами. В этом "западнорусском Новгороде" раздавалась речь на многих языках. Во всю домонгольскую эпоху значение его было особенно велико - и в X - начале XI в., когда город был еще на "гнёздовской стадии" и его крепость высилась на "Городище", и в XII-XIII вв., когда его освоили западноевропейские купцы, с возвышением Смоленска и построением Риги в 1201 г.

В XI в. город был перенесен на новое место, к самому устью Полоты, где на высоком мысу можно было возвести более мощные укрепления, охватывающие значительно большую площадь, чем площадь на "Городище" (рис. 22). Мы видели на примере ряда памятников, что "гнёздовский этап" истории западнорусских земель повсеместно окончился в начале, первой половине XI в. Так, видимо, было и с Полоцком. В свое время, когда я еще не

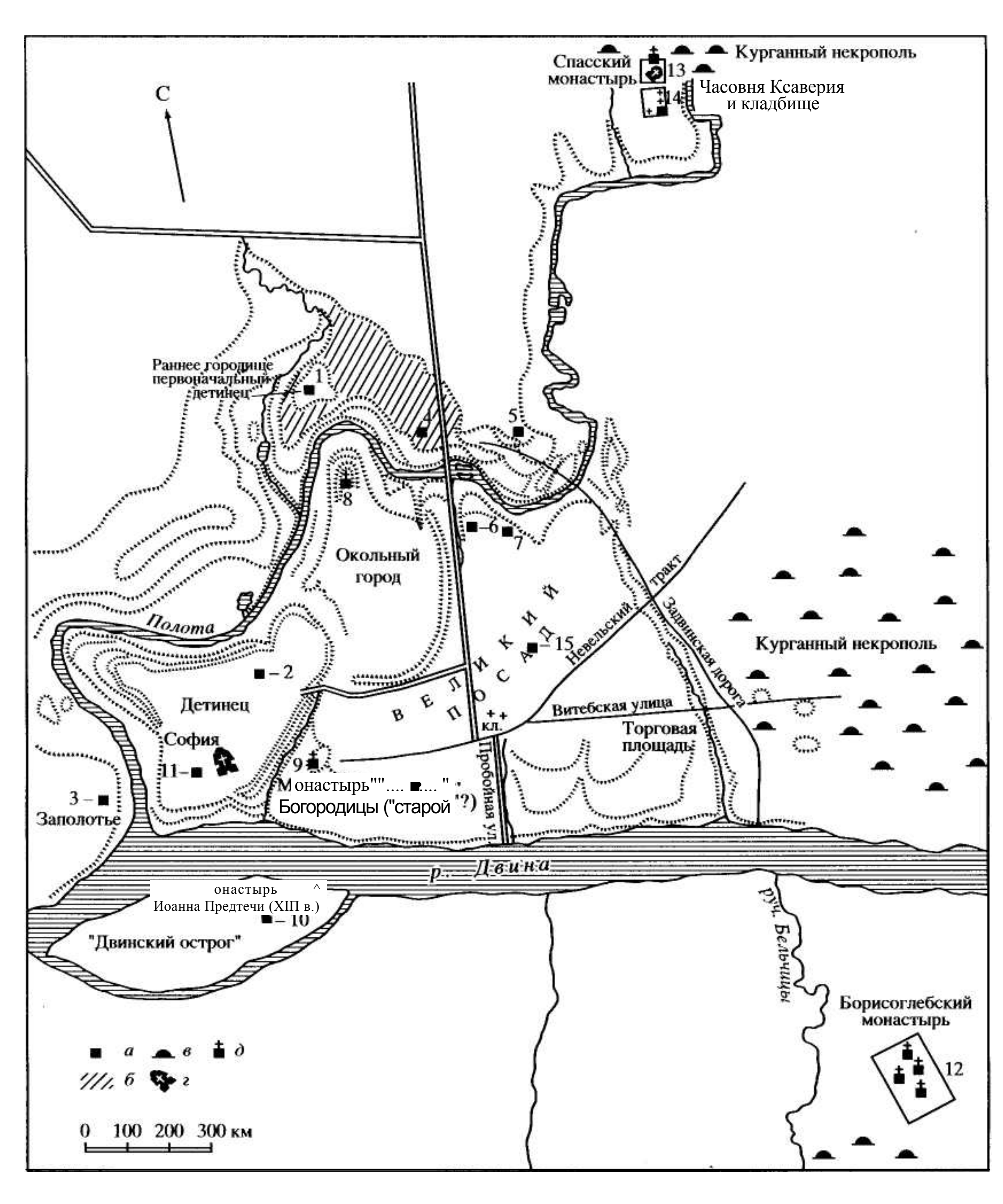


Рис. 22. Полоцк XI-XII вв. План. Реконструкция автора

занимался вплотную гнёздовским временем западнорусских земель, я считал, что слой X в., обнаруженный на Верхнем Замке Полоцка показывает, что полоцкий князь из родоплеменной династии Полоцка «может считаться последним владельцем древней цитадели (на "Городище"). Князья - потомки Рогнеды и Владимира - не восстанавливали укреплений города, разрушенных последним. Обосновываясь в конце X в. в Полоцке они возвели новую крепость на более удобном месте" *(Алексеев,* 1966. С. 136). Г.В. Штыхов предположил, что это произошло в начале XI в. *(Штыхов,* 1975. С. 33). Все же представляется, что, озабоченный массовой христианизацией страны с ожесточенно сопротивляющимся населением, еще достаточно слабый, вынужденный после разгрома Ярославом Мудрым (1021 г.) ходить у него всегда на поводу (об этом речь впереди), Брячислав Изяславич Полоцкий (1001-1044) не был в состоянии взяться за строительство мощнейшей крепости на Замковой горе в Полоцке, подобной той, которую соорудил его сын на верхней Свислочи, назвав Минском. Раскопки Э.М. Загорульского развернули перед нами грандиозную картину строительства этой крепости Всеславом в 1063—1066 гг. *(Загорульский,* 1982). Нам кажется, что именно Всеслав, а не кто другой, построил крепость на Замковой горе в Полоцке и Софийский собор. Это могло произойти только в первые 16 лет его княжения (1044-1060), когда летописи молчат о деятельности этого энергичного молодого князя, полного авантюризма.

Хотелось бы думать, что при будущих целенаправленных раскопках Полоцка белорусские археологи найдут остатки домонгольских полоцких укреплений[4], и станет ясно, насколько я прав, приписывая их сооружение не Брячиславу, а Всеславу. К его деятельности в Полоцке мы и перейдем.

Эпоха этого князя, прокняжившего 57 лет, внесла много нового. Был отстроен Минск на Свислочи и населен "женами и детьми" с их мужьями и отцами, переселенными с Менки. На полоцком детинце в 1062-1066 гг. византийцы воздвигли Софийский собор *(Алексеев,* 1996в. С. 97). Тем самым Полоцк демонстрировал свой отказ после ссоры 1060 г. (см. книгу 2) от подчинения Киеву. О дальнейших планах Всеслава мы ничего не знаем. Больше строить в своей земле заметных сооружений ему не пришлось - южнорусские князья начали ответные действия против "ослушника", презревшего договор его отца с Ярославом Мудрым (1021 г.), и вторая четверть XI в. обернулась для Полоцка сплошными войнами.

Сведения о Полоцке после смерти Всеслава продолжают быть скупыми, хотя мы знаем, что в городе его сыновья начали довольно большое церковное строительство. В начале XII в. был отстроен монастырь св. Бориса и Глеба на Бельчицах, который строили теперь, правда, не византийские мастера, но киевские. Это было время, когда братья Всеславичи выдавали свою сестру (видимо, от второй жены Всеслава) замуж за сына византийского императора (1106 г. - *Мошин,* 1947. С. 83), между Византией и Полоцком ездили послы для переговоров, Полоцк должен был "хорошо выглядеть", и братья занимались строительством: кроме указанного монастыря возводили новую усыпальницу для епископов с мозаичными полами и стенами, покрытыми фреской и мозаикой (Георгиевский храм в Преображенском монастыре) и т.д. *(Алексеев,* 1996в. С. 99-105). По нашему предположению, именно в это время пятеро Всеславичей (Глеб Минский был с ними в ссоре и строил у себя) на своих дворах полоцких возводили каменные храмы, и именно друцкий Борис Всеславич на Нижнем замке возводил храм Бориса и Глеба *(Алексеев,* 1996в. С. 105).

Иная жизнь началась в Полоцке в конце жизни сыновей Всеслава, в 1120-х годах. Как свидетельствует В.Н. Татищев (1963. Т. 2. С. 134), полоцкие князья перессорились между собой, и их усмирял Владимир Мономах киевский (1121 г.). "Великое беспокойство" между полоцкими князьями продолжалось и далее - они непрестанно нападали и разоряли "области, данные братиям и сынам его", что в 1127 г. вызвало большой поход южнорусских князей на полоцких *(Татищев,* 1963. С. 139-140; ПСРЛ, 1927. Т. 1. Стб. 297-299). Поход окончился договором, вместо полоцкого князя Давида Всеславича на полоцкий стол был посажен Борис-Рогволод Всеславич, князь друцкий, но он через год умер, полоцкие князья отказались слушаться киевского князя Мстислава Владимировича и были высланы в Византию.

В Полоцке возникли новые буйства: полочане не захотели подчиняться киевскому ставленнику, изгнали его, посадили на стол некоего Василька Святославича (Витебского?) "и не бе мира с ними (псковичами) ни съ суждальцы, ни съ смольянами, ем съ полоцяны...". - восклицал летописец (НПЛ, 1950. С. 25, 210).

Положение несколько укрепилось лишь по возвращении полоцких княжичей в 1140 г. (их родители, видимо, умерли в Византии). Это были уже совсем иные люди. Они получили свои владения, отобранные у родителей, в Полоцке вокняжился сын друцкого Бориса-Рогволода Всеславича Рогволод Борисович. В земле вокняжились внуки Всеслава.

Среди них выделялась дочь Георгия (Святослава?) Всеславича Предслава (в монашестве Евфросинья), рано возмужавшая, талантливая и энергичная. Ей принадлежит строительство в Полоцке Спасского храма в Преображенском монастыре,

[4] Сейчас случайно обнаружены лишь небольшие их остатки *(Тарасаў,* 1998. С. 40).

который она воздвигла на месте старой деревянной усыпальницы епископов (их останки давно покоились в новой усыпальнице - Георгиевском соборе того же монастыря). Она окружила себя талантливыми людьми, из которых первое место занял зодчий Иоанн - монах, по-видимому, Бельчицкого монастыря, который еще раньше построил там два храма. Отстроив этот храм, возведя неподалеку от своего Преображенского монастыря монастырь мужской, посвященный Пресвятой Богородице, где тот же зодчий Иоанн возвел новый храм, вложив в свой Спас-Евфросиниевский храм созданный ее иждивением роскошный золотой крест (1161), она отправилась оканчивать жизнь в далекий Иерусалим, где и умерла в 1173 г.

Бурные события в Полоцке происходили в 1150-х годах. Рогволод Борисович в 1151 г. был свергнут двоюродными братьями, минскими князьями. В Полоцке воцарился Ростислав Глебович минский, а Рогволод Борисович был заключен в минскую тюрьму. Что происходило во время княжения Глебовичей в Полоцке и в Полоцкой земле, мы не знаем. Можно думать, что сначала полочане приняли нового князя с радостью (надеясь на какие-либо послабления, если они, конечно, были), а к концу 1150-х годов увидели, что и этот князь - "не золото". Во всяком случае, когда Рогволод, бежавший из Минска с помощью принявших его как своего князя дрючан, ссылался с полочанами, те радостно изгнали Рогволода и приняли прежнего князя (см. подробнее книгу 2).

Борьба за Полоцк между князьями все же продолжалась. Проиграв битву, Рогволод сбежал от войска, на полоцкий стол садится новый потомок Всеслава (но потомки его не удерживались на полоцком столе). Расцветшая было полоцкая школа зодчих не получала заказов, в городе из камня строили мало - из-за войны, не было, видимо, денег. Усиливалось полоцкое вече, грозило свергнуть князей. "Пригороды" полностью подчинялись Полоцку - это был центр земли, власть же князя слабела с каждым годом. В конце XII в. в Полоцке сидит какой-то Владимир (Вольдемар Генриха Латвийского). Власть в городе принадлежала крупным боярам, по их подсказке приглашались князья. В XIII в. Полоцк был захвачен Литвой - в 1239 г. там еще сидел князь Брячислав, тесть Александра Невского (НПЛ, 1950. С. 77, 289), а в 1262 г. там оказывается литовский князь Товтивил (НПЛ, 1950. С. 312), которого в следующем году "убоици МИНДОВГОВ-Б" тоже убили ("добра князя Полотскаго" - НПЛ, 1950. С. 313).

Такова история Полоцка, вырисовывающаяся кратко по письменным источникам. Перейдем к памятникам археологическим.

Итак, "городок на Полоте" (его давно уже именовали "Полотеск") в XI в. не удовлетворял и был перенесен в новую только что выстроенную крепость по соседству, на высокой горе над устьем Полоты - неприступном месте (рис. 23). "Полоцк - город, сильно укрепленный самою природою и искусством", - писал участник похода Батория на Полоцк в 1579 г. Р. Гейденштейн. "Взбираться через огонь на столь крутой холм оказалось трудным и опасным" {*Гейденштейн,* 1889. С. 71, 44). Источником по топографии города являются свидетельства Лебедевской летописи (ПСРЛ, 1965. Т. 29.), "Полоцкой ревизии 1552 г." (1905. С. 1-27) и ряд других источников. Топография Полоцка интересовала авторов еще в конце XVIII - начале XIX в.: "Укрепления Полоцка ничего почти не значат, - писал А. Щекатов. - С приезду в оной от Санкт-Петербурга находится земляной замок, которой для крутого берега р. Полоты, в северную сторону под ним текущей, и двинского берега крепкое имеет положение, но он оставлен был без надлежащего призрения. Сие укрепление сделано было Стефаном Баторием. Вал, окружающий весь город, также весьма унизился" {*Щекатов,* 1805. Т. 4. С. 1237-1238). Отметим еще любопытное свидетельство. Оказывается, гора, где ныне "Верхний замок", издревле называлась "Черной" (ПСРЛ, 1965. Т. 29. С. 306). Черным именовался и ручей, омывавший ее с северо-востока (Викентьев, 1910)5.

ОПИСАНИЕ ПОХОДА ИВАНА ГРОЗНОГО - ИСТОЧНИК ТОПОГРАФИИ ПОЛОЦКА. Особенно много для топографии Полоцка дает описание похода Иоанна Грозного на Полоцк в 1563 г. (ПСРЛ, 1965. Т. 29. С. 304-313). Этот замечательный источник, впервые использованный мною по выходе летописи из печати {*Алексеев,* 1966а. С. 136-138), позволяет провести подробный анализ всего, что относится к настоящей теме, и в той последовательности, как это рассказано летописцем по рассказам участника похода либо по каким-то архивным данным.

Отслужив молебен в Великих Луках, прорубив перед этим места "тесные и непроходные" (дорога "л-ьсна и тесна"), царь двинул свои полки в "путное шествие" к Полоцку. Прознав о походе, полочане "затворишася во *граде* и в *остроге* со всеми людьми Полоцкого повета". В воскресенье 31 января войска подошли к Полоцку с севера. Раздавая указание, где стать войскам, часть их Иван Грозный направил за р. Полоту "к Спасу в Шорошкове". Воеводы правой руки стали за Двиной на Черствятской дороге против *Острова* и *Кривцовской слободы.* Воеводы Передового полка были направлены за Двину на *Виленскую дорогу* против *Якиманской слободы.* Яртуолский полк, перейдя Полоту,

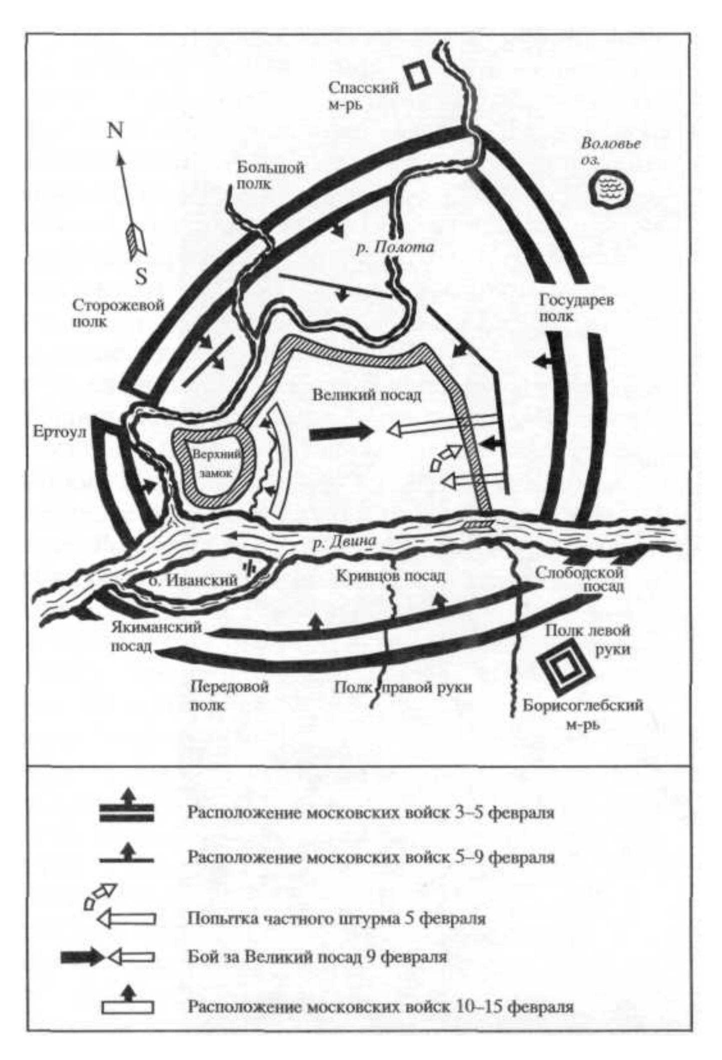
[5] Археологу ясно, что гора именовалась по цвету ее культурного слоя, который обнаруживался при копании.

Рис. 23. Полоцк. Детинец. XI-XIII вв. Фото автора, 1956 г.

ставился в ее устье против *Черной горы* и *Ложных ворот* (рис. 24).

Царь шел с севера и, "прошед *Егорий Святый* и увиде в городе Полотцске верх церькви Софии", приказал, во всех полках "чтобы п-Ьвъ молебны, и прося у Бога помощи, знамена бы разверт-Ьли" (ПСРЛ, 1965. Т. 29. С. 304-306). Заняв несколько страниц текста рядом рассуждений, летописец, по-видимому, из другого источника (в начале он несколько повторил предыдущий) продолжил рассказ. Мы узнаем, что за два часа до вечера царь двинулся "на стан" за Двину *мимо города* в Бельчицкий монастырь. Здесь его люди уже пожгли кельи и теплой осталась только "монастырская братская пеколна" - пекарня (И.И. Срезневский). Отужинав, Иоанн ночевал в ней (несмотря даже на то, что перед его прибытием в сени пеколни даже угодил снаряд).

В этот первый день разместились и другие войска: за Двиной "в берез-Ъх и *на острову"* закопались стрельцы; воеводы Левой Руки стали против



Рве. 24. Схема осады Полоцка Иоанном Грозным в феврале 1563 г. ***(Александров, Володихин,*** **1893)**

Духовских ворот на *Себежской дороге,* Сторожевой полк у *Плоские Лужи,* противу *Богоявленского Взвоза,* а "с Нарядом Болыпимъ стали воеводы меж *Георгия Святого* и *Волова Озера".*

На следующий день, 1 февраля "две Стрелецкие Головы" со стрельцами закопались в *Острове,* чтобы обстреливать *посад.*

Что до Ивана Грозного, то он в тот же день с "выборными дворянами" "-Ьздйл вкруг города", осматривал укрепления. А 3 февраля царская ставка вернулась из-за Двины ("река учала портитися"), царь стал у того же Георгия Великого (очевидно, в Спас-Евфросиниевском монастыре, тогда именовавшемся, видимо, Спас-Юрьевическим, как позднее именовалась вся эта местность), 4 и 5 февраля под выстрелами в разных местах ставили "туры" (машины для овладения стенами), в частности на Ивановском острове против Верхнего замка (видимо, предполагалось в нужный момент передвинуть и по льду). И еще: "А от Двины-реки, от курганов[6] велел государь ... воеводе князю Василию Семеновичу Серебряному поставити туры". В тот же день в *Остроге "над Двиною-рекою* стрелцы его прибору зажгли у острогу башню над Двиною-рекою и в ту башню ... влезли и в Острог вошли", но царь "из острогу велел их выслати - что не умысля пошли были к острогу..." (Здесь впервые упомянут полоцкий курганный могильник!)

Из следующих сообщений мы узнаем, что "Острог крепок, а рублен ... как и городская стена рублена, да и ров вокруг Острога от Полоты и до Двины д-влан и глубокъ". Тут же выясняется, что со стороны Двины *"острожной стены"* не было, однако наличие башни над Двиной, о которой мы говорили, показывает, что какая-то стена все-таки была.

Острог был велик: он сдался первым и из него вышло 3907 мужчин и 7253 "жонок и девок", а "обоева" - 11 160 человек, "а по воеводскимъ полкомъ и в татарские станы вышли из Острогу без числа" (ПСРЛ, 1965. Т. 29. С. 310).

Оставалось взять "Город", укрепленный много мощнее Острога. В субботу и в воскресенье 13 и 14 февраля пушки стреляли "без опочивания" день и ночь. 14-го ночью "часа два до света" из города кричали, что воевода полоцкой город сдает, а "за час до св-Ьта" это подтвердил, выйдя с иконами за ворота, полоцкий владыка Арсений. Так кончился победный поход Грозного царя на Полоцк. Что же мы получаем из его описания?

Составим реестр топонимов Полоцка, получаемый из этого источника, и постараемся вычленить те названия, которые относились к домонгольскому времени.

1. В Полоцке в 1563 г. были *град* и *острог,* где можно было затвориться при нападении врага.

2. За рекой Полотой находилась какая-то цер ковь *"Спаса в Шорошкове",* где можно было раз местить часть войска.

3. За Двиной, на ее левом берегу проходила *"Черствятская дорога",* на которой против Ост рова и Кривцовой слободы можно было размес тить воевод Правой руки.

4. За Двиной же (очевидно, несколько западнее) была *Якиманская слобода* (нынешняя Экимания), против которой на Виленской дороге можно было разместить Передовой полк.

5. На левой стороне Полоты (очевидно, у ее устья) находилась *"Черная гора"* с какими-то *"Ложными воротами".* На правой стороне Поло ты, против этой горы ставился Яртуолский полк.

6. Двигаясь от Невеля к Полоцку, войско неми нуемо проходило церковь святого Георгия (Егорий Святый), от которой уже была видна Полоц кая София.

7. На левой стороне Двины находился Бельчицкий монастырь (мы знаем, что он расположен был выше города). Там заночевал Грозный.

8. Упомянутый *Остров* на Двине был достаточ но велик, и там закопались на ночь стрельцы.

[6] Курганы над Двиной хорошо видны на рисунке С. Пахоловицкого {*Алексеев,* 1966а. Рис. 25).

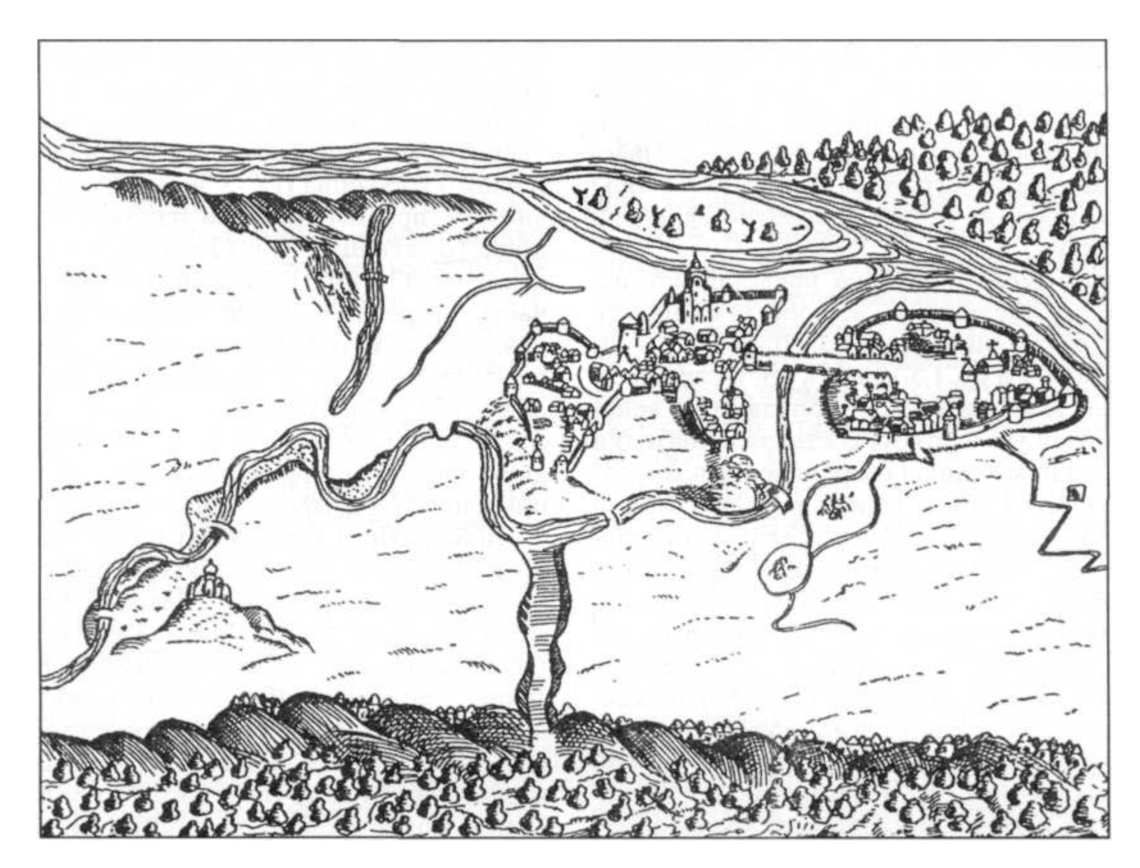


Рис. 25. План Полоцка по гравюре С. Пахоловицкого. Вокруг города еще сохранялись курганы

9. С запада к Полоцку подходила *Себежская дорога,* против которой были *Духовские ворота,* где был поставлен полк Левой Руки.

10. Существовал еще топоним *"Плоская Лужа"* - там был поставлен Сторожевой полк, против которого был *"Богоявленский взвоз".*

11. Неподалеку от существующего и ныне *Волова озера* находилась церковь *Георгия Святого,* именуемая иначе *Георгий (Егорий) Великий,* между ними были поставлены воеводы с "Нарядом большим".

12. У Двины-реки находились некие курганы, возле которых князь В.С. Серебряный ставил "туры" (очевидно, деревянные башни на катках с мешками земли внутри, их потом пододвигали под обстрел и за ними прятались).

К древним, домонгольским временам относилась, прежде всего, Замковая гора, находившаяся на правом высоком берегу Западной Двины. В разбираемом документе она, несомненно, именуется как *Черная гора:* в восточной части из нее вытекает Черный ручей, именуемый так еще в 1910 г. *(Викентьев,* **1910.** План Полоцка). Она имела в 1563 г., очевидно, Ложные ворота и, вероятно, на нее вел тогда "Богоявленский взвоз". Границей всякого домонгольского города был, как правило, курганный могильник. Так было и здесь, и можно думать, что некрополь этот был достаточно велик и вероятно даже охватывал определенную территорию между Западной Двиной и Полотой. Действительно, на плане С. Пахоловицкого 1579 г. большое курганное поле показано на правом берегу Западной Двины (а также и в лесной зоне за Спасо-Евфросиниевским монастырем; рис. 25). На месте двинской группы курганов планы XVIII в. помещали сохранившиеся еще тогда насыпи *(Ляўдански,* 19306. С. 163). И именно здесь в 1956 г. при строительстве швейной фабрики был найден в земле меч *(Поболь,* 1960. С. 150, 151). Кирпичников (1966. С. 82, № 63) датировал его X в. Какие-то остатки курганов сохранялись в Полоцке даже в конце XIX в. - один из них был зарисован художником Д.М. Струковым (1828-1899) во время поездки по Белоруссии *{Алексеев,* 1996в. С. 93), и его рисунок хранится в Москве, в архиве Института археологии РАН, в фонде музея антропологии)[7].

Итак, некогда курганный некрополь окружал Полоцк тесным кольцом. Однако на плане С. Пахоловицкого видно, что курганное поле на правом берегу Западной Двины начиналось не непосредственно за Замковой горой, а на некотором отдалении от нее, и курганный могильник отделялся рвом от укрепленной части города (рис. 25). Такой же точно ров мы видим и на плане Полоцка более

[7] Как нам уже приходилось сообщать, курганы полоцкого некрополя в 1930-х годах сохранялись еще и за Спасо-Евфросиниевским монастырем. Д. Васильевский, вернувшийся из лагеря, куда попал в 1937 г., в 1959 г. сообщал о раскопках двух из них в 1930-х годах *(Алексеев,* 1966а. С. 140, примеч. 29).

позднего времени (рис. 22). Эта трапециевидная территория между Верхним Замком, Полотой, Двиной и рвом вмещала еще в своей северо-западной части, на левом берегу Полоты так называемый Нижний замок, огражденный валом якобы Иоанна Грозного, а точнее, вероятно, древний окольный город.

Территория Нижнего замка представляет известную загадку. Дело в том, что общая мощность культурных отложений здесь колеблется от 1 до 2 м, причем с 60 см до 1,5 м здесь идет сплошной слой глины, выше которой попадаются вещи X-XX вв. (большую часть их составляют находки XV-XVI вв.), а ниже глины сохранился непотревоженный слой IX-X вв. с лепной раннегончарной посудой. Площадь этого раннего селища совпадает с территорией Нижнего замка. Изучая это пространство археологически, белорусский археолог СВ. Тарасов предположил, что, поселяя здесь после взятия города в 1563 г. стрельцов, о чем свидетельствует Р. Гейденштейн (1889. С. 54, 55), и укрепляя это место мощными валами, образовавшими Нижний замок, строители брали глину с тонкой (якобы существовавшей) перемычки, соединявшей (опять же якобы) это селище с древнейшим городищем Полоцка. Прорывая эту перемычку, стрельцы, видимо, открыли новый путь Полоте. В древности же она, следовательно, обтекала городище с севера, и оно, таким образом, первоначально было не "островным", а мысовым *(Тарасаў,* 1992. С. 7-9). При этом остроумном предположении приходится делать еще одно: мощный слой глины, перекрывший слой селища IX-X вв., видимо, был насыпан в результате нивелировки поверхности устраиваемого Нижнего замка: т.е. сначала землю отсюда брали на нижние части вала, а затем, когда дошли до уровня IX-X вв., почему-то прекратили брать землю из культурного слоя и перешли на якобы существовавшую узкую "перемычку и стали насыпать из нее глину, проделывая одновременно новое русло для Полоты (и та потекла сюда, оставив свое прежнее предполагаемое направление к северу от городища). Перед нами редко встречающийся тип абсолютно голословного утверждения без каких-либо доказательств (требующих, прежде всего фундированных профильных чертежей и т.д.). Не отвергая предположения СВ. Тарасова, будем ждать от него дальнейших целенаправленных исследований.

Говоря о "трапециевидном" участке между замками на западе и курганами на востоке, отметим, что в дальнейшем эта территория именовалась "Великим посадом". Мы помним, в Лебедевской летописи говорилось, что "Острог крепок, а рублен, как и городская стена рублена, да и ров вокруг Острога от Полоты и до Двины д-влан и глубок...", далее отмечалось, что со стороны Двины "острожной стены не было". Все это показывает, что речь идет именно об этом "Великом посаде", т.е. "Остроге" (его отличали от "города", и тот и другой были самостоятельно укреплены). Заселение этой территории началось вскоре после основания полоцкого городища (IX-X вв.), в X-XI вв., и, по-видимому, при перенесении на Замковую гору полоцкого детинца в XI в. *(Тарасаў,* 1992. СП; *Тарасов,* 1988. С. 18-21). Любопытно, что центральная часть Острога (Великого посада), судя по наблюдениям Г.В. Штыхова, содержит материалы только послемонгольские *(Штыхаў,* 1963. С. 63-72; *Штыхов,* 1975; *Алексеев,* 1966а. С. 135, рис. 24). Значит, домонгольский Окольный город занимал лишь западную территорию, примерно до Пробойной улицы *(Алексеев,* 1966а. Рис. 24).

Любопытные материалы получены археологами в Заполотье, здесь культурный слой достигает кое-где двух метров. СВ. Тарасовым здесь обнаружена граница Заполотья в виде остатков рва. По свидетельству местных жителей, сообщает он, "овраг" (ров) еще в 1944 г. "был значительно большим и глубоким и тянулся непосредственно от Полоты до Двины". Слой же на площадке поселения характеризуется почти полным отсутствием материалов более поздних, чем XIII-XIV вв., несмотря на то, что по письменным источникам хорошо известно о плотной заселенности этой территории в XVI-XVII вв." *(Тарасаў,* 1992. С. 11). Первые поселенцы, как показали раскопки, обосновались здесь в XI-XII вв.

Здесь, на Верхнем замке - древнем детинце - до сих пор высится большое здание, перестроенное в XVII в., некогда громадного Софийского собора, возведенного Всеславом Полоцким в 1062-1066 гг. *(Алексеев,* 1996в. С. 97).

В заключение суммируем наши знания по истории Полоцка на основании археологических раскопок.

1. *Городище,* расположенное на правом берегу Полоты выше ее устья, — древнейшее поселение Полоцка. Памятник этот площадью 0,5 га датиру ется IX-X вв., построен на остатках поселения днепро-двинской культуры балтов. Некогда он был обнесен валом, судя по найденному целому сосуду, в X в. *(Штыхов,* 1975. С. 25). Здесь и жил летопис ный князь Рогволод. Вокруг располагалось дати руемое тем же временем селище (0,3 га)[8].

2. *Детинец* имел форму, близкую к треугольни ку, его площадка в 7 га, защищенная Полотой и Двиной, имела, по-видимому, мощные укрепления. Юго-восточная часть ее сильно понижалась, обра зуя спуск, где, как мы думаем, и находился упомя нутый летописью Богоявленский взвоз.

Необходимое исследование этого важнейшего для истории Полоцка памятника пока невозможно, поскольку здесь располагаются дома и огороды жителей города.

По свидетельству Г.В. Штыхова, наибольшая мощность культурного слоя детинца была обнаружена в восточной части памятника, где материк залегает на глубине 5,88 м и хорошо сохраняется дерево. Здесь в 1956 г. местным онкологическим диспансером был заложен "Г"-образный котлован площадью 880 м для фундамента нового здания морга. При этом бульдозер наткнулся на стену домонгольского здания. Институт истории АН БССР немедленно приостановил работы и пригласил для обследования М.К. Каргера. Здание оказалось остатками домонгольского храма из плинф на цемянке, по-видимому, третьей четверти XII в. *(Каргер,* 1972. С. 202-209).

Обследование котлована, насколько это возможно, было осуществлено Г.В. Штыховым. На глубине 3,2-3,8 м им зафиксирована деревянная постройка, представлявшая собой, по определению М.К. Каргера, "внутризальную конструкцию". Ниже находился более ранний хлев. На глубине 4,5^4,9 м был вскрыт единовременный горизонт деревянных строений - трех небольших, примыкавших друг к другу срубов, в большем находилась печь-каменка. Обилие вокруг обрезков кожи указывало на близость сапожно-кожевенных мастерских (что и подтвердилось). На глубине 4,9^4,15 м был расчищен слой нивеллировочной глины, а ниже до самого материка - снова культурный слой со щепой *{Штыхов,* 1975. С. 35, 36).

В 1958 г. под руководством А.Г. Митрофанова велись работы в 20 м западнее Софийского собора. Первый раскоп (южный, 400 $м^2$) выявил мощность культурных отложений - 2,2-2,6 м. На глубине 2-2,2 м на материке были выявлены остатки двух деревянных построек с развалами глинобитных печей и фрагменты изразцов с зеленой поливой. А.Г. Митрофанов полагал, что эта часть детинца была заселена не ранее XVI в., но, судя по поливе изразцов, скорее в XVII в. Вещи этого позднего времени чередова лись здесь с домонгольскими вещами, хотя до монгольский слой обнаружен не был. Софий ский собор, как выяснил А.Г. Митрофанов, был сооружен на незаселенной части детинца, а западнее под слоем пожарища, где найден ка мень с татарской надписью XIV-XV вв. *{Шты хов,* 1963. С. 246-248; *Рыбаков,* 19636. С. 248, 249), залегал полуметровый домонгольский слой с характерными вещами *{Штыхов,* 1975. С. 37).

В восточной части детинца (территория Онкологического диспансера) мощный культурный слой (4,3-5,5 м) дал основные материалы по истории детинца. "Ярусная" часть напластований здесь (1,5-2,5 м) состояла из 14 ярусов, причем 14-й ярус по дендрохронологии датируется XI в. (отдельные бревна - X - началом XI в.), первый - XIV в. Максимум стеклянных браслетов (первая половина - середина XIII в.) содержался в 10-7-м ярусах *{Штыхов,* 1975. С. 53).

История застройки восточной части детинца восстанавливается Г.В. Штыховым следующим образом. Первопоселенцы появились здесь в конце X в., жили в срубных домах с печами-каменками. К XIII в. интенсивность нарастания культурного слоя возрастает, застройка уплотняется и "продолжительность существования одного горизонта в среднем составляет 10 лет". Пожары встречаются на всех горизонтах, наиболее сильный - на шестом, датирующемся 1260-1270 гг., что, по его мнению, связано с переходом города к Литве *{Штыхов,* 1975. С. 38).

Окольный город, или "Острог - территория к востоку от Замков, тянувшаяся некогда, видимо, до рва и курганов общей площадью 50 га, именуемая "Великий посад". Слои X - начала XI в. здесь отсутствуют.

Заполотъе - часть города, расположенная, как это видно по названию, за р. Полотой. Здесь, в 0,5 км к западу от Софийского собора Г.В. Штыховым в 1980 г. был заложен раскоп площадью 80 м. *{Штыхов,* 1980. С. 348). Мощность слоя оказалась равной 80 см, остатков деревянных сооружений обнаружено не было. Керамика - только гончарная, как указал исследователь, 3% горшков датируется X в., 9% - XI в., 30% - ХП-ХШ вв., 58% - XIV-XVI вв. Среди находок оказалась позолоченная ременная бляшка с выемчатой красной эмалью *{Штыхов,* 1980).

В 1986 г. СВ. Тарасовым было заложено на Заполотье два раскопа площадью 60 и 170 $м^2$. Целью раскопа № 1 было изучение культурных отложений в центре памятника. Раскоп 2 был заг ложен на северо-западном краю памятника, где исследовались остатки укреплений Заполотья. Из всех определимых венчиков сосудов 24,2% датировались XI-XIII вв. Таким образом, в противоположность Г.В. Штыхову, СВ. Тарасов считает, что древнейшее поселение возникло здесь не в X, а в XI в. (что, вероятно, и справедливо) *{Тарасаў,* 1992. С. 9) (рис. 26, 27).

Особое внимание было обращено исследователями на остатки древних укреплений Полоцка. Раскопки здесь в 1986-1987 гг. производил СВ. Тарасов. До него на полоцкие укрепления обращалось мало внимания: Г.В. Штыховым был разрезан вал древнейшего полоцкого городища *{Штыхаў,* 1963. № 2, рис. III), а братья В.А. и Вас.А. Булкины в 1978 г. "в разрезе южной (прибрежной) части площадки (Верхнего замка. - *Л.А.)* выявили остатки оборонительного вала (детинца) высотой около 1 м". *{Булкин В.А. и др.,* 1978. С 431). При въезде на детинец, "в 30 м от церкви св. Софии" они расчистили настил из толстых бревен, "уложенных на выравнивающий слой из битой плинфы,

ориентированный на южный портал Софии. Рядом с мостовыми зафиксирован ров глубиной 3 м от поверхности, забитый строительным мусором, а на его дне - дренажный кирпичный короб, отводящий воду к южному склону". Этими же исследователями в восточной части детинца был зачищен вал, "поврежденный при строительно-монтажных работах". С напольной стороны вал был высотой в 3,5 м и имел следы деревянных конструкций, укреплявших склон вала *(Булкин В.А. и др.,* 1978. С. 431). Все это были, по-видимому, рекогносцировочные работы и для представления о полоцких укреплениях давали мало.

Работы СВ. Тарасова были, как будто, более результативны: «место, которое традиционно называется "валом", на Верхнем Замке полностью отсутствует. Нигде, за исключением северо-восточного края Верхнего Замка, никаких внешних примет вала не сохранилось. Это тем более удивительно для города с тысячелетней историей, чьи укрепления неоднократно описывались в разные времена до XVIII в. ... Существовал ли на Верхнем Замке крепостной вал? Раскопки на южном склоне только частично ответили на этот вопрос: были изучены деревянные сооружения, укреплявшие склон детинца, с порубочными датами - 1363 г. и найдены вещи XV-XVII вв.» Автор раскопок полагает, что, судя по рельефу, западный и северный склоны памятника валов вообще не имели *(Тарасаў,* 1992. С. 15). Он считает, что мощный вал существовал в Полоцке только с напольной стороны, где его следы отчетливо видны и теперь. Можно, следовательно, считать, что периметр полоцкого детинца в остальных своих частях в древности ограждался лишь наземными деревянными стенами - его склоны в то время, вероятно, считались достаточно неприступными.

Новая публикация СВ. Тарасова, к сожалению, домонгольские укрепления Полоцка не освещает *(Тарасаў,* 1998. С. 52-58). Автор только

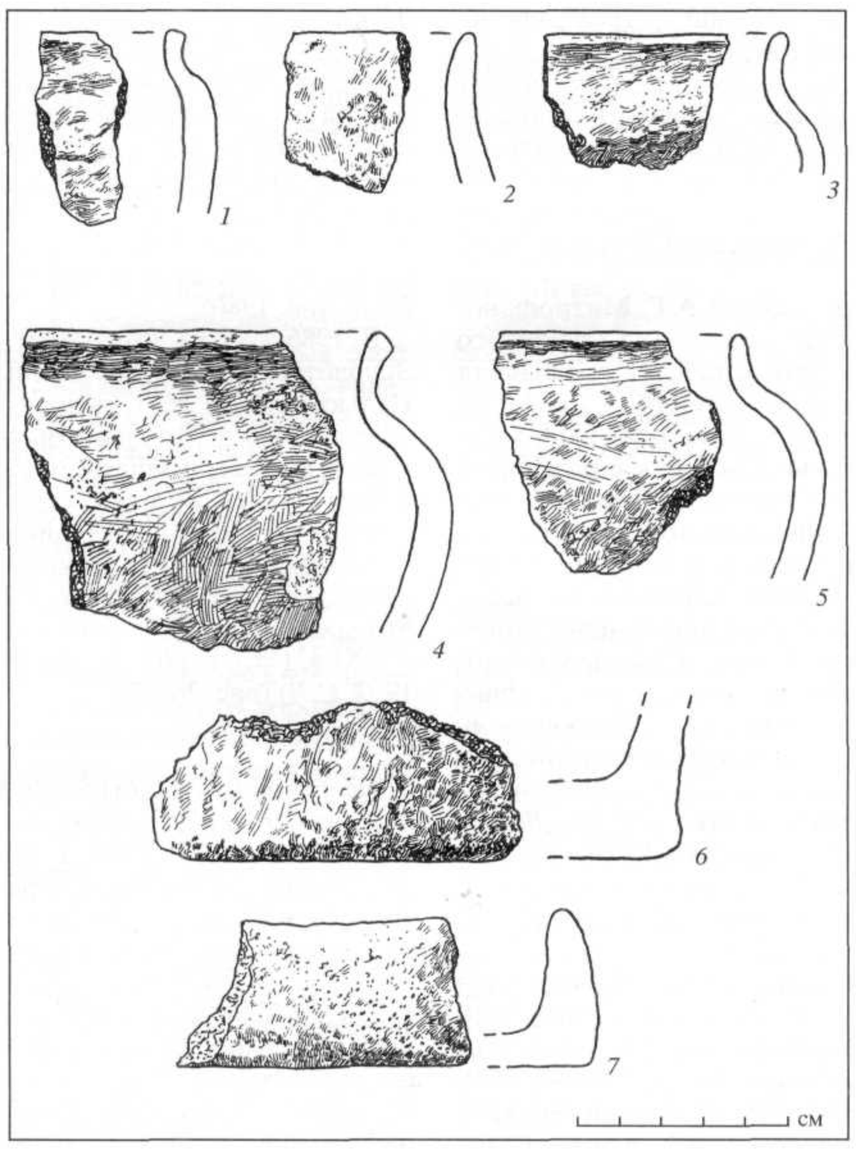


Рис. 26. Полоцк. Керамика IX-X вв. из раскопок Нижнего замка СВ. Тарасова 1986 г. *(Тарасов,* 1988)

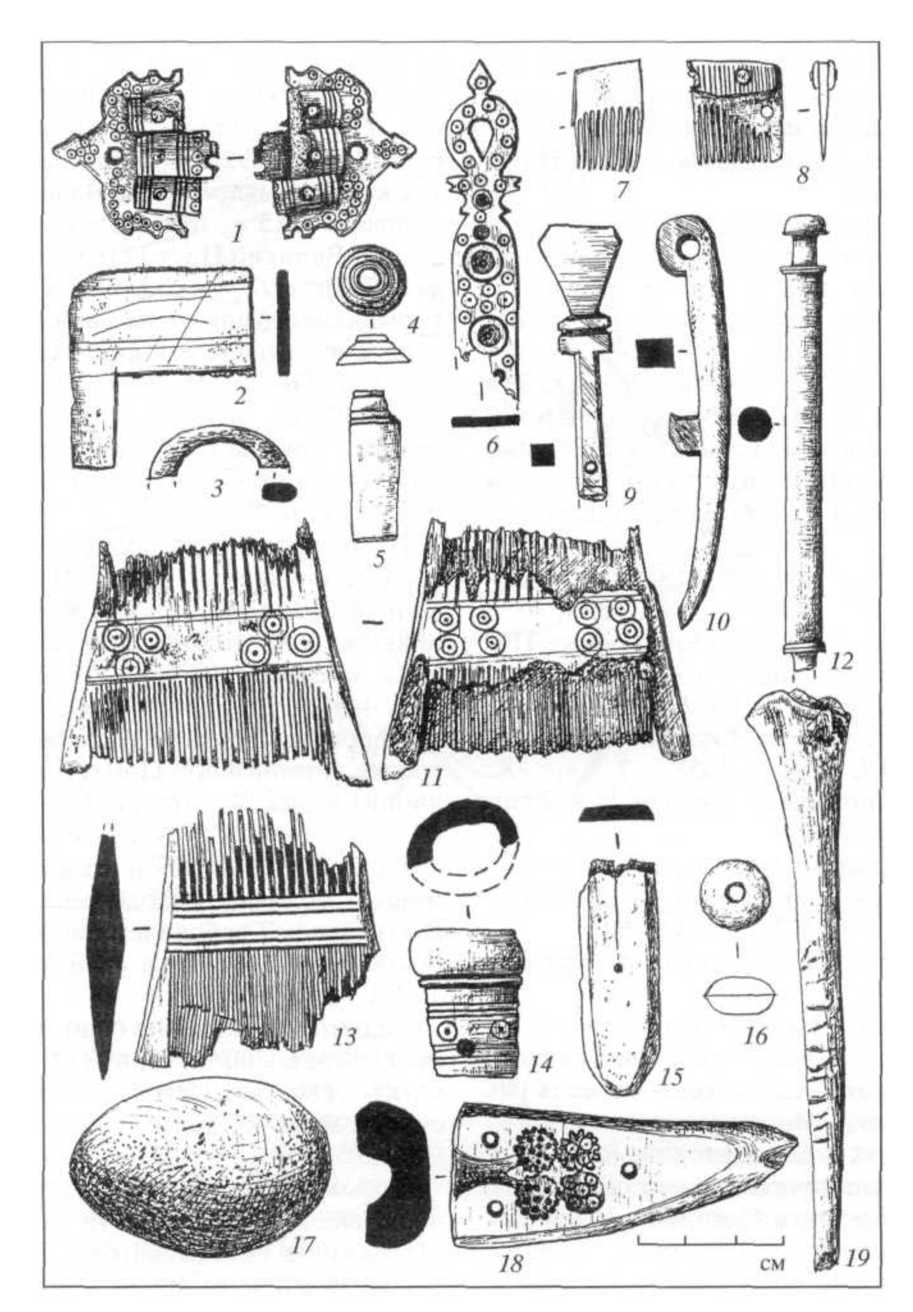


Рис. 27. Полоцк. Изделия из кости из раскопок детинца СВ. Тарасова 1987-1988 гг. *(Тарасов,* 1988)

1,7,8- X-XI вв.; *2, 3, 5, 6-* XI-XV вв.; *11-15, 18,19* - ХП-ХШ вв.; *4, 9,10,12, 16,* 77-XIV-XVIIвв.

сопоставляет сообщения письменных источников позднего средневековья с сохранившимися остатками памятника. Видимо, домонгольские укрепления Полоцка ждут своего археолога.

Минск

Средневековый "постгнёздовский" Минск (М-Ьнескъ) - один из древнейших полоцких городов, отстроенных на верхней Свислочи Всеславом Полоцким в 1063-1066 г. *(Загорулъский,* 1982. С. 148) в зоне северных дреговичей, составлявших малое племя *(Алексеев,* 1998 г.). В конце жизни Всеслава это центр Северодреговичского удела одного из старших сыновей Всеслава от первого, по-видимому, брака - Глеба (1119 г.). Территория княжества охватывала берега верховьев Свислочи, Уши, Птичи и немного не доходила до неманской Сулы, на севере граница шла немного севернее Минска *(Алексеев,* 19986. С. 100). В новую крепость Всеслав перевел жителей былого племенного центра северных дреговичей на р. Менке (январь 1066 г.).

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ впервые упоминают город под 1067 г.: "В л-Ьто 6575/1067 заратися Всеславъ, сын Брячиславль, Полочьск-Ь и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие - Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ - совокупивше вой, идоша

на Всеслава, зиме сущи велице. И придоша ко Міньску, и меняне затворишася в град*. Си же братья взяша Менескъ, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты, и поидоша к Немизе), и Всеслав поиде противу.

И совокупишося на Немизе, месяца марта в 3 день; и бяше снегъ великъ, и поидоша противу себе. И бысть сеча зла, и мнози падоша и одолеша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ. Всеславъ же бежа" (ПВЛ, 1950. С. 111-112).

Второе упоминание о Минске относится к осени 1078 г. и содержится в Поучении Владимира Мономаха: "И на ту осень идохом черниговци и с половци и с читеевичи, к Меньску: изъехахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины..." (ПВЛ, 1950. С. 160).

Третье упоминание летописец датирует 1104 годом:

"Сего же лета исходяща, посла Святополкъ Путяту на Менескъ, а Володимеръ - сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глеба, поемше Давыда Всеславича; и не усп-Ыпа ничто же, и възвратишася опять..." (ПВЛ, 1950. С. 185).

Этот же поход вспоминает в своем Поучении Владимир Мономах:

"И потомъ к Меньску ходихом на Глеба, оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихом свое мышленое..." (ПВЛ, 1950. С. 162).

Четвертый раз летописец упоминает Минск под 1116г.:

"В лето 6624/1116. Приходи Володимеръ на Глеба: Глебъ бо бяше воевалъ дреговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семь, ни пока ряшеться, но боле противу Володимеру глаголюще, укоряя и. Володимеръ же, надеяся на Бога и на правду, поиде къ Меньску съ сынъми своими и с Давыдом Святославичемъ, и Олговичи. И взя Вячеславъ Ръшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ узя Дрьютескъ на щит, а Володимеръ самъ поиде къ Смоленьску (ошибка: Миньску. *-Л.А.);* и затворися Глебъ въ граде.

Володимеръ же нача ставити истьбу у товара своего противу граду. Глебови же, узрившю, оужасеся сердцемь, и нача ся молити Глебъ Володимеру, шля от себя послы. Володимеръ же съжали си тъмь, оже проливашеться кровь въ дни постъныя Великого Поста, и вдасть ему миръ. Глебъ же вышедъ из города съ детми и с дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша речи о мире, и обещася Глебъ по всему послушати Володимера.

Володимеръ же, омиревъ Глеба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възвратися Киеву. Ярополкъ же сруби городъ Желъди дрючаномъ, их же бе полонилъ" (ПВЛ, 1950. С. 200-201).

Этот столь подробный текст читается в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку. Суздальская же летопись сообщает о походе весьма кратко: "В то же лъто Володимеръ поиде к Менъску генваря в 28 и взяша Дреютескъ дети его, а сам стояша оу Меньска" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 292-293). Для нас этот текст ценен, так как оказывается, что Владимир пошел в поход в январе 1115 г., мир же с Глебом был заключен лишь в Великий Пост 1116 г. - в ПВЛ год начинался с 1 марта *(Бережков,* 1963. С. 45). Последующие упоминания Минска необычайно кратки. Минск теперь выступает как княжеский центр потомков Всеслава Полоцкого и его сына Глеба (ум. 1119). Отныне это - основная цитадель, откуда осуществляются походы Глебовичей против Борисовичей, потомков друцкого князя Бориса Всеславича (ум. 1129).

Пятое упоминание Минска находим в Ипатьевской летописи под 1151 г.: "Яша Полотчане Рогъволода Борисовича, князя своего, и послаша Меньску и ту и держаша оу велице нужи, а Глебовича к собіз оуведоша..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 445).

Напротив, в шестом упоминании, помещенном в той же летописи под 1159 г. мы узнаем, что бежавший из минской темницы Рогволод (Василий) Борисович, через Слуцк сносится с дручанами, возвращается в свою друцкую вотчину, а затем с помощью полочан, недовольных полоцким князем Ростиславом Глебовичем, водворяется в Полоцке, Ростислав же бежит в свой Минск (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 493-496).

Седьмое упоминание относится к 1160 г.: "Ходи Рогъволодъ с полотчаны на Рославного Глебовича къ Меньску... стоя около города 6 недель и створи миръ с Ростиславом" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 505).

Восьмое упоминание в Ипатьевской летописи - последнее: "Том же лете ходи Рогъволодъ ко Меньску на Ростислав [наго] Глебовича и створи с ним миръ и възвратися въ свояси..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 512).

Мы видим из приведенных данных письменных источников, что Минск был действительно крупный полоцкий княжеский центр Глебовичей. Исходя из косвенных данных *(Алексеев,* 1966а. С. 142), Минск в 1117-1146 гг. принадлежал южнорусским князьям, в 1146-1151, 1159-1165 гг. им владели то Ростислав, то Володарь (1151-1159) и в 1165, 1167 гг. - Глебовичи. С XIII в. летописи о нем молчат. В XIII в. город отошел со всеми другими городами к Литве.

МИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ, или Замчище, расположено в так называемом Старом городе, который состоит из Замковой горы (Замчища), прилегающего к ней Низкого Рынка (именовавшегося еще в XVII в. "Старый рынок"), Татарского конца (некогда Пятницкого) и Раковского предместья, Наименования улиц указывают на существование в прошлом здесь укреплений: Замковая, Подзамковая, Подзамковая на болоте, Завальная, Юрьево-

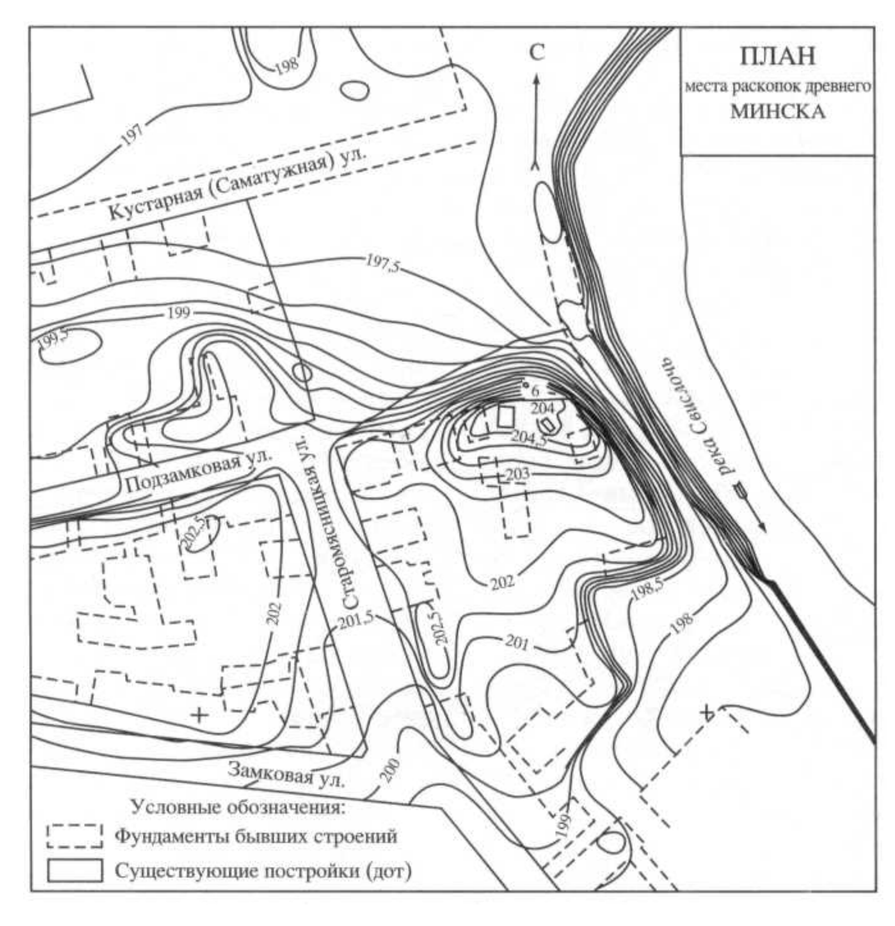


Рис. 28. Минское Замчище. План

Завальная. Если Замковая проходила, по-видимому, через весь замок, то, исходя из названий, остальные должны были его окружать "под Замком", "за валом" и т.д. Эти улицы действительно расположены подковообразно, открытой стороной к р. Свислочи и охватывают снаружи пространство, занятое, судя по планам XVIII в., особой возвышенностью - "Замчищем", по периметру обнесенным валом. {*Загорулъский,* 1958. С. 15-18). Остатки последнего, отчетливо видимые еще в XIX в. (*Шпилевский,* 1858), позднее исчезли (рис. 28, 29).

Итак, Минский детинец омывался реками Свислочью и Немигой, был обращен напольной стороной к пологому склону Троицкой горы и занимал, по подсчетам Э.М. Загорульского, площадь в три гектара (*Загорулъский,* 1963. С. 10). В Минске существовал и неизвестный исследователям "Окольный город". Так, М. Балинский и Т. Липинский (*Balinski, Lipinski,* 1886. S. 666, 667) упоминают Верхний и Нижний замки, обнесенные валами и стенами, которые были сожжены царем Алексеем Михайловичем в 1655 г. А. Гваньини, автор XVI в., о них не сообщал, и названные авторы полагали, что замки возникли только в XVII в. Исходя из топографии других одновременных городов, я предположил, что окольный город существовал в Минске с домонгольского времени и его следует искать у самого подножья Троицкой горы, где в радиусе 300 м есть домонгольский слой, на самой Троицкой горе отсутствующий. Располагаясь полукругом, открытой стороной к детинцу, улицы современного города подчиняются здесь какому-то внешнему обстоятельству, как бы ограничивающему их. "Это и был, - писал я, - очевидно, вал окольного города, тянущийся полукругом по нижней части Троицкой горы", а просьба минских мещан, обращенная к Москве, отстроить им "город, или острог", чтобы "в домишках своих жить бесстрашно", по-видимому, и относилась к укреплениям Нижнего замка, которые было необходимо возобновить (*Даўгялло,* 1928. С. 10; *Алексеев,* 1966. С. 142, 143). По свидетельству Г.В. Штыхова, на Торговой улице (ранее Зыбицкой), идущей вдоль правого берега р. Свислочи к юго-востоку от Замковой горы, вблизи материка, на глубине 3,5 м был найден тонкий (20 см) домонгольский слой XII-XIII вв. (*Штыхов,* 1978. С. 80). Видимо, в то время здесь, в 250 м от детинца находилось домонгольское селище, на котором позднее и вырос окольный город. Близкая картина, увидим мы, была и в Друцке, где окольный город тоже был построен на месте более раннего селища. Документы XVI-XVII в. называют в окольном городе около десятка церквей, некоторые из которых, судя по их наименованиям, могли быть и древними, отражают

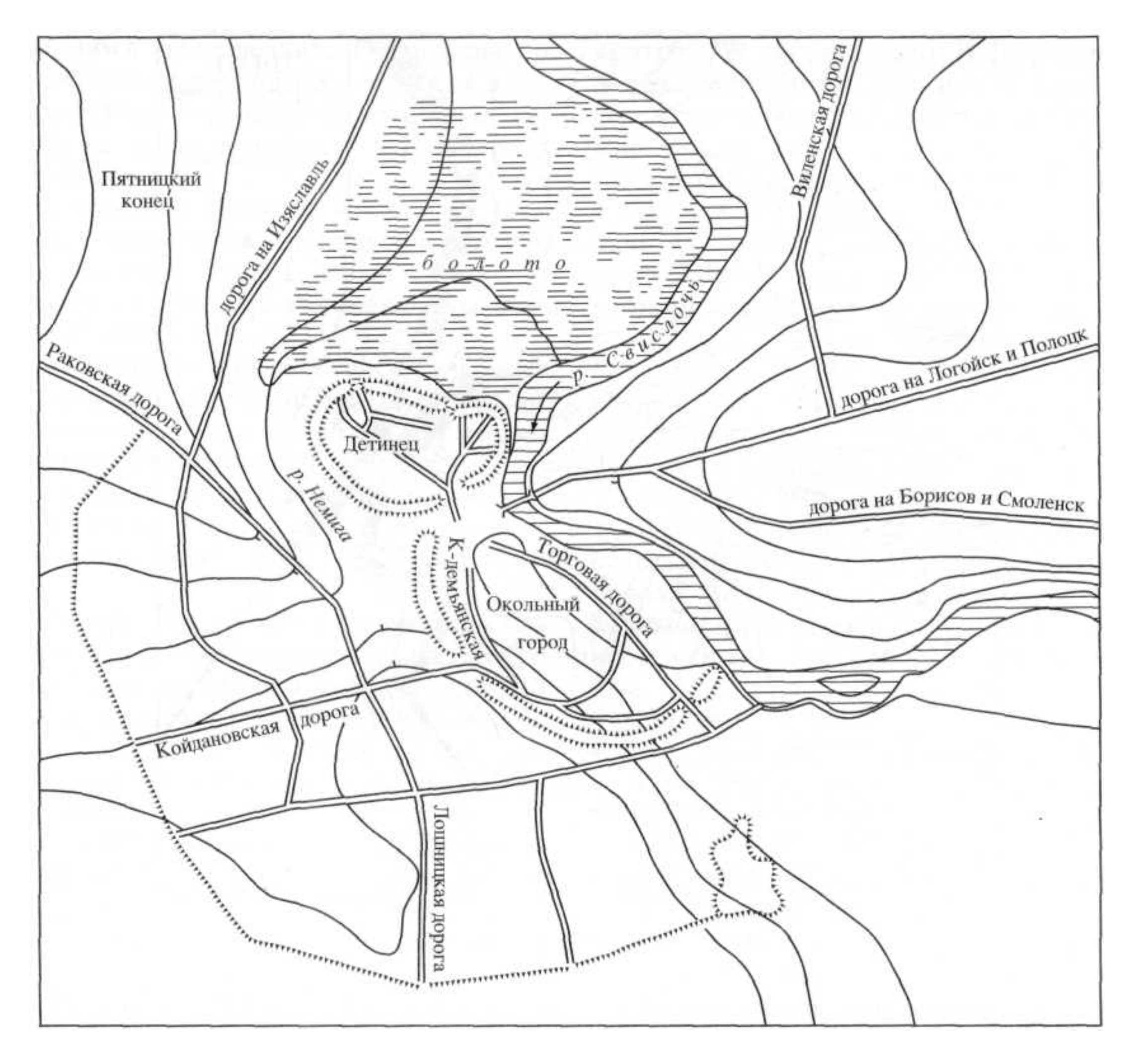


Рис. 29. Топография древнего Минска. Реконструкция

специфику занятия населения в данной части города. Так, ближайшей к детинцу улицей на посаде была Козьмодемьянская (сохранившаяся и поныне) с церковью Козьмы и Дамиана. Где-то здесь же находилась, видимо, и Кузьмодемьянская гора, о которой также сообщают документы (следов ее нет) (Собрание древних грамот..., 1848. С. 104 - 1617 г.; 196 - 1636 г.). Как и в других городах (в Полоцке и т.д.) здесь жили кузнецы. Район Немиги, реки, расположенной у детинца, который она огибала, был заселен довольно поздно - все вещи, найденные здесь, относятся к XVI-XVII вв. (*Даўгяла,* 1926а, 1926б, 1927). В окольном городе, близ р. Немиги, позднее существовала церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Немиге, которая, судя по наименованию, безусловно могла быть древней. О Пятницком (Татарском) конце мы знаем немного: там были две церкви, названия которых тоже могли быть древними, может быть, даже долитовскими (*Алексеев,* 1966а. С. 143, примеч. 44). Как мы знаем, Пятницкие церкви обычно возводились на Торгу.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ МИНСКА. Как и во всяком древнерусском городе, древние предметы находили в Минске постоянно. У Комаровского моста был найден диргем 797/798 г., на берегу р. Свислочи - диргем 795/796 г., на улице Розы Люксембург - диргем 997-1021 гг., на ул. Октябрьской - диргем 955/956 г. (*Рябцевич,* 1998. С. 76), были и находки других древних предметов.

Археологические исследования в Минске начались сразу же по окончании войны в 1945 г. и продолжались до 1951 г. под руководством белорусского археолога В.Р. Тарасенко (1899-1972). Ему не приходилось ранее копать такой сложный объект, как город, да еще столь сложный, как минский детинец. К тому же, археология древнерусских городов была еще на начальной стадии, археологи Новгородской экспедиции еще не сказали своего веского слова. Не было введено в науку понятия о "ярусах", о датировках слоев по количеству найденных стеклянных браслетов и шиферных пряслиц, не разработана была городская домонгольская керамика, что уж говорить о дендрохронологии, которая вообще еще у нас не существовала. Мало мог помочь В.Р. Тарасенко и автор этих строк, недавно кончивший МГУ и ни разу не

бывавший до этого на городских раскопках (он участвовал в работах на Минском замчище в 1949 и 1950 гг.). Все это обусловило, что многие важные моменты не были выявлены в минских работах того времени (о чем впоследствии пришлось очень жалеть).

Археологические исследования на минском детинце в 1957-1961 гг. осуществлялись белорусским археологом Э.М. Загорульским. Это было уже другое время: вышли два классических труда Новгородской экспедиции (Труды..., 1956; 1959), ставшие важнейшим руководством в исследовании древнерусских городов (и не только тех, где сохранялось древнее дерево). Московским археологом Б.А. Колчиным впервые в России была разработана дендрохронология на примере новгородских раскопок (Труды... 1963). В 1951 г. в Новгороде была найдена первая берестяная грамота, первый десяток этих документов был опубликован через два года *(Арциховский, Тихомиров,* 1953), и во всех городских раскопках начались поиски берестяных грамот. Как видим, в науке это была новая эпоха, что немедленно отразилось и на минских раскопках. Э.М. Загорульский вошел в тесный контакт с Б.А. Колчиным и организовал при его консультациях самостоятельные дендрохронологические исследования в Минске.

Раскопки В.Р. Тарасенко и затем Э.М. Загорульского проводились в восточной части детинца, вблизи Свислочи, т.е. в его восточной трети, остальные две трети почти не исследовались, там проводились лишь отдельные наблюдения Э.М. Загорульского при строительных земляных работах, однако, и это было крайне важно. Ныне все замчище частично застроено, частично срыто, и ценнейший громадный памятник для нас полностью исчез..

Вопросы стратиграфии В.Р. Тарасенко разрабатывались крайне мало, все это легло на плечи экспедиции Э.М. Загорульского и потребовало колоссального научного труда. И все-таки, связать раскопы предшествующих лет удалось весьма относительно (рис. 30). Лишь один горизонт раскопок Э.М. Загорульского (№ 17), датируемый первой четвертью XIV в., совпал с горизонтом раскопок В.Р. Тарасенко (1957а. С. 126, рис. 59,2; С. 209; *Загорульский,* 1982. С. 126, рис. 59; С. 142). Исследователю, к сожалению, пришлось базироваться исключительно на своих полевых исследованиях. Им установлено, что культурный слой восточной части памятника членится на 20 горизонтов: 5—10-й горизонты, считая снизу, отложились в XII в., 11-16-й горизонты наслоились в XIII в., а более поздние, следовательно, - в XIV в. *(Загорульский,* 1982. С. 142). Подсчитывая количество хорошо датирующих массовых находок - обломки стеклянных браслетов и шиферные пряслица, Э.М. Загорульский вывел закономерности их распространения, но не те, что были установлены в Новгороде: стеклянные браслеты появляются в Минске в середине XI в., и находки их были единичны (не более 5%), более всего их найдено в слоях XIII в., причем за этот период было три "взлета" этих украшений, когда их количество достигало примерно 10% от общего числа браслетов - в пятом горизонте (по Э.М. Загорульскому, это 10-20-е годы XIII в.), седьмом и 11-м горизонтах, после чего их количество начинает падать и в 30-40-х годах (13-й горизонт) их количество составляет всего 4-5% *(Загорульский,* 1982. С. 140, рис. 68; С. 142). Вместе с тем во всех древнерусских городах и, прежде всего в Новгороде, стеклянные браслеты, встречаемые единицами ранее, начинают массово попадаться только с середины XII в., их пик - 1240-е годы и в первой половине XIV в. они сходят на нет (см.: *Полубояринова,* 1963в. С. 173, рис. 2). В чем же здесь дело? Трудно решить, не имея материала, но нам кажется, что расхождение с другими древнерусскими городами произошло потому, что, как пишет Э.М. Загорульский, из всех 1100 найденных в Минске обломков браслетов "для датирования минских горизонтов была отобрана группа из 500 стеклянных браслетов, стратиграфическое место которых определено с точностью до горизонта". Остальные браслеты, следовательно, в подсчетах не участвуют. Это-то, по-видимому, и нарушило

Рис. 30. Стратиграфия Минского Замчища
Составлена Л.В. Алексеевым по раскопкам В.Р. Тарасенко

общую закономерность их распространения в Минске, где, правда, они встречаются до 13-14-го горизонтов, т.е., как и везде, бытуют до 40-х-50-х годов XIII в. (по правильной хронологии горизонтов, установленных Э.М. Загорульским, см.: *Загорулъский,* 1982. С. 138, рис. 68; С. 229), когда киевские стеклоделательные мастерские были уничтожены татарами.

Сохранность древнего дерева позволила Э.М. Загорульскому вычленить 20 единовременных горизонтов и датировать их *(Загорульский,* 1982. С. 70, 71, 73). Здесь, прежде всего, важен вопрос о времени возникновения города. По А.Н. Ясинскому, первоначальный Минск был на Менке, а после разгрома его в 1066 г. Всеслав перенес город на Свислочь. Этой точки зрения придерживался и В.Р. Тарасенко (1957а. С. 186-189). На Менке городище просуществовало, мы помним, до первой четверти XI в. В Минске на Свислочи древнейшие слои Э.М. Загорульский относит, мы увидим, к 1063-1066 гг., и мысль А.Н. Ясинского (погибшего в сталинских застенках), казалось бы, не так беспочвенна.

После Второй мировой войны к истории Минска обратился, как мы сказали, В.Р. Тарасенко. Опираясь на небольшие раскопки 1954 г. А.Г. Митрофанова на городище на Менке, он утверждал, что это якобы феодальный замок ХП-ХШ вв., таким образом, его слои позднее напластований в Минске, и Минск не может быть наследником Менского городища (История Минска, 1957. С. 10). Однако позже, - отмечает Э.М. Загорульский, - "когда республика торжественно отмечала 900-летие Минска, он напишет, что новыми раскопками на городище (на Менке. - *Л.А.)* неожиданно были найдены обломки сосудов архаического типа, которые можно датировать X - началом XI в." и, следовательно, гипотеза А.Н. Ясинского о существовании здесь Минска, "не может считаться отвергнутой" *(Загорулъский,* 1982. С. 31 со ссылкой на: *Тарасенко,* 1957а. С. 134).

В 1982 г. вышло капитальное исследование Э.М. Загорульского о древнем Минске, где на основании новых раскопок были пересмотрены заново вопросы, связанные с историей Минска, и прежде всего вопрос о возникновении города Минска на р. Свислочи и времени, когда это произошло. Мне уже приходилось отмечать исключительную скрупулезность, с какой названный исследователь относится к своим археологическим изысканиям, как в поле, так и в кабинете, прорабатывая обнаруженные материалы *(Алексеев,* 1987. С. 265-273). Особенно это касается вопросов хронологии. Э.М. Загорульским в Минске было налажено самостоятельное дендрохронологическое исследование, для чего была создана специальная лаборатория при кафедре археологии БГУ. Подобная работа проводилась вне дендрохронологической лаборатории Б.А. Колчина в Москве впервые и, стремясь к наибольшей точности, ученый подробно излагал ход своих рассуждений при определении даты субструкции минского вала, так как под ним культурных отложений не было, и строительство города, следовательно, началось с его укреплений. "Наши результаты в этом деле, - писал исключительно строгий к себе исследователь, - очень скромные. Нам кажется, что Минск еще не располагает достаточным количеством надежных (дендрохронологических. *-Л.А.)* образцов ... Установление абсолютной дендрохронологической шкалы деревянных сооружений Минска - дело будущего" *(Загорульский,* 1982. С. 168).

Логика рассуждений ученого о первоначальной дате основания Минска следующая:

1. Вал детинца Минска сооружен на необжитой поверхности, т.е. тогда, когда здесь и возник город[9].

2. Среди находок детинца нет или почти нет предметов, типичных для начала XI в., большинство же древнейших вещей указывает на середину, вторую половину XI в., когда, видимо, город и сооружался.

3. В древнейшем слое XI в. зафиксировано два пожара, которые, несомненно, отражают разгромы Минска, известные по летописи: 1067 г. (перед битвой на Немиге) и 1084 г. - уничтожение Минска Владимиром Мономахом (ПВЛ, 1950. С. 112, 113 и 160). Это и отразила археология.

4. График кривых роста годичных колец деревьев из субструкции минского вала сопрягается с постройкой, которая возведена в четвертом горизонте, возникшем после разрушения Минска в 1084 г., отраженного, по-видимому, как полагает ученый, третьим строительным горизонтом (пожар!). Он заключает:

"Если предположение о связи событий 1084 (1085) г. и пожара, уничтожившего все постройки третьего горизонта, верны, то можно датировать начало рубки дерева на вал (т.е. начало сооружения Минска. *—Л.А.)* 1063 г." *(Загорульский,* 1982. С. 148).

Мы видим, что это заключение исследователя очень осторожно и может быть опровергнуто лишь безусловными данными новых раскопок.

Однако сверхосторожные выводы его были оспорены гораздо менее осторожными исследователями, полагающими, что имеющихся данных вполне достаточно для иных выводов. Воспользовавшись более ранней работой Э.М. Загорульского *(Загорульский,* 1960. С. 55), Г.В. Штыхов рассмотрел древнейшие находки минского детинца и определил, что памятник возник якобы в конце XI в. *(Штыхов,* 1978. С. 74 и ел.). Что это за находки?

---

[9] Возможно, до образования города на месте, где насыпали вал, было поселение второй половины или конца XI в. *(Штыхов,* 1977. С. 428).

1. Замки типа А и ключи к ним (X-XI вв., мень ше в XII в.). По книге Э.М. Загорульского (1982. С. 40 и таблицы замков), речь может идти о замках и ключах типа А второго вида, первого вида (с квадратной лопаточкой - X - начало XI в.) на Свислочи нет, они есть только на Менке, а также в Браславе *(Алексеев,* 1966а. Рис. 41-42, *17),* т.е. в более ранних памятниках.

2. Подвеска-конек, которую Г.В. Штыхов дати рует, по В.В. Седову, X-XIII вв.

3. Крестовключенная подвеска якобы из того же слоя, что и конек, которая датируется "обыч но" XI-XII вв.

4. Втульчатые двушипные наконечники стрел, датирующиеся, по А.Ф. Медведеву, VIII—XIII вв., распространенные, как указывает А.Ф. Медведев, в эти века "вдоль западных границ Древней Руси", редкие в центральных областях Руси, в новгород ских же раскопках встречающиеся в ранних сло ях - 20-28-й ярусы Неревского раскопа - 953-1116 гг. *(Медведев,* 1959б. С. 154, табл. 1; 1966. С. 56).

5. Костяной кистень из древнейшего пожара в Минске из "группы кистеней, употреблявшихся со второй половины X по XIII в. включительно", но этот кистень А.Н. Кирпичников датирует (видимо, в устной беседе) XII в. (ссылка на: *Кирпичников,* 1966. С. 59,134, где о минском кистене речи нет!).

6. Бусина-лимонка из слоя XIII в. (дата таких бу син - до 1020-х годов), "что не меняет существа де ла" *(Штыхов,* 1978. С. 74). Все названные вещи по зволяют, считает Г.В. Штыхов, датировать основа ние Минска не серединой XI в. (как полагал автор раскопок), а его концом.

Кто же из исследователей прав?

В нашем распоряжении ныне есть капитальное исследование по раскопкам Минска Э.М. Загорульского, на которое мы постоянно ссылались. Оно позволяет детально проверить все то, что фигурирует в аргументации его оппонента. Древнейший слой-горизонт минского детинца прежде всего, - сообщает автор раскопок, - "представлен ограниченным количеством находок" *(Загорульский,* 1982. С. 137), что, конечно, затрудняет выводы. Г.В. Штыхов, мы видели, приводит 6 предметов из древнейших напластований Минска и показывает, что они все датируются не только XI, но и XII в. Разберем аргументацию исследователя. И, прежде всего, руководствуясь трудом Э.М. Загорульского (которого в то время, когда писал Г.В. Штыхов, не было), снимем с рассмотрения те вещи, которые попали в список Г.В. Штыхова по недоразумению:

1. Подвеска-конек найдена не в первом, самом раннем горизонте, а в 5-6-м горизонте *(Загорульский,* 1982. С. 142, табл. XVII, *3),* и ее следует в дей ствительности датировать XII в.

2. Крестовключенных подвесок в Минске найде но две - одна из 6-го горизонта *(Загорульский,* 1982. Табл. XVII. *14),* другая из 8-го горизонта *(Загорульский,* 1982. Табл. XVII, 75). По автору раскопок, даты этих горизонтов - 30-е и 60-е-70-е годы XII в., *(Загорульский,* 1982. С. 142). Они тоже, следовательно, далеки от "древнейшего горизонта".

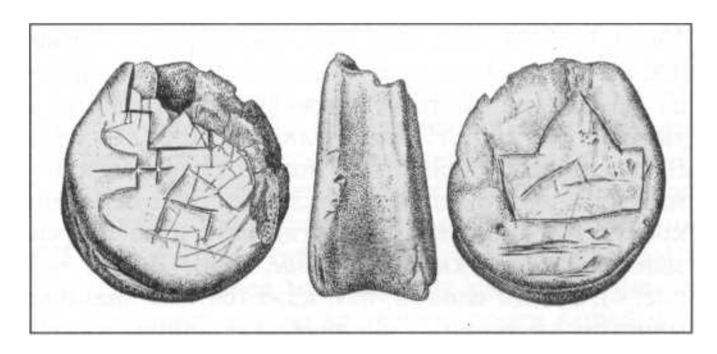


Рис. 31. Кистени с княжескими знаками. Ростиславль (Рославль)

Что же остается из предметов, которые позволили бы, как полагает Г.В. Штыхов, датировать основание Минска *концом* XI в.? Это - ключи типа "А" из первого горизонта *(Загорульский,* 1982. Табл. XXI, *1* и XXVI, 5); остальные 8 ключей - из 3-го горизонта *(Загорульский,* 1982. XXVI, *2), Ъ-А*-го *(Загорульский,* 1982. XXVI, *3),* из 7-го горизонта *(Загорульский,* 1982. Табл. XXVI, *4)* - "второго", как мы сказали, вида, и тип этот распространен всего более в XI в. и лишь в небольшом количестве заходит в XII в., когда получают распространение ключи типа "Б". О "конце XI в." безоговорочно ключ "второго типа" не свидетельствует (см.: *Колчин,* 1959. С. 87; табл. на рис. 70; 1982. С. 162).

Остается, наконец, кистень, обгоревший в древнейшем минском пожаре, типичный для X-XIII вв., но датированный А.Н. Кирпичниковым XII в. (что, кстати, тоже не подходит для построения Г.В. Штыхова) (рис. 31). Этот последний по какой-то случайности забыл указать, что на минском кистене процарапаны два княжеских знака, но они, безусловно, крайне важны! В.Р. Тарасенко в свое время отказался от ранней даты кистеня, полагая, что "этому противоречит как хронология культурного слоя, в котором она найдена (кистень. *-Л.А.),* так и летописные данные" *(Тарасенко,* 1957а. С. 244). Он понимал, что знак архаичен, т.е. близок к тамгам Владимира Святого. Кистень был найден на уровне открытого в раскопках древнего храма, но его он связывал с сыном Всеслава Глебом, т.е. с началом XII в. Говоря о знаках на кистене, В.Р. Тарасенко утверждал, что правильнее объяснить их архаичность тем, что знаки принадлежали младшей линии потомков Владимира Святого (на самом деле старшей) и они прибавляли к тамге свои дополнения (крестик и черточки) *(Тарасенко,* 1957а). В свое время автор этих строк сопоставлял знаки на кистене со знаками Святополка и Ярополка Изяславичей *(Алексеев,*

1966а. С. 146). Э.М. Загорульский обратил внимание на близость данного знака знаку на печати сына Владимира Святого, княжившего в Полоцке и умершего в 1001 г. *(Загорульский,* 1982. С. 217). В самом деле, знак этот можно сопоставлять с минским: у него, как и у минского, есть в середине крестик, подобный же крестик есть и на втором знаке минского кистеня *(Янин,* 1970. Т. 1. С. 40, рис. 4). Одним словом, нам кажется, что знаки на минском кистене близки знакам полоцких князей той линии, которая шла от Владимира Святого и Рогнеды. Это мог быть знак как Брячислава (1001-1044), так и (скорее) его сына Всеслава (1044-1101). Если это верно, то опять-таки указывает на XI в. и скорее на его середину, чем на 1080-е годы (обгорел у материка!).

Итак, заключение Г.В. Штыхова о возникновении Минска в конце XI в. не подкрепляется надежными фактами. Кто же из названных двух исследователей более прав? Если археология указывает на то, что древнейшие культурные отложения датируются XI в. и в этих отложениях имеется два пожарища, то естественно напрашивается заключение, что одно из них, по письменным источникам, падает на 1067 г., а другое - на 1084 г. В пользу такого заключения служат и чисто исторические соображения. Все зависит от того, каким памятником следует считать крепость на Свислочи: для чего возводилось это крупнейшее сооружение площадью в 3 га? Мне уже приходилось доказывать, что Минск на Свислочи не был пограничным укреплением, как это полагает Э.М. Загорульский: он находится гораздо севернее границы Полоцкой земли с Турово-Пинской: полоцкий Минск, окруженный скоплением поселений (составлявшим недавно, до захвата Полоцком, малое племя дреговичей с центром на р. Менке) отделяла от скоплений поселений вокруг Слуцка (принадлежавшего Турову) мощная линия лесов. Минск был задуман как центр принуждения в среде завоеванных Полоцком "менских дреговичей", его крепость на Свислочи заменила центр малого племени на Менке. После смерти Всеслава Полоцкого "менские дреговичи" и новый Минск составили Минское княжество с Глебом Всеславичем минским во главе *(Алексеев,* 1966. С. 148; 19986. С. 105; 1998в. С. 388). Не так давно в дискуссию о возникновении Минска включился белорусский археолог Ю.А. Заяц, посвятивший свой труд укреплениям Минска на Свислочи. "Проанализировав комплекс находок из нижнего пласта культурного слоя детинца, - пишет этот исследователь, - Г.В. Штыхов датировал его концом XI в. Вероятно, основание Минска в устье Немиги было связано с выделением Менской волости в удельное княжество Полоцкой земли (около 1085 г.). До этого центром волости являлся Менск на р. Мене или Менке в верховьях Птичи, с которым связаны описанные в летописи события 1067 г. и первое упоминание о Минске" *(Заяц,* 1996. С. 16). Этим соображениям нельзя было бы отказать в справедливости, если бы не основная посылка ученого, не проверившего датировки Г.В. Штыхова (что проделано нами выше).

Окончательно вопрос решает, как нам кажется, один весьма существенный аргумент, исходящий из общего положения Полоцкой земли в середине - второй половине XI в.: в 1070-1080 гг., после крупных событий второй половины 1060-начала 1070 гг. Полоцкая земля была крайне слаба, невероятно, чтобы в это время было организовано строительство столь внушительной крепости, как свислочский Минск (не забудем, что, судя по находкам, Менеск на Менке просуществовал не более первых трех от силы четырех-пяти десятилетий XI в., куда же девалось его население в 1060-1070 гг., до поселения его в новом городе?). Нам ясно, что Э.М. Загорульский прав: Минск был основан в 1063-1066 гг. Как же можно себе представить всю ситуацию, когда Всеслав начал строительство?

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИНСКА НА СВИСЛОЧИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПРИЧИНЫ. Имеющиеся письменные и археологические источники позволяют нам по-новому взглянуть на первые 16 лет правления Всеслава Полоцкого (1044-1060), после которых он приступил к строительству крупнейших сооружений своей жизни: Софийского собора в Полоцке (1062-1066, см.: *Алексеев,* 1996в. С. 97) и мощной крепости на р. Свислочи - Минск.

Получив Полоцкое княжение, Всеслав почти сразу же озаботился приращением своих владений. Действовал он, естественно, осторожно, "примучивал" те малые соседние племена, которые, как показал А.Н. Насонов (1951. С. 150), еще не попали под власть других формирующихся княжеств.

В 1060 г., соблюдая, как мы говорили, договор отца с Киевом 1021 г., ("буди же со мню за един"), он двинулся с Ярославичами на Торков, поссорился с Ярославичами и стал их заклятым врагом. Ему, недавно захватившему менских дреговичей, стало ясно, что Ярославичи этого не простят, будут стремиться отнять у него новоприобретенные земли. Решение созрело, по-видимому, быстро: со всех окрестных земель было собрано население для строительства в земле северных дреговичей новой крепости. Задуман был громадный военный объект: площадь всего городища (как мы говорили, - 3 га), а его валы восьмиметровой высоты имели ширину 14 м, при длине по периметру около 1 км. Субструкция валов тоже необыкновенна: она положена на погребенную почву и состояла из молодого леса вдоль трассы вала в 9 рядов с промежутками в 20-30 см и разделенных тремя-четырьмя бревнами. Для сооружения такой крепости без башен и стен было потрачено не менее 30 тыс. прямых стволов - целый лес! По справке Института леса РАН (Москва), тесно посаженный ныне сосновый 20-летний лес содержит около 5-10 тыс.

стволов на 1 га. В древних диких лесах (к тому же и сильно смешанных) величина площади должна была быть гораздо большей. Это значит, что на огромном пространстве лесов трудился большой коллектив лесорубов, возчиков, укладчиков и т.д., непрерывно работавших на князя в местных густых лесах, как мы говорили, в течение 4 лет (1063-1066). Людская сила еще требовалась и для громадных земляных работ - добычи и укладки грунта, нужны были многочисленные сельские подводы, чтобы все это перевозить. Наконец, выбирался и рубился мощный прямоствольный лес для стен и башен... Конечно, все это было, как мы сказали, грандиозным княжеским делом и, судя по дендродатам, делом Всеслава Полоцкого. Только ему было подвластно собрать со всех окрестных земель население в таком необходимом количестве!

Строительство шло, видимо, очень спешно: последние бревна для укреплений, мы видели, срубали еще в 1066 г., а в крепости было уже поселено население с Менки. В начале (мартовского) 1067 г., 3 марта произошла знаменитая битва на Немиге, а до нее, пользуясь отсутствием Всеслава, Ярославичи уже "приидоша к М-Ьньску и м"Вняне затворишася в град-Ь. Си же братья взяша М1знескъ, и исвкоша муж-Ь, а жены и д-Ьти вдаша на щиты... (ПВЛ, 1950. С. 112). Мы видим, таким образом, что в январе-феврале 1066 г. в крепости уже жили меняне "с женами и д-Ьтьми" - почти отстроенный новый Минск был уже населен жителями с Менки! Новому городу Всеслав присвоил наименование старого, откуда были переведены жители.

Этим и объясняется, что в старом Минске не возникло напластований второй половины XI-XII вв. Напротив, по свидетельству Э.М. Загорульского, за все многолетние раскопки Минска на Свисл очи, там не встречено почти вещей первой половины XI в. Если таковые крайне редко и встречались, то, по-видимому, были принесены со старого местообиталища и, может быть, еще и носились (см. несколью древних бусин, найденных в новом Минске - лимоновидная из слоя XIII в., как мы говорили, две бусины глазчатых - все они имеют дату не позднее 20-х годов XI в. *(Высоцкая,* 1984. С. 102-103). "Самые ранние слои Минска близки к середине XI в.", - свидетельствует Э.М. Загорульский (1982. С. 139).

Такова была обстановка, в которой Всеславу Полоцкому пришлось строить свою новую крепость.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МИНСКА. Минская крепость имела в плане форму, близкую к сегменту, что характерно для памятников ХП-ХШ вв. *(Раппопорт,* 1959. С. 121). Однако

Рис. 32. Минский вал, вскрытый при строительстве станции метро "Немига". Раскопки Г.В. Штыхова и членов сектора славяно-русской археологии Института истории БАН. Фото автора, 1984 г.

Видны деревянная субструкция вала XI в. и прорезавшие его остатки въездной столбовой башни XVI-XVII вв.

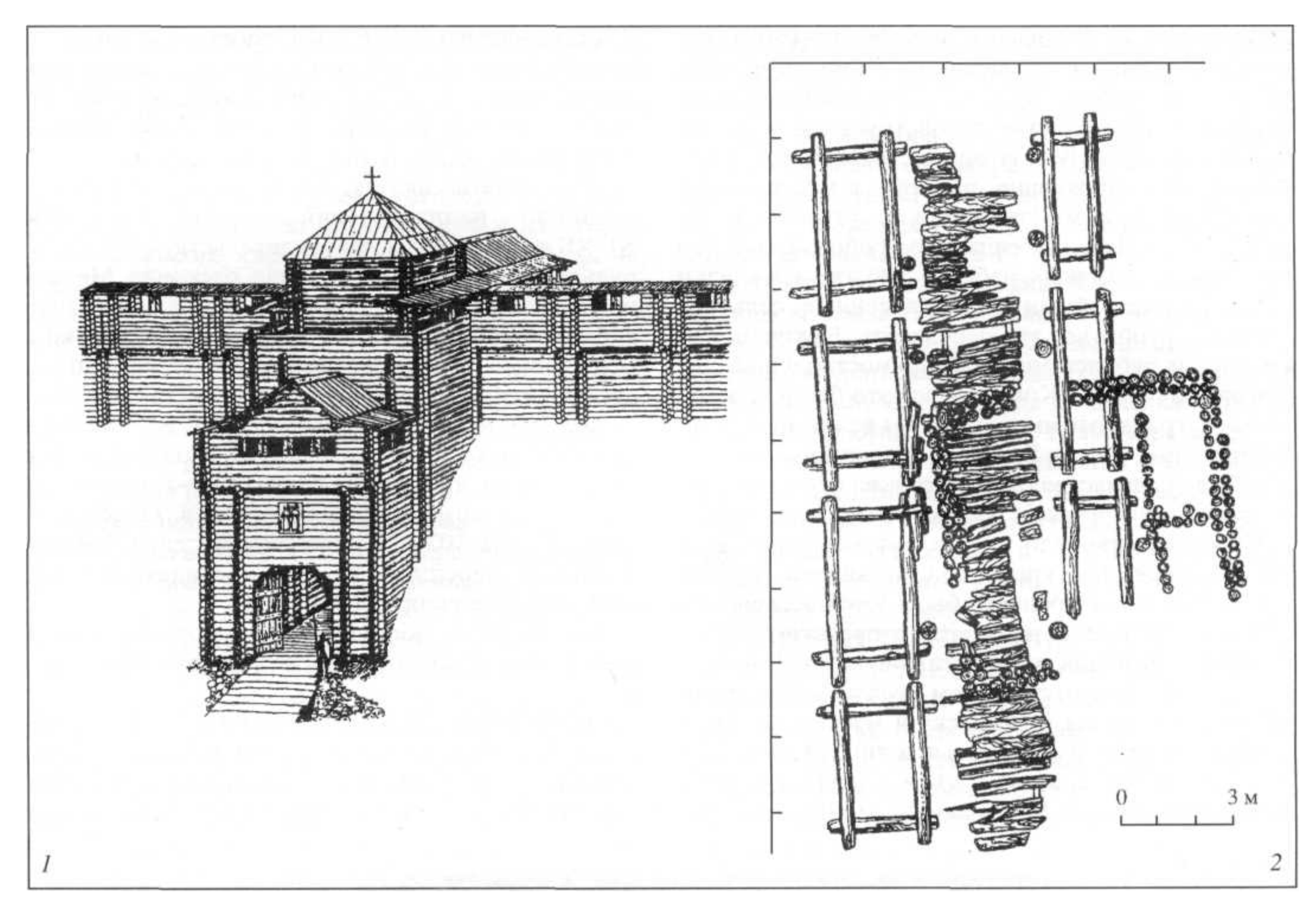


Рис. 33. Въезд в Минск. XI-XII вв. Реконструкция Ю. Заяца (1996)
1 - реконструкция брамы 2 (вариант IV); 2 - План участка проезда с остатками брам 2 и 3, настила 4 мостовой и сооружения столбовой конструкции

некоторые памятники возникают и несколько ранее, как полагает тот же исследователь, с конца XI в. и располагаются они, "как правило, на плоской местности" {*Раппопорт,* 1960. С. 58). К этому "раннему" кругу таких памятников, видимо, и принадлежит Минск на Свислочи. Как известно, минская крепость была еще хорошо видна в XVIII в. и изображена на многих планах. "Минску конца XVIII в. были присущи типичные черты феодального белорусского города, - писал Ю.А. Егоров. - В нем еще сохранялись остатки древнего замка и полукольцо земляных укреплений в южной части {*Егоров,* 1954. С. 134). Площадь крепости имела три проездных башни, главная была с юга, и остатки ее детально были изучены Э.М. Загорульским во время работ на Замчище, а в 1984 г. - Г.В. Штыховым при прокладке второй очереди минского метрополитена (Станция Немига). Он писал: "Исследована часть оборонительного вала Замчища, проезд в город (въездные ворота), начало улицы, которая вела от ворот в детинец ...". Со стороны поймы реки обнаружены остатки гати XI-XIV вв. и моста XVII в. Первоначальный вал, построенный во второй половине XI в. у основания достигал 15 м в ширину. В нижней части его укрепляла и предохраняла от подкопов неприятеля деревянная конструкция. Сохранились 9 накатов бревен, уложенных на продольные лаги. Многие бревна стесаны на 6-8 граней (рис. 32).

Позднее вал был расширен на 25-26 м. Его высота составляла 8-10 м. На втором этапе строительства применили конструкцию с крючьями, изготовленным из хорошо обработанных дубовых сучьев. Выступая на 18-20 см, они сдерживали от сползания длинные массивные бревна толщиной 30 см, которые укладывались в виде стены вдоль будущей внутренней стороны вала. По тому времени Минск имел чрезвычайно мощные укрепления (рис. 33).

Внутривальная конструкция с крючьями ("гаковая" от слова "гак" - крюк) была широко распространена в городах западных славян в X-XП вв.[10] Подобная конструкция вала обнаружена археологами в Москве и в Новгороде, где она датируется XI столетием {*Штыхов,* 1986. С. 25, 26).

[10] Подобная конструкция встречена, например, в вале детинца Гнезно *(Zurowski,* 1957. S. 182, rys. 1).

Очень интересны наблюдения автора над второй подсыпкой вала, где, в отличие от первого вала, где культурного слоя не было, был обнаружен незначительный культурный слой мощностью 10-12 см. Здесь уже обнаружены и находки: сердоликовая бипирамидальная бусина, датируемая X-XП вв. *(Фехнер,* 1959. С. 152), лезвие топора, детали кожаной обуви, шиферные пряслица, втульчатое тесло "для легкой ручной работы", серебрянно-стеклянная бусина, датируемая концом X-началом XII в. *(Фехнер,* 1959. С. 158). По свидетельству Ю.А. Заяца, "вскоре после перестройки вала произошел прорыв песка через гаковую крепежную стену ... После этой аварии внутренний склон вала был укреплен земляной обкладкой ... В культурном слое, навалившемся на земляную обкладку вала, найдены фрагменты керамической посуды, получившей распространение с XII в., и коленчатый железный ключ от цельнодеревянного замка (деревянного засова. *-Л.А.).* Верхняя граница бытования таких ключей не выходит за пределы первой четверти XII в.", - пишет Ю.А. Заяц, ссылаясь на Б.А. Колчина (1982. С. 161, 162, рис. 3) и заключает, что второй этап сооружения земляных укреплений Минска следует датировать началом XII в., "хотя исключить возможность датировки последними годами XI в. полностью нельзя" *(Заяц,* 1996. С. 25, 26). Все же, уверенный в правильности датировки сооружения первоначального вала концом XI в. (о малой вероятности ее мы говорили), Ю.А. Заяц обращает внимание на небольшую мощность культурного слоя под присыпкой к валу - 10-12 см. *(Заяц,* 1996. Рис. 9), что "свидетельствует о небольшом временном разрыве между двумя этапами сооружения вала минского детинца" (в чем он прав), и делает "логический" вывод, что "это противоречит датировке первоначального вала 60-ми годами XI в.". В целом надобно сказать, что крайне интересные наблюдения ученого, к сожалению, сопровождаются очень нечеткими фотографиями и, главное, отсутствием достаточного количества рисунков, по которым можно было бы реально понять мысль ученого о соотношении конструкций внутри вала с мостовыми проезда и т.д. Главный же недостаток соображений исследователя, повторяю, заключается в том, что он слепо, без проверки, доверился датировке древнейших отложений на памятнике, данной его предшественником.

ЗАСТРОЙКА МИНСКА. На раскопанной площади археологи вычленили следы пяти усадеб, состоявших, как и везде, из дома с печью-каменкой и хозяйственных построек (сараев, амбаров, хлевов и пр.). Усадьбы ограждались частоколами или плетнями, пространство между постройками мостилось бревнами. Каждая усадьба "имела свою большую строительную историю, подвергалась за период с XI по XIII в. неоднократным перестройкам и перепланировкам" *(Загорульский,* 1982. С. 181). Три раскопанных усадьбы (А, Б, В) окончательно сложились в XII в. Усадьбы А и Б имели приблизительно равную площадь - 220-250 кв.м. Как правило, границы усадеб долго оставались неизменными.

Совершенно особое место в нашем изложении должно принадлежать остаткам минского храма, найденным В.Р. Тарасенко в 1950 г. (он начат был строительством в конце XI - начале XII в., но не был достроен). Здесь много спорного, и мы будем говорить о нем в разделе, посвященном древней церковной архитектуре городов Западнорусских земель.

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ МИНСКА. Об этом можно судить по многочисленным находкам вещевого материала на раскопках, анализ которых детально проделан Э.М. Загорульским. Главным занятием здесь, как и везде, было прежде всего ремесло, о котором свидетельствуют находки орудий труда, изделий, заготовок, сырья и т.д. "Важнейшей отраслью ремесла, от которого зависел уровень развития производительных сил, - пишет исследователь, - было кузнечное дело. Ведущая роль в переработке руды в кричное железо принадлежала, по-видимому, как и всюду на Руси, деревенским кузнецам" *(Загорульский,* 1982. С. 258). Выборочное металлографическое исследование некоторых железных изделий показало, что минские ремесленники умели варить сталь, знали ее термическую обработку и т.д. В напластованиях XIII в. были открыты остатки постройки (бревенчатый сруб размерами 4 х 4 м), принадлежавшей ювелиру, что свидетельствует о ювелирном производстве *(Загорульский,* 1982. С. 261-262). Широко представлена в городе и деревообработка, обработка кости и рога, кожевенное дело (найдено много заготовок). Ряд материалов показывает, что женщины занимались прядением и ткачеством, гончарством и т.д. Как и во всех средневековых городах, в Минске параллельно с ремеслом занимались еще и земледелием и скотоводством, также рыболовным промыслом и охотой.

Средства передвижения и торговля. В Минске найдена, например, ступица колеса телеги (8-й горизонт - 60-70-е годы XII в.), части тележного обода со спицами, две дубовые оси телеги (горизонт XII в.); в том же горизонте - полозья саней, стержень безмена (одно плечо равно 9 см, другое - 36 см). По свидетельству автора раскопок, на таких весах можно было взвешивать товары сорократной тяжести, а по Б.А. Колчину, рассчитавшему прочность металла, "запас прочности позволял взвешивать груз в 7-8 пудов *(Загорулъский,* 1982. С. 282-284).

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ МИНСКА. "При попытках осветить вопрос о торговых связях древнего Минска, - сообщает автор раскопок, - мы неизбежно сталкиваемся с рядом трудностей. Удивительное единообразие древнерусской материаль-

ной культуры в большом количестве случаев не позволяет отличить изделия, произведенные местными мастерами, от изделий, завезенных в результате обмена... В категорию неместных изделий и материалов попадает незначительная часть находок, не являвшаяся к тому же, насколько это можно судить из письменных источников, основными объектами русской торговли. Отраженное в археологическом материале состояние торговой жизни Минска дает поэтому лишь отрывочное представление о сложной и многогранной действительной картине этой стороны быта города" *(Загорульский,* 1982. С. 284).

О связях с Киевом свидетельствуют находки многих украшений. Таковы, указывает ученый, колты, стеклянные браслеты, некоторые предметы христианского культа - два энколпиона, каменные нательные крестики, иконки, и т.д. С юга по рекам привозили амфоры с вином или маслом (одна группа амфор поступила во второй половине XI в., другая - в середине XII в. *(Загорульский,* 1982. С. 285)[11], причем одна амфора была помечена буквой'Ъ", которая, как известно, не является цифрой. Это могла быть, например, мера веса - "батман" *(Срезневский,* 1893. Т. 1. С. 45), или "бертъ" - сосуд, встречаемый в Хронике Георгия Амартола (IX в.) (Словарь..., 1975. Т. 1. С. 148), но возможно, что это и "Брашно" - пища, съестное (Словарь..., 1975. Т. 1. С. 328). В корчагах со времен античности, мы знаем, перевозили, кроме вина, сыпучие предметы, но могли возить и сухие фрукты, ягоды и т.д. Обилие шиферных пряслиц указывает на связи с Волынью. Близость Прибалтики сказалась обилием янтаря: "в Минске найдены не только изделия из янтаря (крестики, бусы), но и отдельные куски его, поступавшие, по-видимому, в качестве сырья для местной переработки". Правда, мастерских, сколько известно, не найдено *(Загорульский,* 1982. С. 285). Как и в других городах, в слоях начала XIII в. в Минске найдены гребни из самшита, попавшие сюда с Кавказа, как, возможно, и грецкий орех, скорлупа которого найдена в изобилии. Были связи (вероятно, тоже опосредованные) с Западной Европой: в слоях XII в. найдены части бронзовых чаш, целый подсвечник, лжица для причастия из кости *(Загорулъский,* 1982. Рис. 187 и 139). "Однако связи с Западом - констатирует исследователь, - в общем представлены слабо" *(Загорульский,* 1982. С. 285)12.

Упомянем в заключение находку дрогичинской пломбы, обнаруженной в 1959 г. в 50-м горизонте (начало XII в. - 1138 г.), которая, по предположению автора раскопок, могла принадлежать минскому князю Глебу Всеславичу, так как очень близкая к ней печать с надписью "Глъ'б" в XIX в. была найдена в Киеве на Рейтарской улице. Минская пломба на одной стороне в круге имеет изображение князя в "княжеской" шапке, а на обороте - княжеский знак, возможно, с крестом, что приближало бы этот знак к уже описанному знаку на кистене, но настаивать на этом нельзя *(Загорульский,* 1982. С. 286, рис. 188).

Витебск

Говоря о древнейших городках Западнорусских земель, мы отмечали, что они назывались по ближайшим рекам, и упоминали маленький Витебск, приютившийся в устье р. Витьбы, укрепления которого были построены якобы Ольгой - матерью Святослава. Удобное расположение на водных коммуникациях, видимо, способствовало тому, что с развитием водных путей в течение гнёздовского времени Витебск продолжал расти, о чем свидетельствует летопись:

"В л-бто 6829/1021 приде Брячиславъ, сын Изяславль, внук Володимеръ на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и поим новгородци и им-ьнье ихъ, поиде Полотъску опять. И пришедше ему Судомири рiзц-Ь, и Ярославъ ис Киева постиже и ту. И победи Ярославъ Брячислава, и новгородц'Ь вороти Новугороду. А Брячиславъ б-Ьжа Полотьску..." (ПВЛ, 1950. С. 99).

Здесь о Витебске речи нет, но в других летописях выясняется, что побежденного врага Ярослав Мудрый не только не преследовал, но отдал ему два города на ключевых позициях Пути из Варяг в Греки - Усвят (Въсвячь) и *Витбескъ* со словами: "Буди же со мною за единъ" Дар был, по-видимому, неожидан и, несомненно, велик. Летописец добавляет:

"И воева Брячиславъ с Ярославомъ все дни живота своего" (ПСРЛ, 1851. Т. 5. С. 134; 1856. Т. 7. С. 328).

О столкновениях этих князей далее речи нет. Видимо, они сражались "за одинъ". Договор был заключен настолько крепко, что в 1060 г. он еще был в действии, хотя его составители умерли и соблюдал его Всеслав Полоцкий (но лишь затем стал врагом Киева - *Алексеев,* 1996в. С. 96, 97; 1998а. С. 388).

Мы начинаем понимать, что феодальный Витебск был основан у городка на Витьбе гнёздовского времени с его посадами (на месте позднейшей Благовещенской церкви XII в. раскопки Г.В. Штыхова обнаружили IX-X вв. - *Штыхов,* 1978. С. 34, 35). Таким образом, мы видим, что приведенный выше летописный текст 1021 г. относился к самому последнему периоду существования

---

[11] Видимо, первые амфоры поступали при Всеславе, при Глебе привоз их прекратился и возобновился лишь с возвращением полоцких князей из ссылки в Византию.

[12] Любопытно, что расположенный рядом Новогрудок, как мы увидим, в то же время изобиловал иностранным импортом!

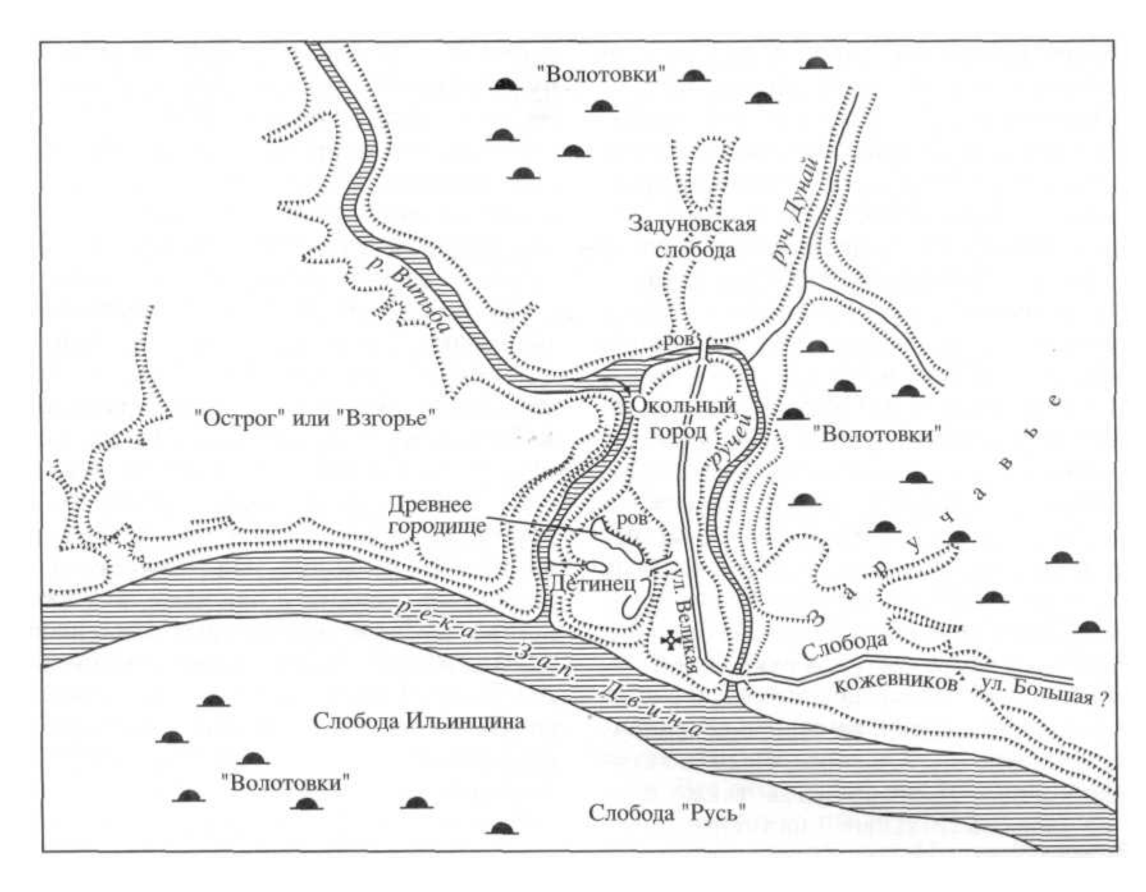


Рис. 34. Витебск. XVI-XVII вв. Реконструкция древнейшей топографии по письменным источникам

"городка на Витьбе" с его посадом, а первоначальные укрепления "городка", возможно, относились действительно ко времени Ольги (947 г.?). Однако несомненно, что возникновение феодального Витебска падает на оставшееся время жизни Брячислава (1021-1044), а может быть, и Всеслава в первый период его всегда кипучей деятельности, когда он отвоевывал северных дреговичей (1044-1060), как мы говорили, а затем, разорвав договор отца с Киевом 1021 г. (1060 г.), приступил к созданию своего особого княжества, к постройке Минска (1063-1066), возведению Софийского собора с помощью греков (1062-1066 гг.) и т.д. Забегая вперед, скажем, что Витебск, возможно, (в конце XI в.?) какое-то время перестал принадлежать Полоцку[13]. При описании похода Мстислава Великого с коалицией князей "на кривичей", где названы все пункты Полоцкого княжества, которые следовало южнорусским князьям занимать, не назван только Витебск! И Ростислав Смоленский двигался не на него, что было бы, казалось, логичнее, а на Друцк.

Что же окружало Витебск? (см. рис. 34).

Мы уже видели, что в гнёздовское время и, вероятно, позднее город окружали посады с курганными некрополями возле каждого. Несколько далее территория была мало заселена (известны курганы X в. у д. Лятохи и т.д.). Вместе с тем в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. упоминается "Витебская волость" (Смоленские грамоты, 1963. С. 39), а в XVI в. она именовалась "воеводством" (ПСРЛ, 1907. Т. 17. С. 353, 409, 411). Приходится делать вывод, что "Витебская волость" образовалась в "послекурганное" время, т.е. во второй половине XII - начале XIII в. - в эпоху, когда движение по Западной Двине стало весьма интенсивным.

Пользуясь нашей картой археологических памятников Витебщины эпохи железа {*Алексеев,* 1959а. Рис. 1) мы приблизительно можем наметить границу Витебской волости в XII в. Западная граница начиналась от правого берега Западной Двины небольшим скоплением сел (курганы у Лескович, Непороты, Войловичи), далее к северо-востоку она проходила через скопления курганов к югу от оз. Лосвидо (Горбуны, Каховка, Герасимово), к северу от озера (Москоленята), к западу от Городка (Заречье, Казаново, Смольки, д. Болецк, также берег Белецкого озера, д. Прудняне, Голубово). Здесь граница, вероятно, переходила в восточную (восточный берег оз. Вымно, Хоботы). Далее западная граница, несомненно, переходила к правому берегу Западной Двины (Хотоли, Курино), на левом берегу Западной Двины (Казимирово, Ковали), к югу от Суража - группа сел: Яновичи, Тадулино, Синяки, Рыбаки была пограничной к юго-западу от Суража. К юго-востоку от Витебска до сих пор распространены большие леса, доходив-

[13] Богданов и Рукавишников (2002. С. 23) утверждают, что Витебск чаще принадлежал Смоленску, что не лишено оснований.

шие на юге до р. Лучесы, и подходившие к самому Витебску. От него граница, видимо, шла на юг, где были скопления сел у д. Комары, Добрейка-Забежье. Здесь, кстати, сохранились остатки каких-то земляных валов неизвестного времени, вероятнее, остатки русско-литовских границ (?). На реке Лучёсе, судя по курганам, были древние домонгольские села (Городно, Любашково). Отсюда граница тянулась, нужно думать, на юг и юго-запад в район верховьев р. Обощьянки и западнее (д. Берешово, Ходцы). Далее в бассейне р. Березки - Кривит, Адамова, Малюши, Сукремна. У Алексиничей на правом берегу верхней Обольянки находился камень с иссеченным крестом, возможно, пограничный знак на границе Витебской волости, Старая Белица, лежащая рядом река Усяж-Бук была, несомненно, юго-западной границей волости. Отсюда эта граница шла на север, ибо южнее лежали Друцкая и Лукомольская волости, а западнее находилось пустое пространство вокруг берегов реки Свечи, занятое, очевидно, лесом. Итак, между реками Усяж-Бук на юге и Западная Двина на севере пограничные села Витебской волости, видимо, были (по курганам) Вядец, Спицы, Подгорцы, где также есть городище со знаменательным наименованием Рубеж (!). Далее граница выходила на левый берег Западной Двины (*Алексеев,* 1959. Рис. 1).

Таковы были границы домонгольской Витебской волости (княжества?), гипотетически восстановленные нами по поселениям Х-ХП вв.

Что касается самого Витебска, то в летописях после 1021 г. он упоминается только начиная со второй половины XII в. (1165 г.), когда здесь княжил сын Ростислава Смоленского Давид (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 525) и следовательно, город, и его волость, Полоцку не принадлежали. В 1170-1180-х годах Витебск оказывается вновь под эгидой Полоцка. Но уже в 1195 г. он вновь принадлежит Смоленску (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 693). С XIII в., судя по документам, Витебск выступает как большой центр, ведущий торговлю с Ригой и немецкими городами. С середины XIII в. Витебск то попадает под власть Литвы, то снова переходит к Руси. Витебское княжество было последним среди западнорусских княжеств, перешедших окончательно к Литве. Последний его князь Ярослав Васильевич в 1318г. выдал дочь за литовского великого князя Ольгерда, а через два года после его смерти этот литовский князь окончательно присоединил город (*Сапунов,* 1893. С. 374).

Историческая топография Витебска

ДЕТИНЕЦ ("ВЕРХНИЙ ЗАМОК"). Важнейшей частью всякого средневекового города Западной Руси были, естественно, детинец и окольный город с посадом. Верхний (детинец) и Нижний (окольный город) замки расположены в Витебске между р. Витьбой и Ручьем, впадающим в Западную Двину. Они упоминаются в источниках со времен Олъгерда (*Сапунов,* 1893. С. 395).

Ручей, вероятно, был специально выкопан при строительстве укреплений. Само название "Ручей" встречается со времен Ольгерда (XIV в.), когда, вероятно, он и стал играть существенную роль в системе витебских укреплений (*Сапунов,* 1893. С. 395). Ольгерд (1345-1377) обстроил Замки каменными укреплениями. А. Гваньини (1538-1614) "застал" все же деревянные стены: "В Витебске два весьма обширных и благодаря удобному положению весьма укрепленных замка: если один из них, расположенный на равнине и обширностью равный городу, называется Нижним Замком, то другой же, Верхний Замок, находится на довольно возвышенном холме. Оба эти замка укреплены большими стенами и башнями, которые построены из дуба и наполнены землею и камнем" (*Gwagnin,* 1611. S. 25). Таким образом, в XVI в., когда жил А. Гваньини, от каменного замка Ольгерда XIV в. почти ничего не осталось. Он был разрушен, по-видимому, в 1396 г. при осаде города Витовтом (*Сапунов,* 1893. С. 395).

Более поздние сведения о Замках Витебска можно получить из "чертежа" г. Витебска 1664 г., где видны стены, ограждающие отдельно Замки Верхний и Нижний, а также и так называемое "Взорье" или "Острог" на правом берегу р. Витьбы, при впадении ее в Западную Двину. По данным словаря А. Щекатова (1801. Т. 1), Верхний Замок со стороны Витьбы еще сохранял высокий земляной вал, а за Замком «в великом буераке течет в Двину небольшой ручеек, за которым на угорке, находящаяся часть города называется "Заручавье". К буераку от Витьбы подходит также буерак "Чрек", через который к жительству вверх по горе сделан мост, называемый "Кривой", да через Витьбу к Замку - другой, который "Красным" называется...» (*Щекатов,* 1801. Т. 1. С. 861). Современник А. Шекатова Василий Севергин сообщает, что Витебск имел 7 частей: Замковая, Заручевская, Задуновская, Подвинская, Песковатская, Взгорская, Загорецкая за Двиной (*Севергин,* 1804. С. 134).

Верхний и нижний замки, очевидно, не были древнейшими поселениями Витебска. Не уделив должного внимания начальным этапам топографии города, Ю.А. Егоров не придал значения одной крайне существенной подробности, сближающей начальные этапы истории Витебска с начальными периодами Полоцка. Речь идет о возвышенности, обозначенной на плане конца XVIII в., приводимом Ю.А. Егоровым, под буквой "А" с расшифровкой "Старая крепость" (*Егоров,* 1954. С. 88). Остатки этого холма и были древнейшим Витебском, о котором мы говорили в своем месте. Они находились во дворе мужской гимназии уже в сильно искаженном виде и до сих пор именуются "Замковой горой".

Витебский детинец в целом (Верхний замок) и Окольный город (Нижний замок) частично можно охарактеризовать по сохранившимся планам XVII-XVIII вв. Судя по "Чертежу 1664 г." *(Сапунов,* 1910), верхний замок тогда был значительно меньше нижнего и располагался намного выше. В XVII в. он сохранял еще часть стен Ольгерда из камня, имел двор воеводы, "Двор Горского", тюрьму, колодец и церковь св. Михаила. Близость последнего ко двору воеводы, может быть, указывает на место, где в древности находился княжеский двор и при нем княжеская церковь (в Чернигове, Переяславле Южном и в ряде других городов русского средневековья, судя по летописям, церковь Архангела Михаила стояла именно на княжьем дворе).

По территории замка были проложены три бревенчатые мостовые, указывающие направление древних улиц.

Река Витьба в этот период, видимо, была запружена (на чертеже обозначен пруд). Подняв в реке уровень воды и соединив ее с ручьем, можно было обеспечить водой и восточный ров, что намного усиливало безопасность города.

Особый интерес представляют планы Витебска XVIII в., на которых видна доекатерининская планировка города. Таковы: План Полоцкого наместничества городу Витебску (ПСЗ, 1889) и План 1797 г., опубликованный А.П. Сапуновым (1883. С. 380 и ел., вклейка после С. 380), подлинник которого хранился в Витебской губ. чертежной *(Сапунов,* 1893. Вклейка после С. 392). Первый план представляет проект перепланировки города во времена Екатерины. Можно заключить, что планировка XVIII в. почти не изменила древней планировки замков. На плане, опубликованном А.П. Сапуновым, виден ряд весьма важных топографических деталей. Прежде всего, отчетливо заметны границы детинца Верхнего Замка, на котором, как мы и предполагали, роль вала играет Замковая Гора. Площадка детинца выше площадки Окольного города (Нижнего замка), на которую с юго-запада заходит и позднее засыпанный ее склон. По приблизительным подсчетам (только и возможным на таком плане), величина площадки витебского детинца равнялась (без валов) 3^4-,5 га. У северного ее края показан какой-то водоем, соединявшийся с р. Витьбой. В XIX в. водоема уже не существовало, однако, судя по цитировавшемуся документу вице-губернатора Мамчича (см. выше), на месте водоема до постройки здания и вблизи от него существовало болото (ДАК, 1897, № 78. Л. 6-8; см. также: *Сапунов,* 1910). Непосредственно к городищу с восточной стороны примыкал большой ров *(Сапунов,* 1910. № 12, рис. 3). По-видимому, в древности детинец связывался с Окольным городом небольшой перемычкой, а может быть и просто мостом (рис. 34).

О характере культурного слоя детинца судить было невозможно, ибо ранее раскопок там не было. Ряд находок, как сказано, был обнаружен в 1890-х годах при разрушении Замковой Горы (или возле нее). В каталоге Витебского музея *(Змшпроцкий,* 1912) упоминаются поступившие оттуда древние ключи (инв. № 192 и 308), медная пряжка (№ 193), изразцы (№313-352), "сулея" (№ 309), остатки глиняной "вазы" (№ 1356) (большинство вещей после Второй мировой войны вернулось в Витебск без паспорта). А.Н. Лявданский, осматривавший древности города в 1928 г., упоминает более 20 фрагментов гончарной посуды, найденных на мысу в устье Витьбы, при земляных работах во дворе существовавшей там трикотажной фабрики (на месте здания театра). По мнению названного автора, один фрагмент оказался лепным, культурный же слой, естественно, в этом месте сильно перемешан. *(Ляўданскі,* 1930а. С. 94, табл. № 4, 16-19). По свидетельству Б.А. Колчина, проезжавшего с А.В. Арциховским и А.Ф. Медведевым через Витебск в 1959 г., при рытье глубокого котлована для театра на их глазах из культурного слоя экскаватором вынималось большое количество древнего дерева - остатки построек, мостовых и т.д. Все это наукой использовано не было.

Как видно из плана 1707 г. (см. рис. 34), окольный город Витебска ("Нижний Замок") занимал площадь, втрое превышавшую по размерам детинец. По чертежам 1664 г. в XVII в. здесь находились монастырь, церковь Благовещения, два двора богатых бояр, два колодца и четыре улицы, мощеные деревом, из которых большая, проходившая мимо Благовещенской церкви, судя по сметным книгам г. Витебска, называлась Великой *(Сапунов,* 1910, С. 19). Исходя из сообщения, что в XIV в. Ольгерд выстроил духовскую церковь в поле за ручьем или Замковым Рвом, можно думать, что долина ручья, ограждавшего Окольный город, была специально превращена в ров.

Еще до начала раскопок имелось много данных о находках в слое окольного города. Так, при постройке электростанции в 1897 г. в Витебский музей принесли 151 обломок стеклянных браслетов *(Ляўданскі,* 1930. С. 94). При прокладке водопроводных труб на площади Свободы и по Задуновской улице в 1924 г. были обнаружены "гробовые доски", "человеческие кости и черепа, а также восемь рядов бревен - "остатки мостовой" *(Н.Б.,* 1924), по-видимому, восемь ярусов замощения улицы Великой. При тех же работах около моста через Витьбу у площади Свободы были обнаружены остатки сооружений из камней и дубовых бревен, как предполагалось, - остатки башни "Волконского кругляка" чертежа 1664 г. Обследуя Нижний Замок, А.Н. Лявданский обнаружил в обрыве мыса (там стояла электростанция) серию домонгольских черепков, сходных с найденными на замке *(Ляўданскі,* 1930. С. 104, табл. X, 75).

В восточной стороне окольного города, на той же площади Свободы в 1959 г. была найдена пер-

вая в Белоруссии берестяная грамота. Траншея, в которой ее нашел 20 августа рабочий Е.Н. Фролов, была вырыта на глубину свыше 5 м через площадь по диагонали с юго-запада на северо-восток. Найдена грамота на глубине 3-4 м от поверхности асфальта, в культурном слое XI-XVII вв., содержащем много древних бревен, щепы и некоторого количества керамики (меньше, чем в обычном культурном слое) *(Дроченина, Рыбаков,* 1960. С. 282-283). Сведением об уникальной находке мы обязаны краеведу доценту Витебского пединститута (ныне университет) М. Стрывкину.

В 1959 г. примерно на уровне залегания грамоты и ниже в траншее обнаружены были и другие вещи: тигельки, литейная форма для отливки украшений, стеклянные браслеты *(Алексеев,* 1964. Рис. 5). Два браслета, по Ю.Л. Щаповой, представляют брак от производства желтых браслетов (высокое содержание серебра), что указывает на их местное производство. Траншея на площади Свободы дала еще один важный результат. Удалось выяснить мощность культурного слоя Окольного города, которая в этом месте составляла 4,5 м; первоначальную дату заселения района выяснить тогда не удалось. Церковь Благовещения середины XII в., расположенная в Окольном городе неподалеку от Двины, свидетельствует о том, что в данное время эта часть города была уже заселена.

ЗАДУНОВСКАЯ И ЗАДВИНСКАЯ ЧАСТИ ГОРОДА, расположенные по ручью Дунаю (впадающему в Ручей, огибающий окольный город - Нижний замок) и за Двиной. Требовались археологические раскопки, чтобы что-либо сказать о них. А.П. Сапунов лишь уклончиво отвечал на вопрос о заселении Задунавья. Близость к "Замкам" показывает, что заселены они рано - так говорила логика до раскопок.

Не было сведений о заселении Задвинья, южная часть которого именовалась "Посад Русский" и была заселена, как полагали, гончарами *(Белозерский,* 1901).

Таково было положение дел до археологических раскопок в Витебске.

ВЕРХНИЙ ЗАМОК раскапывался Л.В. Колединским, и на основе этих работ им защищена кандидатская диссертация *(Колединский,* 1991. С. 9). По мнению исследователя, с 1180-х годов, после возведения новых укреплений детинец Витебска получил приращение территории, которая достигла 4 га. "С напольной стороны" к детинцу примкнул Окольный город площадью 6 га. Основной посад, считает он, был расположен к северу за р. Витьбой и именовался с XVII в. "Взгорским городом" (он действительно был выше остальных частей города).

Как показали работы этого исследователя, оборонительные сооружения домонгольского времени представляли, скорее всего, земляную насыпь с бревенчатым частоколом". Вал был насыпан заново в 1130-е годы. Начинаясь от древнего городища, он шел вдоль Витьбы в западном направлении и опоясывал стоящее на мысу поселение, подчиняясь, можно думать, рельефу местности, а затем поворачивал на восток к городищу. Периметр этого вала, по подсчетам исследователя, составлял 770 м при ширине основания 14 м и высоте около шести. Что касается крутизны склонов, то она достигала 45°, может быть, 50°. Любопытно, что основание вала, "ядро", как автор называет, было армировано деревянной конструкцией, "выполненной в перекладной технике". Устройство было следующим: "На продольные лаги длиной 4-8 м перпендикулярно трассе вала укладывались бревна длиной в 4 м, образуя как бы накат. По ширине вала таких накатов было уложено три, а в высоту - 12. Вал сооружался, судя по данным дендрохронологии, в 1135-1140 гг. Его возведение, - считает Л.В. Колединский, - приходится па период Василька Святославича - внука Всеслава Полоцкого" *(Колединский,* 1991. С. 7).

В XIII в., констатирует исследователь, вал подсыпался и достиг ширины основания 22-24 м. "Поверхность вала эпизодически покрывалась плотным слоем глины. Это прослежено археологически и подтверждается письменными источниками" *(Колединский,* 1991. С. 7) (рис. 35).

Любопытно, что в следующий период витебское укрепление оказалось каменным (XIV в.). Это была стена, "возведенная в технике трехслойной кладки из валунов и мелкого камня". Она шла по периметру вала детинца и опущена в его насыпь на глубину 0,5 м. Сооружение стены, по мысли автора раскопок, было начато витебским князем Ольгердом в 1320 г. и окончено его женой Ульяной в 1351 г. Вместе с оборонительным валом Нижнего замка они составляли укрепления единой системы всего города.

По мнению Колединского, "три стены каменные", упоминаемые письменными источниками, это линия укреплений Нижнего Замка - первая зона обороны, линия укреплений Верхнего Замка - вторая система обороны, линия укрепления края площадки Замковой Горы с ее напольной стороны - третья зона обороны *(Колединский,* 1991. С. 7).

Особый раздел в работах Л.В. Колединского занимает изучение культурного слоя и его датировка. Здесь картина выявилась совершенно определенно.

1. Стратиграфический слой I (1,2-3,2 м) - бал ласт XVIII-XX вв.

2. Стратиграфический слой II (0,5-1,2 м) - гумусированный слой XVII в. с включением ярусов "О" и "Г", дендродаты его 1668-1671 гг. и 1621 г.

3. Стратиграфический слой III (3-3,7 м) - гумусированный слой, хорошо сохраняющий органику,

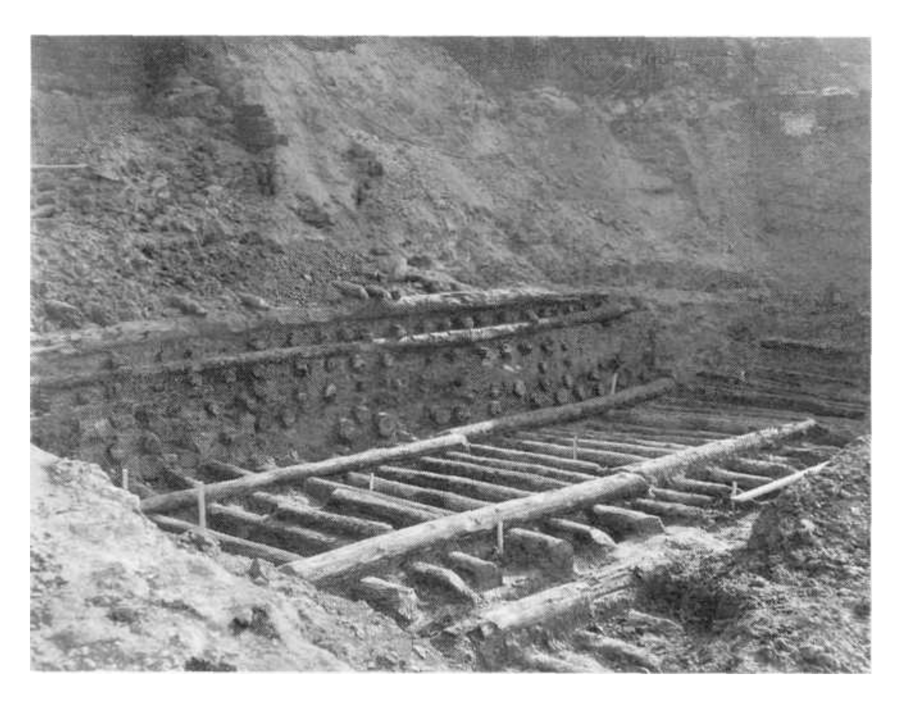


Рис. 35. Витебск. Внутривальные конструкции XII в. Раскопки Л.В. Колединского 1988 г.

датируется второй половиной XII-XVI вв. Этот слой включает ярусы 2-11 с дендродатами:

Ярус 2-1558-1588 гг.
Ярус 3-1484-1516 гг.
Ярус 4 - 1421-1445 гг.
Ярус 5 - 1350-1360 гг.
Ярус 6 - 1242-1327 гг. (перекрыт слоем пожарища 1335 г.)
Ярус 3-1247-1275 гг.
Ярус 8 - 1239 г. + 12-15 лет.
Ярус 9 -1200-1231 гг.
Ярус 10-1189 г.
Ярус 11-1161-1165 гг.

4. Стратиграфический слой IV (1,7-1,8 м) - гумусированный, дата IX-XI вв. Органику сохраняет плохо. "Наиболее интенсивные отложения слоя приходятся на период XIII - первую половину XIV в. Слой пожарища 1335 г., отмеченного в летописи, надежно разделяет слой древнерусского времени и периода Великого княжества Литовского" *(Колединский,* С. 8).

ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВКИ ВЕРХНЕГО ЗАМКА. Основа планировки Верхнего замка и в других древних городах определяется Л.В. Колединским по направлению улиц, застеленных деревом. Как правило, в XIII-XVI вв. улица выкладывалась из сосновых бревен. Улица XVI в. оказалась сплошь выложенной из дуба. Ширина улиц, как и в большинстве городов Руси, -2 м. Если в Новгороде мостовые возобновлялись через каждые 20-25 лет *(Колчин,* 1956. С. 44 и ел.), то здесь за 300 лет сменилось всего 6 настилов. Любопытно наблюдение над датами бревен, которые использовались для мостовых, исходя из "разброса" дат деревьев, шедших на настил в разные периоды. Так, разброс дат второго яруса в среднем составлял 30 лет (1558-1588 гг.), третьего - 32 года, четвертого - 10 лет; шестого - 85 лет, седьмого - 68 лет; восьмого - 11 лет; девятого яруса - 31 год и т.д. Как видим, строительные ярусы обладали наибольшим количеством разнообразного, несгоревшего дерева для выкладки мостовых. Дело здесь, несомненно, в пожаре 1335 г., после которого оставалось, видимо, много дерева, которое успели вытащить из огня. Его и клали на мостовые. По свидетельству автора, обилие частоколов при раскопках свидетельствовало об обилии усадеб.

Стабильность планировки, как и во всех городах, держалась на этом участке достаточно долго, во всяком случае до XVI в. Наиболее плотная застройка, по свидетельству автора раскопок, была на девятом ярусе начала XIII в. (рис. 36). Изменение планировки произошло в XVII в., когда было получено Магдебургское право *(Колединский,* 1991. С. 11). Автор подробно рассматривает все обнаруженные постройки, и археологу приходится лишь сожалеть, что он не сопоставляет их с другими русскими городами, что было бы очень важно.

Говоря о материальной культуре, Л.В. Колединский делает общую для белорусских археологов ошибку, относя к материальной культуре лишь вещевой материал (забывая, что дома, хозяйственные постройки, заборы и мостовые - это тоже "материальная культура").

Важные находки были обнаружены Л.В. Колединским на Верхнем Замке Витебска. Все они были опубликованы в статье с широковещательным заголовком: "Витебский храм св. Михаила". На самом деле были найдены лишь небольшие остатки, которые могли принадлежать храму св. Михаила,

Рис. 36. Витебск, детинец. Постройки рубежа XIII-XIV вв. Раскопки М.А. Ткачева и Л.В. Колединского 1978 г.

обозначенному на чертеже 1654 г.: кусок плинфы со следами цемянки, которую в 1964 г. вблизи Витебского пединститута обнаружил доцент М.Ст. РЫБКИН. Последний даже утверждал, что при рытье канавы для водопровода перед зданием Пединститута он видел остатки кладки из плинф на цемянке, которым не придал особого значения *(Алексеев,* 1966а. С. 163, примеч. 83). Плинфа, каменные плиты, как и керамические плитки пола, смальта и часть оконного стекла, были собраны во время земляных работ на Верхнем замке в 1978-1979 гг. М.А. Ткачовым и Л.В. Колединским *(Колединский,* 1995, С. 60). Плинфа имела толщину 3,7 см, характерную для зданий XI в. Колединским, судя по его разъяснению в примечании, были собраны лишь фрагменты плинфы. "Целые плинфы" были собраны и переданы в Витебский музей М.Ст. РЫБКИНЫМ, где, видимо, находке не придали значения. "По словам М.Ст. Рывкина формат плинф был близок к квадрату" *(Колединский,* 1995. С. 60, примеч. 8). Известняковые плитки с Верхнего замка имели толщину 3-3,5 см.

"Плитки пола, - свидетельствует Л.В. Колединский, - были сделаны в деревянной форме. На нижних и боковых их гранях видны адбитки (отпечатки - *Л.А.)* древесных волокон. Цвет плиток - темно-красная глина, примеси - песок и дресва. Плитки имели равномерный коричневато-оранжевый цвет... По форме - стрелоподобные и ромбические и треугольные, стреловидно-ромбические имели длину 11-11,5 м, ширину в ромбической части - 7,5 см. В узкой части - 4 см" и т.д. *(Колединский,* 1995, С. 60-61).

Оконное стекло толщиной в 1,1 мм зеленоватого цвета. В Белоруссии оконное стекло известно из Новогрудка, Турова, Гродно, Полоцка, но там оно желтоватого цвета. "Оконное стекло из Витебска кроме зеленоватого цвета имеет низкощелочной состав, характерный для Западной Европы".

Найденная смальта - кубик бесцветного стекла[14] длиной 9 мм и шириной 8,3-7 мм. "На Белоруси смальта известна из раскопок М. Каргера из могильного склепа Евфросиньевского монастыря в Полоцке, где ее собрано 43 кг, и на раскопках Верхнего замка в Полоцке" *(Раппопорт,* 1980, С. 142-161; *Штыхов,* 1975. С. 97). Вот те немногие остатки, которые могли принадлежать домонгольской церкви св. Михаила. Надо сказать, что всего этого слишком мало, чтобы утверждать, как это делает Л.В. Колединский (1995. С. 59-66), что обнаружены следы храма.

ГОРОДСКОЙ ПОСАД раскапывался в разных местах города и в разное время различными архео-

[14] Удивительная (единичная!) находка смальтового кубика синего цвета была обнаружена Г.В. Штыховым (1978. С. 104) на городище в Староборисове. Для каких целей употреблялись кусочки смальты в столь, по-видимому, малом количестве, неизвестно.

логами. На Нижнем замке, который прилегает к Верхнему с юга и востока (ныне - площадь Свободы, руины Благовещенской церкви), раскопки впервые проводились Г.В. Штыховым в 1964, 1965, 1966, 1972 гг.

Вблизи Благовещенской церкви культурные отложения составляют 4 м *(Штыхов,* 1978. С. 34). Керамика древнейших слоев здесь типична для верхнего слоя Банцеровщины и оставлена, следовательно, восточнобалтскими аборигенами *(Бубенько,* 1991. С. 5), жившими здесь в третьей четверти I тыс. н.э. О занятиях этого населения свидетельствует находка литейной формы, обломков тигилей для плавки металла, серпа и др. Этот стратиграфический слой Т. С. Бубенько обозначен номером первым.

Второй стратиграфический слой содержит вещи 1Х-Хвв. и равномерно распространен как в западной, так и в восточной частях Нижнего Замка. Здесь встречается лепная керамика типа кривичских курганов Смоленщины.

Третий стратиграфический слой соответствует эпохе Киевской Руси. Здесь найдены предметы не позднее XI в. (рубленый бисер, пронизки, трапециевидные привески, односторонние костяные гребни). Все это вещи, близкие к вещам, происходящим из Гнёздова. Они составляют нижнюю часть данного слоя. Его верхнюю часть характеризуют вещи более поздние, но, насколько можно понять, редко или совсем не встречающиеся в Гнёздове конца X - начала XI в. *(Бубенько,* 1991. С. 5 и 6). Это - спиралеконечные фибулы, узкопластинчатый браслет, костяные двусторонние гребни, каменные (сердоликовые и хрустальные) бусы. Есть и бусы золотостеклянные (XII в.).

Крайне важно, что этот слой перекрывается строительным мусором Благовещенской церкви, датируемой концом 40-х - 50-ми годами XII в. Это дает редкую в археологии надежную дату *(Бубенъко,* 1991. С. 6). Выделившийся "микрослой" автор, таким образом, датирует X - серединой XII в.

"Микрослой", подстилающий предыдущий, содержит бусины, характерные для XI-XII вв. (боченковидные, ромбовидные, шарообразные со "спиральноволнистой инкрустацией", янтарные бусины, крестики, круглые дротовые перстни с расширенной серединой). На нижнюю часть этого "микрослоя" приходится самое большое количество шиферных пряслиц и "довольно много стеклянных браслетов" (подсчеты почему-то отсутствуют, хотя они необычайно важны). Максимум браслетов - у верхней части микрослоя. Вещи, датируемые автором серединой - первой половиной XIII в. - шпоры с шаровидным и пирамидальным шипом, ключи-замки типа В, костяные гребни (типа Е, Л, М, по Б.А. Колчину) найдены в самой верхней части этого "микрослоя" *{Бубенько,* 1991. С. 6). Но это позволяет датировать микрослой" второго периода, по мнению автора, серединой XII - первой половиной XIII в., т.е. концом домонгольского периода, который нас в этой книге и интересует.

Итак, суммируя имеющиеся данные, "поселение IX-XIV вв. составляют три стратиграфических слоя: 1) Светло-серой окраски, связанный с жизнедеятельностью кривичей - IX-X вв.; 2) черный слой, нижняя часть которого датируется X - началом XII в.; 3) слой, датируемый второй половиной XII - первой половиной XIII в. *(Бубенько,* 1991. С. 7).

Автор полагает, что поселение Витебск возникло из нескольких поселков кривичей (на Замковой горе, на мысе р. Витьбы, на берегу р. Ручей). Эти отдельные села и составили посад при витебском детинце (ХП-ХШ вв.) *(Бубенько,* С. 8-9).

При изучении планировки и застройки витебского посада, Т.С. Бубенько удалось сделать ряд интересных наблюдений. Она констатировала, что участок восточнее детинца (западная часть площади Свободы) до самого XVII в. являлся "узлом, к которому стягивались городские улицы. Великая, ведущая к северным воротам города, сливалась здесь с улицей Великой Задунайской (существовала с XII в.)" *(Бубенько,* 1996а. С. 59). Исследуя опубликованные позднесредневековые документы, она выяснила, что "к ним примыкали заулок Кузьмодемьянской улицы и ул. Пробойная, ведущая на детинец" (ИЮМ, 1893. С. 499 и др.). В этой части замка были въездные ворота "Красные", от которых шла улица на Взгорье.

Интересны выводы автора, сделанные на основании анализа документов, о местонахождении торговой площади Витебска, где, кстати, была обнаружена берестяная грамота "торгового содержания". "Торжище, - пишет Т.С. Бубенько, - занимало пространство между улицей Великой и Великой-Задунайской. С севера и востока его территория ограничивалась заулком Кузьмодемьянским, идущим от улицы Задунайской к улице Великой, образуя таким образом замкнутое пространство". Ссылаясь на "Историко-юридические материалы" (1893. С. 420, 499, 1894. С. 476), исследовательница указывает, что здесь, на торгу, была церковь с типичным для торга наименованием - Параскевы Пятницы" *(Бубенько,* 1996а. С. 60).

Вторым узлом, по выражению Т.С. Бубенько, витебского посада (Нижнего замка), к которому стягивались улицы, была часть, расположенная к юго-западу от детинца, при впадении в Западную Двину р. Ручей, где стояла Благовещенская церковь *(Бубенько,* 1996а. С. 60).

Застройку усадеб поселений удается проследить с XI-XII вв. "Городские усадьбы вплотную примыкали к проезжей части улицы, причем изгородь упиралась в торцы мостовой. Устойчивость уличной планировки в течение XII-XVI вв. обусловила и устойчивость границ усадеб. Особенно хорошо это прослеживалось на восточном посаде" *(Бубенько,* 1996а. С. 60). В западном посаде было выявле-

но шесть дворовых комплексов, на восточном - пять. При сопоставлении данных археологии с данными письменных источников, выяснилось, что размеры усадеб были 140-260 м^2.

Усадьбы состояли обычно из избы, амбара, одного-двух хлевов и легкого навеса для скота. Постройки шли по периметру усадьбы, оставляя в середине небольшой дворик.

В раннесредневековом Витебске планировочная структура развивалась от бессистемной - к уличной, что характерно для всех городов Руси этого раннего времени *(Бубенько,* 1996. С. 64).

Планомерные археологические раскопки Витебска в течение восьми сезонов (1981-1989) позволили Т.С. Бубенько (1992. С. 46-68) изучить жилье феодального Витебска. "Основным типом рядового посадского жилья, - пишет исследовательница, - были дома из бревен, положенных непосредственно на дневную поверхность или слегка углубленные в землю. Вскрытые постройки исключительно срубной конструкции, их размеры от 2,6 х 2,6 м до 6,8 х 6,7 м. Наиболее распространены дома площадью 12,5-14,5 кв. м." *(Бубенько,* 1992. С. 48). Скорее это были какие-нибудь производственные сооружения, где не удалось установить следов производства. Интересно, что домовые деревянные постройки, по свидетельству автора раскопок, находят полное соответствие в этнографических материалах Белоруссии *(Малчанова,* 1956. С. 55-64).

Все срубы рубились в обло, срубы "в лапу" появились на рубеже XV-XVI вв. Материалом для построек служила чаще всего сосна. Применение ели крайне редко и только, начиная с XIII в. Деревянные полы крепились на лагах. Встречались дома и с завалинкой. В XIV в. в городе появились четырехугольные скаты крыши. Подклеты появились в XV-XVI вв.

Соотношение печи и входа удалось установить лишь в десяти случаях. Во всех случаях печи были в углу, часто ближе ко входу (топились по черному). Печи, как обычно, были глинобитными или каменками. Первые более характерны, как свидетельствует Т.С. Бубенько (1992. С. 63), превалируют в слоях XI-XIII вв. Печи клали обычно прямо на землю или на деревянный "опечек".

Скажем несколько слов о культурных связях Витебска, как они вырисовались на материале посада по раскопкам Т.С. Бубенько (19966). Как и обычно, нижние слои витебского посада (X в.) изобилуют привозными бусами из стекла и в меньшей степени из камня. В IX-XI вв. бусы привозились в Витебск из стран Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, из южных окраин Европы *(Бубенько,* 19966. С. 42). В это же время, судя по находкам, в Витебск был привезен янтарь.

Договоры русских с Ригой и Готским берегом XIII в. показывают, что торговое судоходство по Двине в это время было немалым, и это, как свидетельствует Т.С. Бубенько, немедленно нашло свое отражение в находках культурного слоя посада Витебска. Встречаются в нем и шумящие привески - типичные предметы севернофинских народов. Несомненны большие торговые и культурные связи были с южнорусскими землями и прежде всего с Киевом и т.д. Постройка западноевропейскими мастерами на витебском посаде в середине XII в. церкви Благовещения - свидетельство не только торговых связей города, но и культурных веяний, идущих тогда с Запада.

Все эти материалы будут особенно важны и интересны, когда осуществятся исследования общего характера по всему Витебску.

ВЗГОРСКИЙ ГОРОД, расположенный на высоком берегу р. Витьбы при ее впадении в Западную Двину, именовался также Острогом. Весной 1972 г. при ремонте Смоленской (Ленина) улицы здесь проводил наблюдения Г.В. Штыхов. Он выяснил, что к востоку от бывшей городской ратуши (ныне музея) культурные напластования достигают мощности от 1 до 2 м, изредка - 3 м. Древнейший горизонт здесь датируется концом гнёздовского времени (X - начало XI в). На Смоленской улице были выявлены слои ХН-ХШ вв.

В 1979-1982 гг. О.Н. Левко вскрыла свыше 600 м^2 на Взгорском городе и провела там же ряд археологических наблюдений за строительными работами. Оказалось, что большая часть территории Взгорья относится к XIV-XVII вв. и лишь в некоторых местах были следы жителей Х-ХШ вв. *(Левко,* 1984. С. II, 38, 82, 110; Археалёгія Беларусі, 2000. С. 203). На так называемой Лысой горе (Успенской) исследовательница выявила на материке срубную конструкцию XI - начала XII в., которую она склонна трактовать как остатки языческого святилища *(Левко,* 1999. С. 75-77).

Как видим, витебское Взгорье начало заселяться в X - начале XI в., существовало все домонгольское время. Его исследовали, но удовлетворительных публикаций раскопок еще следует ждать.

Судя по документам более позднего времени, Взгорский город заселен был далеко не сразу: церковь Иоанна Богослова 1522 г. в то время стояла еще "на поли", "за местом" *(Сапунов,* 1893. С. 393). По Чертежу 1664 г., в XVII в. эта часть города была обнесена деревянными стенами и имела несколько церквей. Центром заселения в это время была рыночная площадь с ратушей и Гостинным двором. Рынок был сюда, видимо, переведен в эпоху позднего средневековья с Окольного города. Документы сохранили некоторые топографические названия в черте Узгорского города: ул Большая Узгорская (1624), Острая Гора у Спас ской церкви (1662 г.), Узгорские поля, Узгорская слобода *(Сапунов,* 1893. С. 393).

ЗАРУЧАВЬЕ - не менее интересный исторический участок древнего Витебска. Как видно на плане (рис. 34) эта часть города делилась на западную и восточную. Первая была расположена в низине у самого ручья, вторая же представляла довольно высокую возвышенность. Основываясь на документах позднего средневековья, А.П. Сапунов (1893. С. 393) утверждал, что западная часть Заручавья была заселена довольно рано, а восточная не была заселена даже во второй половине XVI в., но объяснения этому не нашел. Однако в документе 1602 г. рассказывается о сопротивлении, оказанном витеблянами атаману Кондрату Дубине, напавшему на Витебск. Захватив атамана, витебляне вывели его в урочище "Заручайские волотовки" и посадили на кол. Волотовки - это курганы. К ним исстари относились с почтением, и их территорию не заселяли *(Сапунов,* 1893. С. 386). Таким образом, "Заручайские волотовки" - незаселяемое курганное поле на окраине города, при выезде из него.

Западная часть Заручавья сохранила нам наименования некоторых улиц: Кожевенная (над Двиной), "Резницкая" *(Васильев,* 1906). Есть сведения, что до пожара 1872 г. участок был населен кожевниками. Даже в XIX в. из 14 кожевенных заведений города, 12 находилось на Кожевенной набережной. Здесь стояла церковь Воскресения и по списку церквей 1618 г. она называлась "Кожемятской" *(Васильев,* 1906). Низко расположенный берег Двины был удобен кожевникам, ремесло которых требовало обилия воды *(Тихомиров,* 1956. С. 243). По тому же списку церквей 1618 г. *(Сапунов,* 1898. С. 9) одна из улиц Заручавья именовалась Большой. Духовская же церковь (XIV в.), расположенная к востоку от современного здания Облисполкома, находилась у самого поля, т.е. на границе города *(Сапунов,* 1893. С. 386).

Интенсивные раскопки археологов Белоруссии в Витебске в последнее время были суммированы (Археалогія Беларусі, 2000. С. 199-204). Мы можем этим воспользоваться, добавив к ним и свои наблюдения. Выяснилось, что первое поселение возникло в Витебске на городище Замковая Гора еще на рубеже н.э. в эпоху так называемой днепро-двинской культуры, оставленной балтскими аборигенами. В третьей четверти I тыс. н.э. у ее подножья в устье р. Витьбы, а также на берегу Западной Двины у так называемого Ручья были основаны еще два поселения.

На всей этой территории в гнёздовское время, т.е. в IX - первой половине X в. обосновалось так называемое Малое племя кривичей, недавно пришедших сюда с севера. Для них особый интерес вскоре представил торговый путь по Западной Двине, также недавно проложенный здесь торгующим иноземным людом в сторону уже знакомого нам Гнёздовского Свинечска - Смоленска на Днепре.

С развитием Пути из варяг в греки (и проходившего здесь его ответвления на Двину), кривичское городище, теперь - 'Замковая Гора" и селения вокруг начали развиваться и распространяться вширь. Уже в конце X в. начало заселяться так называемое "Взгорье" на правом высоком берегу р. Витьбы (не говоря об окрестностях Замковой Горы, заселенной кривичами еще ранее).

В XI в., видимо, с концом гнёздовской "предгородской" эпохи все поселения устья Витьбы сконцентрировались в одно целое, с единым управлением, с массой лиц, занимавшихся здесь теперь ремеслом и торговлей с проезжими, главным образом, видимо, купцами. Таким образом возникло поселение городского типа с многочисленными горожанами, о наличии которых теперь свидетельствует окружающий город реконструированный нами по данным топонимии громадный курганный могильник *(Алексеев,* 1966а. С. 168, рис. 40) - "волотовки" Задуновские, Заручайские, и т.д. Так образовался раннесредневековый Витебск.

Друцк

Друцк, расположенный в самом верховье р. Друти, вблизи волоков на путях из Днепра в Двину через Лукомль, был основным соперником Минска за обладание полоцким столом. Друцкий княжеский удел, как и Минский удел, был организован либо в конце жизни Всеслава Полоцкого (ум. в 1101 г.), либо непосредственно после его смерти. Судя по княжению внука Всеслава, Рогво^лода - Василия Борисовича и его потомков, Друцк принадлежал одному из старших сыновей Всеслава (от первого брака) Рогволоду Борису Всеславичу, являлся центром Друцкого удела, охватывавшего, по-видимому, все течение Друти, р. Бобр, Усяж-Бук, Обольянку на северо-западе и на севере. На востоке удел доходил до рек Адров и Днепр. Южная граница удела простиралась до впадения р. Грезы, а скорее и до самого устья Друти. Друцкий удел-волость под наименованием "Друцкая земля" упоминается в Западнорусских летописях при сообщении известия (легенды?) о киевском князе Димитрии, бежавшем от Батыя в Друцк и "Землю Дручскую", где он "посел и город Друческ зарубил" (ПСРЛ, 1907. Т. 17. С. 230, 243, 299, 360; Хроника Быховца, 1966. С. 36, 37).

Друцк контролировал друцкий путь, удобный для поддержания связи со всеми подвластными землями. Березина, с ее обилием лесов и, судя по курганам, малой заселенностью, видимо разделяла Минский и Друцкий уделы. По сообщению В.Н. Татищева (1963. Т. 2. С. 123) друцкий князь Борис Всеславич (ум. 1129), возвращаясь в 1102 г. из похода на ятвягов, отстроил город Борисов

(ныне Старый Борисов), по-видимому, на западной границе своего удела (в Полоцке в то время сидел Давид Всеславич).

Письменные источники

Древний летописный город Друцк был основан кривичами на верхней Друти, после того как туда продвинулось с севера одно из кривичских племен. Судя по курганам с кремацией в гончарных урнах, расположенным вокруг, можно думать, что это произошло на рубеже X-XI вв., или в самом начале XI в.

Первое упоминание о Друцке находим в поучении князя Владимира Мономаха. Освещая свой жизненный путь, великий киевский князь писал: "И Всеславъ Смоленескъ ожьже, и азъ вс-Ьдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньск'Ь. Рьм же путем по Всеслав-ь пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову... " (ПВЛ, 1950, С. 159). Как следует из контекста, этот поход Мономаха - тогда черниговского князя - относится к 1078 г. В собственно древнерусской летописи говорится о Друцке, начиная с 1092 г.: "В л-Ьто 6600/1092. Предивно бысть чюдо Полотьск-Ь, въ мечт-в: бываше в нощи тутънъ, станяше по улици, яко челов-Ьци рищуще бъхи. Аще кто вылъ-зяше ис хоромины, хотя вид-Вти, абье уязвенъ будяше невидимо от бъховъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. По семь же начата в дне являтися на конихъ, и не б-ъ ихъ вид-Ьти сам-вхъ, но конь ихъ вщгЬти копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Т'Ьмь и человъци глаголаху: яко навье бьють полочаны. Се же знаменье поча быти отъ Дрьютьска..." (ПВЛ, 1950. С. 141).

Этот легко переводимый текст летописи не вполне ясен по существу. Он находится между сообщениями о каких-то астрономических явлениях, возникших якобы "в си же времена". Вероятно, в представлении древнего монаха здесь раздвоилось затмение солнца 21 мая 1091 г. *(Святский,* 1915, С. 104) - это затмение под этой датой он и упомянул сначала, а после текста о "навьях" (души умерших), он вновь сказал: "в си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посредъ* неба превеликъ..." В 1092 г. была, видимо, величайшая засуха, горели леса и болота, к тому же вторгшиеся половцы заняли три русских города и "в си же времена мнози челов-Ъци умираху различными недугы... " - все это и позволило суеверному книжнику создать фантастическую легенду о "душах умерших"! Для нас же важно, что "в си времена" Друцк существовал и по летописи (неурожайный же год на Руси, по дендрохронологии Новгорода падает не на 1092, а на 1096 г.) *(Колчин,* 1963. Табл. на рис. 54).

Несколько больше можно почерпнуть о Друцке из шести летописных сообщений XII в. В 1116 г., как мы упоминали, Владимир Мономах, желая отомстить Глебу Минскому (за нападение того на Случеск), направил Давыда Святославича и Ярополка Владимировича на Друцк, и те "узя Дрьютескъ на щитъ" (ПВЛ, 1950, С. 201). Очевидно, Друцк, где сидел брат Глеба Борис Всеславич, в то время был союзником Минска. Надо сказать, что распределение земель между Всеславичами по смерти их отца прошло, можно думать, вовсе не просто. Сначала они враждовали, по-видимому, со своим старшим братом Давидом, севшим в Полоцке. Этим, очевидно, и объясняется близость друцкого Рогволода-Бориса и минского Глеба. Как шла жизнь в Друцке далее вплоть до знаменитого похода южнорусских князей на князей полоцких ("кривичей") в 1127 г., мы не знаем. Всеславичи, которые обязывались до этого ходить в походы с южнорусскими князьями, теперь в чем-то провинились, видимо, отказались подчиняться Киеву, и киевский князь Мстислав Великий двинул на них войска:

"В то же Л-ьто (1127) посла князь Мстиславъ братью свою на кривич-fe четырми пути: Вячеслава ис Турова, Андрея из Володимеря, а Всеволодка из Городна и Вячеслава Ярославича исъ Кльчьска. Т'Ьмь повел-Ь ити къ Изяславлю, а Всеволоду Олговичу повел-Ъ ити с своею братиею на Стръжевъ к Борисову. И Ивана ВоигЫнича туже посла с Торкы и сына своего Изяслава ис Курьска с своим полком посла и на Логожескъ. А другого сына своего Ростислава посла с Смолняны на Дрьютескъ... " (ПСРЛ, 1927. Т. 1. С. 302). На Друцк, таким образом, шел молодой князь из Смоленска со смоленским войском. Смоленск был по соседству к этому городу, вместе с гнёздовской его стадией существовал уже с IX в., т.е. более двух веков, был во главе целого княжества, которое продолжало расти *(Алексеев,* 19806. С. 45, табл. 1) и т.д. Словом, войско, с которым его князь подошел к Друцку, было немалым. Последствия этого похода нам известны: полочане согласились свергнуть полоцкого князя Давида и заменить его друцким князем Рогволодом-Борисом Всеславичем *(Алексеев,* 1966, С. 260, 261). Рогволод-Борис вскоре умер (1128), полоцкие князья вновь отказывали в подчинении киевским князьям ив 1130 г. были высланы в Византию. Среди ослушников киевских князей оказались и друцкие потомки Бориса, в частности, князь друцкий Рогволод Борисович, судя по надписи на Рогволодовом камне (к северо-востоку от Друцка), имевший крестильное имя Василий *(Таранович,* 1946, С. 249-260). Через 10 лет он смог возвратиться и (в 1146 г, ?) занять полоцкий великокняжеский стол *(Алексеев,* 1966а, С. 265, 267).

Рогволод Борисович правил в Полоцке в 1146-1151 г. и ориентировался при этом на Мономаховичей-Мстиславичей. Им было недовольно полоцкое вече, которое, изгнав его и вступив в

сношения со Святославом Ольговичем, владевшим в это время "всеми дреговичами", пригласило из Минска кузена Рогволода - Ростислава Глебовича. Рогволод оказался в минской тюрьме. Сидевший в 1146-1151 гг. в Друцке Глеб Рогволодич, нужно думать, был тоже согнан (вероятно, Ростиславом), и в Друцке вокняжился сын Ростислава - Глеб, о годах правления которого мы ничего не знаем.

Роль Друцка как отчины Рогволодичей-Борисовичей значительно возвысилась в 1159 г. или, по Н.Г. Бережкову (1963. С. 170), - 1158 г., когда Рогволод Борисович бежал из минского плена и обратился к своему бывшему почти врагу:

«Том же л-бте иде Рогъволодъ Борисовичъ от Святослава от Олговича искать соб-в волости, поемъ полкъ Святославль, зане не створиша ему милости ему братья его, вземше под ним волость его и жизнь его всю. И, приЪхавъ къ Случьску, и начаша слатися ко дрьючанномъ. Дрьючане же ради быша ему и при-Ьздяче к нему, вабяхуть и к соб-Ь, рекуче: "ПО-БДИ, княже, не стряпай. Ради есме тоб-Ь - аче ны ся и Д-БТЬМИ бити за тя, а ради ся бьемъ за тя. И выъ-хаша противу ему боле 300 лодии (очевидно, "людии". - *Л.А.)* дрьючан и полочанъ. И вниди в городъ с честью великою, и ради быша ему людие. А Гл-вба Ростиславича выгнаша, и дворъ его разграбиша горожане и дружину его. И приде Гл-вбъ къ отцю... " (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 493).

Посадив сына Глеба в Друцке (1159), Рогволод садится в Полоцке (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 494 и ел.; *Алексеев,* 1966а. С. 268-270). Но, проиграв битву с Глебовичами (1162), он бросает войско и ретируется в Друцк. Став врагом полочан, он вступает в сношения со смоленскими князьями, что вызывает поход большой коалиции южнорусских князей (1180 г.; ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 620-621). Для защиты Друцка в него входит Давид Смоленский, но когда стало известно о движении на Друцк коалиции князей во главе со Святославом Всеволодовичем Киевским, которому подчиняются и полоцкие князья, Давид оставляет Друцк. Войска Святослава обложили было город но, узнав о бегстве смоленского князя, Святослав ограничивается поджогом друцкого "острога" (окольного города). Летописец об этом рассказывает во всех деталях. На Друцк шли: Ярослав с Игорем Святославичем (героем "Слова о полку Игореве") и с половцами, полоцкие князья (полоцкий Всеслав Василькович с полочанами, его брат Брячислав князь витебский, с ливами и литвой, Всеслав Микулич Логожский, также князья Андрей Володшич с сыновцом Изяславом и Василько Брячиславич). Обилие полоцких князей показывает, что Друцк действительно "уходил" к Смоленску, князь которого был, несомненно, силен. Но все кончилось к "благополучию" полоцких князей - город был вырван у Смоленска (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 620, 621).

В XIII в., подобно другим городам Полоцкой земли, Друцк оказывается завоеванным Литвой. Сведения о нем находим лишь в Западнорусских летописях, Хронике Быховца (XVI в.). После разгрома Киева Батыем (1240) "Князь Великий киевский Димитрий, испугавшись большой силы и могущества его, убежал из Киева в г. Чернигов. ...И услышал, что мужики живут без государя, и зовутся дручане, и он собрал людей и пошел к Друцку, и осел в земле друцкой и срубил город Друцк и назвался великим князем Друцким... " (Хроника Быховца, 1966, С. 36, 37). Этот бывший киевский наместник, а теперь князь Друцкой Димитрий, встречается и в других текстах летописей. Так, "Хроника литовская и жемайтская" под 1284 г. сообщает: "Ринголт Алгимунтовичь, внук Троняти, по смерти отца своего Алгимонта, гды почал великим князем литовским, жмойтским и руским писатися, позайзрЪли тому княжата руские мяновите Св-Ьтослав, киевский монарха, котрый соб-Ь власть порадком своих продков привлащал. Видячи, же литовские княжата, погане, моць свою в панствах руских розширили и з голду, который здавна до Киева платили, выбилися, почал радитися з другими княжаты, звлаща Лвом володимерским, Дмитром друцким, абы зноу Литву под ярмо першое могли привести. Змолвилися ВСЁ три сполне и одностаине собъ- помогати и воевати противко Ринголтови Алгимунтовичу, хотячи его з стародавной отчизны своей выгнати, князств руских и литовских, котрые завше до Киевской монархии належали... " (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 25).

В результате у Могильно на Немане произошла битва, тянувшаяся с утра и до вечера. Противники Ринголта, в том числе и Дмитрий Друцкой с помогающими им татарами и другими воинами бежали в Луцк.

Из другой летописи мы знаем, что друцкий князь в это время имел пригороды (их взял с волостями Эрдивил в 1285 г. - ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 26).

Больше информации о Друцке находим в текстах XIV в. Из описи имущества митрополита Феофила (1317 - около 1330) выясняется, что иерарх "имел возможность руководить из Новогрудка православной церковью Литвы под властью великого князя-язычника" и среди его должников упомянут и Друцк *(Пашуто,* 1959. С. 321). В Тверской летописи сообщается, что "князь великий Иванъ Даниловичь посла свою рать с Тувлубием (послом из Орды. - *Л.А.)* къ Смоленску, по цареву велению, а отпустил князя (Константина) Суздалского, князя Константина Ростовского, князя Ивана Ярославьича Юрьевского, а с ним(и) воеводу Александра Ивановича князя Ивана Дрютскага, Феодосия Фоминского, Федора Акинфовича. И стоявши рать у Смоленска не много дний, разыдошася, а города не взята" (ПСРЛ, 1965. Т. 15. Стб. 421). Надо сказать, что в 1330-х годах при Иване Друцком этот город был транзитным пунктом, через

который ездили от Витебска на Слуцк, на Константинополь, на Афон (*Тихомиров,* 1968. С. 71).

В 1370-е годы друцким князем был еще один Дмитрий: "В л-вто 6881/1373. По Велиц-Ь дни в Фомину нед-ьлю князь Михаило Тферьскый подвелъ рать Литовскую в таю - князя Кестутья съ сыномъ Витовтомъ, князя Андръ-я Полотьскаго, князя Дмитрея Друтьскага и иных князей Литовских, а с ними Литва, Ляхи, Жемойть. И приидоша изгономъ без вести въ среду на ФОМИН-Б нед-Ьле, как об-Бдню отпеваютъ, к граду къ Переяславлю, и посад около города и церкви и села пожьгоша города не взяша, а бояр и людей множство полониши, а иных побита, а им-Ьния их пограбиша и отъидоша с великою корыстью... " (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 187, 188).

Итак, мы видим, что друцкий князь Дмитрий со своим войском вместе с полоцким войском великого полоцкого князя Андрея участвовал в походе союзных войск Литвы и Твери на Переяславль Великий. Далее, по сообщению того же летописца, Михаил Тверской с теми же союзниками ходил на кашинского князя и "приневолил" "брата своего князя Михаила Васильевича Кашинского, въведе его въ всю свою волю". Дальше князья разошлись: "Князь Кейстутей от Кашина поиде по Новоторжеским волостемъ мимо Торжекъ съ своею Литвою, а князь Андр-ви Полотьскыи и съ князем Дмитреемъ Дрютьскимъ мимо Тферь идоша и много зла сътвориша християномъ... " (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 158). По Западнорусским летописям, в 1386 г. Витовт по просьбе Ягайло двинулся на Витебск, но предварительно подступил к Друцку, и испуганные другчане, друцкие князья, "встретили его и стали к нему на службу... " (Хроника Быховца, 1966. С. 72).

Любопытные, полулегендарные сведения о Друцке читаем в том же источнике, которые приведем полностью:

«В Л*то 6909/1401... Приехали (Витовт и Ягайло возвращаясь от Смоленска. - *Л.А.)* в Друцк и были там на обеде у князя Семена Димитриевича Друцкого. У короля Ягайло умерла уже третья жена, не дав потомства; и увидел он у князя Семена двух его красивых племянниц, старшую из них звали Василиса по прозвищу Белуха, а другую - София. И просил Ягайло Витовта, говоря ему так: "Были у меня уже три жены - две польки, а третья - немка, а потомства они не оставили. А теперь прошу тебя, высватай мне в жены у князя Семена младшую племянницу - Софию, она - из рода русского и может Бог даст мне потомство".

И когда начал князь Витовт говорить о том Семену, Семен сказал так: "Государь великий князь Витовт! Король Ягайло брат твой - коронованный и великий государь и не могло бы быть лучше моей племяннице, как за его милость выйти замуж, однако же не годится мне позорить старшую сестру ее, выдавать младшую раньше старшей, и потому пускай бы его милость взял бы старшую". И когда князь великий Витовт сообщил это королю Ягайло, тот сказал: "Сам знаю, что старашая красивее, но у нее усики, а это означает, что она девка крепкая, а я человек старый и не смею на нее покуситься».

После этого князь великий Витовт, размыслив с князем Семеном, позвали к себе князя Ивана Владимировича Вельского, своего племянника, и посватали за него ту старшую сестру Василису Белуху, а Софию обручили с королем Ягайлом. А были те племянницы князя Семена дочери князя Андрея Ольгимонтовича Голыпанского.

А затем король Ягайло прислал из Польши знаменитых панов, которые, забрав княжну Софию, отвезли к нему в Краков; он же устроил знаменитую свадьбу, взял ее в жены и короновал ее, имел от нее двоих сыновей - Владислава, который позже был королем венгерским и польским и второго Казимира, который потом был королем польским, и великим князем литовским" (Хроника Быховца, 1966. С. 75, 76).

В XV в. Друцк упоминается четыре раза. Кроме уже упомянутого текста под 1401 г., под 1421 г. читаем, что через Друцк проезжает митрополит Фотий, ехавший из Львова через Владимир Волынский, Вильну, Борисов, Друцк к князю Семену-Лугвению в Мстиславль и далее через Смоленск на Москву (ПСРЛ, 1980. Т. 35. С. 33). Вологодско-Пермская летопись сообщает под 1424 г.: "Царь Куидодатъ поиде ратию ко Одоеву на князя Юрья Романовича. И, слышав то, князь великий Витофтъ и посла на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу, чтобы послал помощь на царя, а сам послал князя Ондръ-я Михаиловича, князя Ондр-Ья Всеволовича, князя Ивана Бабу, брата его Путятю - дрючских князей..." (ПСРЛ, 1959. Т. 26. С. 183). Последнее упоминание о Друцке в XV в. относится к 1436 г. - князь друцкий Иван Баба с другими князьями приезжает к великому князю Василию Темному (1425-1462) "служити" (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 252).

Усиление Московского государства при Иване III, ослабление Великого Княжества Литовского при угрозе постоянных татарских набегов - все это было причиной того, что к Москве стали "отъезжать" со своими вотчинниками православные литовские князья, что особенно усилилось к 1500 году. В 1505 г. умер Иван III, в 1506 г. - литовский великий князь Александр. Ожесточенные войны продолжались при их преемниках Василии III (1505-1533) и Жигимонте (Сигизмунде) Казимировиче (*Кром,* 1995. С. 99-101).

Переходим к XVI в. Здесь упоминаний о Друцке также немного. Под 1506 г., в год смерти литовского великого князя, состоялся грандиозный поход татар: "А сам старший царь Магомет Гирей стал того же дня августа 15 под Минском и пустил загоны под Вилию, также до Витебска, Полоцка и

Друцка и на все стороны литовские и русские... " (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 101). На следующий год (1507) к мятежному Михаилу Глинскому "пристали" княжата друцкие и князь Михаил Мстиславский з замком своим - той за друцким, сей Мстиславским... " (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 102-103). Впрочем, когда Глинский "пошол из городов русских к Москве... князь Михаила Мстиславский и князь друцкий с городами своими Рша и Кричев и Мозыр отдалися королю" (ПСРЛ, 1980. Т. 35. С. 234).

В дальнейшем, говоря о Друцке, летописи упоминают лишь "Друцкие места", "Друцкие поля", изредка и вскользь сам Друцк и ни слова о его князьях (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 21): "Тогда же (1514) послал слугу своего князя Михаила Глинского со многими людми беречи своея отчины града Смоленска и иных градовъ отъ своего недруга Жихдимонта короля польскаго а в Борисова и къ М-Ьньску и на Друцких полях стояли великого же князя воеводы - боярин и воевода князь Михаило Иванович Булгаковъ, да брат-Ь его князь Дмитрий Ивановичь Булгаковъ и иные его воеводы и люди...", или: "И великий князь Глиньскаго, оковав, послалъ на Москву. А по изм'Ьнников'Ь Глиньского ссылнъ, для его споны послалъ на Дрьютьские поля с князем Михаиломъ снятися бояръ своихъ Григория Федоровича, да конюшего и боярина своего Ивана Андреевича и иныхъ воеводъ своихъ съ людми своего дела беречи, а вел'Ьлъ имъ сниматися съ воеводами, з бояриномъ М.И. Булгаковым и с иными воеводами, а вел'Ьлъ имъ постояти на Непр-ь, а съжидатися съ т-Ьми людми, которые посланы къ М-Ьньску, и къ Борисову, и на Дрюцкие поля... " (см. также: ПСРЛ, 1959. Т. 26. С. 305). В знаменитой книге С. Герберштейна (1908. С. 244) Друцк фигурирует лишь как населенный пункт, также он фигурирует при описании контрабандных путей в... Оршанском повете XVIII в. (Белоруссия..., 1960. С. 351).

Остановимся, наконец, на знаменитом Друцком Евангелии XIV в., на его пространной записи (почерком основного писца) о церкви пресвятой Богородицы в Друцке. В начале текста - заставка киноварью звериного орнамента и такие же инициалы. Текст написан уставом первой половины XIV в. По окончании текста на л. 188 об. - уставом XIV в. рукою писца написано:

"В л-Ьто 6509/1001-е сотворена бысть церкви сия святая Богородица вь граде во Дрютьсце, а служити в ней вседеньная служба, Божиею милостию и его пречистыя Матере и рабом божьимь княземь Васильемь Михаиловичемь и его княгинею Василисою. А положил есмь с своею женою божественное еуангелие и оковал. Да дал есмь святей Богородице село Моравьиничи и с людьми и со всеми пошлинами и медовою данью и с селищи и с пожьнями, что ис того села заведають. А что ис той дани пошлина шла ключнику, та пошлина понамарю, который служить у святыи Богородици. Да дал есмь святей Богородице ис своего села из Видиничь десятину ис жита. А по моемь животе ненадобе въступатися ни моимь детемь, ни моимь тивуном, ни иному которому насилнику. А кто имет поискивати, тот даст отъвет перед Богомь на страшнемь суде. А которыии человек сидить на Поротвине земли, тот даеть 5 пудов меду проскурнице на заупокойный кануны святей Богородице. Да дал есмь на память лукъно Якимово, на Худаве полуколонье. А вы бы, мои дети, темь мя поминали, а моего бы есте слова не починили" *(Тихомиров,* 1968. С. 9)[15].

Этому документу мы уделим внимание, когда будем говорить о друцкой церкви специально, учитывая археологические находки. Здесь же только укажем, где располагались те княжеские села, которые упомянуты. Так, Муравьиничи - это, очевидно, Муравичи в Заречно-Толочинской волости Сенненского уезда на р. Славуте *(Пожаров,* 1910. С. 166), Видиничи - в Алёновичской волости Оршанского у. на р. Кривой *(Пожаров,* 1910. С. 104), Худава - фольварк Худово Черейской волости Сеннинского уезда Витебской губернии на оз. Селява (Долгое) *(Пожаров,* 1910. С. 192), либо Худовцы Бобрской волости того же уезда у оз. Селявино *(Пожаров,* 1910. С. 172). "Поротвину землю" пока найти не удалось (есть, правда, Нороевка Долгомохской волости Быховского у. Могилевской губернии, не исключено, что это и есть древнее Поротвино, см.: *Пожаров,* 1910. С. 28, № 21). Знаем мы и друцкого князя Дмитрия Васильевича, мужа дочери Олега Рязанского *(Зотов,* 1892. С. 145).

В дальнейших сообщениях появляются лишь, как мы говорили, "друцкие поля", "друцкие князья". Видимо, в позднем средневековье друцкие князья действительно поделили владения. Появились по родословцам Друцкие Соколинские (с. Соколино к северу от Друцка, где есть городище; см.: Полоцкие грамоты, 1980-1985. Т. 3-5). В 1591 г. князь Друцкий-Соколинский поменял Соколино на имение Дречьи Луки под Велижем *(Романов,* 1898. С. 140); Друцкие-Веденецкие (Веденец-Видиничи, переданные отцу Андрея Селявы - Полоцкие грамоты, 1982. Т. 4. С. 132); Друцкие-Подберезские (имение Подберезье на границе районов Кохановского и Шкловского). Друцкие-Багриновские (имение Багриново в 10 км к востоку от Друцка, где есть курганы XI в. - *Сергеева,* 1969. С. 107-111). Друцкие-Прихабские (имение Прихабы в Белыничском р-не Могилевской обл.). Известно, что в 1461 г. некий Федор Одинцевич получил от великого князя Казимира с. Прихабы, "што за Костяньтином Бабичем было" (РИБ, 1910. Стб. 198; *Улащик,* 1985. С. 31). Это, конечно, сын друцкого князя Ивана Бабы. В 1535 г. этот "литовский город" повоеван московской ратью (ПСРЛ,

[15] Любопытно, что, по Несецкому, полоцкая епископальная кафедра учреждена в Полоцке (как и женский монастырь) около 1000 г. *(Niesiecki,* 1728. S. 92).

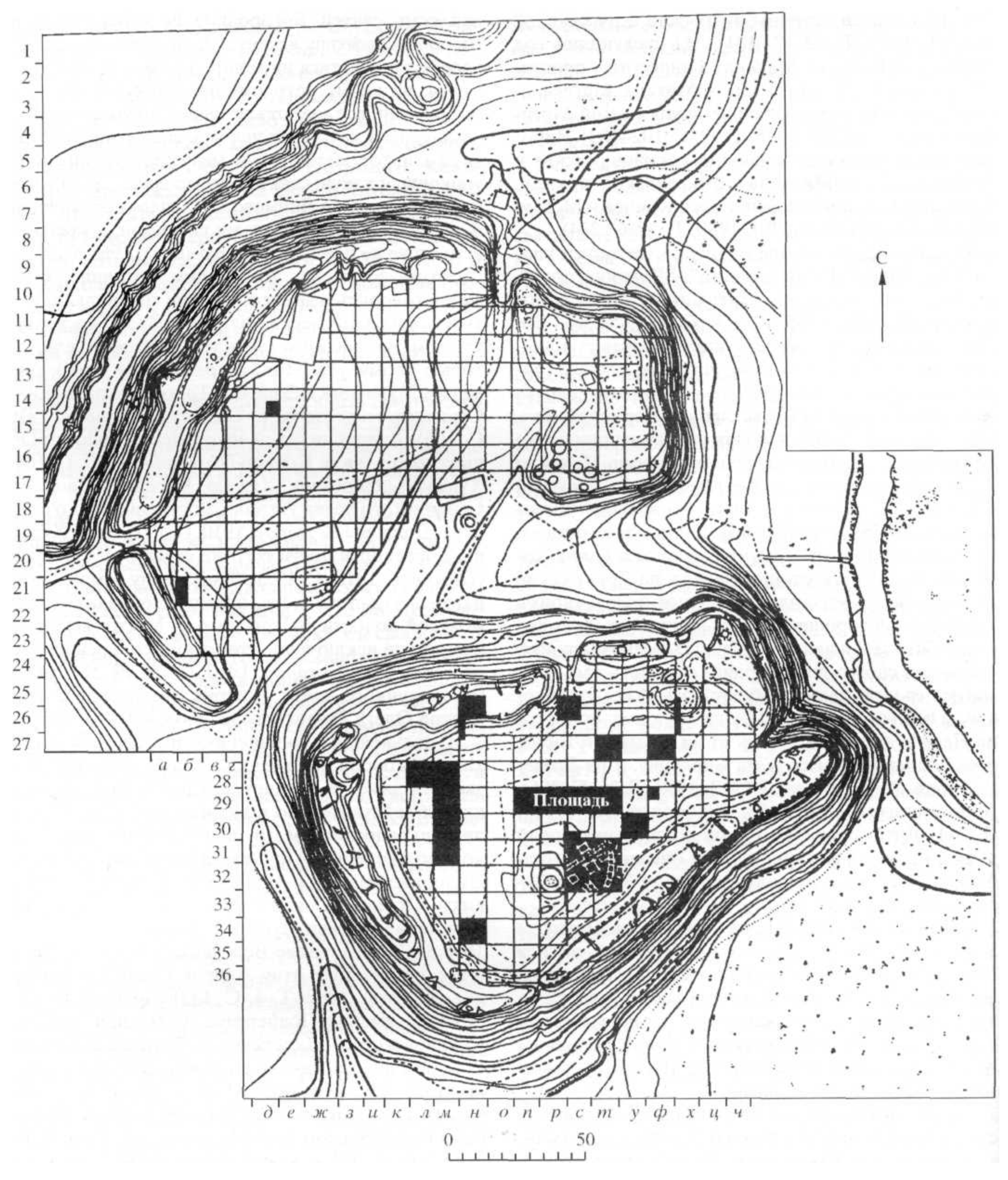


Рис. 37. План укрепленной части древнего Друцка (инструментальная съемка экспедиции 1956 г.)
Сплошные горизонтали - через 1 м; каждый квадрат равен 1 ару на местности; затушеванные квадраты - раскопы 1956—1967 гг.

1859. Т. 8. С. 288). Были еще Друцкие-Горские, упомянутые, например, в документах 1613 г. (Собрание..., 1848, № 51; см. также: Родословная..., 1821). Все эти приведенные данные показывают, как раздробились друцкие князья - потомки сына Всеслава Полоцкого друцкого князя Бориса-Рогволода Всеславича (умер в 1128 г.)[16].

16 Известны еще Друцкие-Озерецкие, Друцкие-Путяты, Друцкие-Бабичи, Друцкие-Толочинские (*Кром,* 1995. С. 106).

В конце XV-XVI в. Друцкое княжество полностью распалось, его князья ушли в другие земли.

Археологические исследования

Определяя метоположение Друцка, В.Н. Татищев видел его в верховьях р. Дручи, впадающей в Берёзу (Березину) в воеводстве Минском, что повторил и Н.М. Щекатов *(Татищев,* 1963. Т. 2. С. 260; *Щекатов,* 1804. Т. 2. С. 295), а затем Н.М. Карамзин *(Карамзин,* 1816. Т. 2. С. 388, примеч. 134). Их исправил 3. Ходаковский, указав, что Друцк не в Минской, а в Могилевской губернии *(Погодин,* 1838. С. 37). В 1818 г. стало известно и о существовании друцкого городища. В газете "Северная почта" (№ 89) сообщалось: "Местечко же Друцк на р. Друце, как уверяют очевидцы, находится еще земляной городок". Е.П. Тышкевич выражался определеннее. Друцк он привел в качестве примера, говоря о городах, укрепления которых утратили свое значение (Минск, Слуцк, Заславль, Логойск; *Tyszkiewicz,* 1849. S. 18). Автор первой обширной книги о белорусских древностях М.С. Без-Корнилович (1855. С. 228), по-видимому, не видел друцкого памятника и сообщил о нем полуфантастические сведения. В Друцке "доселе видны следы вала и полузаплывшего рва, некогда окружавшего Друцк; они - на острове озера (!), через которое течет река Друть..." Однако П.М. Шпилевскому памятник был известен, видимо, уже по натуре: он сообщал, что у Друцка сохранился "земляной городок, то есть окопы и валы" и памятник этот лежит в 45 верстах от знаменитого Рогволодова камня *(Шпилевский,* 1855. С. 6). Научное описание памятника со схемой его плана было сделано лишь в 1930 г. *(Каваленя,* 1932. С. 190-191). С 1956 г. в течение девяти сезонов (с перерывами) памятник исследовал автор этих строк. По сохранности остатков Друцк - наиболее ценный археологический средневековый объект Белоруссии, он требует безусловно своего полного исследования.

ОПИСАНИЕ ДРУЦКА. Памятник расположен в Толочинском р-не Витебской области на правом высоком берегу верхней Друти, в 10 км от Толочина, в центре современной д. Друцк (рис. 37) и по терминологии П.А. Раппопорта, принадлежит к городищам "сложного типа" *(Раппопорт,* 1956а. С. 51). Состоит из детинца, примыкающего с севера окольного города и посада, о котором свидетельствует культурный слой, огибающий с запада и юга укрепленную часть памятника на территории современной деревни и, некогда, по-видимому, обширного курганного могильника, следы которого виднелись на территории деревни еще в 1957 г. (рис. 38).

Площадка детинца (140 х 80 м) находится на высоте 22 м над уровнем реки, имеет форму неправильной трапеции и по периметру окружена валом, достигающим на западе 10 м высоты. Со стороны реки вал прерывается глубокой промоиной, образовавшейся, видимо, в результате разрушения подземного хода к воде (мнение П.А. Раппопорта), а в северной части, где был въезд на детинец, площадка сохранилась без изменений. В ее южной части (квадраты у-32 и соседние, рис. 37) имеется воронкообразная яма 4-метровой глубины, очевидно, остатки колодца с затекшей туда землей. Северо-восточная часть площадки (кв. Ш-26 и соседние, рис. 37) занята небольшим курганообразным холмом, оказавшимся при исследовании братской могилой, образовавшейся в результате какого-то бедствия: покойники без вещей лежат на поверхности земли на спине, головами на запад. Вероятнее всего, эта могила была сделана во время какой-то осады города, а может быть, во время какой-либо эпидемии: грандиозная чума, например, прокатилась по Руси в 1364 г., когда мор "пришел от низу из Бездежа в Нижний Новгород, оттуда - в Рязань, в Коломну, в Переяславль, в Москву" (ПСРЛ, 1965. Т. 11. С. 3, 4, 6).

С севера к детинцу примыкает окольный город, площадка которого (170 х 100 м) дугообразно

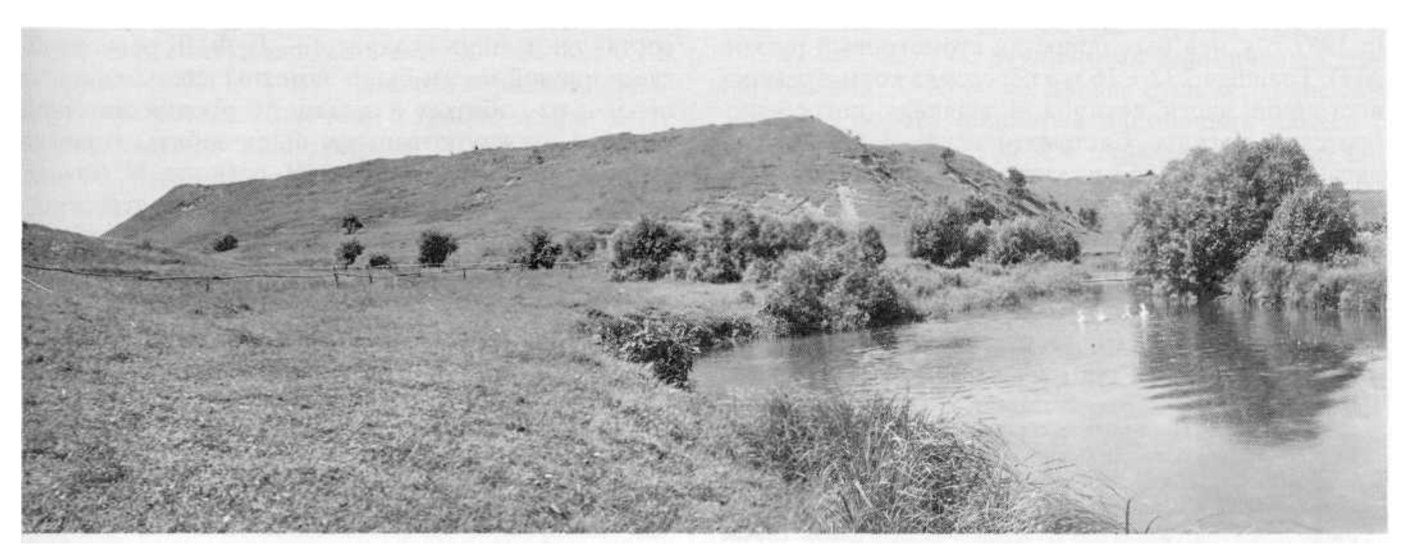


Рис. 38. Друцк, детинец, вид с юго-востока от р. Друть. Фото автора, 1957 г.

обнесена валом, достигающим на западе 7 м высоты, и глубоким рвом; уклон ее поверхности значителен - с северо-запада на юго-восток (25 и 15 м над уровнем реки). Если площадка детинца сохранилась полностью - там не было поздних строений (а в XIX в. был разбит помещичий сад), то площадка окольного города сохранилась много хуже - в XVIII-XIX вв. помещиками Гордзялковскими там был устроен двор, а в восточной части вал был срыт, культурный слой площадки перевезен на ее восточный край и на образовавшейся площадке в 20 $м^2$ над рекой был возведен деревянный помещичий дом (не сохранился). В северной части окольного города под валом выстроена помещиком небольшая кирпичная глаголеобразная в плане конюшня. Непосредственно за рвом, с северо-запада и юга к укрепленной части Друцка примыкает обширный посад, следы которого отчетливо прослеживаются по цвету чернозема. Его площадь превышала площадь укрепленной части в 10-12 раз.

Курганный некрополь Друцка был некогда, видимо, обширен и членился, можно думать, на несколько частей. В 1873 г. напротив городища еще насчитывалось 48 насыпей (ближайшая деревня Синчуки) *(Спицын,* 1903. С. 45), в 1930-х годах - 11 *(Каваленя,* 1932. С. 190), в период наших работ в Друцке оставалось лишь 8 насыпей. Еще две сильно испорченные насыпи в 1956 г. были видны в самом с. Друцке, но тогда же были срыты колхозом. У друцких выселок Дубовое времен П.А. Столыпина раньше имелось 20 курганов (сохранились три испорченные колодцем). Несколько довольно высоких насыпей имеется возле д. Новый Друцк. Вблизи Друцка продолжали хоронить и тогда, когда курганный обряд был оставлен - к северу от памятника еще виднеются два каменных креста жальничного типа.

Археологические исследования в Друцке были начаты автором летом 1956 г. двумя разведывательными траншеями на детинце. Траншея 1, заложенная вверху восточного склона древнего колодца, показала, что на памятнике неплохо сохраняется древнее дерево, и после четвертого штыка была засыпана (в 1957 г. к ней был прирезан стометровый раскоп № I). Траншея 2 (2 х 16 м) пересекла холм в северо-восточной части детинца и выявила погребения братской могилы. Систематические работы начались в Друцке с 1957 г., когда был снят инструментальный план памятника и его площадка была разбита на ары[17]. Каждый исследуемый ар получал номер раскопа.

[17] Раскопки древних городов автор ведет по "арной системе". Каждый раскоп по величине равен 1 ару с единообразными буквенными обозначениями 25 квадратов в каждом аре. Северная линия квадратов обозначается буквами А-Д, западная - АЕЛРХ. Паспортные обозначения находок: римская цифра - номер раскопа, буква - квадрат, арабская цифра - штык (пласт). Постройки нумеруются по раскопу, где они впервые обнаружены, например: IV. 15. Этот метод пригоден лишь при горизонтальной площадке. В противном случае нужно каждый раз фиксировать слой *(Алексеев,* 2002а, б).

Раскопки показали, что культурный слой залегает в центре детинца на глубину 6-7 штыков, в западной части площадки - на 5-7 штыков, в южной его части - на глубине до 3 метров и, может быть, более. Во всех раскопах он состоит из четырех напластований. Верхнее, залегающее под дерном, имеет темно-серый цвет. Древесных остатков слой не сохраняет, но насыщен золой, обожжеными кусочками глины (разрушившиеся глинобитные печи), которые рассеяны по всему верхнему слою. Видимо, прекратив свое существование, город долго стоял заброшенным, разрушаясь. Второй слой имеет консистенцию, близкую к предыдущей, но цвет его не серый, а коричневатый - результат перегнившего дерева. Третий слой представляет наиболее солидное наслоение детинца и содержит почти все остатки деревянных конструкций памятника и большинство вещей. Мощность его в центре около 15-20 см (раскоп X), около 40 см в раскопах VнVIн 1,1 мв раскопе П. Этот слой образовался вследствие перегнивания строительного древесного мусора и остатков сооружений. Необычайная мощность слоя в раскопах II и III объясняется еще и обилием навоза, скопившегося во дворах отдельных хозяев по внутренней стороне вала. Четвертый слой - интенсивно черного цвета, он небольшой мощности, залегает непосредственно на материке, в раскопах у южного вала включает солидную сравнительно прослойку пожарища. Материк - серый, серо-желтый песок с многочисленными небольшими западинами. В раскопах I—III он залегает на глубине 10-11-го штыков, в раскопах V и VI на глубине седьмого штыка, в раскопах IX и X - на седьмом штыке, в раскопах XIX - на пятом-шестом штыках, в XIII-XIV - на пятом-седьмом штыках, в раскопе XV на пятом (в западной части) - шестом штыках, в раскопе XVI - то же, раскоп XVII на возвышенности с внутренней стороны вала культурного слоя не содержал.

Остатков каких-либо конструкций в материке на всех раскопах не прослеживается, исключение составляют лишь квадраты К, И, Ф, Щ раскопа IX, где в южной части были заметны следы какой-то ограды из забитых в землю до уровня материка столбов, между которыми были забиты горизонтальные, видимо, бревна. В раскопе V (южная часть) были прослежены слабые следы той же ограды, где она шла, вероятно, под прямым углом к предыдущей и обрывалась. Среди неглубоких материковых западин и ям в раскопе IX выделились две прямоугольной формы (1 х 2 м), напоминающие нижние части могил, но погребений в них не оказалось.

ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕТИНЦА ДРУЦКА. Обилие вокруг городища на разных расстояниях древних сел ставит важный вопрос о времени возникновения жизни как на городище, так и вокруг: где жизнь возникла ранее - на горо-

дище (и вокруг крепости стали селиться жители), либо сначала здесь на бойком пути из Днепра в Западную Двину поселились селяне (и уже позднее был возведен феодальный замок)? В связи с этим следует обратить внимание на рассмотрение археологических материалов у материка городища и тех материалов, которые дают курганы.

На детинце у материка обнаружен ряд сосудов, характерных для конца X и главным образом XI в. Таков мискообразный гончарный горшок, обнаруженный в культурном слое детинца у самого материка. Подобные мискообразные сосуды характерны для гнёздовского времени X - начала XI в. Они встречаются в Звенигороде на Городке *(Мальм,* 1959. С. 143, рис. 8); в Гнёздове *(Седов,* 1960. С. 15, рис. 3, 5; *Каменецкая,* 1991. С. 154, рис. 15, 7); вТимерёве *(Дубов,* 1982. С. 195, рис. 50,*3);* в Плиснеске *(Кучера,* 1961. С. 149, рис. 3, 5). Прототип этого сосуда встречается в "лесном варианте" в горизонтах Е, (IX-X вв.) и Д (X - начало XI в.) Старой Ладоги *(Станкевич,* 1951. С. 234, рис. 5, 7). На друцком детинце очень характерен фрагмент большого сосуда, найденный непосредственно на материке. Горшок был сделан на гончарном круге, срез манжетообразного венчика снабжен в середине небольшим выступом, плечики покатые, и стенки сплошь покрыты горизонтальными "каннелюрами". Цвет сосуда светло-серый, в изломе стенок (6-7 см) заметна крупная дресва. Подобные сосуды, известные из Новогрудка, найдены в доме второй половины X в., самая близкая аналогия друцкому сосуду происходит из дома конца X - первой половины XI в.) *(Малевская,* 1965. С. 89-91 и рис. 34,5-5, 75) Этим же временем следует датировать большой (диаметр устья 25 см) рифленый сосуд, найденный над самым материком. В материковой западине обнаружена и часть рифленого сосуда с манжетообразным венчиком.

Подобные сосуды происходят из слоя конца X - начала XI в. городища на Менке (первоначальный Минск, *Штыхов,* 1978, рис. 47, *8),* из кургана XI в. близ Новогрудка *(Павлова,* 1965, рис. 38, *6),* в Полоцке такой сосуд найден в слое X - начала XI в. *(Штыхов,* 1975. С. 84); с большим горизонтальным выступом, покатые плечики и тулово покрыты горизонтальными "каннелюрами". Такие найдены в доме № 20 второй половины X в. *(Малевская,* 1965. С. 89-91, рис, 34, *3-5, 15).* Этим временем следует датировать и еще один фрагмент гончарного сильно рифленого сосуда с манжетообразным венчиком. Подобные происходят из слоя конца X - начала XI в. городища на Менке (древнейший "гнёздовский" Минск) *(Штыхов,* 1978, рис. 47, *8),* из кургана XI в. у Новогрудка *(Павлова,* 1965, рис. 38, 6), из слоя гнёздовского времени в Полоцке *(Штыхов,* 1975. С. 84, рис. 42,7), из слоя X в. в Браславе *(Алексеев,* 1960. С. 99, рис. 46, *30)* и т.д. Близко к материку друцкого детинца найдены серебряные нашивные бляшки с тисненым орнаментом в виде крестообразных пальметок. Аналогии им есть в мужском ингумированном погребении Гнёздова *(Авдусин, Пушкина,* 1989. С. 200, рис. 4, *8),* в других гнёздовских курганах второй половины X - начала XI в. *(Сизов,* 19026. Табл. 3, *25).* Такие бляшки естъ и в кургане у д. Гульбище под Черниговом X в. *(Самоквасов,* 1917, рис. 58, № 3217). Подобные бляшки происходят из ограды Елецкого монастыря в Чернигове неподалеку от Черной Могилы (X в.) Бляшки серебряные, формы несколько иной чем друцкие, но орнамент их очень близок, они датируются Б.А. Рыбаковым X-XI вв. *(Рыбаков,* 1949. С. 53, 54, рис. 21, 22). Похожие бляшки происходят из кургана № 13 под Новогрудком, где они были на поясном наборе, в головном венчике. Верхняя дата могильника - не позднее конца XI в. *(Павлова,* 1967. С. 38, рис. 10; *Гуревич,* 1983. С. 52). Обратимся к датирующим предметам, найденным в четвертом надматериковом слое друцкого детинца. Здесь прежде всего назовем редкий кубический замок типа "А" классификации Б.А. Колчина - самый древний и единственный для X-XI вв. тип навесного замка" с "Т"-образным ключевым отверстием, а также ключ к нему в виде квадратной лопаточки. Такие же ключи были и в Черной Могиле в Чернигове (X в. см.: *Самоквасов,* 1917. С. 29, рис. 34, и 3372 и 3374). Аналогичный ключ найден нами при раскопках среднего слоя Брячиславля (Браслава, см.: *Алексеев,* 1960, рис. 46,*17),* где датируется началом XI в.). Аналогии в ближайших землях известны из Логожеска, Минска на р. Менке *(Штыхов,* 1978, рис. 38, / и 44,*10).* Концом X - началом XI в. датируются ключи к замкам типа "А" второго вида с круглой лопаткой. Над материком были найдены бронзовая лунница, серебряная зерненная бусина, крестообразная бронзовая подвеска. В четвертом слое, но на штык выше материка находились бронзовая застежка гривны, бронзовые усатый перстень, булавка с фигурной головкой *(Алексеев,* 1966а. С. 162, рис. 37, *24),* застежка гривны, костяная копоушка; предметы вооружения: бронебойный наконечник стрелы *(Алексеев,* 1966а, рис. 72, *14),* втульчатый шиловидный, типичный для IX-XI вв. на Западе Руси. В районе Лоханского порога подобный наконечник найден с византийской монетой X в. Аналогия нашему наконечнику происходит с городища Алчедар (X в., *Медведев,* 1966. С. 57, табл. 15, 77). Из предматерикового слоя в Друцке происходит два двушипных втульчатых наконечника стрел (последняя - из слоя пожара - *Алексеев,* 1966а, рис. 72,*13* и 72,*12).* Подобные наконечники мы находили и в среднем слое Браслава *(Алексеев,* 1960. С. 99, рис. 46,*18),* в Лукомле, есть они и в первоначальном Минске (на р. Менке) и в Минске на р. Свислочи и т.д. *(Штыхов,* 1978, рис. 18, 7; 44, 7; 45, *2).* Редкая находка - костяная петля для подвешивания налучий к всаднику при верховой езде *(Алексеев,* 1966а, рис. 72, *36).* Ближайшая аналогия найдена на Белоозере в

слое середины XIII в. *(Голубева,* 1973. С. 131, рис. 46, 14), близка к друцкой петле петля из Биляра (Татарстан), культурные отложения которого датируются IX-XIV вв. *(Медведев,* 1966, табл. 8, *4* и 8, 5). В этом же четвертом слое Друцка найдена тончайшая костяная пластина кочевнического колчана *(Алексеев,* 1962. С. 209, рис. 6, *4;* 1966а. С. 235, рис. 69, *3).* Пластина богато орнаменитрована резьбой; при первой ее публикации мы пытались связать ее с половцами, помогавшими Ярославу и Игорю Святославичам при нападении на Друцк в 1180 г. *(Алексеев,* 1962. С. 209), но это неверно: пластина найдена почти на материке в слое XI в., и не учитывать это нельзя. Тем не менее находка двух частей колчанов в западных раскопах детинца (княжеская часть, см.: *Алексеев,* 1966а. С. 155, 156) знаменательна! Колчан кочевнического типа мог принадлежать княжеским трофеям.

Как показывают раскопки, самое большое количество железных (и костяных) наконечников стрел содержат верхние три штыка друцкого детинца. На все семь десятков друцких наконечников на долю этих штыков (главным образом второго) падает 43 единицы (!), что указывает на большие военные действия, предшествующие разрушению Друцка. Сейчас нас, естественно, более всего интересуют наконечники, найденные либо на материке, либо в нижнем четвертом слое детинца, либо, наконец, те, что найдены в переотложенных слоях, но имеют достаточно узкую раннюю дату. Таких наконечников обнаружено всего пять, причем четыре из них относятся к типу шиловидных втульчатых. Таковы наконечники, обнаруженные в предматериковом слое, наконечник, переотложенный и, наконец, наконечник без координат из выброса (первый и последний см.: *Алексеев,* 1966а, рис. 72, *14, 15).* Наконечники этого типа широко распространены в юго-западных областях Руси и хорошо датируются X - началом XI в. *(Медведев,* 1966. С. 57). Пятая находка - длинный наконечник (99 мм) с короткой головкой, длинной шейкой и с упором, найденный в переотложенном состоянии *(Алексеев,* 1966. Рис. 72, 5). Подобные наконечники известны из городища Екимауцы в Молдавии *(Медведев,* 1966, табл. 17, *22)* и из Армиевского селища в Саратовской области. И в том и другом случае они датируются X - началом XII в. *(Медведев,* 1966. Табл. 17, *22,* 17, *32).* Любопытно, что все пять наконечников из древнейшего слоя Друцка датируются одинаково и все - бронебойные!

Итак, древнейшие раннесредневековые культурные отложения возникли на горе друцкого детинца в конце X - начале XI в. Сколько-нибудь ощутимых построек этого времени, т.е. на материке, почти не зафиксировано, лишь иногда удавалось проследить, что первичная планировка города была, по-видимому, достаточно хаотичной. Первоначальное поселение на детинце было уничтожено большим пожаром, который был зафиксирован на всех раскопах. В пожарище в северной части раскопа III выявились следы сгоревшего дома с остатками глинобитной печи и следами обгорелого пола. Мало вероятно, что первый друцкий пожар конца XI - начала XII в. следует связывать с деятельностью Владимира Мономаха, прошедшего через Друцк "воюя" в 1078 г., о чем мы читаем в его Поучении. Скорее, это грандиозный пожар 1116 г., когда в войне с минским Глебом, Давид Святославич и Ярополк Изяславич "узя Дрьютескъ на щит", а Ярополк "сруби город Желъди дрьючаномъ, их же *бъ* полонилъ..." (ПВЛ, 1950. С. 200-201). В этом пожарище найдены двушипные втульчатые наконечники стрел (последняя лежала вблизи пожарища). Подобные наконечники известны из Новотроицкого городища (IX в.), из Гнёздова (X - начало XI в.), Торопца, Браслава (Брячиславля) и т.д. Их использовали "с VIII по середину XIII в. вдоль западных границ древней Руси", в ее центральной части они единичны *(Медведев,* 1966. С. 56). Шесть таких наконечников найдено в Минске (в основном, в горизонтах начала и середины XII в. - *Загорульский,* 1982, табл. VIII, *1-3* и др.), обнаружены они на селище в Лукомле *(Штыхов,* 1978. Рис. 18, 7), на городище на р. Менке *(Штыхов,* рис. 44, 7, *3),* в древнем Берестье *(Лысенко,* 1985. Рис. 150, *6, 7),* в Изяславле (Заславле) *(Заяц,* 1995. Рис. 40, 7 и 5) и др. В том же пожарище были найдены две бронебойные стрелы *(Алексеев,* 1966а. Рис. 72, 7) (аналогии последней происходят из в Борковского могильника X - начала XII в. *Медведев,* 1966. Табл. 17. И). Из этого же пожарища происходит бронзовая монетовидная подвеска со сканью *(Алексеев,* 1966. Рис. 37, 7), датируемая XI-XII вв. (в Новгороде - из 18 яруса, 1161 г., см.: *Седова,* 1981. С. 38. Рис. 12,4,5; *Успенская,* 1967. С. III. Рис. 18, *6).*

Если детинец был освоен в конце X - начале XI в., то когда же был возведен Окольный город? Сразу ли он был укреплен, или его основали сначала без укреплений? Ответ на это частично дали наши раскопки, а в недавнее время здесь провела работы О.Н. Левко *(Ляўко,* 2000. С. 94-97).

В 1965 г. в Окольном городе был заложен небольшой раскоп в 40 м^2. Раскопки показали, что стратиграфия культурного слоя здесь очень похожа на стратиграфию слоя на детинце. Непосредственно под травой залегает первый слой - серый, мощностью до 10-15 см. От второго слоя его отделяет прослойка пожарища - видимо, результат гибели Окольного города. Ниже располагался второй слой - серо-бурый, мощностью от 60-70 см до 20-30 см. Западнее квадрата Л второй слой заменяется сильно расплывшимся сюда валом мощностью от 130 до 80 см. Восточнее вал продолжается песчаным размывом толщиной в 20 см. Здесь эта прослойка непосредственно подстилает второй слой, и на ней виднелись обгоревшие остатки каких-то строений. "Размыв" перекрывает третий

слой, лежащий на материке, и в квадрате X видно, что он уходит под вал. Мощность слоя здесь 20-25 см, в местах разрушенных построек - 35^0 см.

Наши работы позволили заключить, что сначала Окольный город не имел мощных укреплений, первоначальное поселение погибло в пожаре, а уже затем был насыпан мощный (дважды подсыпавшийся) вал - тот самый, который мы ныне видим.

Что касается датировки жизни в Окольном городе, то здесь, вблизи вала и неподалеку от детинца вещей позднегнёздовского времени встречено не было. Гончарный сосуд, найденный у самого материка, был датирован Г.П. Смирновой (личная беседа) - XI - началом XII в., скорее даже XI в. Так же датировались аналогичные сосуды из Пинского окольного города *(Равдина,* 1966. С. 290, рис. 3 слева третий вверху). Более детальные соображения о датировке см.: *Алексеев,* 2002а. С. 88. Там мы пришли к заключению, что "Окольный город был создан после 1116 г. на месте неукрепленного селища, возникшего у детинца во второй половине XI в.

Обращаясь к первоначальной дате вала Окольного города, забегая вперед, отметим, что при изучении его разреза на месте въезда в Окольный город, в насыпи обнаружены лишь сосуды, аналогии которым датируются XII в. (см.: *Равдина,* 1966. Рис. 2, нижний слева). Этим же временем датировала сосуды из вала окольного города Г.П. Смирнова при визуальном осмотре. Один из этих сосудов из вала окольного города М.В. Малевская относит к "волынскому типу" и датирует тоже XII в. Более древней посуды (как и вещей) в валу окольного города нет. Создается впечатление, что вал был насыпан впервые в XII в. В самом делее, как здесь, так и у въезда, отчетливо видно, что вал насыпан на небольшом культурном слое (20-30 см) и отделен от него пожаром 1116 г. Вывод очевиден: окольный город основан после 1116г. на месте селища, возникшего у детинца во второй половине XI в. Таковы были скромные результаты наших незначительных работ в Окольном городе.

В конце минувшего столетия к работам в Друцке приступила белорусский археолог О.Н. Левко. Ее исследования велись главным образом в Окольном городе и за рвом на друцком селище, возле въезда в Окольный город *(Ляўко,* 2000. С. 88-97). Результаты их крайне важны. Выяснилось, что холм Окольного города был заселен уже в эпоху древнебалтской, так называемой Колочинской культуры (VI-VIII вв. н.э.). По мнению автора, этот холм, заселенный славянами в IX-X вв. представлял собой племенной центр кривичей *(Ляўко,* 2000. С. 96), что вполне возможно. Дальнейшие выводы исследовательницы близки к нашим заключениям. Находки интересны: есть импортные изделия (как, впрочем, и на детинце), поливные плитки, видимо, окольногородскои церкви, построенной, кажется, позднее церкви на детинце и т.д. Культурный слой селища состоит из трех последовательных отложений[18] и датируется XI-XVII вв. *(Ляўко,* 2000.С. 88 и ел).

Как же следует представлять начальную историю Друцка? Кривичи, как мы видели, продвинулись на территорию современной Белоруссии малыми племенными объединениями, во второй половине IX - начале XI в. проникли на верхнюю Друть и образовали здесь обширное скопление сел, так как далее продвигаться было нельзя - там осели двигавшиеся с юга дреговичи. Это было, очевидно, "малое племя", "тысяча", которое должно было иметь и свой племенной центр. Мы предположили, что он вполне мог занимать холм будущего Окольного города на р. Друть. Однако где же жило самое племя друцких кривичей? Небольшие раскопки курганов вблизи Друцка не обнаружили в них той лепной керамики, что найдена в нижних слоях холма. Раскопки нескольких курганов у этого города (Синчуки, Арава) дали только трупосожжения с гончарной керамикой позднегнёздовского типа - второй половины X - начала XI в. {*Алексеев,* 1966а. С. 43. Рис. 6; *Алексеев, Сергеева,* 1973. С. 52, рис. 12 и 13). Такая же посуда встречена и на самом материке друцкого детинца[19]. Видимо, друцкий племенной центр (если он существовал здесь) начал утрачивать свою силу, на Замковой горе отстраивался новый феодальный центр - детинец, и к нему стали тянуться теперь (может быть, и не по своей воле) окружающие его племенные села. Вопрос этот может быть разрешен чисто археологически при новых раскопках окрестных курганов.

Нам теперь ясно, что друцкий детинец начали строить в конце гнёздовского времени (как и во всех других центрах) - во второй половине - конце X в., всего вероятнее, при князе Изяславе Владимировиче (ум. в 1001)[20], который успел построить и первую в Друцке церковь Богородицы (1001 г.). Аналогичный детинец Минска на Свислочи строился в середине XI в. князем Всеславом Изяславичем (1044—1101), который переселил туда жителей

---

[18] По недоразумению автор смешивает археологические понятия "слой" и "пласт", забывая, что пласт археологический - условная единица в 20 см (иное наименование ее - штык). То, что текст на белорусском языке, ее не оправдывает (см.: *Ляўко,* 2000. С. 91 и др.).

[19] Дату основания детинца в Друцке и его округи подтверждает керамика из Черной Могилы в Чернигове (X в. - *Самоквасов,* 1917. Рис. 42, № 3441). Такой сосуд есть в кургане Синчуков (курган 2, урна № 5 -*Алексеев,* 1996а. Рис. 6, *12),* из с. Волокитимо Черниговского у., X в., аналогичный синчуковской урне - курган 2, урна 4 *(Алексеев,* 1966а. С. 71, рис. 73, правый; рис. 6, /). Урна из кургана 2 Синчуков аналогична урнам X в. из Черниговщины *(Рыбаков,* 1949. С. 42, рис. 15, нижний слева).

[20] Ранее я ошибался, считая что детинец Друцка возвел Всеслав *(Алексеев,* 2002а. С. 88).

с Менки, сохранив наименование их бывшего центра. Городище на Менке было в гуще "Менской тысячи"[21], оно было окружено низиной, что вызвало необходимость постройки нового, уже феодального центра. Центр "Друцкой тысячи" имел к северу от детинца довольно большую возвышенность, что позволило не переселять дручан на новое место - в феодальную крепость, но, очевидно, подсыпав вал на детинце, пристроить к нему еще укрепленную часть (для княжеской дружины и т.д.) - окольный город, или, как его именовали, судя по летописи, "острог".

После смерти знаменитого Всеслава Полоцкого (1101 г.) вся Полоцкая земля была поделена между его шестью сыновьями на малые княжества. Минский удел достался Глебу, Друцкий - Рогволоду - Борису. Друцкий удел, судя по скоплению курганных погребений, тянулся на юг вдоль Друти до границы с Турово-Пинским княжеством; на западе он доходил до Борисова, где Рогволод - Борис возвел в 1102 г., очевидно, пограничную крепость-форпост против воинственного минского брата (*Татищев,* 1963. Т. 2. С. 123); на востоке удел доходил до р. Оршицы, у устья которой, на той стороне Днепра в 1067 г. Ярославичи коварно схватили Всеслава с сыновьями (ПВЛ, 1950. С. 112); на севере удел граничил с владениями витебского князя (кого-то из братьев Рогволода, может быть Святослава - Георгия) и, вероятно, князя лукомльского (тоже кого-то из братьев Рогволода - Бориса).

Со смертью Всеслава началась новая жизнь Друцка - эпоха его расцвета.

Когда же возник окольный город? Наши раскопки были слишком незначительны, чтобы ставить этот вопрос с достаточным основанием. Однако теперь в наших руках имеется не лишенная скороспелости популярная книга о Друцке коллектива авторов, выпущенная издательством "Белорусская энциклопедия" в 2000 г. к юбилею основания в Друцке церкви в 1001 г. (Друцк старажытны, 2000). В книге пересказываются сведения, почерпнутые из нашего труда "Полоцкая земля" (*Алексеев,* 1966а. С. 149-161), но публикуются и новые данные из раскопок 1999 г. О.Н. Левко на посаде Друцка, в окольном городе, на детинце и в окрестностях Друцка (*Ляўко,* 2000. С. 87-109).

Раскоп в окольном городе был заложен по соседству с въездом на него, приблизительно на квадратах Е-16 и Ж-16 нашей арной сетки памятника (*Алексеев.* 1966а. С. 150. Рис. 31) и в целом составлял 132 м^2. Мощность культурного слоя здесь составляла 1,8-2,5 м (территория у вала наименее пострадала при земляных работах помещика Гордзялковского XIX в., который отстраивая помещичий дом над р. Друть в северо-восточной части памятника, в значительной степени перенес туда верхние слои окольного города, где и устроил ровную площадку размером приблизительно 50 х 50 м; культурный слой детинца, к счастью, помещик не тронул: там был разведен им, по словам местных жителей, плодовый сад). Раскопки показали, что культурный слой в окольном городе состоит (как было установлено нами) из четырех напластований. В нижних были обнаружены арбалетная фибула IV-V вв. (*Алексеев,* 1966а. С. 151, рис. 32), ключи типа А древнейшего вида с квадратной лопаточкой (*Ляўко,* 2000. С. 94, рис. 1 и 2), датируемые X - началом XI в. и, самое главное, в изобилии лепная керамика, которую О.Н. Левко относит к VI-VIII вв. и даже частично относит к колочинской культуре (третья четверть I тыс. н.э.) (Друцк старажытны, 2000. С. 96, рисунки керамики). "Важным является тот факт, свидетельствует автор раскопок, что в раскопе № 3 выявлено наличие культурных напластований догородского периода, что подтверждается лепной керамикой VII-IX вв. и, вероятно, X в. Эти напластования можно связать с периодом, когда на территории будущего города мог существовать племенной центр" (*Ляўко,* 2000. С. 96), т.е. того "малого племени" кривичей, которое мы назвали "друцкими кривичами". Мысль автора, что центр этот мог находиться не на территории будущего детинца, а ближе к воде, на месте будущего окольного города, вполне реальна. Не даром редкие фрагменты лепной керамики мы встречали на месте детинца лишь фрагментарно и только в материковых западинах. Детинец Друцка был отстроен позднее, уже в раннефеодальное время, а еще позднее возводились укрепления окольного города[22].

ДРУЦК В XII-XVI вв. *Южные раскопы детинца.* Культурный слой детинца по мощности неравномерен: у южного вала, где жизнь шла интенсивнее, его мощность достигает 3,6-3,8 м (18-20 штыков), в остальных частях до 1,5 м (6-7 штыков). Наиболее выразителен он на юге, где обнаружены следы пожарища 1116 г. на десятом штыке. Первый послепожарный горизонт слоя 3 (на раскопах I—III он на восьмом-девятом штыках, на рас-

[21] Как показал Б.А. Рыбаков (1982. С. 255), десятичный принцип членения общества восходит к первобытно-общинному строю, его пережитки есть и в XV в. Древнерусские княжества составляли "тьму". Следовательно, отдельные княжения-уделы (в прошлом племена, у нас - Минское, Друцкое и т.д.) - тысячи, членившиеся на сотни и т.д.

[22] Нельзя не пожалеть, что, по-видимому, по неосведомленности в вопросах научной этики, автор новых раскопок Друцка О.Н. Левко сочла допустимым не только приступить к раскопкам памятника (где исследования проводились мной по строгой, особой системе в течение девяти лет, и он находится в стадии публикации), не только не согласовав свои предполагаемые работы с моими, но даже просто меня об этом не известив. Подобные "партизанские наскоки", когда работы начинаются вновь вслепую, вводится двойная нумерация раскопов, слоев, находок, чертежи заранее не согласуются и вряд ли сводимы потом (не говорю о выводах), безмерно вредны для любого археологического объекта, тем более для такого выдающегося памятника, каким является древний белорусский Друцк!

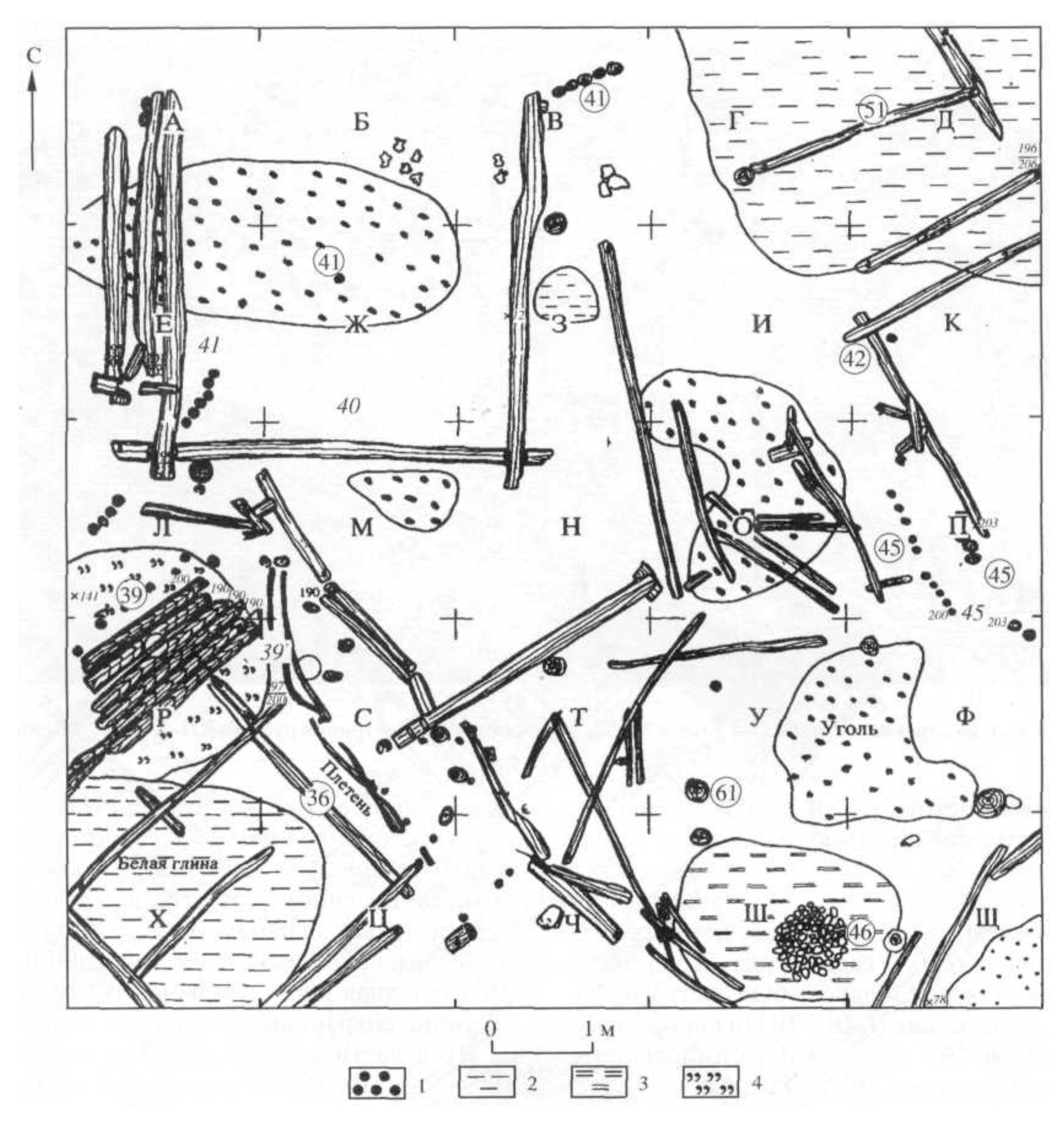


Рис. 39. Друцк, детинец. План раскопа III (девятый и восьмой штыки)

Сооружения, ориентированные по сторонам света - штык 9, по диагонали - штык 8. Условные обозначения: 1 - пожарище 1116 г., 2 - глина, 3 - обожженная глина, 4 - песок. *39* - плетень **III,** *40* - сруб Ш-40, 4 - частокол Ш-41, *45* — плетень Ш-45

копе VIII - 13-14-й штыки) имеет редкую застройку, подчиненную странам света (сруб III - рис. 39). Первые постпожарные строения были положены непосредственно на землю выше пожарища 1116 г. на 5-10 см. Подобная же картина открылась и на раскопе XI, где в так же ориентированном срубе выявились остатки жердевого пола с настеленным выше досчатым полом (амбар). Был расчищен на этом уровне еще сруб той же ориентировки, однако его большая часть была за пределами раскопа XI.

Второй послепожарный горизонт слоя Щ (шестой и седьмой штыки от поверхности), настилал первый, но застроен был иначе. Сооружений не так много, все они подчинялись теперь направлению вала (диагональны странам света) (рис. 39). Представляется, что именно в это время кардинальной перестройки детинца и был вырыт к западу от южных раскопов I и II глубочайший колодец, необходимый при осаде. Это, несомненно, был опыт предыдущей осады, когда в 1116 г. жители детинца оказались, видимо, без воды. Его воронка четырехметровой глубины отчетливо видна и теперь *{Алексеев,* 2001. Рис. 37) К колодцу была проложена улица (№ 17), вскоре замощенная бревнами на двух лагах (рис. 40). Начавшись у колодца, улица 17 пересекала юго-западный угол раскопа I, проходила по диагонали в северной части раскопа III, где и соединялась с замощением 23, движение по которому шло с юга на север восточной стороны раскопов VIII и III. Если улица 17 соединяла город с колодцем, то мостовая 23 (сохранившая бревенчатое замощение тоже на двух лагах) выводила на центральную часть детинца и далее к выезду из него *{Алексеев,* 1966а. Рис. 33 - видна часть улицы 17 и ее окружение на раскопах I—III).

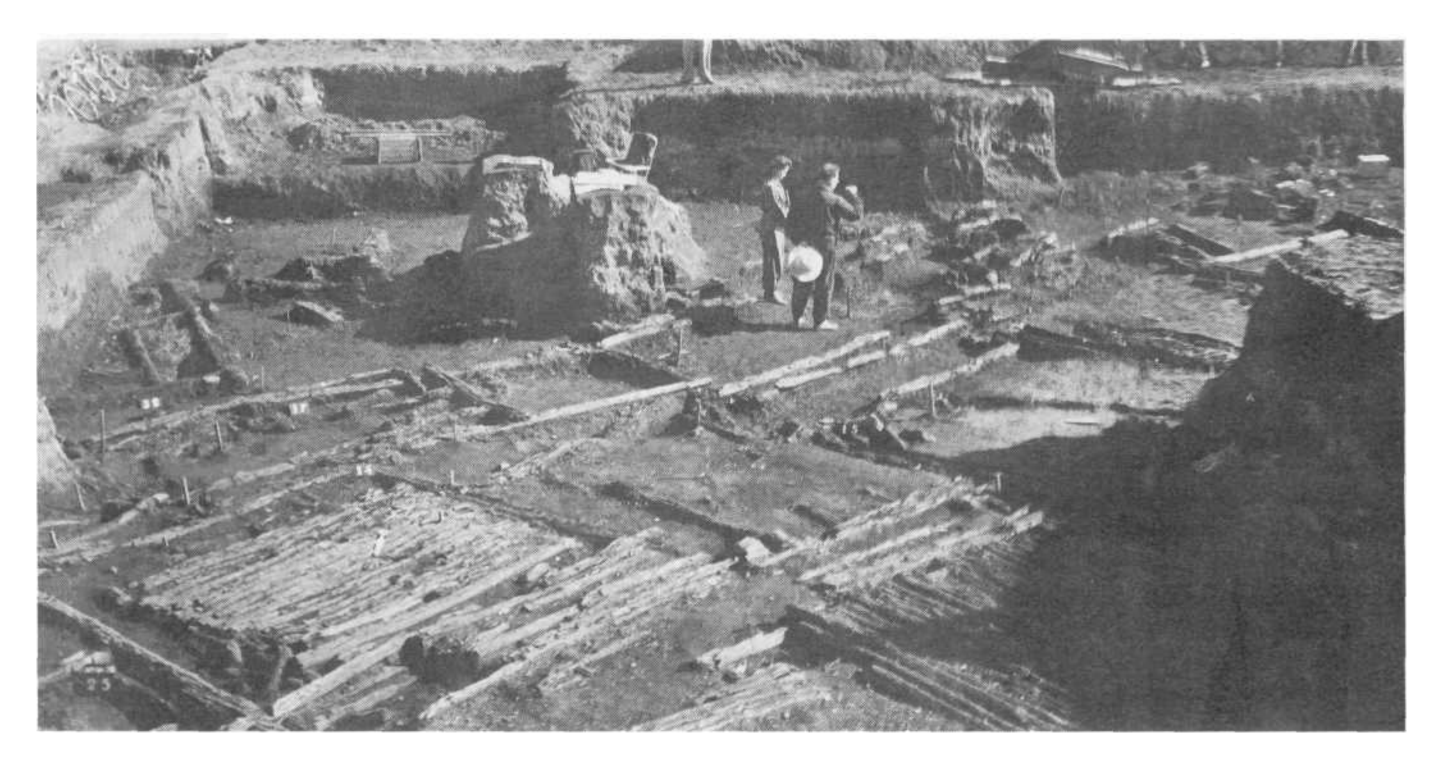


Рис. 40. Друцк. Остатки деревянной мостовой улицы № 17 и окружающие ее постройки рубежа ХП-ХШ вв. Фото автора, 1958 г.

По сторонам мостовых 17 и 23 расчищены следы маленьких усадеб (видимо, княжеских ремесленников, о чем свидетельствуют находки кожи, обуви). Несколько севернее кто-то занимался литейным делом (тигельки), у выезда с детинца стояла кузня (куски сопел). Усадебки ограждал частокол. Центром каждой усадьбы был, естественно, дом. В южных раскопах (I-III;VIII) была выявлена целиком усадьба "А" с домом П-15 и фрагменты других усадеб *(Алексеев,* 1966а. Рис. 33).

Усадьба "А" имела небольшие (только и возможные здесь) размеры - 12 х 12 м, т.е. около 150 м^2. Она примыкала к улице 17, охватывала большую часть раскопа II, весь раскоп VIII, юго-западную часть раскопа III и захватывала юго-восточную часть (угол) раскопа I. Центром усадьбы был, как сказано, дом П-15 (рис. 41),

Рис. 41. Друцк. Постройка П-15 с печью-каменкой в углу. ХП-ХШ вв.

выходивший северо-восточной стеной на юго-восточную сторону улицы 17. Северо-восточная часть усадьбы первоначально была ограждена березовым, начинавшимся от угла дома, плетнем П-39, округло охватывавшим усадьбу (рис. 42) с сараем Ш-36, имевшим вход в юго-восточной его стене. Юго-западная часть усадьбы "А" ограничивалась частично сохранившимся частоколом (кв. Т раскопа Д), а частично постройками соседней усадьбы "Б" - П-20; II-14; П-31, выходившими на ту же улицу. Северо-западной границей усадьбы "А" была улица 17 (с несохранившимся частоколом), а юго-восточной служил вал.

Рассмотрим усадьбу "А". Стены дома П-15 сохранились на четыре венца - он, следовательно, простоял достаточно долго. От пожарища 1116г. сруб П-15 был отделан тонкой прослойкой глины под домом (против сырости), ниже - серой землей мощностью 12-15 см (первый послепожарный горизонт слоя III), под ней - тонкой прослойкой глины. Таким образом, второй послепожарный горизонт слоя III здесь начался строительством дома П-15. Он невелик: 3,1 х 3,1 м, его переводины пола врублены во второй венец (сохранившиеся доски пола располагались в направлении северо-запад - юго-восток). В западном углу дома была расчищена печь-каменка из 6 больших валунов, дугообразно окружавших глиняный, положенный на мелкие камушки, под *(Алексеев,* 1966а. Рис. 33). Печь оконтурена с двух сторон переводинами, на которые опирались доски пола. Подпечной ямы не было. Устье печи было обращено ко входу в дом в юго-восточной стене. Свод обрушился. Через незамощеный крытый двор П-53 обитатели дома

Рис. 42. Друцк, детинец. Деревянные строения раскопов I—III, VIII на седьмом штыке. XII в.

Полевые обозначения: *12* - частокол; *14* - хлев усадьбы "А"; 75 - дом с печью-каменкой усадьбы "А"; *16* - остатки строения; *17* - улица, ведущая на юго-запад к колодцу; *18* - сарай усадьбы "А"; *20* - курятник соседней усадьбы; *21* - замощение двора усадьбы "А"; *23* - лаги замощения проезда ко двору усадьбы "А"; *23а* - хлев; *24* - хозяйственная постройка; *29* - замощение; *31* - столбовой сарай; *32* - дом; *33* — хозяйственное строение; *36* - остатки сооружения усадьбы "А"; *39* — плетень усадьбы "А"; *53* - крытый двор усадьбы; *71* - плетень между усадьбами

сообщались с пристроенным к нему сараем VIII-18 (его размеры 4,5 х 3,3 м). Внутри двора к сараю примыкала бревенчатая пристройка, где, судя по находке части жернова, мололи зерно. Песчаный глинистый грунт южнее этого угла сарая указывал на близость подошвы вала. Здесь, "на задворках" расчищена мусорная яма, куда был выброшен железный светец, отдаленно напоминавший новгородский {*Колчин,* 1959. Рис. 83, 3).

С юго-западной стороны построек II-Д5,11-53 и VIII-18 усадьба "А" распространялась, как мы сказали, до частокола II-11. Единственной постройкой здесь был хлев II-14 (2,8 х 2,8 м) со стенами на два венца, дважды возобновлявшимися и оба раза с бревенчатым полом. Лаги соединялись со стенами способом сквозной врубки (их концы выходили наружу на 20 см). С юга был пристроен небольшой "хлевец" (по навозу внутри - свинарник). Большая

часть двора между частоколом II-11 и домом II-15 и сараем VIII-18 многократно мостилась настилами, о чем свидетельствуют лаги. Видимо, здесь была главная часть двора усадьбы, а ворота должны были находиться между домом П-15 и хлевом П-14, но следов их не обнаружено (а пространство, где они могли быть, как и под указанными настилами, заполнено слоем глины). Усадьба "Б" примыкала к усадьбе "А" с юго-запада, но о ней судить было нельзя - она вошла только в юго-западный угол раскопа П. Там было обнаружено три хозяйственных сооружения: столбовая постройка П-31, три столба которой вошли в раскоп, остатки хлева (?) с жердевым полом П-23 и жердевая постройка, оконтуривающая заполнение из песка П-20, очевидно, ограждение курятника. Это задворки усадьбы "Б".

Северо-восточнее усадьбы "А" на месте упомянутого плетня П-39 позднее стояла новая хозяйственная постройка II-16, увеличивавшая прежние пределы усадьбы "А". От нее сохранилось лишь два бревна и видна замощенная бревнами небольшая площадка, заполнявшая свободное место пересечения мостовых 17 и 23. Замощение 23 было положено не на три лаги, а на две. От пересечения с мостовой 17 она шла к югу в раскопе III с небольшим изгибом к востоку и оканчивалась в северной части раскопа VIII (рис. 42). На ее восточной стороне был забит частокол Ш-71; до мостовой он выходил углом на запад, но угол этот мостовая перекрыла, а в образовавшемся в частоколе перерыве возникли хозяйственные постройки Ш-24 и Ш-29.

За частоколом Ш-71 начиналась усадьба "В", вошедшая в раскоп лишь небольшой частью в его восточном углу. На северо-западной стороне улицы 17 выявилась еще одна усадьба - "Г", большая часть которой оказалась тоже за пределами раскопа. Здесь были остатки двух построек (1-32 и 1-33). Не исключено, что каждая принадлежала отдельной усадьбе, о чем, возможно, свидетельствуют "разделяющие" их горизонтальные бревна, которые могли служить укреплением частокола (что часто бывает). Надо сказать, что в первом послепожарном ярусе слоя III эта часть не обживалась и пожар 1116 г. был ближе ко второму послепожарному горизонту ("ярусу") слоя III по высоте. Лишь в самой западной части раскопа I (кв. X под мостовой 17) виднелся угол сгоревшей постройки 1-34. Постройка 1-32 была небольшой, вошла в раскоп лишь юго-восточной частью и сохранилась на два венца. Ее соорудили на слое белой глины, а переводины пола показывают, что она была двухкамерной и пол, возможно, был настелен в большой камере. Следов печи не было - мы имеем дело явно с амбаром усадьбы "Г". Квадратная в плане постройка 1-33 лежала тоже на слое белой глины, но сохранилась на один венец. В ней, похожей на предыдущее строение, видны как бы следы переводины, или перегородки. Если это действительно другая усадьба, то и она могла быть амбаром (следов печи и здесь не было). Выход из постройки 1-33 был, видимо, в северо-восточной стене, от которого по несохранившимся ступеням спускались к замощению, примыкавшему к частоколу 1-12, отделявшему усадьбу от улицы 17.

Третий послепожарный горизонт слоя III при желании может считаться вторым ярусом предыдущего горизонта - общая планировка на южных раскопах не менялась, но улица 17 мостилась заново - кое-где лаги второго яруса лежали поверх остатков плах нижнего яруса. В основном же плахи мостовой при ее ремонте выбирались почти полностью. На мостовой 23 плахи были полностью сохранены, и эта мостовая однажды мостилась заново.

На усадьбе "А" дом П-15 и теперь продолжал стоять, его двор получил замощение VIII-19, а сарай VIII-18 сменила небольшая клеть (3,4 х 31 м) VIII-13, рубленная в обло. Ее стены, сохранившиеся на два венца, состояли из бревен разной толщины. Внутри клети, перпендикулярно ее юго-западной стене, на расстоянии 80 см от западного угла отходил ряд небольших бревен — опора лагам пола, досчатая часть его сохранилась в восточном углу. Клеть VIII-13 была сложена на песчаной подушке (смесь глины и песка) толщиной в 30 см. Верхний ее венец (как, впрочем, и некоторые лежащие рядом горизонтальные бревна, которыми укрепляли забитый частокол), были обуглены. Клеть погибла от пожара. Вход в нее был, естественно, из крытого двора. По песчаной подушке можно заключить, что и это был амбар.

Сруб П-15, крытый двор П-53 (с мощением VIII-19), клеть VIII-13 и другие сооружения и настилы раскопов I—III залегали в среднем на глубине 1,2 м (лишь в раскопе VIII "ниже", благодаря близости вала), это условно соответствует шестому штыку, что в дальнейшем для нас очень важно (рис. 43).

Участок усадьбы "А" к юго-западу от описанных сооружений сохранил прежнюю планировку (был лишь заново перестроен): хлев П-14 получил новый жердевой пол II-13 и замощен подход к хлеву (настил II-18). В квадрате И раскопа II видны следы настила выезда на улицу 47 (но следов ворот по-прежнему нет). У северо-восточной стены дома П-15 удалось расчистить остатки квадратного в плане сооружения Ш-29, стоявшего на месте более раннего сооружения III-16 (сменившего некогда частокол Ш-39, о котором речь уже была. Характер того и другого сооружений неясен - слишком мало от них сохранилось, это какие-то хозяйственные срубы, поставленные тесно и вскоре убранные.

На этом уровне отчетливо выделилась граница усадьбы "А" у вала - в квадрате Т раскопа VIII сохранились частично обгорелые горизонтальные бревна, подпиравшие не дошедший до нас частокол.

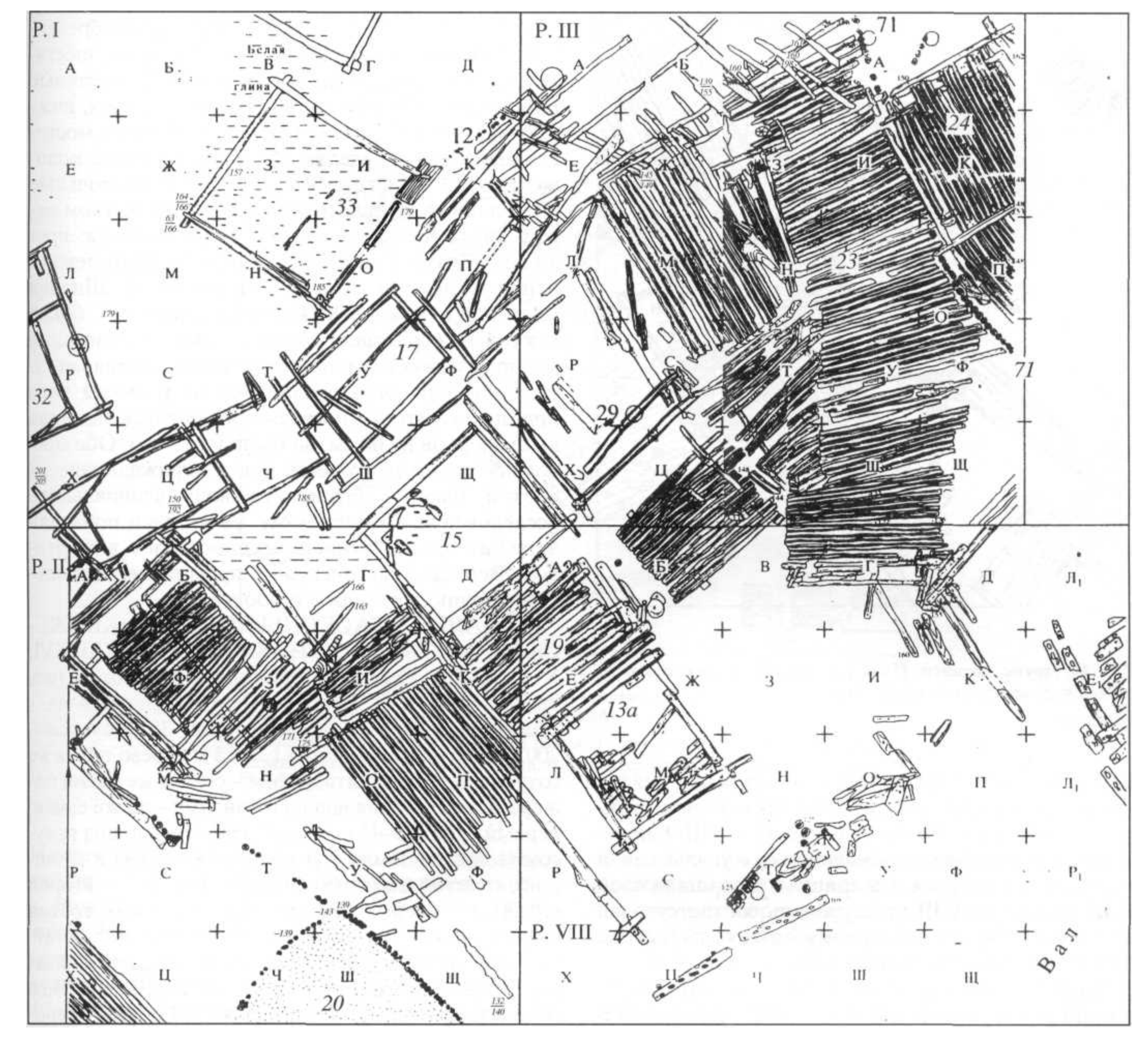


Рис. 43. Друцк, детинец. Деревянные строения раскопов I-III, VIII на шестом штыке. XII в.

Полевые обозначения: *12* - частокол; *13* — хлев усадьбы "А"; *13а* - хлев усадьбы "А"; *17* - улица, ведущая на юго-запад к колодцу (лаги мостовой); *19* — замощение скрытого двора усадьбы "А"; *20* - курятник; *23* - мостовая проезда к двору усадьбы "А"; *24* - хлев; *32* - дом; *33* - постройка; *71* - частокол между усадьбами

Очевидно, развитие жизни на детинце потребовало в это время дополнительных ограждений усадеб со стороны валов.

Планировка усадеб "Б" и "В" в частях, доступных нам, осталась неизменной.

Слой II в среднем соответствовал в раскопах I—III глубине 1 м, т.е. приблизительно пятому штыку, в раскопе VIII - восьмому штыку от современной поверхности. В рассматриваемой южной части детинца планировка сильно изменилась. Дерево здесь сохранилось хуже, но можно было понять, что на месте сруба II-15 теперь был поставлен хлев с бревенчатым полом Ш-12 (рис. 44). Восточнее сруба II-15 было расчищено еще какое-то сооружение, квадратное в плане (3,4 х 3,4 м), в оторфовавшемся грунте было заметно, что к нему подходили еще постройки, наметились три клети.

От сруба VIII-11 сохранился лишь северный угол в два венца, а в первом от него - череп лошади (зарытый в ритуальных целях под углом?). С востока к постройке VIII-11 примыкали остатки частокола - сруб и частокол погибли явно одновременно. Юго-восточнее у пристройки к срубу VIII-9 забито продолжение частокола VIII-12 с обычным в Друцке горизонтальным бревном, его подпирающим. Яма между постройками VIII-11 и VIII-9 уничтожила и постройку VIII-11, и частокол. Сруб VIII-9 прослеживался лишь в северо-запад-

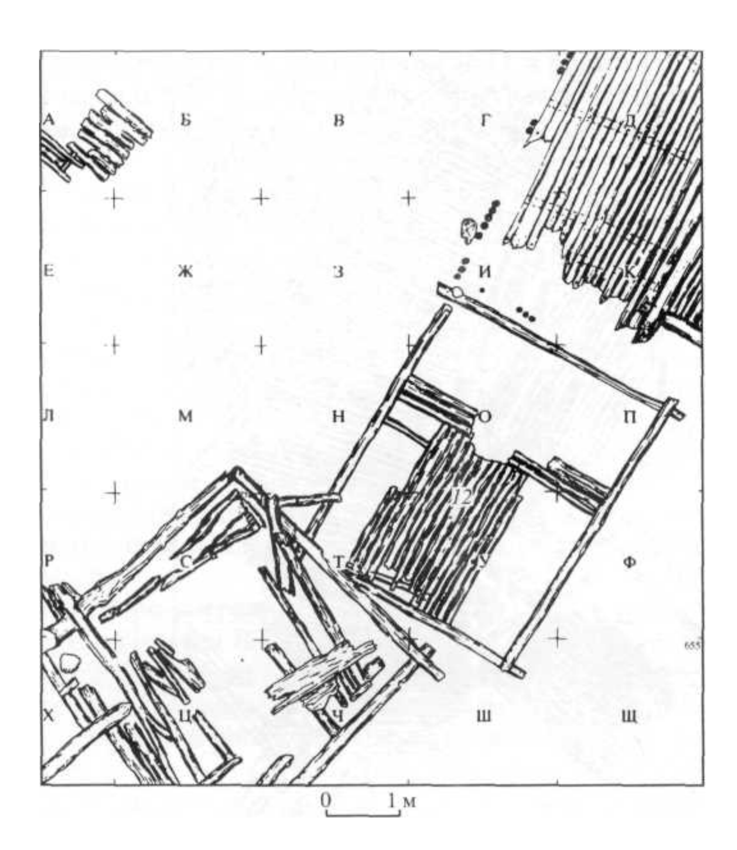


Рис. 44. Друцк, детинец. План раскопа III на пятом штыке (новая перепланировка территории)
12 - хлев

ной части. Назначение всех этих строений неясно (не исключено, что они играли какую-то роль в укреплениях вала). Постройки VIII-11 и VIII-9, перекрытые суглинком, перемешанным с угольками, и перекрытые вторым пожарищем, завершали слой П. На раскопах I—III этот уровень соответствовал глубине 80 см, т.е. четвертому штыку, на раскопе VIII его глубина была большей.

Слой I - самый поздний (в раскопах I и III - верхние 60 см (первый-третий штыки), в раскопе II и VIII - 70-80 см (первый-четвертый штыки) и 1-1,2 м (первый-шестой штыки). На всей площади памятника слой имеет одинаковую консистенцию, связанную, несомненно, с гибелью города. Это - земля, везде перемешанная с золой и угольками и с кусочками обожженной глины от печей. В основании слоя часто видно пожарище.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РАСКОПЫ И ВЪЕЗД (раскопы V, VI, IX, X и XXII). Культурный слой в этих раскопах достигает мощности 140 см (до седьмого штыка). Следы строений в них почти отсутствуют (лишь в верхнем горизонте - "развезенная" печина). На седьмом штыке - материк, на шестом - пожарище. Из находок чаще всего встречаются стеклянные браслеты. В раскопах V и VI на четвертом штыке встречены поливные плитки пола.

К центральным раскопам от въезда вела бревенчатая мостовая (раскоп XXII). Мощность слоя здесь доходит до 3 м, находок мало, строений нет. На глубине 123-126 см от условного репера расчищены остатки двух сменивших друг друга бревенчатых мостовых, движение по которым осуществлялось от въезда на северо-восток. Обе мостовые прогорели в разных, по-видимому, пожарах, нижний из которых датируется 1116 г. Верхняя мостовая выявлена по следам обгорелых бревен, положенных не на лаги, а в специальные продольные углубления в земле с небольшим промежутком между ними. Конструкция очень оригинальна: продольные пазы в земле позволяли бревнам лежать неподвижно при проезде по мостовой. Ширина мостовой в раскопе XXII была около 6 м. С боков мостовую ограждали откосы валов, в основании которых с двух сторон мостовой был поставлен густой плетень, ограждавший ее от размыва вала при дожде. Вторая по времени мостовая залегала выше первой на 60 см, но была уже -4 м. Обе мостовые сильно прогорели, как и ограждающие их плетни. Въезд в детинец требовал специального исследования. По-видимому, на детинец попадали через въездной "туннель" с воротами с двух сторон. Верх въезда, очевидно, представлял небольшую башню, которая его обороняла.

ЗАПАДНЫЕ РАСКОПЫ ДЕТИНЦА (КНЯЖЕСКАЯ ЧАСТЬ ПАМЯТНИКА) (раскопы XIII-XVI, XVII, XVIII). Главными раскопами здесь оказались раскопы XIII-XVI, заложенные у западного вала - самого высокого на детинце (рис. 38) {*Алексеев,* 2002а). В слое мощностью 1,2-1,3 м дерево почти не сохранилось, но стратиграфия - с теми же двумя пожарами и четырьмя напластованиями - та же самая: первый слой (30—45 см) - непосредственно под гумусом (золистая земля с угольками и глиняной крошкой), подстилаемая пожарищем (10-15 см), второй (20-30 см) - серый без древесных остатков, третий (ЗО^Ю см) - коричневый, оторфовавшийся, с остатками перегнившего дерева и глиняными прослойками. От четвертого слоя темного цвета (10-20 см) его отделяла прослойка пожара 1116 г. Материк - серо-желтого цвета с искусственными углублениями и западинами (от бывших здесь строений?).

По фрагментарным остатками строений и глиняных пятен от печей на четвертом и пятом штыках можно понять, что застройка здесь была совсем не столь тесной, как в южных раскопах, но и здесь подчинялась валу.

В раскопе XIII на пятом штыке выявились остатки, сравнительно большого сооружения, вероятно, квадратного в плане (5 х 5 м) с остатками глинобитной печи в виде округлого (диаметр 70 см) обожженного пода печи, лежавшего, в свою очередь, на округлом же слое серой глины (диаметр 1,6 м) (рис. 45). Печь упала в сторону севера, когда стены при пожаре еще не обгорели, накрыла их, и эта часть стены до нас не дошла (полностью сгнила). Остальные части строения фиксировались по его обгорелым остаткам. Внутри этой постройки XIII-1 обилие углистой земли указывало на гибель сооружения во втором друцком пожаре.

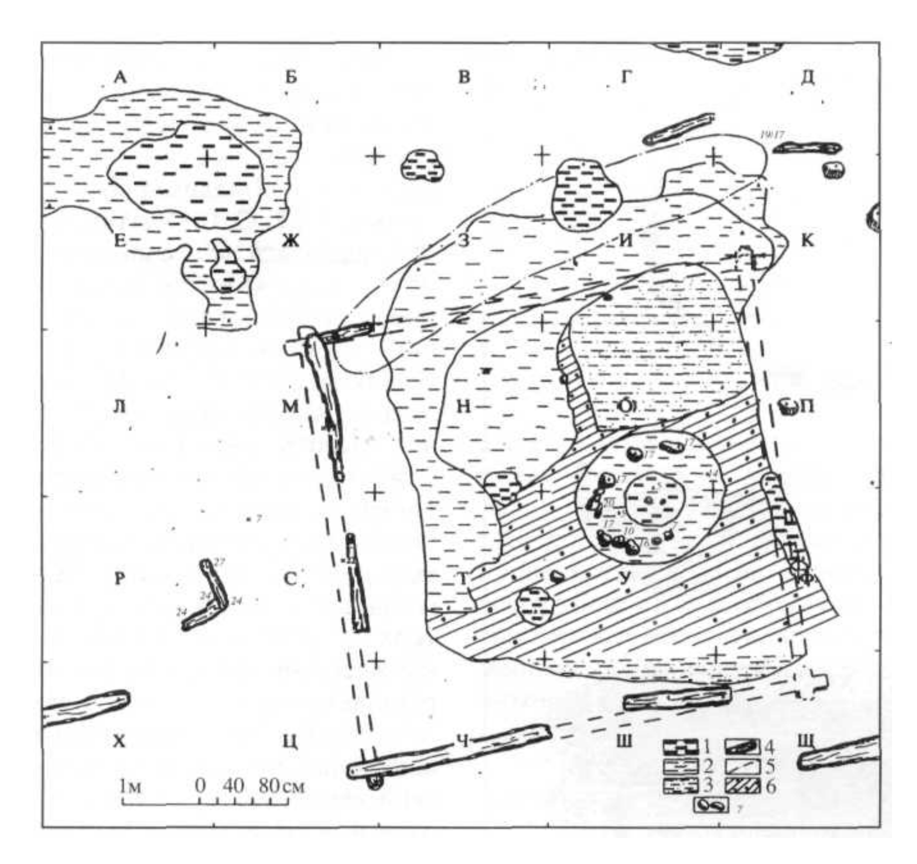


Рис. 45. Друцк. Остатки деревянного строения с печью-каменкой в княжеской части детинца (раскоп XIII, штык 50)

1 - обожженная глина; 2 - белая глина; 3 - светлая супесь; 4 - древесные остатки; 5 - граница углистой земли; 6 - культурный слой с вкраплениями угля; 7 - камни

Назначение сооружения неясно, очевидно лишь, что пол ее не был глинобитным или жердевым.

Еще какие-то сооружения были в этой части детинца. В раскопе XIV на шестом штыке в его юго-восточном углу были расчищены остатки хозяйственной постройки. Стена сохранилась на длину 4 м, внутри среди прочих находок найдена костяная петля колчана {*Алексеев,* 1966а. С. 266, рис .72, *36).* В восточной части раскопа XV на четвертом штыке обнаружены следы печи-каменки, под которой был настил из мелких камешек. Здесь, следовательно, был еще дом, погибший в том же пожаре. Сгорели еще какие-то строения четвертого штыка в северо-западной части раскопа XVI, где в квадратах АБЕЖ оказался угол сруба с подкладками из небольших бревен. Это сооружение покоилось на остатках сгоревшей постройки с глинобитной печью с подом из камешков: хозяин пытался восстановить дом после пожара, но очертаний нового строения уловить не удалось. Следы все того же пожара виднелись и в северо-восточном углу раскопа XVI.

ВОПРОС О КНЯЖЕСКОМ ДВОРЕ И КНЯЖЕСКОМ ТЕРЕМЕ. Определяя назначение этой части детинца, я указывал, что она особенно интересна и прежде всего тем, что защищена самым высоким валом детинца, а также и вторым валом окольного города или острога. Ни улиц, ни мелких, тесно поставленных домов и строений, столь частых у южного вала, здесь нет. Здесь обнаружены две разновременные, сравнительно большие постройки с глинобитным полом (в одной) и очагами в виде печи-каменки.

Здесь иной характер находок и, в частности, много украшений из серебра. Шиферное пряслице с надписью "КЪНЯЖИНЪ" (рис. 46,2), два серебряных перстня с княжескими знаками *(Алексеев,* 1966а. Рис. 34, *3),* шиферное пряслице с процарапанным княжеским знаком *(Алексеев,* 1966а. Рис. 34, 2), пластинчатый серебряный браслет со сканью (рис. 46, *1),* полная аналогия которому в единственном экземпляре известна на Княжьей Горе (древний город Родня; *Хойновский,* 1896. Табл. XI, *694).* Упомянем еще две золотые бусины, днище сосуда с княжеским знаком, круглодротовый серебряный витой перстень *(Алексеев,* 1966а. Рис. 37,*4),* бронзовый витой браслет с плоскоотkованными концами *(Алексеев,* 1966а. Рис. 34,*1).* В западных раскопах найдено 27 поливных плиток пола из 45, полученных на детинце (табл. 2[23]).

[23] В моей работе *(Алексеев,* 1998 г. С. 15) указаны предварительные подсчеты количества поливных плиток детинца Друца. Ныне, после проверки всей коллекции плиток, описей и полевых дневников их оказалось больше (в таблицу не вошли три плитки с детинца и все плитки с окольного города).

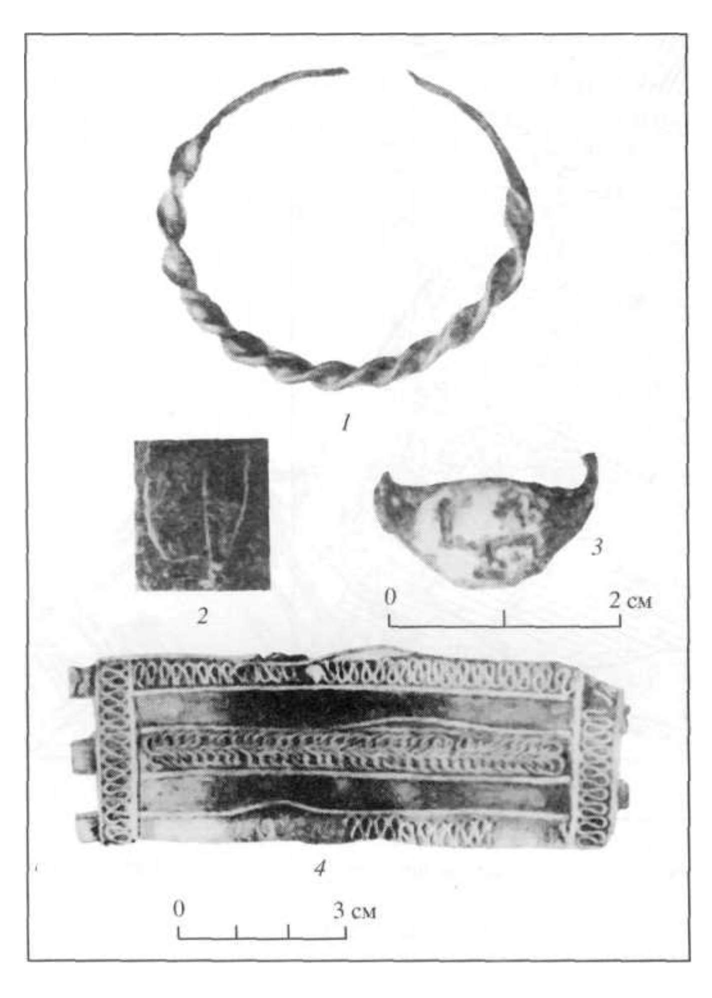


Рис. 46. Друцк. Находки из западной части детинца
1 - бронзовый браслет; *2, 3* - шиферное пряслице и серебряный перстень с княжескими знаками; *4* - серебряный браслет со сканью

Плитки размером 9 х 9 см, полива традиционна: вишневого (коричневого), зеленого и желтого цветов, большинство было в пожаре, следов раствора нет нигде.

Отсутствие раствора не должно удивлять: И.Г. Сахарова выяснила, правда, на материале XVII-XVIII вв., что в это время продолжала существовать "техника укладки плиток на песчаной подушке... и во Владимирской Руси ХП-ХШ вв." *(Сахарова,* 1957. С. 141). Итак, мозаичный пол иногда выкладывался на песчаной или глиняной подушке, но все-таки кажется более вероятным, что этот прием использовали лишь в деревянных постройках - церквах, теремах и т.д. *(Тимощук,* 1967. С. 7; *Рыбаков,* 1969. С. 331; *Ионисян, Могитыч, Свешников,* 1983; *Алексеев,* 19936. С. 231). Итак, в западной части детинца было построено здание с мозаичными полами, устланными единообразными, но трехцветными поливными плитками. Первоначально я предполагал, что это была особая княжеская церковь *(Алексеев,* 1998 г. С. 15), однако кроме плиток здесь не было находок церковного характера, а находки с надписью "КЪНЯЖИНЪ", с княжескими знаками несомненно приводят к другому заключению: здесь, у самого высокого вала, закрытый со стороны окольного города еще одним дополнительным валом, скрывался княжеский терем, который и имел залу для приема послов и других торжественных случаев, выложенную мозаичным полом. Поиски этого терема - дело будущих исследователей.

ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ НА ДЕТИНЦЕ, построенная в Друцке в 1001 г. *(Тихомиров,* 1968. С. 9), была, несомненно, деревянной и, следовательно, время от времени перестраивалась на одном и том же месте (как это было, например, с церковью-донжоном в Мстиславле - *Алексеев,* 19936. С. 217-238). На место, где она могла стоять, по-видимому, указывает братская могила в северо-восточном углу детинца (над наспех положенными на землю покойниками насыпан общий курган - видимо, при осаде) *(Алексеев,* 20026. Рис. 7). Неподалеку от кургана найдена часть сильно оплавив-

Таблица 2. Находки поливных плиток на детинце*

Штык	Южные раскопы			Центр					Западные раскопы			Итого
				восточная часть			западная					
	I	II	III	V	VI	XX	IX	X	XIII	XIV	XVI	
1				**И**					В			**2**
2			**АЕИ**	**АЕ**					м		Аз	8
3					**ЗО**				В		ЗЗИМИ	8
4	г			**Н**	**ф**	**БСПЖ**				ФХ	**Ж**	10
5	о		**о**		**Н**	Д	**Щ**	н	ВЛЛУ			10
6	**д**		д				**Г**					3
7												
8			Д									1
Итого	3		6	**4**	4	**5**	2	1	7	2	8	42

Буква обозначает квадрат, прописная буква — что плитка была в пожаре.

Таблица 3. Распространение стеклянных браслетов в южных раскопах детинца

Раскоп III	штык	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
количество браслетов		-	3	4	7	28	42	53	20	7	4	2	2		
Раскоп VIII	штык	4	5	6	7	8	9	10	11	12	14	15	16		
количество браслетов		-	-	-	4	14	47	60	25	26	13	25	20	13	
Общие даты		XV-XVI вв.				начале XIV в.		1240 г.		начало XII в.	XI в.				
						массовое распространение стеклянных браслетов									

шегося колокола[24]. Небольшой, с диаметром верхней части 15-20 см, он восстанавливается по форме с известным трудом: это, по-видимому, не был "ульеобразный" колокол, типичный для XII в. (*Шашкина,* 1985. С. 118, рис. 1) - такой найден в Слободке на Орловщине (*Никольская,* 1987. С. 142, рис. 75, *3),* - наш же колокол "переходной" формы рубежа XIII-XIV вв. (*Шашкина,* 1985. С. 218, рис. 3). Эти колокола были "язычными", висели неподвижно (*Кавельмахер,* 1985. С. 40). Близкий к нему, судя по рисунку, колокол (*Лысенко,* 1999. С. 180, рис. 53,*16),* не оцененный автором раскопок и даже поименованный им "кусками колокольной бронзы из слоя XIV-XVI вв." (*Лысенко,* 1974. С. 43), найден в Турове. В Друцке, помимо кусков колоколов, в раскопе XX оказалась часть нимба серебряного оклада иконы, неподалеку, в северных квадратах раскопа III найдены три бронзовых куска церковного хороса, бронзовые крышечки кадила древней формы. В близких раскопах III, V, VI, XX найдено 19 поливных плиток пола, из которых не обгорело только 2 (табл. 2). Ясно, что деревянное здание с мозаичным полом, хоросом и колоколами было где-то возле названных раскопов (да и тяжелый колокол не мог отлететь от него далеко!). Плиток по сторонам этого раскопа почти нет, почти нет их и ниже пятого штыка. Ясно, что четвертый и пятый штыки соответствуют дневной поверхности, на которой была выстроена церковь с мозаичными полами, вероятно, сменившая более раннюю, построенную в 1001 г. Храм погиб в пожаре, многие плитки разлетелись, и колокола с их тяжелыми частями упали вниз. Разлетелась, видимо, и вся церковная утварь, которую не успели вынести из здания. Очень вероятно, что несколько найденных поблизости писал также погибли при пожаре церкви: грамотными на Руси были, как мы знаем, в первую очередь служители церкви.

ВОПРОС О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ ПОСТРОЕК НА ДЕТИНЦЕ. Трудно говорить о датировке наслоений, когда из-за состояния древесных остатков на памятнике дендрохронологическое исследование исключено, к тому же, в основных слоях отсутствуют датирующие монеты, а датировки находок чаще всего растянуты во времени. Однако наш памятник все-таки дает возможность продвинуться и здесь, используя прямые и более всего косвенные соображения по двум этапам: установление относительной хронологии единовременных поверхностей памятника, а затем абсолютной хронологии тех из них, которые этому поддаются.

1. Материк - та "единовременная" поверхность, которая нам дана и на которой поселились люди в конце X - начале XI в. (*Алексеев,* 2002а).

2. Пожарище, перекрывающее четвертый слой - вторая единовременная поверхность. Нам удалось ее датировать 1116 г. (*Алексеев,* 2002а).

3. Выше этого пожарища лежат напластования с обилием стеклянных браслетов, общее распро странение которых на Руси падает на рубеж ХП-ХШ - начало XIV в. (*Полубояринова,* 1963в. С. 173; *Колчин,* 1982. С. 159). Здесь - 3 этапа:

А. Появление массовых находок браслетов на рубеже VII-VIII вв. (в Новгороде - с 1197 г.).

Б. Максимальное распространение браслетов на Руси - 1230-1240-е годы.

В. Исчезновение браслетов в русских городах с прекращением их производства в Киеве (в связи с его разрушением в 1240 г. татарами) в первые два десятилетия XIV в.

Следующие ниже таблицы 3-5 характеризуют это явление в Друцке по раскопам южным (раскопы III и VIII), центральным (раскопы IX и X) и западным (раскопы XIII-XVI).

Любопытно, что если сравнить количество шиферных пряслиц из Друцка по штыкам, то выяснится, что они распространены почти так же, как и стеклянные браслеты, правда, в XII в. их несколько больше. Та же картина выяснена в раскопках Г.В. Штыхова в Полоцке (*Штыхов,* 1975. С. 53, табл. 1 и 2).

Что касается наших таблиц, приведенных выше, то они указывают нам следующие единовременные поверхности на детинце:

А. Поверхность, соответствующая *первому массовому распространению стеклянных браслетов,* датирующемуся, как мы сказали, рубежом XII и XIII вв. На раскопе III она залегала на восьмом

[24] Маленький осколок (4 см) нижней части колокола найден без следов огня и в раскопе IX (он сюда, очевидно, отлетел при его падении).

Таблица 4. Распространение стеклянных браслетов в центральных раскопах детинца

Штык	Раскоп		Всего
	IX	X	
1	6	3	9
2	1	5	6
3	11	4	15
4	51	63	114
5	15	-	15
6	2	6	8
7	—	-	-
Всего:	85	81	7

Таблица 5. Распространение стеклянных браслетов в западных раскопах детинца

Штык	Раскоп				Всего
	XIII	XIV	XV	XVI	
1	3	3	1	4	11
2	3	3	8	8	22
3	13	24	23	52	112
4	10	27	28	53	118
5	9	29	10	25	73
6	-	17	-	7	24
7	-	3	-	-	3
Всего:	38	106	70	151	363

штыке, а на соседнем раскопе у вала - раскопе VIII - на 12-м штыке (вал оплыл), на раскопе IX, XIII-XVI - на пятом штыке. На раскопе III это соответствовало новой планировке - второму послепожарному горизонту слоя III, когда возникли усадьба А и соседние, ориентированные по валу, когда был, по-видимому, вырыт к западу от раскопа I глубокий колодец и к нему протянулась первоначально незамощенная улица (объект № 17). Севернее, в районе раскопа XX, мы видели, на этом уровне была возведена деревянная церковь с мозаичным полом, колоколом и т.д. На западном раскопе XIII, вблизи восточной стенки была обнаружена сравнительно большая деревянная постройка с глинобитной печью (рис. 45). Никаких строений западнее (раскопы XIV-XVI) на этом уровне не встретилось. Может быть, именно тогда (первая половина XIII в.) здесь была свободная площадь княжеского двора?

Б. *Расцвет массового распространения стеклянных браслетов* (20-30 годы XIII в.) на Друцком детинце соответствует седьмому и шестому штыкам раскопа Ш, десятому-девятому штыкам раскопа VIII, четвертому и третьему штыкам раскопов IX, X, XIII, XVI (табл. 3-5). На южных раскопах это дальнейшее развитие усадьбы А и соседних (третий послепожарный горизонт слоя III), когда кое-где заново мостились мостовые, ремонтировался дом П-15, хлев VIII-18 сменили хлевом VIII-13 и т.д. Обилие плиток пола в западных раскопах указывает, что где-то здесь стоял терем, парадная зала которого была с мозаичными полами. Плиток более всего встретилось на пятом штыке раскопа XIII, на третьем - раскопа XV (табл. 2). Во время гибели терема они, видимо, разлетелись довольно далеко (от раскопа XIII до раскопа XV), что могло быть в том случае, если зал с плитками был на втором этаже (а постройка с печью в раскопе XIII могла быть нижней, отапливаемой частью терема, но это, конечно, предположение).

Разгром Киева в 1240 г. прекратил поступление стеклянных браслетов в русские города. Их количество начало сокращаться. Этому времени соответствуют в Друцке пятый и восьмой штыки на раскопах I, III, VIII (табл. 3) и третий штык на раскопах IX, X, XIII-XVI (табл. 4 и 5). В этот период на южных раскопах произошла полная перемена планировки, исчезли усадьбы А и соседние, на раскопе Ш, например, на месте проезда с мостовой № 23 была построена усадьба с хлевом III-12, от которой шел частокол к северо-востоку, ограждая еще какую-то новую усадьбу (рис. 44). Летописец Быховца сообщает, что при разгроме Киева в 1240 г. "князь великий киевский Димитрий... бежал в Чернигов... и услышал, что мужики живут без государя и зовутся дручане. Он собрал людей пошел к Друцку, и осад в земле друцкой и срубил город Друцк (обновления укрепления. - *Л.А.),* и назвался великим князем друцким" (Хроника Быховца, 1966. С. 36, 37). Такого киевского князя не было, был тысяцкий Димитр, наместник. Его пощадили татары не "мужьства ради его", как думает летописец, а потому, что он уговорил Батыя идти, видимо, на "богатых" угров, и хан ушел из Киева (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 782, 785, 786). Известно также, что после битвы у Могильно (1284 г.), он бежал и именовался, как другие князья, - "Дмитрий Друцкой" (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 25). Нам ясно, что перемена планировки детинца связана с деятельностью Дмитрия с "людми". Керамика XII в., попадающаяся в верхнем слое вала окольного города указывает на то, что он действительно "срубал город" (Алексеев, 2002а), а земля шла из слоя XII в.

В. *Прекращение массового распространения стеклянных браслетов* на детинце дает нам еше один датированный слой - первые десятилетия XIV в. На южных раскопах это четвертый (раскоп I—III) и седьмой (раскоп VIII) штыки (табл. 4 и 5).

Выше, следовательно, залегают отложения XIV и XV вв. и отражают гибель города. Здесь найдено 43 наконечника железных и костяных стрел (из 70, происходящих из Друцка) и преобладают стрелы XIV и XV вв. Для датировки важны шпоры со звездочкой, датируемые XIV-XV вв., и самая поздняя со звездочкой, вынесенной на 6,5 см, сделанная в одной плоскости (XVI-XVII вв., *Никитин А.В.,* 1971. С. 40, табл. 4,*2,3).* Эта шпора - единственный

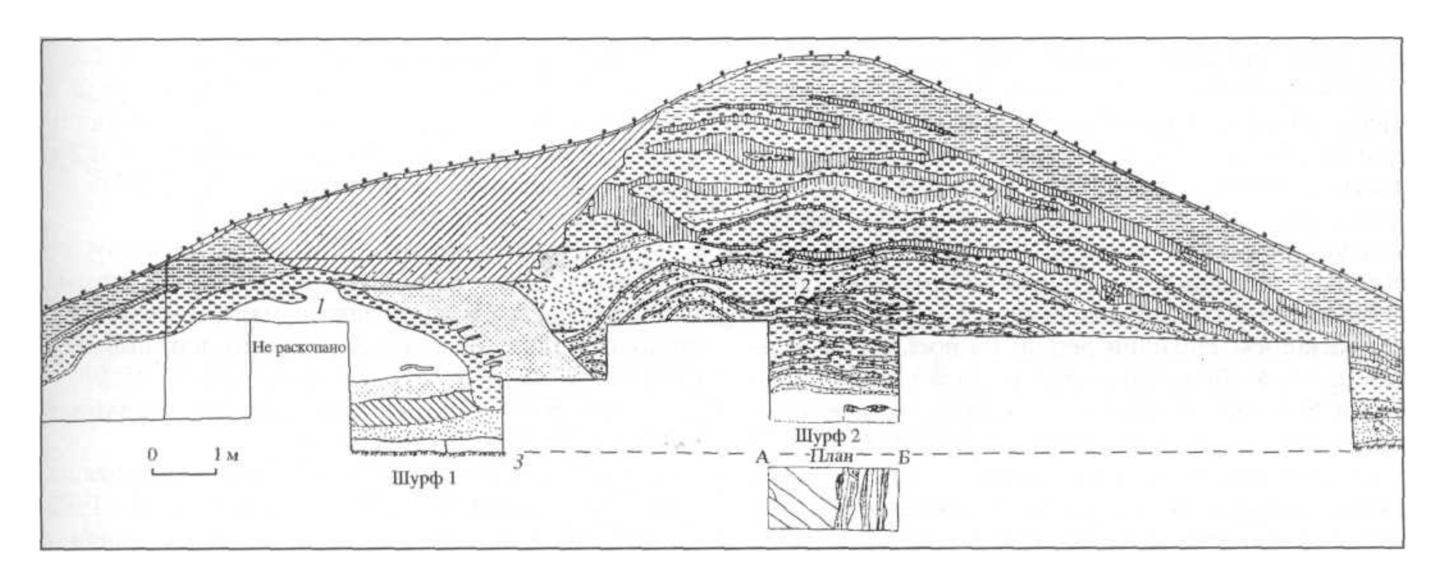


Рис. 47. Друцк. Разрез вала окольного города с южной сороны въезда
1 — первоначальный вал; 2 - дополнительный вал; *3* - культурный слой под валом

предмет этого времени в Друцке, видимо, она сделана в начале XVI в., что и датирует гибель города.

Из поздних слоев детинца происходят замки типа Г (XIII-XV вв.) и типа Е (XIV-XVI вв.), сосуды: поливной зеленый кубок, датированый Г.П. Смирновой (личная консультация) XIV в., красноглиняный кувшин, датированный в личной беседе Т.И. Макаровой XIV-XV вв., сероглиняный кувшин, по Г.П. Смирновой, датируемый скорее XIII в., третий уникальный кувшин - сероглиняный, с коричнево-зеленой поливой (глазурью) и горизонтальными налепами по тулову, датирован Т.И. Макаровой концом XП-XПI вв. Уникальной находкой из верхнего слоя является серебряный пластинчатый браслет со сканью, змеевики из бронзы, пряслице с княжеским знаком. Интересны бронзовые чашки и бронзовая гирька к ним, светец, 4 писала из слоя несколько более раннего; части панциря: два бронзовых энколпиона (подобный см.: *Ханенко,* 1899. С. 4, табл. X, *23; Алексеев,* 19746. С. 206, табл. *1,1).* Такая отливка происходит из Киева, найдена на полу дома ювелира Максима, погибшего в 1240 г. в Десятинной церкви (Каргер, 1958. С. 387, табл. 1, VIII, слева второй ряд). Видимо, энколпионы переходили из поколения в поколение. К несколько более раннему времени относятся ботало и скребница. Любопытны шахматные фигуры из кости - король, ферзь, конь и слон, найденные при зачистке склона древнего колодца *(Алексеев,* 1966а. Рис. 68, *9-11,13).*

ОКОЛЬНЫЙ ГОРОД. На этой части памятника мы произвели лишь рекогносцировочные работы: неподалеку от конюшни Гордзялковского - шурф 1 х 1 м и пробный раскоп у вала (20 м^2), также у въезда произведен разрез вала *(Алексеев,* 2002а). В последние годы белорусские археологи заложили в северо-западной части окольного города, по нашему плану это примерно ары Ж и 3-17 *(Алексеев,* 1966а. С. 150, рис. 31) раскоп в 132 м^2 (Друцк старажытны, 2000. С. 95).

Наш разрез вала пришелся на ар Г-20 *(Алексеев,* 1966. С. 150, рис. 31; 2002а) (рис. 47). Ныне вал здесь имеет высоту от материка 6,4 м и ширину 27 м. Западнее - ров глубиной 1,6 м при ширине 12 м. Под валом обнаружен культурный слой в 20 см, отделенный от вала мощным пожарищем (до 0,5 м), вероятно, датирующийся все тем же 1116 г. Вал, возведенный над пожарищем, имел основную, внутреннюю часть (9 м ширины, 2,7 м высоты) и часть, присыпанную к нему снаружи до максимальной высоты вала. Основная часть, внутренняя, в разрезе представляла полукруг, состоящий из многочисленных тонких прослоек глины, чередующихся с прослойками золы и угольков. Ясно, что, как и обычно, для прочности слои глины обжигались хворостом. Внешняя часть налегала на внутреннюю, т.е. была присыпана позднее *(Алексеев,* 2002а). Как показал шурф 2, нижняя часть вала в середине укреплялась бревнами, выше насыпана земля, еще выше (как и в первоначальном валу) прослойки глины чередовались с угольками и золой, но мощность прослоек здесь больше (15-20 см). Так укреплено ядро вала толщиной в 3,7-3,9 м. Вся конструкция продолжалась и выше, но слои глины и угля здесь толще и насыпаны небрежнее: подкоп здесь не угрожал. Внешнее ядро вала было без находок - глину брали на стороне. В верхней же части вала находки керамики постоянны, и вся она датируется XII в. *(Алексеев,* 2002). Здесь брали землю из культурного слоя поблизости, уже после сожжения города Мономахом (1116 г.), отмеченного и в окольном городе нижним пожарищем, о котором говорилось выше. Нижний, допожарный слой окольного города отражает, несомненно, неукрепленный посад XI в. Дата эта определяется по находкам нижнего допожарного слоя *(Алексеев,* 2002а).

Наши скромные работы в окольном городе проводились в юго-западной части площадки у вала в

аре Е-21, где слой меньше затронут помещиком Гордзялковским *(Алексеев,* 2002а). Раскоп XXIII здесь захватил лишь западную часть названного ара: квадраты - АЕЛРХ и БЖМСЦ - 20 м2. Мощность слоя здесь оказалась 1,6 м (8 штыков). Остатки строений обнаружились лишь на шестом штыке благодаря пожару - хозяйственная постройка, очевидно, квадратная со стороной 2,4 м., сгоревшая в 1116 г. Ниже, в слое XI в. сооружений не оказалось. Находки редки: на восьмом и седьмом штыках браслетов еще не было, пряслица - редки. Лепной керамики, которую севернее находила белорусская экспедиция *(Ляўко,* 2000.С. 96), в окольном городе нам не встретилось. Наиболее интересны среди находок - поливные плитки мозаичного пола, похожие на те, что найдены на детинце, но гораздо более вытертые ногами (здание с этим полом сильнее посещалось). Три плитки найдены на четвертом штыке: две с желтой поливой, одна с зеленой без следов огня; по одной плитке найдено на пятом штыке: зеленая полива без следов огня, шестом - коричнево-вишневая полива без следов огня, и седьмом штыке. К сожалению, ни одна из плиток не имела целой стороны, но на одной сохранились следы извести. В новых раскопках плитки оказались также квадратными и тех же тонов, но одна сторона их была 10 см, что отличает их от плиток детинца и показывает, что храм здесь построен другими мастерами и, вероятно, в иное время. Он предназначался прихожанам округи, а не князю с дружиной.

Когда же погиб Друцк? После второго пожара он, видимо, не возрождался, был заброшен, строения сгнивали, печи размывались дождями, что и дало консистенцию первого слоя, о которой мы говорили. Находок XVII и XVI вв. в Друцке нет. Наиболее поздние вещи датируются XV - началом XVI в. (крест), XIV-XV вв. (кувшин). Шпора с далеко вынесенным колесиком известна в Вышгороде (датируется XV в.), Новгороде (до 1420 г.) *(Кирпичников,* 1976. Табл. XXI, *4* и 6). Наша шпора отличается от них тем, что сделана в одной плоскости. Это явно позднейшая модификация указанных типов второй половины XV - начала XVI в. И вообще надо сказать, что вещи XV в. вполне могли быть использованы в начале XVI в. Летопись свидетельствует, что в начале XVI в. Друцк (князья которого в конце XV - начале XVI в. постоянно переходили на службу то к Руси, то к Литве - "к королю" (ПСРЛ, 1975. Т. 32; 1980. Т. 35. С. 234) еще был крепостью. В 1505 г. умер Иван III, в 1506 г. - король Александр. Ожесточенные войны продолжались и при их преемниках Василии III (1505-1533) и Жигимонте (Сигизмунде) Казимировиче *(Кром,* 1995. С. 99-101). В 1507 г. к мятежному Михаилу Глинскому "пристали княжата друцкие" (ПСРЛ, 1975. Т. 32), а когда Глинский "пошел из городов русских к Москве... князь Михаил Мстиславский и князь Друцкий с городами своими Рша и Кричев и Мозыр отдалися королю" (ПСРЛ, 1980. Т. 35. С. 234). Жизнь на друцком детинце прекратилась, по-видимому, в 1513-1514 гг., когда при Василии III русские воеводы "воевали Оршу, Дрьютескъ и Борисово" (Иоасафовская летопись, 1957. С. 192). Обратимся к итогам.

1. Во второй половине X в. на холме высокого берега р. Друти пришедшими с севера кривичами был основан племенной центр "малого племени" - друцких кривичей. Он был, видимо, как полагает О.Н. Левко (Друцк старажытны, 2000. С. 95, 96), о чем говорит обилие там лепной керамики IX-X вв., на Замковой горе.

2. В 1001 г. в Друцке строят церковь Богородицы.

3. По раскопкам Э.М. Загорульского (1982. С. 139, 148), новую цитадель Минск строили в 1063-1066 г г. Очевидно, в эти же годы Всеслав строил подобную крепость на Замковой горе и на Друти *(Алексеев,* 19986; 1998г).

4. Пожар, отделивший слой XI в., и его близость к начальному распространению браслетов в Друц ке позволяют отнести его к 1116 г. *(Алексеев,* 20026. С. 81)

5. Послепожарный горизонт с постройками, ори ентированными по странам света, вскоре был сме нен ориентировкой строений по валам: князьям нужна была крепость, и восстанавливались укреп ления. Действительно, в 1127 г. Друцк уже выдер живал осаду Ростислава Смоленского (результаты ее неизвестны, см.: ПСРЛ, 1927. Т. 1. Стб. 298). На юге детинца жили княжеские ремесленники. Здесь возникло несколько маленьких частновла дельческих усадеб (усадьба "А" и др). Княжеская часть детинца была на его западе. Постройки здесь были несколько большими и редкими. В центре па мятника была городская площадь, церковь Богоро дицы была в восточной части детинца, ближе к реке.

6. Вопрос о сооружении окольного города не вполне ясен, ибо раскопки О.Н. Левко на нем еще не опубликованы. Он возник в XII в. либо при кня зе Борисе Всеславиче после смерти его отца, либо при его сыне Рогволоде Борисовиче, после возвра щения из византийской ссылки, т.е. в середине XII в. Первое кажется вероятнее: начало XII в. - время, когда, получив княжение, Всеславичи от страивались как в Полоцке, так и в своих землях *(Алексеев,* 19936. С. 99-105), к тому же, в начале XII в. Борис не отвлекался еще на полоцкий стол, а его сын, наоборот, с 1146 г. был князем Полоцка и Друцким уделом занимался, несомненно, мень ше. Все это пока - предположения.

7. Вопрос о времени построения княжеского те рема и княжеской церкви на детинце (с мозаичными полами то и другое), по-видимому, нужно решать в связи с расположением комплекса стеклянных браслетов. Поливные плитки полов расположены, мы видели, не ниже пятого штыка, все они одного образца и, следовательно, сделаны одновременно (несмотря на то, что в западных раскопах, как.

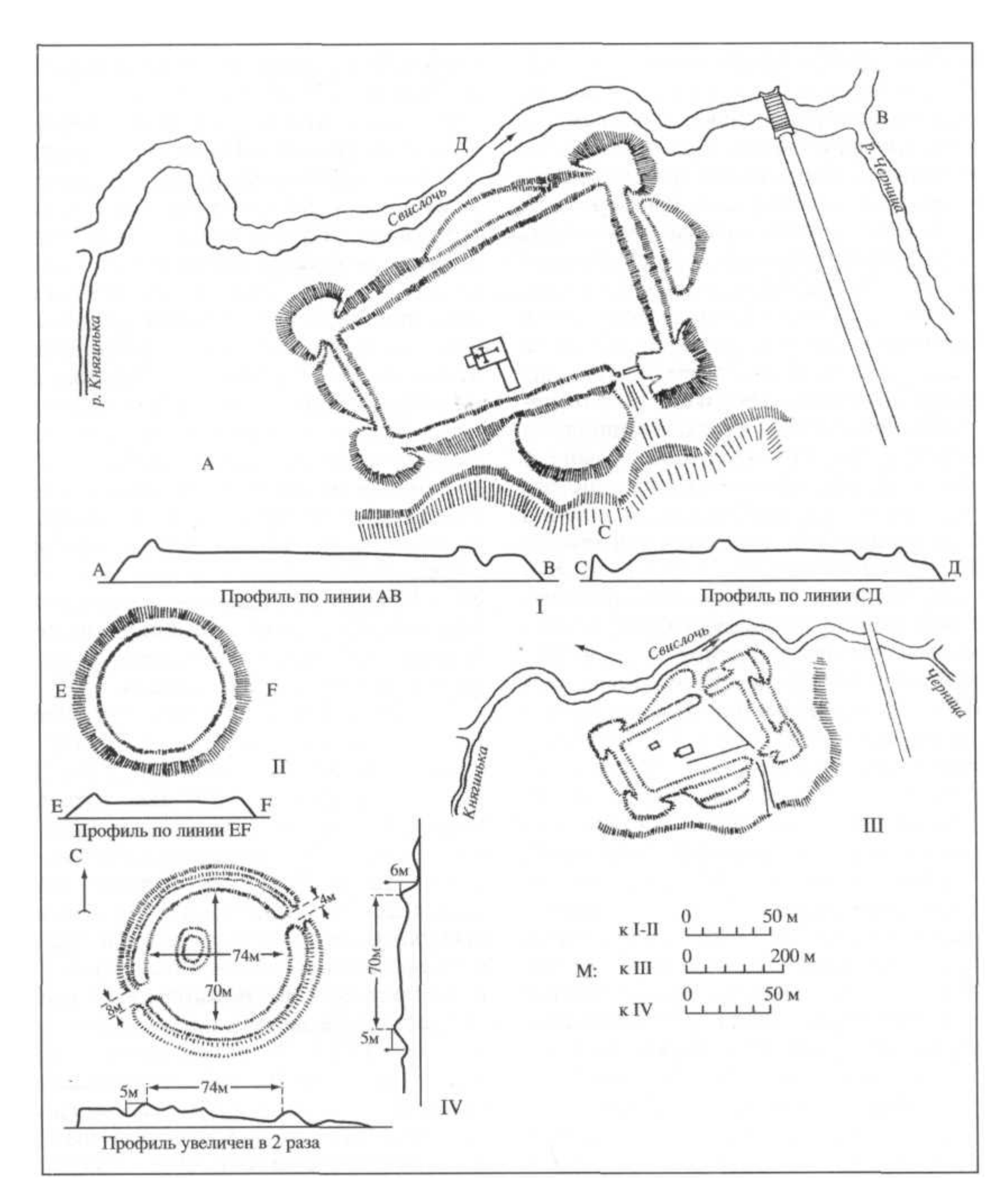


Рис. 48. Городище "Замечай" и Заславльский замок. План

впрочем и "восточных" они залегают и выше, что связано с гибелью зданий в пожаре). Пятый штык раскопов I и III датируется по браслетам временем гибели усадеб "А" и соседних и перепланировкой детинца, что мы связали с перестройками городища при князе Димитрие, очевидно, во второй четверти XIII в. Им, видимо, и возведены здания с мозаичными полами - терем и церковь Богородицы.

8. Трудно сказать, когда все эти строения были уничтожены: слишком перемешан культурный слой на первых трех штыках, где много вещей XIV-XV вв. и есть даже находки XVI в. (по-видимому, его начала). Окончательно город прекратил существование, как мы говорили, в 1514 г. при нападении на него войск Василия III.

Изяславль

Выше мы говорили об Изяславльском городище гнёздовского времени - "Замечке" (с. 69-72). Однако в самом городе Заславле существует еще один памятник, к которому мы теперь и приступаем.

ЗАСЛАВЛЬСКИЙ ЗАМОК не привлек бы нашего внимания, если бы в нем не было следов культурных отложений тоже X в.! Он находится в северной части Заславля, в черте современного города. Это позднее мощное земляное укрепление в плане четырехугольной формы с четырьмя бастионами по углам (рис. 48).

При раскопках на этом памятнике Ю.А. Заяц выделил семь строительных периодов отложения

культурного слоя. Древнейший относится к гнёздовскому времени - конец X - начало XI в. В этом предматериковом слое расчищено, по его свидетельству, пожарище на уровне XI в. В нем были остатки деревянных строений и между ними канавки - следы частокольного ограждения, вероятно, усадеб. Во втором горизонте расчищены следы второго пожара, перекрывающего слой с находками XI-XII вв. Над этим пожаром, указывает автор, сохранился слой XII в. Второй пожар наложился на склон первоначального вала, т.е. произошел позднее его сооружения. Этот второй период, где тоже были сгоревшие постройки и канавки от частоколов, автор датировал первой половиной XII в. *(Заяц,* 1995. С. 21). Третий строительный период, где были найдены остатки срубных построек, сохранившихся подчас на 2-3 венца, получил дату второй половины XII - середины или второй половины XIII в. В слое пожара середины - второй половины XIII в. были найдены наконечники стрел от лука и арбалета *(Заяц,* 1995. С. 23). В четвертом строительном ярусе, датирующемся, как считает автор, концом XIII - началом XIV в., найдена постройка из неошкуренных бревен, сохранившаяся на один венец (он полагает, недостроенная). В пятом строительном ярусе XIV-XV вв. тоже найдены бревенчатые постройки, некоторые из которых сохранились на 6-7 венцов и имеют пол из колотых досок, видны были следы частоколов, наметились и следы "воротного" проезда. В раскопах IX и XI, по утверждению Ю.А. Заяца, сохранились следы пожара, который он связывает с борьбой Изяславля со Свидригайло и захватом им города в 1434 г. Этим пожарищем оканчивается данный ярус. Строительный период VI автор связывает с второй половиной XV - первой половиной XVI в. И здесь найдены следы деревянных построек. В VII строительном ярусе (XVI в. - до 1698 г.) изобилуют изразцы и остатки изразцовых печей, обнаружена стена постройки из каннелированного кирпича толщиной 1,38 м и крупных камней. В стене - арочный проем, кирпичная лестница. В другом раскопе обнаружены кирпичные остатки еще одного здания - "в частновладельческих бастионных замках на этом месте обычно сооружались дворцы" *(Заяц,* 1995. С. 25). Любопытно, что в основание сооружения были замурованы золотые монеты - "2 алтына: Турция, Мурад III ибн Сулайман, 982 г. хиждры (1574-1575) и дукат: Каринтия, эрцгерцог Карл, монетный двор Клагенфурт, 1576 г." *(Заяц,* 1995. С. 25).

Исследования вала заславльского замка показало, что он был сооружен на тонком культурном слое мощностью 0,25 м черного цвета, был насыщен золой и углями и содержал, по определению раскапывавшего вал Г.В. Штыхова (1978. С. 89), керамику XI в. У северного входа на памятник при прорезке вала (высота 8 м) выяснилось, что он трижды подсыпался, и в первоначальной насыпи были обнаружены фрагменты керамики X-XI в. *(Штыхов,* 1978. С. 89).

Детинец Изяславля. Как считает Г.В. Штыхов, детинцем древнего Изяславля был "Вал" - гора Заславльский замок. До сих пор остается не вполне ясным соотношение городища Замечэк и этого памятника. Первый Г.В. Штыхов считал вслед за своими предшественниками "загадочным" *(Штыхов,* 1978. С. 85). Раскапывавший после него этот памятник Ю.А. Заяц, напротив, считал этот памятник замком Рогволода и Рогнеды. Если это заключение считать верным, то остается признать, что по возвращении Рогнеды с Изяславом в Полоцкую землю (если это имело место), городище Замечэк сменила новая цитадель на месте "Вала". Здесь после смерти Всеслава (1101 г.) сидел уже кто-то из его сыновей, женатый, судя по сообщению летописи, на дочери Мстислава Киевского (1127 г.). В Полоцк же из Изяславля переехал в 1001 г. Брячислав Изяславич, названный летописью (1021 г.) "Полоцким" (?). Все это до сих пор, не осмыслено и, очевидно, ждет своего исследователя. Однако вернемся к нашему изложению.

Как указывает Ю.А. Заяц, "древнейший вал из песка, в котором найдены отдельные фрагменты горшков X-XI вв.", достигает 3,2-3,5 м. Ниже - культурный слой X-XI вв. Вал этот, следовательно, сооружен в конце XI в. *(Заяц,* 1995. С. 29). Этот вал перекрыт слоем пожара, который автор относит к 1127 г. ("осада и последующее разорение Изяславля", *Заяц,* 1995. С. 29). После этого вал был увеличен до 4,4 м землей с материалами XII - первой половины XIII в. На валу возвели укрепления, уничтоженные пожаром 1434 г. В третий раз вал досыпался до высоты 5,6 м. Датировка, свидетельствует Ю.А. Заяц, затруднена, так как материалы, попавшие в вал, имеют самую разнообразную датировку. В четвертый раз вал был доведен до современной высоты -8 м, что произошло в конце XVI или на рубеже XVI-XVII в. *(Заяц,* 1995. С. 30). Внутривальных сооружений не было встречено нигде. Такова вкратце история заславльского "Вала" - "Замка", по Г.В. Штыхову, детинца древнего Изяславля.

В 1967 г. Г.В. Штыхову удалось обнаружить и исследовать городской посад Изяславля. В ходе раскопок 1967, 1968 гг. удалось выяснить, что посад Изяславля датируется XI-XII вв. *(Штыхов,* 1978. С. 86, 87). Позднее Ю.А. Заяц специально занимался изяславльским посадом и выяснил, что культурный слой посада расположен в нескольких зонах города. В зоне I, "между берегом Свислочи и южным склоном возвышенности, на котором находится костел Девы Марии", посад "ограничивается улицами Луначарского и Рабочей, на отрезке от ее пересечения с ул. Советской до Свислочи, с запада - ул. Почтовой и Набережной". При мощности культурного слоя от 0,6 до 1,2 м, в нем выделяются два слоя, причем нижний, там где он сохра-

нился, датируется эпохой Киевской Руси (шиферные пряслица, амфоры, калачевидное кресало с язычком, керамика домонгольских типов). Любопытно, что кое-где попадается лепная керамика IX-X вв., раннегончарная посуда. Все это позволяет представить, что в этой зоне заселение началось в X или XI в. *(Заяц,* 1995. С. 38). Более поздний темный слой автор датирует второй половиной XII-XVIII вв.(!).

Зона II, по свидетельству названного автора, "занимает возвышенность, лежащую к востоку от замка. Из-за плотной застройки она изучена слабо". Слой толщиной 0,5-0,7 м однороден, наиболее ранние находки относятся к XI в., основная масса находок - XVI-XVIII вв.

Зона III (между ул. Луначарского и Рабочей) имеет мощность слоя 0,65-2 м. В предматериковом слое находки XV-XVI вв.

Зона IV (левый берег Свислочи) сильно испорчена строительством. В предматериковом слое найдены гончарная посуда X - первой половины XIII в., шиферные пряслица и т.д.

Зона V - "вся остальная территория посада". Слой - 0,2-0,4 м с керамикой XVIII в. (XVII в. отсутствует). Видимо, вся она заселена в XVIII в.

В заключение автор сообщает об обследовании остатков древних селищ вокруг Заславля. Их найдено три: к северу от городища Замечэк -XV-XVI вв.; на правом берегу Свислочи рядом с курганами (из которых частично, по-видимому, попала керамика X - начала XI в.), с керамикой XVI-XVIII вв.; Э.М. Загорульский видел рядом с городищем Замечэк небольшое селище с материалами XI в., но теперь следов его нет.

Курганный могильник Изяславля. Сплошные обследования Заславля в течение многих лет позволили Ю.А. Заяцу выяснить его "историческую" часть. Неплохо было бы путем шурфовки выяснить, как далеко заходил домонгольский культурный слой в городе, его площадь этого времени и т.д. Вместо этого он досконально измеряет площадь исследованных частей в городе в самом общем плане: всего изучено 5657 $м^2$, из них на долю городища Замечэк приходится 1239 $м^2$, замка - 1856 $м^2$, посада - 2562 м. Эти голые цифры мало полезны, так как не сообщается, какой процент от культурного слоя каждого памятника они составляют, и "научность" оказывается кажущейся. К этой общей территории домонгольских памятников города следовало бы прибавить (если уж об этом заведена речь) территорию, занятую, как мы знаем, громадным курганным могильником (и там можно было бы вычислить процент исследованных курганов).

Однако, увы, могильником, где лежат жители древнего Изяславля, и которых следовало бы "поднять" из могил, "оживить", чтобы представить жизнь города в максимальном объеме, Ю.А. Заяц решил не заниматься. Правда, на с. 8 он говорит о том, что "при освещении начального периода истории Заславля широко привлекаются материалы раскопок курганного могильника", однако на с. 42 нас ждет разочарование: "материалы Заславского курганного могильника, *наиболее изученного некрополя Белоруссии,* не могут быть представлены в полном объеме в настоящей монографии. Это задача *специального исследования"* (подчеркнуто мной. - *Л.А.) (Заяц,* 1995. С. 42). (Не вполне ясно, зачем "исследовать", когда некрополь "наиболее изучен"). Не разбирая и не описывая все 10 курганных групп Заславля, не определяя, какие группы к каким памятникам относятся, не дав общего описания могильника, автор сводит его к формальной таблице, и небольшому тексту, которые "не играют" должным образом в дальнейшем изложении... Он отмечает, вместе с тем, что в двух ингумированных погребениях найдены горшки с клеймами "в виде двузубца Святослава Игоревича", относит их ко времени до 972 г. и заключает, что некрополь возник не позднее середины X в. *(Заяц,* 1995. С. 51).

Орша

Домонгольский город Орша получил свое наименование от реки Рши (позднее белорусизм Арша, Орша, ср.: город Мстислав - Амстислав и т.д.). Первым упоминанием города считается 1067 г., когда Всеслав Полоцкий по зову Ярославичей с двумя сыновьями переехал Днепр на смоленскую сторону (где и был схвачен и посажен в "поруб" в Киеве). Однако трудно решить, существовал ли тогда уже этот город-крепость, или она была возведена Всеславом позднее. Скорее всего, что крепость "на Рши" строилась одновременно с другими крепостями вблизи южных пределов Полоцкой земли в первые 16 лет правления Всеслава, когда был возведен Минск, окольный город при друцком детинце и т.д. А. Гваньини упоминает "Замок на слиянии Днепра и Оршицы" в 18 милях от Витебска *(Gwagninus,* 1611).

А.Н. Лявданский, осмотрев устье р. Оршицы (Рши), обнаружил и раскопал в окрестностях Орши несколько курганов: в 2,5 км на север от городища 3 насыпи (в двух - ингумированный покойник без вещей, один пустой), еще севернее, в 4,5 км от городища у д. Грязивец он выявил 169 насыпей, однако, при Н.Е. Бранденбурге, в 1889 г. раскопавшем 4 насыпи, их было много больше *(Бранденбург,* 1908. С. 200). А.Н. Лявданский вскрыл 5 насыпей (4 с погребениями по обряду ингумацди и 1 по обряду кремации). Датирующих (как и вообще вещей) почти не было. В целом же можно думать, что курганы насыпаны в конце X - начале XI в. (кремация) - XII в. (ингумация). Таково было окружение городища. А.Я. Лявданский считал, что первоначальное небольшое поселение в устье р. Рши возникло в X-XI в. и было отделено с

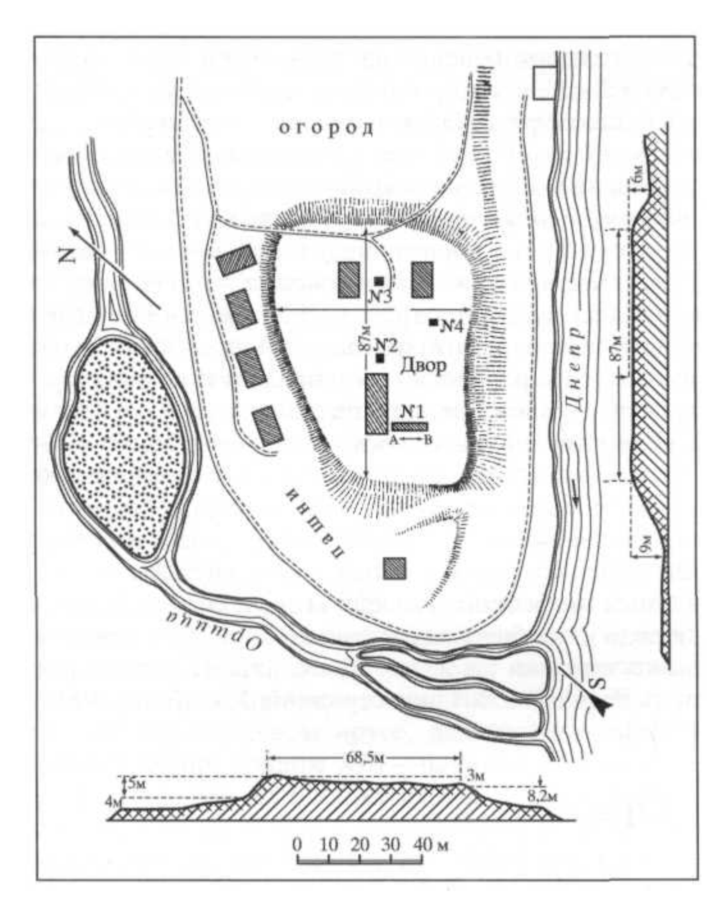


Рис. 49. Городище Орша. План

напольной стороны рвом, а в XIII-XIV вв. площадь поселка была сильно расширена и получила деревянные укрепления *(Ляўданскі,* 1930а. С. 43). Но Орша подвергалась нападению уже в самом начале XII в. и была, следовательно, сильно укреплена: в 1116 г. Мономах с войском "поиде къ М-бньску" "и взя Вячеславъ, Ръшю и Копысу" (ПВЛ, 1950. С. 200, 201). У нас, следовательно, нет оснований предполагать, что Орша была укреплена слабо.

Как уже установил А.Н. Лявданский, оршанское городище имеет форму неправильного четырехугольника, размеры: 87 м (с.-в. - ю.-з.) и 68,5 м (с.з. - ю.-в.) и омывается с севера и запада р. Оршицей и с юга Днепром (рис. 49). Ныне высота памятника, по свидетельству Г.В. Штыхова (1978. С. 96), 5,8 м от уровня воды. Работы этого автора 1964 г. показали, что культурный слой памятника содержит стеклянные браслеты и шиферные пряслица. В 1965-1968 гг. здесь работал Ю.И. Драгун (1967). Еще А.Н. Лявданский писал о том, что ранние слои памятника увязываются с ранними погребениями у деревень Черкасово и Борок, которые датируются, как он полагал, концом XI в., а может быть и всем XI в. *(Ляўданскі,* 1930а. С. 44, 45). Ю.И. Драгун вскрыл площадь в 503 м^2, выявив слой от 1,6 до 3,6 м. В нижнем, наиболее раннем слое были выявлены остатки деревянных строений, рубленых в обло, однокамерных, квадратных в плане (16-22 м^2). Стеклянные браслеты в самых ранних наслоениях отсутствовали, но выше в этом древнем слое их довольно много, причем наиболее часто встречались браслеты синего, зеленого и черного цветов. Из ранних бус можно назвать лимоновидную синюю тройную, зонную зеленую и две крупных ребристых, относящихся к XI в. (лимонная - X - начала XI в.). Верхний слой содержал находки XIV-XVIII вв. Исходя из сказанного, а также из наблюдения, что большинство домонгольских вещей в Орше датируется ХП-ХШ вв., исследователи справедливо заключили, что первоначально памятник возник в XI в. при Всеславе Полоцком. Это был, как мы и предполагали, укрепленный пункт на юго-восточных рубежах Полоцкой земли (см.: *Драгун,* 1967; *Штыхов,* 1978. С. 95-100).

В 1988 г. возобновились эпизодические раскопки Орши белорусскими археологами. На этот раз к памятнику обратилась О.Н. Левко (1995; 1993), вскрывшая культурный слои городища на площади 72 м^2. Выявились остатки укреплений XII в. (вала) и найдено сравнительно большое количество находок домонгольского времени. Самые ранние из них - стеклянные бусины "лимонки", позволяющие предполагать, что Орша была основана не позднее начала XI в. К ХП-ХШ вв. принадлежали найденные выше железные наконечники стрел, обломки стеклянных браслетов (автор предполагает, местного (?) производства) и прочие вещи, характерные для домонгольского города (железо, цветные металлы, предметы из кости и пр.).

Исследования О.Н. Левко за пределами первоначального городища Орши установили, что за речкой Оршицей, на ее левом берегу в XII в. возник посад (окольный город?). Тогда же, полагает исследовательница, возник посад и в Заднепровье *(Левко,* 1995. С. 14,15).

Логожеск (Логойск)

Княжеский город Логожеск расположен к северу от современного Минска и именуется ныне Логойск. Свое наименование он получил, как думает М.Н. Тихомиров, от слова "лог" - долина, ибо лежит в долине среди высоких возвышенностей на берегу р. Гайны. Впервые он упомянут в Поучении Владимира Мономаха при описании его похода на Всеслава в 1078 г. Карательная экспедиция Мономаха не застала Всеслава под Смоленском, который он "ожже" и, преследуя полоцкого князя, "пожег землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютескъ воюя, та Чернигову" (ПВЛ, 1950. С. 159). В 1127 г. город был, по-видимому, крепостью - на него в составе южнорусской коалиции идет воевода Иван Вотейшич с торками, а также с сыном киевского Мстислава, Изяславом "ис Курска" (ПСРЛ, 1927. Т. 1. С. 297, 298). В 1180 г. Логожеск оказывается княжеским уделом - там сидит

некто Всеслав Микулич, видимо, потомок Всеслава Полоцкого, и участвует в походе полоцких князей на недружественный им Друцк (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 620, 621).

Детинец города находился на берегу р. Гайны, на торговых путях сильно (судя по курганам) заселенной местности. По свидетельству А. Гваньини, в XVI в. тут был "замок", т.е. детинец, и "место" (окольный город и селище) (рис. 50).

На правом бергу Гайны (где городской Парк культуры и отдыха) возвышается земляной вал и виден глубокий ров, ограждающие площадку в 1,5 га. Первые археологические исследования Логожеска принадлежат К.П. Тышкевичу (1806-1868), которым был снят довольно правильный топографический план памятника. Исследованные им три ямы, кроме "остатков фундамента", по его мнению, не представляли интереса. Автор добавлял, что при зачистке берегов рва в 1816 г. находили много человеческих костей (могильник) *(Tyszkiewiecz,* 1858. С. 65, 66). В середине XIX в., при П.П. Шпилевском (1855. С. 52) на месте замка якобы располагалась церковь Богоявления XV в. Между прочим автор сообщает о некоторых церквах Логойска, некоторые из которых, судя по наименованиям Преображенская и Юрьевская, могли быть выстроены на месте домонгольских, что может выяснится археологически.

Коротко описывая логойское городище, А.Н. Лявданский (1926. С. 193-194, примеч. 3) отмечал большие его размеры, указывал, что культурного слоя якобы почти нет, и датировал памятник, правда, исходя из письменных источников, "не ранее XII в.". В 1966, 1968 и в 1971 гг. археологические работы на памятнике производил Г.Б. Штыхов, вскрывший в трех местах 420 м². В основном раскопе (388 м²), заложенном в юго-восточной части памятника, мощность культурного слоя оказалась равной 0,8-1,2 м. "Стратиграфия, - писал исследователь, - проста: сверху серый слой, ниже - слой черной окраски. Между слоями - прослойка песка" *(Штыхов,* 1978. С. 90). Нижний слой содержал лепные черепки и "небольшой горшок с линейным орнаментом второй половины X в.", гончарная керамика распределялась, по словам автора, на два типа - ранний (X-XI вв.) и более поздний (XН-XШ вв.). Было найдено много наконечников стрел (21), обломки шпор, стремян, замки и ключи к ним, железная гиря весов, сошник. Два замка были ранние: тип "А" (X-XI вв.). Кроме шиферных пряслиц (16), трех обломков стеклянных браслетов первого вида, трех костяных гребней, 17 частей амфор, особый интерес вызывают две керамические квадратные (со стороной 8 см) плитки пола, побывавшие в огне (одна - с желтой поливой), но без следов раствора. Плиткой, следовательно, украшался пол деревянной церкви *(Штыхов,* 1978. С. 90-91). В том же слое встречен бронзовый конек-подвеска с циркульным орнаментам,

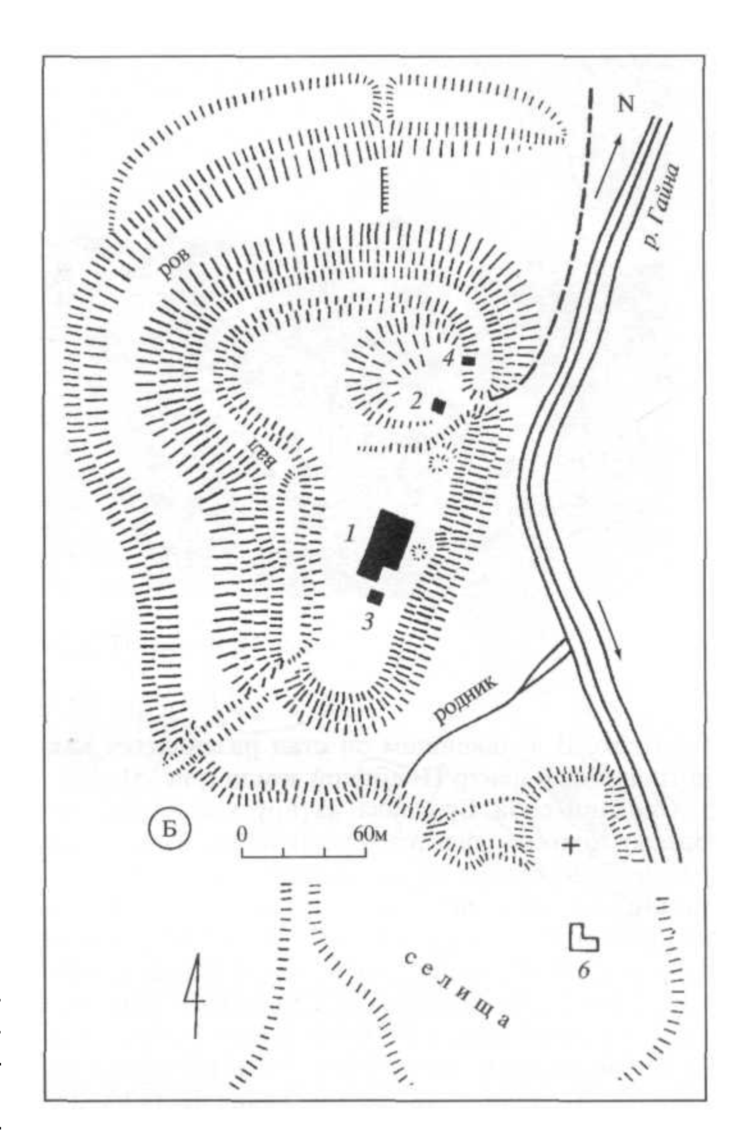


Рис. 50. Городище Логожеск (Логойск). План

датирующийся обычно XI в., но встречающийся (и редко) в XII в. *(Журжалина,* 1961).

Посад в Логойске был обнаружен также Г.В. Штыховым; но к сожалению, культурный слой там испорчен *(Штыхов,* 1978. С. 91).

Таковы наши краткие сведения о летописном Логожеске.

Браслав (Брячиславль?)

Браслав, как мы помним, был расположен на большой недоступной горе (Замковая гора) и, видимо, поэтому по окончании гнёздовской эпохи не был перенесен куда-либо по-соседству, как это было со многими другими "городками". Судя по пожарищу, перекрывавшему гнёздовский слой, город бы возобновлен на той же горе. Его прежнее наименование, происходившее, возможно, от балтского корня, с приходом славян в XI в. было переосмыслено (может быть, специально), и город был назван по имени захватившего поселение полоцкого князя Брячислава - Брячиславль (Браславль -

Рис. 51. Браславль. Детинец, вид со стороны оз. Дривято

Браслав). В дальнейшем он стал развиваться как пограничный центр Полоцкой земли (рис. 51, 52).

Средний слой Браслава датируется XI-XII вв. Здесь плохо сохраняется дерево, но все же удалось расчистить остатки нижнего венца дома (4 х 4 м) с утрамбованным глиняным полом и глинобитной печью в северном углу. По-соседству было хозяйственное сооружение (длина одной стены равнялась 2,2 м, остатки другой стены измерить не удалось, но ясно было, что постройка не квадратная. О хозяйственном назначении свидетельствовали находки, отличающиеся от тех, какие были найдены вокруг дома.

Среди датирующих предметов слоя: большинство шиферных пряслиц, почти все трапециевидные гребни (XI-XII вв.), несколько калачевидных кресал с язычком (XI в.), ключ кубического замка типа "А" первого вида - с квадратной лопаточкой (X-XI вв.), почти все многослойные ножи (X-XI вв.), боевой топор "ранней" формы (X-ХП вв.) с отверстием для подвешивания к седлу, два писала формы, употреблявшейся в XII-ХПI вв. *(Медведев,* 1960. С. 67); большинство женских украшений, среди которых некоторые бусины, датирующиеся X-XI вв. (сердоликовая призматическая X-XI вв., синестеклянная зонная *(Щапова,* 1956. С. 166), сердоликовая бипирамидальнае, зонная X-ХП вв.); несколько бронзовых подковобразных пряжек, ряд бронзовых браслетов и перстень XI-XII вв.

Керамика среднего слоя резко отличается от раннегончарных форм нижнего слоя. Это - так называемая мягкопрофилированная форма ("курганный тип") с развитым венчиком, в профиле напоминающим латинскую букву "S". Аналогии ее мы встречаем в средневековых городищах Асоте (XI в.). По свидетельству М.К. Каргера, такая керамика происходит из нижних слоев Полоцка (личное сообщение), однако, судя по исследованиям Г.В. Штыхова (1978. С. 84, рис. 42,*10*-*X*- начало XI в.; рис. 42,*17* - XI в.), керамика в Полоцке похожа на браславльскую, но все-таки она несколько иная. В Минске такой керамики нет *(Загорулъский,* 1982. С. 238-239, рис. 143), и это не удивительно: город на Свисл очи возник в середине XI в., когда гнёздовское время уже прошло. Наша же слабопрофилированная керамика ближе к нижнему слою. Л.В. Алексеевым (1960) приводился и еще ряд сосудов, аналогичных данным.

Если сосуды нижнего слоя все-таки почти близки к сосудам среднего слоя (там, правда, нет лепных сосудов), то керамика верхнего слоя в корне отлична от керамики предыдущих слоев и подробно рассмотрена в первичной публикации раскопок *(Алексеев,* 1960. С. 98-100, рис. 46 и 48). Далее я указывал: "на основании перечисленных выше находок - индивидуальных и массовых - представляется правильным датировать верхний слой Браслава XIV в. (может быть, концом XIII в.) - XV в. (вероятно, его началом) "*(Алексеев,* 1960. С. 100). Видимо, этот временной статус между вторым и третьим (верхним) слоем и отразило, как мы сказали, отсутствие на памятнике стеклянных браслетов[25], датирующихся, как мы знаем, рубежом XII-ХПI вв. - началом XIV в. В верхнем слое найдена и монета - "кейстутовка".

Наши раскопки и раскопки М.А. Ткачева и Г.М. Семенчука, изучавших укрепления, показали, что первые поселенцы здесь появились в конце первой половины I тыс. н.э. По костному материалу, ведущее место в хозяйстве занимала свинья (что больше характерно для соседних латгальских племен).

[25] Во время наших двухлетних исследований найден всего один обломок стеклянного браслета, в раскопах Г.М. Семенчука их несколько *(Семянчук,* 1993. С. 95).

Рис. 52. Браславль. План городища (детинца)
Инструментальная съемка проведена топографом Н.В. Чувашевым, 1955 г.

Разведение крупного и мелкого рогатого скота было менее распространено. Охотились главным образом на лося, благородного оленя, кабана и выдру. Следует полагать, что первые поселенцы Браслава этнически были весьма близки населению других синхронных городищ, разбросанных в лесах Западнодвинского бассейна к северу от северной границы сплошного распространения городищ со штрихованной керамикой (Орша - р. Усяж-Бук - севернее Лепеля - Докшицы, Дуниловичи - Поставы). Такие городища известны на севере Молодечненской области (Язно), в Витебской (Девички под Полоцком: оба раскапывались А.Г. Митрофановым) и в других местах по среднему течению Западной Двины.

Славянские жители появились в Браславе, по-видимому, в конце I тыс. н.э. Жилищ этого населения также не обнаружено, но с ним, вероятно, могут быть связаны находки нижнего слоя, бугристая лепная и рифленая раннегончарная керамика, а также, судя по заполнению, некоторые материковые хозяйственные ямы.

Давно уже замечено сходство названия Браслав с именем полоцкого князя Брячислава (1001-1044). Можно думать, уничтожив аборигенное население поселка между озерами Дривято и Новято, этот князь отстроил крепость. Это тем более вероятно, что у полоцких границ мы действительно иногда встречаем названия, позволяющие полагать, что Брячислав и там строил свои укрепления (это, правда, нужно подкрепить археологически): Браслово (бывшая Мариенгаузенская волость Люцинского у, - Список населенных мест Витебской губернии, 1906. С. 193, № 239); Бряслов (бывшая Ужвалдская волость Двинского у.) на горе у оз. Сивер, где находили "человеческие кости и топорики" *(Спицын,* 1903. С. 12); Брославль (бывшая Высочанская волость Оршанского у. - Список населенных мест Могилевскои губернии, 1910. С. 109, № 23). Связь этих наименований с полоцким князем тем более вероятна, что в начале следующего столетия, в 1102 г. полоцкий князь Борис Всеславич рядом с поселением у р. Борисса (Брис-

са?) поставил город Борисов (*Татищев,* 1963. Т. 2. С. 123), по-видимому, Старый Борисов, который раскапывал Г.В. Штыхов (*Штыхов,* 1978. С. 100-102).

В конце X или в первой половине XI в. в Браславе произошел крупный пожар, следы которого перекрыли первоначальный поселок. Не приходится сомневаться, что пожар этот связан с действиями полоцкого князя Брячислава. Расцвет поселения относится к "послепожарному времени XI-XII вв., когда необычайно оживляются связи с Киевской Русью (шиферные пряслица, предметы домашнего обихода и т.д.), но также и с соседней Прибалтикой (вероятнее через латгалов), о чем свидетельствуют характерные предметы из серебра и меди (бронзовые и серебряные части витых гривен и пр.).

Браславльское население этого времени живет в наземных бревенчатых домах, поставленных углами на камни - "стулья"; возводятся также положенные на камни бревенчатые постройки, по-видимому, для хранения зерна. Общий характер основного инвентаря позволяет считать, что в XI-XII вв. в Браславе жило русское население.

Находки зерна в этом слое (определение А.В. Кирьянова) позволяют установить, что в ранних слоях памятника XI-XII вв. на первом месте была рожь (47%), на втором - ячмень (36%), на третьем - овес (13,5%), далее - пшеница мягкая (2,5%) и немного гороха и гречихи. Присутствие костра ржаного характеризует рожь как озимую культуру, что указывает на паровую систему земледелия. Рожь вышла на первое место, и это, по свидетельству А.В. Кирьянова, вполне закономерно - в Новгороде эта система сложилась на рубеже X и XI вв. (*Кирьянов,* 1959. С. 333). По свидетельству этого исследователя, из яровых культур в Браславе, как и в Гродненской земле, вышел на первое место ячмень (*Кирьянов,* 1960. С. 107).

Если средний слой Браслава датируется XI - серединой XIII в., то верхний следует отнести к XIII-XIV вв. (более поздние слои, по-видимому, выпаханы). По свидетельству местного старожила Жаррика, площадка городища искони распахивалась владельцами, и при этом постоянно находили древние предметы - "костяшки от счетов из розового камня", так здесь называют пряслица, ножи и т.д. Средний слой - древнерусский, верхний - литовский, правда, разница находок между тем и другим не всегда очевидна.

Литовский период Браслава может быть выделен некоторыми изменениями в строительной технике, но главным образом в керамике, отличающейся от находок синхронных слоев Новгорода. В этом слое вообще находок мало. Какие-то изменения произошли и в хозяйстве. В слое найдено в 3,5 раза больше хлебных культур, рожь по-прежнему превалирует (50%). Из яровых на ячмень приходится 33,5%, овес - 14,2%, пшеницу - 2,3%, гречихи очень мало. В остеологическом материале соотношение свиньи и рогатого скота осталось прежним. В охоте упало значение лося и некоторых других диких животных.

Судя по раскопкам, интенсивная жизнь на брасловльском городище в полном соответствии с письменными источниками прекратилась в XV в. Отсутствие же на раскопанном участке более поздних слоев при находке в пахотном слое монет XV-XVII вв. указывает, можно думать, на частичную заселенность или частичное использование браславльской площадки в это время, что также подтверждается документами.

В 1990 г. раскопки Браслава были продолжены экспедицией белорусских археологов - известным специалистом по древним укреплениям белорусских городов М.А. Ткачовым и доцентом Гродненского университета Г.М. Семенчуком. Работы полностью подтвердили наши наблюдения и дополнили их изучением укреплений и рядом новых важных находок. Также был выявлен древний поселок с лепной керамикой (авторы датировали ее серединой I тыс. н.э. - началом - серединой XI в.), перекрытый пожарищем XI в., также было определено, что расцвет Браслава падает на XI-XII вв., а верхний горизонт относится к XIV-XVIII вв. и т.д. (*Семянчук,* 1997. С. 61-65).

Самой важной частью новых работ было изучение укреплений. В 1955-1956 гг. наши исследования производились в северо-восточной части памятника, где было вскрыто 400 м^2 и проведена двухметровая траншея через северный вал и площадку памятника общей длиной 60 м. Небольшой раскоп был заложен и сверху вала, чтобы уяснить себе остатки навальных сооружений (*Алексеев,* 1960. С. 97), были открыты следы частично обгорелых углов навальных срубов - так называемых террас, и выявлен частокол, забитый перед ними с наружной стороны вала. Сколько нам удалось понять, под валом культурного слоя не было, во всяком случае в той его стороне, где шли работы. Наше изучение вала носило предварительный характер, и все внимание было обращено на исследование слоя.

М.А. Ткачеву и Г.Н. Семенчуку удалось выяснить, что "первоначально" вал был сооружен "в некотором отдалении от края площадки", где был выкопан ров, а земля с него была использована для внутреннего вала, внешняя сторона которого была укреплена глиной. Как было выявлено и нашими раскопками, "на гребне (вала) была размещена деревянная конструкция и прежде всего частокол, нижние концы которого были укреплены камнями". Эта оборонная стена погибла, как думают исследователи, в IX в., площадка была расширена, "а вал, в который попали и остатки сожженной стены, был насыпан из суглинка и вынесен на край городища. При его строительстве, вероятно, ров был снивелирован. В основание нового вала

были заложены деревянные конструкции, остатки которых сохранились в виде размещенных параллельно краю площадки сожженных бревен и досок. На третьем этапе вал значительно был повышен" *(Семянчук,* 1997. С. 62). Нам пришлось подробно приводить это описание, так как чертежей к нему не приложено, и не совсем ясно, ибо не все сходится с тем, что мы видели в северном валу (впрочем, здесь могут быть и некоторые незначительные расхождения, которых могли требовать условия обороны данной стороны).

Что касается общих наблюдений, то наши раскопки и раскопки белорусских археологов привели к почти одинаковым выводам, что не всегда бывает, когда памятник раскапывается в разное время разными исследованиями (классический пример - изучение Минска, Менска на р. Менке). Найдены те же причерноморские амфоры (на одном даже процарапана фигура женщины), так же, как и в наших раскопах, найден только один (!) фрагмент стеклянного браслета, браслетообразные височные кольца, показывающие, что в какой-то момент Браслав населяли кривичи *(Алексеев,* 1960. Рис. 9 и 10), пряслица и т.д. Как и в наших раскопках, найдено большое количество украшений прибалтийского характера *(Алексеев,* 1966а. Рис. 45). Однако в новых раскопках есть и новые интереснейшие находки - черепахоподобная фибула XI-XII вв. (к сожалению, при отсутствии в издании рисунков, не приведены аналогии) и даже "личный жетон" подскарбия земского Великого княжества Литовского Теодора Скумина Тышкевича (1586 г.).

Замечательный памятник Браслав еще требует своего специального исследования[26]. Город стоял в конце пятого ответвления торгового Пути из варяг в греки: в имении Видзский двор в 3 верстах от г. Видзы в 1869 г. было найдено два диргема IX в. *(Рябцевич,* 1998. С. 67). Начиналось "гнёздовское время"!

[26] Во время наших работ в середине площадки, где слой выклинивается, был обнаружен фундамент угла здания из камня, по-видимому, поздней (XV в.?) церкви (его остатки не разбирались и были засыпаны). Коллекция керамики Браслава хранится в музее Мстиславля.

Города Турово-Пинских земель

Туров[27]

"Время основания Турова неизвестно, равным образом достоверно неизвестно, откуда произошло название Турова... Народное предание указывает здесь Тур-колодец, в котором будто бы крестился Тур, и Турову Гору... Турова гора или насыпь находится вблизи Ильинской церкви, длина ее около 1/2 версты, ширина - от 2 до 3 сажень..." (Россия, 1905. Т. 9. С. 560).

Древний Туров, центр Турово-Пинской земли, находился на правом берегу Припяти, на территории современного городского поселка того же названия в Житковичском районе Гомельской области Белоруссии. Происхождение названия его неясно. Повесть временных лет под 980 г. сообщает о приходе варяжского (?) князя Рогволода "и-заморья имяше власть свою в ПОЛОТЬСК-Б" и здесь же дополняет: "Туровiз, от него же туровци прозвашася" (ПВЛ, 1950. С. 54). Понять этот случайно вклинившийся текст трудно: была, видимо, какая-то общность "туры", "туровцы", наименование происходит всего вероятнее от тотема "Тур", и все поклоняющиеся этому тотему составляли, какое-то племенное объединение. Быки туры, несомненно, водились в тех местах в изобилии, что подтверждают многочисленные топонимы и, возможно, гидронимы (П.Ф. Лысенко приводит слова М. Гаусмана: "Туров - над р. Припятью при устье речки, в древности называемой Тур, а ныне Струмень". - *Лысенко,* 1999. С. 18). В грамотах начала XVI в. встречаем, правда, в северной Белорусии с. Туровье, реку Туровлю - левый приток р. Уллы и т.д. (Полоцкие грамоты, 1980. Т. 3. С. 18; 1985. Т. 5. С. 134 и др.). Многие наименования сохранились и теперь: Турец (бывшие Игуменский и Новогрудский уезды), Турино Игуменского у., р. Турья в верховьях Немана (Россия, 1905. Т. 9. С. 427, 429, 524 и др.), р. Турия - правый приток р. Припять в 114 км от Луцка, где находится и Турийск *(Насонов,* 1951. С. 128, 132). Итак, с нашей точки зрения, всего вероятнее, что на месте, где в древнерусское время возник город Туров, первоначально существовало небольшое племя дреговичей, тотемом которого был тур. О существовании здесь в это время поселения, можно думать, свидетельствуют окрестные курганные группы (у д. Рыкова, Сторожевцы, Хвоенск и др.)

Туровское городище расположено на северо-западной окраине м. Турова и состоит из двух частей: меньшей, в плане близкой к треугольнику, и большей, в плане представляющей четырехугольник неправильной формы со скругленными углами. Между ними находится искусственный ров глубиной до 4,8 м. По периметру большей части городища также проходит ров (еще хорошо видный в 1930-х годах - см.: *Каваленя, Шутаў,* 1930. С. 373, 374). Меньшая часть представляет детинец, большая - окольный город (рис. 53).

Первые археологические раскопки в Турове производились Специальной комиссией при Мин-

[27] Письменные источники содержат мало сведений о Турове, и мы рассматриваем их в следующем очерке (см. кн. 2).

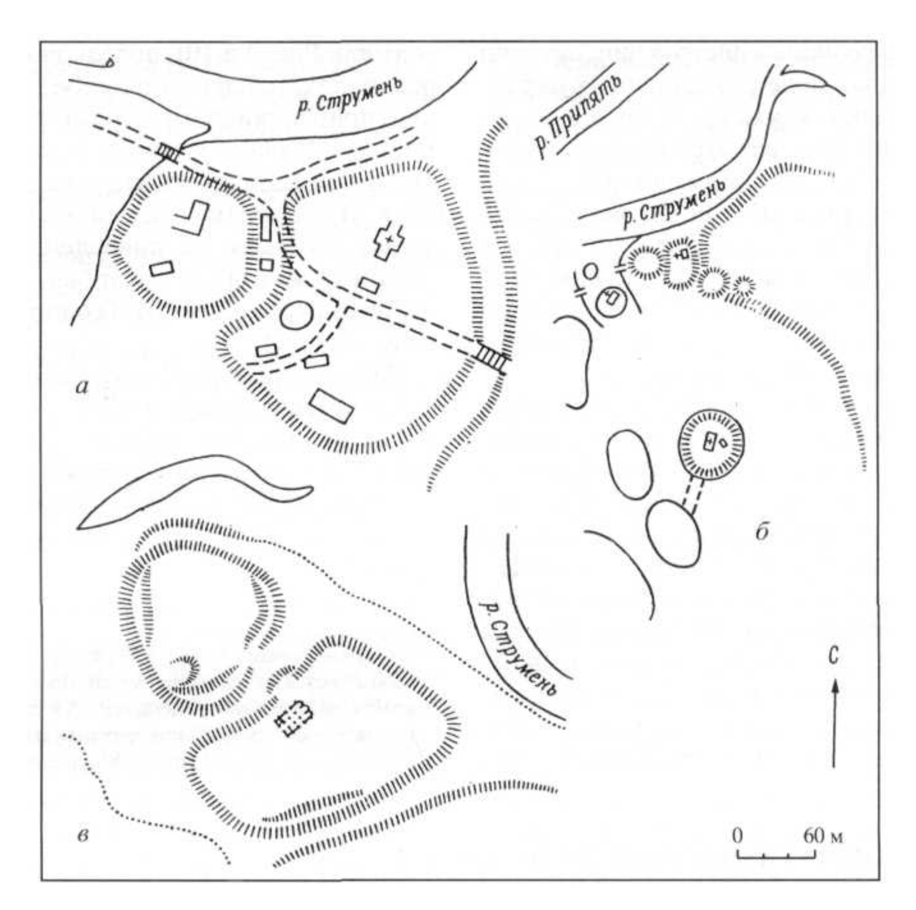


Рис. 53. Туровское городище. Планы (по: *Лысенко,* 1974)
Раскопы: *а* - 1909 г., *б* - 1962 г., *в* - 1963 г.

ском церковно-археологическом обществе в 1909 г., когда вскрывался обнаруженный на кладбище при церкви Бориса и Глеба шиферный саркофаг *(Снитко,* 1911). После революции, в 1927 г. А.Д. Коваленя и С.С. Шутов, сотрудники Комплексной экспедиции студентов БГУ, изучавшие Туровщину, заложили на детинце два шурфа (1,5 х 1,5 м и 1,5 х 2 м), которые были пройдены лишь на 2,5 м, глубины материка не достигли. Исследователи лишь констатировали, что верхние слои памятника относятся к сравнительно позднему времени[28].

В 1961 г. на Туровском городище предприняла работы Верхнеднепровская археологическая экспедиция, руководимая В.В. Седовым. Был заложен раскоп 240 $м^2$, начиная с 1962 г. П.Ф. Лысенко вел раскопки на Туровском городище самостоятельно. Общая площадь работ на детинце в 1961-1962 гг. составила 768 $м^2$ (рис. 53).

Было установлено, что культурные отложения детинца в Турове мощностью 2,7-2,8 м состоят из пяти слоев. П.Ф. Лысенко предложил следующую их датировку: первый слой (15-20 см) - современный пахотный; второй слой (0,7-1 м) - XVII-XX вв.; третий слой (50-60 см) с обилием древесного тлена и золы - XIV-XVI вв.; четвертый слой (30-50 см), отделенный от более позднего прослойкой пожарища, состоящий из древесного перегноя и следов отдельных построек (среди находок - "куски колокольной бронзы" -XII-XIII вв.; пятый слой (30-40 см) без древесных остатков, по находкам трех фрагментов наборных односторонних гребней и другим вещам - X-XI вв. *(Лысенко,* 1974. С. 41-45).

Наиболее надежной нам представляется дата нижнего слоя (может быть, точнее X - первая половина XI в.) по хорошо датирующему типу гребней. Не со всеми остальными датировками можно безоговорочно согласиться. При отсутствии дендрохронологических датировок и сравнительно небольшом количестве индивидуальных находок, большое значение приобретает массовый материал, позволяющий делать подсчеты его по слоям. Самое большое значение здесь имеют стеклянные браслеты, массовое распространение которых началось во второй половине XII в., к 30^40 годам XIII в. достигло своего апогея и прекратилось после гибели Киева от татар в 1240 г. В своем исследовании П.Ф. Лысенко (1974. С. 44, рис. 5) приво-

[28] П.Ф. Лысенко (1974. С. 374) ошибается, утверждая, что были найдены шиферные пряслица и стеклянные браслеты и возникла "возможность говорить о существовании древнерусского города". В действительности был найден лишь один обломок стеклянного браслета и одно шиферное пряслице. До домонгольских слоев исследователи не дошли.

дит схему расположения датирующих предметов в раскопочных пластах", показывая одновременно расположение на этих пластах (мы их называем штыками) пяти указанных напластований. Таблица свидетельствует против построений автора, она показывает, что амфоры, изобилующие в четвертом слое и частично в третьем слое раскопа 1961 г., в раскопе 1962 г. изобилуют лишь в пятом слое, так же как и в раскопках 1963 и 1968 гг., пряслица преобладают в нижних частях третьего слоя в раскопах 1961 и 1962 гг., как и в раскопе 1968 г. (напомним, что все четыре раскопа прирезались каждый раз непосредственно друг к другу). А ведь третий слой автор датировал XIV-XVI вв. Для нас ясно, что только подсчет стеклянных браслетов по пластам и слоям даст правильную датировку. Раскопы 1962, 1963, 1968 гг. дают единообразную картину: они преобладают в четвертом слое, который автор, судя по тексту на с. 44, относит к XII-XIII вв., хотя на рис. 5 на той же странице слой датирован им XIII в. Что и верно. Киев был уничтожен Батыем в 1240 г., производство стеклянных браслетов погибло, но на периферии, можно думать, их еще донашивали. В таком случае, 1240 г. проходит на профиле слоев культурных отложений Турова раскопов 1962, 1963 и 1968 гг. по десятому штыку. Это отчасти не совпадает с профилем раскопа 1961 г., что, может быть, следует объяснять некоторой ошибкой в фиксации в первый год работ.

С чем может быть связано пожарище, уничтожившее город после четвертого слоя? Слой этот кончился, как мы видели, массовым сокращением стеклянных браслетов. Может быть, это соответствует времени возвращения татар после похода в Западную Европу? Летописи свидетельствуют как будто о том, что татары не затронули Турова. Но ведь князья туровские и пинские (так же, как брянские и смоленские) «к этому времени находились "в воле татарской", так называемой зависимости от орды» (*Пашуто,* 1959. С. 388). Автор имеет в виду 1274 г. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 772). Можно предполагать, что такое закабаление туровских и пинских князей прошло вовсе не безболезненно для их городов, летопись об этом не упомянула, но "сообщила" археология.

Постройки, характер строительства, усадьбы и т.д. автор описывает без деталей. По приведенным чертежам можно понять, что во все времена жилые и хозяйственные сооружения в Турове ставились углами по странам света, что возможно было связано с направлением вала. Отдельные усадьбы не намечены и не отмечено, что вскрыто 35 построек, из которых 24 жилых. И этот перевес жилых строений над хозяйственными настораживает - последних должно быть много больше. Хозяйственные постройки не связаны с жилыми, не определено их назначение и т.д.

Автор полностью игнорирует аналогии памятникам, найденным в Турове, хотя это позволило бы определить, близка ли культура Турова к культуре городов Украины или северных районов Белоруссии?

Раскопки Турова дали большой вещевой материал. Это орудия труда, оружие (здесь особенно интересна находка костяных деталей сложного лука, наконечники стрел, свинцовые и железные булавы), многочисленные изделия из кости. Несомненный интерес представляют пластины кочевнического колчана с характерным орнаментом (не считая, видимо, их кочевническими, автор уклонился от поиска аналогий и не указал, в каком слое они найдены, а это могло привести к интересным выводам. Очень любопытно изображение птицы сказочного облика (*Полубояринова,* 1963б. С. 46, рис. 11, 7). Заслуживают упоминания две шахматных фигуры, аналогичные тем, которые в Самборе, по указанию П.Ф. Лысенко, датируются XII-XIII вв. Много найдено и украшений, в частности, свыше 1600 обломков стеклянных браслетов, причем браслеты коричневого и зеленого цветов составляют 1/4 или даже 1/3 всех браслетов (*Лысенко,* 1974. С. 60).

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТУРОВА хорошо документируются находками. Они типичны для городов этого времени.

Производство и ремесло. Железоделательное производство не представлено на памятнике: им занималось сельское население, и в город, как и везде, железо попадало в виде криц, полученных селянами из болотных руд. В городе несомненно была развита обработка железа. Мастер науглероживал железо, производил сталь разных видов, умел сваривать сталь с железом, что особенно хорошо видно по торцовой наварке стали на ножах и т.д.

Обработка цветных металлов документируется находками тиглей, льячек, шиферных формочек и готовых изделий. В раскопе, - пишет Лысенко, - обнаружено и сырье: кусок свинца, свинцовая палочка, много кусков окисленной бронзы и т.д. Медных, свинцовых, оловянных руд вокруг города не было, медь, свинец и олово привозились. В 1962 г. был найден кусок свинца весом в 20,5 кг, имевший форму "скошенного на конус кирпича", - видимо, в таких слитках этот металл привозился. Обработку цветных металлов подтверждают также и "застывшие бронзовые шлаки". Любопытны две свинцовые булавы кубической формы из четвертого слоя. В пятом, древнейшем слое, найдено несколько кусков листового кровельного свинца, которым крыли обычно крыши церковных зданий.

Косторезное дело также было известно в Турове. Сырьем здесь служила, как и везде, костная ткань рога лося, оленя, косули, иногда и домашнего скота.

В городе было развито производство стекла. Как свидетельствует П.Ф. Лысенко (1974. С. 66), в

окрестностях города есть необходимое сырье для этого: кварцевый песок, лес для выжигания поташа, имелся также привозной свинец, применявшийся русскими стеклоделами для производства стекла (о нем свидетельствуют и многочисленные находки стеклянных шлаков). Туровское стекло из раскопок 1961 г. в свое время было детально исследовано М.Д. Полубояриновой (19636. С. 233-238), которая с помощью Ю.Л. Щаповой проделала крайне важный здесь спектральный анализ найденного стекла. Выяснилось, что стеклянная посуда Турова была местного производства. Привозной стеклянной посуды было, по-видимому, не так много, и фрагменты ее были настолько мелки, что восстановить их форму невозможно. Они делятся по цвету на два типа: синие со следами кобальта и росписью золотом и белой эмалевой краской - византийский импорт XI-XII вв., и бесцветные, один из которых даже близок к сирийским сосудам ХП-ХШ вв. из городов Ракка, Алеппо и др. Орнамент на одном из обломков таких сосудов подражает арабским буквам, узор окаймлен стершейся от времени золотой полосой. В некоторых местах под микроскопом видна красная грунтовка. "Фрагменты бесцветных стеклянных сосудов, - заключает М.Д. Полубояринова (19636. С. 238), - по стилю и технике изображения очень сходны с новгородскими сосудами конца XIII в., которые до раскопок в Турове считались для русских городов уникальными".

Кожевенное производство, как и во всех древнерусских городах, было распространено и в Турове, о чем говорят многочисленные находки изделий из кожи (найдены фрагменты обуви, части рукавиц, ножен для ножей - все найдены в четвертом слое, т.е. до середины XIII в., что, видимо, объясняется лучшими условиями для сохранности кожи). Изделия из дерева свидетельствуют о деревообработке, шиферные пряслица — о прядении и ткачестве.

Как всякое средневековое городское население, жители Турова, несомненно, занимались также земледелием, скотоводством, рыболовством и в известной степени охотой. Культурный слой Турова, свидетельствует И.Ф. Лысенко, плохо сохраняет органические остатки, но все-таки в нижней части третьего слоя он обнаружил следы проса, обожженные зерна ржи, пшеницы, чечевицы, льна. Обилие ржаного костра в сорниках свидетельствует о посевах озимой ржи {*Лысенко,* 1974. С. 67; *Коробушкина,* 1979). Есть и орудия, связанные с земледелием: серп, обломки жерновов и т.д.

Что касается животноводства, то кости домашних животных в культурном слое Турова явно преобладали: домашних животных - 78,2%, диких - 21,8%. Среди домашних животных преобладали копытные - 84%. Как показывает костный материал, в Турове, в отличие от большинства белорусских городов, более всего охотились на кабана (24%) и косулю (24%) и в меньшей степени на лося и благородного оленя (по 12%) {*Щеглова,* 1969. С. 415).

Рыболовство не могло не быть распространено в Турове, находящемся вблизи такой многоводной реки, как Припять. Найдены кости рыб, рыбья чешуя, "встречающаяся в слоях толстыми линзами" {*Лысенко,* 1974. С. 68). О рыболовстве говорит и находка снастей: остроги, блесна, крючок, обилие грузил от сетей.

Торговые связи. Как и во всяком средневековом городе, при раскопках Турова встречались постоянно следы торговли. Мы уже говорили о привозном стекле из Центральной Азии и Причерноморья. Охота на пушного зверя, водившегося в лесах вокруг Турова (шкуры несъедобных животных, несомненно сдирались в лесу, и кости в культурный слой города не попадали), как, вероятно, и предметы местного ремесла и т.д. - все это участвовало в торговле с проезжавшими по Припяти купцами. Однако торговля шла не только с заморскими купцами, но прежде всего с русскими продавцами из Южной Руси. В Турове найдены шиферные пряслица с Волыни, стеклянные браслеты из Киева, причерноморские амфоры, светлый янтарь из Прибалтики, темный - из Южной Руси, привозными были цветные металлы.

Все-таки нужно сказать, что Туров возник в земледельческом районе, где население селилось уже в середине I тыс. н.э., а славяне имели здесь племенной центр туровских дреговичей, в этом Н.Ф. Лысенко, по-видимому, прав {*Лысенко,* 1974. С. 69). Однако феодальный центр, основанный в Турове, судя по раскопкам, нельзя сравнивать с казалось бы равновеликими ему Полоцком и другими центрами, стоящими ближе к генеральному Пути из Варяг в Греки. Находки показывают, что этот город был гораздо менее экономически развит, гораздо более провинциален в сравнении даже с Витебском и немного позднее возникшим Друцком (может быть, и с Менском на р. Менке).

Пинск

В Полном географическом описании России под ред. В.П. Семенова-Тянынанского говорится: "Пинск расположен при впадении реки Струмени в Пину. Окрестности его богаты лесами, но чрезвычайно болотисты; почва глинистая и бесплодная. Пинск принадлежит к весьма древним городам Западной Руси, но достоверных данных о его происхождении не имеется" (Россия, 1905. С. 549). Это места знаменитых Пинских болот.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ. Первое упоминание города относится к 1097 г., когда после Любечского съезда, где князья условились не искать друг под другом волости, князь Владимир-Волынский Давыд Игоревич "предупредил" якобы

Святополка Изяславича Туровского: "Аще ти отъидеть в свою волость, самъ узриши, аще ти не заиметь (Василько Теребовльский) градъ твоихъ Турова, и Пиньска..." (ПВЛ, 1950. С. 171). Это действительно его город - туда он идет "пославъ по во-Ь", когда в том же 1097 г. просит ляхов помирить его с Давидом Игоревичем (ПВЛ, 1950. С . 178).

После смерти Мстислава Владимировича, сына Мономаха (1132), Киев получил его брат Ярополк Владимирович. Теперь, при очередном переделе столов, "Ярополкъ оуладися с братьею, и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе с нужею и тое же зимы даша Изяславу Туровъ и Пинескъ к М-внску: то бо бяшшеть его осталося передни-ь волости его" (ПСРЛ. 1927. Т. 1. Стб. 302).

Вновь Пинск упоминается под 1150 г. Юрий Долгорукий, ставший киевским князем (1149), в следующем году дает сыну Андрею Боголюбскому "Туровъ, Пинескъ и Пересопницю" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 404), что не могло не возмутить изгнанного Изяслава Мстиславича. В 1151 г., осаждая Киев, он говорил: "Язъ Киева не соб-Ь ищю но оно отецъ мои Вячьславъ брат стар-Ъи... а он же (Долгорукий. - *Л.А.)* Киевъ соб-Ъ, и -Ьще надъ т-БМЬ и Туровъ и Пинескъ оу мене отнялъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 429).

В соответствующем месте мы говорили, что в 1154 г. в Киеве вокняжился Ростислав Мстиславич Смоленский, правда, по первоначалу он формально уступал стол престарелому Вячеславу (до "его живота"). Теперь освободившиеся Туров и Пинск были отданы Святославу Всеволодовичу, т.е. Ольговичу, который их "прия съ радостью" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 471). Не успел кончиться 1054 г., как в Киеве оказался вновь Юрий Долгорукий. По новому переделу столов Боголюбский получил Вышгород, его брат Глеб Георгиевич - Переяславль, второй брат, Борис Георгиевич, был послан, как мы говорили, в Туров, однако, неизвестно владел ли он Пинском, или этот город просто не упомянут в летописи (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 245). Впрочем, судя по нижеследующему тексту, видимо, владел. По смерти Долгорукого (1157) и вокняжения в Киеве Изяслава Давыдовича (1159-1160), этот последний движется на Туров, как мы говорили, с огромной коалицией князей. Город им взять не удалось, но этим походом воспользовались берендичи и "воеваша... около Пиньска и за Прип-втью". Однако взять города у Георгия Ярославича внука Изяслава Ярославича, не удалось (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 491, 492). Остается неизвестным, когда этот князь был посажен в туровских городах и при каких обстоятельствах князья решили вернуть туровские столы Изяславичам.

В 1174 г. в Пинске сидят свои князья: Андрей Боголюбский заставляет, мы говорили, всех князей идти на Киев: "повел* всимъ и туровскимъ и пиньскимъ". Пинские князья здесь налицо - это, конечно, родственники туровских Ярославичей, которые в земле утвердились.

При описании похода 1183 г. большой коалиции князей на половцев, к чему призывали Святослав Всеволодович Киевский и Рюрик Ростиславич, Туров не упоминается, но знаменательно: названы "Ярославъ князь Пиньскии с братомъ Гл-Ьбомъ"! Пинские князья, ранее подчинявшиеся туровскому князю, теперь могут ходить в походы и самостоятельно! (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 631). В 1190 г. в Пинске, оказывается, происходила свадьба, на которой был Рюрик Ростиславич "у тещи своея и у шюрьи своея, тогда бо бяше свадба Ярополча." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 672). Это важное свидетельство, показывающее включенность пинских князей в общерусскую великокняжескую среду. С ними охотно роднились.

Обратимся к археологическим источникам по истории Пинска.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПИНСКЕ. Современный город Пинск до недавнего времени сохранял замечательные археологические памятники - так называемую Замковую Гору, очевидно, древний детинец, два Лещинских кургана, в одном из которых был найден саманидский диргем Нуха сына Насра, чеканенный в Самарканде в 952-963 гг. {*Марков,* 1910. С. 24), и, повидимому, другие, более мелкие, ранее уничтоженные курганы. Раскопки одного из курганов в урочище Лещ были организованы в 1871 г. директором народных училищ С.Ф. Куклинским, но опубликованы не были. Другой курган, в 1952 г. имевший форму усеченного конуса высотой 5,5 м с напольной стороны и 7,5 м со стороны реки, именовался в науке могилой Мендовга, а в народе - Войшелка, в 1955 г. в присутствии Ю.В. Кухаренко, несмотря на его и М.Б. Миролюбова (местный музей) протесты, был срыт землеройными машинами почти на их глазах. М.Б. Миролюбов и Ю.В. Кухаренко успели лишь сделать небольшие замеры и зарисовки, а также опросить о находках рабочих, участвовавших в срытии. Исследователям удалось самим зафиксировать на глубине 3 м от вершины кургана "остатки большого линзовидного кострища мощностью около 0,40 м. Кострище состояло из золы и большого количества крупных сосновых и ольховых углей. Диаметр уцелевшего кострища был более 7 м.... Строители, разрушившие курган... находили много крупных обгорелых бревен. Никаких костей или вещей они не заметили". Б.В. Миролюбову удалось в кострище обнаружить пережженые кости животных и птиц, кованый гвоздь, пластинку от панциря. Заключая все эти описания, Ю.В. Кухаренко приходил к выводу, что в Пинске существовали курганы типа знаменитой Черной Могилы в Чернигове (X в.). Он писал, что в Пинске, по-видимому, был погребен "неизвестный нам славянский князь или предводитель княжеской дружины" {*Кухаренко,* 1968. С. 87-90). Забегая вперед, скажем, что древнейшие слои на пинском детинце, как показали рас-

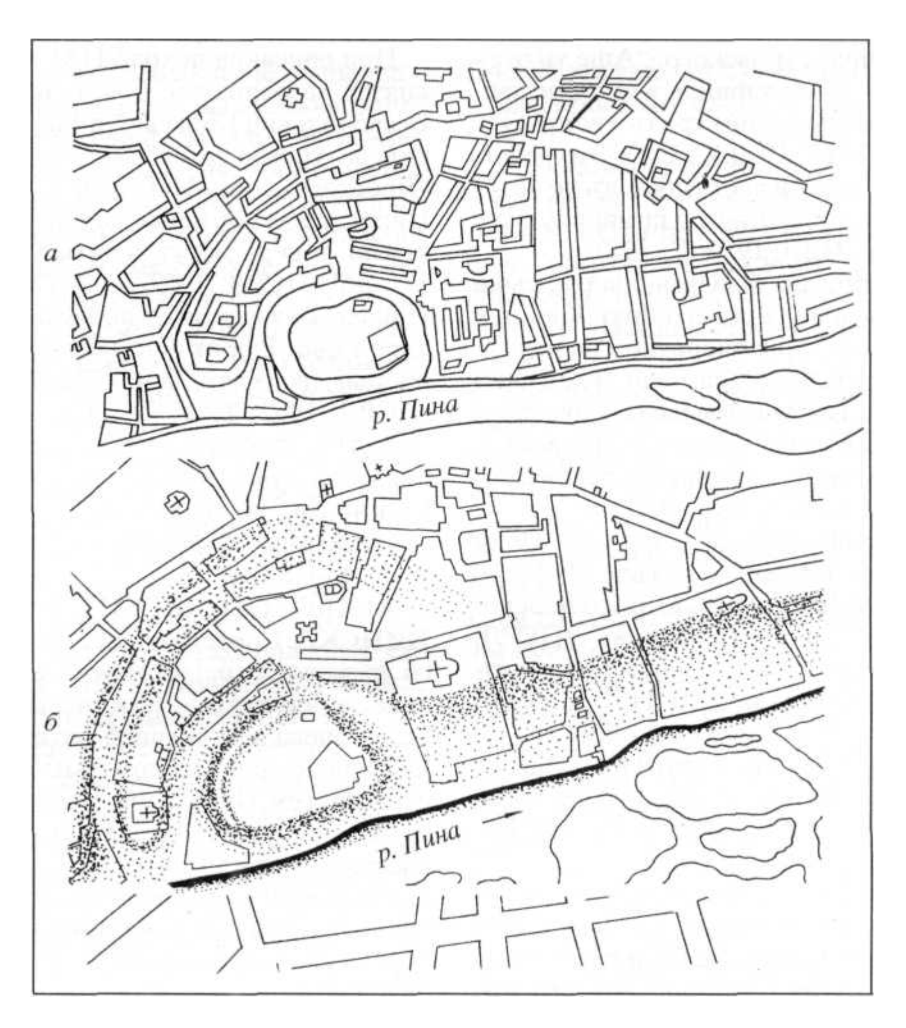


Рис. 54. Пинск. План

копки, датируются только концом XI в., значит, малое славянское племя X в. имело местообиталище не на "Замковой Горе", а где-то в районе современного города, и оно не разыскано и ждет своего исследователя. Если в современном Смоленске, мы говорили, ждать не приходится, ибо Смоленск IX-XI вв. по летописям был большим городом, т.е. - соседним с ним Гнездовом, то здесь поселение этого раннего времени могло быть весьма малым. Оно вполне могло использовать местный, ныне не сохранившийся рельеф.

Что касается домонгольского города Пинска более поздней поры, то его древняя топография теперь прочитывается с трудом и для ее определения требуются чертежи XVIII-XIX вв., в частности, чертеж 1794 г. {*Лысенко,* 1966а. С. 284, рис.3; 1974. рис. 146). По свидетельству А.И. Миловидова (1898. С. 4, 5), в Пинске в это время еще существовала Замковая Гора, где велись в 1893 г. земляные работы и были найдены остатки какого-то крупного кирпичного здания.

Чертеж 1794 г. (рис. 54) показывает, что детинец древнего Пинска (очевидно, Замковая Гора) был расположен на левом берегу р. Пины, имел в плане подтреугольную форму и с запада был отделен от остальной местности валом и рвом, причем последний огибал памятник. Далее за рвом находился окольный город, также обнесенный валом, концы дуги которого упирались в высокий берег р. Пины. За валом и, по-видимому, рвом, северо-западнее окольного города был расположен и городской посад.

Первые археологические работы в Пинске, кроме работ Ю.В. Кухаренко, о которых говорилось, были произведены Т.В. Равдиной и краеведом Б.В. Миролюбовым в 1955 г., а затем были продолжены в 1957 г. Т.В. Равдина не изучила предварительно планы Пинска, а сразу заложила раскоп в 65 м^2, как она считала, на Замковой Горе. В 1958 г. Э.М. Загорульскому удалось доказать, что раскопы Т.В. Равдиной были заложены не на детинце (Замковой Горе), а в окольном городе {*Загорулъский,* 1958. С. 8). Раскопы Т.В. Равдиной в самом деле, оказалось, были заложены неудачно: кроме того, что это был не детинец, раскоп 1955 г. попал, как она сама указала, почти наполовину на вал, на который пришлось 36 м^2 из 65 м^2 {*Равдина,* 1957. С. 150). Утверждение Э.М. Загорульского о том, что она копает окольный город, исследовательница полностью игнорировала и во всех своих работах продолжала считать, что копала детинец {*Равдина,* 1957; 1963; 1966). Тем не менее, работы

велись ею тщательно и для понимания напластований города, безусловно, важны.

Что касается детинца, то изучение планов прошлого позволяют П.Ф. Лысенко предполагать, что «скорее всего, "Замковой горой" в Пинске следует считать остатки детинца и существовавшего на нем в более позднее время замка, а двойную деревянную стенку (паркан) (о которой ему приходилось читать. *-Л.А.)* отнести непосредственно к укреплениям замка... Детинец древнего Пинска располагался в пределах современной улицы Чайковского и бывшей базарной площади. Окольный город Пинска XI-XII вв. находился внутри современной кольцевой улицы Горького, и восточная граница его проходила в районе современной площади Ленина и моста через р. Пину. Восточная граница окольного города в XIV в. проходила в районе современной ул. В. Хоружей, очевидно, включая Францисканский монастырь (известен с 1396 г.) в систему городских укреплений. Восточная сторона улицы В. Хоружей в XIV в. в городскую территорию не включалась, так как в котловане под зданием трикотажной фабрики культурный слой указанного времени не обнаружен... Общая площадь детинца оказывается около 1,76 га. Площадь окольного города вычислить трудно... Приблизительное исчисление дает площадь около 2,1 га. Общая площадь городища составит около 3,86 га» *(Лысенко,* 1974. С. 79).

Культурный слой детинца, к нашему удивлению, не заинтересовал археологов. Небольшие раскопки и наблюдения над строительными котлованами позволили заключить, что культурный слой здесь имеет мощность около 9 м. На материке, как сказано, была обнаружена керамика конца XI в. По свидетельству П.Ф. Лысенко (1974. С. 93), при нивелировочных работах 1954 г. на южном склоне детинца на глубине 1-1,5 м были "вскрыты остатки деревянных конструкций, параллельные, в два-три венца, стены из длинных бревен, соединенных в обло перемычками так, что они образовали квадратные клетки размером 1,3 x 1,5 м или 2 $м^2$". Автор предположил, что это были "конструкции для укрепления внешнего склона вала от оползания", но скорее это были остатки древних стен, совершенно таких, какие мы видели на донжоне в Мстиславле. Там, как и здесь, были рубленные в обло трехстенные срубы, соединенные между собой именно такими "квадратами" (скорее, прямоугольниками) *(Алексеев,* 19936. С. 223, рис. 7; 224; объект XIV-16). Основным типом наземных оборонительных стен, - писал П.А. Раппопорт (1961. С. 134), - в северных районах Руси вплоть до XIII в. были срубные стены такой же конструкции, как и в Киевской земле. Стены были, очевидно, однорядные, состоящие из плотно прилегавших один к другому трехстенных срубов". П.А. Раппопорт оговаривается, что это все-таки предположение. Мы же можем утверждать, что такие укрепления существовали в Западной Руси, судя по раскопкам в Мстиславле, и в более позднее время. Как мне уже приходилось писать, дата существования мстиславльского донжона XIV-16 ("сооружение № 4") устанавливается дендрохронологически по окружающим это дубовое сооружение сосновым бревнам. Он был построен в 1260-х годах, а погиб в пожаре начала XIV в. *(Алексеев,* 19936. С. 224; см. также настоящее издание, с. 233).

Что касается Окольного города, то четкое представление о его культурном слое дают работы Т.В. Равдиной. Мощность его культурных отложений там, где она копала, была 2,5-3,2 м. Ей удалось выделить восемь напластований. Первый слой она датировала по найденным вещам XVII-XX вв. Второй слой с "зелеными поливными рельефными изразцами", с зеленополивной "красноглиняной посудой она отнесла к XVI-XVII вв. Третий слой, где были найдены пражский грош, замок типа Е, несколько стеклянных браслетов, она отнесла к XIII в. "и моложе" (по нашему мнению, скорее именно "моложе" - XIV в.). Четвертый слой датирован XIII в. ("самые поздние стеклянные браслеты"[29], хотя о них говорилось при описании третьего слоя). Пятый слой - XII в. (меньше, чем в предыдущем слое стеклянных браслетов, больше шиферных пряслиц, в раннем горизонте слоя найдены бусина-лимонка и глазчатая бусина - начало XI в.) Шестой слой - конец XI - начало XII в. (12 обломков амфор, одна с надписью "Ярополче вино". Полностью отсутствуют, как и ниже, стеклянные браслеты и т.д.); Седьмой слой - вторая половина XI в. Восьмой слой на материке - середина - конец XI в. (типичная керамика) *(Равдина,* 1966. С. 285-290).

Выводы из этой работы Т.В. Равдиной очень важны: она установила, что домонгольский слой "занимает две трети всего культурного слоя и что первоначальный слой датируется второй половиной XI в." Она заключила, что "Пинск с самого начала был княжеским поселением", об этом свидетельствуют укрепления и то, что в раскопе найдено обилие керамических плиток, украшавших, как думала Т.В. Равдина, непременно княжеский дворец *(Равдина,* 1966. С. 290). Однако это не так просто: керамические плитки пола могли украшать княжеский дворец, но могли быть настелены (и это чаще) в деревянной церкви. Идея "дворца" исходила из того, что исследовательница полагала, что копает детинец. Но это был, как мы сказали, окольный город, где княжеский дворец с плитками менее вероятен! П.Ф. Лысенко тоже поддержал мысль Э.М. Загорульского, что Т.В. Равдина копала именно окольный город *(Лысенко,* 1974. С. 73). При раскопках Друцка керамические плитки были найдены и в окольном городе (как мы говорили),

---

[29] Нам представляется, что, судя по находкам, второй слой относится только к XVII в.

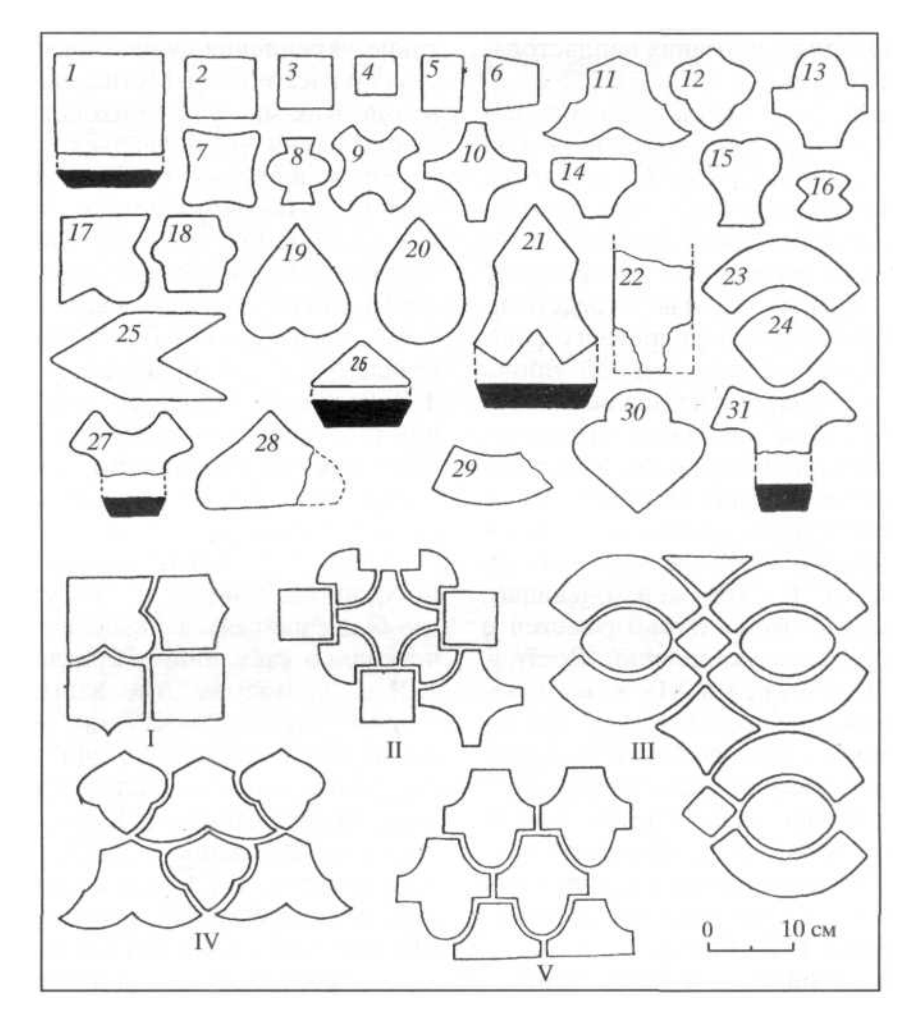


Рис. 55. Минск Керамические поливные плитки из раскопок Т.В. Равдиной

но там, несомненно, была своя особая церковь (см. с. 154).

Как бы там ни было, основная ценность работы Т.В. Равдиной в окольном городе Пинска заключается в тщательной разработке сратиграфии памятника, выделении его восьми напластований и их датировке. Здесь она была в Пинске пионером (хоть и ошиблась в главном!). Она также установила, что основная масса стеклянных браслетов происходит с глубин шестого-девятого штыков, и выяснила, что верхняя граница домонгольского слоя проходит там, где она вела раскопки, на глубине 1—1,2 м (пятый-шестой штыки от поверхности) *(Равдина,* 1957. С. 151, рис. 59). Всякий окольный город, как уже видно из наименования, находится возле чего-то, около. То есть около детинца, который, как всегда старше. Находки двух бусин, имеющих четкую дату не позднее первых двух десятилетий XI в. (лимонка и глазчатая бусины), несомненно, датируют не окольный город (его дату определяют, мы говорили, находки середины - второй половины XI в.), а находящиеся рядом более древние поселения, т.е. детинец. Это, очевидно, подтвердят раскопки.

Среди находок из раскопок Т.В. Равдиной особенно интересен обломок амфоры с надписью"(Я)РОПОЛЧЕВИНО", найденный на глубине 2 м., т.е. десятого штыка, палеографически датирующийся XI-XII вв., что доказывает, как считает Т.В. Равдина, что "Ярополк Изяславич (надпись говорит именно о нем) владел вместе с Туровом и Пинском, бывал в нем, о чем свидетельствует находка обломка корчаги" *(Равдина* 1957. С. 152, 153). Второй интересной находкой в раскопках Т.В. Равдиной было 546 обломков и целых поливных плиток, по-видимому, церковного пола. Лишь на 10 плитках были следы извести, прочие же ее не имели и, вероятно, клались просто на слой глины (рис. 55). Цвет поливы традиционен: коричневый, зеленый и желтый. Форма плиток разнообразна (до 30 вариантов). К сожалению, исследовательница не указала абсолютных размеров хотя бы квадратных плиток. По мелкому масштабу, можно думать, что они по размерам близки к найденным в Друцке и в Логойске (см. выше), т.е. их сторона равна 9 см *(Равдина,* 1963. С. 111-112). Остальные вещи, обнаруженные Т.В. Равдиной в Пинске, в достаточной степени ординарны *(Равдина,* 1966. С. 286).

Итак, раскопы московской исследовательницы затрагивали лишь западную часть окольного города, охарактеризовали его культурный слой и опре-

делили дату возникновения памятника. Для выяснения времени возникновения города надлежало теперь вести работы на пинском детинце, что и дало бы наиболее полное представление о его истории. К нашему удивлению П.Ф. Лысенко не стал изучать детинец, а продолжил раскопки окольного города, перенеся их на его северную окраину (1963 г.; *Лысенко,* 1974. С. 83).

Мощность культурного слоя здесь была большей, чем в раскопах Т.В. Равдиной - 4,5 м. Отложения между глубинами 1,4 и 3,6 м, оказалось, сохраняют древнее дерево, поддающееся дендрохронологическому анализу. Было выделено 9 строительных периодов от 1280 до 1556 г. *(Лысенко, 191 А.* С. 86, 87). Таким образом, картина напластований здесь и в раскопе Т.В. Равдиной различна. Если там, в западной части окольного города домонгольские слои занимали, мы видели, 2/3 мощности слоя, то здесь наоборот: домонгольские слои находятся в самом низу и охватывают глубины от 3,6 м до материка - 4,5 м. Приходим к выводу, что западная часть окольного города, сравнительно близко расположенная от детинца, была заселена в домонгольское время гораздо интенсивнее, чем северная, что вполне закономерно. Что касается находок стеклянных браслетов, то и здесь интересно сопоставить раскопы в западной и в северной части окольного города. Если в первом случае их максимум, как мы говорили, находится на глубине 1,4 м (седьмой штык), то во втором - на высоте четвертого штыка от материка *(Лысенко,* 1974. С. 110).

Т.В. Равдина, было сказано, большей частью раскопа попала на вал, почему находок у нее мало. В северных раскопах Лысенко находок гораздо больше: это - орудия труда (зубило, пробойники, долото, сверло и т.д.), оружие (наконечники стрел и т.д), вооружение всадника и коня (шпоры с шипами и колесиками и т.д.), бытовые предметы (замки, ведерные дужки, оковки, гвозди и пр.), ювелирные изделия (часть иконки-складня с изображением Богородицы, серебряные и бронзовые браслеты, бронзовые фибулы, литой нательный крестик XII в. и др.), шиферная иконка Иисуса Христа Эммануила (аналогии у Б.И. и В.И. Ханенко - *Ханенко,* 1900. Табл. XXXVII, 309), пряслице шиферное с надписью "НАСТАСИНОПРЯСЛЕНЪ" (по эпиграфике - XII в.), некоторое количество костяных поделок, из которых интересны односторонний наборный гребень и резная копоушка из раскопок Т.В. Равдиной (оба предмета за пределы XI в. не заходят). Что касается стеклянных изделий, то их собрано довольно много. В раскопах П.Ф. Лысенко найдено 530 фрагментов браслетов, которые "по цветовой гамме и процентному соотношению форм находят наиболее близкую аналогию в коллекции браслетов древнего Киева" *(Лысенко,* 1974. С. 111). Нередки находки кожаных изделий и прежде всего выброшенной некогда обуви. Есть кожаные кошельки, ножны для ножей и пр. В изобилии находили и деревянные изделия (точеные чашки, ложки, двусторонние гребни, днища бочонков, ушатов и т.д.). Как и везде, во всех раскопах доминировала керамика.

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ определяются, как обычно, находками. Что касается производства и ремесла, то жители занимались железообработкой, о чем свидетельствуют предметы, требующие простой и квалифицированной специализации. Предметов ювелирного дела немного, но о нем свидетельствуют находки льячек и тигельков со следами расплавленного металла. О косторезном деле можно судить по предметам из кости и, главное, найденным полуфабрикатам и некоторым орудиям труда. Осколки волынского шифера указывают на отходы камнетесного ремесла. Подобно Турову, было развито ремесло по обработке деревянных изделий (резные ложки, черпаки, самшитовые гребни и т.д.).

Материалы раскопок свидетельствуют о занятии сельским хозяйством - земледелием, скотоводством и охотой. 73,3% костных остатков принадлежало домашним животным и лишь 25,7% - диким. Крупный рогатый скот (28,1%) превалировал над мелким (26,4%). Около 21,2% костей принадлежали лошадям, свиньям - только 17,6% *(Щеглова,* 1969. С. 407, 411). Близость лесов способствовала охоте (кости зубров, туров, лосей, благородных оленей, кабанов, косули, медведей, бобров и зайцев -*Лысенко,* 1974. С. 116). Охота интересовала их главным образом из-за мясной пищи (более всего костей лося и кабана). Тур - весьма редкое животное даже для Пинска. Многочисленные косточки рыб показывают, что жители занимались и рыболовством.

ТОРГОВЛЕЙ жители Пинска, несомненно, занимались (стеклянные браслеты попадали из Киева, шиферные пряслица - из Волыни, самшитовые куски или готовые гребни - с Кавказа). Анализ стекол не проводился, П.Ф. Лысенко (1974. С. 117) полагает, что оно было в основном привозным, как и некоторые изделия из цветных металлов и ювелирные украшения. Шла торговля, несомненно, с соседними селами, где приобретали недостающие продукты питания, вероятно, частично молочные изделия, крицы, выплавленные из местных болотных руд и т.д.

Суммируя наши знания по раскопкам древнего Пинска, мы вынуждены отметить не вполне удачно начатое его археологическое исследование Т.В. Равдиной, хотя и выяснившей его первоначальную планировку, но спутавшей детинец с окольным городом. К сожалению, детинец остался почти неисследованным, и поэтому нам трудно говорить о времени возникновения Пинска. Дружинные курганы X в., оказавшиеся поблизости,

керамика XI в., выявленная под валом детинца на материке (наблюдения при строительстве), две бусины конца X - начала XI в., попавшие в слой окольного города, как будто бы свидетельствуют о том, что детинец Пинска мог быть сооружен в X—XI вв. Но полностью уверенным в этом быть нельзя, и вопрос требует дальнейших работ по вскрытию культурных напластований древнейшей части города - его детинца, а также окольного города и посадов.

Слуцк

Древний летописный Случескъ расположен в северной части Турово-Пинского княжества на реке Случь, что и дало ему наименование. Окруженный, судя по расположению курганов, в древности большим скоплением деревенских селений, он был, можно думать, племенным центром малого племени - "Слуцкой тысячи" дреговичей, отделенной от "Менской тысячи" (на р. Менке к северу от него) большими лесными массивами *(Алексеев,* 19986. С. 100-104).

Первое упоминание о Слуцке в летописи находим под 1116 г.: "В л-Ьто 6624/1116. Приходи Володимеръ на Гл-Ьба, бо бяшеть воъ-валъ дрътовичи и Случескъ пожегъ" (ПВЛ, 1950. С. 200). Выше мы подробно разбирали этот текст и выясняли причины, побудившие минского князя к такому поступку. Город, видимо, в известной степени был уже развитым (в источниках, которые были в руках В.Н. Татищева, он упоминался уже под 1097 г. при раздаче владений князьям на Любечском съезде). По смерти Святополка, владельца не только Киева, но и Туровской земли, Мономах наследовал киевский стол и вполне естественно устремился усмирить минского Глеба. Лаврентьевская летопись в дальнейшем не упоминает Слуцк, Ипатьевская — дает несколько сообщений об этом дреговичском городе.

Так, заняв киевский стол в 1149 г., Юрий Долгорукий начал раздавать земли в держание. Обиженный Святослав Ольгович, указав ему, что по праву он должен был занять киевское княжение ("держиши отчину мою"), почти самовольно, но, вероятно, все же с согласия Юрия, взял себе: "Курескъ и с Посемьемь и Сновьскую тисячу оу Ислава, и Слоучьскъ, и Кльчьскъ и вси Дрегвич-Ь" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 384). Владея названными городами плюс всей Южной Белоруссией (по В.Н. Татищеву, Мономах якобы владел после Любечского съезда 1097 г. "уделом отца его всей Белой Русью" - *Татищев,* 1963. С. ПО - но это требует доказательств), Святослав Ольгович становился грозным князем, с которым приходилось считаться и князьям Западнорусских земель. Молчаливо соглашаясь на все эти претензии старейшего Ольговича, Юрий Долгорукий, видимо, стремился примирить со своим княжением в Киеве этих всегда враждебных Мономашевичам князей.

Следующее упоминание о Слуцке относится к 1159 г., когда Рогволод Друцкий, только что получивший от Святослава Ольговича войско, отправляется "искать собъ- волости", "поемъ полкъ Святославль" в Слуцке Святослав Ольгович принимает друцкую делегацию, которая, приняв Рогволода и изгнав ставленника Минска, клянется "ходити в послушаньи его и на том целоваша хрестъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 445, 446).

В 1162 г. полоцкий князь Рогволод Борисович, потерпев жесточайшее поражение в битве, вновь спасается в Слуцке (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 519). В это время в Слуцке оказывается Владимир Мстиславич, и на него идет огромное войско: Рюрик Ростиславич, Святополк Гюргевич Туровьскии, а также Святослав Всеволодович с братом Ярославом и с "кривьскими князьми". Испугавшись силы князей, Владимир Мстиславич "дасть имъ миръ и Случьска съступи имъ, а самъ иде Киеву", где Ростислав дает ему вместо Случска Трьполь (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 521).

Последнее упоминание Слуцка в основных летописях относится к XIII в. Под 1274 г. Ипатьевская летопись (Галицко-Волынская ее часть) повествует о походе ряда князей на Черную Русь (Ново грудок): среди других князей "идоша же с ними князи Пиньсции и Тоуровьсц-Ьи, и быстъ идоущимъ имъ мимо Тоурово къ Слоучкоу тоу ся сня (объединились) с Татары оу Слоучка, и тако поидоша вси воборз-Ь..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 872). Город этот здесь назван просто как географический пункт, где соединились русские войска с татарскими и, как обычно, это почти ничего не дает.

Слово, следовательно, за археологами.

В 1929 г. А.Н. Лявданский возглавил экспедицию (С.А. Дубинский, Я.Р. Колодкин, М.Н. Конвисаров, А.Я. Рынейский), которая в течение пяти недель обследовала "значительную часть течения р. Случи, северный берег Князь-Озера и окрестности Турова. Раскапывались курганы, городища и т.д. В черте города, пишет С.А. Дубинский, «сделаны раскопки городища и двух курганов. Городище, которое значительно и несколько раз переоборудовалось, имеет в нижних слоях выразительные следы лепной штрихованной неславянской керамики, в верхних - славянскую керамику разных веков, шиферные пряслица, разные металлические бытовые вещи, курганы "папсаваны" [испорчены] позднейшими в них погребениями (до 10 покойников) — обычное явление в курганах окрестностей Слуцка, особенно в северных группах» *(Дубінскі,* 19306. С. 511). Таковы краткие свидетельства о первых раскопках в Слуцке.

Дальнейшие исследования Слуцка производились после Второй мировой войны. Было выяснено, что современный город Слуцк имеет сложномысовое городище при впадении р. Бычок в

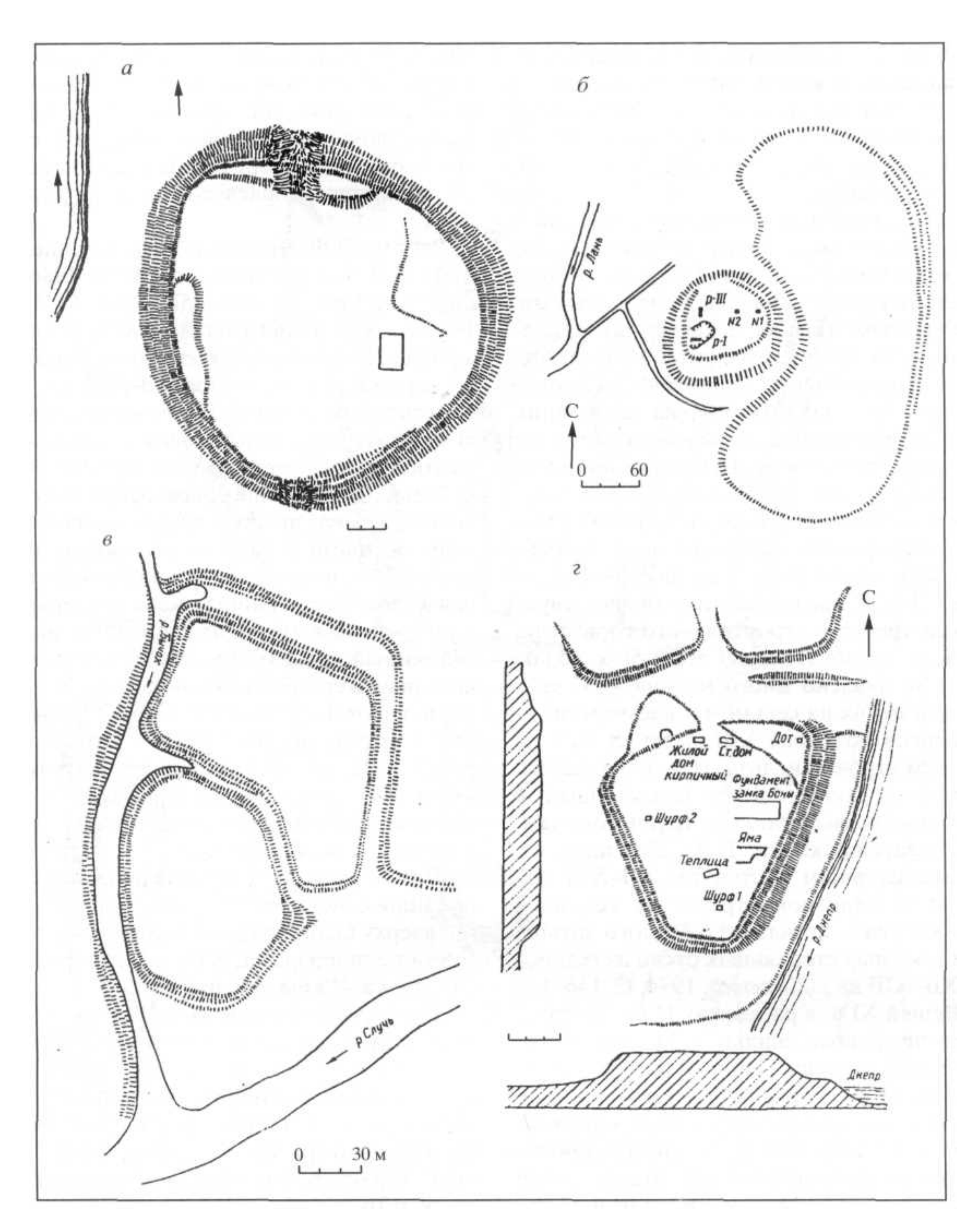


Рис. 56. Туровская земля. Планы городов
а - Давид-Городок, б - Клецк, в - Слуцк, г - Рогачев

р. Случ, на ее правом берегу. Памятник состоит из детинца (Верхний Замок) и окольного города (Нижний Замок). Детинец занимает "О"-образный холм с площадкой 100 х 80 м и возвышается над окружающей местностью на 5-6 м. За рвом с напольной стороны ниже его на 2-3 м к нему примыкает окольный город, имеющий форму неправильного дугообразного в плане шестиугольника. Он, в свою очередь, отделяется от остальной местности довольно большим дугообразным рвом (рис. 56, *в*). Оборонительные сооружения на детинце и окольном городе не видны и могут быть выявлены только археологически. На детинце в северной и южной частях площадки имеется несколько современных строений.

Небольшой шурф Э.М. Загорульского (1958 г.), заложенный на детинце (3 х 1 м) выявил культурный слой с пряслицами и стеклянными браслетами и был доведен исследователем до верхнего уровня сохранившихся деревянных построек (глубина 1,8 м). Шурф был заложен им и на окольном городе.

Более крупные работы проводились в 1966 г. П.Ф. Лысенко, заложившим на детинце раскоп

36 м^2 (6 х 6 м). К сожалению, исследователь не обозначил на плане, в какой части детинца он вел работы, и мы лишены возможности представить даже приблизительно, в какие районы погрузилась его лопата, известно лишь, что работы велись в южной части детинца.

В результате раскопок выяснилось, что мощность культурного слоя детинца равняется приблизительно 4 м и плохо сохраняет предметы органического происхождения. Удалось вычленить семь "стратиграфических" (как их называет автор) слоев, древнейший из которых залегает непосредственно на материке и имеет толщину 30 см. Хронология пластов устанавливается на основании главным образом найденных вещей, но кое-где и с помощью дендрохронологии. Наш главный индикатор, как обычно, - количество стеклянных браслетов, подсчитанных по слоям и штыкам (пластам). Всего найдено 148 этих обломков, причем большее их количество падает на шестой и седьмой штыки (21 и 22 предмета), что соответствует верхней части третьего строительного горизонта, отложившейся, следовательно, в 30-50-х годах. XIII в. Пряслиц найдено много меньше - 37 единиц, больше всего их на седьмом и восьмом штыках, т.е. в первой половине XIII в., но их мало, и выводы по ним строить нельзя. Наиболее ранней находкой, происходящей с 18-го штыка, шестой слой, является железный ключ от трубчатого замка типа Б классификации Б.А. Колчина, но датировка его слишком растянута: ХП-ХШ вв., как впрочем и железной стрелы из седьмого штыка (XI-XIV вв.), писала из восьмого штыка (ХП-ХШ вв.), зонных стеклянных бусин из седьмого штыка (ХП-ХШ вв.) {*Лысенко,* 1974. С. 146-148 и рис. 45). Вещей XI в. в раскопках П.Ф. Лысенко нет. Немногочисленные спилы бревен из глубин 12-13-го штыков, по свидетельству автора раскопок, дали 1231-1234 гг., что соответствует, как он считает, "расположению датирующих предметов" {*Лысенко,* 1974. С. 149). Однако это не так просто (и автор этого не замечает): между отложениями 1230-х годов (12-й штык) и середины XIII в. (седьмой штык) оказывается мощный слой в 80 см, что представляется странным: он нарос, следовательно, за 80, в среднем, лет, в то время как в более раннее и в более позднее время на этом же самом участке он нарастал, судя по приведенной таблице П.Ф. Лысенко (1974. С. 146, рис. 45), гораздо медленнее.

При раскопках было встречено несколько частей деревянных сооружений, рубленных в обло, возможно, производственного назначения (остатки обзоленной шерсти, детали обуви, обрезки кожи лежали по соседству на настиле с толстым слоем заготовленной коры и т.д. восьмой штык, первая половина XIII в.).

Найденные предметы позволяют в известной степени представить жизнедеятельность населения. Оно занималось обработкой железа (орудия труда), обработкой кости, кожевенным и сапожным ремеслом, гончарным делом, прядением и ткачеством, земледелием (сошник), скотоводством и охотой. О торговле свидетельствуют находки стеклянных браслетов и шиферных пряслиц и т.д.

Работы П.Ф. Лысенко были дополнены раскопками Л.В. Колединского в 1985 и 1986 гг. {*Колединский,* 1987. С. 452, 453; 1988. С. 366, 367). В 1985 г. он заложил раскоп в 90 м^2 у южного вала детинца. В предматериковом слое была обнаружена керамика XI в., в слое ХП-ХШ вв. - два яруса бревенчатых мостовых, расположенных перпендикулярно валу, по сторонам - остатки построек из сосновых бревен, причем нижние венцы были дубовые. Одна из построек сохранилась на шесть венцов и имела дверной проем. Дома отапливались глинобитными печами на столбовом опечке. Жилище XIII в. имело размеры 4,08 х 4,08 м. Выявленная в слое XII в. кузница имела размеры 3,4 х 3,5 м, в углу - печь-каменка на глиняной основе (рядом - "каменный ящик" (20 х 35х 20 см), сложенный из негодных жерновов). В заполнении кузницы - около полусотни железных изделий (наконечники копий и стрел, орудия труда - зубила и т.д.) (см. рис. 57). Выше - следы еще одной кузницы, сохранившейся фрагментарно. В раскопе, в слое XIII в. найдена шахматная фигурка — слон, вырезанный из костной ткани рога лося.

Южнее раскопа Л.В. Колединский разрезал вал, имевший основание 22 м, трижды подсыпавшийся, где вверху были найдены остатки постройки с развалом печи и изразец XVII в. с изображением герба Слуцка - "крылатый конь".

Шурф, заложенный за р. Бычок, выявил слой мощностью 3,4-3,6 м, датируемый XVI-XVII вв. Как видим, раскопки Л.В. Колединского 1985 г. представляют исключительный интерес, и нельзя не пожалеть, что они не были продолжены. Работы этого автора 1986 г. носили лишь "спасательный" характер, очевидно, на том месте, где слой должен был быть кем-то разрушен. На детинце было вскрыто 200 м^2, мощность слоя оказалась 3,4-3,8 м, в нем сохранилось древнее дерево: вскрыто 20 построек жилого и хозяйственного назначения, сохранившихся на 3-4 венца, уличная мостовая, дворы, замощенные деревом и огражденные частоколами. Площадь жилищ, как свидетельствует Л.В. Колединский, в слое ХП-ХШ вв. - 9-20 м^2. Они рубились из сосновых бревен, нижний венец - дубовый. Печи - глинобитные, основу которых составлял каркас из жердей, обмазанных глиной, периметр пода выкладывался из небольших камней. В жилище производственного назначения обнаружено обилие шлаков и около 20 криц весом 350-610 г.

Хозяйственные постройки имели площадь 4-11,5 м^2 (осина, береза). В некоторых расчищены

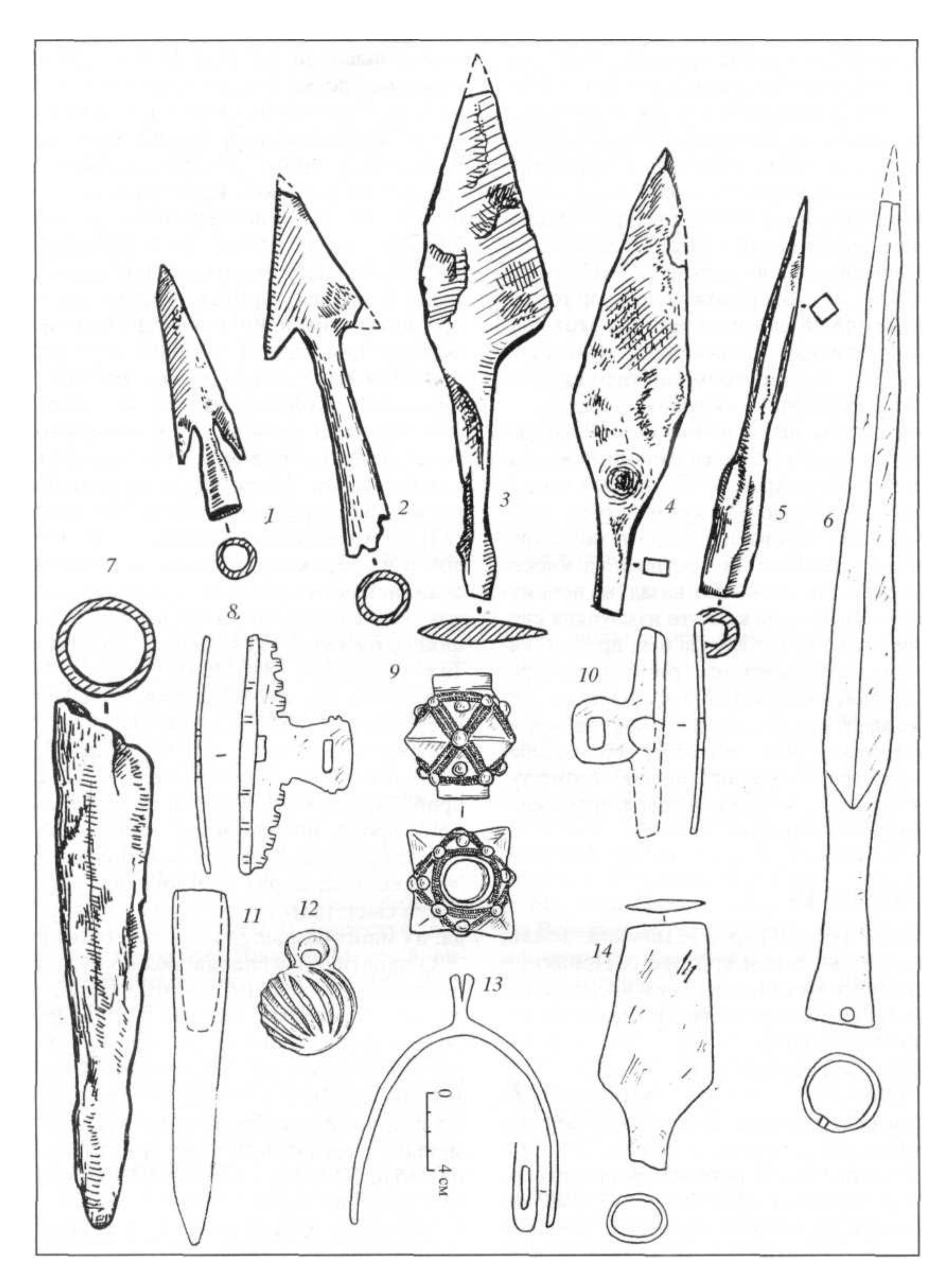


Рис. 57. Слуцк. Находки из раскопок Л.В. Колединского

следы пола на лагах, врубленных между вторым и третьим венцом. Обнаружена полностью сохранившаяся дверь. Уличная мостовая из досок и плах на лагах имела ширину около 2 м. Расчищены частоколы и плетни, дворовые вымостки, также выложенные на лагах.

Среди находок - булава, железный кистень, гиря безмена весом 2,4 кг, литейная формочка для отливки зерненых бусин, три шахматных фигурки: костяной король и деревянные ладья и пешка - все три в слое конца XI - начала XII в. Такие фигурки короля есть в Норвегии *(Калядйнскі,* 1995. С. 36).

Особый интерес представляют предметы, найденные на материке и, главным образом, в западинах культурного слоя. Они свидетельствуют, что на месте средневекового детинца в раннем железном веке на этой горе было небольшое поселение древних балтских аборигенов - фрагменты штрихован-

ной керамики, кельт, глиняные пряслица, и т.д. Автор раскопок сообщает интереснейшую вещь: оказывается, на детинце был домонгольский храм, выложенный из плинф, на цемянке, причем плинфа, по-видимому, перемежалась с известковыми камнями (гладко обтесанными?). Как свидетельствует Л.В. Колединский, все принадлежало кладке, аналогичной церкви Благовещения в Витебске 1140-х годов, как и Борисоглебской церкви в Новогрудке (*Калядзінскі,* 1995. С. 36). К сожалению, автор не сообщает, возможно ли найти на детинце этот уникальный объект, что было бы исключительно интересно - каждый новый домонгольский храм на Руси, и тем более в Белоруссии (!) - крупное событие.

Любопытно: как мы знаем, в Минске за 40-50 лет до этого Глеб Всеславич пытался силами чужеземных мастеров построить храм, который был вскоре заменен деревянным. Можно не сомневаться, что в соседнем Слуцке идея строительства на детинце храма (и тем более, каменного, в противоположность минскому, заложенному 35-40 лет назад, но почему-то недостроенному), пришла кому-то из слуцких князей, нам неизвестных. Слуцк всегда был прочно связан с Турово-Пинской землей, и строительство храма было осуществлено из плинф и камня, и, скорее всего, теми же мастерами, которые, окончив строительство в Витебске, затем - в Новогрудке, перебазировались по княжескому приглашению в этот турово-пинский город. Раскопки будущего, возможно, покажут, насколько мы правы.

Клецк (Клеческ)

Значительный город Турово-Пинской земли, Клецк расположен на левом притоке р. Припять - реке Лани. Летописи упоминают о нем впервые под 1127 г.: князь Вячеслав Ярославич посылается отсюда киевским Мстиславом Владимировичем в поход коалиции князей на "кривичей" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 297). Город, следовательно, был уже княжеским центром. Под 1142 г. сообщается о том, что великий князь киевский передает Клецк своему брату Святославу Ольговичу Черниговскому (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 312). Под 1146 г. мы узнаем, что по смерти Всеволода Ольговича киевского, Вячеславу возвращают Клецкое княжение, но в 1149 г. Юрий Долгорукий возвращает в Клецк Святослава Ольговича (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 330,364). На этом домонгольские сведения летописей о Клецке прекращаются. По списку городов "дальних и ближних" XIV в. он числится литовским городом (НПЛ, 1950. С. 476).

Детинец Клецка находится на возвышенности, где ранее было поселение X в. Он размещен на левой стороне р. Лань и исследовался археологами П.Ф. Лысенко (1961, 1966, 1967 гг.), М.А. Ткачевым (1983 г.) и В. С. Поздняковым (1988 г.).

В плане площадка детинца близка к кругу (90 x 100 м, площадь 0,75 га) и укреплена была валом высотой 2,5-3 м. **В XII-XIП** вв. вал был подсыпан до 3,5 м высоты (в некоторых местах - до 5 м). С напольной стороны памятник отделялся от основной территории рвом (рис. 56, *б).* Культурый слой на площадке достигает 5 м, но древесных остатков не содержит и очень беден находками. Судя по керамике, детинец возник в XI в. *(Лысенко,* 197'*4.* С. 164). Найденные предметы, как правило, мало отличаются от тех, что находят в других городах - пряслица, стеклянные браслеты, замки, ключи и т.д. Были исследованы остатки ювелирной мастерской первой половины **XIII** в. (собрано 3,5 кг необработанных кусков янтаря). В окольном городе, который с трех сторон окружал детинец, а с напольной стороны был зафиксирован ров, культурный слой достигал 0,6-1,2 м. Здесь, как и на детинце, первоначально было неукрепленное поселение. Позднее **(XII** в.) и здесь был сооружен вал. Обилие находок и их характер позволяют считать, что здесь селились ремесленники. Среди уникальных находок отметим перстень **XII** в. с изображением грифона *(Лысенко,* 1974; *Пазнякоў,* 1993. С. 329, 330, Ткачоў, 1993. С. 330-331).

Не приходится сомневаться, что на детинце жили клецкий князь и его обслуга, здесь безусловно была построена, вероятно, из дерева, православная церковь, в которой молился князь с семьей и своими приближенными, дружиной и пр. На посаде-окольном городе, по-видимому, жили ремесленники, о чем свидетельствуют соответствующие находки.

Город был окружен многочисленными селами, о чем свидетельствуют скопления курганов, правда, их много меньше, чем возле соседнего Слуцка.

О занятиях населения можно судить по многочисленным находкам: долото, топор, замки, ключи, удила, стрелы, сумица и т.д. Определенную роль в жизни горожан играли скотоводство (54% костей) и охота (45,7% костей). По определению В.В. Щегловой (1969. С. 409 и ел.), в охоте отдавали предпочтение бобру (23,8%) и косуле (23,8%), меньше охотились на лося (19%) и еще меньше - на кабана (14,3%) и зубра (14,3%). Разводили рогатый скот, лошадей.

В раскопках найдены зерна пшеницы, овса, ржи, ячменя, гороха, чечевицы, конских бобов. Однако с уверенностью говорить, что жители Клецка занимались сельским хозяйством, нельзя *(Лысенко,* 1974. С. 164).

Как видим, к сожалению, скромные материалы раскопок в Клецке не дают возможности делать какие-либо ощутимые научные обобщения.

Берестье

Древний турово-пинский город Берестье (Брест) расположен в юго-западной части современной Белоруссии при впадении ручья Муховца в Западный Буг. Остатки древнего города длитель-

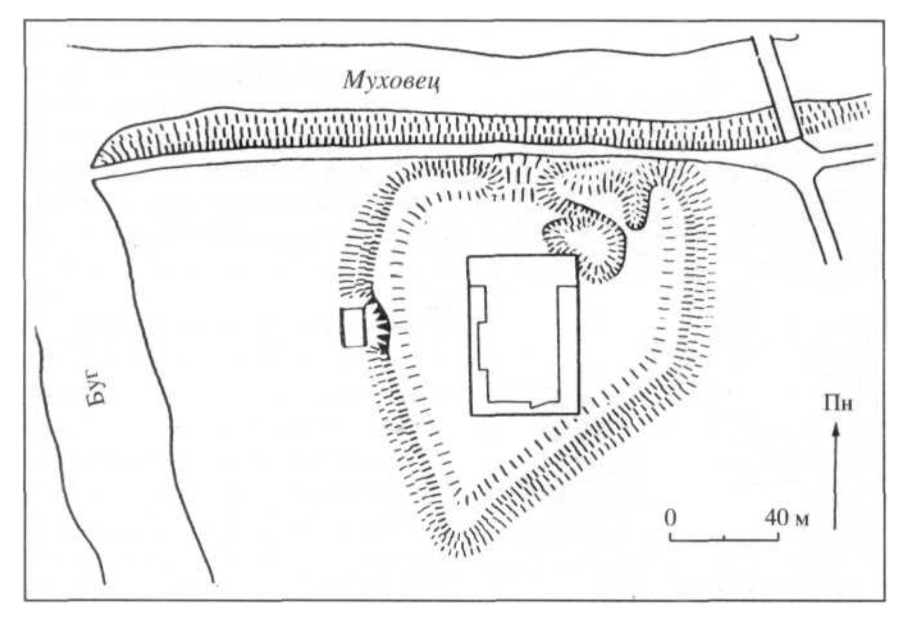


Рис. 58. Берестье. План детинца

но исследовались белорусским археологом П.Ф. Лысенко, издавшим о нем капитальный труд, что избавляет нас от детального описания всего, что связано с его политической историей {*Лысенко,* 1985). Укажем, что город впервые упоминается в летописи под 1019 г.: разбитый князь киевский (а ранее туровский) Святополк Владимирович ("Окаянный") бежит от Ярослава в Берестье (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 132). Этот западнорусский город, видимо, был самым последним перед польской границей (дело в том, что Святополк бежал в Польшу). Второй раз читаем о Берестье под 1022/23 г.: на этот город идет Ярослав Мудрый (видимо, в нем укрепились поляки - ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 134). Фигурирует город и дальше в летописях (см.: *Лысенко,* 1985. С. 17 и ел.). Во второй половине XII в. на Берестье распространяется власть галицко-волынских князей. В 1149 г., потерпев поражение в борьбе за киевский стол, Изяслав Мстиславич возвращается во Владимир-Волынский, а Владимира переводит в Берестье {*Лысенко,* 1985. С. 19). Город, близкий к границе, постоянно оказывается в сфере военных действий. После ухода татар князья Романовичи возвращаются в Берестье (Даниил Романович спасался в "уграх")" и "не возмогоста (к Володимиру. *-Л.А.)* идти в поле, смрада ради и множьства избьеных, не б-Б бо на Володим-вр-Б не осталъ живыи, церкви святой Богородици исполнена троупья..." и т.д.[30]

Место расположения древнего детинца Берестья ранее было неизвестно. Ю.А. Егоров (1954. С. 82) полагал, что город Берестье находился где-то на островах у впадения Муховца в Буг. Ю.В. Кухаренко был ближе к истине, предположив, что город был возведен на том острове, где возникла знаменитая ныне Брестская крепость, и тем самым был полностью разрушен {*Кухаренко,* 1961. С. 19). Определить место расположения Берестья удалось П.Ф. Лысенко в 1964 г. {*Лысенко,* 1965). Выяснилось, что древний город находился на правом берегу р. Западный Буг у впадения левого рукава р. Мухавца. Здесь находился пятиугольный бастион Волынского укрепления, окольный же город - на острове между рукавами того же Муховца. Археологические материалы 1968 г. полностью подтвердили предположения исследователя. Археологические работы следующего года выявили мощность культурного слоя - 3,3—4,9 м, как видим, он был значителен. Хорошая сохранность дерева позволила выделить девять строительных ярусов[31].

Последующие сезоны (1970-1973) позволили выявить постройки XIII в., сохранившиеся на 9-12 венцов! Были расчищены остатки 25 жилых и хозяйственных сооружений и две уличные мостовые. Работы показали, что в северной части подобный культурный слой был еще большей мощности - 7 м.

Как определил П.Ф. Лысенко, детинец Берестья имел треугольную форму и с напольной стороны был огражден валом (рис. 58). Это типичное мысовое городище домонгольской Руси. Культурный слой памятника удалось разделить на шесть строительных стратиграфических слоев. Постройки, расположенные над материком, относились ко

[30] Эта фраза, по недоразумению, связана П.Ф. Лысенко с Берестьем, хотя она связана с полем у Владимира-Волынского, куда направлялись князья от Берестья. Дальнейшее заключение автора, таким образом, отпадает: мы не знаем, нападали ли татары на Берестье (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 788; *Лысенко,* 1985. С. 21).

[31] По окончании работ П.Ф. Лысенко (1985. С. 62-173) выделил 13 строительных ярусов.

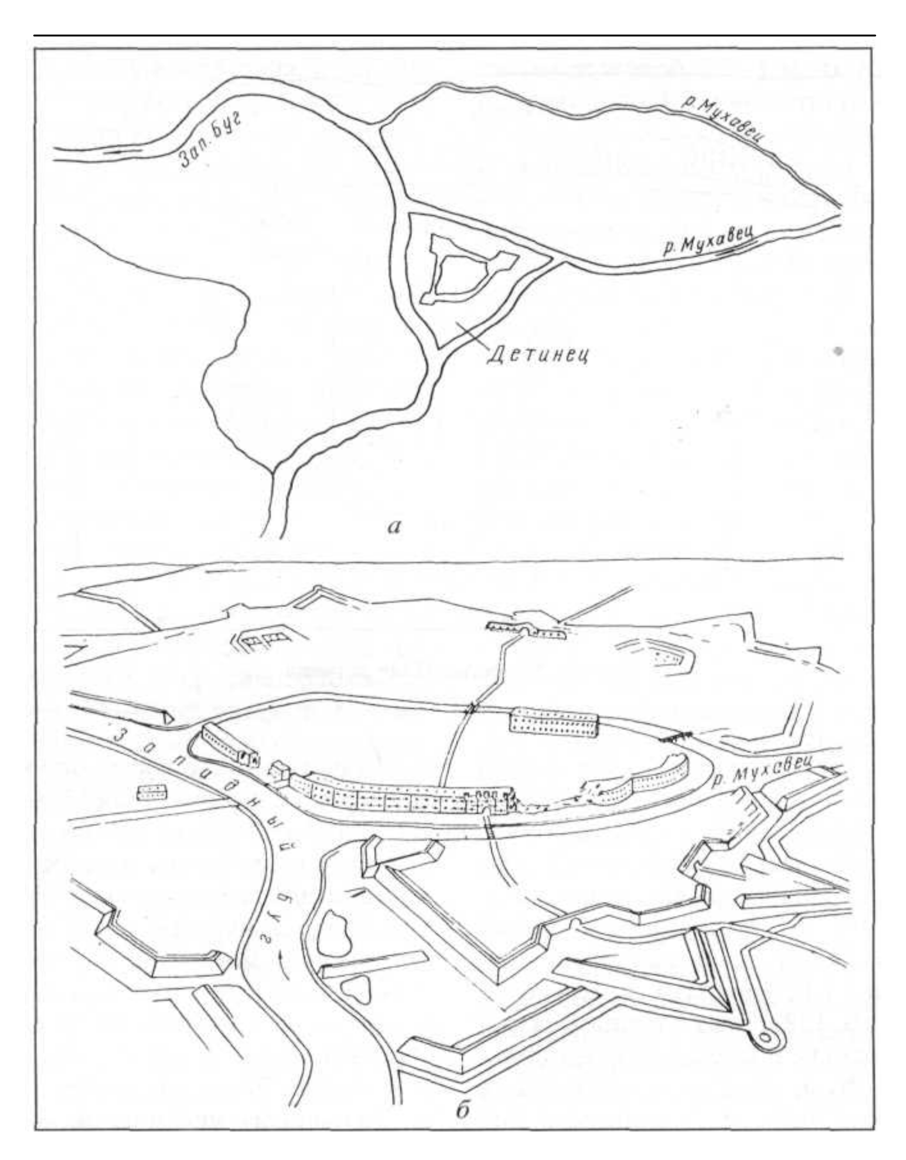


Рис. 59. Панорама Брестской крепости (по: *Лысенко,* 1985)
а - местоположение детинца древнего Берестья; *б* - современный рельеф на месте древнего Берестья

второй половине XII в. Исключительная особенность этих сооружений позволила автору раскопок считать, что это были специальные постройки, которые служили особым средством для повышения уровня поверхности земли во избежание наводнений (рис. 59).

Древнейшая застройка детинца, как обычно, была наименее интенсивной. Однако уже во втором строительном периоде она возросла вдвое. В XIII в. большая загрязненность улиц потребовала прокладки первых бревенчатых мостовых, которые, между прочим, прошли по остаткам более ранних жилых и хозяйственных построек. В городе, таким образом, появилась "рука", наметившая первую, сравнительно строгую планировку застройки, что очень важно. Начало действий этой "руки" автор датировал первой четвертью XIII в. К этому же времени относилась первая зафиксированная археологом городская усадьба (жилая постройка, навес "для скота", скотный двор - *Лысенко,* 1987. С. 16). В остальной части раскопанной площади были выявлены на этом уровне остатки домов, хозяйственных построек и т.д. Впервые использовались, по-видимому, дворовые настилы. Исключительные условия, в которых находилось городище, объясняет особую плотность застройки детинца. Регулировка застройки осуществлялась системой улиц, межуличное пространство застраивалось в 3^ ряда. Все постройки небольшие, однокамерные, срубленные в обло. При дальнейших раскопках выяснилось, что основная часть культурного слоя состояла из 13 строительных ярусов. Причем застройка отличалась "высокой стабильностью" {*Лысенко,* 1985. С. 173). "При столь высокой плотности застройки, - писал автор раскопок, - не могла сложиться усадебная система застройки с приусадебным участком и комплексом хозяйственных построек при одном жилище и за одной оградой. Большинство вскрытых имело жилое назначение *(\)*"{*Лысенко,* 1985. С. 176).

Блестящая сохранность всех выявленных построек при обилии венцов в каждой позволил детально изучить строительное искусство жителей детинца (что обычно на других памятниках не удается сделать). Обилие дверных полотен дало возможность вычислить их высоту и представить высоту дверных проемов[32]. Средняя высота дверей - 108-112 см. Две самых высоких двери (слой XIII в.) - 127 и 141 см.

Разобрав все это, П.Ф. Лысенко переходит к разделу "Материальная культура" (точно все предыдущее, что он описывал - не "материальная культура") и детально описывает найденные бытовые предметы. Количество этих находок, не приходится сомневаться, в таких широкомасштабных раскопках велико, и картину жизни древнего города они полностью дают. Жители занимались, судя по найденным орудиям труда, примерно тем же, чем занимались жители и других средневековых городов. Круг найденных вещей весьма характерен и нового не так много. Следуя за автором, можно утверждать, что в городе существовало железообрабатывающее производство, сырьем для которого, по-видимому, как и везде на синхронных объектах, служило железо, добываемое из местных болотных руд, чем, как обычно, занимались вне города. Судя по деревообрабатывающим инструментам, существовали и ремесленники этого дела. Какое-то место у горожан занимало и земледелие (орудия сельскохозяйственного производства). Автор раскопок утверждает, что существовало и ювелирное ремесло, о чем свидетельствует, как он считает, "инструментарий ювелира" *(Лысенко,* 1985. С. 205).

Оружие играло в быту брестского горожанина заметную роль: найдены копья, стрелы, мечи, булавы, и т.д. Железные и костяные наконечники стрел для столь обширной площади археологического исследования найдены в небольшом количестве - всего 21 наконечник стрел лука и арбалета, {*Лысенко,* 1985. С. 219), вместе с тем граница между княжествами была весьма близкой! Княжеские набеги не заставляли себя ждать. Обилие шпор, стремян, подков, скребниц, удил - все это свидетельствовало, что конями пользовались широко.

Ювелирными изделиями тоже пользовались, правда, утверждать, что все это производилось на месте, невозможно. Среди редких находок отметим серебряный колт из слоя конца XI - начала XII в., аналогия которому происходит из слоя XI в. Новгорода *(Седова,* 1981. С. 18, рис. 5, *1).* Много

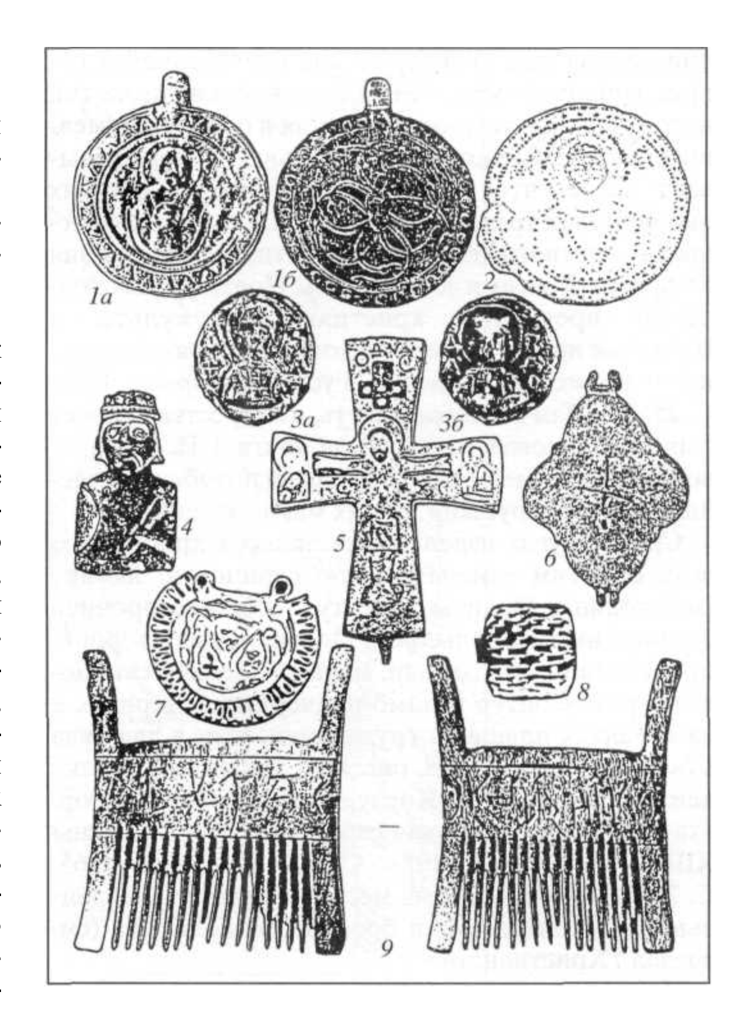


Рис. 60. Берестье. Находки из раскопок П.Ф. Лысенко (1985)
1а, б - свинцовый амулет-змеевик; *2* - свинцовый образок с изображением Богородицы; *3а, б* - свинцовая печатка; *4* - шахматная фигура; *5, 6* - кресты-энколпионы; 7 - женское украшение - колт; *8* - дреговицкая бусина; 9 - гребешок с алфа-. витом

других женских украшений - височные кольца, серебряные бусы, перстни, браслеты и т.д. (рис. 60). Не обойдем и предметов, связанных с христианским культом. Здесь прежде всего упомянем бронзовый четырехконечный энколпион с расширяющимися концами, найденный при разработке шурфа в слое, как свидетельствует автор, XIV в. На лицевой стороне черновое изображение распятия с Богоматерью и Иоанном Крестителем по сторонам. Прямых аналогий этому кресту, свидетельствует автор, были неизвестны. Более отдаленные Г.Ф. Корзухина датировала XII в. *(Корзухина,* 1958. С. 133). "Расцвет древнерусской черни, - пишет наш крупнейший в этой области специалист Т.Н. Макарова (1986. С. 25), - относится к XII в. ... Кресты, исполненные в технике черни, часто отличаются большими художественными достоинствами и представляют громадный интерес для изучения иконографии христианских сюжетов на протяжении длительного периода и для истории прикладного искусства Византии в целом. Для нас

[32] Автор, к сожалению, не объясняет, как вышло, что культурный слой нарос вокруг двери столь высоко: как ходили в эти забитые землей входы? Не были ли эти "двери" и "проемы" сделаны в нижней части здания для входа в подпол? Не были ли эти строения "двухэтажными" из опасения наводнений, как и теперь строят на русском севере? Нужно не забывать: средневековый человек был ниже современного! На эти вопросы автор не дает ответа.

они важны как красноречивое свидетельство непрекращающегося в течение нескольких столетий использования техники чернения в областях, имевших постоянные контакты с Русью." Автор указывает далее, что "чернь появляется на русских энколпионах только в середине XII в., в эпоху расцвета черневого дела и повсеместного применения ее древнерусскими ювелирами. Поэтому изготовление предметов христианского культа в Византии не дает ответа на вопрос о путях проникновения техники черни на Русь" *(Макарова,* 1986. С. 25,26). Нам остается жалеть, что брестский крест был опубликован тогда, когда книга Т.И. Макаровой уже выходила в свет. Аналогий подобному изделию в Западнорусских землях мы не знаем.

Среди других изделий, связанных с христианством, отметим замечательную свинцовую иконку Богородицы Оранты, отлитую в односторонней форме с низким рельефом. После отливки хорошо проработаны лик, длани, напаяна мелкая свинцовая зернь. Контур и нимб подчеркнуты зернью, а на складках плаща на груди зернь идет в два ряда *(Лысенко,* 1965. С. 268, рис. 183). Аналогии иконке неизвестны. По Г.Ф. Корзухиной, отмечает автор, эта техника типична для середины XII - середины XIII в. *(Корзухина,* 1958. С. 133; *Лысенко,* 1965. С. 267). Несомненно, на месте отливались найденные в раскопках куски бронзового колокола (см. раздел "Христианство").

Интерес представляют предметы из стекла, и любопытно, что, несмотря на отсутствие на памятнике слоев X - начала XI в. (в гнёздовское время были особенно широко представлены бусы) бус на детинце найдено довольно много (к сожалению, автор расчленяет их не по форме, а по цвету без указания формы - *Лысенко,* 1985. С. 274, 275, табл. 50). По свидетельству исследователя, стеклянные браслеты, встречающиеся на памятнике, не могут быть использовваны для того, чтобы на основании подсчетов можно было делать выводы о хронологии памятника *(Лысенко,* 1985. С. 272).

Детальное описание находок в книге П.Ф. Лысенко освобождает нас от необходимости подробнее останавливаться на этом. К нашему сожалению, необоснованно краткое заключение (где даже не сообщается, когда же все-таки, по мнению автора, возник город, когда жизнь на нем прекратилась) книги П.Ф. Лысенко значительно затрудняет знакомство с изложенным там материалом. Тем не менее работа эта крайне важна. Белорусское правительство поступило правильно, законсервировав деревянные сооружения древнего Бреста и возведя над всем найденным обширный павильон[33].

[33] В данном изложении нами умышленно опущен небольшой раздел о торговле древнего Бреста: это было бы повторением всего того, что говорится на эту тему в отношении других городов Западной Руси.

Рогачев

Туровский город Рогачев расположен на Днепре, южнее г. Могилева.

Впервые он упоминается в Ипатьевской летописи под 1142 г., где сообщается о раздаче городов Всеволодом Ольговичем киевским. "Братия моя, возмите оу мене с любовию: Городечь, Рогачевъ..." и т.д. (ПСРЛ., 1962. Т. 2. Стб. 312). В 1180 г. сюда идет по пути в Киев Святослав Всеволодович, возвращаясь из похода на Друцк (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 621; см.: *Алексеев,* 1966. С. 280-282, рис. 73). Дальнейшие сообщения относятся уже к позднему средневековью: в 1592 г. на Рогачев и соседние города обрушился сильный страшный ураган (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 182), в 1595 г. литовское войско гналось до него за казаками (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 183), в 1534 г. "воеводы великого князя князь Федор Овчина съ товарищи воевали королеву землю: Речицу, Свислочь ... Рогачевъ..." (ПСРЛ, 1965. Т. 13. Стб. 83) и т.д.

Древний детинец Рогачева расположен на территории современного города Рогачева Гомельской области Белоруссии. Высокое «береговое плато, ограниченное течением Днепра и поймой Друти, образует узкий длинный мыс, на котором разместился современный Рогачев. Городище занимает оконечность мыса и известно местному населению под названием "Замковая Гора", "Замок королевы Боны" ... Мыс, на котором расположено городище, возвышается над прилегающей к нему поймой на 11-12 м." *(Лысенко,* 1974. С. 166, 167). От основного берега городище отделяется глубоким дугообразным рвом, но оборонительных сооружений не сохранилось. Горизонтальная площадка подтреугольной формы в восточной части имеет остатки фундамента "королевы Боны" (рис. 57, г). Культурный слой мощностью до 1 м органических предметов не сохраняет (за исключением кости). Предметы, найденные у материка, позволяют, по мнению П.Ф. Лысенко, датировать образование жизни на городище XI (его концом?) веком. На глубине четвертого штыка были найдены все основные фрагменты стеклянных браслетов *(Лысенко,* 1974. С. 169). На глубине 60 см превалирует керамика XV-XVI вв., а XII в., следует думать, соответствует четвертый штык - 60-80 см. "Исключительная бедность культурного слоя раскопа 1967 г. не дает возможности говорить об экономической жизни поселения на городище древнего Рогачева" *(Лысенко,* 1974).

Мозырь

Первое упоминание Мозыря мы находим в Ипатьевской летописи под 1155 г. Став великим киевским князем, Юрий Долгорукий "въда Изяславу Корческь, а Святославу Ольговичу Мозырь, и ту ouладивъся с нима, иде въ свой Киевъ" (ПСРЛ,

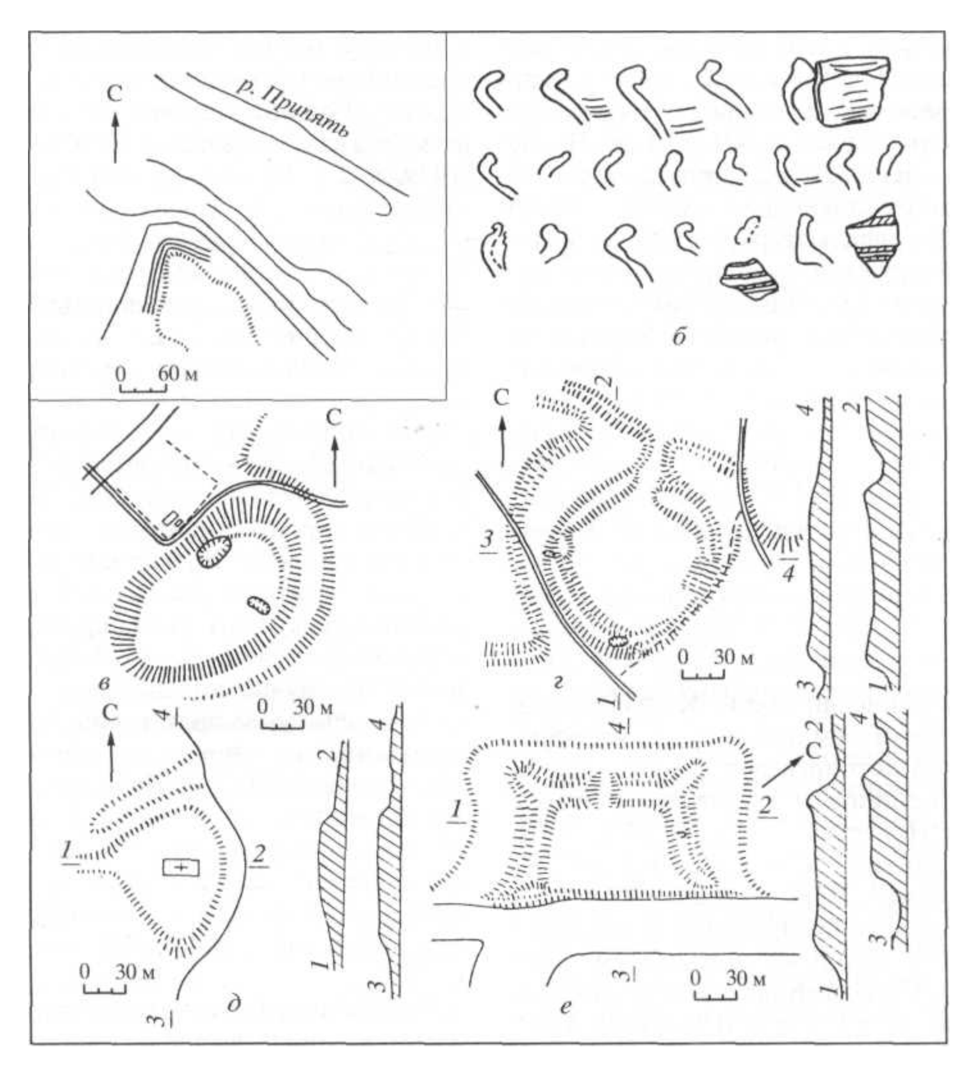


Рис. 61. Мозырь. План городища

1962. Т. 2. Стб. 482). Через некоторое время Мозырь, по-видимому, отошел в другие руки, во всяком случае новый киевский князь Изяслав Давидович в 1159 г. "посла къ брату Святославу Гл-ьба Ракошича, дая ему (Святославу. - *Л.А.)* Мозырь и Чичерскъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 498). Есть свидетельство, основанное на сообщении Ф. Нарбутта, о том, что литовский князь Скирмунт захватил Мозырь и Чернигов в 1174 г., что в 1227 г. город был разрушен татарами (см.: *Лысенко,* 1974. С. 171). О Мозыре более позднего времени сообщают и западнорусские летописи: под 1263 г., узнаем мы, "учул, ижь новый князь Радивил Жмойдского панства Новгородское, Берестейское, Подляшское и иныи, ажь до Мозыра князства руския опановал... (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 19-20), в 1272 г. "Скирмонт... взял Мозыр, потым Стародуб, Карачев, Чернигов..." (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 24), в 1507 г. князь Михаил Глинский "роспустил теж загоны по всей ЛИТВ-Ь, огнем и мечом плюндруючи, Туров и Мозыр взял и своими людми осадил" (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С 102) и т.д.

Город был присоединен к Литве, очевидно, при Гедимине. По "Списку городов дальних и ближних" (XIVв.), он принадлежал к городам русским.

Первым археологом, обследовавшим памятник, был Ю.В. Кухаренко (1961. С. 31), он указал: "Примерно в центре города на высоком мысообразном выступе коренного берега Припяти ... расположено городище. С напольной стороны оно укреплено высоким дугообразным земляным валом. Вал и площадка городища давно уже распахиваются ... Никаких вещей на поверхности площадки городища не обнаружено. Раскопки не производились". Исследователем была сделана, по-видимому, глазомерная съемка плана памятника *(Кухаренко,* 1961. Табл. 14,*10;* см.; рис. 61). Внимательнее подошел к памятнику П.Ф. Лысенко. Он указал, что памятник называется исстари "Спасская Гора". Это - мыс между двумя широкими оврагами, прорезающими "высокий коренной берег Припяти. Склоны мыса очень круты. Возвышаясь над днищами оврага и пологим склоном к реке на 15-20 м, городище неприступно с этих сторон" и т.д. *(Лысенко,* 1974. С. 172, 173). По подъемному материалу П.Ф. Лысенко датировал памятник XII в. и позднее. Площадка Мозыря в плане напо-

минает ромб (120-140 х 100 м). При работах на ней удалось собрать в культурном слое (мощность до 2 м) около 900 обломков стеклянных браслетов и около 100 шиферных пряслиц ХП-ХШ вв. Выше обнаружено много вещей, между прочим, горшковые изразцы второй половины XV-XVI вв., много бытовых изделий, среди которых найдены и домонгольские. Обнаружена камнерезная мастерская второй половины XII - начала XIII в. с обилием кусков необработанного шифера, 15 фрагментов шиферных дисков, очевидно, для жерновов. "Мозыр был промежуточным пунктом перевозки шиферных заготовок из Овруча и других центров обработки шифера" *(Трусаў,* 1993. С. 390; см. также: *Баравы, Саганович,* 1993. С. 389-390). Существовал ли Мозырь в XI в. или на рубеже XI-XII вв., еще предстоит установить.

Копыль

Древний турово-пинский город Копыль находится в северной части Земли и впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1274 г.: "Мстиславъ же бяшеть не притяглъ, пошелъ бяшеть от Копыля воюя по Полесью..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 873) - это луцкий князь Мстислав шел на Новгородок Литовский. Присоединение Копыля к Литве, как и всего Полесья, произошло, как думает Лысенко (1974. С. 173) при Гедимине (ум 1341). Поздние Западнорусские летописи упоминают Копыль даже раньше - под 1263 г. (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 20, 71 и др.).

Копыльское городище находится на территории современного городского поселка Копыль (райцентр Минской обл.) и именуется "Замок", "Замчище". По свидетельству П.Ф. Лысенко (1974. С. 173), памятник находится на ледниковом останце "над глубокой долиной р. Мажи" и имеет высоту 11-12 м. "Довольно правильная эллипсоидная (в плане) форма городища заставляет предполагать искуственную подправку ледникового останца. Городище имеет высокие и крутые склоны. К северу от него протекает река, с востока и юга - широкий (18-20 м) и глубокий (2,4-4 м) ров отделяет его от высокого берега. Площадка городища имеет размеры 60 х 100 м." *(Лысенко,* 1974. С. 173). В северо-восточной части памятника заметен участок вала высотой 2,5 м. Памятник окружают могильники, один из них с кремацией и вещами X в. *(Лысенко,* 1974. С. 174).

Давид-городок

Давид-городок является чисто археологическим памятником - летописи (даже западнорусские) о нем молчат. Город находился в современном Столинском районе Брестской обл. Белоруссии, в 32 км к северо-востоку от Столина. По М.К. Любавскому, город был выстроен в XIV в. князем Давидом Дмитриевичем *(Любавский,* 1892. С. 23). Напротив, Роман Якимович связывал его строительство с князем Давидом Игоревичем *(Jakimowicz,* 1939. S. 27). Раскопки установили его более древнюю дату.

Первым археологом, начавшим копать Давид-городок, был польский археолог Роман Якимович. "В Давид-городке, находящемся на правом берегу Горыни, - писал он, - над водой находится весьма древняя Замковая гора - средневековое городище в поперечнике 150 м и 5-6 м высоты. ... Осенью 1936 г. при строительных работах на Замковой горе были обнаружены остатки хорошо сохранившихся деревянных построек. Лишь два человека в Давид-городке обратили внимание на эти открытия и поняли их научное значение, и Теофил Етсхин, учитель школы № 1, и сообщил..." *(Jakimowicz,* 1939. S. 7). На пространстве, выкопанном под фундамент здания, были выявлены 12 деревянных построек, стоящих весьма близко друг к другу и ориентированных вдоль "улиц-дорог с положенными на них деревянными настилами" *(Jakimowicz,* 1939. S. 9). Котлован требовался для сооружения новой церкви взамен горевшей. Р. Якимович проводил работы в 1937-1938 гг. "Была вскрыта значительная площадь городища, произведена прорезка траншеей всего городища, изучено строение оборонительных валов" *(Лысенко,* 1974. С. 119)34.

В 1967 г. работы были продолжены П.Ф. Лысенко, которые выявили много интересного. Памятник занимает округлый холм на берегу Горыни (рис. 56, а). Площадка 100 х ПО м была некогда обведена сплошным валом, от которого сохранились лишь остатки. По сведениям Р. Якимовича, в основании памятника некогда был довольно глубокий ров. В раскопе 1967 г. П.Ф. Лысенко удалось выделить в культурном слое пять строительных периодов ("стратиграфических" слоев). Как и в работах Р. Якимовича, застройка деревянными постройками оказалась очень интенсивной. Все сооружения были ориентированы углами по странам света *(Лысенко,* 1974. С. 126, 127, рис. 35). Большинство жилищ имели мизерные размеры, по сравнению с другими городами изучаемой территории - 3,2 х 3,6 м, что позволяет думать, что они были достаточно высоки, хозяйственные строения имели размеры 2,4 х 2,4 м и 2,5 х 2,9 м. Печи размерами 2 х 2 м занимали восточный угол жилья и были всегда глинобитными. Детинец ("Замковая гора") членился на несколько частей частоколами, ограждавшими усадьбы отдельных хозяев.

[34] Работы Р. Якимовича нашли небольшое отражение в популярной книге (1939). К сожалению, наступившая в 1939 г. война прекратила работы, и их публикация не осуществилась.

Работы Р. Якимовича проводились на месте позднейшей церкви, которой предшествовали церкви более ранние из дерева (возможно, и домонгольские). В связи с этим в раскопках находились и древние погребения в колодах. Р. Якимовичем было вскрыто 23 погребения (к сожалению, дневная поверхность их не была определена, и время их, следовательно, неизвестно).

Отдельные находки, происходящие из раскопок 1967 г., интересны, но типы их характерны для XII в. и более поздних напластований. В основном это - орудия труда, свидетельствующие о существовании на городище ряда ремесел, как и в других древнерусских городах. Это предметы железообрабатывающего ремесла, деревообрабатывающего производства и т.д. Немногочисленные предметы ювелирного ремесла позволяют представить дату основания города в самых общих пределах. Вещей ранее XII в. на памятнике не встречено *(Лысенко,* 1974. С. 130 и ел.). Город был основан в начале XII в. Давыдом Игоревичем, получившим его во владение в 1100 г. *(Лысенко,* 1974. С. 141).

Городские центры смоленских земель

Смоленск

Археологические раскопки, как мы говорили, показали, что в княжеском Смоленске первые культурные отложения относятся ко второй половине XI в. Более ранние напластования IX-X вв., о которых свидетельствует летописец, несмотря на энергичные поиски археологов, там не найдены, а более ранний летописный Смоленск находился у современной деревни Гнёздово в 16 км ниже по течению Днепра, где указанных поздних слоев нет и есть лишь ранние. Когда же начали возводить княжеский Смоленск, когда он превратился в мощную княжескую крепость? Попробуем этот начальный момент уловить по летописям.

Рассмотрим первые летописные упоминания города:

1. Смоленск - племенной центр кривичей (малое племя), возможно, племени воинственного и обширного (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 7).
2. 882 г. Он "велик людьми" и управлялся старейшинами. Плывшие мимо Аскольд и Дир не решились его взять (ПСРЛ, 1982. Т. 37. С. 18).
3. 882 г. Олег с громадным войском подчиняет его (ПВЛ, 1950. С. 20).
4. Владимир Святой сажает здесь сына Станислава (сведение - в ряде неглавных летописей, и его нельзя считать достоверным, - ПСРЛ, 1965. Т. 15. Стб. 113 и др.).
5. 1015 г. Глеб остановился у Смоленска "яко зримо" (ПВЛ, 1950. С. 82).
6. 1054 г. Он - центр Смоленской земли. В нем княжат сыновья Ярослава Мудрого (ПВЛ, 1950. С. 109).
7. 1078 г. Смоленск снова становится уделом, принадлежит Владимиру Мономаху и участвует в борьбе против "поганых" (ПВЛ, 1950. С. 132). Князь его еще слаб.
8. 1095 г. Давыд Святославич в Смоленске (его попытка перейти в Новгород не удалась) (ПВЛ, 1950. С. 150).
9. 1096 г. Горожане Смоленска настолько стали сильны, что не приняли Олега, шедшего к ним из Стародуба, и тот ушел в Рязань (ПВЛ, 1950. С. 151).
10. 1096 г. Олег Святославич, изгнанный из Черниговской земли, пытается вернуться к брату Давиду в Смоленск, но смоляне его отвергают, и он уходит в Муром (ПВЛ, 1950. С. 168).
11. 1097 г. На Любечском съезде Смоленск закреплен за Давидом Святославичем (ПСРЛ, 1843. Т. 2. С. 282).

Мы видим, что археологи не ошиблись: древнейшие слои на Смоленском детинце (и в Смоленске, утверждаем мы, вообще) относятся ко второй половине - концу XI в. *(Авдусин,* 1991. С. 7). В самом деле: в 1054 г., после смерти Ярослава Мудрого, здесь был утвержден его сын, началось массовое строительство города Смоленска и его крепости, видимо, силами переселенных сюда жителей гнёздовского Смоленска, который, как мы помним был многолюден[35]. К 1078 г., когда в нем согласился жить Владимир Мономах, крепость была уже хорошо укреплена, а к концу столетия она не только была мощной, но были сильными ее строители - горожане, принимавшие или не принимавшие в город князей и отказывавшие им даже в том случае, если "просителем" был родной брат смоленского князя! Не забудем, к тому же, что средневековый князь немыслим без дружины (в междугородних разъездах даже и довольно крупной). Дружину эту следовало где-то размещать со всем ее снаряжением и оружием (с возможными эксцессами дружинников с местным населением и т. д.) Все это, вероятнее всего, и было причиной нежелания горожан пускать в город брата своего князя, а раз "не пускали", то, следовательно, было уже укрепление в новом Смоленске, куда можно было "не пустить", т.е. смоленский детинец (новое свидетельство о его существовании в конце XI в. на горе над Днепром).

[35] На примере строительства Минской крепости мы знаем, что ее горожане-строители переселялись на новое место очень рано, ибо они-то и были основной строящей силой. Не удивительно, что они ехали на новое место (из гнёздовского Смоленска к месту княжеского Смоленска) с женами и детьми.

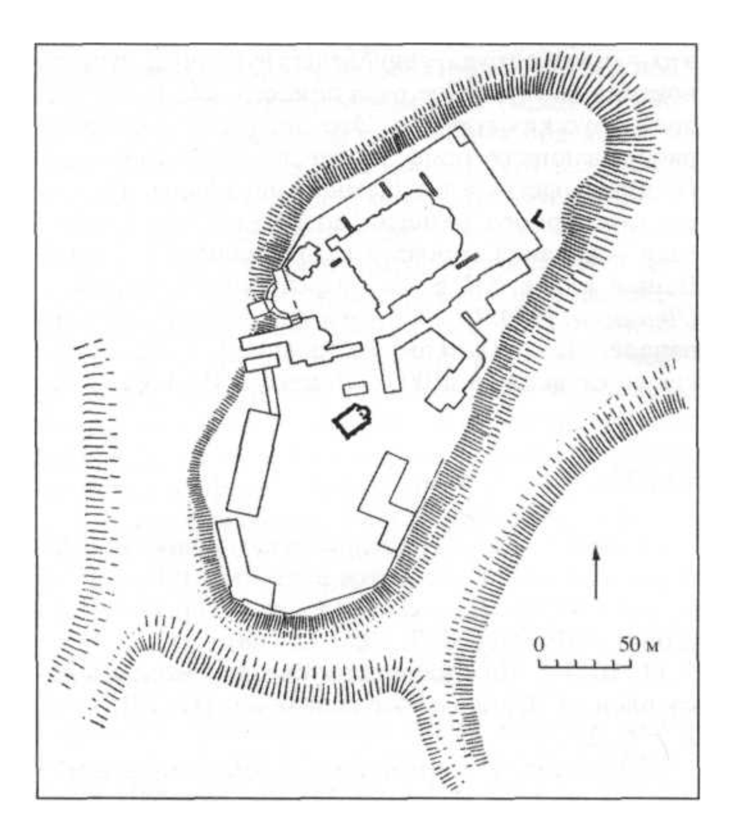


Рис. 62. Смоленск, детинец. Расположение древних памятников и археологических траншей

Как и в других исторических городах, в современном Смоленске древности находят постоянно: остатки церквей из плинфы, просто "россыпи" плинфы и цемянки (по сведениям Белогорцева (1952. С. 88-92), в городе имеется 46 таких мест), остатки деревянных строений и мостовых (см., например: *Правдин,* 1927) - один из таких настилов, по мнению И.М. Хозерова (Отклики и заметки, 1927) был отражен на плане Гондиуса 1634 г.), саркофаги из шифера *(Мурзакевич,* 1837. С. 307-309), гробы из колод (Цікавая знаходка, 1927), "каменные трубы" (найдены в 1889 г., см.: Архив Грачева // ОПИ ГИМ. Ф. 350. Д. 2. Л. 45) и т.д. Сообщалось и о находках отдельных вещей (Смоленский вестник. 1889. № 204, 205). В 1887 г. на Чуриловке, видимо, близ несохранившейся церкви Св. Кирилла была найдена часть энколпиона *(Писарев,* 1887). Большое количество свинцовых печатей жители находят весной в размыве Днепра. Классификация всего найденного в Смоленске еще ждет своего исследователя.

Смоленск княжеского времени располагался по обеим сторонам Днепра. На левом высоком берегу группируются холмы - Соборный (детинец города), Вознесенский, Казанский и Георгиевский, получившие наименования, как это видно, по расположениям на них церквей. Между холмами в Днепр стекают ручьи: Пятницкий, Воскресенский и Егорьевский. На правобережье в отдалении от берега возвышается пологая Покровская гора и текут ручьи: Городянка, Ильинский и Крупошевский.

Детинец. Мысль, что древнейшая часть современного Смоленска была на Соборной горе, где Владимир Мономах построил храм успения Богородицы (1101 г.), не нова. Смоленский краевед И.И. Орловский (1903. С. 338) указал между этой горой и Троицким монастырем "Сухой ров", через который некогда, якобы, был перекинут мост. На этой горе еще в 1902 г. виднелись следы вала (с напольной стороны) - ныне лишь небольшое возвышение в южной части *(Орловский,* 1902. С. 3, 4; *Воронин, Раппопорт,* 1967. С. 287, 288) (рис. 62).

Археологические раскопки Д.А. Авдусина, Н.Н. Воронина, П.А. Раппопорта показали, что древнейшие отложения на Соборной горе после отложений VI-VIII вв., открытых Лявданским (1926. С. 199-209, 292), относятся к концу XI - началу XII в. *(Авдусин,* 1957а. С. 36; *Воронин, Раппопорт,* 1967. С. 287). Дискуссия о том, была ли Соборная гора древнейшим детинцем, против чего неоднократно возражал Д.А. Авдусин, уверенный в синхронности Гнёздова и Смоленска и, следовательно, надеявшийся когда-либо отыскать в Смоленске детинец IX в., не кажется после стольких лет раскопок в Смоленске основательной (см.: *Сапожников,* 1991. С. 50 и ел.). Сам же Д.А. Авдусин в конце жизни удрученно писал, опять исходя из чистого предположения (о IX в.): "вопрос о первоначальном месте Смоленска решен только в общем: в пределах Смоленской крепости. Место же, где находилось древнейшее поселение, более точно пока указать нельзя" *(Авдусин,* 1991. С. 10). Сейчас, как пишет этот же исследователь, известно, что «ни на одной из "гор" Смоленска нет культурного слоя не только XII в., но и вообще слоев домонгольского времени (кроме Воскресенской горы)» *(Авдусин,* 1991. С. 9). Это, как мы видели, не точно: слои эти есть на Соборной горе. Почему же ее нельзя признать детинцем древнейшего города, хотя это напрашивается само собой? Именно там и было древнейшее поселение, на котором Владимир Мономах в 1101 г. воздвиг церковь Успения Пресвятой Богородицы. На территории Смоленской крепости XVII в., где, как думает ученый, рано или поздно появится детинец IX-X вв., кроме Соборной и соседних гор, о которых мы говорили, других возвышенных мест для детинца нет. С этим следует смириться. Недаром на Соборной горе было не менее трех домонгольских строений: Успенский собор 1101 г., бесстолпная капелла 40-х годов XII в. *(Воронин, Раппопорт,* 1967. С. 298) и "княжеский терем" конца XII - начала XIII в., подклет которого найден в 1965 г. *(Раппопорт,* 1982. С. 88, 89).

Окольный город. Вопрос о местонахождении окольного города в Смоленске ставился уже давно. Как видно, уже из самого термина, это поселение было укреплено и должно было находиться около детинца и, следовательно, к югу от него.

Рис. 63. Смоленск. Гравюра 1627 г.

П.А. Раппопорт (1967. С. 100) предложил искать его на обширной площади, вытянутой в сторону южной стены крепости XVII в., правда, серьезно этого не обосновав. Получалось, что, если детинец имел площадь около 40 000 м^2 (2,5 га), то окольный город достигал 40 или даже 70 га. Иначе подошел к этому вопросу автор этих строк - он исходил из мысли, что, если при Мономахе и существовал у детинца окольный город, то, по-видимому, сразу за Сухим рвом (хотя, скорее это было просто селище). В 1135 г. этот "город" был уже мал: Ростислав Мстиславич Смоленский, очевидно, поэтому "устрой град великий Смоленскъ", как сообщает источник *(Щапов,* 1972в. С. 282. Прил.). Но, что такое "градъ великий Смоленскъ" при этом князе (ум. 1167)? На известном изображении Смоленска 1627 г. (рис. 63) еще СП. Писарев заметил вал, отсутствующий на рисунках начиная с 1637 г. (видимо, за прошедшее десятилетие вал этот был срыт). "Начинаясь на востоке у Зеленого ручья, писал этот неутомимый смоленский историк, - вал шел к западу приблизительно по теперешней улице Козловой Горе (Ленина), в Козловом Овраге он пропадал, а с другой стороны снова появлялся. Далее, пересекая улицы, он имел переправы для переезда (видимо, места проездных башен. *-Л.А.).* Дойдя до Почтовой площади (Ленина), он круто поворачивал к северо-западу ... и направлялся по окраине оврага за теперешнею Воскресенскою церковью (ул. Большая Воскресенская, ныне Войковская. - *Л.А.),* наконец, спустился к Днепру, к Пятницким воротам" *(Писарев,* 1894. С. 201). Здесь необходимо привести (к сожалению, устное) любезное свидетельство крупнейшего исследователя Смоленска и Смоленской земли Е.А. Шмидта, многолетние наблюдения которого над культурным слоем города привели его к важному заключению: домонгольские вещи и, в частности стеклянные браслеты, встречаются в Смоленске, начиная от берега Днепра, доходят до ул. Ленина. Улица Ленина -это та самая улица Козлова Гора, о которой писал СП. Писарев! Рассматривая вопрос об оборонительных сооружениях Смоленска до постройки крепости начала XVII в., касаясь при этом древней топографии города, Н.В. Сапожников писал: "В литературе по истории Смоленска сложилось мнение о том, что территория, прилегающая к Соборной Горе, является местом окольного города" и ссылался при этом на работы П.А. Раппопорта, В.В. Седова и мои. Далее он продолжал: «В связи

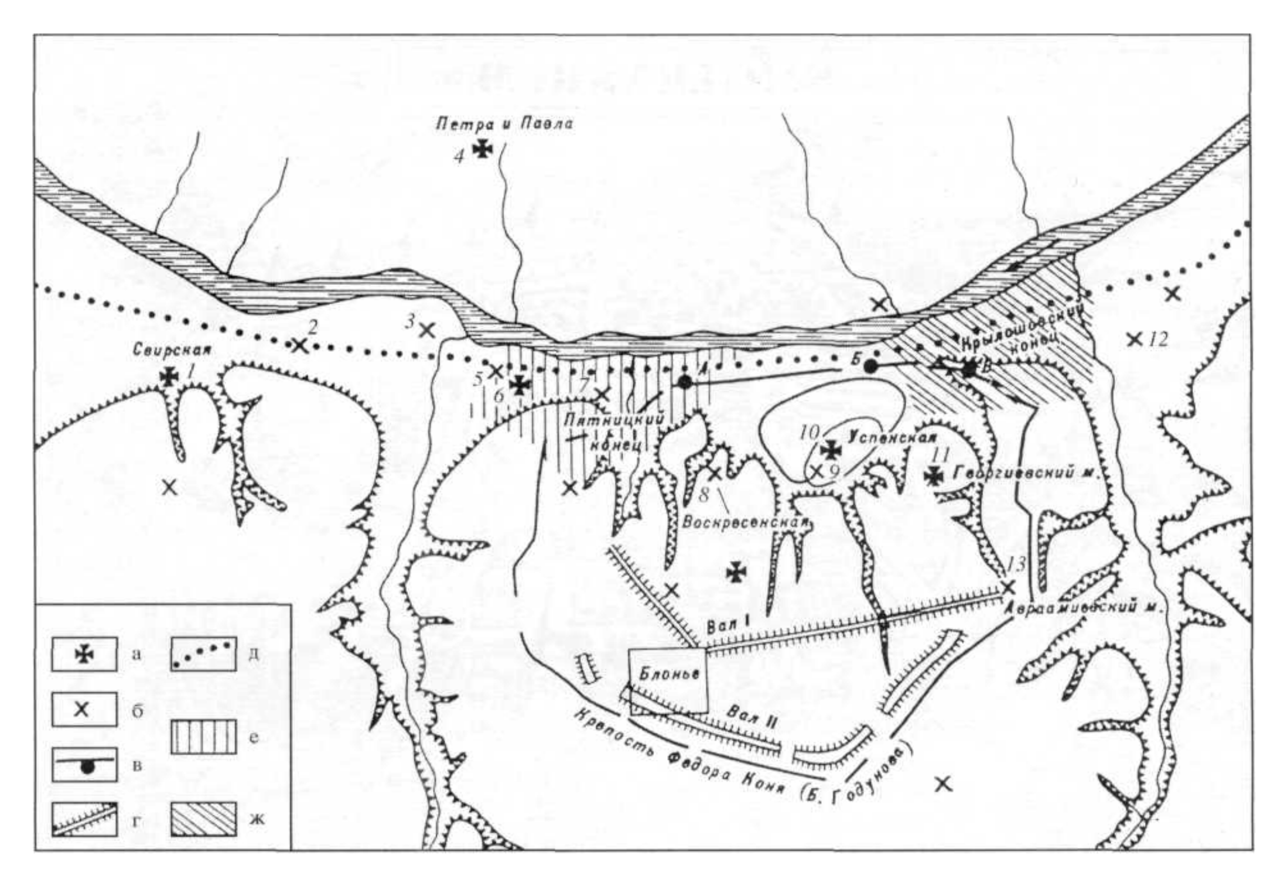


Рис. 64. Топография Смоленска (реконструкция автора)

Церкви: *1* - Михаила Архангела, 2 — Безымянная на Б. Краснофлотской улице, *3* - Св. Кирилла, *4* — Петра и Павла, 5 - "Латинская Божница" (ротонда), *6* - Иоанна Богослова, 7 - Параскевы-Пятницы на Малом Торгу, *8* — Безымянная на Воскресенской горе, 9 — бесстолпная капелла, *10* - собор Владимира Мономаха (1101 г.), *11* - "Терем", *12* - Безымянная на Большой Рачевке, *13* - Авраамиев монастырь *(9-11 -* на детинце). Условные обозначения: а — домонгольские церкви сохранившиеся; б — домонгольские церкви, известные по раскопкам; в - линия стен и башен крепости Бориса Годунова (зодчий Федор Конь), XVII в. (А - Пятницкая башня, Б — Крылошанская башня); г - валы окольного города Ростислава Смоленского (1135 г.) — внутренний, эпохи развитого средневековья (внешний); д - предполагаемая линия улицы Великой; е - Пятницкий конец; ж - Крылошанский конец

с тем, что пока невозможно с точностью определить место первоначального поселения города, понятие "Окольный город" для Смоленска является преждевременным» *(Сапожников,* 1991. С. 51). Ученик Д.А. Авдусина, он не смог преодолеть уверенных (но голословных) утверждений своего учителя о IX в., который рано или поздно найдется в Смоленске. С нашей точки зрения, окольный город в Смоленске найден: он был к югу от детинца - Соборной горы, его граница была укреплена Ростиславом и шла по ул. Козлова Гора и т.д., и эти укрепления сохранились до 1627 г. (см. рис. 64).

Что касается характера этих несохранившихся укреплений, то археологическое их исследование, сколько известно, не производилось (что было бы очень важным). Сопоставляя план, изображенный на упомянутой гравюре 1627 г., с изображением Смоленска на "Сигизмундовой медали" 1613 г. на взятие Смоленска в 1611 г., Н.В. Сапожников внес коррективы в трассировку вала. Он установил, что линия вала членилась оврагами на три участка. Один с напольной стороны защищал Козловскую гору, второй - Соборную гору и третий - северные части Вознесенской и Воскресенской гор. "Подобная трассировка вала, - писал исследователь, - кажется наиболее вероятной, так как в этом случае полностью учитывался сложный рельеф Смоленска и обеспечивалось более надежное прикрытие города с напольной стороны. Вместе с тем, - продолжал он, - использование естественных преград - оврагов - при прокладке вала упрощало и сокращало во времени работу по его возведению ... Георгиевский и Пятницкий овраги так глубоки и склоны их настолько круты, что они сами по себе служили прекрасным препятствием" *(Сапожников,* 1991. С. 53). Эти соображения автора, вероятно, верны, кроме последнего: 800 лет назад овраги имели наверняка совершенно иную конфигурацию и не были размыты, как теперь. Относительно датировки этого вала единого мнения нет. И.И. Орловский сначала относил его к IX в. *(Орловский,* 1902. С. 4), позднее связал его со строительством Ростислава Смоленского в XII в. *(Орловский,* 1909. С. 209). Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт (1979а. С. 79) пытаются связать его строительство с Мономахом (начало XII в.), мы придерживаемся точ-

ки зрения, уже высказанной И.И. Орловским о том, что вал сооружался Ростиславом, создававшим (укреплявшим?) окольный город. Особняком стоит предположение Д.А. Авдусина, что Ростислав лишь "достроил уже имеющиеся укрепления", они существовали якобы во время похода Аскольда и Дира и по размерам превосходили укрепления Киева *(Авдусин,* 1957а. С. 38; 1967. С. 83). Парадоксальность этих допущений очевидна. Ростислав Смоленский был посажен в Смоленске отцом в 1125 г. и сразу же начал свою кипучую деятельность, в частности, захватил северных радимичей (1127), устраивал свои домениальные владения, где возводил крепости Ростиславль и Мстиславль (см.: *Алексеев,* 1976а; 19806. С. 198), в 1136 г. он решает отделить свои земли от духовного владычества переяславского епископа и организует свою Смоленскую епископию *(Алексеев,* 19806. С. 43), участвует в коалиционной блокаде Новгорода в 1138 г. *(Алексеев,* 19806. С. 200) и т.д. Все это требовало строительства укреплений и создания своих резиденций и владений. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что именно в эти годы Ростислав принялся за возведение укреплений в своем городе - в Смоленске, где и был создан Окольный город. Дальнейшие археологические работы в Смоленске, надо надеяться, покажут, насколько наши предположения справедливы.

Особый раздел в работе Н.В. Сапожникова занимает изучение укреплений в прибрежной части Смоленска, к северу от древнего детинца. В самом деле: вал окольного города 1627 г. на плане полностью до Днепра нигде не доходит и, видимо, нарушен при возведении стен города Федором Конем (начало XVII в.). Однако детинец находится слишком далеко от реки, чтобы и на ее берегу не было укреплений. Об этом думал еще СП. Писарев, считавший, что укрепления здесь появились лишь в литовское время, а ранее их не было вообще *(Писарев,* 1894. С. 77; 1898. С. 5, 36), так же полагал и И.И. Орловский (см.: Сапожников, 1991. С. 55). Изучая письменные источники и логически рассуждая, Н.В. Сапожников приходит, по-видимому, к справедливому выводу о существовании со стороны Днепра в прибрежной части деревянных укреплений, которые тянулись вдоль левого берега Днепра от Пятницкого оврага на западе до Георгиевского на востоке, где были Пятницкие, Днепровские, Костеревские и Крылошовские проездные ворота *(Сапожников,* 1991. С. 55-57). Направление мостовых в раскопках Д.А. Авдусина на Армянской (Соболева) улице показало, что такие ворота существовали уже в начале XII в. *(Авдусин,* 1967. С. 85), т.е. при Мономахе или Мстиславе, "Игоревом внуке", который получил Смоленск перед Долобским съездом (1103 г.) *(Янин,* 1960. С. 117 и ел.; 1970. Т. 1. С. 23; *Алексеев,* 19806. С. 196). (Не эти ли князья и возводили там стены, а Ростислав в этом случае все стены заново перестроил?).

Как свидетельствует Н.В. Сапожников, опираясь на М. Меховского и С. Герберштейна, а также на документы XVII в., стены этой старой деревянной крепости состояли из городен и в прибрежной части, в частности, были сделаны из дуба, срубы заполнялись глиной, а в эпоху огнестрельного оружия получили и бойницы *(Сапожников,* 1991. С. 56).

Итак, до целенаправленных раскопок по трассе вала окольного города можно сказать, что по условиям местности, он не примыкал к территории у детинца - дугообразно, как это было, например, в Минске, Полоцке и т.д., а как бы окружал его полукольцом. Это несколько напоминает пинское городище, однако там детинец стоит ближе к реке Пине (что и обусловило "дугообразность" вала окольного города, что было невозможно в Смоленске - см.: *Лысенко,* 1999. С. 84, рис. 15). Эти слабые следы первой обороны города вне детинца были видны еще на плане 1627 г. (рис. 65), однако в эпоху позднего средневековья оборонное значение укреплений окольного города домонгольской поры было, несомненно, утрачено, и впоследствии на гравюры Смоленска они более не попали.

Перейдем к вопросу о втором вале Смоленска, описанном Н.Н. Мурзакевичем и в значительной степени сохранившемся до наших дней. По всем гравюрам XVI-XVII вв., вал этот шел внутри годуновского кремля начала XVII в., причем, как мы можем это видеть и теперь, у самых его стен. И.И. Орловский был, по-видимому, первым, кто понял, что вал принадлежит "литовскому времени" *(Орловский,* 1902. С. 7, 8). Местный архитектор И.Д. Белогорцев уверенно отнес его к укреплениям XII в. Ростислава Мстиславича *(Белогорцев,* 1963. С. 145), к нашему удивлению, этой же даты стали придерживаться Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт (1979а. С. 82, 83). Таким образом получалось, что вал у стен Годунова возведен в 1135 г., а внутренний вал окольного города, следовательно, построен Мономахом в самом начале XII в. Однако, как мне уже приходилось писать *(Алексеев,* 1977. С. 96), это означало бы, что стены Федора Коня (годуновского кремля) прошли по "живому" городу, так как с XIII по XVI в. Смоленск не мог не развиваться вширь. Вместе с тем, все рисунки Смоленска за пределами крепости никаких строений не изображают. Их могли не нарисовать, но отсутствие города за пределами крепости подтверждает опись 1609 г. Из 38 башен лишь 12, расположенных вдоль Днепра, т.е. как раз на местности исстари заселенной, имеют название, остальные 26 в описи названы только в восьми случаях либо когда они были проездными (Копытенская, Молоховская, Еленовская, Авраамовская), либо находились у какого-то известного здания (церкви, монастыря), урочища, возможно, местности (Стефановская, Городецкая, Заалтарная-Авраамовская, Лучинская). Между ними было

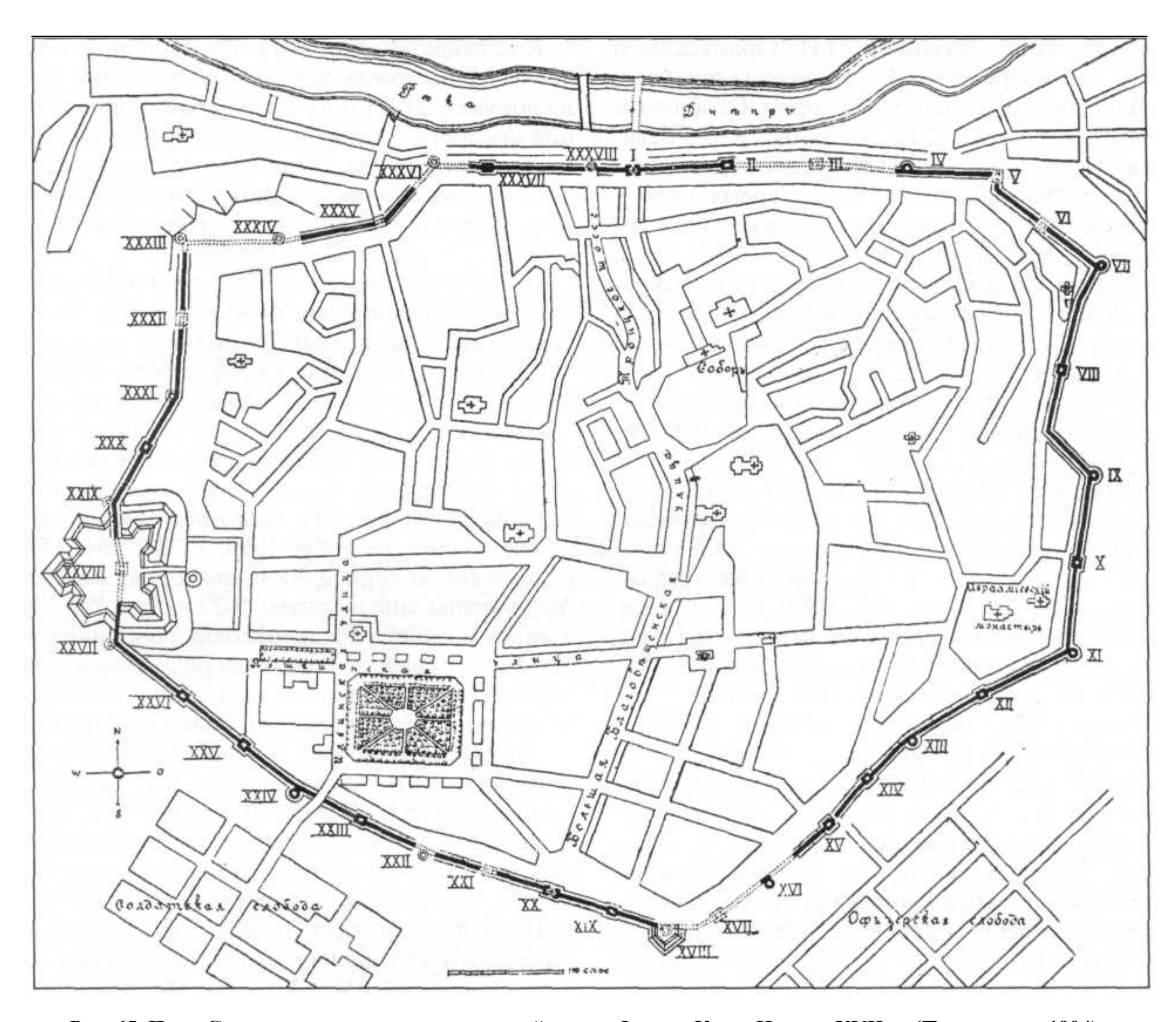


Рис. 65. План Смоленска в пределах крепостной стены Федора Коня. Начало XVII в. *(Покрышкин,* 1904)

18 башен, не получивших в начале существования крепости названий. Нам ясно: стены были проведены Годуновым по пустырям и башни были наименованы позднее[36]. Видимо, валы, включающие Блонье (вряд ли это название дошло бы до нас, если бы эту часть еще в XIII в. поглотил окольный город), были возведены в XV-XVI вв., а кремлем Ростислава следует признать лишь первую систему укреплений, ближайшую к детинцу, укрепленному, возможно, Мономахом. Это был "старый деревянный город", сохранивший это наименование до Годунова, когда объявлялось: "ездити в Смоленске в Старом городе от Крылошовских ворот на Пятницкие и от Днепра на Духовские ворота[37]. Кончанское деление было характерно для многих городов Руси. В Смоленске, как сообщают письменные источники, сохранилось два наименования местных концов - Пятницкий и Крылошан-

[36] Безымянные в 1609 г., башни со временем получили свои наименования, что и отразилось в более поздних описях: башня "меж Дучанской и Городецкой" (1609 г.) стала именоваться Поздняковской и еще позднее - Роговской; "Первая от Авраамиевых ворот" (1609 г.) - Долгочевской; "Другая от Авраамиевых ворот" (1609 г.) - Зимбулка и т.д. *(Покрышкин,* 1904. С. 16—18). Городецкая башня выходила, как предполагалось, на древнее городище *(Орловский,* 1902). Любопытно наименование Лучанская. К востоку от Смоленска, юго-восточнее Дорогобужа, на р. Угре по письменным источникам известен Лучин-Городок - ныне д. Городок, возле которой есть селище и курганы (селище - с домонгольской керамикой) *(Алексеев,* 1973. С. 49). Не туда ли выводила догодуновская дорога (ликвидированная его Кремлем) и сохранившаяся в названии башни? В этом случае и Городецкая башня могла бы быть в своем наименовании связана не с городищем, а именно с Лучиным-Городком (следов городища теперь нет).

[37] Исторические примеры показывают, что в тех случаях, когда глухие башни возводились на уже заселенной территории, они сразу же получали наименование, даже тогда, когда рядом не было объекта, по которому их можно было бы назвать. Так, в Московском Кремле, мы знаем, есть Безымянная Первая и Безымянная Вторая башни. Несмотря на "Безымянность", позднее они не были переименованы, ибо это и были их названия. В Смоленской крепости все не названные сначала башни, позднее, мы видели, названия получили. В этом отличие названий башен Кремля, стоящего в центре города, от башен крепости, охватывающей весь город, включая и необжитые места, как это было в Смоленске.

ский. Есть глухие данные и о третьем конце - Ильинском *(Арциховский,* 1945. С. 3)[38]. Пятницкая и Крылошанская башни кремля указывают, что первый конец лежал к западу от него, а второй - к востоку. Ильинский ручей - за Днепром. Видимо, там только и мог существовать Ильинский конец. Пятницкий конец, очевидно, примыкал к окольному городу Ростислава и включал торг. Он, можно полагать, был главным и самым заселенным. Судя по топографии местности, он, по-видимому, охватывал все низинное пространство на правом и левом берегах Пятницкого ручья и доходил на востоке до основания смоленского детинца.

Укрепления Пятницкого "Острога" видны на плане В. Гондиуса 1636 г. Он намного меньше по площади окольного города. Его вал, начинаясь от правого берега р. Чуриловки у ее устья, шел изгибаясь, к югу, к Богословской башне будущего годуновского кремля и далее по ул. Большая Казанская (Бакунинская) и "сливался с валом южной части крепости, образуя при этом внешнюю линию обороны города" *(Сапожников,* 1991. С. 57, рис. 3; 60). Вал Пятницкого острога удается датировать, как показал этот исследователь, на основании вятичского захоронения, обнаруженного в 1890 г. на Безымянной (у. Ногина) улице в западной части годуновских укреплений, которое по погребальному инвентарю датируется началом - серединой XII в. *(Белоцерковская, Сапожников,* 1980. С. 253). Сельское вятичское погребение на территории Пятницкого острога было совершено, несомненно, до возведения Пятницких укреплений. Это дало возможность предположить, что дата их возведения - не ранее начала середины XII в. *(Сапожников,* 1991. С. 61). Крылошевский конец занимал всю низину над Днепром, на левом его берегу. Он захватывал левый берег р. Рачевки и, возможно, заходил на ее правую сторону, где были домонгольские церкви на ул. Большой и Малой Рачевках, в Окопном переулке и т. д. *(Писарев,* 1894. С. 91; *Авдусин,* 19576; *Воронин,* 1965; *Воронин, Раппопорт,* 1969; 1971). Имевший, возможно, свою пристань, но удаленный от Торга, Крылошовский конец был заселен менее интенсивно, чем Пятницкий, и в XV в. там еще были пустопорожние места. В документе 1492 г. сказано: "...сверх этого позволено церкви и епископу иметь в городе 8 дворов с людьми ... и дано место в Крылошовском конце на пристане Днепра..." *(Писарев,* 1894. С. 53). Сравнительно поздняя постройка в Крылошовском конце домонгольских церквей (не ранее рубежа XII-XIII вв. - *Воронин, Раппопорт,* 1979а) видимо, тоже неслучайна: в интенсивности жизни он отставал от Пятницкого торгового.

Как датируются поселения, примыкавшие к детинцу? Дата окольного города неизвестна - целенаправленных работ почти не было. Лишь небольшая часть его была затронута раскопками Д.А. Авдусина на верхней террасе склона детинца (Верхне-Митропольская - Школьная ул.), но полученные здесь результаты нельзя, кажется, распространять на весь окольный город. Пятиметровый культурный слой здесь оказался старше XIII в. *(Авдусин,* 1957а. С. 39), и это не удивительно, ибо, по грамотам Смоленской епископии 1136 и 1150 гг., в XII в. какая-то часть холма (всего вероятнее, его террасы и склоны) была занята огородами. Важнее нижняя дата 7,5-метрового культурного слоя на Армянской улице (Соболева): слой здесь начал образовываться одновременно с детинцем - во второй половине XI в. Он был оставлен, следовательно, теми жителями, которые перешли под стены нового мощного укрепления из гнёздовского Смоленска.

Вдоль левого берега Днепра через городские концы к Смядынской пристани и монастырю тянулась длинная дорога-улица (в ряде других древнерусских городов - Новгород, Полоцк, Брячиславль и др. - это обычно были древнейшие улицы, именуемые "Великая": см.: *Колчин,* 1956. С. 47; *Алексеев,* 1966а. С. 139; 1960. С. 95). Этого наименования в Смоленске не сохранилось, но в документе 1495 г. говорилось: "Дали есмо к церкви Божой Пречистой соборной ... [место] от реки Большое Рачевы оба пол дороги Великое, что идет перевозу..." (АЗР, 1846. Т. 1, № 144). Если так именовалась восточная часть улицы (и у перевоза она не кончалась), то так она могла именоваться и западнее (ее поздние наименования: Богословская, Свирская, ныне - Б. Краснофлотская).

Чуриловка. Помимо двух небольших по площади концов, подобно псковским, тесно прижавшимся к реке *(Лабутина,* 1972. С. 265, 267 и рис. 1), в Смоленске была, по-видимому, еще одна густозаселенная территория, примыкавшая с запада к Пятницкому концу и, тянувшаяся, как увидим, к церкви Архангела Михаила и далее к церкви Бориса и Глеба на Смядыни. Западная часть этой территории позднее именовалась Свирской слободой, но при П. Свиньине еще помнили, что раньше слобода эта именовалась Чуриловкой *(Свиньин,* 1826. С. 310, 311). Речка Чуриловка впадает в Днепр почти сразу же за церковью Иоанна Богослова (XII в.), у ее устья возвышалась некогда домонгольская церковь, остатки которой были раскопаны П. А. Раппопортом и датированы X - нача-

[38] Как известно, кончанское деление характерно для северных областей Руси, на юге киевский Копырев конец, возможно, является исключением. В.Л. Янин и М.Х. Алешковский предположили, что в Киеве это - просто окраинный конец территории (1972. С. 56); правда, "Копырев" в тюркских языках - заносчивый, (богатый?) (см.: *Баскаков,* 1969. С. 18). Возможно киевским концом было и "Жидове" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 228). Все-таки, видимо, "концы" Киева с его происхождением не связаны, кончанское деление, как мы отмечали *(Алексеев,* 19806. С. 151, примеч. 61) - северная черта. Ловмянский связывает древнерусские концы с малыми племенами восточных славян *(Lowtianski,* 1967. С. 386).

лом XIII в. *(Раппопорт, Шолохова,* 1975). Говоря об этом памятнике, М.К. Каргер указал, что никаких данных о его наименовании нет, Н.Н. Воронин вслед за местными историками-краеведами называл эту церковь св. Марии (хотя подобного наименования церквей в домонгольской Руси не было). По моему предложению, П.А. Раппопорт стал именовать ее храм св. Кирилла, поскольку других церквей на р. Чуриловке не было, а Чурило по-древнерусски означало Кирилл. После разрушения этой церкви в XVI-XVII вв., приходским храмом стала, очевидно, церковь Архангела Михаила, выстроенная некогда на княжьем дворе князя Давыда Ростиславича. Название местности Кирилловка-Чуриловка стало забываться (слобода начала именоваться Свирской) и дошло только до начала XIX в., как уже говорилось.

Однако Чуриловка была не простым пригородом Смоленска. Это была совершенно особая местность, где, как увидим, селились на своих дворах смоленские князья. Чем это объяснить, как это произошло? Все началось со знаменитого князя Ростислава Мстиславича Смоленского, правившего в Смоленске в 1125-1154 и в 1155-1159 гг. *(Алексеев,* 19806, С. 198-210). Его резиденцией был, несомненно, смоленский детинец. Укрепив окольный город (1135?), отстроив церковь Спаса "верх Смядыни" *(Щапов,* 1972а) и учредив свою смоленскую епископию (1136), где новый епископ грек Мануил получил на детинце резиденцию и угодья ("огород с капустником" см. : ДКУ, 1976. С. 144), т.е. рядом с княжеской резиденцией, Ростислав в 1145 г. возводит в Смядынском монастыре каменный храм (НПЛ, 1950. С. 213), в эти же годы он возводит на детинце бесстолпную капеллу и еще какое-то теремное строение *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 91-108). 15 августа 1150 г. по какой-то причине на детинце происходит вторичное освящение собора Владимира Мономаха *(Щапов,* 1972а. С. 278), а 30 сентября весь детинец передается епископу (дата 6659 и 14 индикт указывают на ультромартовское исчисление, следовательно, дата 1150, а не 1151 г.)

Если учесть, что в домениальных владениях в южной части Смоленской земли Ростислав возвел две мощных крепости - Ростиславль (Рославль) и Мстиславль, - и иметь в виду другие действия князя по укреплению Смоленской земли, то можно думать, что князь предполагал, что его правление будет длительным. Неизвестно, знал ли он, укрепляя столицу, о грядущей опасности со стороны смоленских горожан, но мы видим, что постепенно передавая церкви старую крепость - смоленский детинец (в 1136 г. огороды и, возможно, некоторые строения у Успенского собора, а в 1150 г. уже весь холм детинца), Ростислав усиленно возводил здания (и, вероятно, стены) смоленской святыни - "второго Вышгорода", Борисоглебского монастыря на Смядыни и рядом еще один монастырь. Заложив в 1145 г. храм Бориса и Глеба, через пять лет, в 1150 г., т.е. когда храм был готов, Ростислав смог, видимо, наконец окончательно оставить детинец и переехать в новую резиденцию (ее филиалом, полагает Н.Н. Воронин, была еще и загородная, возможно, летняя резиденция в местах княжеской охоты *(Воронин, Раппопорт,* 1969. С. 200-211) и сохранившаяся церковь Петра и Павла, построенная этим князем за Днепром. "Загадочное" для ученых "освящение" епископского собора, мы видим, объясняется просто: это сделано было после ремонта собора при передаче всего детинца епископии.

Если наши соображения верны, то можно заключить, что к 1150-м годам смоленский князь покинул первоначальную свою резиденцию и, подобно киевским князьям в Вышгороде, полоцким - в Бельчицах, обосновался либо в самом Борисоглебском монастыре на Смядыни, либо вблизи от него. Наступала пора конфликтов князей с горожанами, и вне городских стен князь чувствовал себя много спокойнее.

Что же происходило в Чуриловке? Ростислав правил в Смоленске 35 лет, за это время у него родилось 5 сыновей, были, несомненно, и дочери, и внуки. Семьи сыновей, конечно, выделялись и получали наделы в городе и в княжестве (в Торопце, мы знаем, позднее сидели князья младшей линии Ростиславичей). Без сомнения, каждый Ростиславич, подобно упомянутому Давиду Ростиславичу, имел свой двор и в княжеской столице. Чуриловка была, по-видимому, той территорией вне пределов детинца и окольного города (они были давно застроены, да и селиться князьям, мы видели, там было не очень разумно), где князья и селились. Лучшее место занял, как мы видели, первенец Ростислава Роман. Его двор был у самого Торга. При выделении этого княжича городские конфликты еще князьям не угрожали. Двор Давида Ростиславича с церковью Михаила Архангела (для ее строительства, мы знаем, приглашались мастера из Полоцка) был уже значительно дальше от детинца и окольного города и ближе к Смядынскому монастырю. Ростиславичей, мы сказали, было пять и можно ожидать, что на Богословской и Свирской улицах (в древности Великой?) было еще три двора остальных княжичей и, вероятно, со своими особыми церквями, которые могли носить имена их святых. Это, конечно, чистое предположение.

Мы знаем крестильные имена некоторых Ростиславичей: Романа в крещении звали Борис[39], третьего сына - Глеб. Крестильные имена остальных Ростиславичей, может быть, прояснят новые сфрагистические находки. При Романе в Смядынском монастыре уже стоял Борисоглебский

[39] На Руси домонгольского времени "хорошо прослеживается устойчивое тождество имен Борис и Роман" *(Янин,* 1970. С. 31).

собор, что и объясняет, почему он назвал свою церковь в честь патронального святого его отца — Михаила Архангела. На интересующем нас участке в Чуриловской слободе было еще два храма - св. Кирилла (о нем речь была) и неизвестного святого на Свирской (некогда, вероятно, Великой) улице. В Борисоглебском монастыре была еще церковь св. Василия 1180-х годов, чуриловские же церкви построены в конце XII - начале XIII в. *(Раппопорт,* 1977). В Киеве в 1197 г. Рюрик Ростиславич построил церковь на Новом Дворе в честь своего патрона Василия. Не он ли построил в Борисоглебском монастыре на Смядыни храм св. Василия? Оставшиеся две церкви на Чуриловке было бы очень соблазнительно связать со строительством последних сыновей Ростислава (их крестильные имена неизвестны).

Первоначально храмы эти могли бы быть и деревянными... Но все это вероятные предположения, для которых серьезных оснований у нас нет!

Теперь нам надлежит познакомиться с археологическими исследованиями Д.А. Авдусина и его учеников рядом с детинцем, на Армянской улице (Соболева), вдоль которой в начале XVII в. прошла оборонительная стена Годунова - Федора Коня, оторвав ее южную часть от Днепра. К сожалению, эта часть города была превращена Д.А. Авдусиным лишь в полигон для обучения раскопкам студентов, "тогда как изучение исторической топографии большого города требует широкой систематической разведки на обоих берегах Днепра" *(Воронин, Раппопорт,* 1979а. С. 74).

Работы на Армянской (Соболева) улице были начаты Д.А. Авдусиным в 1951 г. и продолжались в последующие годы. Основываясь на работах на этом участке в 1964-1969 и 1971-1976 гг., изучение древних построек и усадеб Смоленска предприняла Н.И. Асташова. Ей удалось проследить 22 яруса уличных и дворовых построек, причем была создана дендрохронологическая шкала древнего дерева, охватывавшая период с 1064 по 1605 г. *(Асташова,* 1979; 1991). Оказалось, что первые жители здесь обосновались в то время, когда был построен Смоленск - в конце XI в. В середине XII в. появились первые уличные мостовые. Были исследованы несколько городских усадеб, судьбы которых прослеживались часто до XVII в. (усадьбы А, Б и др.). На усадьбе А в XI - первой трети XII в. обнаружены находки бытового характера, на усадьбе Б, судя по находкам, занимались металлообработкой, там изобиловали также отходы различных производств: отходы янтаря, перламутра, заготовки украшений в виде шарообразных бубенцов и т.д. Здесь же найдены предметы воинского вооружения (части кольчужного и пластинчатого доспехов, шпоры, булава, и пр. *(Асташова,* 1991. С. 36). В слоях XIII в. были найдены две берестяные грамоты. В усадьбе В (площадью 500-700 кв. м) в слое 70-х-90-х годов XII в. среди многочисленных находок было найдено 6 берестяных грамот (№ 5, 7, 10 - синодики, № 8, 9 связаны с финансовыми расчетами; грамота № 11, написанная «скандинавским младоруническим алфавитом, имеет следующий текст: "Вискар (Висгейр?) приобрел этот участок земли"». *(Авдусин, Мельникова,* 1985; *Асташова,* 1991. С. 42). Характер находок на усадьбе Б показал, что здесь жили достаточно зажиточные горожане Смоленска. Наиболее интенсивно усадьбы здесь функционировали в XII в.: "на XII в. [приходится] около 50%, к началу XIII в. это число уменьшается до 14%, в XIV в. - это 8,5%, и только в XV в. оно возрастает до 13,5%. На XVI в. приходится минимум найденных предметов - около 3%" *(Асташова,* 1991. С. 45). Исследовательница считает, что "расцвет и упадок этих усадеб связан с общей историей Смоленска. Сильный и богатый в XII в., особенно в его второй половине, город приходит в упадок в 30-е годы XIII в., что можно связать с мором 1230-1232 гг." {*Асташова,* 1991. С. 48).

Таковы в общих чертах выводы на основании раскопок Д.А. Авдусина на посаде у склона детинца. Работы, осуществленные за последние годы Смоленской экспедицией Московского университета, надо думать, вскоре будут опубликованы.

Дорогобуж

Интереснейшим археологическим объектом, все еще не оцененным наукой, является древний смоленский Дорогобуж, лежащий на левом берегу Днепра выше Смоленска. В летописях, трактующих события домонгольского времени, сведений о нем нет. Впервые он упоминается в так называемой дополнительной к комплексу Смоленских епископских грамот грамоте "О погородьи и почестье", которую удается датировать либо 1211-1218 гг., либо 1210-1217 гг., если учитывать поправку Бережкова *(Алексеев,* 19806. С. 24, 25).

Когда же город возник и почему назван этим именем? Как мы знаем, многие города Руси на севере повторяют названия южнорусских городов. Указав на такое повторение в Ростово-Суздальской земле, П.А. Раппопорт отметил, что они копировали наименования городов Переяславльской и Галичской земель, и это было связано "с Юрием Долгоруким, опиравшимся на поддержку войск Переяславльского княжества, где обычно сидел кто-либо из его сыновей, и на тесный политический союз с галицкими князьями *(Раппопорт,* 1959. С. 119). Так возникли названия суздальских городов: Переяславля Залесского, Галича, Звенигорода, Перемышля, Ярополча и Микулина. Аналогичное явление мы видим и в Смоленском княжестве, но наименования здесь заимствуются из других мест. Если более ранний Заруб повторяет

Заруб на устье Трубежа, то города середины XII в. повторяют названия городов на Стугне и лишь Дорогобуж - на Волыни. Последний весьма древен: как мы знаем, "дорогобужьци" упоминаются уже в Правде Ярославичей *(Тихомиров,* 1956. С. 46). Очевидно, были какие-то события, связывавшие смоленских князей с волынским Дорогобужем, и, отстраивая в Смоленской земле новые города, один из них на Днепре наименовали южнорусским названием. Что это за события и когда они происходили?

Не приходится сомневаться, что это - блестящий поход Изяслава Мстиславича, его брата Ростислава Мстиславича Смоленского и их дяди Вячеслава на Юрия Долгорукого в 1151 г., кончившийся позорным бегствам Долгорукого и его сыновей на р. Руть (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 434^38). Волынский Дорогобуж был связан с той же борьбой Ростиславичей с Юрием Долгоруким, причем дорогобужцы были всегда на их стороне (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 385). Дорогобужцы, как известно, встречали Изяслава с крестами (ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 410), Роман и Ростислав участвовали в походах Изяслава в 1151 г. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 423^41). Когда в очередной раз Дорогобуж был отнят у Изяслава Долгоруким, тот немедленно вызвал помощь из Смоленска, и в борьбе участвовали Роман Ростиславич и его отец Ростислав Смоленский. Оба они на Волынь теперь не ходили, но помогали Изяславу в Черниговско-Киевских землях. Возвратившись из южной Руси с победой над грозным Долгоруким, Ростислав, видимо, и решил новые крепости, которые он строил, назвать в память этой борьбы: в "окняженных" теперь Мирятичах к западу от Смоленска и к востоку от него, где на Днепре появился Дорогобуж. Так, при помощи цепи логических рассуждений мы получили дату построения Дорогобужа - середина XII в.

Однако, вернемся к Дополнительной грамоте. Там сказано, что (в 1211-1218 гг.) город вносил епископу "три гоны короткий, а почестья гривна и 5 лисиць" (ДКУ, 1976. С. 146). Что такое "гоны короткие"? В.А. Кучкин предложил читать "три куны короткие", имея в виду распространенные в это время полугривны (см.: *Алексеев,* 1980б. С. 183, примеч. 197). Но и это сомнительно: термин неизвестен, да и полугривны были уменьшены не только в длину, но и в ширину, скорей именовались бы "малыми".

Величина почестья с Дорогобужа несколько неожиданна: гривна и 5 лисиц составляют 112,5 гривны кун, и Дорогобуж, следовательно, платил самое крупное почестье. Почему? Земли вокруг Дорогобужа, судя по курганам, были заселены еще в XI в. С запада они граничили со Свирковыми Луками и "уездом княжим" - княжескими домениальными землями *(Алексеев,* 1976а. С. 55). Видимо, в 1136 г. с земель, где позднее возник Дорогобуж, дань не взималась и потому, что они также не были включены в княжеский домен. На детинце Дорогобужа, скажем, забегая вперед, находили плинфы от каменного храма *(Воронин, Раппопорт,* 1979б. С. 347), значит и там в домонгольское время существовала, как и в других домениальных городах - Мстиславле, Ростиславле, каменная церковь! Мы приходим к выводу, что Дорогобуж, подобно этим центрам, тоже имел такую же каменную церковь, отстроенную, несомненно, князем, и все это говорит о том, что и Дорогобуж был доменильным центром, где много служил смоленский владыка. Центр этот и платил ему крупное почестье за "честь" службы в соборе!

Дорогобуж "раскинут по отлогости горы на левом берегу Днепра и имеет крепость, защищаемую окопом из кольев и брусьев", - писал в 1661 г. А. Мейерберг (1874. С. 197). "Дорогобуж - город деревянный, в нем три замка: один на горе, а два под горою, и около среднего замка по обе стороны еще два малых замка, а около всего того города - ров земляной и палисады", - свидетельствовал в первой половине XVIII в. И.К. Кирилов (1977. С. 157). В начале XIX в. деревянных сооружений на детинце уже не было: Словарь Щекатова знает лишь "крепость городскую земляную" *(Щекатов,* 1804. Т. 1. С. 281).

Детинец Дорогобужа (есть сведение, что он именовался верхним Замком - Историко-статистические сведения..., 1860. С. 93, 94) расположен на левом берегу Днепра вблизи правого берега его притока Ардашевки (Ордашны). Долина, покрытая всхолмлениями, на которой стоит крепость, с востока омывалась еще вторым притоком Днепра - р. Дебрей, как значится на плане Дорогобужа конца XVIII - начала XIX в. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 20. Л. 2). По приказу Екатерины II в 1779 г. на детинце была выстроена церковь и дворец со службами. В 1860 г. там были возведены еще присутственные места и "два магазина провиантского ведомства" (Историко-статистические сведения..., 1860) (хотя в войну 1941-1945 гг. все это было разрушено), что не могло не нарушить культурного слоя памятника. Площадка детинца округлой формы (130 х 130 м) возвышается на высоту 21 м и сохраняет еще остатки вала по ее краю с напольной стороны. Въезд - с юга, где ныне имеется высокая дамба. В целом памятник напоминает городища в Торопце, Мстиславле и Ростиславле.

О "малых замках" И.К. Кирилова сведений нет. К детинцу примыкал некогда, по-видимому, посад (неизвестно, когда возникший) с церквями Параскевы Пятницы, св. Троицы, св. Бориса и Глеба и Покрова Богородицы. Все эти наименования встречаются и в домонгольское время, не исключено, что и посад возник в XIII в.

В июне 1972 г. экспедиция Л.В. Алексеева сняла инструментальный план дорогобужского городища (рис. 66). Был заложен двухметровый шурф.

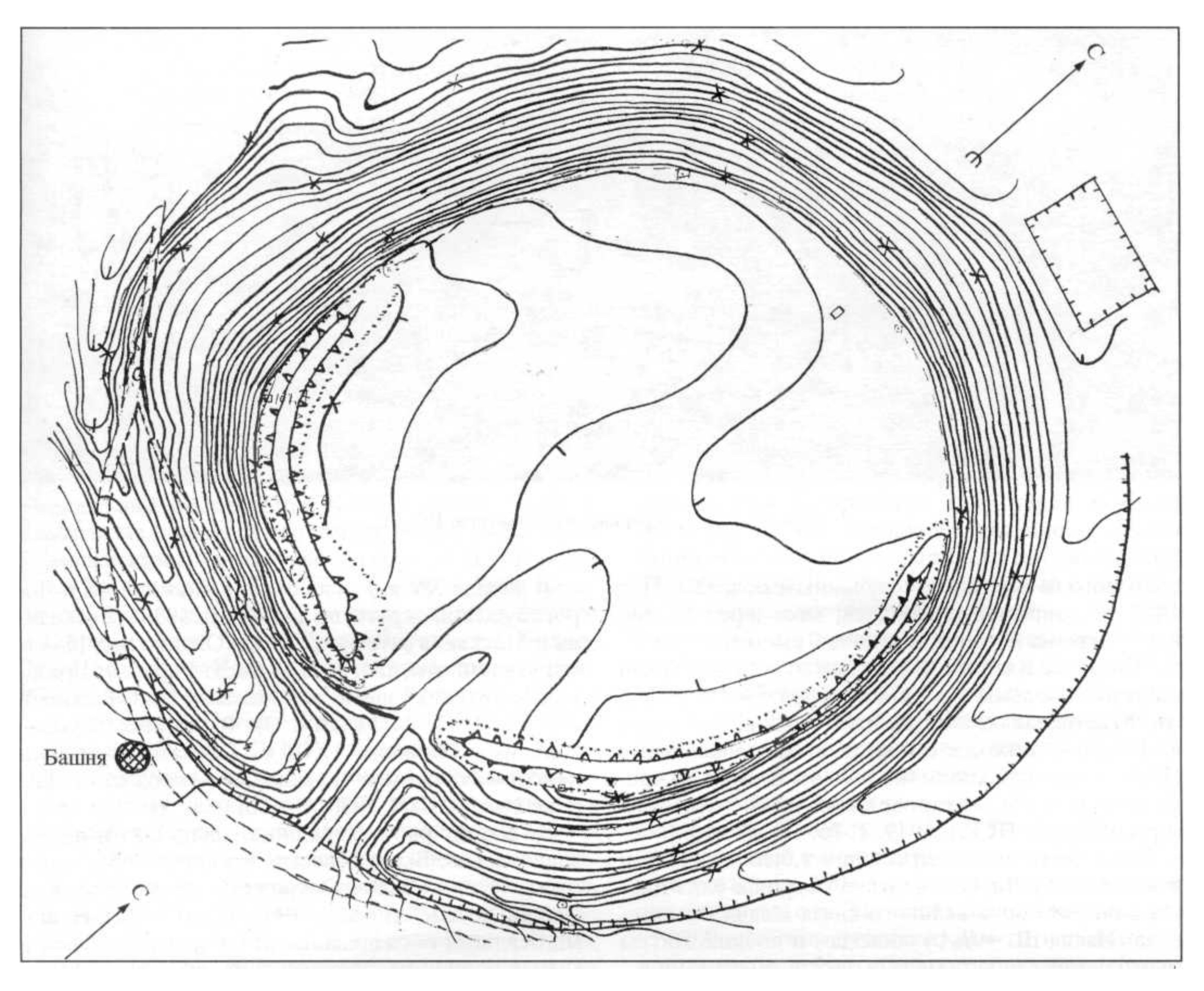


Рис. 66. Городище древнего Дорогобужа (Смоленская обл.) Топосъемка экспедиции автора

После слоя кирпичных строений XIX-XX вв. с глубины 1,1, 1,15 м слой начал темнеть, начала встречаться керамика. На 13-м штыке был обнаружен первый стеклянный браслет. Материк выявился на глубине 3,2 м - желтый песок. Самая ранняя керамика найдена на глубине 30-40 см выше материка. Ее датировала Г.П. Смирнова второй половиной XII в., что полностью соответствует нашим предположениям о времени возникновения Дорогобужа.

А.Н. Насонов связывал возникновение крепости Дорогобуж с походом Святослава Ольговича в верховья Угры в 1147 г., когда местность, принадлежавшая Смоленску, была опустошена. "С этой стороны, вероятно, и ранее грозила опасность, - писал он, - чем и объясняется построение восточнее Смоленска на Днепре крепости Дорогобуж и Ельны" *{Насонов,* 1951. С. 166). Это заключение, основанное лишь на логике, исходя из тонкого знания летописей, подтверждается, мы считаем, археологией - на 30-40 см выше материка была обнаружена керамика второй половины XII в., оставшаяся же часть культурного слоя, где не была обнаружена керамика, вероятно, отложилась в середине XII в., когда крепость по окончании ее постройки (в начале 1150-х годов) получила от Ростислава, как мы говорили, и свое наименование - Дорогобуж. Это были домениальные его владения. Город необходимо раскапывать!

Ельна

Древний городок Ельна находится в современной Смоленской области. Впервые он упоминается в дополнительной грамоте, приписанной к Уставу Ростислава Смоленского 1136 г., как мы показывали, между 1211 и 1218 гг., из которой становится очевидным, что Ельна - феодальный центр, выросший, вероятно, во второй половине XII в. на земле Дешнян Устава Ростислава, т.е. в самых верховьях р. Десны. Свидетельств летописей о сравнительно раннем существовании этого центра не

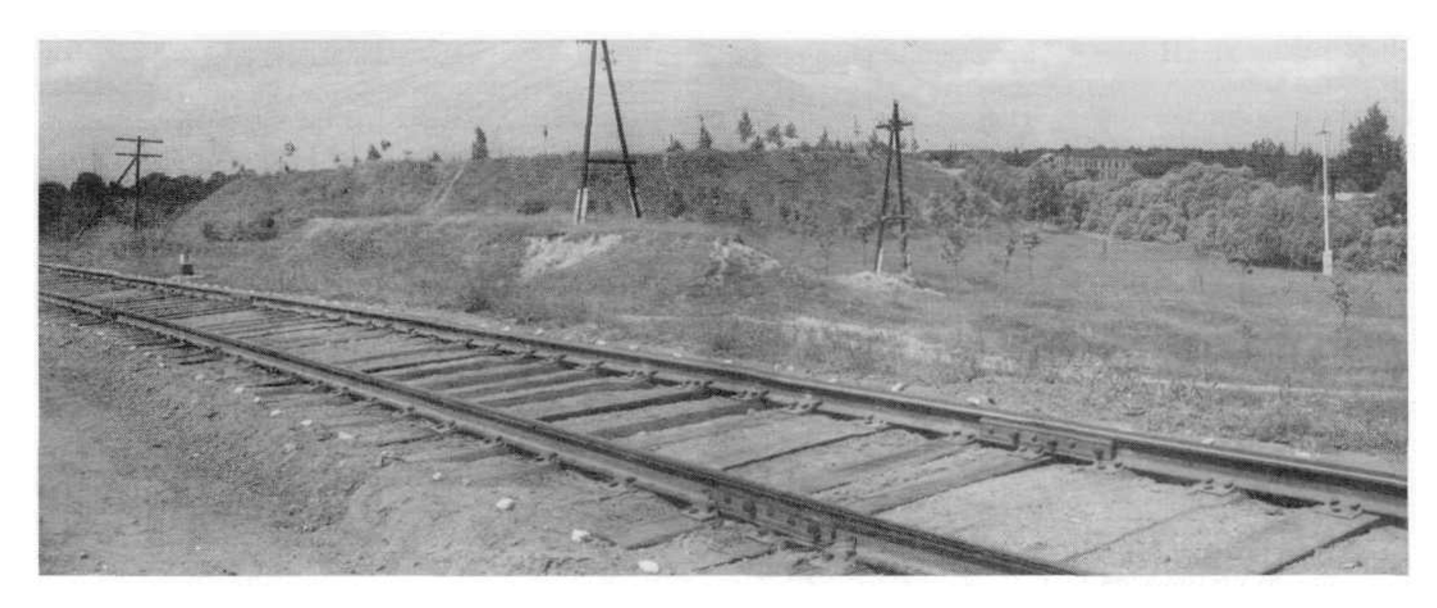


Рис. 67. Ельня, городище. Фото автора, 1972 г.

так много, и все они по случайным поводам. Под 1447 г., например, говорится, что через Ельню идут бояре на помощь Василию Темному:

"Князь же Василеи Ярославич со всѣми боары и съ всеми людьми и з женами и з детми поидоша изо Мъстиславля, а из Дебряньска князь Семенъ да Басенок, тако же съ всѣм, и снидошася вси в Пацин-в... Пришедшим же имъ въ Елну, и ту сретошася с ними Татарове и начаша меж себя стрьлятися, " (ПСРЛ. 1949. Т. 25. С. 268 и др.).

Под 1499 г. летописец сообщает, что "бысть бои велми велик с Литвою на р'Ьце Ведроши близ Ельни, и поможе богъ великого князя Ивана Васильевича (Ивана III. - *Л.А.)* воеводам и побиша Литвы много безчислено..." (ПСРЛ. 1965. Т. 30. С. 139).

Рис. 68. Ельня, городище. План

В начале XV в. Ельна была присоединена к Дорогобужской округе, по договору 1503 г. переходила к Москве, а затем - к Литве. Однако под 1548 г. мы узнаем, что, двигаясь на Сафа-Гирея, на праздник Сретения здесь заночевал Иван Грозный (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 155). В "Списке городов дальних и ближних" (XIV в.) Ельна названа смоленским городом и сказано, что город стоит "на реке Имь" (НПЛ, 1950. С. 476).

До наших работ городище Ельна почти не обследовалось. Было известно по актам 1654 г., что город имел только "Острожек", следы которого "видны доселе" (Россия, 1905. Т. 9. С. 382). Нашими беглыми обследованиями во время разведок в Смоленщине, удалось установить, что детинец древней Ельны (современные названия "Городок", "Острожек") представляет возвышенность на левом берегу р. Десны при впадении в нее ручья (Имы?) и имеет высоту 8-9 м над уровнем воды. Округлая площадка в плане несколько напоминает треугольную форму (рис. 67, 68). Ее размеры 105 х 65 м, в древности она была окружена валом, следы которого отчетливо видны повсеместно. С напольной стороны вал сохранился на высоту 4 м, там же был и въезд.

Пробные шурфы (1 $м^2$), обнаружили на глубине 1-1,4 м культурный слой домонгольского времени со стеклянными браслетами, пряслицами розового шифера, керамикой. Материк залегал на глубине 1,5 м *(Алексеев,* 1973. С. 49)[40].

Раскопки Ельны, поиски окольного города на территории современного города крайне желательны и, несомненно, дадут интересный материал.

[40] Б.А. Рыбаков в своей яркой монографии (1982. С. 322), устанавливая направление походов киевских князей "в полюдье", указал Ельню, правда, оговорив, что город этот упоминается в летописи лишь в XII в. Указание на этот город можно понимать только географически, так как наши шурфы показали, что "гнёздовского времени" в Ельне нет.

Нам кажется допустимым полагать, что Ельна оказалась феодальным центром в стране "дешнян" (кривичи верхней Десны; *Алексеев,* 19806. С. 62), подобно тому, как в земле мерятичей (на р. Мерее) позднее эпохи Гнёздова возник феодальный центр Краен *(Алексеев,* 19806. С. 128, 129).

Копысь

Древний смоленский город Копысь упоминается под 1059 годом: здесь скончался новгородский архиепископ Лука Жидята, "идя изъ Киева, на Копысе месяца октября 15" (ПСРЛ, 1851. Т. 5. С. 139). Это же подтверждает текст, предшествующий Комиссионному списку Новгородской Первой летописи, правда, без указания года (НПЛ, 1950. С. 473). При коалиционном походе Владимира Мономаха на Минск в 1116 г. Копысь вместе с Оршей был занят союзным Мономаху Вячеславом тогда Смоленским (куда его, своего сына, в 1113 г. посадил Владимир) (ПВЛ, 1950. С. 200 - "взя Вячеславъ Ръшю и Копысу") и, следовательно, до этого принадлежал, как и Орша, Друцку, т.е. Полоцку. После этого Копысь, как и Орша, длительно не упоминается в летописях. Лишь Копысь попадает на страницы Устава Ростислава Смоленского 1136 г. (ДКУ, 1976. С. 143), где сказано, что он платит смоленскому князю полюдье 4 гривны и содержит корчму, доход с которой также поступает в Смоленск. Приходится делать вывод, что в 1116 г. при дележе добычи киевско-смоленской экспедиции Мономаха, при новом распределении городов, Копысь, расположенная на смоленской стороне Днепра была присоединена к Смоленску, а Орша, находившаяся на полоцкой его стороне, возвращена Друцку. Не приходится сомневаться, что Копысь немедленно была внесена в список княжеских доходов Ростислава Смоленского и начала платить все ей указанное. В списке доходов смоленского князя в Уставе Ростислава Копысь стоит на 27-м месте, перед Пропошеском (Прупой) и Кричевом (Кречут), которые были присоединены к Смоленской земле в 1127 г. *(Алексеев,* 19806. С. 45-47 и табл. 1). К сожалению, неясно, в чем выражалась дань с этого города князю (полюдья 4 гривны?) Однако мы хорошо знаем, что выплачивала Копысь смоленской епископии между 1211 и 1218 гг. По "дополнительной" грамоте "О погородье и почестье" этот город стоял в списке доходов епископии на втором месте. Если Торопец при перерасчете на гривны платил в Смоленск 2187,5 гривен кун погородья, то Копысь платила 325 гривен кун почестья (погородье - мы говорили - плата епископу с городов, почестье - плата, очевидно, за честь архиерейского служения в храмовые праздники и т.д.). Третьим городом в списке епископских доходов был Мстиславль, плативший 300 гривен кун погородья и 87 - почестья. *(Алексеев,* 1979. С. 98 и ел.). Нам ясно, что в XII и особенно в XIII в. Копысь была крупным, очевидно торговым центром у брода-переправы на полоцкий берег Днепра, она имела княжескую корчму, которой пользовались проезжие негоцианты. Причем, до 1116 г. она принадлежала полоцким князьям, а с 1116 г. - смоленским. Торная дорога от правого берега Днепра, мы говорили, четко прослеживается по древним домонгольским деревням, тянувшимся в сторону Друцка и оставившим нам след - длинную цепочку курганных групп.

Что же свидетельствует археология?

Остатки древней Копыси хорошо видны в современном городском поселке Копысь Оршанского района Витебской области Белоруссии. Памятник расположен в непосредственной близости от Днепра, на левом его берегу. Неправильной формы площадка по периметру окружена валом у самого устья речки Сморковки, впадающей в Днепр. По плану 1778 г. городище находилось в дельте Сморковки и со всех строн было окружено водой (ПСЗРИ, 1839. Л. 178). Пятиметровый вал ограничивает площадку (60 х 80 м), придавая ей форму треугольника с полукруглым основанием. Заметны следы бастионов - в Северную войну памятник был переоборудован Петром Великим *(Трубницкие,* 1887). Раскопки Г.В. Штыхова показали, что подле замка-детинца располагался домонгольский посад, как он полагает, в свою очередь окруженный некогда валом и рвом (т.е. это уже - окольный город; *Штыхов,* 1975. С. 94, рис. 39). Город был торговый и неудивительно, что в 10 км от него к востоку в 1901 г. у современного Киевского шоссе (рядом с д. Застенок) был обнаружен клад из 1200 арабских диргемов, кем-то зарытых в домонгольское время и невостребованных (Россия; 1905. Т. 9. С. 468).

Памятник раскапывался в разное время несколькими белорусскими археологами без единого плана, раскопки так и не были объединены, да и вряд ли это возможно осуществить, так как раскопы закладывались то по странам света, то вкривь и вкось, то даже ромбом *(Штыхов,* 1978. Рис. 39). В 1950 г. на детинце Копыси заложил шурф Л.А. Михайловский, в 1962 г. он же заложил там этот самый "ромбический" раскоп (100 $м^2$), в 1968-1969 гг. Г.В. Штыхов раскопал там 240 $м^2$, в 1972 г. Э.М. Загорульский вскрыл 316 $м^2$ (см.: *Михайловский,* 1951; *Штыхов,* 1978. С. 93-95; *Загорулъекий,* 19736. С. 358-360; 1973а).

Из кратких сообщений, попавших в печать, можно понять, что культурный слой городища (мощность 0,8-2м) остатков дерева, пригодного для дендрохронологии, не содержит. Памятник возник в XI в. и первоначально был неукрепленным. Оборонительные сооружения появились во второй половине XI - начале XII в. Расцвет городской жизни падает, по-видимому, на XII, а в основном на XIII в. (стеклянные браслеты залегали почти в самых нижних отложениях). В слое XII в. уже

заметны следы ремесла (косторезного). Прочие многочисленные бытовые предметы могли быть сделаны и на месте, но доказать этого нельзя. Привозные предметы - свинец, шиферные пряслица с Волыни, киевские корчаги. Из предметов культуры особенно интересна бронзовая резная (?) иконка с изображением святых Бориса и Глеба, половина набалдашника булавы из бронзы с "большими и малыми пирамидальными шипами", аналогии которым хорошо известны и датируются А.Н. Кирпичниковым (1966. Табл. XXIX) ХП-ХШ вв. В древнерусских слоях XI-XIII вв. обнаружено много бытовых вещей: серпы, косы, около 20 ножей, ножницы, и т.д. Есть и оружие: 13 наконечников стрел, перекрестье сабли, копья, шпоры и пр. Пятиметровый вал в XVI-XVII вв. нарастили на 2 м *(Загорульский,* 19736. С. 359).

Жижец и Лучин

Древний город Жижец находился в большом скоплении древних поселений неподалеку от Торопца, но был центром отдельной области-волости, с которой в 1136 г. собирал 130 гривен, и, находясь у озерных угодий, поставлял на княж двор дань рыбой. По епископской грамоте "о погородьи" Жижец в 1110/11-1117/18 гг. выплачивал епископии 5 гривен погородья и одну куну почестья. (ДКУ, 1976. С. 142, 146). Летописи упоминают город впервые под 1245 г., когда остатки литовского войска были разбиты Александром Невским "под Жижечем" (ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 152). В Списке городов дальних и ближних XIV в. он назван в числе литовских (НПЛ, 1950. С. 476 - "Зижеч"; ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 241 - "Жижец"), а в XVI в. он уже входил в состав Торопецкой волости. Город Жижец упоминается в Духовной Ивана III 1504 г. (ДДГ, 1950. С. 357).

Местоположение Жижеца было указано И. Побойниным - "на северо-западном полуострове, вдающемся в озеро (Жижец)" *(Побойнин,* 1897. С. 12). Теперь это место вблизи д. Залучья Куньинского района. Я. В. Станкевич установила, что городище "Попова гора" расположено на возвышенности полуострова, вдающегося в озеро в 500 м от деревни. Площадка (70 x 50 м) с легкой западиной в центре, некогда, по-видимому, была окружена валом (распахан). Склоны памятника искусственно подправлены, наиболее крутой - с напольной стороны *(Станкевич,* 1960. С. 145, 146, 316, 317, 319). Городище представляет переходный тип "от мысового типа укреплений к чисто островному" *(Раппопорт,* 1961. С. 38). Узкий перешеек, соединяющий его с сушей, не позволял делать мощных укреплений, а окружающий посад их не имел. Я.В. Станкевич заложила на памятнике всего два шурфа, в одном из которых был обнаружен культурный слой мощностью в 1,1 м, где преобладали вещи XI-XIV вв. - шиферные пряслица, стеклянные браслеты, трапециевидные гребни. Любопытно, что крепость возвели на городище дьякова типа.

Древний смоленский пункт Лучин упоминается впервые в Уставе Ростислава 1136 г., на 30-м месте, в той части списка доходов князя, которая была приписана к списку княжеских доходов, по нашему мнению, в конце 20-х - начале 30-х годов XII в. (всего вероятнее, после 1127 г.) Определить, где находился этот пункт, вовсе не просто. По уставу, Лучин вносил князю какое-то полюдье, т.е. то, что он собирал с людей окрестного населения (цифра не сохранилась), затем "мыто" (дань), затем доход с корчмы, а в начале XIII в. - епископу "три лисицы и осетр". Ипатьевская летопись под 1172 г. сообщает о Лучине: "Рюриков^ же, идущу из Новагорода и Смоленьска, а и быть на Лучин-Ь вербно-ь нед'Ьл'Ь въ пятокъ, солнцю въсходящу, родися у него сынъ и нарекоша и въ с(вя)темь крщ(е)нъи Д'Вдне имя Михаиле, а къняже - Ростиславъ ... И дасть ему о(те)ць его Лучинъ городъ - въ нем же родися и поставиша на томь м-Ьст-Ь ц(е)рк(о)вь с(вя)т(а)го Михаила, где ся родилъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 567).

В.В. Седов в свое время локализовал Лучин на Днепре, южнее Рогачева, где есть деревня Лучин и возле нее сложное городище и курганы, что невероятно: более северный Рогачев никогда не был смоленским и свободно передавался киевскими князьями из рук в руки *(Седов,* 1975. С. 253, ср.: ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 312, ср. стб. 65). Не мог быть Лучин и на месте Лучина-Городка на Угре, неподалеку от Дорогобужа, ибо это в стороне от пути Новгород - Киев (по нему шел Рюрик). Нам необходимо обратить внимание на указание летописи (мимо которого проходили исследователи) на два исходных пункта: "из Новгорода и Смоленска". Зачем было их указывать вместо одного исходного - Новгород, одного "проходного" - Смоленск и одного конечного - Киев? Так обычно говорят летописи. Оказывается, текст, приведенный в вариантах Ипатьевской летописи дан иначе: "Рюриков-Ь же, идущу из Новгорода к Смоленску" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 567, примеч. 2). Значит, Лучин был между Новгородом и Смоленском. Считая невозможным, чтобы Рюрик отстроил сыну город на границе своей земли (д. Лучаны на Лучанском озере), П.В. Голубовский, а следом и А.Н. Насонов локализовали Лучин у одноименной деревни на р. Ельше *(Голубовский,* 1895. С. 63 и ел.), но там нет следов скопления древних поселений (курганы), ни остатков феодального центра (см. также: *Барсов,* 1885. С. 190). Видимо, Н.П. Барсов был прав, поместив Лучин на Лучанском озере вблизи волока из Западной Двины в р. Полу. Следы феодального центра здесь, правда, не разыскивались, но, вероятно, они есть: вокруг озера - огромное количество курганов. Учтем и еще один аргумент в пользу того, что Лучин был здесь.

Лучин, как мы помним был обязан поставлять епископу, кроме прочего, осетра. Осетр - "царь рыб", рыба редкая и дорогая. В летописях она даже не упоминается, в берестяных же грамотах, где фиксируется масса поставок и долгов рыбой, она названа единожды *(Куза,* 1961. С. 61). При нересте осетр, как известно, заходит в реки очень далеко, если ему не преграждают пороги на Днепре, на Западной Двине, на Волхове. Лишь на Волге не было препятствий, и в начале XVIII в. осетров ловили в Москве у Каменного моста *(Рулъе,* 1845. С. 89). Эти реки - далеко от Смоленска, ближе всего - Волга, чем, по-видимому, и объясняется обязательная поставка осетра епископу - сюда, к Лучину, осетры при нересте, видимо, все-таки доходили, их ловили в этот момент все жители и столь регулярно, что Лучин мог взять обязательство поставки осетров для епископа.

Разыскание остатков податного пункта Лучин на Лучанском озере, нам кажется - задача археологии.

Кричев

О древнем Кричеве (рис. 69) до недавнего времени было мало известно, лишь теперь он был изучен археологами, и была внесена некоторая ясность в его древнейшую историю. Известно было, что этот пункт Смоленской земли существовал уже в XII в., так как он упоминался в Уставе Ростислава Смоленского 1136 г. Детальное исследование этого важнейшего для истории Смоленской земли источника показало, что этот пункт был внесен в список доходов смоленского князя, по-видимому, между 1127 и 1134 гг. *(Алексеев,* 19806. С. 45, табл. 1). Тогда он назывался Кречут и, как только что присоединенный к Смоленску соседний Прупой (Пропошеск), вносил князю 10 гривен. То обстоятельство, что эти оба соседних пункта стоят рядом и в этом источнике, позволяет предполагать (с известным вероятием), что они были включены в доходную опись князя одновременно (в 1127 г. ?), (см.: ДКУ, 1976. С. 143). В летописных источниках город называется еще раз в "Списке городов дальних и ближних" XIV в. *(Тихомиров,* 1952; НПЛ, 1950. С. 420, 476).

В 1973-1976 гг. в Кричеве вел раскопки М.А. Ткачев (1977. С. 417, 418), в 1987-1988, 1995-2000 гг. - А.А. Метельский *(Мяцельскі,* 2003). Выяснилось, что, подобно соседнему Мстиславлю, в городе имеются два археологических памятника: городище Городец (Цвинтарь) и городище Замковая гора (рис. 70).

ГОРОДИЩЕ ГОРОДЕЦ сохранилось своей небольшой частью на высоком мысе на левом берегу р. Кричевки, неподалеку от ее впадения в р. Сож. Первый раз в письменных источниках памятник упомянут в конце XVI в. (1592 г.) в привилее 0 земельных владениях местного жителя Мартина Гимбурга - "пляц в городе и огород над речкою Кричевцом под Городищем" *(Мяцельскі,* 2003. С. 9). Сохранилась лишь северо-восточная часть его площадки и часть вала. Площадка сильно на клонена к югу, попорчена ямами. А. А. Метельскому удалось исследовать 214 м^2. Оказалось, что культурный слой мощностью 3,5 м (на юге) состо ит из трех напластований. Первый, верхний слой отделяется от второго мощным пожарищем тол щиной 0,07-0,1 м, которое четко прослеживается возле вала. Третий слой более темного цвета - темно-коричневый - имеет мощность от 0,6 до 0,9 м. У вала, на высоте 0,1-0,2 м от материка слои в свою очередь разделяются пожарищем толщи ной в 5 см. Керамический материал позволил авто ру раскопок выяснить, что первое поселение здесь возникло в V—III вв. до н.э. и просуществовало до 1 в. н.э. Это было поселение, принадлежащее к так называемой днепро-двинской культуре, которая находилась здесь под сильным влиянием так назы ваемой юхновской культуры. Средний слой был оставлен населением, принадлежавшим культуре типа среднего слоя городища Тушемля (II—IV вв. н.э.). Средний слой городца отделен от верхнего мощной прослойкой пожарища, характеризуется гончарной посудой начала XII в. Керамика X-XI вв. в раскопках А.А. Метельского не обна ружена, хотя Г.В. Штыхов о ней писал (1972. С. 127).

Рис. 69. Кричев, городище-детинец. Вид с юго-запада. Фото автора

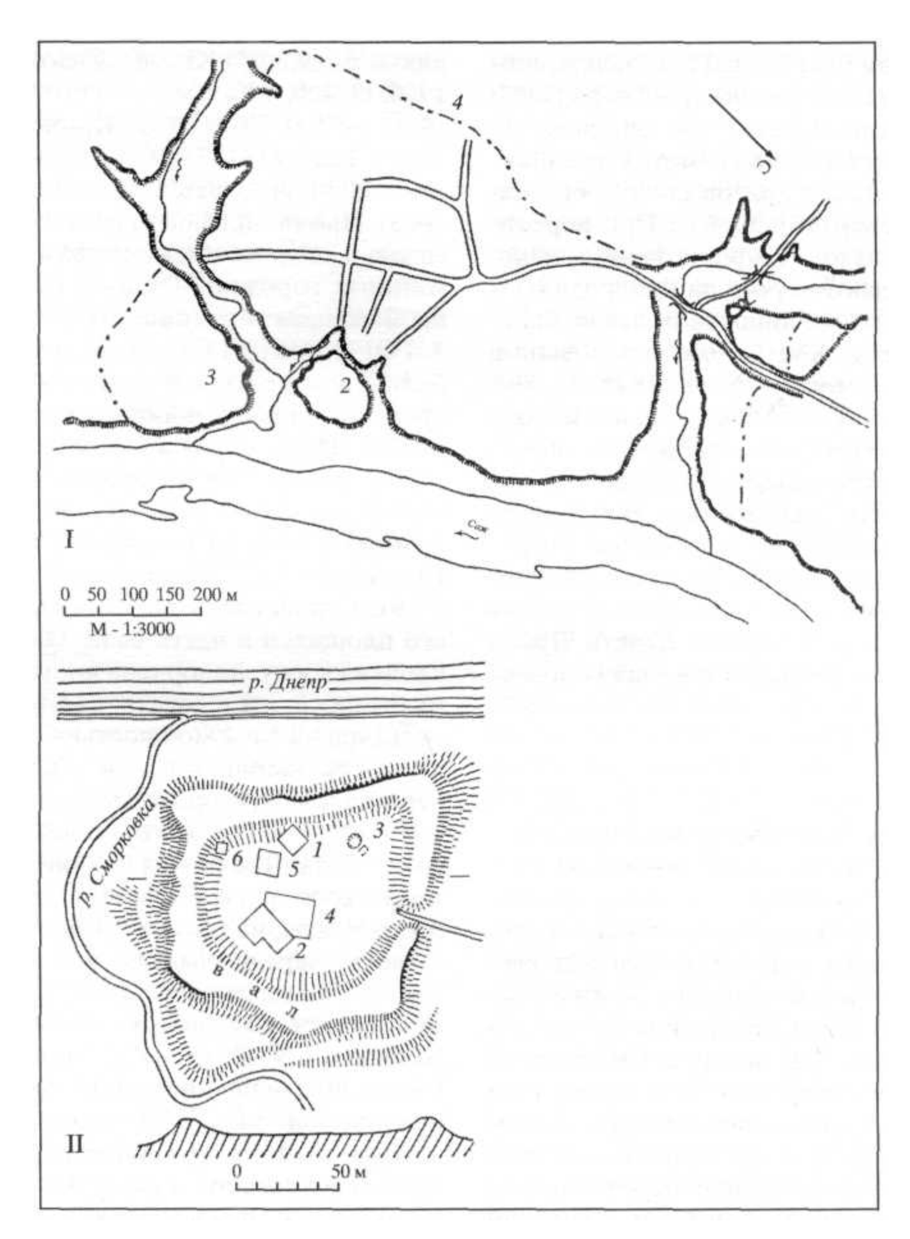


Рис. 70. Кричев

1- ситуационный план древностей города (по: *Мяцельскі,* 2003): *1* - Городец, 2- детинец, *3* - селище; II - план детинца: *1-6* - раскопы

Надо сказать, что в X - начале XI в., т.е. все в то же "гнёздовское время", население поблизости существовало. Так, в ближайших окрестностях Городца на селище на дюне в пойме левого берега Сожа на площади 120-150 м был выявлен культурный слой гнёздовского времени с керамикой и некоторыми вещами, что позволило А.А. Метельскому предположить, что население Городца на какое-то время покидало этот объект и переходило, как он думает, в другие места. Причиной этого он считает возможную смену гидрорежима Днепра в VIII—XIII вв., о котором говорят специалисты *(Мяцельскі,* 2003. С. 23). Однако не будем забывать, что ранее Г.В. Штыхов, как мы говорили, видел здесь раннюю гончарную керамику (лепную, подправленную на гончарном круге). Думается, здесь дело скорее в ином: за 20 лет, отделяющих работы А.А. Метельского от раскопок Штыхова и Ткачева, памятник интенсивно разрушался, вследствие чего слои X-XIII вв. которые видны на чертеже М.А. Ткачева *(Мяцельскі,* 2003. Рис. 30), не сохранились. Нам кажется очевидным, что кричевский Городец был освоен населением именно в гнёздовское время, получил свое наименование по речке Кричевке и является, следовательно, древнейшим Кричевом. Как и большинство "городков" гнёздовского времени, в начале XI в. он перестал удовлетворять потребности разрастающегося центра, и жизнь переместилась на новое место - Замок, где возникли феодальный центр и посад. Подобная мысль высказывалась и М.А. Ткачевым *{Ткачоў, 1911.* С. 417). Селища гнёздовского времени уже существовали к северу-востоку от Городца *(Мяцельскі,* 2003. С. 20, 21).

ДЕТИНЕЦ ДРЕВНЕГО КРИЧЕВА - "ЗАМКОВАЯ ГОРА". Детинец Кричева расположен в центре современного города и представляет собой овальный холм на правом берегу р. Сожа, в который впадает Забялыщенский ручей. Памятник возвышается над уровнем воды в реке на 10-15 м и отделяется от остальной территории с напольной стороны глубоким рвом. В некоторых местах с западной и южной стороны его площадку (100 х 60 м) ограждают следы валов высотой от 1 до 7 м (рис. 70, II).

Раскопки на этом памятнике произведены А.А. Метельским, и результаты их очень значительны. На материке зафиксирован темно-коричневый слой с керамикой конца ХП-ХШ в., в верхней его части встречено два обломка стеклянных браслетов *(Мяцельскі,* 2003. С. 26). Верхний уровень этого наслоения перекрыт тонким слоем пожарища с керамикой, датируемой XIV-XV вв. По аналогии с пожарищем в Мстиславле *(Алексеев,* 19956. С. 64, табл.), автор относит этот пожар ко времени между 1296/7 и 1307 гг., а следующий пожар связывает с пожаром в Мстиславле 1359 г., когда Ольгерд совершил поход на Смоленск, попутно взял Мстиславль и посадил в нем наместника *(Алексеев,* 2000. С. 98). А.А. Метельский, несомненно, прав: Кричев принадлежал мстиславльским князьям, и захват Мстиславля повлек за собой и поход Ольгерда на Кричев.

Изучались и укрепления кричевского детинца А.А. Метельским *(Мяцельскі,* 2003. С. 32 и ел.), а также М.А. Ткачевым. Первым был прорезан вал. Строительство укреплений Кричева началось, по свидетельству исследователя, вскоре после возникновения жизни на памятнике, где успел отложиться слой в 30 см с гончарной керамикой второй половины X - начала XI в., из чего следует, что вал был воздвигнут в начале XII в. Эта раннегончарная керамика была найдена А.А. Метельским и на селище *(Мяцельскі,* 2003. С. 33). Вал существовал, по мнению М.А. Ткачева, недолго: в начале XIII в. он сгорел, после чего был поднят до высоты 3,2 м. Сооружения этого вала были также перекрыты пожарищем, и его сооружения проследить не удалось. В XIV в. вал повысили до 4,3 м, но каковы были его наземные сооружения проследить не удалось и здесь. Подсыпался вал и в XV-XVI вв. В XVII-XVIII вв. он имел высоту до 7 м *(Мяцельскі,* 2003. С. 34). Древнейшие постройки были обнаружены М.А. Ткачевым в 1974 и 1976 гг. в южной части Замковой горы, где залегал слой ХП-ХШ вв. Постройки срубной конструкции (4,2 х 4 м) были углублены в материк.

В северо-западном углу одного из строений удалось проследить печь-каменку, стоявшую на "опечке" срубной конструкции (1,4 х 1 м). Две древнейшие постройки принадлежали, как полагает М.А. Ткачев, единому комплексу усадьбы. "Информация о застройке Замковой горы XIV-XV вв. отсутствует" *(Мяцельскі,* 2003. С. 36).

К детинцу примыкали, как и во всех средневековых городах, посады, первое время располагавшиеся вдоль р. Сож. На восток от детинца, за ручьем, на Спасской горе, где обнаружены следы поселения II—IV вв. н.э., найдены стеклянные браслеты и керамика конца XII - начала XIV в. В это время посад на Спасской горе занимал площадь 0,2-0,3 га *(Мяцельскі,* 2000. С. 40).

Вопрос о том, где хоронили жители Кричева в домонгольское время, до сих пор остается нерешенным и требует, вероятно, новых раскопок на территории города. А.А. Метельский высказал по этому поводу интересную мысль. В привилее 1563 г., данном великим князем Сигизмундом-Августом некоему Софрону Обухову (Абухову?) на "сельцо Тризненское в месте нашом Кричевском", сообщается о некой тризне по умершему, совершаемой "безусловно" возле могильника (тогда еще сохранявшегося), что подтверждается и названием сельца - Тризненское (см: Историко-юридические материалы, 1900. С. 116; *Мяцельскі.* 2003. С. 53). Остатки христианского могильника, свидетельствует исследователь, были обнаружены М.В. Фурсовым и СЮ. Чоловским (1892. С. 33) при изучении городища Городец, правда, можно думать, что эти погребения и более поздние[41].

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОГО КРИЧЕВА. Можно не сомневаться, что жизнь кривичан в то отдаленное время не отличалась от того, как жили горожане других городов, о чем свидетельствуют археологические находки. Правда, судить об этом не так легко, так как в исследовании, обобщающем древности Кричева, автор не выделяет материальную культуру домонгольского города, и главное внимание его занимают многочисленные находки более позднего времени *(Мяцельскі,* 2003. С. 58 и ел.). Кричев расположен в зоне распространения болотных руд, отмечает ученый, и металлообработка была в нем широко распространена. Среди домонгольских слоев найдены замки и ключи, из которых древнейшими являются два ключа от замков типа Б по новгородской классификации, бытовавших в XII - середине XIV в. *(Мяцельскі,* 2003. С. 61). К Х-ХШ вв. относятся лезвия некоторых ножей со стальной наваркой в виде трехслойного пакета. В этой же технике сделаны топор и четыре ножа из слоя ХП-ХШ вв. *(Мяцельскі,* 2003. С. 63). Женщины Кричева занимались прядением и ткачеством (находки шиферных пряслиц в слоях конца ХП-ХШ в.). Население занималось, конечно, гончарством, автор приводит пример и домонголь-

[41] Гора "Городец", мы сказали, именуется "Цвинтарь" (по польски - кладбище).

ской посуды XII - первой половины XIII в. *(Мяцельскі,* 2003. С. 67). Основная часть керамического материала относится к более позднему времени и встречается в изобилии. В более позднее время, в эпоху Великого княжества Литовского в Кричеве получают широкое распространение так называемые горшковые и коробчатые изразцы, некоторые из них имеют прямую аналогию с изразцами, найденными на мстиславльском детинце *(Мяцельскі,* 2003. Рис. 68; *Розенфельдт,* 1969. Рис. 8, 9, 11; *Алексеев,* 2000. Рис. 10). Найденные в Кричеве стеклянные изделия (стеклянные браслеты, рубленный бисер и др.) не могут свидетельствовать о существовании в интересующее нас время стеклянного производства, поскольку, как справедливо отмечает А.А. Метельский, материала мало.

Не дает археология сведений и о других видах производства в домонгольском Кричеве.

ТОРГОВЛЯ. Кричев находился на торговом пути по р. Сож, неподалеку были найдены клады арабских монет X — начала XI в. (Старый Дедин, Стайки). Диргемы в виде привесок известны и из ближайших курганов *(Равдина,* 1988. С. 31, 78; *Мяцельскі,* 1996. С. 60-63). Тем не менее, по свидетельству А.А. Метельского, археология "довольно слабо" освещает эту сторону деятельности Кричева. Город был в составе Мстиславльского княжества, а потом Мстиславльского воеводства. "Мстиславль выступал в качестве главного торгового центра региона, и в нем археологично отражаются связи с разными странами света, а Кричев ограничивался выполнением функции центра местного обмена", - справедливо полагает автор раскопок *(Мяцельскі,* 2003. С. 90).

Пропошеск (Прупой, ныне Славгород)

Пропошеск впервые был упомянут в Уставе Ростислава Смоленского 1136 г. (ДКУ, 1976. С. 143). Он был охвачен данью смоленского князя между 1116 и 1127 гг. и платил князю 10 гривен, т.е. столько же, сколько вносили самые мелкие центры, в частности, присоединенный вскоре к княжеским поборам Кричев (Кречут) *(Алексеев,* 1980б. С. 45). Город был расположен на правом берегу р. Сож, при впадении в нее р. Прони, и являлся самым южным центром Смоленской земли неподалеку от границы с Черниговскими землями. Пропошеск упоминается в Баркулабовской летописи под 1601 г., где назван уже Пропоиском (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 188). Есть сведения, что в 1387 г. Пропойск принадлежал Киеву, был отдан князю литовскому Скиргайле, а в 1430 г. был причислен Свидригайле (Россия, 1905. Т. 9. С. 483) и т.д.

Городище Пропошеска расположено в современном г. Славгороде (Белоруссия), на правом крутом берегу р. Сож неподалеку от впадения в нее р. Прони. Памятник вытянут с севера на юг и хорошо укреплен природой. Раскопки его осуществлялись Г.В. Штыховым (1967 г.) и Л.А. Ткачевым 1975 и 1976 гг. *(Ткачоў,* 1993. С. 514-515). Площадка памятника (95 x 45 м) позволила выявить культурный слой мощностью от 0,4 м в северной части до 2 м - в южной. В нижнем слое, кроме неолитических орудий труда, М.А. Ткачевым (1976. С. 428) были обнаружены немногочисленные находки X-XI вв. и расчищены укрепления того же времени в виде простого частокола. В XII в. был насыпан вал высотой 1 м, на вершине которого поставили дубовый частокол. В XIII в. вал был повышен еще на 1 м, а на нем были поставлены уже срубные укрепления, и был вырыт ров.

Находки в Пропойске довольно обычны. Найдена, как и в Минске на Свислочи, одна лимоновидная бусина, датирующаяся X - первой половиной XI в. (здесь, вероятно, его серединой), выше был расположен слой со стеклянными браслетами (конец XII - начало XIV в.), среди которых — редкий браслет красного цвета, попавший сюда, видимо, из Византии. Найденные металлические предметы выделяются, как всегда, женскими украшениями - бронзовые браслеты, лунница (!) и др. (Археолёгія Беларусі, 2000. С. 335).

Как обычно, рядом с укреплениями в том же XII в. возник и городской посад, который в XIV в. "уже перешагнул за западный оборонительный ров".

Ржевка (Ржев)

В пределах Смоленской земли был расположен "город" домонгольского времени Ржевка - Ржев, упомянутый летописью под 1216 г. Остатки памятника расположены в центре современного города Ржева на левом берегу р. Волги при слиянии с ней р. Хвалынки, на высокой горе (рис. 71). По свидетельству П.А. Раппопорта, "укрепленная площадка занимает здесь не весь мыс, а лишь его наиболее узкую часть у обратной петли р. Хвалынки. Таким образом, укрепление занимало как бы перешеек в основной части полуострова и было защищено с напольной стороны глубоким рвом" *(Раппопорт,* 1961. С. 12). Валы не сохранились, остатки укреплений видны были на краю городища при постройке колокольни (1832 г.). Ржевку иногда смешивали с центром Вержавлян Великих. Ржев также возник на Пути из Варяг - поблизости, у д. Гульцево в одном из курганов были найдены византийские монеты Иоанна Цимисхия (969/976 гг.) *(Вершинский,* 1939. С. 76).

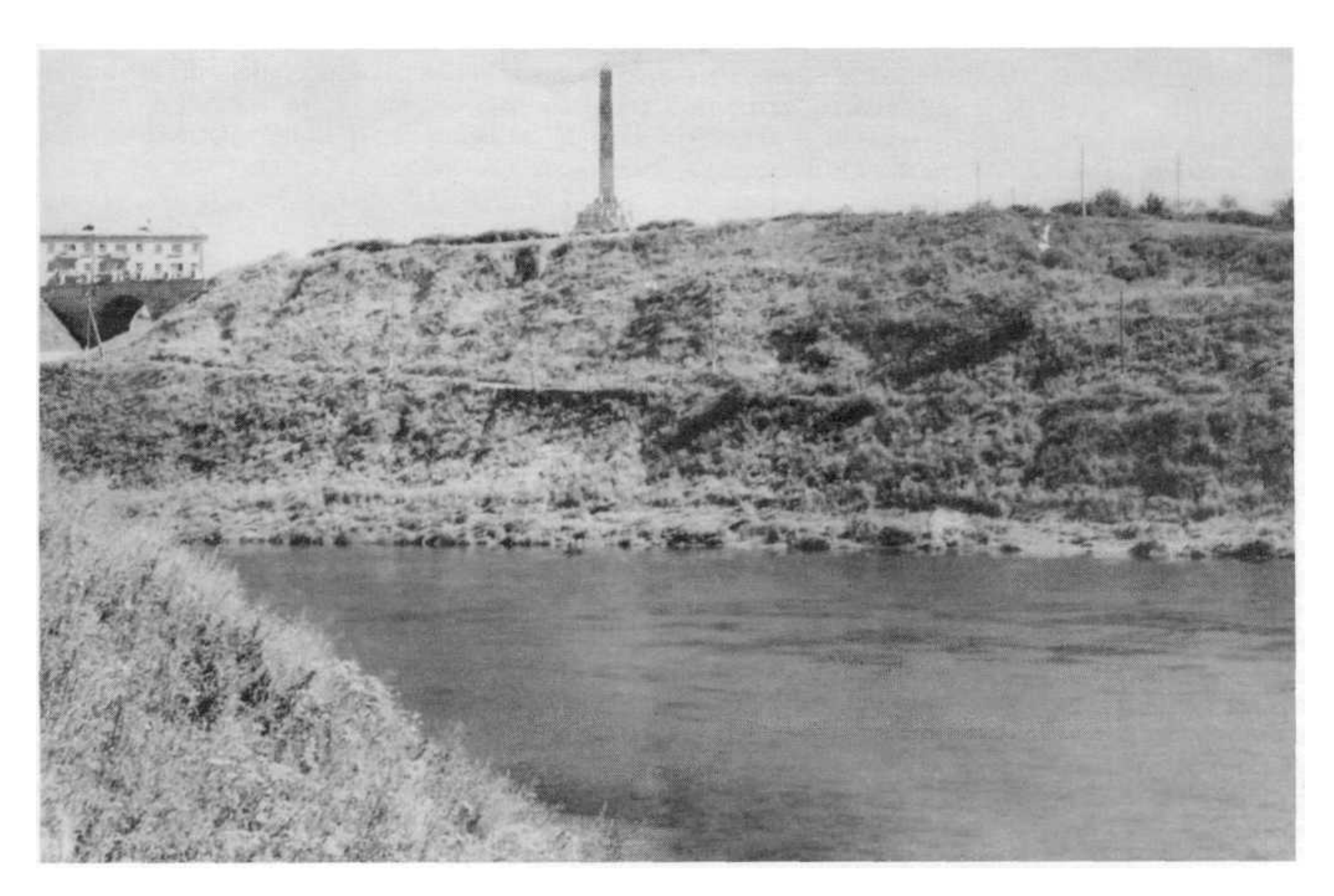


Рис. 71. Ржев, детинец. Вид со стороны Волги. Фото автора

Городище (100 х ПО м) обследовано мною в 1972 г., был снят план, разрешение на исследование не было получено *(Алексеев,* 19806. С. 185).

Торопец

Выше мы говорили, что наименование центра от реки - признак возникновения его в раннее, "гнёздовское" время. Смоленский Торопец, названный по р. Торопе - не исключение. Однако, он был выстроен, мы увидим, в самом конце этой эпохи (XI в.), и мы помещаем его здесь, так как основное его развитие касалось уже великокняжеского времени (рис. 72).

Древнейшая история Торопца и его археологических памятников обращала на себя внимание еще исстари. О нем говорилось в Описи городов 1678 г. (ДАИ, 1875. Т. 9. № 106), он вошел в топографическую сводку 1770-х годов (Топографические известия, 1771. Т. 1, ч. 1. С. 389 и 392). Интереснейшие сведения о нем мы находим в замечательном, почти неизвестном труде краеведа-энтузиаста XVIII в. Петра Иродионова, тонко понявшего многие из тех выводов, к которым мы приходим лишь в наши дни. О происхождении Торопца он написал замечательные слова:

"Хотя совсем неизвестно, когда и кем он построен, но то неоспоримо, что оный прежде крещения Владимирова был уже в цветущем состоянии... Из примечания и до нас дошедшего слуха можно с немалою вероятностью заключить, что первые жители онаго города состояли из язычников и идолопоклонников. Они, собравшись из разных мест славянская земли и, поселившись в помянутом городе, составляли сперва некоторой род республики, управляемы будучи старейшинами в народе, потом имели они собственных удельных князей.

.. .Выше помянутое мнение кажется мне тем доказательней, чем больше примечаю здесь застарелых мнений, древних обычаев и других обстоятельств. 1) На всех сторонах онаго города находят горы, нарочито окопанные и положением отличныя, на которых прежде сего рос великой и высокой лес. Жители употребляли оной на хоромное строение и другие потребы. Из чего видно, что в древнейшие времена были на них построены кумирницы, где приносили жертвы идолам и оным поклонялись, отчего и доныне называются они поклонными. 2) При начатии свадеб, вылазя на высокие места, пели в недавних годах песни, призывая на помощь Ладу, Леню, Лелю, Полелю и пр." *(Иродионов,* 1778. С. 9-11).

На мысль о том, что городок на Торопе некогда был племенным центром, натолкнуло, скорее всего, название одного из городищ вблизи города. Действительно, в "топографических известиях", упомянутых выше, сказано: "Расстоянием от города в полверсте есть старое городище, называемое Кривитепскъ, состоящее в насыпанной земле" (Топографические известия, 1771. Т. 1. Ч. 1. С. 392).

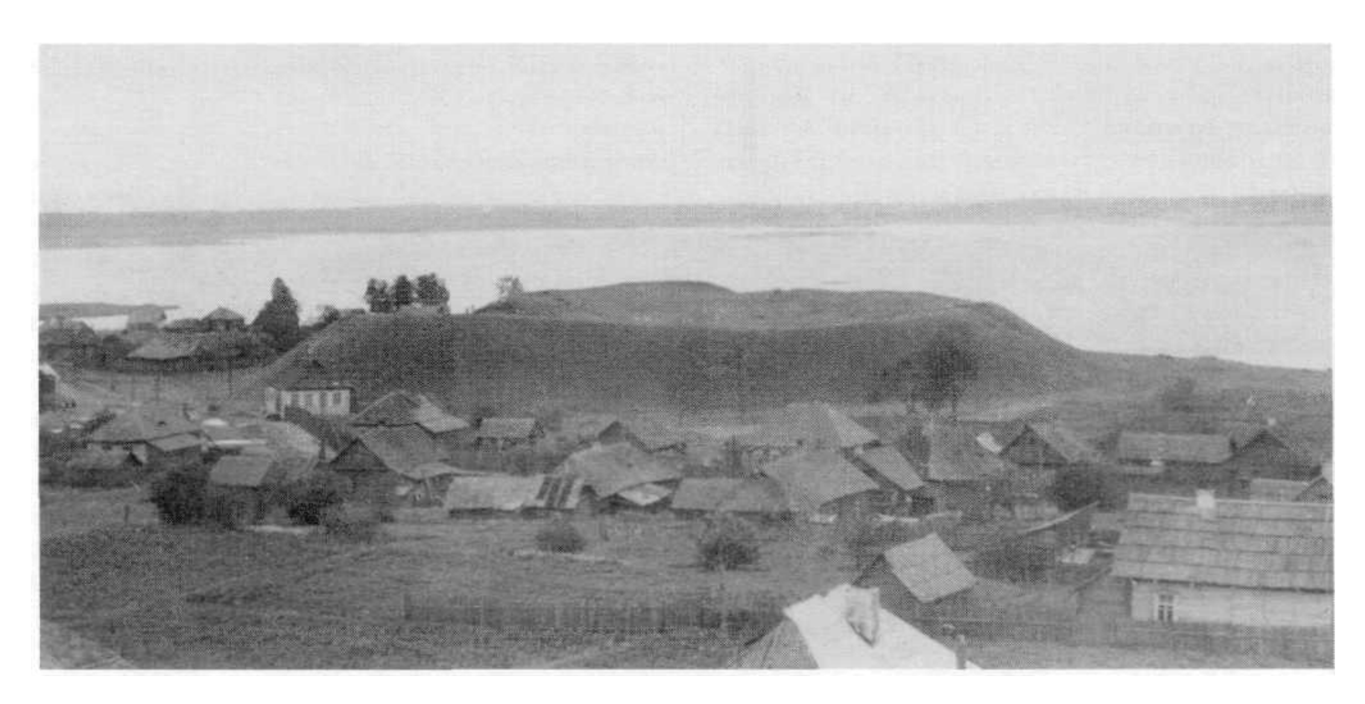


Рис. 72. Торопец, детинец (Малое городище). Вид с северо-запада.

"Город сей от многих называется Кривитепск, Кривич или Кривит", - писал Зябловский (1810. С. 371, 372) и добавлял: "от народа кривичей, обитавших в древности около сего города"[42].

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ говорят о домонгольском Торопце очень скупо. Первое свидетельство находим в Повести временных лет (1950. С. 127) и Киево-Печерском Патерике, где сообщается, что в Печерском монастыре в XI в. был "черноризець, именемь Исакий, яко же еще сущу в мир-в, в житьи мирьст-Бмь, и богату сущю ему, б-Ь бо купець, родом торопечанинь" (Патерик, 2003. С. 212). Существование богатых купцов в Торопце, по-видимому, в середине XI в., или даже раньше, указывает на то, что Торопец уже тогда был торговым городом.

Действительно, Торопец стоял на одном из ответвлений Пути из Варяг в Греки. Два монетных клада и вереница "лентой" протянувшихся от Торопца на северо-запад к Ловати курганов (15 курганных групп; *Алексеев,* 19806. Рис. 2, 5) свидетельствуют о сухопутной дороге, проходившей в этих местах. Именно по этому пути в 1168 г. пути шел Ростислав Смоленский в Новгород из Киева, навещая в Торопце своего сына Мстислава, и несомненно по этой дороге он вынужден перед смертью был вернуться, не доехав до цели "нездравствуя" (ПСРЛ, 1962.Т. 2. Стб. 528, 529; *Алексеев,* 19806. С. 214). В это время Торопец был уже крупным смоленским княжеским городом: по Уставу Ростислава Смоленского 1136 г. он выплачивал в Смоленск дань в 400 гривен и стоял в этом отношении только на втором месте после Вержавлян Великих (1000 гривен). По списку доходов Смоленского князя, составленному, по нашим наблюдениям, первоначально при организации Смоленского княжества (1054) в географической последовательности, этот город стоял на четвертом месте *(Алексеев,* 19806. С. 45). Можно предполагать, что Торопец стал княжеским смоленским уделом после 1120-х годов, когда Ростислав смог посадить туда одного из своих сьновей. Князь Торопецкий настолько укрепился, что смог участвовать в осаде суздальцами Новгорода (1169 г.) (НПЛ, 1950. С. 220).

С начала XIII в. Торопец занимает все более прочное положение в Смоленском княжестве, его князь приобретает все больший авторитет. В 1208 г. его князя приглашают к себе на княжение новгородцы (ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 116). Зимой

[42] Любопытно, что М.И. Семевский видел в соборе Торопца рукопись по истории города и его древностей, там были еще две рукописи на ту же тему: одна 1760 г. *(Побойнин,* 1897. С. 18), другая - 30-х годов XIX в. *(Семевский,* 1894. С. 38). Последняя была написана неким купецким сыном П.П. Находкиным. Первый из историков Торопца, - сообщает М.И. Семевский, - жил, как кажется, во второй половине XVII в. и принадлежал к духовному чину. «Его рукопись называлась: "Чудодейственная благодать от чудотворнаго ея образа пречистыя Богородицы Корсунския, истекающая рабом своим предивная, юже даровала от литовскагa нахождения под град Торопец, злообразными ухищрениями разорити устремляющихся, но всегда всесильным непереборимым небесныя силы воеводством похождения бывшие, с великим срамом отидоша". Повествуемым событиям он не был очевидец, это видно из слов его самого: "написах мало от малаго слышанья напамятован бысть, яко многие известнее сведять", но из этих же слов видно, что он жил вскоре после события» *(Семевский,* 1894. С. 38). По-видимому, М.И. Семевский имеет в виду упомянутую рукопись 1760 г. Все эти сведения интересны, ибо показывают, что окрестные древности заинтересовали торопчан еще в XVIII в. О Торопце читаем и у И.К. Кирилова (1977. С. 157) - русского ученого Петровского времени (1689-1737), составившего, как известно, подробное статистико-географическое описание России (1731) и первый Атлас Всероссийской империи (1734) и т.д.

того же года "Великий князь Всеволод посла сыны своя... на Торжекъ. Мстислав же (Мстиславич) слышавъ, оже идет на нь рать, изиде из Торжку Новугороду, а оттуда иде в Торопець в свою волость" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. С. 435). В 1211 г. князь Мстислав двинулся на Торжокъ, оттуда - на Торопец и далее - на Луки и "съняся съ ногородьци" (НПЛ, 1950. С. 52). В 1213 г. псковичи изгнали от себя князя торопецкого Владимира (ПСРЛ, 1848. Т. 4. С. 20, 177), а в следующем, 1214 г. торопецкий князь Давид участвует в походе князя Мстислава на новгородцев (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. С. 491). В 1215 г. в летописях снова идет речь о Торопце и его князьях: князь Ярослав Всеволодович из Торжка и другие князья начали воевать "волость Торопецкую" ("из Торжку") (ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 120). Торопецкий князь участвует в битве на р. Колке (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. С. 446). В том же году начались нападения литовцев на Торопец: "Воеваша Литва около Торопца; и гонися по них Ярославъ с новгородци до Въсвята (Усвята. -*Л.А.)* и не угони их" (НПЛ, 1950. С. 263). В 1225 г. Литва воюет около Торжка и "Торопечькую волость всю взяша", при этом убит князь Давыд (НПЛ, 1950. С. 269), но в 1234 г. "на Дубровно на селище в Торопецкой волости великий князь Ярослав разбил Литву на голову" (НПЛ, 1950. С. 283). В 1239 г. в Торопце "оженися князь Александр, сын Ярославич (Александр Невский. - *Л.А.)* в Новгород*, и поя в ПОЛОЧСК-Б у Брячислава дщерь и в-Ьнчася въ Торопце..." (НПЛ, 1950. С. 289). И снова: В 1245 г. "воеваша Литва около Торьжку и Б-Ьжици... и биша их под Торопцомъ, и КНЯЖШГБ их вщ-Ьгоша в Торопець" (НПЛ, 1950. С. 304). «Особенно грозным был поход (Литвы) 1226 г.: "бе бо рать велика зело, якоже не была от начала миру", Торопец был опорным пунктом обороны Руси от литовских набегов» *(Пашуто,* 1959. С. 372, 376).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ. В районе города Торопца имеется несколько археологических объектов средневекового времени: два городища, два селища и три могильника. Древнейшее *городище Кривит* "занимает береговой холм оз. Соломено при истоке из него Торопы, возвышающийся на 25 м над водой озера. Площадка - овальная в плане размером 90 х 75 м, окружена по краю гребнем кольцевого вала", - характеризует его исследовательница Я.В. Станкевич (19606. С. 312). Вал городища перерезан двумя въездами, имеющимися с северной и южной его сторон (рис. 73). Форма

Рис. 73. Торопец. План детинца

городища хорошо сохранилась. На его задернованной поверхности внутри вала заметны западины и бугорки, соответствующие древним жилищам и иным сооружениям. Южная и юго-восточная стороны городища вдаются в озеро и частично граничат с течением р. Торопы. С противоположной северной и северо-западной сторон к его подошве примыкает ровное плато, занятое огородами. Далее расположены постройки и дома (Горная улица) в южной части города Торопца". "Селище или посад, - продолжала исследовательница, - примыкает к основанию городища с противоположной озеру северной и западной сторон и находится у самой подошвы памятника: в 0,75 км от Кривит второе селище - Привалье. Оно занимает центральную возвышенную часть моренной гряды. Если первое селище датируется, по-видимому, домонгольским временем, то селище Привалье - XIII-XIV вв." *(Станкевич,* 19606. С. 313).

Археологические раскопки древнего Торопца в 1938 г. начал Н.П. Милонов, так и не опубликовавший их результатов, и в печать проникли лишь самые общие сведения: "на территории городища существовали усадьбы богатых боярских семей, жилища ремесленников, работавших на них, а на соседних холмах находились дома, в которых жили земледельцы и ремесленники" *(Вертинский,* 1939. С. ПО, 111). Из последующих публикаций можно понять, что Милонов заложил на городище раскоп площадью около 200 $м^2$. В верхней части культурных напластований он изучил остатки производственной постройки XV в. и жилища XIII в. Ниже были раскрыты остатки многочисленных сооружений. Планировка построек Торопца теперь была подчинена направлению вала. Население увеличилось - домов стало больше. Построенные в 1161-1166 гг. дома имели размеры 3x3; 2,85 x 2,9 м, были снабжены примитивными печами в углах и топились по-черному. Вокруг было много хозяйственных построек, дворы мостились деревом и т.д. Среди многочисленных обиходных вещей отметим предметы производственного и сельскохозяйственного назначения. В конце XII - начале XIII в. интенсивность застройки еще более повысилась и было возведено вместо прежних пяти - восемь построек, между которыми была прослежена деревянная мостовая двухметровой ширины. Ее ограждали либо срубные строения, либо частоколы усадеб. В 1191 г. был выстроен дом (3,5 x 3,6 м), к которому с севера примыкал хлев, а с юга - кладовая-сарай. На полу кладовой лежали два кормовых весла, лука седла, оселок, кожаный кошелек, остатки кожаной обуви, шиферное пряслице и др. Севернее этого тройного комплекса была расчищена связанная с ним мостками жилая постройка малых размеров (2,2 x 2,6 м) с печью на столбовом опечке. Помимо деревянных предметов, здесь найдены: костяной запор колчана, пластинчатый бронзовый браслет, подсвечник хороса, крест-тельник, свинцовая лунница. Тройная постройка просуществовала 38 лет, в 1230 г. ее сменила такая же новая. За это время улица трижды перемащивалась. Появились новые виды печей - каменки, расположенные также в углу строения, как и предыдущие глинобитные *(Раппопорт,* 1975. С. 111).

Выше этих построек, во втором горизонте было расчищено пожарище, в котором погиб весь город. Основываясь на находках (печать брата Александра Невского, Ярослава Ярославича - ум. в 1271 г.), М.В. Малевская отнесла этот пожар, как и весь горизонт, к 40-60-м годам XIII в., а пожарище, следовательно, - ко второй половине XIII в. В позднейшей работе, написанной М.В. Малевской с Д.И. Фоняковым (1985. С. 66), они пытались уточнить дату пожара: "в горелом слое найдены вещи, характерные для первой половины XIII в.... Второй строительный горизонт - на почти вдвое большей площади, чем предшествующие. Раскрыты остатки 21 постройки, почти все они погибли от сильного пожара. В горелом слое найдены вещи, характерные для первой половины XIII в., например, энколпионы киевского производства, костяные двусторонние гребни типа М. Здесь найдены почти все происходящие из Торопца предметы древнерусского вооружения и воинской амуниции: кинжал, наконечники стрел, перекрестье меча, пластины от доспехов, наконечник копья, удила и шпоры типов, бытование которых в основном прекращается в середине XIII столетия. Это дает основание предположительно связывать пожар с литовским набегом 1245 г., когда, по свидетельству летописи, Торопец был на короткое время захвачен неприятелем" *(Малевская, Фоняков,* 1985. С. 66). Мне уже приходилось писать, что датировать этот пожар серединой XIII в. неверно - другого пожарища в раскопках нет, летопись же свидетельствует о громадном пожаре в Торопце только один раз, под 1337 г., когда в Москве был пожар и потоп: "того же л'Ьта и Торопецъ погор-Ь и потоп*..." (НПЛ, 1950. С. 348; *Алексеев,* 1980. С. 163). Дата 1245 г. в самом деле слишком предположительна (что, мы видели, не отрицают и авторы), к тому же, в работе 1967 г. М.В. Малевская склонялась к датировке пожара (как и всего второго горизонта) второй половиной XIII в. *(Малевская,* 1967. С. 54), и это уже ближе к истине. Не следует забывать, что верхние слои культурного слоя с недатирующимся дендрохронологически древним деревом спрессованы гораздо сильнее, чем более ранние с датируемым (в Торопце это седьмой-третий строительные горизонты, датируемые 1120-ми-1230-ми годами; см.: *Черных,* 1972. С. 105), и соответствуют, следовательно, значительно большему промежутку времени. Итак, между датой пожара в летописи 1337 г. и концом второй половины XIII в. (верхняя дата второго горизонта) лежит 37-40 лет, их без дендрохронологии, лишь по вещам, уловить трудно. Очень странно, что все это не учтено ис-

следователями торопецких древностей, дата летописи 1337 г. не учтена ими вообще, несмотря на мое напоминание, а при перечислении датирующего материала не указываются конкретные типы вещей и их датировки, как будто это могло повредить датировке авторов! Если их утверждения верны, то где же следы пожара Торопца 1337 г., почему их нет?! Автору этих строк представляется несомненным, что при полной публикации материалов раскопок в Торопце (если когда-либо это будет осуществлено), издателю будет необходимо пересмотреть датировки наслоений выше 1230-х годов, принимая во внимание, что единственный отложившийся по всей площади раскопов пожар указан в летописях под 1337 г. Как мы знаем, предметы религиозной веры во все времена тщательно сохранялись и не удивительно, что в Торопце берегли крест-энколпион, отлитый еще в 1230-х годах и имевший распространенную в эти страшные годы татарского нашествия надпись: "Пресвятая Бобородица (так на этих отливках), помогай!" Вполне может быть, что реликвия в XIII в. попала в этот город с бегущими из Киева или других мест от Батыя (севернее эти кресты неизвестны, ближайшие, сколько известно, происходят из Витебской губернии *(Корзухина,* 1962; *Сементовский,* 1890. С. 129).

Послепожарный горизонт в Торопце намного беднее, видимо, после 1337 г. жизнь в городе утратила свою былую интенсивность: немного построек, мало находок. Весь последний горизонт в городе датируется XIV в., т.е. временем, когда Торопец был захвачен Литвой (в XV в. его уже отвоевывают москвичи: "Въ л-Ьто 7007/1499... Москва поразила Сапегу и самого яша; Путивль же, Торопецъ и Дорогобужъ и проч. Оьверу взята" (ПСРЛ, 1843. Т. 2. С. 362).

На городище Кривит хорошо сохраняется дерево и на определенных глубинах, поддается дендрохронологическому анализу. В 1985 г. детальное изучение построек Торопца было опубликовано *(Малевская, Фоняков,* 1985. С. 63-79). Всего обнаружено 55 построек конца Х-ХШ вв. и две постройки, как считают авторы, XIV в. (на самом деле, соотношение, по-видимому, было иным, так как пожар города летопись датирует, как говорилось, 1337 г.). Среди построек было 29 жилых, 19 хозяйственных, назначение семи построек определить не удалось. Все жилища наземные, в основном однокамерные площадью 8-23 м^2. Крыша крылась соломой, потолки утеплялись глиняно-земляной насыпкой, стены конопатились мохом. Печи обычно располагались в углу, имели свод из камней, печи - каменка и глинобитная - встречены по одному разу *(Малевская, Фоняков,* 1985. С. 75). В большинстве построек дома ставились на глиняной гидроизоляционной прослойке, полы лежали на лагах, врубленных в стены, либо положенных непосредственно на глиняный грунт, и состояли из подстилающего "черного" пола (накат из бревен) и "белого" (доски, уложенные на накат). Подпольных и подпечных ям не делали. Соотношение устья печи и входа не было единообразным (выявлено 6 вариантов).

Хозяйственные постройки - также наземные, срубные (кроме одного случая), однокамерные (двухкамерная - в одном случае). В постройках для скота применялся жердевой (иногда дощатый) пол. Полы из досок применялись в кладовых на лагах. Риги или амбаров не обнаружено (либо они не уловлены).

В заключение авторы приходят к нижеследующим важным выводам:

1) С восьмого горизонта планировка стала подчиняться направлению вала, который, следовательно, был воздвигнут в конце XI в. На уровне четвертого горизонта начали мостить улицы (примерно, с конца XII в.). В третьем строительном горизонте появляются радиальные улицы. 2) Планировка раскопанного участка длительно не менялась, хотя бывали случаи, что на месте хозяйственной постройки возникал дом и наоборот. Лишь с пятого горизонта планировка значительно уплотняется - видимо, с 60-х годов XII в. население города сильно разрослось. После пожара население, можно думать, сильно сократилось *(Малевская, Фоняков,* 1985. С. 78-79). Нельзя не пожалеть, что исследователи не нашли нужным дать таблицу стеклянных браслетов по установленным ими горизонтам: это дало бы дополнительные сведения для датировки напластований и т.д.

Несмотря на ряд работ, посвященных древностям Торопца по раскопкам, полная публикация всего найденного, его обработка и историческое осмысление - все это, по-видимому, все еще впереди[43]. Автореферат кандидатской диссертации Д.И. Фонякова *(Фоняков,* 1986. С. 3-17) знакомит нас с теми выводами, к которым он пришел, изучив материал. Уяснив типологию находок (орудия труда ремесленников и производственные материалы, бытовой инвентарь, одежда и украшения, предметы, связанные с религиозным культом, оружие, снаряжение воина, транспортные средства, материалы по земледелию, скотоводству, промыслам), он переходит к их интерпретации - занятиям населения, которые были для городов того времени на Руси традиционны: ремесленники владели всеми основными навыками своих собратьев в других городах и поставляли свою продукцию населению окрестных сел в обмен на сельскохозяйственную продукцию и т.д. В город попадали изделия и других городов - шиферные пряслица, замки, стеклянные вещи и пр. Наряду с ремеслом и торговлей торопчане традиционно занимались земледелием, скотоводством и промыслами.

---

[43] В настоящее время проработан цветной металл *(Фоняков,* 1991).

Торопец, считает Д.И. Фоняков, первоначально был административным центром, куда сходилась дань с округи для смоленского князя. С первой половины XII в. он постепенно начинает превращаться в поселение со все возрастающим количеством городских признаков (развитие ремесла и торговли, усовершенствуются городские укрепления и т.д., все более заселяется посад). В середине XII в., по наблюдению автора, торопецкие ремесленники постепенно переходят от работы на заказ к работе на рынок *(Фоняков,* 1986. С. 13). Во второй половине XII в. это уже феодальный центр обширной территории, ее военный и административный центр.

Нашествие Батыя не коснулось, как известно, Торопца, но его влияние отразилось во всех городах Руси и, в частности, здесь: по материальной культуре, считает Д.И. Фоняков, можно определить, что в городе явно присутствуют выходцы из южной Руси. "Добравшиеся до Торопца беглецы, - полагает он, - были поселены на детинце, что вызвало определенное уплотнение даже в ущерб потребностям обороны" *(Фоняков,* 1985. С. 14).

Во второй половине XIV в. Торопец вошел в состав Великого княжества Литовского, подобно многим городам Западнорусских земель.

В заключение следует указать, что выводы безвременно скончавшейся талантливой исследовательницы Я.В. Станкевич по раскопкам Торопца полностью себя оправдали. Торопец находился в крае, который "наиболее густо был населен уже со второй половины I тыс. н.э. ... Река Торопа уже в то время и особенно в последующий феодальный период представляла собой основную водную артерию, проходившую в центре одного из древнейших княжеств древней Руси". Древнейшая керамика Торопца "характерна для славянских памятников конца X - первой половины XI в.", т.е. как мы говорили, конца гнёздовского времени. Эта дата косвенно подтверждается курганными погребениями в 1,5 км от городища, в юго-западной окраине г. Торопца *(Станкевич,* 19606. С. 132, 140). Эту же дату подтвердили и последующие исследования *(Корзухина,* 1964).

Домениальные города смоленских князей

Нами было уже отмечено, что древнейшие города Западнорусских земель, возникавшие в IX - первой половине X в., все назывались недавно пришедшими славянскими племенами (кривичей, дреговичей) по реке, на которой их возводили. Это были Полоцк, Витебск, Друцк, Слуцк и т.д. Их названия для археолога гарантируют наличие на материке отложений IX - первой половины X в. Однако на наших землях есть памятники с иными историческими наименованиями, происходящими от княжеских имен, известных нам по летописи. В Полоцкой земле встречаются городища Романово (был полоцкий князь Роман Всеславич, умерший в 1116 г.). Подобный топоним находим и в Смоленской земле, где, мы увидим, в XII в. правил княжеством сын Ростислава Смоленского - Роман (в советское время по недоразумению подобные топонимы связывали с царской фамилией Романовых, и все топонимы этого рода становились "Ленино" (под Минском, а также к северо-востоку от Горок и т.д.). В Смоленской земле есть топонимы, связанные с именами смоленских князей - Ростислав, Мстислав, Рогнеда. Уже априори становится очевидным, что города, названные от этих княжеских имен, возникли позднее, чем те, которые были названы по рекам. Это все были поселения, принадлежавшие княжескому домену.

Остановимся на этих поселениях городского типа, названных от имен смоленских князей - Ростиславль и Мстиславль, по ним можно судить о княжеских домениальных городах.

Ростиславль

Древний смоленский город Ростиславль (ныне Рославль) расположен на древней дороге из Смоленска в Чернигов, в южной части Смоленской земли, в местности, которая нами определена как домениальные владения домонгольских смоленских князей *(Алексеев,* 19766. С. 53-59).

Город впервые упомянут в дополнительной грамоте к Уставу Ростислава смоленского 1136 г., которая датируется, как мы установили, временем между 1211 и 1218 гг. *(Алексеев,* 1979. С. 100). В самом Уставе город этот не назван, значит, его построение относится ко времени между 1136 и 1211 гг. Исходя из наименования этого центра, есть все основания думать, что он возведен Ростиславом Смоленским в те же годы, когда он строил в этом домене и Мстиславль. Судя по размерам погородья Дополнительной грамоты (как город он платил епископу 3 гривны и почестья одну гривну и 4 лисицы), город был меньше Мстиславля (платил 6 гривен), и по своему экономическому положению равнялся примерно Ельне (платила 3 гривны и лисицу). С течением времени наименование города изменилось - он стал называться Рославль. В древнерусских летописях и актовых материалах город упоминается только с конца XV - начала XVI в. (см.: ПСРЛ, 1965. Т. 13, вып. 2. С. 397 - 1565 г.). Как мы выяснили выше, территория, где он возник, была довольно сильно заселена в древности, о чем свидетельствует обилие курганов.

Историей Рославля занимались мало. Первая работа о нем относится к 1858 г. и содержит лишь

поверхностно собранные сведения *(Никитин, Неверович,* 1858). Более обстоятельной была работа преподавателя Рославльского уездного училища С.С. Ракочевского (1878; 1880 и отдельным изданием - 1885). Неосмотрительно суровая рецензия А.И. Савельева (1884. С. 69 и ел.), где, критикуя работу, он суммировал, что "все это вместе взятое не дает нам права отнести город Рославль к местностям России, особенно замечательным по своим археологическим памятникам; мы позволяем себе думать, что интересные сведения о городе Рославле, собранные г. Ракочевским, могут скорее всего доставить весьма полезный материал для исторической географии нашего отечества", видимо, отпугнули С.С. Ракочевского от дальнейших подобных работ. Вместе с тем суждение рецензента было слишком поспешным, ибо работа содержала большое количество весьма важных сведений, тонких и правильных наблюдений, справедливость которых видна только теперь. После С.С. Ракочевского истории города посвящались небольшие популярные очерки. Таковы несколько статей исторического и историко-этнографического содержания местного краеведа А.А. Щукина, сопровождаемые большим нагромождением априорных заключений и допущений *(Щукин,* 1892; 1894). Ценность этих статей в некоторых фактических данных об археологических памятниках Рославльского уезда, об этнографических обрядах его жителей и т.д.

Город Рославль сложился исторически, и в XVIII в. состоял из нескольких частей, разделенных речкой Становкой (притока р. Остра, впадающего в Сож): "собственно город", Юрьевская гора и Заречье. Центром собственно города было древнее *городище Бурцева Гора* (детинец), возле которой за рвом дугообразно располагались кварталы, перерезанные радиусами-улицами от центра к периферии *(Ракочевский,* 1880. С. 494). Основные четыре улицы города носили названия по тем городам, к которым они выводили: Смоленская, Мглинская, Краснинская, Брянская *(Рябков,* 1957. С. 416).

На правой возвышенной части Становки, за рвом городища, располагался посад с торговой площадью и четырьмя церквами, которые, судя по названиям (Благовещенская, Никольская, Успенская и Пятницкая - Историко-статистическое описание, 1864. С. 329), могли быть и весьма древними: эти церкви упомянуты уже в документе 1634 г.: "Благовещенская на посаде", "Николы в Незнанове", "Успения в Жолницу", "Пятницы на Месте". В центре современного города, в низине на левом берегу Становки, возвышается Спасский монастырь, отстроенный, по преданию, в XIII в.[44]

[44] Митрополит Филарет (1888. С. 253), правда, ссылаясь на "Акты исторические" (1841. Т. 1. № 174 и 293) считает, что монастырь возник позднее, но, во всяком случае, до 1560 г. (в чем он, кажется, прав).

Подобно соседним городам, Мстиславлю и Кричеву, в Рославле было и городище, по-видимому, раннего железного века, расположенное на так называемой Сотниковой Горе. По описанию С.С. Ракочевского, последняя находилась "по другую сторону земляного вала (Бурцевой горы), в расстоянии 300 сажень от него, вверх по течению Становки, на левом берегу". Это был "круглый плоский курган, возвышающийся над уровнем реки на 17 аршин (свыше 12 м. *-Л.А.)", с* "верхней площадью 2880 кв. аршин и при основании 8019 кв. аршин". В народе памятник назывался "Городком", а в официальных документах XVIII в. - Сотниковым Городищем *(Ракочевский,* 1880). Городище имело, по тому же описанию, культурный слой, "насыпной грунт... в верхней его части"; на 2/3 оно состояло из песка. "От самого берега Становки, начинаясь под прямыми углами, два аршинных лога по обе стороны основания кургана параллельно тянулись к северу, постепенно суживаясь и исчезая в песчаной возвышенности. Их-то соединение широким перекопом и отделило от прибрежной возвышенности основание кургана, дав и материал для возвышения его". Так С.С. Ракочевский описывает ров и вал виденного им городища. "Сотниково городище, - сообщает И.И. Орловский (1907. С. 170), - недавно продано городской управой на срытие". Этим и объясняется, что следов этого, видимо, ценнейшего памятника до нас не дошло.

Древние вещи в Рославле встречаются постоянно. При раскопке рва для часовни на Бурцевой горе (детинце, как увидим, города) в 1865 г. обнаружено большое количество человеческих (?) костей *(Ракочевский,* 1880. С. 495, 496). В 1875 г. при рытье рва для устройства каменного фундамента под возобновлявшийся каменный иконостас Благовещенской церкви "были найдены кирпичные обломки, выжженные превосходно, замечательные по своей плитообразной форме, не похожие на форму кирпичей крепостной смоленской стены: при ширине б'/г дюймов (16,25 см), толщина различна: от 1 1/2 доходит она до двух дюймов (от 38 до 50 мм)" (Ракочевский, 1880. С. 516). Не приходится сомневаться, что речь здесь идет о плинфе, из которой был выстроен храм Благовещения в домонгольское время, что в наше время, мы увидим, полностью подтвердилось. При каких-то земляных работах у часовни на Бурцевой горе в 1890-х годах был найден перстень "с благославляющей человеческой фигурой" *(Щукин,* 1893. С. 383) (скорее с "благославляющей" человеческой рукой - перстни такие в археологии известны, как у нас, так и среди западноевропейских древностей; *Седова,* 1981. С. 135, рис. 51, *19-22),* они датируются второй половиной XIII-XIV в. *(Седова,* 1959. С. 255, рис. 10, *25).* В 1927 г. "при переоборудовании Бурцевой горы" для гуляния, в самом ее центре было обнаружено "несколько слоев древнего кирпича, а под ними нечто вроде свода" (см.:

Г., 1927. № 130). Приехавший из Смоленска И.М. Хозеров определил, что это - остатки зданий XVI в. В его присутствии "рабочие натолкнулись на глубине 1,7 м на площадке означенной (Бурцевой) горы, недалеко от ее края, на остатки деревянного сооружения из дуба в 5 венцов, рубленных в так называемое обло". Не знаем, с ведома ли И.М. Хозерова далее сообщалось, что "общая конфигурация обнаруженного сруба свидетельствует за необходимость признания в данном случае остатков башни и стены деревянного укрепления Бурцевой горы" (Отклики и заметки, 1927).

Помимо поселений, в Рославле был, по-видимому, и обширный, ныне не сохранившийся курганный могильник: "Из памятников древности, сообщалось в 1864 г. - кроме курганов в самом городе и около него ничего не осталось" (Историко-статистическое описание, 1864. С. 327). Место одной части некрополя определяется за р. Становкой, в километре на восток от детинца: по любезному свидетельству выдающегося рославльского историка-краеведа С.С. Иванова, там имеется кладбище, до сих пор именующееся "Курганье", а рядом - улица "Турецкая". Турки в Рославле мало вероятны, улица же, несомненно, названа по высящимся там некогда древним курганам, насыпи которых население часто связывает с войнами с французами, турками, шведами (французские, турецкие, шведские могилы).

Итак, перед нами характернейший древнерусский памятник городского, казалось бы, типа, однако здесь было, видимо, сложнее - есть детинец (Бурцева гора), по-видимому, неукрепленный посад (за рвом на месте, где была отстроена в домонгольское время, мы увидим, Благовещенская церковь)[4"], курганный могильник и нет окольного города! К этому вопросу мы вернемся после описания археологических раскопок в Рославле.

Обратимся к археологическим остаткам древнего Ростиславля.

Детинец его располагался в самом центре современного Рославля, на правом берегу р. Становки, на высокой (северная сторона 15 м, южная - 10-12 м) горе. Площадка памятника (160 м - север-юг, 110-120 м восток-запад) имеет в плане форму боба (рис. 74). По ее периметру насыпан был высокий вал, сохранившийся ныне (на высоту 5-6 м) только в южной и восточной частях городища. В северной части вал, если и был, то срыт давно, в юго-восточной части он был перерезан бульдозером для прохода жителей на детинец с этой стороны.

Сохранность культурного слоя хорошая: на нем нет построек с мощными фундаментами (исключение - остатки телевизионной башни в квадрате И-5.

[45] По свидетельству П.А. Раппопорта и Е.В. Шолоховой (1976. С. 84) на месте этой церкви культурного слоя обнаружено не было, однако ясно, что храм вне пределов детинца был рассчитан на посадское население.

Археологические исследования Рославля производились археологами в 1969-1970 гг. (Л.В. Алексеев), 1975 г. (П.А. Раппопорт) и в 1987 г. О.Г. Ульяновым (по Открытому листу Л.В. Алексеева и под его наблюдением).

Работы Л.В. Алексеева (как и О.Г. Ульянова) производились на средства Рославльского историко-художественного музея (директор М.И. Иванова) и были начаты в нескольких местах: в юго-восточной части детинца был заложен раскоп I (кв. Л. II и М. II, рис. 74), в северо-восточной части - раскоп II (кв. К-4 и Е-1 - шурф, рис. 74) и в ограде бывшей телевизионной вышки (кв. И-6 - шурф 2). Во всех раскопах обнаружен культурный слой, найдены отдельные предметы домонгольского времени (шиферные пряслица, стеклянные браслеты и др.).

СТРАТИГРАФИЯ памятника не сложна. Материк залегает на разных глубинах: на арах Л-П и М-П раскопа I он выявлен на глубине 1,5 м, ав северо-восточной части памятника (раскоп II) - на глубине 4,3 м. Условно весь культурный слой можно разделить на три горизонта: верхний, средний и нижний. *Верхний* (от 0 до 1,4 м) состоял из четырех прослоек. *Средний горизонт* (от 1,4 до 2 м в восточной части раскопа II и до 3,2-3,4 м в южной части) составляют наслоения из древесных остатков - щепы, перегнившего навоза и дерева. Здесь вскрыты все основные древние деревянные постройки. Что касается *нижнего слоя,* то он не был однородным. Как и верхний, он представлял сложную картину напластований. В северной, восточной и юго-восточной частях раскопа II он бьи перекрыт иногда довольно мощной (до 0,3 м) про слойкой материковой глины, которую в свою оче редь подстилала более темная прослойка со значи тельной примесью навоза и со включениями і южной части тонких прослоек. *Материк* - светло серая глина. В пределах раскопа II он был сильн< перекопан ямами и имел наклон в 2 м с разностьн глубин от поверхности земли 2,4 м (у вала) до 4,41 (в западной части раскопа). Глубина залегания ма терика у северного профиля раскопа II - 470 см о условного репера (за нулевую отметку репера при нималась бетонная поверхность подоконника окн в основании телевизионной башни, расположен ной по-соседетву).

Рассмотрим последовательно культурный слоі начиная с его возникновения.

Древнейший слой небольшой мощности 5-10 с залегал непосредственно на погребенной почве был сплошь перекрыт прослойкой пожарища, ук; зывающей на гибель первоначального поселения результате пожара. Датировать его не удастся, та как в нем полностью отсутствуют какие-либо в< щи. Лишь один предмет, обгоревший в этом пе] вом ростиславльском пожаре, был обнаружен н ми - это костяное навершие посоха (U.K. 16), коті рое сделано из костной ткани рога лося? На одж

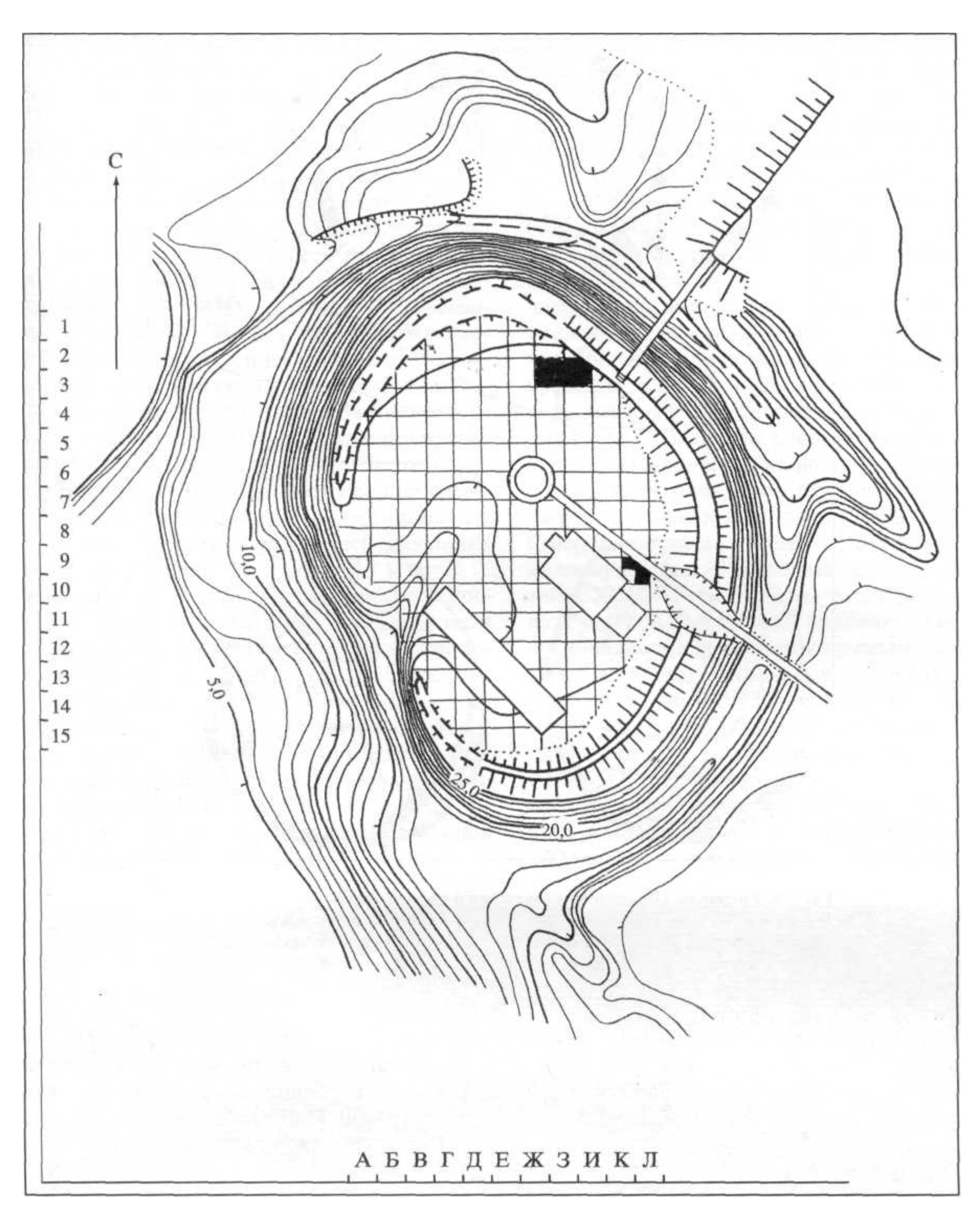


Рис. 74. Детинец древнего Ростислав.™ (Рославля). План
Затушеванные ары - раскопы автора

стороне была прочерчена острым ножом несколько раз семиугольная фигура, несколько напоминающая корону князя, которая изображалась на древнерусских миниатюрах (Радзивилловская летопись, 1902. Л. 5 об., 193 об., 403 об., верхняя миниатюра). На другой стороне навершия, у отверстия, надевавшегося, видимо, на посох, помещено изображение равноконечного четырехугольного креста, сильно испорченного огнем (стенка отверстия частично выпала) (рис. 75, 2). "Ниже" этого изображения есть еще непонятные знаки, с одной стороны которых четко читается княжеская тамга "трезубец", состоящая из вертикальной средней мачты, которая пересечена под прямым углом двумя штрихами: один, маленький, - в нижней части, другой, несколько больший, - в средней части мачты. От концов последнего отходят в разные стороны две размашисто прорисованные дуги. Знак этот ближе всего к тамге отца Владимира Мономаха Всеволода Ярославича (История культуры

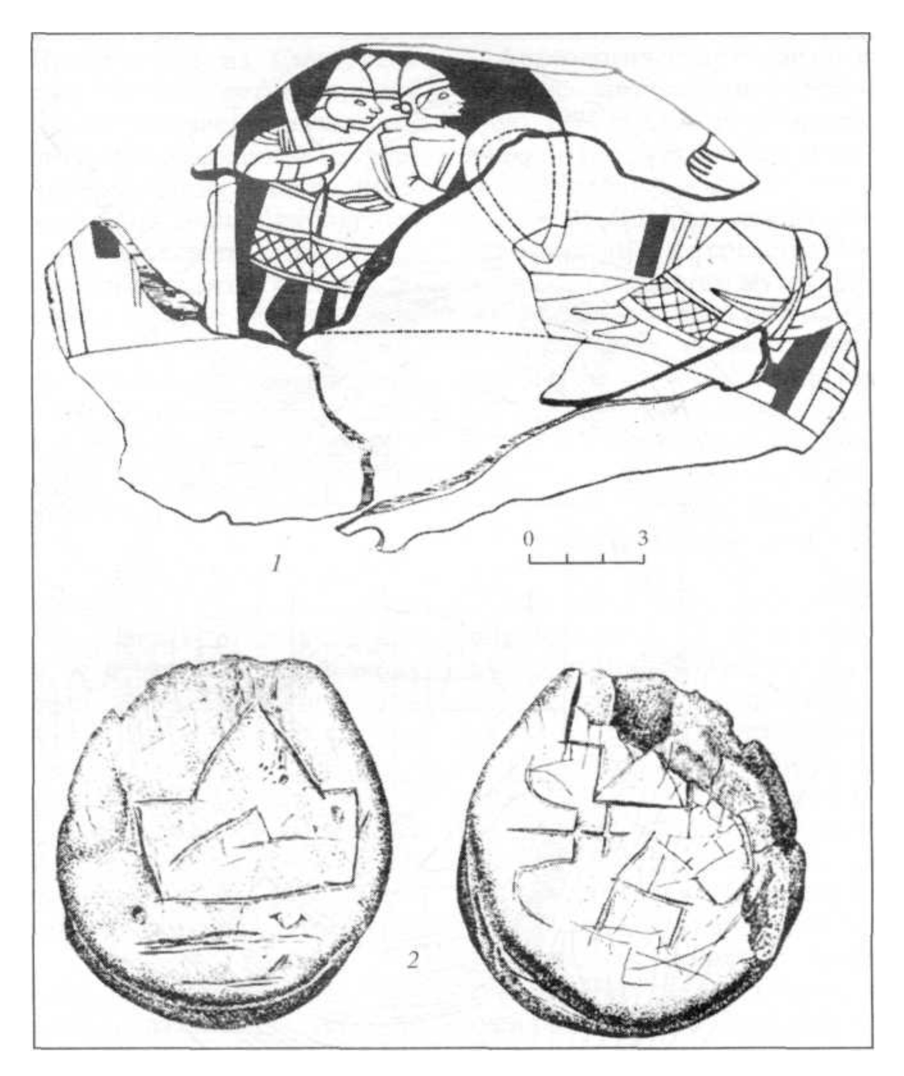


Рис. 75. Рославль. Находки из культурного слоя детинца
1 - фрагмент деревянной чаши с резным изображением воинов с князем,
2 - навершие (?) посоха (?) с княжеским знаком, близким к тамге Ростислава Смоленского, и короной (нижний слой пожарища)

древней Руси, 1948. С. 163, рис. 110, 6), однако, тамга эта является "двузубцем" с отрогами внутрь, которых на нашем знаке нет. Напоминает рославльское изображение и знак смоленского князя Ростислава, но здесь различий несколько больше, чем в предыдущем случае *(Янин,* 1956а. С. 150, рис. IV, *30),* и самое главное отличие: знак Ростислава Мстиславича не имеет средней вертикальной мачты, как в нашем случае!

В древнейшем ростиславльском пожарище найдены и другие обгорелые вещи (или вещи со следами огня). Таков ключ от нутряного замка, относящийся, по новгородским раскопкам, к XI - началу XIII в., кожаный кошелек в виде мешочка с ремешком, сделанный из одного куска кожи с внутренним швом (аналогии известны в Пскове *(Оятева* , 1962. С. 92, рис. 10,*12),* Новгороде *(Изюмова,* 1959. С. 219, рис. 11, *10),* Москве (Дубынин, 1960. С. 78), есть они и в Белоруссии, например, в Полоцке *(Штыхов,* 1975. С. 78, рис. 38, *8),* в Бресте *(Лысенко,* 1985. С. 300, рис. 207, 9; 207, *12)* и т.д.)

В этом же слое найдены шарнирные ножницы с инкрустацией. Почти такие же известны с Бородинского городища на Смоленщине XII-XIV вв *(Седов,* 1960. С. 108) и из Новгорода (XIII в.).

После гибели первоначального поселения в пожаре (очевидно, это вторая половина XII в.), в Ростиславле началось интенсивное строительство как деревянное, так, судя по находкам отдельны? кусков плинф, и кирпичное. В слое щепы и навозг над пожарищем найдены были фрагменты керамики, датируемые Г.П. Смирновой (личное сооб щение) концом XII - началом XIII в., и другие пред меты этого времени: килевидная стрела - тип 33 по А.Ф. Медведеву (1966. Табл. XX, 5), железное стремя, имеющее аналогии в памятниках кочевни ков *(Плетнева,* 1958. С. 180, рис. 16, 7), самшито вый гребень трапециевидный, пружинные ножни цы.

Здесь же в этих слоях обнаружены древнейшие деревянные постройки города II-15 и II-18. Пер вый - небольшой, хорошо сохранившийся сруб и:

пяти венцов, ориентированный углами по странам света (рис. 76). Это была клеть (2,75 х 2,45 м) с дощатым полом и остатками нижней части дверного проема в северо-западной стене, но не в середине, как обычно, а поблизости от северного угла. Проем начинался с третьего венца, где в месте проема нижнее бревно было стесано наполовину, а на образовавшуюся плоскость снаружи было положено еще одно бревно, в конце которого сделан выруб для пятки двери. С внутренней стороны сохранились остатки наличника - притолоки. II-18 - бревенчатый настил, примыкавший к срубу П-15 и сложенный из бревен-горбылей на двух лагах. С южной стороны настил ограждал частокол, начинавшийся вблизи западного угла сруба. Выше настила II-18 был положен настил П-6, он также примыкал к срубу П-15. По-видимому, сруб этот бытовал довольно долго; настил II-1: был сооружен не сразу, а после того как нижележащий настил пришел в негодность и между ними образовалась прослойка гнилой щепы в 20-30 см.

К сожалению, все пробы с бревен древнего Ростиславля оказались с очень малым количеством камбиальных слоев, что исключало дендрохронологию памятника (заключение Н.Б. Черных), датировать приходится другими средствами и относительно: сруб П-15 и настил П-18 датируют овальное кресало (начало XIII в. - *Колчин,* 1959. С. 101) и самшитовый трапециевидный гребень (максимальное распространение в XIII в.).

На полу сруба лежали фрагменты деревянной чаши с рисунками:

"Дружинная" деревянная чаша с рисунком. Эта уникальная находка сохранилась в двух фрагментах, где был вырезан рисунок, покрытый некогда красной, зеленой и желтой красками, исчезнувшими, как только находка попала на воздух (рис. 75,*1).* Перед сидящей княжеской фигурой стоит группа воинов (видны 4 фигуры) в шлемах-шишаках с бармицами и вооружением. Они - в рубахах до колен с расшитым низом. Князь виден только в своей нижней части, его одежда доходит ему до щиколоток, внизу также расшита. В руке первого воина - миндалевидный щит, в правой руке второго - обнаженный, поднятый вверх меч. Воины изображены с большой экспрессией, особенно первый, который явно спорит с князем, слегка подался вперед и с вызовом смотрит на него. Спор, очевидно, напряженный, защищаясь от нападок, князь разводит, по-видимому, руками. Форма шлема и тип меча позволяют датировать изображение. Сфероконические шлемы относятся к типу П-А классификации А.Н. Кирпичникова (1971. С. 28, табл. XI, *1).* Такие шлемы были распространены на Руси в XII - первой половине XIII в. Меч с дисковидным навершием и прямым перекрестьем, который держит второй воин, относится к VI типу классификации А.Н. Кирпичникова. Аналогичные мечи были распространены на Руси с XII до начала XIV в., но употреблялись наиболее часто в XIII в. *(Кирпичников,* 1966. С. 55). Этой дате не противоречит и щит, принадлежащий к подвижным миндалевидным щитам, появившимся около 1200 г., когда это оружие из пассивного средства

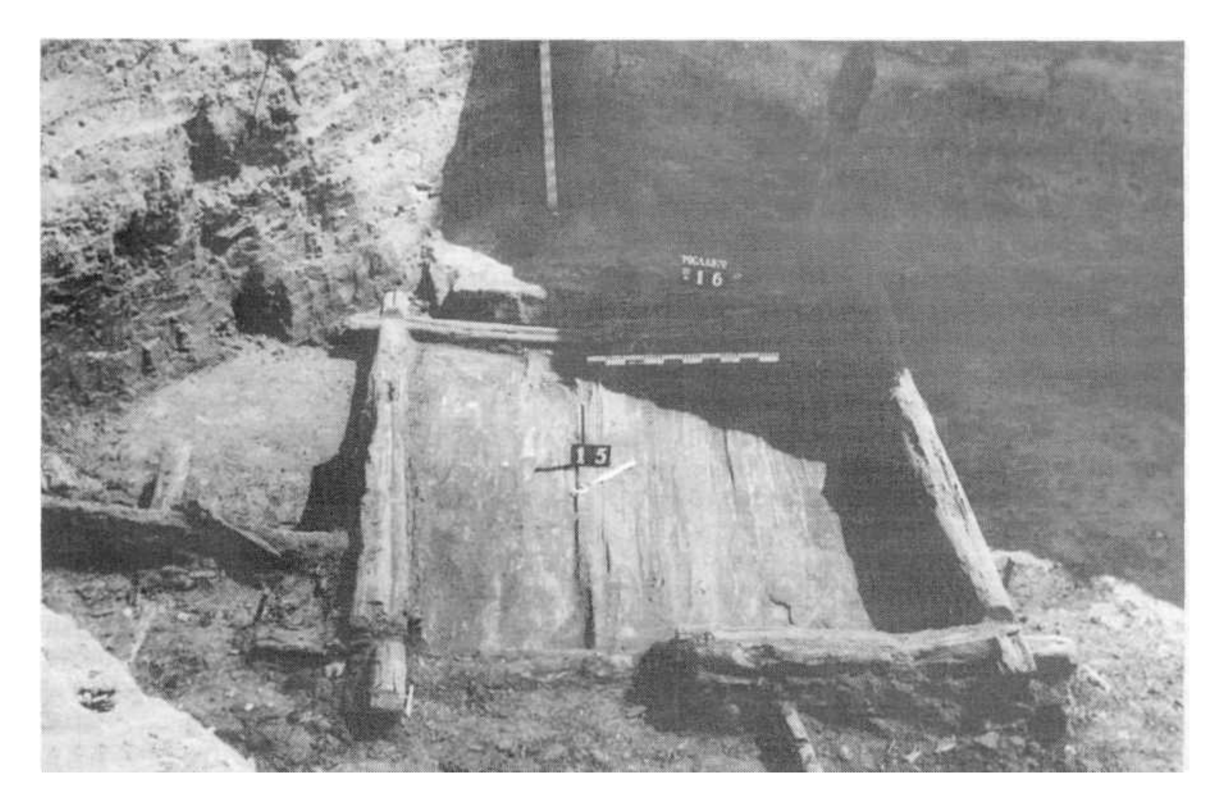


Рис. 76. Рославль. Постройка П-15, на полу которой были найдены фрагменты чаши с цветным изображением дружины и князя. 1970 г.

защиты становится более подвижным и удобным для манипулирования в бою (*Кирпичников,* 1971. С. 38). В Кёнигсбергской летописи XV в., копирующей, как известно, оригинал XIII в., подобные щиты встречаются постоянно. Есть вышитые внизу короткие рубахи, которые носили преимущественно всадники; на княжеских же длинных одеждах подол обычно так же расшит, как и на нашем изображении (Радзивилловская или Кёнигсбергская летопись, 1902. Л. 34 (верх), 40 об. (низ); 41 об. (верх - щиты); 196 (верх), 206 об. (верх) - вышивки одежд).

Обратимся к сюжетной стороне рисунка замечательной чаши из Ростиславля и постараемся определить ее назначение. На ней, несомненно, изображено какое-то столкновение князя с его дружиной, причем активной стороной оказывается дружина, возбужденно требующая что-то от своего сюзерена и даже угрожающая ему оружием. Подобные случаи неповиновения дружины известны из летописи: "И рекоша ему (князю. - *Л.А.)* дружина его: а собе еси, княже, замыслилъ, а не ■Ьдемъ по тоб-Ь - мы того не в-Ьдали!" (1169 г.; ПСРЛ, 1962. Т 2. С. 536, 537). Бывали случаи, когда после такого совещания дружина либо вообще покидала своего князя, либо только отказывалась идти в походы, либо "подуче, не идяху..." (1172 г., ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 364). Не приходится сомневаться, что наша художественная чаша предназначалась для воинских дружинных пиров. Как мы видели из сообщений летописей, споры дружины с князем, участились во второй половине XII - начале XIII в., когда княжеская дружина начала приобретать особую самостоятельную силу, а княжеская власть над ней в значительной степени ослабла, дружинники были теперь крупными землевладельцами-феодалами и могли, видимо, диктовать князю условия своего участия в походах. Подобная чаша с рисунками, фиксирующими, очевидно, недавние распри с сюзереном, видимо, на пиру очень ценилась. Форма рославльской чаши не может быть точно установлена, но кажется вероятным, что она близка к токарной чаше, которая изображена на рисунке Б.А. Колчина (1968. Рис. 24, 5 - братина с выпуклым горизонтальным пояском, которого на нашей чаше нет).

Единственной пока аналогией нашей чаше является воинская (по-видимому) дружинная чаша, найденная в Новгороде в ярусах 14-15 (1238 и 1224 гг. - *Колчин,* 1963. С. 90), что очень близко к тем слоям, из которых происходит и наша находка. На новгородской чаше изображены воины в боевой обстановке с такими же мечами и миндалевидными щитами, в таких же металлических шлемах. Прикрываясь щитами и подняв меч, они явно энергично движутся в бой. Изображение очень экспрессивно, рисунок тоньше рославльской чаши, но по сюжету наша чаша представляется более интересной. Факт использования подобной чаши со столь откровенным антикняжеским сюжетом на дружинных пирах говорит об очень многом! Любопытно, что воины в расшитых рубахах с оружием тех же типов изображены и на некоторых смоленских граффити (*Воронин,* 1964. С. 173).

Обратимся к более поздним слоям Ростиславля, отложившимся на Бурцевой горе после гибели постройки сруба П-5. В этом месте на раскопанном участке долго ничего не строилось, и горизонты между отметками 377-300, т.е. около 70 см были заняты остатками настилов, бревен и главным образом перегнившей щепы и дерева. Здесь на уровне 12-го штыка найдены были ключ от замка, датирующийся второй половиной XII - началом XIV в., бронзовый проволочный витой браслет размером 3 х 3 , кожаные ножны ножа, веретено, нож с костяной рукояткой; на уровне второго штыка - костяной гребень, блесна, "древолазный шип" (по Р.Л. Розенфельдту, - подкова). Позднее на уровне десятого штыка были найдены железная булавка с кольцом, серп, деревянная миска; на уровне девятого штыка - сверло.

В более позднее время, на уровне седьмого - восьмого штыков на раскопанном участке возобновилось строительство; последовательно были возведены две постройки. Постройка П-2 (5,4 х 5,1 м) сохранилась на четыре венца, причем нижний венец - дубовый. Печи не было, к срубу примыкала пристройка. Скорее всего, это был амбар. Вокруг него отложился культурный слой в два-три штыка. В нем найдены: костяной кочедык, ложновитой серебряный браслет, железная булавка с кольцом и с инкрустацией, удила, глиняное яйцо для подкладки к курице.

Непосредственно на срубе II.2 был возведен сруб II. 1 (9,96 х 3,32 м), ориентированный углами по странам света. Под его западный угол была подсыпана глина толщиной 20-25 см. В его северном углу были остатки печи, почти квадратной в плане (1 х 1,2 м), положенной также на специально подготовленную глиняную подушку ниже пола. Пол печи был выложен из нетолстых кирпичей, напоминающих плинфу, но в действительности, по свидетельству П.А. Раппопорта, более поздней. Свод печи обвалился, ее стенки были сделаны из вертикально воткнутых в глиняное основание жердей, обмазанных толстым слоем глины. Печь ограждал специальный опечек, к которому подходил пол. Среди вещей найденных на уровне постройки и выше, отметим костяные подсадные яйца, железный варган, верхнюю часть стремени.

Во время раскопок на раскопе II было обнаружено 135 (в предварительной публикации 125 - *Алексеев,* 1974. С. 91, 92) обломков стеклянных браслетов, их наибольшее количество падает на 11-12-й штыки, что соответствует, по новгородской хронологии, 30-40-м годам XIII в.

Наши археологические исследования древнего Ростиславля производились на очень скудные

средства и носили рекогносцировочный характер. Тем не менее, теперь мы знаем, что древний Ростиславль действительно возведен Ростиславом Смоленским в середине XII в. Кажется вероятным, что крепость эта сооружена почти одновременно с Мстиславлем, т.е. до 1156 г., когда Мстиславль впервые упоминается в летописи. Во всяком случае, его допожарный слой, лежащий на материке, по мощности очень близок мстиславльскому, и можно думать, что пожарище в Ростиславле и в Мстиславле принадлежали одним и тем же событиям, одному и тому же походу кого-то из князей на города недавно возникшего здесь княжеского домена.

Мстиславль

Письменные источники

Крупный княжеский центр Смоленской земли, Мстиславль (Могилевская обл. Белоруссии) был основан, судя по расположению курганов в заселенной местности у границы кривичей и радимичей, в землях, населенных более всего радимичами *(Алексеев,* 1978. Рис. 2; 19806. Рис. 2), отошедших к Смоленску около 1127 г. *(Алексеев,* 19806. С. 152), где и были, как мы говорили, domениальные земли князя Ростислава Мстиславича. В Уставе Ростислава 1136 г., где фигурирует много податных центров князя, об этом городе, как и об Ростиславле, речи еще нет (ДКУ, 1976. С. 141-144), следовательно, они возникли позднее. Однако к 1156 г. Мстиславль уже существовал: он упоминается в летописи под 1156 г., возле него произошло примирение князей: "ту стояща у Мстиславля, сотвориша мир" (ПСРЛ, 1962, Т. 2. Стб. 485). Город возник, таким образом, между 1136 и 1156 гг., и строил его сам Ростислав, что подтверждается и в позднем летописном сборнике XVI в.: "Л-Ьта 1134 Ростислав Мстиславич устрой град великий Смоленсъкъ и церковъ созда с[вя]таго Сп[а]са верху Смядыни и градъ Мстиславълъ на он же создал. И княжения его 60 л1зтъ было..." *(Щапов,* 1972в. С. 282). Не корректно толковать всю запись прямолинейно, как это делает В.Л. Янин (1998. С. 43), утверждая, что в 1134 г. был отстроен не только Великий град Смоленска, но и церковь "на верх Смядыни", и даже Мстиславль! Источник на это явно не уполномачивает. В данной записи собраны те сведения о заслугах Ростислава, которые автор записи смог собрать: относительно Великого града Смоленска он выяснил дату его постройки 1134 г. и здесь же присовокупил другие деяния князя уже без дат: построение крепости Мстиславль и храма на Смядыни. Сам же В.Л. Янин указал, что храм на Смядыни построен позднее!

Следующий раз Мстиславль упоминается в Грамоте "О погородье и почестье", датирующейся, как мы уже знаем, 1211-1218 гг. Теперь это уже сравнительно крупный центр: по вносимому погородью (дань с городов) 300 гривен он среди прочих центров стоит на третьем месте после княжеского Торопца (2187, 5 гривен) и торговой Копыси (325 гривен) и на третьем месте по почестью (плата за "честь" архиерейской службы) - после Дорогобужа и Ростиславля *(Алексеев,* 1979. С. 99). В XIII в. Мстиславль отошел к Литве и, находясь на границе Литвы и Руси, часто переходил из рук в руки. В XIV в. город был снова у Руси, и в 1359 г. "Одьгерд Гедиминович приходил ратию к Смоленску и град Мстиславль взял и наместника в нем посадил" (ПСРЛ, 1965. Т. 11. С. 231). Мстиславль стал центром крупного удельного княжества (куда входил не только Могилев, но и Кричев, и Княжици, и Тетерин и др.).

По смерти Ольгерда в Мстиславле утвердился его сын Лугвений-Симеон (1377-1431) - родоначальник рода мстиславльских князей, игравших заметную роль в борьбе Литвы с Московским государством в XV-XVI вв. Женатый на дочери Дмитрия Донского, православный Лугвений в противовес другим князьям не изменил веры предков в угоду Ягайле, в Мстиславле, на детинце он построил нагорный Николаевский монастырь (скорее он был на соседней горе, именуемой ныне "Троецкой"), а укрепляя подходы к городу, возвел Пустынский (1380) и Онуфриевский (1407) монастыри.

Крупные события произошли в Мстиславле в 1386 (1387?) г. "Князь великий Святослав Иванович Смоленский з братаничем своим, со князем Иваном Васильевичем, и з детми своими Святославичи з Глебом и с Юрьем, со многими силами собрався, поиде ратью ко Мстиславлю граду, его же отняша у него Литва, он же хотяши его к собе взяти... И приде... ко Мстиславлю граду в среду на страстной недели априля в 18 день; а с ними бе во граде князь Свидригайло Ольгердович..." (ПСРЛ, 1965. Т. 11. С. 91). Дело обстояло так. В эти дни в Кракове был пир по случаю бракосочетания короля Ягайлы с Ядвигой, куда были приглашены все литовские князья. На пиру стало известно, что Мстиславль окружен смоленскими войсками, а его князь Лугвений Ольгердович пирует. Князья кинулись на выручку собрату и вместе с ним окружили осаждавших. Город таким образом продержался, как свидетельствует летопись, 11 дней. Силы распределились следующим образом: "В первом же полце бе князь великий Скиргайло Ольгердовичь, а в другом полку - брат его князь Корибут Ольгердовичь, а в третьем полку - брат их князь Семен Лугвен Ольгердович, а четвертый полк - Витовт Кейстутович со множеством, бесчисленный силами литовскими, грядуще борзо на поле ко граду. Смолняне же, видевше их смятошася и начаша вскоре рядити полки своя и противу их ополчатися. И поидоша обои противу себя на бой и

съступишася под градом под Мстиславлем на поли на реке Вехре, а люди - гражане стояху на забралех и з города зряху.

И бысть межь их брань велия и сеча зла и падоша мертвии мнози на реце на Вехре. И посем князи Ольгердовичи одолеша, а смолняне побиени бышя, а инии побегоша. И ту убиен бысть на суйме князь великий (смоленский. *—Л.А.)* Святослав Ивановичъ..." Далее летописец добавляет: "Бысть же сиа битва месяца априля в 29 день" (ПСРЛ, 1965. Т 11. С. 92, 93). Обилие войск, кинувшихся к Мстиславлю, показывает, каким важным стратегическим пунктом у границы Литвы и Руси был для обеих сторон Мстиславль. 25 апреля 1389 г. Лугвений-Симеон благодарил Ягайлу за Мстиславльский удел и за то, что тот поставил его наместником - "опекальником мужем и людям" Великаго Новгорода и обещал быть верным "безо всякой лести и хитрости" (РНБ. ОР. Ф. 293. № 1. Л. 1; сведение предоставлено М.А. Ткачевым). Получив это "звание" в праздник Успения этого года князь Мстиславский Симеон был в Новгороде "и прияше его новгородци в честь" (НПЛ, 1950. С. 383). А в 1392 г. он снова в Новгородской земле: "Пришедше из-за моря разбойнице н-ьмц-ь в Неву, взяша села по обе сторон-ь р-Ьк-Ь за 5 до городка Ор-Ьшка. И князь Семеонъ с городцаны сугнавши - иных избиша, а иных разгониша и языкъ в Новъгород приведоша; и тогды же по-Ьхаше в Литву къ своей братьи, а городокъ своей братьи, а городокъ покинувши..." (НПЛ, 1950. С. 385). В следующем году, 15 мая 1399 г. жена Лугвения, дочь Дмитрия Донского, скончалась в Мстиславле, и тело ее было направлено в Москву (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 228, 229).

С течением времени количество сведений о Мстиславле начинает возрастать. Он по-прежнему - то русский, то литовский. В 1421 г. он принимает митрополита Фотия и, следовательно, русский. В 1430 г. его 26 дней осаждает Сигизмунд I, но сильно укрепленная крепость не сдалась. (ПСРЛ, 1980. Т. 35. С. 58). Не сдалась она Сигизмунду I и в 1432 г., хотя он осаждал ее три недели. В 1500 г. город осаждал с большим московским войском князь Семен Иванович Можайский - Мстиславль, следовательно, был уже у Литвы (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 168). То же, с тем же успехом повторилось в 1502 г. (ПСРЛ, 1965. Т. 12. С. 254).

В 1508 и 1514 гг. мстиславльский князь был вынужден служить Московскому князю, но король его простил (АЗР, 1848. Т. 2. С. 171). И снова войны: в 1515 г. Василий III отправляет воевод "на литовскую землю ко Мстиславлю" (Разрядная книга 1475-1598. 1965. С. 56). Войны с пограничным городом продолжались и далее. В 1536 г. "воеводы великого государя" воевали "грады литовские ото Мстиславля: Кричев, Радомль, Могилев, Княжичи, Копос, Оршу, Дубровну - острог и посады жгли и людей многих побили и живых имали..." (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 99). Мстиславль, следовательно, - пограничный форпост, откуда совершаются походы из литовских земель. Русские писали царю в 1562 г., что "боярин и воевода П.С. Серебряный "ходили на литовскую землю" и у Мстиславля "Верхние посады" пожгли (ПСРЛ, 1965. Т. 29. С. 300).

От 1587 г. сохранился любопытный документ - инструкция местным посадам на Сейм. Требовалось, чтобы замки Мстиславля, Кричева и Радомля, которые давно "уже опали" были бы восстановлены и Мстиславль, очевидно, самый главный - "разными волостями" (РНБ. ОР. - сведения М.А. Ткачева).

Тридцать с лишним лет мирного периода для Мстиславля дали возможность литовским властям его основательно укрепить *(Ткачоў,* 1987. С. 140).

Наступил 1654 г. В январе в г. Переяславле Русском совершилось присоединение Украины к России, следствием чего была война с Польшей. 18 июля 1654 г. войска царя Алексея Михайловича под руководством воеводы Алексея Никитича князя Трубецкого подошли к Мстиславлю. Ожесточенная осада кончилась 22 июля в ночь: войска Москвы ворвались в город. Штурм был жестоким: "Государев боярин и воевода князь А.Н. Трубецкой с товарищи Мстиславль взял и высек и выжег, а пробил (убил) в нем болши пяти на десяти тысяч" (15 тыс. человек. *-Л.А.)* (ААЭ, 1836. Т. 4. С. 128).

В 1658 г. Мстиславль изменил царю, и в 1659 г. его осаждал воевода Лобанов-Ростовский. Осада велась "ратными людьми пешими и конными, город Мстиславль осадили накрепко, подле самого города со всех сторон обозами и щитами вокруг сомкнули и в тех обозах и щитах со всех сторон на раскатах поставили пушки и проезжие и малые дороги заступили и воду против дорог и тайники у них отняли..." (РГАДА. Ф. 210: Разрядный приказ. Белгородский стол. Стб. 429, л. 650 - обнаружено М.А. Ткачевым). Город был сдан, но не надолго. В ночь на 16 августа 1660 г. - "польские и литовские люди, конных и пеших с 800 человек" осадили крепость, и через две недели мучительных переживаний "мстиславльский шляхтич поручик Мартин Москович (фамилия, сохранившаяся в городе и поныне. - *Л.А.)* вырвал у Савина Овцина городские ключи и по договору с польскими людьми город отперли..." (АМГ, 1901. Т. 3. С. 147, 148).

Можно себе представить, как выглядела городская крепость-детинец древнего города! Из документа о могилевском пожаре 6 апреля 1664 г. мы узнаем, что в это время король Ян Казимир находился в Мстиславле и осматривал руины замка, видимо, решая вопрос о необходимости его восстановления (ИЮМ, 1894. Т. 25. С. 439). После осад города царскими воеводами в 1658 и 1660 гг. Мстиславль в значительной степени обезлюдел. В Северную войну Петр I взорвал "фортецию" *(Ткачев,* 1987. С. 143).

Итак, в Средние века Мстиславлъ был сравнительно крупным княжеским центром. Сначала это

был центр княжеского домена, затем удельного княжения и, наконец, воеводства. В эпоху развитого Средневековья это был крупный торговый и политический центр попеременно то Руси, то Литвы. Наши археологические раскопки, проводившиеся на скромные средства Могилевского музея, изредка - на средства Института археологии в течение (с перерывами) 15-летних сезонов, позволяют наметить основные вехи истории мстиславльского детинца.

Археологические источники

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКА. Мстиславльский детинец - Замковая Гора - расположен на правом высоком (20 м) берегу р. Вехры, в 10 км выше ее впадения в р. Сож (рис. 77,78). Памятник находится в некотором удалении от реки, среди глубоких оврагов. С северо-востока его омывает ручей Здоровец, с юго-востока, где ныне насыпана дамба, некогда был въезд, к которому вел подъемный мост. Округлая площадка (около 60 ар) по периметру некогда была окружена валом (его следы, слабые у краев, лучше сохранились с юго-востока). У въезда, где концы вала составляют род захаба, была, видимо, проездная башня, на юге и юго-западе к крепости примыкал за рвом неукрепленный посад площадью до 4,5 га (ХП-ХШ вв.). Там М.А. Ткачевым и О.А. Трусовым найдены стеклянные браслеты, шиферные пряслица и т.д. *(Ткачоў, Трусаў,* 1992. С. 13, 14). В начале XX в., по свидетельству В.Г. Краснянского (1912. С. 80), в черте города отчетливо выделялись и курганы. Сейчас на памятнике высятся четыре дома с усадьбами, вся его площадь занята огородами. О наших раскопках мы

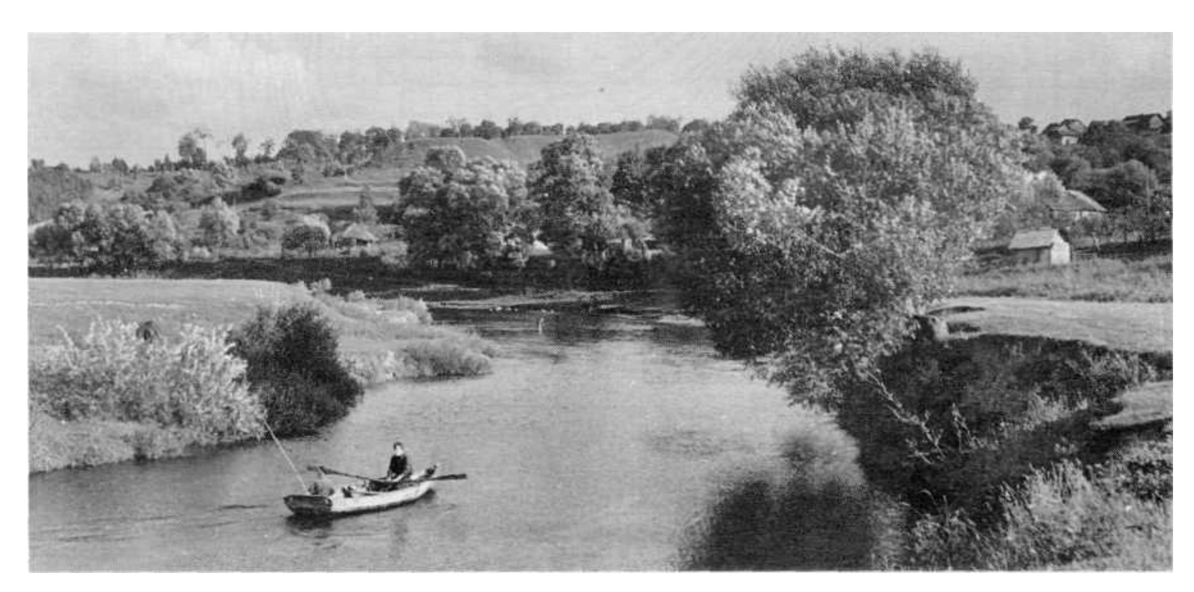


Рис. 77. Мстиславль. Городище "Девичья гора". Фото автора

Рис. 78. Детинец Мстиславля. Вид с севера. Фото автора

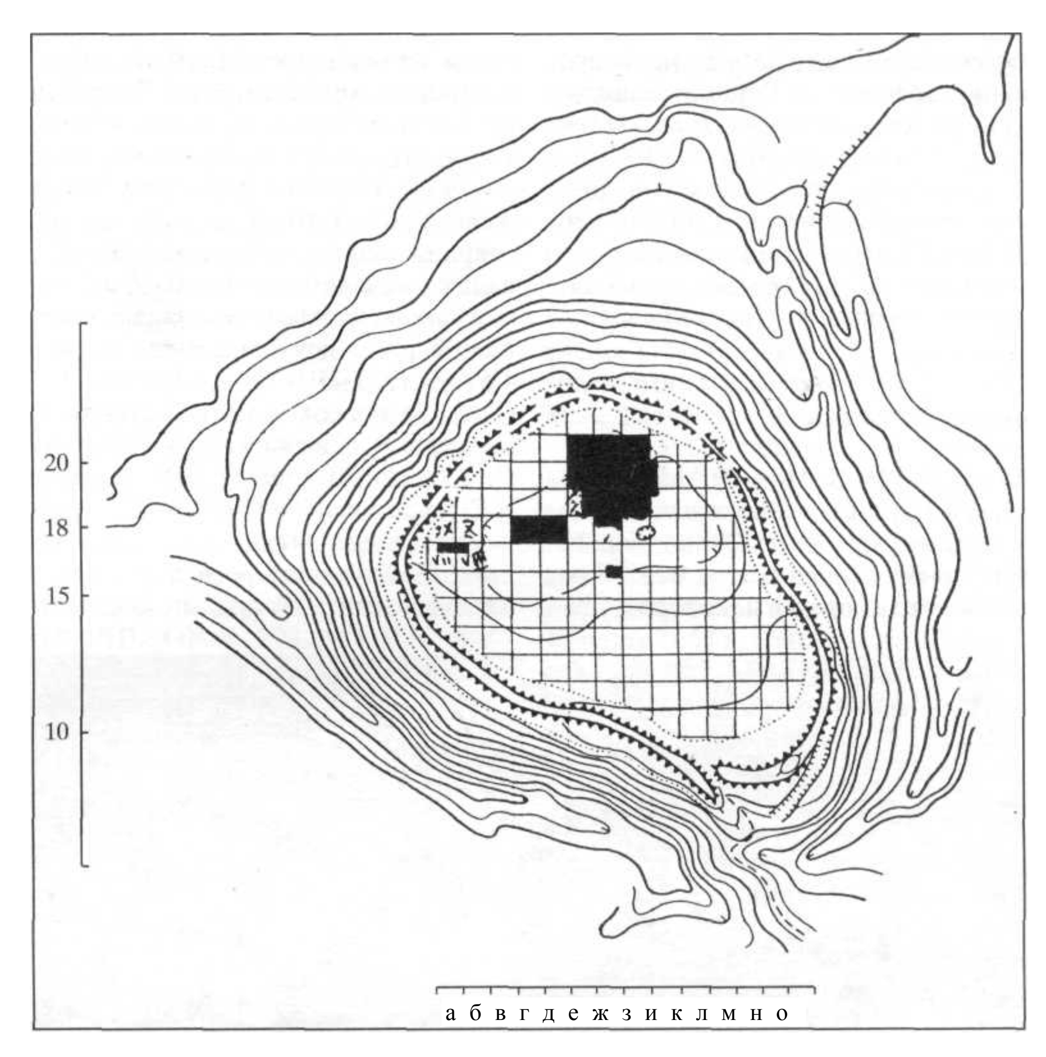


Рис. 79. Детинец Мстиславля. План.
Затушеванные ары - раскопы автора

неоднократно сообщали *(Алексеев,* 1962; 1963; 1972; 1976а,б; 19806; 1981; 1983; 19936 и др.) (рис. 79)

Культурные отложения детинца имеют среднюю мощность 3,3 м. Его верхняя часть в центре выпахана, и земля сдвинута к валам, также распаханным. Под огородным слоем (40 см) залегает слой мощностью до 40 см, имеющий перепады, всхолмления. В нем сохранились (и особенно у валов) следы разрушения крепости в XVII в. (очевидно, в 1654 г.). Здесь попадаются изразцы первой половины XVII в. (см: *Розенфельдт,* 1969. С. 130, рис. 1, *1);* более поздние изразцы *(Трусов,* 1986. Рис. 90) встречаются только за пределами детинца; осколки чугунных ядер, каменные "ядра" (диаметром до 25-30 см), замки типа Е, иногда внушительных размеров *(Алексеев,* 1976а. С. 48, рис. 3, *16),* осколки чернолощеных кувшинов XVII в. *(Алексеев,* 1976. С. 48, рис. 3, *17)* и пр. На глубине 80 см от поверхности темно-серый слой переходит в коричневый, торфяной, с глубины 120 см прослеживаются остатки деревянных построек, а на глубине 140 см удается выделить по древесным остаткам (главным образом, по следам замощений уличных настилов), единовременные горизонты - строительные ярусы. На глубине 2 м (10-й штык) сохранность древесных остатков позволяет получить первые дендродаты. Корректировать единовременные горизонты, как всегда, помогают следы больших пожаров. Их оказалось три: 1) над материком (конец XII в.); 2) на глубине второго штыка (начало XIV в.); 3) на глубине восьмого штыка (середина XIV в., очевидно, пожар 1359 г.).

Приведем весьма условную схему стратиграфии культурных отложений и находок (обозначения замков и ключей даются - по Б.А. Колчину, каждое соответствует одному предмету, подсчеты стеклянных браслетов приведены только по раскопам XIII-XIV, где проходили настилы улицы № 3, что гарантировало от перекопов.

Культурный слой условно членится нами на три части: отложения "доярусные" (возникшие до появления уличных настилов), "ярусные" (образовавшиеся в период, когда улицы застилались древесными мостовыми), "надъярусные" (отложения в

слоях выше уличных настилов, где дерево почти не сохраняется). Еще выше - земля без находок, выбранных современными огородниками.

Материк - светло-серая глина без естественных западин, нарушен лишь в раскопах XIII, XIV и XVI, XVII[46] могильными ямами с погребениями первопоселенцев Мстиславля (гробы - из сплошных толстых колотых досок, углублены ровно настолько, чтобы крышки гробов оказывались на 5-10 см ниже уровня материка. Кое-где материк нарушен нижней частью погребов (в раскопах I нV).

Доярусные отложения рассматриваются по двум уровням - нижнему, "надматериковому" (чаще это штыки 16 и 15), и верхнему, "предъярусному" (штыки 15 и 14) (рис. 80).

1. Надматериковый уровень представлен слоем сильно перегнившего дерева (раскопы I, II, XXII, XXIII). Находки непосредственно над материком датируют древнейшее поселение на Замковой Горе: ключ А второго вида (круглая лопаточка), датирующийся XI - началом XII в., большой бронзовый бубенец, подобный в Подболотьевском могильнике датируется XIII в. *(Мальм, Фехнер,* 1967. С. 137), позолоченная подвеска в виде сегнерова колеса - рубеж XII и XIII вв. *(Рыбаков,* 1949. Рис. 24; *Седова,* 1981. С. 154, рис. 60,*11* и *12).* Сегнерово колесо из более поздних слоев других памятников имеет иной вид *(Штыхов,* 1975. С. 70, рис. 34, 9). Каких-либо остатков строений на этом уровне не обнаружено.

Лишь в VI и XVII раскопах несколько выше материка были расчищены следы деревянных строений, сильно обгорелых - первый городской пожар, в раскопе XVII это была, по-видимому, первая церковь-донжон *(Алексеев,* 1993. С. 217, 218, табл. I, с. 231 и ел.), содержавшая внутри погребения *(Алексеев,* 1993. С. 219, рис. 2). В раскопе VI на этом уровне найдена обгорелая деревянная "курица" от стропил крыши. В раскопе II сохранились неясные остатки какой-то постройки. Это был угол строения, ориентированного по странам света, оно просуществовало недолго, и вскоре через это сооружение прошел бревенчатый частокол, также ориентированный *(Алексеев,* 1993. Рис. 2). Фрагмент другого частокола из более мощных бревен был расчищен в северной части раскопа I, он шел с юго-востока на северо-запад и разделял, видимо, две усадьбы, одна из которых находилась у самого

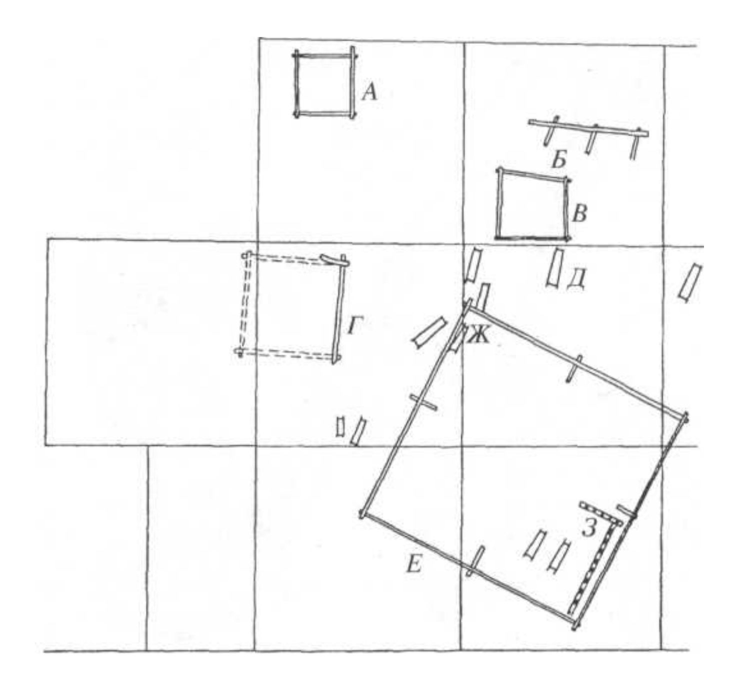


Рис. 80. Мстиславль. Постройки древнейшего уровня (1220-е годы)

А - постройка 1221 г.; 5 - настил 1223 г.; *В* - погреб 1291 г.; *Г* - постройка 1229 г.; *Д* - погребения; *Е* - сооружение XIV-23; Ж - погребение, уходящее под стену; 3 - обгорелые остатки предыдущего сооружения

северного вала памятника. Юго-западная часть раскопа I была испорчена погребом 1291 г., состоящим из 10 венцов *(Алексеев,* 1993. Рис. 2). В том же раскопе северо-восточнее погреба расчищено замощение с дендродатой 1204 г. *(Алексеев,* 1993. Рис. 4, 2).

Находки этого уровня разнообразны, многие имеют узкую дату. Так, круглая серебряная иконка-подвеска с тисненым изображением Богородицы с Младенцем Христом на восковой мастике, по свидетельству М.В. Седовой, стилистически датируется концом XII или рубежом XII и XIII вв. Исследовательница ранее полагала, что находки этого типа распространены довольно ограниченно *(Седова,* 1974. С. 191-194). Теперь мы можем думать, что иконки близкого типа были распространены довольно широко, но были несколько иные. Прямые аналогии нашей находке пока не известны, отдаленное же сходство их обнаруживается с более поздними киевскими медальонами *(Корзухина,* 1954. С. 113, табл. XXXIV, 9), что, возможно, указывает на ее южнорусское происхождение.

Из находок, связанных с военным делом, на этом уровне отметим булавку, аналогия которой в Райковецком городище датируется XII - первой половиной XIII в. *(Кирпичников,* 1966. С. 48, 130, табл. XXV, *3).* Укажем также бронзовую крестовключенную лунницу *(Алексеев,* 19766. Рис. 2, 5). Н.П. Журжалина датировала подобные подвески XII в. *(Журжалина,* 1961. С. 123), более отдаленные аналогии из Риги Э.Ст. Мугуревич (1965. С. 91, табл. 38) датирует XIII в. С этого уровня про-

[46] Памятник копался по так называемой "арной сетке" (ар - раскоп). Обозначения - те же, что и в Друцке - римская цифра - номер раскопа, разбиваемого на 25 двухметровых квадратов *(Алексеев.* 19936. Рис. 1). В раскопах XXI-XXIV по недостатку средств разрабатывались лишь линии квадратов АЕЛРХ, что дало разрез северного вала. По тем же причинам образовавшаяся траншея лишь в отдельных местах была доведена до материка, а в основном она достигла слоев XIV в. Удалось выяснить все же, что вал был насыпан одновременно с возникновением города.

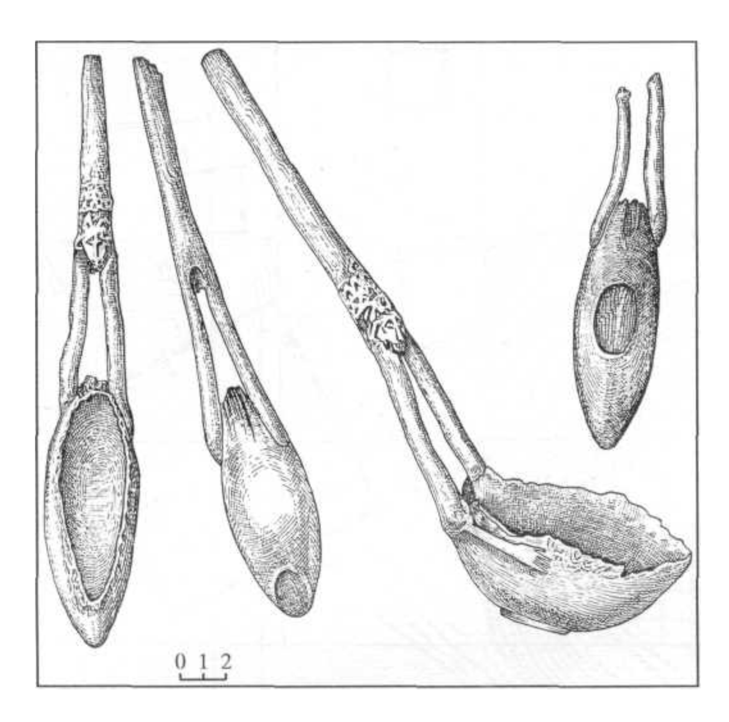


Рис. 81. Мстиславль. Деревянный ковш из древнейшего слоя (XII в.)

исходят и 4 самшитовых гребня. Подобные гребни в это время в Новгород не попадали из-за "половецкого заслона" {*Рыбина,* 1971. С. 263; 1978). В Восточную Белоруссию их привозили, видимо, волжским путем. В Мстиславле большинство гребней прямоугольные, с "вогнутыми краями". В Новгороде они очень редки, датируются 1220 г. -XV в. *(Колчин,* 1982. С. 165). С этого уровня происходит бронзовая чашечка подсвечника *(Алексеев,* 19936. Рис. 4, 7), аналогичная новогрудской *(Гуревич,* 1981. С. 104, рис. 80,*1),* куски деревянных точеных сосудов с резким зигзаговым прорезанным орнаментом по наружной стороне и без него. Совершенно уникален резной ковш с ручкой в виде человека с протянутыми руками, найденный над самым териком в раскопе XIX (рис. 81). На этом же уровне найдены замки и ключи типа Б, датируемые Б.А. Колчиным XII-XIII вв., типа В - середина XII-XIV вв. *(Колчин,* 1959. С. 80, 81). Отметим также железный наконечник стрелы, который А.Ф. Медведев (1966. Табл. 23, 24) отнес к XII - первой половине XIII в., и наконечник костяной стрелы.

2. Верхний уровень доярусных отложений имеет тот же характер: строения в нем также почти не сохранились, судя по их остаткам, они были ориентированы по странам света. В юго-восточной части раскопа I на месте замещений (1204 г.) образовался настил (1223 г.), от которого остались лишь лаги *(Алексеев,* 19806. с. 171, рис. 22; 19936. рис. 3) (рис. 82). Западнее сохранилась квадратная в плане клеть со стороной 2,8 м 1221 г., южнее - фрагменты восточной части сруба. Усадеб еще мало, и их размеры, очевидно, достаточно велики; частоколы редки. Лишь западнее сруба горизонтальные бревна в одну линию указывают на один из частоколов (о подобных бревнах частоколов см.: *Засурцев,* 1963. С. 45). Из доярусных сооружений наиболее интересна постройка, сохранившаяся на два дубовых венца в юго-восточной части раскопанной площади. Как мы пытались доказать, это - остатки второй церкви-донжона, построенной на этом месте *(Алексеев,* 19936. С. 219, рис. 3, 7).

Из находок особенно интересны 4 фрагмента стеклянных арабских расписных бокалов (рис. 83) *(Алексеев,* 19806. С. 89, рис. 12). Осколки подобных сосудов попадались и выше. Все они принадлежали сосудам, имеющим форму расширяющегося кверху стакана, вероятно, на кольцевом валике

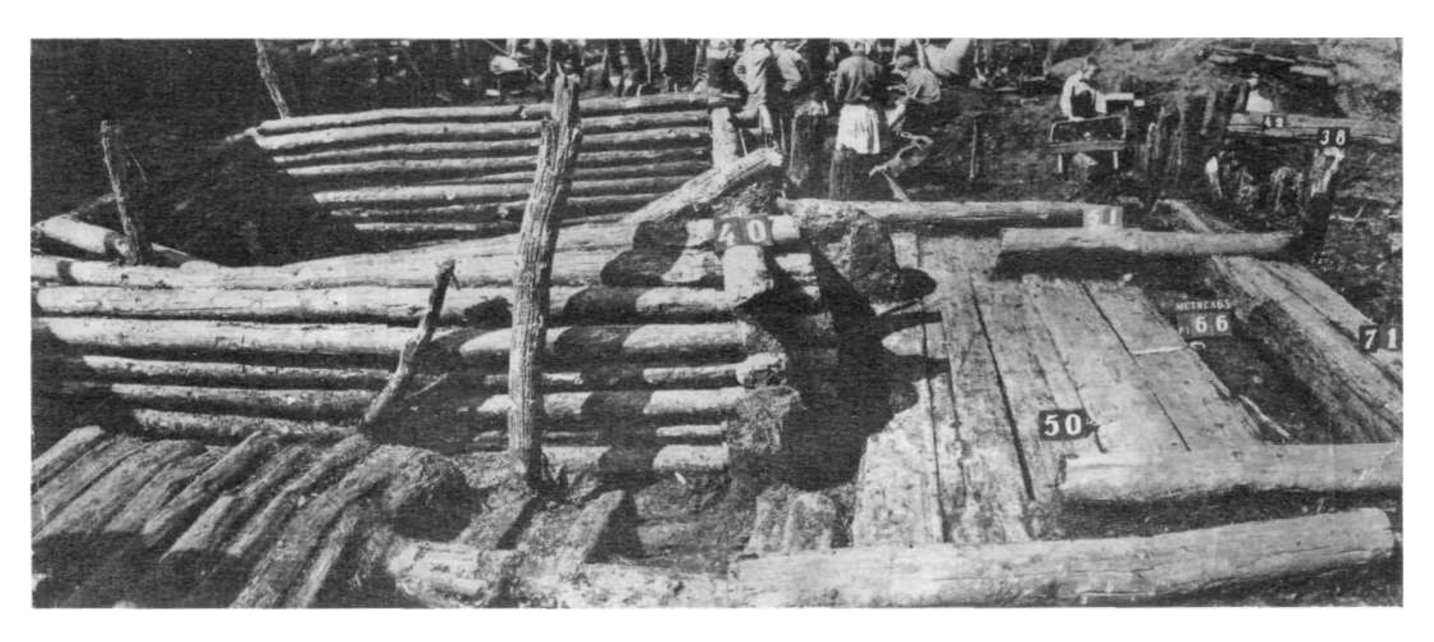


Рис. 82. Мстиславль. Остатки древних деревянных сооружений на детинце. Фото автора, 1963 г.
№ 50 - дощатое замощение, № 40 - более поздний погреб

(подобный сосуд, найденный в Новогрудке, происходил из Раккских мастерских - *Гуревич и др.,* 1968. С. 14, 15). Надо сказать, что рисунок мстиславльского сосуда строже, изящнее. Впечатление таково, что сначала рисунок наносился золотом, а затем, после обжига, в его промежутки запускался толстый слой синей эмали (впрочем, это лишь впечатление). Сосуд имел два орнаментальных фриза, но при его росписи использовались иные цвета: нет обязательной для новогрудского сосуда красной контурной линии поверх золотой росписи, а это, кажется, характерно для раккской посуды более всего *(Гуревич и др.,* 1968. С. 14, 15). Тем не менее новогрудский сосуд датируется тем же временем, что и сосуд Мстиславля, - ХП-ХШ вв. С этих же глубин происходят железные светцы, замки и ключи (тип В), железные наконечники стрел (тип 33 - *Медведев,* 1966. Табл. 23, 24 - первая половина XIII в.; тип 38, 3 - Медведев, 1966. С. 64 - XIII-XIV вв., но возможно, по его мнению, и вторая половина XII в.).

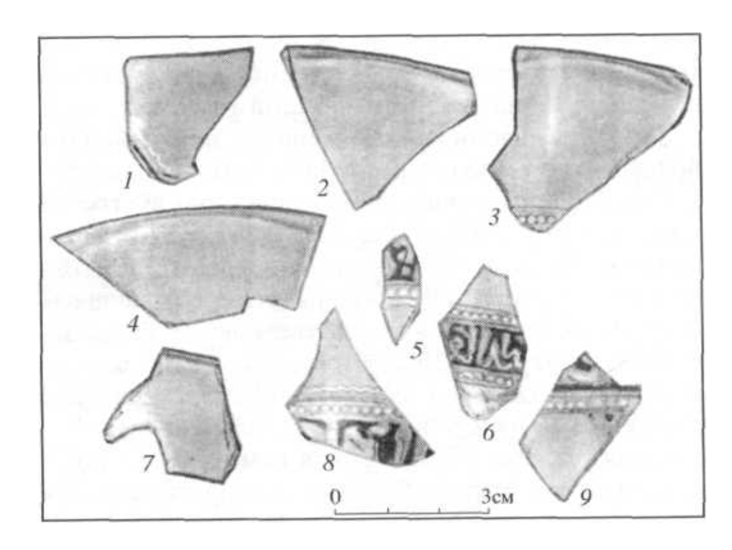


Рис. 83. Мстиславль. Фрагменты арабского бокала

Ярусные отложения имеют постоянные дендродаты. Они начали наслаиваться в 1230-1240-х годах, когда на детинце появились уличные мостовые, что значительно облегчило определение единовременных горизонтов. Построек стало больше, частоколы указывают на владения отдельных хозяев. Дендродаты датируют ярусы в пределах 20 лет. Перейдем к их рассмотрению.

Строительный ярус Ж - наиболее ранний, образовался, когда застройка стала сплошной, с запада подошла к кладбищу неподалеку от "часовни" (см. ниже), временно заменившей, как увидим, церковь-донжон *(Алексеев,* 19936. С. 220 и ел.), и между ней и застройкой возникла улица 3 (рис. 84). Кладбище еще не насчитывало столетия, там лежали отцы и деды мстиславльцев, но надобность в улице была, очевидно, такой, что ее деревянная мостовая прошла даже по западным могилам. Улица 3 шла с юга на север с изгибом в середине к востоку. В южной части раскопанной площади (раскоп XV) к ней подходила еще одна, одновременно с ней выложенная мостовая улицы 10, она отделяла кладбище с часовней от южной застройки.

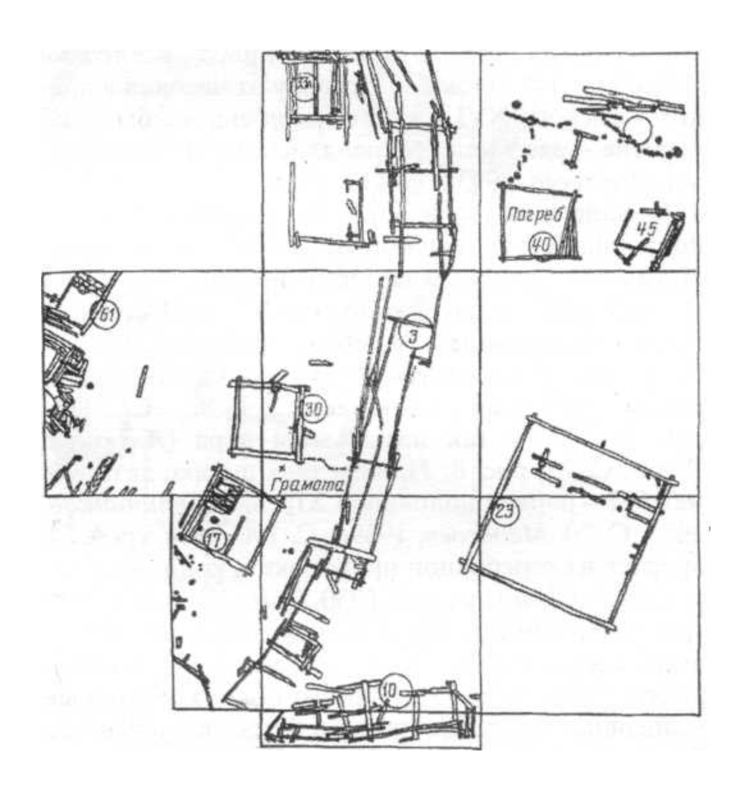


Рис. 84. Мстиславль. План раскопов I, II, ХШ-XIX на уровне яруса Ж (1230-1240-е годы)

3, 10 - остатки деревянных покрытий улиц; *17* - сруб (1244-1249 гг.); *23* - остатки временной часовни; *30,33а* - срубы (1238-1244, 1249 гг.); *40* - погреб 1291 г.; *45* - остатки настила 1245 г.; *61* - остатки дома со следами глинобитной печи

На западной стороне улицы 3 теперь стояли почти одинаковые по размерам деревянные сооружения. Самое южное - квадратная в плане изба со стороной 3,45 м, сохранившаяся на 5 венцов с дендродатами ее бревен 1244 и 1249 гг. По периметру ее окружала низкая завалинка, заполненная землей, сдерживаемая от расползания горизонтальными жердями, положенными за вбитыми в землю кольями. У дверного проема в северо-западной стенке, в северном углу находилась бревенчатая субструкция печи с подпечьем, огражденным полукругом жердей (у начала подпечной ямы). Внутренняя часть избы до четвертого венца была сплошь забита глиной. Это было сделано, видимо, для утепления, и в результате переводины пола, укрепленные в стены, до их верхней части оказались "вошедшими" в глину. Остальные постройки здесь - хозяйственные клети, датируемые 1238, 1244 и 1249 гг. Севернее прослежены следы частокола между срубом 1238-1240 гг. и улицей 3, он шел в широтном направлении и, можно думать, некогда отделял южную усадьбу А от более северной Б. Усадьба А вошла в наши раскопы лишь своей северо-восточной частью, где расположен был

дом хозяина. Южнее, в пределах раскопа XIX усадьба не застраивалась, видимо, в этот раскоп вошла восточная часть двора этой усадьбы.

Усадьба Б вдоль улицы имела две постройки (из бревен второй позднее срубили небольшую клетушку). Оба строения, сменившие одно другое на том же месте, датируются 1238-1244 гг. Дом хозяина усадьбы Б, по-видимому, был в северо-восточном углу раскопа XVIII и дважды перестраивался. В ярусе Ж восточная часть усадьбы не была застроена *(Алексеев,* 1995. С. 71, рис. 7). Не вполне понятно: входила ли западная часть раскопа II с постройками на юге в усадьбу Б, или это была отдельная усадьба, обозначенная нами в более поздних слоях как усадьба В (и она, следовательно, как бы выделилась из усадьбы Б). На восточной стороне улицы 3 и северной стороне улицы 10 была выявлена небольшая часовня, о которой речь впереди. Севернее, в раскопе I был расчищен бревенчатый настил 1245 г. а к западу от него - все тот же погреб 1291 г. Площадь к северу от часовни в пределах раскопа XVI в этот период еще не была застроена - здесь еще сохранялись остатки кладбища *(Алексеев,* 19936. С. 219, рис. 2).

Обилие находок в ярусе Ж свидетельствует о повышении интенсивности жизни на детинце. Предметы, которые удается датировать, относятся к концу XIII - первой половине XIV в. Здесь найдены: берестяная грамота, относящаяся, к 1230-1240 гг. *(Алексеев,* 1983); энколпион в шелковом мешочке *(Алексеев,* 19806. С. 175, рис. 25, *2, 6);* так называемая цера *(Алексеев,* 19956. С. 72, рис. 8, 7), железная шпора, датируемая XII - первой половиной XIII в. *(Кирпичников,* 1973. С. 70; *Медведев,* 19596. С. 190, 191), тройной браслет из серебряной проволоки с концами в виде петель *(Арциховский,* 1930. С. 10, XIII в.), замок, три дужки замков, бронзовая пряжка с расширенными концами XII-XIV вв. *(Сергеева,* 1977). Интересны фрагменты стеклянного бокала, подобные вышеописанным. Его роспись ближе к описанным бокалам. На этом же уровне найдены части амфор-корчаг, костяной трапециевидный гребень, а также гребень с прямоугольными накладками, шарнирные ножницы, костяная пластина с тремя лопастями *(Алексеев,* 19766. С. 48, рис. 3, 7); железное писало *(Медведев,* 1960. Рис. 3,77- XII - середина XIII в.; *Алексеев,* 19766, Рис. 2, 70). Из многочисленных предметов религиозного обихода можно назвать бронзовую лампаду *(Алексеев,* 19936. Рис. 4, *4),* аналогии которой найдены в Гродно, Слободке, Волковыске, Бородинском городище и др. Ярус Ж датируется 1230-1240-ми гг.

Строительный ярус Е отразил еще большее строительство (рис. 85). На улицах 3 и 10 настелена бревенчатая мостовая из бревен 1261-1262 гг. Ряд прежних построек заменен новыми, много следов плетней (по западной стороне улицы 3 и т.д.), что облегчает представление о городской планировке в середине XIII в. Прослеживаются прежние усадьбы западной стороны улицы 3, частично выявились границы двора дома XIV-17: с востока - плетень из березовых кольев вдоль улицы 3, с севера и запада - забор из толстых горизонтальных бревен с концами, запущенными в вертикальные столбы. Аналогии этой "венчатой ограде" найдены в Минске *(Загорульский,* 1982. С. 188), где она датируется почти также 1260-1270-ми годами. Вся северная часть половины двора была занята хозяйственными постройками (хлев, амбар и т.д.). Въезд во двор был с запада (эта часть раскопана не была). Таковы остатки усадьбы А на уровне яруса Е. Севернее располагалась усадьба Б, у которой удалось проследить теперь остатки ворот. Столбы ворот были укреплены дополнительными вертикальными бревнышками, забитыми в заполнение ям столбов ворот. Большая часть этой усадьбы также была за пределами раскопа. От ворот внутрь двора вел небольшой бревенчатый настил, положенный на двух лагах (на чертеже показан пунктиром). Здесь же стояли две хозяйственных постройки. В северо-западном углу раскопа XVIII стоял дом владельца усадьбы с глинобитной печью и подпечьем, огражденным полукругом колышков. Между домом и венчатой оградой лежала широкая, сплошная, толстая доска от двери с круглым отверстием посередине - она была во вторичном использовании (в отхожем месте).

На восточной стороне улицы 3 в ярусе Е возвышалось новое строение: церковь-донжон XIV-16, поставленная в технике трехстенных срубов *(Алексеев,* 19936. Рис. 7, с. 222), о котором мы еще будем говорить.

Находок в ярусе довольно много. Из датирующих укажем замки и ключи. Здесь же найдены самый ранний в Мстиславле железный наконечник арбалетной стрелы *(Медведев,* 1966. Табл. 31, 5); перекрестье сабли, аналогии которой известны из Сахновки *(Кирпичников,* 1966. С. 94, № 34, 36), костяной наконечник стрелы; обрывок кольчуги; бронзовый плетеный перстень (середина XII-XIV в.); уникальное кольцо из розового сланца ("шифера") с обратной надписью в двух местах "НТАЖ...ЪВ" (по предположению А.А. Медынцевой, "ВЪЖАТИ"?) *(Алексеев,* 19806. С. 357); ножка деревянной кровати *(Алексеев,* 1995. Рис. 8, 7); грабли; точеная деревянная чарка с диаметром устья 10 см, два ножа с деревянными ручками; костяная пластина с циркульным орнаментом, ее аналогия найдена в тайнике Десятинной церкви в Киеве 1241 г., что близко и к нашей дате яруса Е *(Каргер,* 1958. Табл. XC1); деревянные чаши простые и др. Укажем также железные щипцы, деревянное веретено.

Исходя из дендродат, становится очевидным, что строительный ярус Ж отложился в 1260-х - 1270-х годах.

Рис. 85. Мстиславль. План деревянных сооружений на уровне яруса Е

3, 10 - остатки деревянных покрытий улиц; *4* - погреб XVI-XVII вв.; *16* - донжон и часовня под ним (23), *18* - "венчатая ограда"; *33* - амбар; *40* - погреб 1291 г. А - древняя доска туалета; Б - ворота усадьбы

Строительный ярус Д. В этом ярусе все описаные выше деревянные сооружения погибли в олыпом пожаре. Как можно понять, допожарная астройка этого яруса осуществлялась с прежней устотой, и все новые сооружения стояли на прежих местах *(Алексеев,* 19936. С. 223). Лишь дом QV-17 удалось отстоять - на той части, которая ошла до нас, следов пожара не было (а он сохра[ился на 5 венцов). Рядом с ним находились остат:и хозяйственной постройки, а западнее, на месте руба, сгоревшего в пораже, новый сруб. Все эти юстройки были окружены плетнем и, следоваельно, входили в состав того же двора. Северный ;вор-усадьба этой стороны улицы 3 теперь приіадлежал хозяевам дома, южный угол которого без следов печи в той части сооружения, которую далось исследовать) был также расчищен. Но это, іесомненно, был дом: он стоял на том же месте, где раньше стояли дома, а строительство этого уровня было достаточно стабильным. Удалось ли отстоять этот дом от пожара, неизвестно, но вблизи него сгорела малая клеть. Подобное небольшое сооружение стояло у улицы 3 (его бревна были срублены в 1296 г.). Правда, это сооружение почему-то скоро разобрали, оставив нетронутой лишь южную часть его нижнего венца *(Алексеев,* 19936. С. 223), и почти на том же месте, немного севернее, возвели постройку большого размера (она-то и погибла, следовательно, в пожаре, который был, таким образом, позднее 1296 г.). Это была усадьба. В северной части этой стороны улицы 3 по-прежнему высился сруб, вероятно, в пожар не попавший *(Алексеев,* 1993. С. 223).

С восточной стороны улицы 3 церковь-донжон XIV-16 также погибла в пожаре, у ее западной части снаружи были расчищены бревна, сброшен-

ные с нее и сильно обгоревшие, как и многие части стен *(Алексеев,* 19936. С. 223, рис. 7).

Несмотря на пожар, находок в строительном ярусе Д немного, видимо, площадь после пожара старательно расчищалась перед новым строительством (ярус Г). Из датирующих вещей отметим замки начала XIV в.; янтарную ромбическую бусину; шпангоут ладьи *(Алексеев,* 19936. С. 66, рис. 3,8), аналогии ему известны из раскопок Новгорода *(Колчин,* 1968. Табл. 52, 5).

Датировка яруса Д определяется из двух допожарных дат (1291 г. - погреб; 1296 г. - сруб) и одной послепожарной (1307 г. - сруб). Значит, пожар бушевал на детинце во второй раз между 1296 и 1307 гг. и скорее всего - перед 1307 г. Как для первого, так и для второго пожаров свидетельств в письменных источниках нет. Если считать, что каждый строительный ярус в городе (судя по уличным мостовым) возобновлялся в среднем один раз в 20 лет, то мостовые 3 и 10 настилались, видимо, в 1280-х годах, а в начале XIV в., перед 1307 г. сгорели. Таким образом, строительный ярус Д датируется 1280-1290-ми годами (может быть даже до начала XIV в.).

Пожар, возникший между 1296 и 1307 гг. уничтожил на мстиславльском детинце многие деревянные строения и, в частности, мощную дубовую церковь-донжон (объект XIV-16), построенную полустолетием ранее.

Рубеж XIII и XIV вв. был временем, когда Литва политически преобладала во всей Полоцкой земле, а это открывало ей путь "для набегов на земли псковские, новгородские и смоленские" *(Пашуто,* 1959. С. 393). К концу XIII в. Витебск был некоторое время в зависимости от Смоленска, потом там были русские князья, но "по витебским землям проходили литовские дружины" *(Пашуто,* 1959. С. 392). Власть литовских князей, как это видно из событий через двадцать лет, простиралась до самых северо-восточных земель Смоленщины (в составе литовского посольства в Новгород в 1326 г. фигурирует князь Дорогобужа и Вязьмы Федор Святославич) (см.: НПЛ, 1950. С. 98), литовско-смоленские земли тогда тоже были под эгидой литовских князей, что же говорить о западных смоленских пределах, где был расположен Мстиславль! Приходим к заключению, что следы пожарища в ярусе Д Мстиславля отражали момент, когда литовские князья захватили город между 1296 и 1307 гг. Однако сам Смоленск, можно думать, все-таки оставался за Москвой. Во всяком случае, когда в 1345 г. "створишися в Литве замятная велика", узнав о приготовлении Орденом похода в Литву, братья Ольгерд и Кейстут захватили столицу государства Вильну, а "князь великий Евнутий, перевержеся через стену, и бежа въ Смоленскъ..." и далее - в Москву (НПЛ, 1950. С. 358).

Ярус Г (рис. 86) залегает непосредственно на пожарище яруса Д и датируется 1307-1325 гг. *(Алексеев,* 19936, С. 225, рис. 8). Это было время, когда литовские князья Витень (1293-1316) и его преемник брат Гедимин (1315-1341) стали основателями могущества Литовского государства. Витень совершает ряд походов с русскими против Ордена, Гедимин увеличивает государство, присоединяя ряд русских областей. В его владения входит теперь и большая часть Смоленщины, в том числе, несомненно, Мстиславлъ. В ярусе Г нет следов пожара, видимо, присоединение этого города было мирным.

На остатках пожарища яруса Д немедленно началось новое строительство. План застройки остался, но жилые дома часто стали отодвигать от улицы 3. С противоположной стороны ее была церковь-донжон - военный объект, возле которого при нападении врага на город, как теперь поняли жители, обитать было небезопасно (вспыхнувший на донжоне пожар мог легко распространиться по бревнам мостовой, особенно в засуху). Как и ранее в ярусе Е *(Алексеев,* 19956. Рис. 9), здесь находилось несколько усадеб. В юго-западной части раскопов была усадьба А *(Алексеев,* 19936. рис. 8). Начинаясь от улицы 3 (где ее отделял плетень), она тянулась вдоль западной ее стороны и, не доходя до середины раскопа XIII, поворачивала на запад в сторону раскопа XVIII. Там она отделялась от соседней усадьбы Б "венчатой оградой" - столбами с пазами для горизонтальных бревен *(Алексеев,* 19956. Рис. 9). В западной части ограда, повернув к югу, отделяла усадьбу А от усадьбы Б *(Алексеев,* 19956. Рис. 9; подобные ограды см.: *Загорульский,* 1982. С. 138, рис. 123). Дом усадьбы А был вблизи улицы 3, дом усадьбы Б - в некотором отдалении *(Алексеев,* 19936. Рис. 8, *3).* Что до границ усадеб А и Б, то они полностью совпадали с более ранними границами этих усадеб, планировка их в этой части детинца не менялась. На восточной стороне улицы 3 и на северной стороне улицы 10, сгоревшая во втором пожаре (ярус Д) церковь-донжон XIV-16 теперь была заменена новой, совершенно иной конструкции (см.: *Алексеев,* 19936. С. 225 и ел., рис. 8). В плане это был октаэдр, форма, встречающаяся в XIV в. в камне и, по-видимому, излюбленная в тех случаях, когда колокола висели не отдельно, а на самом храме, например, церковь Иоанна Листвичника 1329 г. на Соборной площади Московского кремля "иже подъ колоколы" *(Панова,* 1983. Рис. 4). Нижняя часть этого сооружения была забита глиной на высоту человеческого роста (уровень действия стенобитных машин) и была разбита частоколом на несколько секций *(Алексеев,* 19936). В первые десятилетия XIV в. застройка детинца продолжалась, и к северу от ХШ-5а, за частоколом XVI-7 начиналось замощение двора в разных направлениях и стоял амбар с двойным (жердевым и дощатым) полом, срубленный в 1316 и 1325 гг. (ремонт?). Там же был и хлев с жердевым полом из бревен 1316 г. *(Алексеев,* 19936. Рис. 8, 2).

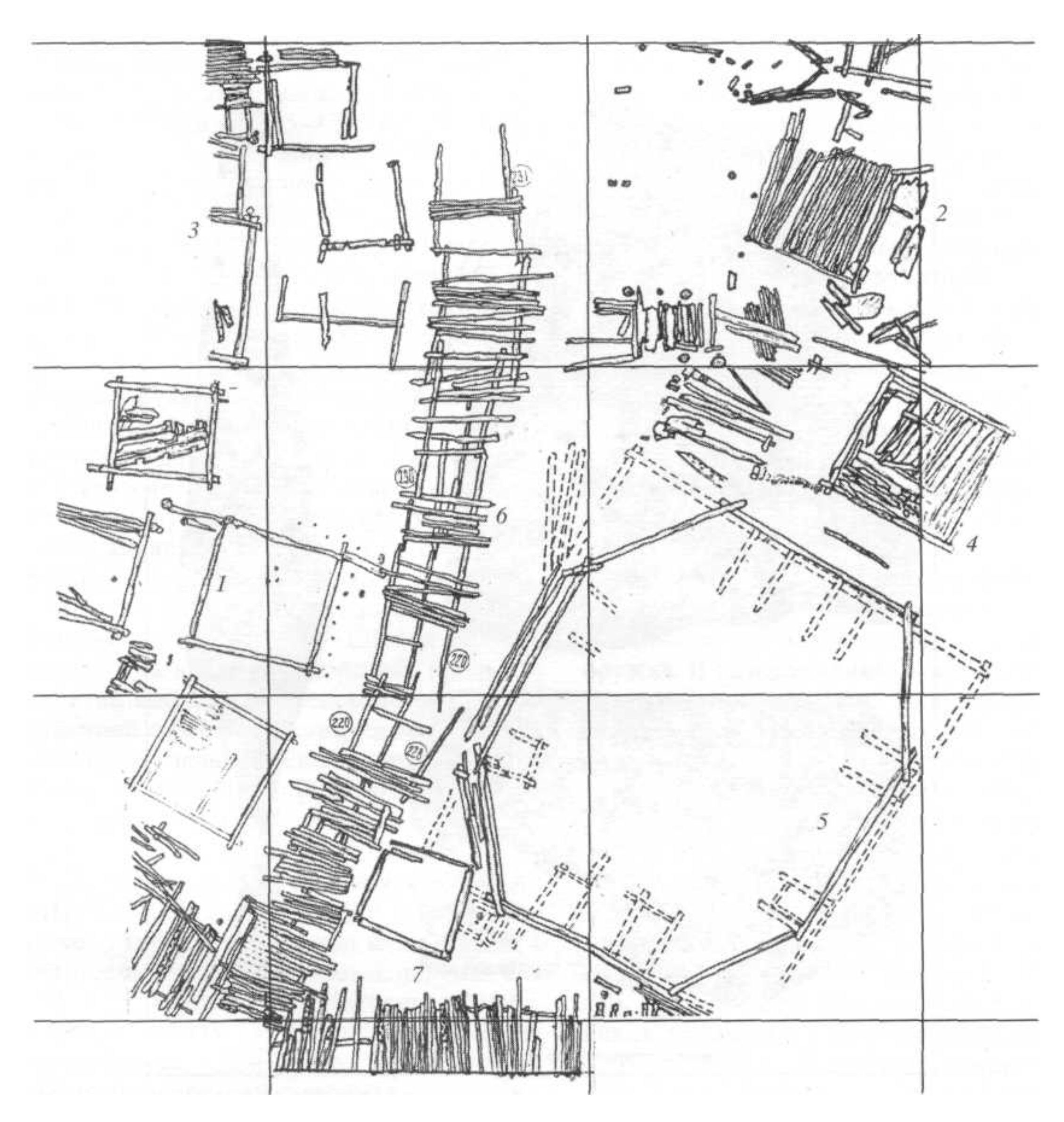


Рис. 86. Мстиславль, детинец. Застройка яруса Г (первая четверть XIV в.)
/ - 1307 г.; 2 - 1316 г.; *3, 6, 7* — остатки улицы; *4* - 1318-1325 гг. (ремонт); 5 - новый донжон, возникший на более древнем (намечен пунктиром); 7 - погреб XVI-XVII вв.

Дендродаты яруса Г позволяют относить его к 1307-1325 гг. Этому не противоречат находки: замки типа В (XII-XIV вв.); замок типа Г XV-XVII вв. из перекопа. Интересен бронзовый крестик *{Алексеев,* 19806. С. 175, рис. 25, *3),* датируемый Б.И. и В.Н. Ханенко, а за ними В.К. Гончаровым ХП-ХШ вв. *(Ханенко,* 1900. Табл. XVII, 185: *Гончаров,* 1950. С. 113), а также шпора с шипом (1150-1250 гг., тип Г или Д, см.: *Кирпичников,* 1976. Табл. XXI. I). Очевидно, из пожара яруса Д сюда попали и обломки колоколов *(Алексеев,* 19936. С. 229; *Шишкина, Галибин,* 1986. С. 238, 239; *Алексеев,* 1995а. С. 155, рис. 17, *1)* (рис. 87, 7); обломки плиток пола без следов раствора, но с поливой цвета бордо и зеленой (ширина одного из сохранившихся обломков -12 см). Все эти плитки, видимо, происходили из деревянной церкви, где были положены, как это часто бывало, на глину. Как и кусочки колоколов, они были найдены к северу от церкви-донжона - в той стороне, куда она и упала. Перечислим еще индивидуальные находки этого яруса: обломок арабского бокала с голубой эмалью и позолотой; самшитовые гребни прямоугольного типа; деревянная лопата для разгребания снега; обломок веретена; части деревянных ложек; точеная чаша "первого вида" *(Колчин,* 1968. С. 41, 115, табл. XVIII, *3),* диаметр горла и дна - 160 мм; ножницы стальные шарнирные; подкова с шипом для передней части копыта.

Ярус В. Исходя из того, что каждый строительный ярус в Мстиславле откладывался в среднем в течение 20 лет, можно с долей уверенности считать, что дата этого яруса, несмотря на то, что здесь дерево дендрохронологии не поддается, падает на 1325-1345-е годы. Это было время конца правления Гедимина и вступления на престол его

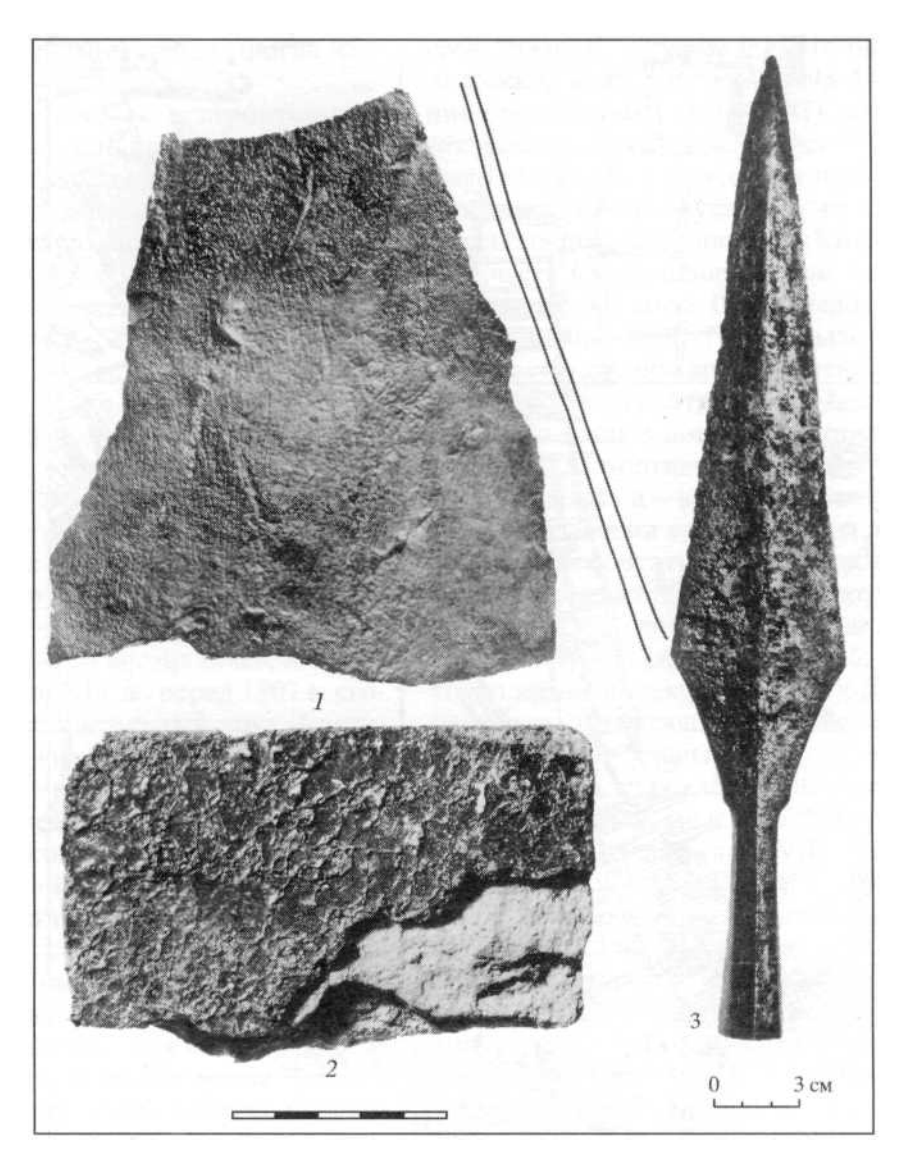


Рис. 87. Мстиславль. Предметы из находок на детинце
1 - часть колокола; *2* - поливная плитка пола, обгоревшая в пожаре; *3* - наконечник большой рогатины из пожара 1369 г.

сыновей (1341 г.), время правления в Москве Ивана Калиты (1328-1340), когда "бысть в дни его тишина велика" (ПСРЛ, 1980. Т. 35. С. 46). В это время войн с Литвой не велось, обстановка была спокойной.

Мирное время отразилось и на ярусе В. Планировка и застройка города почти не менялись со времен новой застройки яруса Г. Заборы и ворота усадеб "А" и "Б" сменялись, но на тех же местах, где стояли и ранее. От мостовых улиц 3 и 10 яруса В дошли в основном лаги, плахи были выбраны при устройстве следующего настила (ярус Б). На восточной стороне улицы 3 и на северной стороне улицы 10 продолжала выситься восьмиугольная церковь-донжон, полностью сохранившаяся.

Мирное время вокруг Мстиславля сказалось и на составе находок яруса В, где найден единственный военный предмет - наконечник стрелы (тип 61, вид 3 по классификации А.Ф. Медведева, который он датировал XIV в., см.: *Медведев,* 1966. Рис. 46, *13),* остальные находки бытовые: замки и ключи типа В (середина XII-XIV вв.) и тип Вг (конец XII - начало XV в.); горшковый изразец (подобный найден в Лидском замке, где он датируется XIV в. - *Трусов,* 1988. С. 133, рис. 75, левый); бронзовый крестик с закругленными концами и парными выступами (его аналогии датируются ХП-XIII вв. и произведены в Клеве, см.: *Даркевич, Пуцко,* 1981. Рис. 2, 77); топорик с орнаментом из костной ткани рога лося *{Алексеев,* 19956. Рис. 8, 2); фрагмент фаянсовой чаши с люстровой поливой, происходящей из центров Ирана (подобные были найдены в Новгороде и датируются XI-XII вв. - *Медведев,* 1963. С. 217).

Ярус Б представляет особенно большой интерес, так как пожар, отложившийся на этом уровне, удается, как будет показано ниже, датировать с точностью до одного года. Состояние древесных остатков здесь таково, что, как и в предыдущем ярусе, дендрохронология неприменима. Однако

ярус Б непосредственно лежит на ярусе, датируемом 1325-1345 гг., а это означает, что условно ярус Б следует отнести к 1345-1365 гг. Это было время, когда после смерти Гедимина (1341) к власти пришли его два главнейшие и очень дружные между собой сына - Ольгерд (1341-4377) и Кейстут (ум. 1382). В 1345 г. они поделили Литовское государство: Ольгерд, живя в Вильне, получал все русское население Литовского государства (белорусов), Кейстут, живя в Троках, получил всю литовскую его часть. На плечи Кейстута, таким образом, легла основная тяжесть борьбы с немцами (ему лишь помогал Ольгерд), на плечи Ольгерда - дальнейшее присоединение русских земель (Черниговско-Северские земли, Брянск, Киев, Волынь). Не довольствуясь этим, Ольгерд покушался укрепить свое влияние в Новгороде и Пскове, а также в Твери, которую поддерживал против Москвы. Однако здесь он встретил сильного противника - Дмитрия Донского (1359-1389) и должен был отступить. Как видим, спокойствие предыдущих десятилетий кончилось, следовало ожидать и военных действий в районе Мстиславля. События не замедлили о себе заявить. Еще на праздник Покрова Богородицы в 1341 г. Ольгерд ходил под Можайск, но взять его не смог и вернулся (ПСРЛ, 1965. Т. 10. С. 213), в 1352 г. Симеон Гордый (1341—1353) тщетно пытался взять у Литвы Смоленск (ПСРЛ, 1965. Т. 10. С. 223). В 1356 г. к этому уже русскому городу, где княжил князь Василий Смоленский, подходит Ольгред и, воюя, полонил его сына (ПСРЛ, 1965. Т. 10. С. 228). Наконец, в 1359 г. при Иване Красном (1353-1359) за то, что смолняне ходили воевать Белую, "князь велики Литовский Олгердъ Гедиминовичъ приходилъ ратью къ Смоленьску и градъ Мстиславль взялъ и нам-бстники своя въ нем посадилъ..." (ПСРЛ, 1965. Т. 10. С. 231). Мстиславль был достаточно неприступной крепостью, но в данном случае, очевидно, целью похода был Смоленск - город весьма крупный, литовское войско Ольгерда было, следовательно, достаточно мощным, и ему удалось покорить мстиславцев.

Не приходится сомневаться, что культурный слой яруса Б не мог не отразить этого бурного времени и, прежде всего, захвата Мстиславля.

Как и следует ожидать, планировка и застройка детинца здесь почти не отличались от яруса В, менялось иногда назначения построек - хлевов, амбаров, сараев, но и только. Улицы 3 и 10 почти везде сохраняли свои три лаги и кое-где плахи. На месте прежней хозяйственной постройки в северо-западной части раскопа XIII, у самой улицы 3 за жердевым частоколом появилась постройка XIII-12, квадратная в плане, с глинобитной печью в юго-западном углу. От улицы 3 частокол поворачивал к западу, за сооружение XIII-12 и разделял здесь усадьбы А и Б. В усадьбе Б продолжал стоять уже знакомый нам дом с большой глинобитной печью в северном углу.

На восточной стороне улицы 3, в ее северной части видны остатки двора-усадьбы "В", которую от церкви-донжона ХШ-5 отделяли следы частокола - линия горизонтальных бревен, которыми он был утрамбован (см. об этом приеме: *Засурцев,* 1967. С. 62). В этой усадьбе были расчищены остатки двух хозяйственных построек, между которыми была проложена мостовая.

Большая часть северных раскопов на этом уровне была заполнена остатками большого пожара. Куски обгорелых бревен лежали между лагами улицы 3, три постройки в усадьбах "А" и "Б" погибли от пожара. Церковь-донжон ХШ-5а также горела - обнаружены куски обгорелых бревен. Однако это сооружение немедленно было восстановлено абсолютно в прежнем виде - сооружение ХШ-56.

В этом третьем пожарище было обнаружено большое количество разнообразных вещей, указывающих, что бедствие было немалым. Начнем с оружия. В развале глины и земли с восточной стороны донжона ХШ-56, был найден уникальный железный наконечник большой рогатины, сохранившийся полностью, но погнутый под прямым углом на трети расстояния от острия до древка, втулка древка восьмиугольная, ширина отверстия около 24 мм (рис. 87, *3).* Датировка этой замечательной находки оказалась не столь простой. А.Н. Кирпичников, любезно изучавший ее по фотографии до реставрации, датировал рогатину XIV в. (эту же дату определил в частном разговоре Р.Л. Розенфельдт). После расчистки А.Н. Кирпичников усомнился в первоначальной дате, считая, что для XIV в. у рогатины слишком "широкие плечики и относительно неширокая втулка", и предложил отнести рогатину к XII-ХПI вв. (письмо А.Н. Кирпичникова от 3 января 1988 г.). Все-таки, судя по стратиграфии, предмет следует отнести именно к XIV в. Прямых аналогий ему мне не встретилось, хотя отдаленные можно указать: таковы рогатины из собрания Л.К. Ивановского (1896. Табл. XVIII, 24, 29), из Гонголова *(Ивановский,* 1896. Табл. XVIII, 25), из раскопок Н.И. Булычева *(Булычев,* 1899. Табл. VI, 9). Из наконечников стрел, найденных на этом уровне, укажем веслообразный железный наконечник стрелы XIII-XIV вв., наконечник арбалетной стрелы *(Алексеев,* 19956. С. 58, рис. 5, *14)* XIV-XV вв. *(Медведев,* 1966. Табл. 31,*20),* нижнюю часть древка стрелы, часть бронзового котла с приклепанными бронзовыми ручками *(Алексеев,* 19956. С. 70, рис. 6, *17).* Другие находки: прямоугольный тип самшитового гребня (вторая четверть XIV - первая половина XV в., см. *Колчин,* 1982. С. 166), семь бронзовых крестовключенных подвесок *(Алексеев,* 19766. С. 46, рис. 2,*12-16* - ХП-XIII вв.; *Успенская,* 1967. С. 127), все отлиты в четырех различных формах. Аналогии им часты в курганах и редки в городских древностях. В Белоруссии они

известны в слоях XII в. в Минске *(Загорульский,* 1982. С. 224, табл. XVII, 14, 15). В Мстиславле, видимо, их бережно хранили, и в XIV в. потребовались грозные события разгрома города, чтобы они попали в землю. Назовем еще серебряные перстни. Из замков отметим замок, принадлежащий к типу Е, только что появившемуся на Руси *(Колчин,* 1982. С. 162), ключ от замка типа B_2 XII-XV вв. *(Колчин,* 1982. С. 162, рис. 3). К ХП-ХШ вв. Г.П. Смирнова отнесла (личное сообщение) маленький горшочек с ушками - тип, происходящий, по ее наблюдениям, из южной Руси, аналогичный найденному нами в Друцке *(Алексеев,* 1966а. С. 160, рис. 36,*4).* В Белоруссии подобные находки не часты, укажем на находку из Копыси *(Штыхов,* 1978. С. 100, рис. 47,*13,14),* из городища Черкасове под Оршей *(Левко,* 1992. Табл. 7 в прил., рис. 4 - таблицы не нумерованы). Удалось склеить несколько разбитых при гибели города сосудов, отнесенных Г.П. Смирновой к XIV в. Укажем глиняное грузило, буро-зеленую иисанку-уточку с "петлеобразной желтой по черному фону росписью с металлическим блеском" *(Макарова,* 1967. Табл. XIV, *18),* яйцо-писанку *(Макарова,* 1967. Табл. XIV, *12).* Как известно, писанки исчезли в Новгороде в XIII в. *(Макарова,* 1967. С. 44), в Мстиславле, как и подвески, они использовались дольше и утратили их в пожаре середины XIV в. По свидетельству Т.И. Макаровой, оба предмета принадлежали изделиям русского производства, причем круга южной Руси *(Макарова,* 1967. С. 44). Интересен сильно обгоревший лемех деревянной крыши *(Алексеев,* 19956. С. 72, рис. 8, *8).* Стенка небольшого тигелька указывает, что в это время существовало, очевидно, домашнее литейное производство. Кожаная обувь (которой вообще в Мстиславле много) здесь найдена в большом количестве во фрагментах и целиком, например мягкие туфли с расшитой передней частью, кусочки ажурного поршня с сохранившимся целиком ремешком и т.д. Глиняное сопло кузнечного горна указывает, что здесь, на горе, была и своя кузница.

Итак, в ярусе Б между 1345 и 1365 гг. случился большой пожар, уничтоживший многие постройки в городе и церковь-донжон. В пожарище попало множество предметов, в частности погнувшаяся стальная рогатина, брошенная под восточной стеной этого сооружения и погребенная под его развалом. Все это указывает на какой-то военный эпизод, когда неприятель не только ворвался в крепость, в горящий город, но и подобрался к самому донжону и его уничтожил. Когда это могло быть? Это, конечно, пожар 1359 г. при захвате города Ольгердом, о котором мы говорили. Текст летописи исключительно скуп, археологические раскопки значительно расширяют наше представление об этом бедствии. Кроме брошенной рогатины, особенно интересна находка котла (рис. 88, *17),* заставляющая вспомнить взятие Тахтамышем Москвы в 1382 г.: "гражане воду в котлах варяшу и кипятьнею льяхуть (на осаждавших)" (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 208). Находки в Новгороде свидетельствуют, что подобные котлы более всего были распространены в XIII-XIV вв. Их использовали для варки пищи *(Колчин,* 1959. С. 104, 105). Летописец удивлялся, что Святослав Игоревич не брал в походы котлов и его воины жарили мясо на угольях костров (ПВЛ, 1950. С. 46). По новгородским берестяным грамотам (№ 500, как раз середины XIV в.) известен малый котел - "котлеп" *(Арциховский, Янин,* 1978. С. 93). Слово "котьль" встречается в Изборнике 1076 г. (1965. С. 917). Судя по летописи, мастер, делавший котлы (вероятно, такой был и в Мстиславле), именовался "котельникъ" (НПЛ, 1950. С. 204)«. В раскопе II на этом уровне в семи местах обнаружено обгорелое зерно. В раскопах I и II найдено несколько кусочков плоского оконного стекла, в раскопе III (где было жилище) эти куски оплавлены.

Ярус А состоял из очень плохого перегнившего дерева, расчленять которое было очень трудно. Можно констатировать, что после пожара 1359 г. западная улица 3 была застроена еще теснее, чем ранее, да и планировка стала несколько иной, хотя границы усадеб по-прежнему соблюдались. Дом усадьбы А стоял теперь снова на улице 3 и представлял редкий в Мстиславле дом-пятистенок, глинобитная печь которого помещалась в углу второй, несколько большей камеры и занимала почти 'А помещения. С трудом удалось расчистить и слабые следы деревянного пола. Трудно представить, на сколько венцов дом был покрыт культурным слоем (т.е. как долго он простоял), все его бревна сгнили и полностью сплющились. По некоторым данным можно думать, что, как и обычно, дом "зарос" культурным слоем на два венца. Дом XIV-17, сохранившийся, мы помним, на пять венцов был исключением (см.: *Алексеев,* 19956. С. 145, рис. 13 и др.). Западнее слабо виднелись плохо выраженные остатки хозяйственных строений. Усадьба Б содержала остатки тоже очень плохого дерева. Можно понять, что ее планировка после пожара, в отличие от предыдущей усадьбы, сохранялась прежней. В центре высился возобновленный дом с большой печью в северном углу, которая занимала [2]А постройки. Дом был небольшой, квадратный в плане, западнее высились хозяйственные строения. В северной части этой усадьбы был, по-видимому, амбар с дощатым полом. Восточнее и севернее дома в усадьбе Б были еще хозяйственные постройки (хлев?). Въезд в усадьбу не прослеживался, от улицы 3 она отделялась частоколом, и въезжали в нее, вероятно, в северной части раскопа II, но настаивать на этом нельзя.

---

[47] Ср.: "10 котловъ железных в чем смолу варят" (1683 г.) (Словарь русского языка XI-XVII вв.. 1975. Т. 1. С. 132, 133).

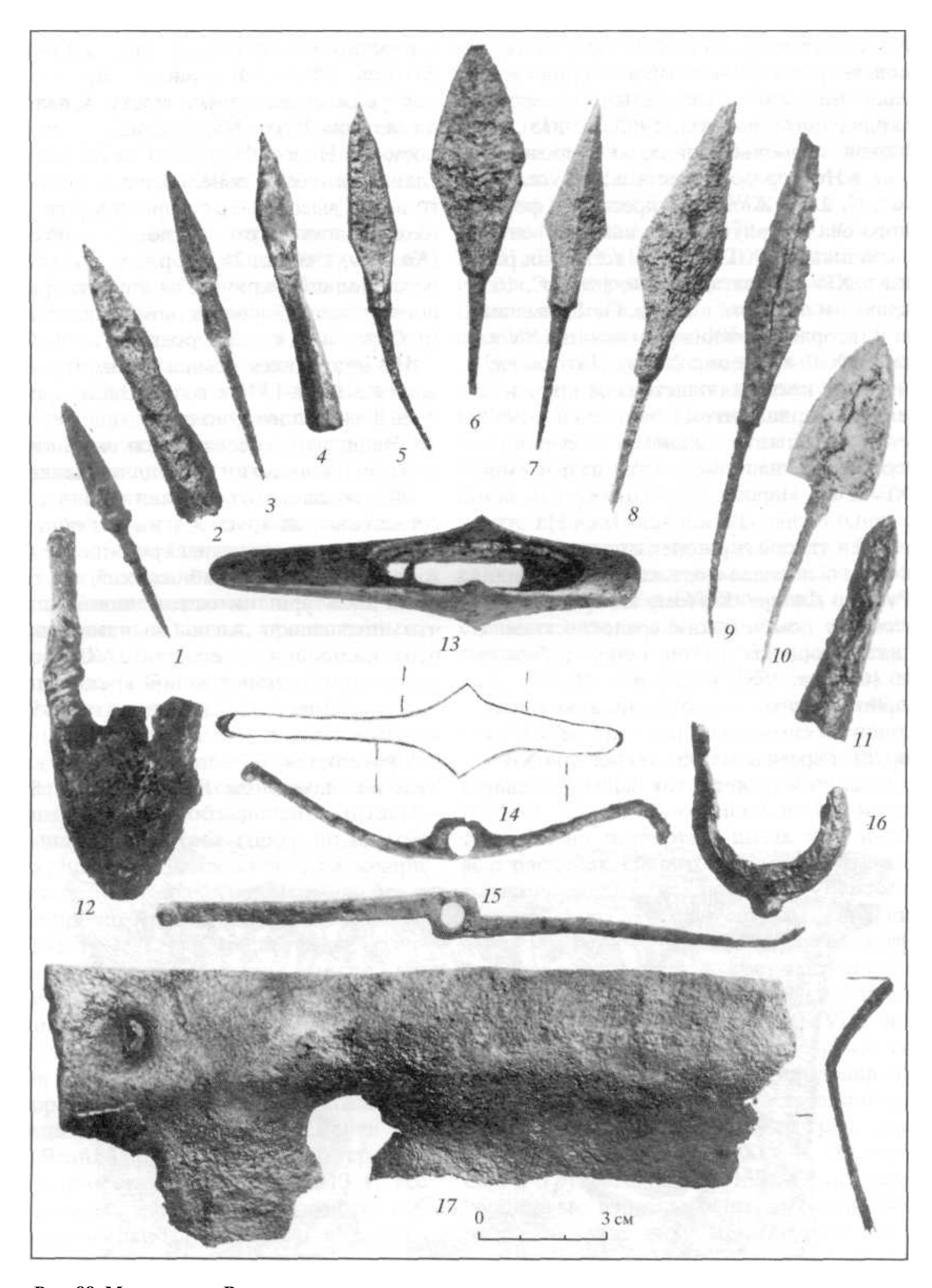


Рис. 88. Мстиславль. Вещи из пожарища

1-11 - наконечники стрел, *12* - бронзовый наконечник ножен меча, *13-15* - "шарниры" (?) арбалета, *16* — перекрестье сабли, *17* - медный котел

С восточной стороны улицы 3 высилась обновленная после пожара 1359 г. церковь-донжон ХШ-56, а севернее, где ранее была усадьба В, расчищен хлев 1-1. Остальные постройки не сохранились.

Находок в ярусе А немного. Укажем бронзовый нательный крестик с ромбическим перекрестьем {*Алексеев,* 19766. С. 47, рис. 2, *4).* Похожий был в коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (1899. Табл. 1,*32),* но перекрестье там квадратное, как и у крестика из Дрогочина {*Авенариус,* 1890. Табл. II, *13),* а также как и у крестика, который отливался в литейной форме из Серенска, найденной в слое татарского нашествия, но сделанный, по-видимому, во второй четверти XIII в. {*Никольская,* 1981.

Табл. 49, *12)*. На этом же уровне найден "ленточный" бронзовый браслет, обычный в северных курганах и в единичных случаях известный на землях вятичей и кривичей *(Левашова,* 1967. С. 235). По В.П. Левашовой, подобные браслеты относятся к XI-XIII вв., но в Новгороде они есть и в XIV в. *(Левашова,* 1967. С. 235). Железное кресало в форме "укороченного овала с внутренним выемом" относится Б.А. Колчиным к XII в. Более всего они распространены в XIV-XV вв. *(Колчин,* 1982. С. 163, рис. 4), но главным образом, в XIV в. Отметим замки: два типа В (вторая половина XII - начало XV в.) и тип Г - (конец XIII - середина XV в). На этой глубине была найдена костяная пластина от колчана с художественным орнаментом *(Алексеев,* 1962. С. 198, рис. 1, *Г).* Прямые аналогии неизвестны, близкие встречаются, например, в так называемой "чайхане" XIV в. у с. Наровчат, в золотоордынском городе Мохше *(Алихова,* 1976. Рис. 10, *1).* На этом же уровне найден второй горшочек с двумя ушками того типа, который попадал сюда, как мы говорили, из южной Руси по Днепру. К этому же времени относится крестик с ромбическим средокрестьем, с рисунком, датирующийся в Новгороде рубежом XIII-XIV вв. *(Седова,* 1981. С. 54, рис. 16, /5). Из этого слоя происходят два топора, один из которых, по Б.А. Колчину, "с симметричным лезвием" в Новгороде датируется временем около середины XIII - начала XV в., а другой является как бы переходным к первому утяжеленному типу (с 1360-х годов, см.: *Колчин,* 1982. С. 163, рис. 4). Из бытовых предметов укажем железную дужку деревянного ведра диаметром 25 см. Наибольший процент бондарной посуды в Новгороде падает на XIV-XV вв. В Мстиславле на этом уровне найдены остатки деревянного ведра высотой 21 см при диаметре днища 25 см (сохранилось восемь клепок без ушков для ручки) *(Колчин,* 1968. С. 25, 27, рис. 7, табл. 11, 12). Интересен большой крючок на крупную рыбу - очевидно, горожане рыболовством занимались и на Соже (р. Сож - в 10 км от города).

Не приходится сомневаться, что ярус А отложился в 1360-1370-х годах. Здесь дерево сохранилось весьма плохо, но ярус выделить еще возможно. Выше этого сделать нельзя, а на пятом штыке деревянные остатки вообще не вычленяются.

Надъярусные отложения детинца лежат непосредственно на ярусе А и имеют общую мощность 80 см, что соответствует трем-шести штыкам. Как же здесь быть? Из наблюдений над самыми верхними культурными отложениями можно понять, что интенсивная жизнь на памятнике замерла в первой половине - середине XVII в., очевидно, после захвата и уничтожения крепости и ее населения войсками А.Н. Трубецкого в 1654 г. Неоднократные попытки восстановить крепость позднее не привели к возобновлению жизни в ее пределах. Зеленые поливные изразцы (рис. 89), обломки

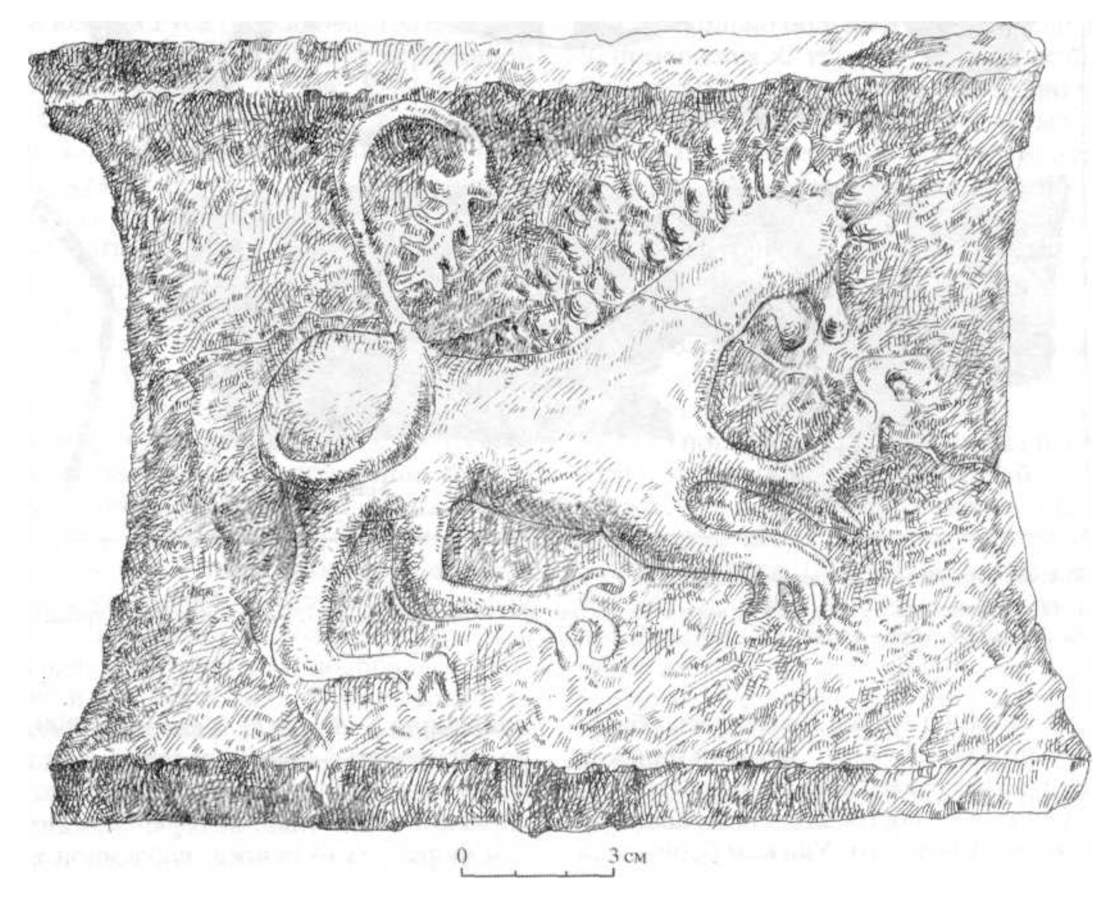


Рис. 89. Мстиславль. Изразец с зеленой поливой и изображением дракона из верхнего слоя детинца

которых часто попадаются в верхних напластованиях у валов[48], относятся только к первой половине этого столетия. В черте города в крепости изразцы обычно иного вида и датируются второй половиной XVII в. *(Трусов,* 1988). Но четкого слоя XVII в., ни второй половины XVI в. на детинце нет. Все сметено огородниками.

Итак, наши 80 см, очевидно, отражают одно - полтора столетия: XV в. и первую половину XVI в. Что мы знаем об этой эпохе по письменным документам и, в частности, о Мстиславле? Еще во второй половине XIV в., положив предел домогательствам Ордена (который окончательно был разбит в 1410 г.), Ольгерд и Кейстут вместе с другими Гедиминовичами собрали под свою власть всю Южную и Западную Русь, освободили ее от владычества татар, создали мощное литовско-русское государство - Великое княжество Литовское. Это тем легче было сделать, что Русь была ослаблена татарским владычеством. Однако основным элементом здесь была русская, а не польская культура, сын Кейстута Витовт первоначально был, как и многие другие местные князья, православным, вся деловая переписка шла здесь на русском языке. По смерти Ольгерда (1377) великим князем стал Ягайло Ольгердович (вскоре приказавший удавить своего дядю - Кейстута, 1382). Мстиславль в 1377 г. получил Лугвений Симеон Ольгердович. В 1386 г. благодаря женитьбе Ягайлы на польской королеве Ядвиге состоялось объединение Литвы и Польши. Лугвений вернул себе город, но врагом Руси он все-таки не стал: он был женат на дочери Дмитрия Донского, был православным, однако в 1389 г. он дал королю Ягайле присягу в верности (РНБ. ОР. Ф. 293. № 1. Л. 1). Став великим литовским князем, пожизненным ленником короля (1392), Витовт Кейстутович (1350-1430) распространил владения "от моря и до моря", присоединив Смоленск (1395), и граница Литвы и Руси теперь проходила по р. Угре.

По указу короля во всех землях началась усиленная католицизация населения. По смерти Витовта (1430 г.) Ягайло превратил всех Ольгерд овичей в простых наместников. Еще в 1413 г. все должности занимались лишь католиками (что вызывало возмущение народа, особенно в землях, близких к Руси, где был и Мстиславль).

Раскопки подтверждают, что время было неспокойным: в город залетало много стрел. В слое, лежащем непосредственно на ярусе А, датируемом 1380-ми годами, найдены наконечники стрел IX - середины XIII в., монгольский срезень XIII в., два наконечника, найденных в одном месте - бронебойный XIV в. и арбалетный XIII-XIV вв.; костяной наконечник стрелы. Исключительно уникальны шесть резных пластин колчана из кости, найденных на этом же уровне[49]. Любопытна костяная пластина с циркульным орнаментом. Бытовые находки: глиняный ковш в виде птицы; оригинальное горло кувшина с особым малым отверстием внутри горла. Важной находкой является монета с отчетливо видимой буквой W в части круга - монета Владислава Оппельна (1379-1396) *(Gumovski,* 1960. 3. 101, Tabl. XVI, 399, 402). Не приходится сомневаться, что стрелы, залетевшие на детинец Мстиславля в 1380-х годах, это стрелы осады города смоленским князем в 1386 г.

Вопрос о датировке верхних слоев непрост, так как дендрохронология неприменима и нужны иные соображения. Первоначальный уровень слоев нарастал на детинце по тем же законам, что и в других городах Руси - в среднем толщина слоя в 20 см отражала два десятилетия. Но в 1654 г. город почти прекратил существование, слой перестал нарастать, открыв путь кислороду в более нижние слои, что уничтожало все древесные остатки на глубину до 1-1,2 м. Образовались пустоты, напластования начали сплющиваться, и каждый штык теперь отражал гораздо большую временную величину. К тому же сверху образовались огороды, и находки выбрасывались с глубины до 40 см (т.е. самые поздние).

Состав находок третьего-пятого штыков неоднороден, распределение их не лишено интереса. В пятом штыке мало вещей, не так много их и на третьем, но четвертый штык ими изобилует во всех раскопах. На пятом штыке почти нет предметов вооружения (исключение - бердыж поздней формы (?) без втулки, с острым основанием, забивавшимся в торец древка, он мог служить подпоркой ствольного оружия, костяная стрела; отметим также стремя. Остальные находки - бытовые: замки, ключи конца XV - начала XVI в. и середины XIV-XVII вв. В городе в это время занимались литьем (найдены тигли, кусок оплавленной бронзы). Здесь же, вероятно, уже делали изразцы - попадаются изразцы горшкового типа, появившиеся в этих землях в начале XIV в. *(Паничева,* 1980. С. 54; *Трусов,* 1988. С. 132). Если самые ранние горшковые изразцы были высотой 24-25 см, то мстиславльские вдвое меньше, их устье шире дна. То и другое указывает на середину XIV в. *(Трусов,* 1988. С. 133). Эти изразцы из более позднего слоя - того, когда печи были разрушены. Как известно, мстиславльских изразечников в 1665 г. патриарх Никон перевел в Иверский Валдайский монастырь *(Алферова,* 1969. С. 32). С того же уровня происходят два энколпиона (один из шурфа 1959 г. - *Алексеев,* 19746. С. 215, №25; рис. 2, *10),* подобный найден у построек XIII-XIV вв. на Белоозере *(Голубева,* 1960. С. 38, рис. 17, *3).* Следы ры-

---

[48] Встречаются и неполивные изразцы тех же форм. Один неполивной изразец оригинального рисунка найден в шурфе в центре детинца.

[49] Две пластины этого набора попали в более ранние слои, но в пределах того же квадрата.

боловства: семь глиняных грузил. Отметим керамику: большая (50 см в высоту) красноглиняная корчага (по устному свидетельству Г.П. Смирновой, XIII-XIV вв.); глиняная плошка (срез внизу позволил Г.П. Смирновой датировать ее концом XIV в.); две овальные крышки сосудов (по Г.П. Смирновой, второй половины XII-XIV вв.). Она же датировала горшки XIII-XV и XIV-XV вв. Любопытны: глиняная головка куклы, бронзовый "мальтийский" крест, аналогичный воспроизвели Б.И. и В.Н. Ханенко (1889. Табл. VI, 73). Примерно на этом уровне в раскопе VIII был найден серебряный дукат Сигизмунда I (1506—1548) с надписью и датой: "Sigismundus P.Rex, 1536" {*Gumovski.,* 1960. Tab. XIX).

Среди изобилия вещей на четвертом штыке особенно много предметов военного обихода: стрелы - веслообразная (XIII-XIV вв.), арбалетные XII-XIV вв. и XV в. Редчайшая находка крюков спускового механизма арбалета; две пластины панциря, подобные - в усадьбе Онцифора Лукича в Новгороде (1343-1354) {*Медведев,* 19596. С. 131, рис. 5, 7); шесть колечек кольчуги, две сулицы; втулка рогатины; осколки чугунных ядер; большой вток; шпоры с шипом ХП-ХШ вв. {*Кирпичников,* 1973. Табл. XVI, 5, *6);* шпора с колесиком (с XIII в. *Кирпичников,* 1973. Табл. XXI, 2); удила и т.д. В заполнении погреба 1291 г. {*Алексеев,* 19956. С. 73, 75, рис. 9) найдено два предмета XIV-XV вв.: стремя ХП-ХШ вв. {*Кирпичников,* 1973. С. 45, табл. XV, *12; Алексеев,* 19766. С. 47, рис. 2, 2) и боевой топор с рукояткой-топорищем XVI-XVII вв. Орудия труда: бурав стальной, подобный происходит из Тушинского лагеря (1608-1610 гг.) {*Никитин,* 1971. Табл. 2, *16),* еще бурав более мелкий; литейная форма для отливки бусин {*Алексеев,* 19766. Рис. 2, *23;* 19806. Рис. 26, *14);* тигли, сошник. Бытовые предметы: замки и ключи к ним - конец XIII - начало XV в.; железная булавка с кольцом {*Алексеев,* 19956. Рис. 5,*18).* Среди многочисленных находок стекла отметим часть бесцветного цилиндрического тонкостенного бокала с диаметром устья 80 мм; дно бокала (аналогия - *Щапова,* 1963. Рис. 5, 5, *6; Гуревич,* 1981. Рис. 48, 70). Любопытно, что здесь же найден чернолощеный кувшин высотою 20 см, лощение которого произведено по всей поверхности и внутри, тесто сероглиняное {*Алексеев,* 19766. С. 48, рис. 3, *17).* По этим признакам сосуд - "ранний", второй половины XVI в. {*Розенфельдт,* 1968. Табл. 9, 6-9). Находки подобной посуды не редкость в Мстиславле: на девятом штыке был найден провалившийся туда фрагмент лощеной сковороды (XVII в.). Чаще подобные сковороды имели три ножки {*Левко,* 1992. С. 34) (на нашем фрагменте они не видны). На глубине четвертого штыка встречено несколько обломков железных ручек от деревянных бадеек, скрученных винтообразно и плоских; встречаются и "О"-образные кресала.

Подобного изобилия находок на третьем штыке нет. Сюда залетели четыре наконечника стрел {*Медведев,* 1966. Табл. 306, 36. X-XIV вв.; *Алексеев,* 1993. С. 70, рис. 6, 5; XIV в. - *Медведев,* 1966. Табл. 26, *13; Алексеев* 19956. Рис. 6, 5 - VIII-XIV вв. {*Медведев,* 1966. Табл. 366, 35); татарский срезень {*Алексеев,* 19956. Рис. 6, *1)* XIII-XIV вв.; наконечник ножен меча {*Алексеев,* 19956. Рис. 6, *12).* Это редкая находка, к 1950 г. в Восточной Европе их было известно всего около 20, данный тип - наиболее поздний, датировавшийся Г.Ф. Корзухиной XI-XII вв. {*Корзухина,* 1950. С. 68, табл. 1). Ныне они датируются XII - первой половиной XIII в. {*Кирпичников,* 1966. С. 25, рис. 3). Подобные найдены в слоях XII в. в Друцке, в Волковыске {*Зверуго,* 1975. Рис. 39, *9, 11).* Снаряжение коня: уникальная почти сплошная подкова, именуемая в Европе "турецкой" (Archeologicke rozhledy, 1969, S. 821; удила; пряжка подпруги. Бытовые вещи: огромный замок типа Е (не ранее середины XV в., см.: *Алексеев,* 1976. Рис. 13, 16); ключ замка, плитка пола с поливой цвета бордо и со скошенными краями, сероглиняная, побывавшая в пожаре; чашка ювелирных весов из бронзы диаметром 10 см, железный светец, каменный крестик; чернолощеная миска с параллельными горизонтальными "каннелюрами"; бронзовое ушко бадейки; костяная пластина с циркульным орнаментом.

Предметы огородного слоя (штыки 1 и 2): наконечники стрел XI-XIV вв. и - веслообразный, XIII-XIV вв. {*Медведев,* 1966. С. 67; *Алексеев,* 19956), оковка лопаты, часть бронзового крестика с крестообразными концами (тип: *Алексеев,* 1962. Рис. 4, 2, *3),* XIV в.; янтарный крестик.

Нам ясно, что четвертый и частично третий штыки отражают беспокойную в военном отношении эпоху, когда город не горел, но вокруг него постоянно велись военные действия (а возможно, и в нем). Однако до самого последнего времени в его церкви-донжоне продолжали хоронить. Если нижний горизонт шестого штыка отлагался в 1380-е годы, то верх его соответствовал, по-видимому, первой половине XV в., пятый штык - приблизительно второй его половине, четвертый - первой половине XVI в., может быть, его середине, а штык третий - второй половине XVI в. (от XVII в. эпизодически сохранились отдельные предметы - характерные неполивные и зеленые поливные изразцы и т.д.).

Письменные источники показывают, что первая половина XVI в. была временем неспокойным для Литвы. Василий III оканчивал дело объединения Руси, начатое его отцом Иваном III. К России теперь отходила значительная часть Смоленщины и Левобережной Украины. Но этого было мало, и послы Ивана III при мирных переговорах 1503-1504 гг. требовали: "Ано не то одно наша отчина, кои городы и волости ныне за нами: и вся

Русская земля... з Божией волею, из старины, от наших прародителей наша отчина..." *(Флоря,* 1978. С. 17). Вскоре разыгрались новые серьезные военные действия, где Мстиславль действительно начал играть крупную роль. В ночь на 20 августа 1506 г. умер Александр Казимирович, попытка Василия III быть избранным на королевский стол не удалась - был избран брат Александра, Сигизмунд Старый и сделался главным врагом русского самодержца. Василий III срочно укреплял рубежи. В марте 1507 г. война носила еще характер пограничных стычек: "из Мстиславля королевские люди" нападали на окрестности Брянска. Литовские воеводы сожгли также Чернигов. В отместку за эти набеги Василий III послал "из Северы" в июле на Литву князя Ф.И. Сицкого, а из Дорогобужа - князя И.М. Велятевского *(Зимин,* 1972. С. 84). 14 сентября 1507 г. "посылал князь великий Василий Ивановичь всея Русии воеводъ своихъ, князя Василия Даниловича Холмскаго да Якова Захарьича къ Мстиславлю литовские земли воевати" (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 6). Были сожжены только посады *(Зимин,* 1972. С. 85). "Побыв под городомъ Аршею (Оршею) [русские войска] пошли подъ Кричевъ и подо Мстиславль, да быв под теми городы и землю литовскую повоевав, да отписали к великому князю с рубежа..." (Разрядная книга 1475-1598 гг., 1966. С. 40). "И много в тот час замков подали великому князю московскому; то есть кн. Михаила Мъстиславский подался з городомъ своимъ Мстиславлем, князи Друцкия подалися з городомъ своим Друцкомъ", - резюмирует события Летопись Рачинского (ПСРЛ, 1980. Т. 35. С. 167). Несмотря на "миръ и вечное докончание", заключенное противниками в 1509 г., в 1514 г. Василий III берет Смоленск и двигается к Мстиславлю "на князя на Михаила на Мстислав ского", который, очевидно, ему изменил. Михаил снова бьет ему челом, "чтобы государь, князь ве ликий, пожаловал, взял его к себе в службу и с вотчиною" (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 20). Впрочем, в 1515 г. он изменил ему опять (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 23) и, конечно, Василий III велел "воеводам своим со всеми людьми итти на Литовскую зем лю ко Мстиславлю" (Разрядная книга 1475-1598 гг., 1966. С. 56). В 1535 г. Елена Глин ская (мать Ивана Грозного) посылает Василия Васильевича Шуйского "итти съ нарядомъ, съ пушками и пищалями, ко Мстиславлю и Мьстиславля доступати... Король Жигимонтъ, послы шав то, что воеводы великого князя под Мстиславлемъ... и послалъ за своими воеводами..." (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 85). Шуйский «"съ товари щи" пришли къ Мстиславлю и с нарядомъ, да посадъ изгонили и на посадъ многихъ людей пой мали въ полонъ, а иныхъ ськли, а посадъ со жгли, а городъ Мстиславль отстояли...» (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 87, 88). "Посадъ пожгли и острогъ взяли" (ПСРЛ, 1965. Т. 29. С. 18).

Как видим, самые страшные в военном отношении годы падают в Мстиславле на первую половину XVI в. - на его начало, а затем на середину 1530-х годов. Это буйное время, очевидно, и отразили отложения культурного слоя на четвертом штыке (главным образом) и на третьем (в меньшей степени).

Такова гипотетическая схема соответствия истории города XV-XVI вв. и его культурных напластований. О второй половине XVI - первой половине XVII в. мы можем судить лишь по письменным источникам. В Польскую войну царя Алексея Михайловича 22 июля 1654 г. город пал под ударами войск князя А.Н. Трубецкого. Его укрепления неоднократно пытались восстановить, но жизни в крепости, по-видимому, почти уже не было. В 1708 г., не желая оставлять ее Карлу XII, Петр Великий приказал ее сжечь. Правда, и потом замок пытались снова восстановить, но просуществовал он лишь до 1772 г. *(Ткачев,* 1987. С. 143). Однако ничто из этого в наших раскопках, по указанным причинам, не отразилось. Возможно, это в какой-то степени разъяснят раскопки будущего.

Церковь -донжон древнего Мстиславля

В предыдущем изложении у нас часто встречалось упоминание о церкви-донжоне, обнаруженном нами на детинце древнего города. Эта редкостная постройка, полные аналогии которой на Руси пока неизвестны, крайне важна для понимания такого центра, каким был доменильный Мстиславль, для изучения военнооборонного зодчества нашего прошлого, а также и для истории деревянной архитектуры древней Руси. Все это ставит нас в необходимость уделить этой уникальной постройке специальное внимание.

Надо сказать, что культово-оборонное зодчество - своеобразный феномен Западнорусских земель XV-XVII вв., истоки которого нам еще далеко не ясны. Дошедшие до нас оборонные церкви сооружены из камня, датируются, как известно, не ранее XV в. (храм в Сынковичах на Гродненщине) и связаны, казалось бы, с войнами, которые вело Польско-Литовское государство (куда входили и эти земли) в XV-XVI вв. Однако данные, которыми мы располагаем после раскопок в Мстиславле, заставляют думать, что церкви, приспособленные к обороне, появились в деревянном варианте на два-три столетия ранее. Более того, храм-донжон в Мстиславле, мы увидим, прежде всего является не церковью, как храмы в Сынковичах, в Маломожейкове и т.д., а прежде всего оборонным сооружением и лишь во вторую очередь - церковью. Необходимость такого совмещения диктовалась, очевидно, прежде всего теснотой построек в таком укрепленном месте, как детинец, но также и тем, что церковь,

по мысли древних, охраняла их укрепления и в данном случае - донжон.

Крепость Мстиславль не имеет под валом культурных отложений, следовательно, задумана была Ростиславом специально как укрепление. И для нас важно, что с самого ее возникновения в ней уже был донжон *(Алексеев,* 19936. С. 217-218). Был он первоначально, по-видимому, примитивным, что мы увидим впоследствии, Назовем пока донжоны просто сооружениями.

Сооружение № 1 было срублено немного выше материка, возможно на специальной материковой подсыпке, простояло недолго, сгорело, оставив исследователю лишь следы отдельных обугленных частей в юго-восточной части северных раскопов. О конструкции его судить трудно, но по совпадению его сохранившихся частей с последующей аналогичной, по-видимому, постройкой кажется вероятным, что оно было немного меньше той, но конструкции их совпадали. Внутри сооружения 1, как и вовне к северу и западу, располагались погребения, запущенные в материк так, что крышка дощатого гроба каждого была заглублена в материк всего на 5-10 см.

Могилы были выкопаны в материковой подсыпке и в материке, иной примеси в них не было, почему могильные ямы и не прослеживались, и не были глубокими (что, впрочем, условно). Всего обнаружено в материке около десятка погребений; костяки лежали в примитивных рубленных дощатых гробах на спине и были ориентированы на юго-запад. У некоторых на ногах были кожаные туфли, сделанные явно наспех специально для умершего. Некоторые из умерших были покрыты узорной шерстяной тканью, нити которой некогда были переплетены с несохранившимися нитями льняного узора. Вещей при покойниках не было. Лишь однажды вблизи материка была встречена иконка-подвеска в виде серебряного медальона со вставным позолоченным тонким щитком с оттиснутым на нем выпуклым изображением Богоматери с младенцем. Внутренность ее для прочности была залита восковой мастикой. Прямые аналогии предмету нам не встретились, до некоторой степени он напоминает подвески киевских кладов и, следовательно, мог быть изготовлен в Киеве. Стиль предмета позволяет его датировать, по утверждению М.В. Седовой (устное свидетельство), концом XII - началом XIII в. Очевидно, эта подвеска выкатилась из одного из погребений. Все эти погребения принадлежат первоначальным жителям Мстиславля, а подвеска-иконка позволяет отнести первоначальный слой к этому времени. Впрочем, об этой находке у нас уже шла речь выше.

Наиболее ранние дендрохронологические даты данного уровня или, во всяком случае, близкие к нему - на более северном участке, но рядом с кладбищем (раскоп I) это замощение бревнами 1204 г. объекта 1-50. Можно думать, что границы кладбища с западной и северной сторон были как-то ограждены, во всяком случае на более верхних уровнях следы частокола прослеживались весьма явственно.

Сооружение 2 (рис. 80, *Е)* было выстроено, как представляется, сразу после гибели предыдущего на том же месте и почти на том же уровне. Его рассмотреть удалось гораздо более отчетливо. Это была дубовая постройка, почти квадратная (13 х 12,5 м), ориентированная близко по странам света (так же была ориентирована и предыдущая постройка), лежала на поверхности с отметками от условного ноля 273, 283 и была выше материка (отметка 350) приблизительно на 70 см и на 9-10 см выше постройки 1 в ее южном углу.

Конструкция этого сооружения своеобразна. Прямые дубовые бревна толщиной около 25 см и длиной 12-13 м для стен найти было очень трудно, и строители применили весьма своеобразную конструкцию. Стена каждого из бревен венца сруба составлялась из двух бревен половинного размера, соединенных внахлест и с врубкой туда перпендикулярного метрового бревна для большей жесткости соединения. В темном слое земли, заполнявшем остатки этого строения, находок не было. Однако под полом сооружения было много все тех же захоронений, но проследить, к какому из разбираемых двух сооружений они относились, к сожалению, не удалось. Лишь два погребения оказались непосредственно под стенами сооружения 2 и были, следовательно, опущены в землю ранее этой постройки, т.е. в период функционирования предшествующей постройки 1, что очень важно, как мы увидим: постройка 1 тоже была связана с захоронениями!

Весь уровень строения 2 удается датировать дендрохронологически по тем постройкам, которые на этом уровне были найдены в других раскопах: 1221, 1223 и 1229 гг. Мы можем таким образом заключить, что сооружение 2 было срублено во второй четверти XIII в. Кладбище, видимо, еще полностью функционировало, хотя возможно, что мимо его западных могил уже ездили к более северным постройкам, что вскоре потребовало и специальной мостовой (о чем ниже).

Сооружение 3 было срублено в тот период, когда улицу, образовавшуюся западнее кладбища, замостили бревнами (улица 3), а южнее проложили улицу 10. Дату этому первому строительному ярусу дают хозяйственные постройки, возникшие на западной стороне улицы 3 в 1249 и 1244 гг. У последней постройки была найдена берестяная грамота (см. ниже). Сооружение 3 возникло на месте двух предыдущих, от него сохранилось два еловых венца нетолстых бревен (15-17 см), положенных непосредственно на землю. Эта постройка была небольшой, квадратной (сторона 6,95 м), поставленной внутри предыдущих так, что ее северо-вос-

точная часть максимально приближалась к северо-восточной части прежних зданий (строений 1 и 2), не нарушая частей последних. Углы его соединены в обло. В северной части юго-восточной стенки на расстоянии 1,1 м от угла в нее было врублено той же толщины бревно, расположенное параллельно северо-восточной стене здания. Оно было незначительной длины (2,2 м), его линию с перерывами продолжало второе бревно (1,8 м) и далее - третье (1,4 м), которое на полметра не доходило до противоположной стенки здания. Это расположение всех трех бревен было явно не случайным, ибо на расстоянии 0,5 м к юго-западу все это было повторено еще тремя параллельными бревнами. Юго-восточное бревно не было врублено в стену, но в древности, по-видимому, плотно к ней примыкало, а своим противоположным концом (не сохранившимся) опиралось на специально врытый столб и имело, следовательно, первоначальную длину, близкую к таковой соседнего параллельного бревна. Описанная двойная система бревен сначала, видимо, была соединена бревенчатыми поперечинами, следы которых видны на чертеже. Не приходится сомневаться, что северо-восточная линия параллельных бревен служила опорой для дощатого пола, что для нас крайне важно: в северо-восточной стороне этого строения был небольшой участок, отделенный от остальной части и, возможно, несколько приподнятый.

Внутри сооружения 3, у его южного угла, было расчищено погребение № 9 в сильно сгнившем дощатом гробу, опущенном ниже постройки 3 всего на 20 см и ориентированном по северо-восточной стене. Умерший лежал на спине, кости сохранились плохо, в районе пояса - железное кольцо от ремня диаметром 5 см (снаружи). Сооружение 3 было аккуратно разобрано, от него сохранились лишь два венца, в момент разборки оказавшиеся в земле.

Сооружение 4 располагалось выше, представляло большой четырехугольник, ориентированный, как и предыдущие, с северо-востока на юго-запад, и имело размеры 13,7 х 12 м. На этот раз это была весьма мощная конструкция, сооруженная из нескольких трехстенных срубов из дуба, т.е. в технике, в которой рубили обычно деревянные стены на валах крепостей *(Раппопорт,* 1961. С. 134). До нас дошло три венца толстых (30-35 см), длина которых диктовалась опять же теми прямыми дубовыми стволами, которые удалось найти и срубить. Требовались стволы более толстые, чем для сооружения 2, достать их было еще более трудно, а потому они были и более короткими. Для длинных стен трехстенных срубов вблизи углов всего здания стволы использовались длиной 3,8 м (около полутора сажень), между этими трехстенными срубами стояли такие же срубы, но с более короткими бревнами их длинных стен. Для малых стен всех трехстенных срубов использовались такие же по диаметру бревна, но длиной не многим более метра. Для большей жесткости конструкции малые стены соседних трехстенных срубов у концов соединялись врубленными в них горизонтальными, сравнительно тонкими (5-8 см) жердями. Подобные пары соединенных вместе коротких стен трехстенных срубов, по свидетельству Г.В. Борисовича, в древней Руси именовали "быками".

Сооружение 4 было поставлено на месте всех предыдущих, но было по площади больше сооружения 3 и, как выяснилось, располагалось немного ниже, причем западная, северная и восточная стены его были положены на остатки соответствующих стен сооружения 2, на эти же остатки опирались и короткие стены юго-западных трехстенных срубов. Противоположные же им короткие стены прорезали северо-восточную стенку сооружения 3 (она, следовательно, была в земле, иначе ее бы просто выбрали). Все это показывает, что площадка, на которой предполагалось строить объект 4, представляла тогда небольшую возвышенность, где остатки всех предыдущих сооружений находились под землей. Новое здание было больше сооружения 3, его стены пришлись на склоны, т.е. ниже площадки, на которой оно стояло. Выравнивая склоны, обнаружили остатки сооружения 2, их и использовали, очевидно, как своеобразный "фундамент". Юго-западный угол сооружения 4 был разрушен в XVI-XVII вв. большим погребом, дата которого устанавливается по находке в нем топора. Роя для него яму, уничтожили западную часть маленького дубового срубика, пристроенного вплотную к юго-западной стене сооружения 4, сохранившегося на 4 венца. Это были остатки небольшого крыльца, по несохранившимся ступенькам которого с запада поднимались в постройку 4. Срубик сооружен на той же дневной поверхности, что и сооружение, и был уничтожен пожаром, как и объект 4.

Все сооружение 4 с северо-восточной стороны было ограждено мощным столбовым частоколом из весьма толстых бревен.

Дата постройки сооружения 4 устанавливается дендрохронологической датой восточной улицы 3 пятого яруса - 1261 г. Значит, объект 4 был возведен в 1260-х годах. Гибель его совпадает с большим пожаром, распространившимся в ярусе Д на всю прилегающую территорию. Обгорелые бревна этого строения были видны в северной и западной частях, где они сильно обуглились. Пожар тушили, растаскивая горящие бревна и таковые были обнаружены нами у северо-западной и северо-восточной ее стен. Уровень, на котором они оказались, будучи сброшенными, позволил определить дневную поверхность гибели объекта 4. Спилы толстых бревен дуба до сих пор еще не научились датировать, сколько-нибудь толстых бревен других пород ярус Д не содержал. Учитывая датировку предшествующего и следующего ярусов (Е и Г), пожар можно отнести к первым годам XIV в.

Сооружение 5. Еще до раскопа в северной части детинца на усадьбе Н.П. Атрошенко был заметен бугор, занимавший площадь 1О-15м^2 и занятый под частную баню. В 1976 г., продлив раскоп на юг от раскопа II, мы открыли бревенчатое сооружение восьмиугольной формы, западная часть которого вошла в раскопы XIII-XIV. Оно сохранилось на три еловых венца, его внутренность была заполнена вместе с верхними обгорелыми остатками сооружения 4 (здесь поднимавшимися выше первоначальной дневной поверхности объекта 5) мощными слоями глины, поверхность которой в середине доходила почти до современной поверхности, образуя в ней, как сказано, род бугра. Ранее восьмиугольных венцов было гораздо больше, но со временем верхние сгнили, их место заполнила глина, распиравшая изнутри все венцы. Глиняное заполнение не было однородным: у краев, возле стен, она была гораздо более плотной, твердой, без примесей и распространялась от стены внутрь на расстояние до полутора метра. Середина в образовавшемся глиняном "восьмиугольном кольце", как бы "панцыре", была забита перемешанной землей с глиной, лежащей горизонтальными слоями. Внутрь этой засыпки, в западной части постройки было запущено захоронение, по-видимому, мужчины, в дощатом гробу без вещей, головой на юго-запад.

Вскоре сооружение 5 сгорело, и остался глиняный бугор высотой 50-60 см, перекрытый слоем пожарища, следы которого были видны у северного основания бугра. Следы этого пожара сохранились и западнее постройки в виде отдельных обгорелых бревен и их частей, разбросанных как рядом с постройкой, так и с лагами улицы 3 (ярус Б). Западнее улицы на этом же уровне были расчищены остатки еще нескольких сгоревших построек (см. выше). С восточной стороны объекта 5 на том же уровне под слоями грунта, ссыпавшегося с него при его разрушении, под самой стеной был найден уникальный наконечник копья, о котором мы говорили. Это был пожар 1359 г.

После пожара сооружение 5 сразу было восстановлено полностью в прежнем виде (56). В наружных местах у краев был досыпан "панцирь", перекрывший и могильную яму погребения. На сохранившиеся три нижних венца водрузили новые венцы восьмиугольника.

Надо сказать, что сооружение 5а поставили почти сразу после гибели сооружения 4 и не все их части совпадали: северо-восточная стена объекта 5а выходила за пределы объекта 4, а юго-западная и северо-западная лежали прямо на стенах этого объекта. Они, следовательно, были использованы как своего рода фундамент. Копье-рогатина свидетельствует, что гибель объекта 5а произошла в результате военных действий XIV в. (как мы сказали, нападения Ольгерда на Мстиславль в 1359 г.).

Сооружение 5 погибло во время военных действий 1654 г. В слое его развала в северной и северо-западной частях здания, т.е. там, куда оно, судя по чертежам, завалилось, было найдено два мелких замка типа Е по классификации Б.А. Колчина (XV-XVII вв.), а под скатившимися его бревнами - два фрагмента красноглиняных изразцов с зеленой поливой, уточняющих дату гибели - первая половина XVII в. Дело в том, что по исследованиям О.А. Трусова, на детинце Мстиславля не встречаются изразцы второй половины XVII в. *(Трусов,* 1988. С. 90). На детинце Мстиславля не встречаются и поливные изразцы второй половины XIII в. *(Трусов,* 1988). Основной тип изразца на детинце опубликован Р.Л. Розенфельдтом (1969. С. 80, рис. 1, *3).* Все это позволяет думать, что сооружение 56 погибло при штурме Мстиславля князем А.Н. Трубецким 22 июля 1654 г.

Итак, в небольшом княжеском центре Мстиславле на одном и том же месте в северной части крепости, в некотором удалении от северного вала с XII по XVII в., т.е. весь период существования детинца, неизменно возводили деревянное здание не жилое и не хозяйственное, в котором, очевидно, была острая надобность. Причем два из пяти сооружений были сложены из дуба, одно из них возведено в технике строительства укреплений (трехстенные срубы). Основываясь на этом, а также на форме плана этих строений, близких к квадрату или восьмиугольнику, и на месте, где они были возведены на детинце, я пришел прежде всего к мысли, что перед нами деревянные донжоны *(Алексеев,* 19936), являвшиеся "основным элементом обороны", расчитанным на "круговой обстрел" *(Раппопорт,* 1967. С. 141, 149). По свидетельству П.А. Раппопорта, башни эти появились в северной Европе в IX в., а в XII в. проникли в Западное Поморье, Польшу и затем - на Русь через Волынь, где каменные башни, как мы знаем, высятся и сейчас *(Раппопорт,* 1967. С. 204, 205). Расцвет донжонов падает на XIII в. и связан с развитием наступательной техники - с использованием самострелов, камнеметных машин (пороков) и т.д. *(Dalbor,* 1955. С. 239). В польских источниках уже под 1257 г. говорится о каменных башнях во Вроцлаве, а о башнях-донжонах имеются свидетельства второй половины XIII в., относящиеся не только к Польше, но и к Чехии и Венгрии *(Раппопорт,* 1967. С. 205). В это же время эти башни попадают на Волынь: в Холме, как сообщает летописец, стоит "вежа сред* города высока, якоже бити с нея окрестъ града подсздана каменеемь въ высоту 15 лакотъ... и оубъ'лена яко сыръ святящися на всей стороны..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 844). О "столпе", правда, привратном, в Гродно очень интересно свидетельствует Ипатьевская летопись под 1277 годом, сообщая о взятии Гродно русскими:

"И начаша соб-Ь промышляти о взятьи города. Столпъ бо б-Ь каменъ высокъ, стоя перед вороты города. И бяху в немь заперлися Проузи, и не бысть имь мимо нь пойти к городу - побивахоуть бо со столпа того. И тако приступиша к немоу и взяша и. Страхъ же великъ и оужасть паде на городъ и быша аки мертв-Ь, стояще на забролтзхъ города. О взятьи столпа, зане то бысть оупование ихъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 878). Около 1289 г. князь Владимир Василькович в отстроенном им городе на р. Лестне (Волынь) "създа въ нем столпъ каменъ высотою 17 сажнеи подобенъ оудивлению вс-Ьм зрящим на нь..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 925). Для нас важно, что "столп" был сооружен сразу же, вместе с устройством города (Каменца), так же, как и в Мстиславле. Полагая, что башни-донжоны попали в Западную Русь потому, что, якобы, "социальный строй (ее) почти ничем не отличался от западных соседей", П.А. Раппопорт прибавляет, что "гораздо более удивительно, что башни получили распространение не на всей западнорусской территории, а только на Волыни и тесно с ней связанной черной Руси" *(Раппопорт,* 1967. С. 205). Но ведь еще Б.А. Рыбаков (19646. С. 22) в Любече на валу нашел остатки деревянного сооружения, которое определил как надвратную башню-вежу с двойными стенами (6х6 м), датируемую XI в. - 1147 г., а В.В. Седов обнаружил настоящую башню-донжон шестиугольной формы (6 м в поперечнике) на владельческом поселении замкового типа (Воищина на Смоленщине) (ХП-XIII вв.; *Седов,* 19606. С. 59-61). А.Ф. Дубынин на Надеждинском городище с древнерусским слоем нашел заглубленную в вал небольшую, как он определил, "сторожевую" башню (4 х 4 м) *(Юшко,* 1991. С. 81).

Наши раскопки в Мстиславле показали, что практика строительства донжонов, связанная с изменением тактики осады крепости, была распространена гораздо шире, чем это считал П.А. Раппопорт (1961. С. 146), но строили их из дерева, поэтому они до нас не дошли! Надобность в донжонах в это время везде была очень острой - там спасались защитники города, когда враг проникал в крепость (подобно тому, как в 1240 г. жители Киева пытались спастись в Десятинной церкви - ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 785). Надобность в донжоне была и в Минске: по указу царя Алексея Михайловича от 3 декабря 1654 г. делались мощные укрепления, а "посер острогу (окольного города) поставили башню трех сажень" (6,3 м высоты; см.: Беларуси архіў, 1931. Т. 3. № 116). Там же сказано, что поставили и "туры большие и насыпали", т.е. засыпали (Беларускі архіў, 1931. Т. 3. С. 183). Засыпные башни - это, как мы знаем по раскопкам Мстиславля, башни и, видимо, стены, засыпанные песком (в Мстиславле сооружение 5), очевидно, в нижней части, ибо это делало их значительно более стойкими при усложнившейся осадной технике - применении стенобитных машин (пороков). "Даже ворвавшись в крепость, противник не мог скрыться от находящихся на башне стрелков". Это были, по выражению А.Н. Кирпичникова, узлы прежде всего дальнобойной обороны" *(Кирпичников,* 1976. С. 61). Не забудем, что донжон был "последним убежищем осажденных", его охраняли особенно рьяно *(Нейман,* 1895. С. 36). Можно не сомневаться, что, подобно орденским донжонам, донжоны на Руси, срубленные из дерева, вверху заканчивались крышей, "имевшей очень крутой скат для более легкого соскальзывания смоляных стрел и других зажигательных снарядов", а "вершина башни имела деревянную выступающую надстройку, на стенках которой лежали стропила, а в полу выступающей части находились отверстия, через которые, оставаясь самому закрытым, можно было стрелять или лить кипящую смолу и т.п. на неприятеля, подкапывающегося под фундаменты башни" *(Нейман,* 1895. С. 36).

Любопытно, что диаметр последнего мстиславльского донжона (№ 5) как и сторона квадрата, занимаемого предыдущим донжоном (№ 4), был около 13 м, а башни-донжона в Каменце - 13,5 м, башни 1462 г. во Владимирце - 14 м *(Раппопорт,* 1961. С. 145). Донжон на городище Горзвин, стоявший именно внутри крепости, имел диаметр 5-6 м, т.е. был меньше нашего вдвое, башня на городище Ратно - 12 м, башня в Каменец-Литовском - 13,5 м, на городище Старый Чарторыйск - 14 м, башня в Столпье имела размеры 5,8 х 6,3 м (т.е. опять вдвое меньше), башня в Белавине - 11,8 х 12,4 м, остатки, по-видимому, деревянной башни, упоминаемой летописью ("Вежа среде города высока, якоже бить с нея окрес града") имела размеры 5 х 5 м, здание церкви близ г. Холма в с. Спас (по Раппопорту - вероятно, остатки древней башни) имело размеры 13 х 16 м *(Раппопорт,* 1967. С. 141-148).

Можно полагать, что башня, подобная мстиславльской, была и в другом домениальном смоленском центре - в Ростиславле (Рославле). В 1927 г. рабочие на Бурцевой горе, "недалеко от края" натолкнулись, как уже говорилось, на остатки, по И.М. Хозерову, "деревянного укрепления Бурцевой горы" (Отклики и заметки, 1927). Нам важно, что башня эта стояла не у края городища, где были валы и стены, а, как и в Мстиславле, "недалеко" от края.

На том же рославльском детинце в XVII в. известна Красная башня, где некий Алешка был "на стряске" (пытке) и в воровстве своем признался *(Ракочевский,* 1880. С. 515, примеч.). Можно думать, что эта башня и была той, которую открыли рабочие в 1927 г., и являлась рославльским донжоном.

Известно, что башни в крепостях Западнорусских земель в то время были двух типов: надвратные и наблюдательные *(Раппопорт,* 1967. С. 139).

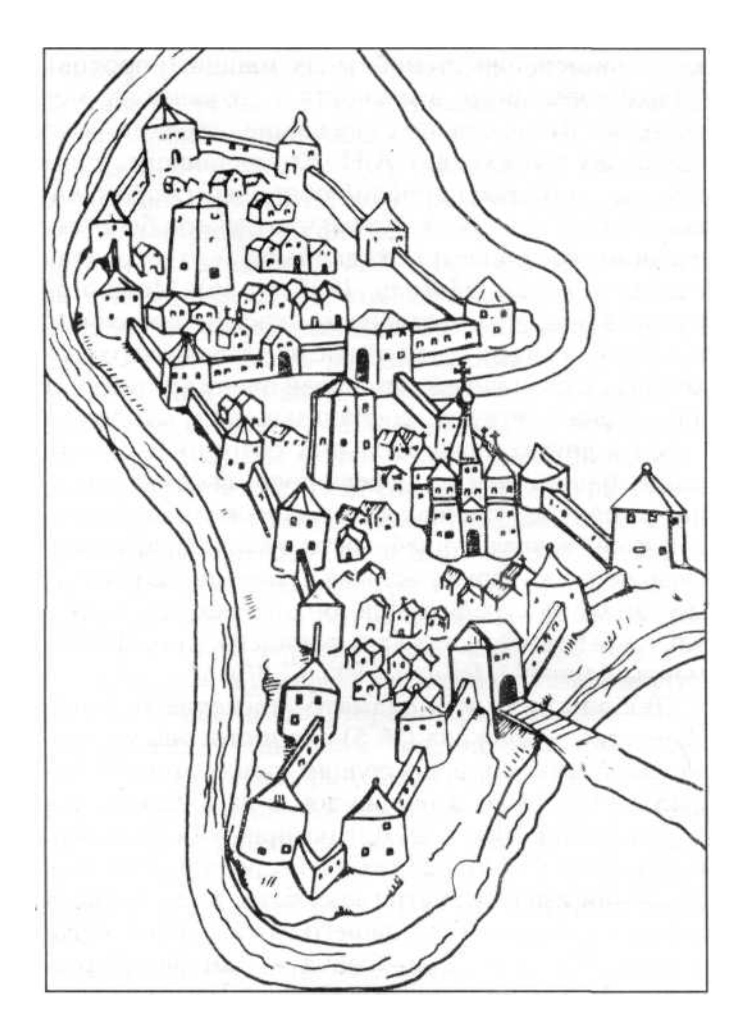


Рис. 90. Полоцк. Изображения донжонов на гравюре XVI в.

В эпоху классического развития арбалетов и камнеметов, в XIII-XIV вв. в Европе и на Руси появились, мы видим, башни для наблюдения и кругового боя, незаменимые, если враг врывался в крепость, в начале этого периода, во второй половине XII - начале XIII в. первая деревянная башня возникла и в Мстиславле (если мы верно трактуем остатки сооружения № 1). Задачей мстиславльского донжона было, видимо, защищать северную часть крепости (южную, можно думать, должна была защищать въездная башня въезда, которая, несомненно, существовала). Наша же башня обеспечивала, кроме того, обзор через крепостные стены, стоявшие на валах и, следовательно, была, достаточно высокой, и высота ее не уступала каменным донжонам, достигала 15-20 м.

Определение обнаруженных нами строений (№ 1, 2, 4, 5) как башен-донжонов не вышло бы из пределов вероятных предположений, если бы не совпадение размеров, о которых мы говорили, характер построек и, главное, древний иконографический материал, где можно видеть полные аналогии найденному нами. На рисунке С. Пахоловицкого 1579 г., обнаруженного С. Александровичем в Дрезденском архиве, изображена осада Полоцка Стефаном Баторием (1579), где в северо-восточной части детинца, как и в Мстиславле, в стороне, удаленной от входа, видна шести-восьмигранная башня, явно деревянная, высота которой, как это видно на рисунке, чуть ли не превышает высоту храма Софии (рис. 90). Подобная, но, по-видимому, четырехугольная деревянную башня изображена на северо-западной стороне полоцкого окольного города, где она также удалена от въезда *{Aleksandrowicz,* 1971). Обе - полная аналогия башням, найденным в Мстиславле. Итак, по рисунку С. Пахоловицкого видно, что деревянные башни-донжоны в XVI в. были в русских городах и, как мы думаем, с ХП-ХШ вв.

Есть и еще важный момент, к которому нам теперь следует обратиться. Мы видели, что на месте описанных построек на материке и выше (вплоть до сооружения 5) были найдены погребения. Кладбище предполагает наличие церкви, и она должна была быть где-то поблизости. Действительно, это подтверждают и некоторые находки, главнейшие из которых - шесть фрагментов колоколов, найденных к северу от наших башен. Химический состав одного из фрагментов: 74% меди, 18% олова, 3% свинца *{Шашкина, Галибин,* 1986. С. 238, 239). Средняя толщина стенок - 4-6 мм. Из остальных пяти фрагментов три найдены, как и первый осколок, в раскопе I в одном квадрате К, на глубине второго штыка, в слое пожарища. Это также боковые стенки небольшого размера. Диаметр их в разбитом месте не превышает 30 см. Химический состав большого куска: 74,3% меди, 19% олова, 3% свинца. Остальные два куска - из раскопов, более удаленных от кладбища, найдены на другой высоте (в раскопе XVIII на глубине восьмого штыка, квадрат Л; в раскопе VI, квадрат III, на четвертом штыке, в 20 м к юго-западу от башен, слой XV в.).

Крайне интересна часть хороса (бронзовый кронштейн с шестигранным подсвечником), обнаруженная жительницей детинца на своем огороде, к юго-востоку от наших раскопов. Более точное место находки она отказалась назвать, опасаясь, что мы начнем там копать. Церковная принадлежность предмета не вызывает сомнений. Подсвечник для сравнительно тонкой (9 мм) свечи приклепан к ажурному фигурному флажку с шестикрылым Серафимом в середине, драконом и извилистым хвостом вверху и орнаментальными мотивами вокруг Серафима (рис. 91,*13).* Обе части хороса отлиты по восковой модели. По любезному свидетельству А.В. Рындиной, это - "великолепный предмет русской работы XIV-XV вв., где в трактовке дракона ощущается отдаленное влияние готики". С такой датировкой нельзя не согласиться, так как более ранние подсвечники, обычные для домонгольских русских церквей, были штыревыми. Стиль украшения флажка напоминает декор церквей в Сербии: каменный портал в Студенице (1183-1191 гг.), орнамент алтаря Богородицы там

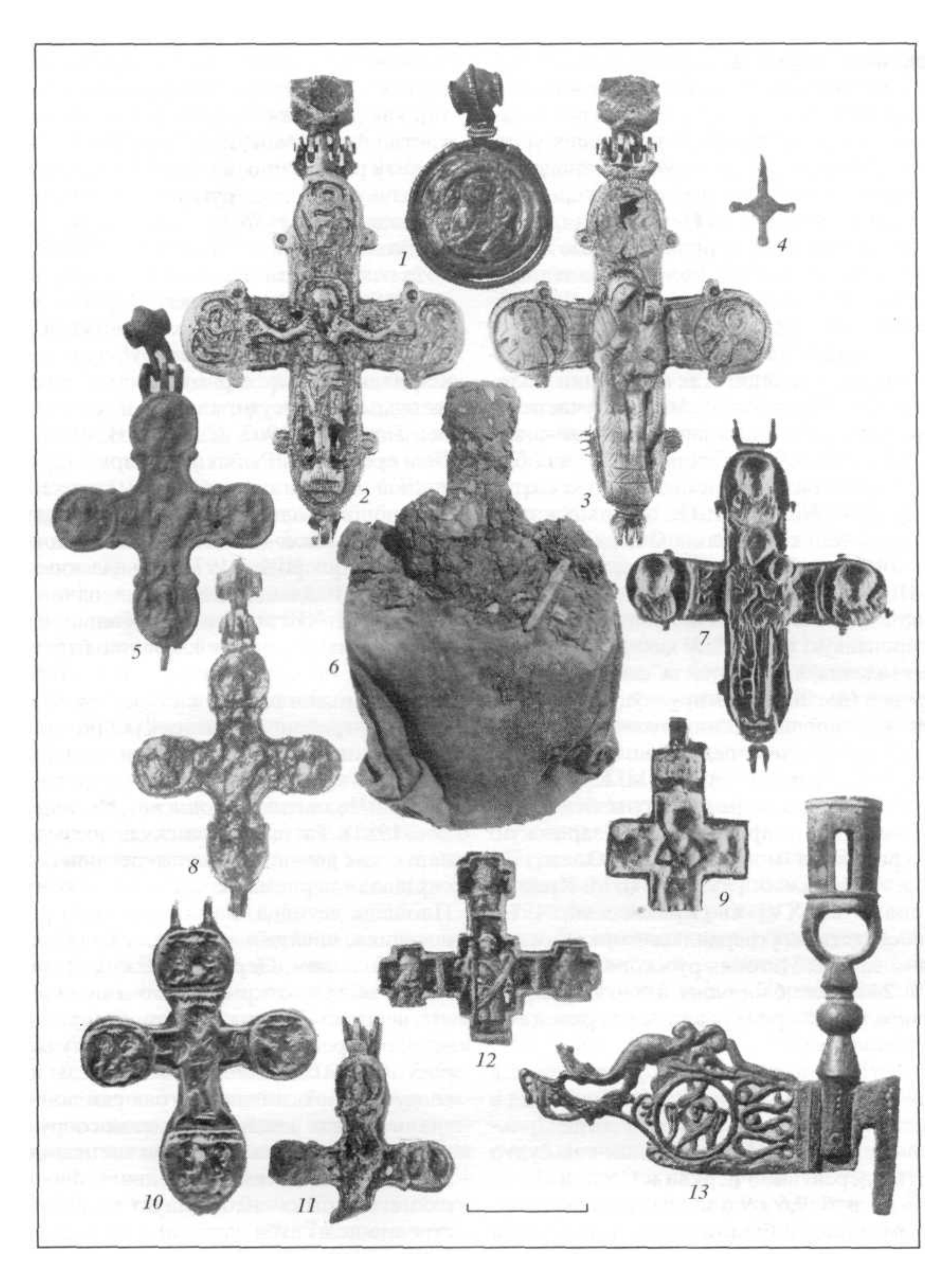


Рис. 91. Кресты-энколпионы и иконка-подвеска из Мстиславля и Могилева

1-5, 7-13 - Мстиславль, *6* - Могилев; *1* - из погребения в материке; *2, 3, 5* - бронзовые кресты из шелкового мешочка

же; трактовку драконов в готических церквах - храм XV в. в Дечанах, церковь Архангела Михаила XIV в.; шестикрылые Серафимы церкви монастыря Каленца (1413-1417 гг.) (см.: *Дероко,* 1953. Рис. 63, 83, 188, 197, 342, 425, 350)» Что касается

[50] Знакомству с этим редким у нас изданием я обязан любезности Г.К. Вагнера.

русских аналогий нашему хоросу, то можно указать более ранние хоросы, найденные в Переяславле Южном (XI в.), в Киеве, на Хоревой ул. (см.: *Каргер,* 1954. С. 16, рис. 17; 1958. С. 382, рис. 84). Можно думать, что наш подсвечник, приклепанный к кронштейну-флажку, крепился среди подобных других на нижнем (?) круге хороса флажком наружу и таких подсвечников было либо 6 (киев-

ский хорос), либо скорее 16 (переяславльский хорос) - столь тонкие свечи давали (даже в сумме) неудовлетворительный свет, их должно было быть много больше шестнадцати на разных уровнях. Возможно, что тонкие свечи были лишь декорацией, а основной свет шел от плошек, укрепленных на цепях хороса (хорос из Переяславля).

На существование здесь церкви указывает и находка семи поливных плиток пола (две с зеленой поливой, четыре с поливой бордо и одна неопределенного цвета) без следов извести. Очевидно, плитки укладывались на глину, что является признаком деревянного здания. Как и находки колоколов, их большая часть происходит с участка к северу от донжона, и все они лежали выше пожарища Д, в слое Г и выше. Некоторые плитки побывали в пожаре. Одна из плиток цвета бордо сохранила сторону размером 12 см. От остальных плиток сохранились только осколки. С церковью, пожалуй, можно связать и лампаду из яруса Ж (ЗО-40-е годы XIII в.), диск от бронзового подсвечника из предматерикового слоя (вторая половина XII - начало XIII в.), бронзовую крышечку кадила из яруса Г (первые десятилетия XIV в.), часть свинцовой пластины от кровли (вес 200 г), датируемую XIV в.

Характер и датировка ранних русских деревянных храмов до сих пор не определены. Этот вопрос интересовал А. С. Уварова (1876) и М. Красовского (1916. С. 174), однако им не удалось найти ответ. П.Н. Максимов считал древнейшей Лазаревскую церковь Муромского монастыря на Онежском озере (XIV в. - *Максимов,* 1951. С. 64). М. Красовский датировал ее XVI в. *(Красовский,* 1916. С. 184). Впоследствии утвердилась точка зрения П.Н. Максимова (см.: История русского искусства, 1955. Т. 3. С. 254 и ел.; *Смирнова,* 1969. С. 48). Ответ на вопрос о характере деревянных церквей может дать археология.

Впервые остатки деревянной церкви нашел в 1930-х годах польский археолог Роман Якимович в Давид-Городке (Западная Белоруссия, тогда Польша). *(Jakimowicz,* 1939). Г.П. Гроздилов как будто нашел остатки деревянной церкви в Старой Ладоге: квадратный сруб (9,6 х 9,6 м), застеленный внутри дощатым полом, был испорчен поздними погребениями, но так как среди этого кладбища были домонгольские, то он считал, что обнаружил остатки церкви, но более ранней, чем храм св. Климента, датируемый 1153 г. *{Гроздилов,* 1950. С. 143). В 1950 г. В.Р. Тарасенко при раскопках минского детинца там, где в древности начали строить храм и внутри недостроенного храма хоронили людей, в более поздних слоях обнаружил "два длинных сруба ... разделенных внутри на три помещения", которые он трактовал как две последовательно выстроенные часовни *(Тарасенко,* 1952. С. 127, рис. 42). В своем докладе 1956 г. в Институте археологии я доказывал, что перед нами остатки деревянного храма, а Н.Н. Воронин в содокладе предложил его реконструкцию *{Алексеев,* 1958. С .119). Эта реконструкция не была принята, так как данный объект был раскопан лишь на две трети *(Алексеев,* 19936. С. 230, рис. 10, 7). Чем бы ни был раскопанный в Минске деревянный памятник, по своей конструкции и по расположению на детинце он сильно напоминает сооружение 4 из Мстиславля *(Алексеев,* 19936. С. 222, 223, рис. 6, 7), хотя настаивать на этом, естественно, нельзя. В 1960 г. в Мартыновке Черновицкой области Б.А. Тимощук обнаружил остатки деревянной церкви ХП-ХШ вв. (трехсрубную, с квадратным кафоликоном и керамическими плитками, уложенными не насухо, как полагает автор, а на глине; *Тимощук,* 1967. С. 7, 8). В 1968 г. в древнем Белгороде Б.А. Рыбаков обнаружил остатки деревянной часовни шириной в 5 м, также с майоликовым полом, положенным на известковую подушку (XII в. - *Рыбаков,* 1969. С. 331). Наконец, в Галичском Звенигороде в 1977 г. Львовскими археологами были найдены следы еще одной деревянной церкви ХП-ХШ вв., также небольшой (6,9 х 9 м), с прямоугольной апсидой. Границы здания были определены по слою глины - подготовки под пол, выложенный плиткой насухо. Там же были расчищены погребения. Авторы установили соразмерность данного храма деревянным церквам Украины XVII в. и даже каменной Ильинской церкви XI в. в Чернигове *(Ионисян, Могитыч, Свешников,* 1983). Таковы наши скудные сведения о древнерусских домонгольских деревянных церквах.

Однако вернемся к мстиславльскому кладбищу. Площадь детинца, на котором оно расположено, невелика, а, следовательно, и кладбище не могло быть большим. Церковь должна была находиться где-то вблизи открытых нами донжонов. Однако это невозможно: такая церковь мешала бы круговому обстрелу. По-видимому, не случайно в наших раскопах не были обнаружены следы церкви: храм следует искать там, где стоял сам донжон. Многозначительная деталь: определяя сооружения 1, 2, 4 и 5 как башни-донжоны, мы специально опустили вопрос о назначении строения 3: оно занимало на их месте совсем небольшую площадь, было выстроено не из дуба, как они, а из еловых бревен, не заполнялось глиной (как сооружение 5) и было, следовательно, предназначено не для военных целей. В его северо-восточной части было особое, может быть несколько приподнятое на параллельной конструкции бревен отделение, а у юго-восточной стены находилось запущенное в землю захоронение. То есть это сооружение представляет собой часовню с небольшим внутренним алтариком на северо-востоке.

Таким образом, в изучаемом месте детинца вначале высилось сооружение 1, вскоре сгоревшее. На его месте было построено сооружение 2, которое мы определили как остатки донжона (предположительно сооружение 1). Непродолжительное

время на этом месте стояла часовня, и затем на этом же месте возвели последовательно еще две (точнее даже три - 4, 5а 56) башни.

Осколки колоколов, поливные плитки пола, крышка кадила (по-видимому, древней формы), как и фрагмент свинцовой кровли, - все это найдено выше пожарища начала XIV в., в котором погиб простоявший лишь полстолетия дубовый донжон 4. Ясно, что все эти вещи, попавшие в слой его разрушения и выше, были в употреблении во второй половине XIII в. В слоях ХП-первой половины XIII в. находок церковного характера почти нет: после гибели постройки 1 в пожаре, место, видимо, тщательно вычистили (поэтому так мало до нас дошло его остатков), и была выстроена почти такая же постройка, как мы теперь можем сказать, донжон 2 (второе и третье десятилетия XIII в.). В 1230-х годах его нашли нужным разобрать, и сначала, по-видимому, временно поставили часовню (сооружение 3). В середине XIII в. разобрали и ее и возвели мощный дубовый донжон (объект 4) - башню, разрушенную через полстолетия в результате пожара, на остатках которой возникли донжоны 5 и 5а.

Итак, если на месте разрушенного или сгоревшего донжона по каким-то причинам не возводили новый, на его месте строили временную часовню, где продолжали хоронить умерших, а затем ее сменял новый донжон, где также производили захоронения. Таким образом, можно предположить, что башни-донжоны, строившиеся точно на том же месте, где была, часовня, являлись также церковью.

Оборонные монастыри и оборонные епископские резиденции в Западной Европе известны с IV в. Есть сведения, что с XII в. там строились оборонные церкви (Дания, Южная Швеция, остров Борнхольм, Северо-Западная Франция, Южная Германия - см.: *Miskiewicz,* 1964. С. 209, 210). В Белоруссии такие церкви с башнями, бойницами, машикулями известны с XV-XVI вв., главным образом в западной части, и строились они из камня (Сынковичи, Малое Можейково, Комаи и пр. - *Ткачоў,* 1977а. С. 115-137). Даже Софийский собор в Полоцке (1062-1066 гг.) в XVI в. имел четыре башни по углам с бойницами *(Алексеев,* 19936. С. 228, рис. 9). И.И. Иодковский относил к этому типу и гродненскую Коложскую церковь Бориса и Глеба, но Н.Н. Воронин справедливо это опротестовал *(Воронин,* 19546. С. 89). Итак, археологические раскопки показали, что деревянные церкви-донжоны существовали уже с середины XII в. Храмы оборонного типа в Западнорусских землях были нужны особенно потому, что в XIII-XIV вв. здесь шли постоянные войны с Орденом, с Литвой.

Любопытно, что использование боевых сооружений в мирное время для невоенных, в частности церковных, надобностей на Руси - вещь обычная. В 1670 г. в Иркутском остроге, например, была башня "о трех жильях, внизу - амбары, над амбаром - горница, над горницею - развал с жильем", а в 1687 г. воеводский двор в Иркутске был встроен в острожную стену, а одна из горниц его была "под башней" *(Баландин,* 1981. С. 88, 89; 48), в башнях помещались и тюрьмы (Рославль), и, что особенно важно для нас, - часовни и даже церкви: в Илимском остроге, например, еще даже в 1703 г. было три башни с "часовнями на свесе" *(Крадин,* 1988. С. 24)51.

Прямоугольные церкви с внутренними апсидами (как наше строение 3) известны с начала христианского зодчества и генетически связываются с жилой архитектурой *(Якобсон,* 1983. С. 84), особенно в Грузии, где они встречаются в памятниках X и даже XVI вв. *(Беридзе,* 1974. С. 93, 119, 170, 173). В тех же странах есть боковые апсиды - при центральной наружной апсиде *(Беридзе,* 1974. С. 94).

Прямоугольные в плане храмы со скрытыми апсидами есть и на Руси (надвратный храм в Киево-Печерской лавре 1106 г. - *Раппопорт,* 1982. С. 25, 120, табл. 4, *34).* На Райковецком городище, по В.К. Гончарову (1950. С. 113), на самом высоком месте стояла "небольшая деревянная церковь или молельня" и имела вид четырехугольной клети. Храмы с такими апсидами были распространены более всего в Западнорусских землях. Второй половиной XI в. датируется лишь один памятник с подобными внутренними апсидами: небольшие ниши в торцах боковых нефов в церкви-усыпальнице Переяславля Русского, план которой, пожалуй, связывается с отдаленным влиянием деревянного зодчества, малый размер кафоликона - 6,4 х 7 м, как бы предполагает устремление объема вверх, трапециевидный в плане алтарь с полуциркульным выступом и т.д. Первые вполне ощутимые внутренние апсиды мы видим в двух постройках конца XI - начала XII в. Это - храм Архангела Михаила в том же Переяславле (1089 г.) и так называемая "Остерская Божница" (рубеж XI и XII вв.). В первой половине - середине XII в. внутренние боковые апсиды появляются в витебском Благовещении и с тех пор прочно "оседают" в каменных постройках Западнорусских земель: Евфросиниевская церковь в полоцком Спасском монастыре (середина XII в.), церковь Бориса и Глеба в Бельчицком монастыре, так называемый "храм на полоцком детинце" (вторая половина XII в.). Ко второй половине XII в. относятся подобные церкви в Гродно и Волковыске, к концу XII в. - Пречистенская церковь в Гродно, храме на Малой Рачевке в Смоленске, Свирская церковь (1180-1190), храм на Протоке (1180-1190); самым концом XII - началом XIII в. датируются смоленские церкви на Кловке, на ул. Большой Краснофлотской (бывшей

---

[51] В Брянском г. Севске, судя по плану *(Даркевич, Пудовин,* 1960. Рис. 37), на месте донжона-церкви в XIX в. была построена новая церковь.

Свирской), у устья Чуриловки (церковь св. Кирилла), наконец, в Киеве (церковь на Вознесенском спуске, которую строили смоленские мастера). Прямоугольные внутренние апсиды были в смоленских церквах, датируемых XIII в.: церковь Параскевы-Пятницы, храм на Вознесенской горе, храм в Чернушках *(Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 244, рис. 128; 257, рис. 136; 275, рис. 146).

Как видим, наружные боковые апсиды отсутствовали во многих храмах Смоленской земли. Это было чертой, идущей от деревянного зодчества. По предположению Г.К. Вагнера, боковые апсиды стали внутренними потому, что мешали централизации тянущейся вверх общей композиции памятника - главной стилистической тенденции архитектуры XII в. *(Вагнер,* 1990. С. 83).

Что же мы читаем о древних церквах Мстиславля? Из семи храмов в этом городе к детинцу источники относят лишь два - в позднем Средневековье там были церкви Успения Богородицы, святого Николая - "церковь Миколая в замку" (ИЮМ, 1893. Т. 24. С. 219, 220, 419, 420) и "братская церковь Успения Богородицы" (ИЮМ, 1894. Т. 25. С. 439, 440, 449) - Богородице, как правило, посвящали в городе первый храм, сооружаемый к тому же в "центре оборонных сооружений", ибо, по свидетельству Д.С. Лихачева (1985. С. 7, 18), Богоматерь - "покровительница русского воинства" и города. В северной части мстиславльского детинца было найдено три фрагмента плинфы, которые осматривали Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт. П.А. Раппопорт в личной беседе датировал их концом XII - началом XIII в. Эти плинфы, видимо, принадлежали храму, возведенному не в северной, а в южной части детинца, недалеко от въезда. Остатки донжона 1, как мы говорили, были обнаружены у самого материка, следовательно, он был сооружен одновременно или почти одновременно со строительством всей крепости Ростиславом Смоленским. Крепость упоминается в летописи под 1156 г. и сооружена, следовательно, раньше. Плинфы же относятся к храму конца XII - начала XIII в. Таким образом, мы приходим к заключению, что древнейшим храмом здесь была церковь-донжон, т.е. это была церковь Успения Богородицы, храм же в южной части посвящался св. Николаю (вопреки нашему, как теперь ясно, ошибочному утверждению в предварительной публикации - см.: *Алексеев,* 19936. С. 234).

Как же выглядели открытые нами мстиславльские церкви-донжоны? Как выглядела каплица? С 1881 г. исследователям стал известен рисунок на полях псковского Устава XI-XII вв., на котором изображена церковь *(Румянцев,* 1881. С. 87), являющаяся "бесспорным доказательством существования в то время шатровых одностолпных храмов на русском Севере" *(Воронин,* 1952. С. 279). Церковь изображена в виде высокого столпа, верх которой украшен, как заметил Г.Н. Логвин (1976. С. 153) световым четвериковым или восьмериковым барабаном. Церкви, в барабане которых висели бы колокола, известны. В 1445 г. в новгородском Хутынском монастыре была построена церковь "круглая, яко столп... на ней же и колоколы в верее бывали" *(Воронин,* 1946. С. 302), там же в 1535 г. построена церковь св. Георгия: "велми высока, на ней же в верее и колоколы уставиша" *(Воронин,* 1946. С. 301). Очевидно, в Мстиславле колокольня не обнаружена потому, что колокола висели там в "световом" барабане над храмом-донжоном. Перестраивая храм-донжон и часовню, колокола бережно перевешивали и лишь однажды, в начале XIV в., сделать этого не смогли: башня-храм была разрушена в бою - погибла в пожаре, осколки колоколов достались археологам. Любопытно, что некоторые колокольни XVIII-XIX вв. в Белоруссии, стоящие отдельно от церкви, напоминают те постройки, о которых мы говорим *(Красовицкий,* 1911. С. 12, рис. 16). Очевидно, традиции прежних деревянных храмов сохранялись и в XVII, и в XIX вв. в деревянных колокольнях и звонницах Белоруссии. Можно думать, что, подобно другим древним церквам, мстиславльская церковь-донжон крылась листовым свинцом (в одном из западных раскопов детинца был найден целый свинцовый, обработанный особым образом кровельный лемех *(Алексеев,* 19936. С. 220, рис. 4, *8).* Впрочем, на северных раскопах попадались единичные экземпляры деревянного лемеха. Однако надо сказать, что свинец для кровли новгородских церквей многократно упоминается в летописи (НПЛ, 1950. С. 29, 83, 215, 311 и др.). В Полоцке в слоях XIII в., где свинца было найдено особенно много, Г.В. Штыхов (1975. С. 63) обнаружил кусок свинца весом в 3 кг, а в полоцком Спасо-Евфросиньевском монастыре М.К. Каргер (1977. С. 244) - целый лист свинцовой кровли.

Отметим, что белорусские исследователи деревянного зодчества в свое время почти подходили к интересующей нас проблеме, высказав догадку о вероятном использовании колоколен в "оборонных целях" *(Сергачов,* 1984. С. 63) и даже предполагали, что "строители ставили их там, где ранее стояли большие башни - "в самых ответственных местах обороны" *(Сергачоў,* 1981. С. 32). Это были только простые логические догадки. Наши исследования Мстиславльского детинца показали, что не колокольня, а сама церковь с колоколами в световом барабане на ней была в древности центральным сооружением и совмещала в себе роли донжона и церкви. Интереснейшая гравюра с изображением Пречистенской церкви в Гродно из книги 1572 г., воспроизведенная С.А. Сергачовым *(Сергачоў,* 1981; *Алексеев,* 19936. Рис. 10,*3)* демонстрирует не только древнейшую, по его мнению, деревянную звонницу Белоруссии, но и сочетание двух башен по соседству - донжона, который не привлек его внимания, и ажурной, явно временной,

отдельно стоящей открытой деревянной звонницы (рис. 90). Мы говорили, что сочетание донжона и храма рядом - нонсенс, из этой же гравюры XVI в. можно заключить, что было возможно сочетание церкви-донжона и рядом ее колокольни, которая строилась весьма малой, "воздушной" и разбиралась, как только город подвергался осаде!

Итак, на основании раскопок можно предположить, что деревяннных донжонов и, возможно, церквей-донжонов в домонгольских городах было достаточно много, но они не сохранились или не раскапывались. Поэтому нам приходится делать общие выводы лишь на основании обнаруженного в смоленском домениальном городе - Мстиславле.

Белорусским археологом А.А. Метельским проделана большая работа по определению границ домонгольского Мстиславльского удела смоленских князей {*Мяцельскi,* 2001. С. 22—43). Курганы вокруг Мстиславля плохо сохранились, и исследователю пришлось руководствоваться сравнительно поздними источниками и детальным картографированием. Автором прослежены границы Мстиславльского княжества в основном в XIV в., но не следует забывать, что в XII в., как нам удалось установить, Мстиславль и Ростиславль были домениальными землями Ростислава Смоленского, и границы этих земель могли быть иными: вряд ли они соответствовали границам удельного княжества более позднего времени.

Города Северо-Западной Черниговщины

Гомель

Древний черниговский город Гомель упоминается впервые под 1142 г., когда происходила борьба Мономаховичей с Ольговичами:

"В то время идоущю Ростиславу, съ Смоленскимъ полкомъ к зяти своемоу Киеву и слышавъ, еже билися Ольговичи оу Переяславля съ стырьемъ его с Вячеславомъ и съ братомъ его Изяславомъ и поиде на волость ихъ и взя около Гомия волость ихъ всю" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 311).

Как я уже писал, Ростислав Смоленский не присвоил себе Гомель, был вынужден отступить, и "с того времени Смоленская земля приобрела окончательные размеры" {*Алексеев,* 1980. С. 52). Гомель, следовательно, продолжал принадлежать Чернигову, а граница между Черниговской и Смоленской землями проходила в зоне радимичей севернее.

Второе упоминание Гомеля встречаем в той же Ипатьевской летописи под 1159 г. Черниговский князь Ольгович - Изяслав Давидович, занимавший только что киевский стол, вынужденный спасаться бегством, "поемъ сыновца своего Святослава Володимирича и Володимира Мьстиславича и побътоша на Вышегородъ к Гомью и ту дождавъ Гомии княгыни..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 502).

Гомель находится в юго-восточной Белоруссии, на берегу р. Сож, при впадении в него ручья Гомия. Выявить древнюю топографию города непросто и можно, лишь прибегнув к планам XVIII в. Дело в том, что в XVIII в. местечко Гомель принадлежало сначала князю М. Чарторыйскому[52], а после Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией (1774) Екатерина II пожаловала его герою Турецкой войны графу П.А. Румянцеву-Задунайскому (1725-1796), который полностью перепланировал древнейшую часть Гомеля, срыв валы, засыпав рвы, и Б. Растрелли возвел там роскошный дворец {*Алексеев,* 1974г. С. 131).

Археологические раскопки детинца Гомеля выяснили, что он возник на месте древнего городища эпохи железного века. Раскопки М.А. Ткачева показали, что слои XV-XVII вв. на детинце срыты, но осталась домонгольская их часть. Первые поселенцы эпохи Киевской Руси обосновались здесь в XI в., как и на южном посаде за ручьем Гомий. Встречены типичные вещи: стеклянные браслеты, шиферные пряслица и т.д. {*Ткачев,* 1976. С. 427). С напольной стороны детинец некогда был укреплен дугообразным валом (рис. 92).

Судя по плану 1799 г., детинец имел трапециевидную форму, от остальной части его отделял ров. Деревянные части укреплений детинца погибли в пожаре (были найдены татаро-монгольские стрелы). Укрепления, следовательно, как и весь город, были уничтожены татарским нашествием 1240 г. За рвом, на северо-западе от детинца существовал Окольный город, исследованный в 1986-1987 гг. О.А. Макушниковым (1986-1987). Культурный слой мощностью 0,5 м здесь отложился на месте поселения второй половины I тыс. (так называемая колочинская культура). Укрепления Окольного города были выстроены лишь в X в. (ров и вал с деревянными конструкциями). В первой половине XI в. укрепления были снивелированы, а в ХП-ХШ вв. площадь Окольного города значительно увеличилась. Выявлены остатки жилых и хозяйственных деревянных строений с печами-каменками и т.д. В ХП-ХШ вв. площадь укрепленного Окольного города по плану 1799 г. превышала 12 га {*Макушникау,* 1993. С. 176). Большой интерес представляет обнаруженная в Окольном городе оружейная мастерская, погибшая во время татаро-монгольского нашествия. На ее полу найдено 1500 предметов (среди них 12 перекрестий

[52] В 1737 г. М. Чарторыйский возвел здесь дубовый замок со стенами и башнями {*Ткачев,* 1987. С. 72).

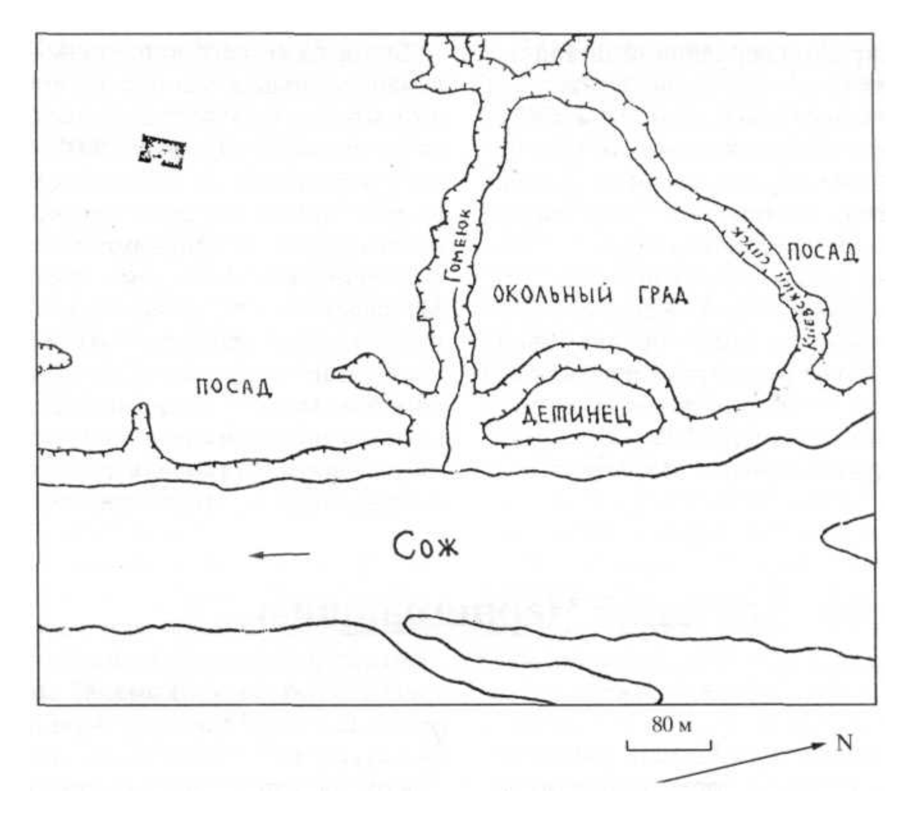


Рис. 92. Гомель. План (реконструкция СВ. Кабищева)

мечей, 4 навершия для меча, полотно от кольчуги и др. (Археолёгія Беларусі, 2000. С. 331). В культурном слое Окольного города собраны сотни стеклянных браслетов, столь характерных для всех городов Руси XIII в. Древнерусский период Окольного города Гомеля завершился, как мы понимаем, в 1240 г. с приходом татаро-монголов. Свидетельство этому - мощный пожар, прокатившийся по всему памятнику.

Начиная с XI в., укрепленный город с севера, за так называемым Киевским спуском, и с юга, за ручьем Гомий был окружен посадами. Следы третьего посада домонгольского времени открыты были белорусскими археологами "на низкой надпойменной террасе Сожа у подножья детинца, окольного города и первого и второго посадов" (Археолёгія Беларусі, 2000. Т. 3. С. 331).

В 1990 г. Гомельским музеем под руководством О.А. Макушникова были осуществлены раскопки на Южном посаде, в 600 м от детинца. Выяснилось, что этот участок был заселен лишь во второй половине XII в. и древнерусский домонгольский слой там достаточно беден и не слишком выразителен: небольшое количество стеклянных браслетов, два наконечника стрел и пр. Любопытно, что в одном из раскопов удалось расчистить на материке борозды от сохи, видимо, перед началом заселения эта территория распахивалась земледельцем *(Кабищев,* 1991. С. 49).

В двух километрах от города на юго-запад, у д. Заозерье расположены курганы. Вряд ли этот могильник, столь удаленный от Гомеля, является городским курганным некрополем (Археолёгія і нумізматыка Беларусі, 1993. С. 178)[53]. Древний Гомель вырос на торном торговом Пути из Варяг в Греки, на его ответвлении в сторону Смоленска по Сожу. Первоначально он был, по-видимому, центром племени радимичей (XI в.). О значении его как торгового центра свидетельствует найденный неподалеку от него у д. Глубокое клад арабских монет X в. в количестве нескольких тысяч (!), а также клад, состоявший из семи женских украшений конца XI - начала XII в., у д. Козий Рог Буда-Кошелевского района (Археолёгія Беларусі, 2000. Т. 3. С. 332). В раскопках Гомеля найдено много предметов, свидетельствующих о развитии ремесла.

Таким образом, можно сказать, что в домонгольское время Гомель был значительным торгово-ремесленным центром в земле бывших радимичей.

Речица

Древний город Речица упомянут лишь однажды в русских летописях, в так называемой Густынскои летописи (ПСРЛ, 1843. Т. 2. С. 333): "Мстиславъ же Мстиславичь, собрався зъ Новгородци и Смолняны и прочіймй помочми, поиде ко Кіеву на Всеволода Кіевского, и повоева вопервыхъ вся волос-

[53] Утверждение Г.В. Штыхова на этой странице, что Л.В. Алексеев в 1955 г. раскопал здесь курган, основано на недоразумении: в своей работе о памятниках Витебской области, на которую он ссылается, речь шла о д. Гомель под Полоцком, и курганов я там не копал *(Алексеев,* 1959а. С. 295).

ти Черн-ьтовскія по Дн-fenpy державы Всеволодовы, наченше отъ РпчЙцы вся грады и села попл-Ьни". В списке городов XIV в. он назван киевским (НПЛ, 1950. С. 476). Городище Речица расположено при впадении р. Речица в Днепр, имеет овальную форму, площадь его 0,5 га. Рядом расположен городской посад в несколько гектаров. Часть памятника размыта паводками. Вал сохранился только с западной стороны, с запада и севера сохранились рвы. Вал имел высоту 10-12 м при ширине 5 м.

Кроме детинца, памятник имел еще и Окольный город *(Макушников,* 1991. С. 45).

Город был основан на месте поселения колочинской культуры (V-VII вв.) не позднее середины XII в. При пробных раскопках на памятнике была найдена железная гривна, как считает О.А. Макушников, скандинавского типа (X-XI вв.). По мнению автора, город осуществлял "военно-административный контроль черниговской княжеской власти над участком Днепра от устья Березины до устья Сожа" *(Макушников,* 1991. С. 45^47).

Города "Черной Руси'

Города Западнобелорусских земель принято называть городами "Черной Руси". Насколько правомерно это наименование, сказать трудно. Термин этот появился, как известно, в 1350 г., т.е. тогда же, когда возник и термин "Белая Русь", относимый к более восточным белорусским землям. Не вдаваясь в вопрос о том, почему две соседние территории различаются "по цвету", В.Т. Пашуто (1959. С. 319, примеч. 198) предполагал, что «термин Черная Русь... возник вследствие преобладания здесь великокняжеских доменов, которые образовались во время захватов в XIII в., тогда как Белая Русь - это первоначально боярско-вечевая ее часть, подвластная по "ряду"». По В.Е. Антоновичу, земли "Черной Руси" уже в первой половине XIII в. являлись достоянием литовских князей *(Антонович,* 1885. С. 44, 45). По мысли М.К. Любавского (1915. С. 16), "Черная Русь" - важная территория для Литвы: отсюда набиралась военная сила. Г. Ловмяньский локализует "Черную Русь" лишь в пределах Новогрудского воеводства, где находились сторожевые города, принадлежавшие князьям Полесья. Он полагал, что даже во времена Миндовга «"Черная Русь" была скудной и мало заселенной страной, которая не могла удовлетворять нужды князя и его дружины» (см.: *Гуревич,* 1981. С. 3, 4). Однако это утверждение маститого ученого, как показывает составленная нами археологическая карта курганных групп *(Алексеев,* 1966. Рис. 5), вряд ли соответствует действительности - земли левобережья Немана уже в домонгольское время были интенсивно заселены (может быть, кроме так называемой Налибокской Пущи).

Главный город Черной Руси - Гродно, упоминаемый впервые летописью под 1116г., когда Мономах "отда дщерь свою Огафью за Всеволодка (правнука Ярослава Мудрого. - *Л.А.)"* (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 284). В 1127/8 г. "Всеволодко из Гродна" участвовал в коалиции южнорусских князей против Полоцка (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 292). Его сыновья Борис и Глеб в 1141 г. также зависят от Киева (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 309). В 1150 г. Борис помогает Изяславу Мстиславичу получить киевский стол (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 410 и др.).

Гродно

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЛАНИРОВКА. Основой и центром притяжения всех частей города был, как и обычно, так называемый детинец, расположенный в Гродно, на высоком левом берегу Немана. Эта древнейшая и наиболее укрепленная часть поселения была защищена с двух сторон р. Неман, впадающей в него р. Городничанкой, а с третьей - естественным оврагом, превращенным в древности в глубокий ров. На горе, видимо, высился древний замок, а внизу, на "Подоле", прирастал, все увеличиваясь, неукрепленный сначала посад, населенный городскими ремесленниками и торговцами, здесь же был и городской торг (рис. 93).

Город Гродно разрастался концентрическими окружностями или, вернее, полукружиями к востоку от цитадели. Границу средневекового города того или иного времени фиксировал, как мы знаем, "город мертвых" - городской курганный некрополь, который с разрастанием города переносился все дальше (как это мы видели в Витебске). В Гродно за пределами стихийной планировки отчетливо видна регулярная планировка улиц, что свидетельствует о постройке города по специальному плану уже в позднейшие времена.

На плане 1780 г., составленном по архивным данным Е.Д. Квитницкой *(Квитницкая,* 1964), все сказанное хорошо видно. Надо сказать, что в 650 м от детинца к юго-востоку еще недавно существовала Курганная улица, хотя следы курганов стерты с нее очень давно. Здесь было Курганное урочище, упомянутое еще в Писцовых книгах Гродненской Экономии 1560-1561 гг. Курганы, как мы говорили, насыпались на Руси не позднее XII-XIII вв. Значит, Курганное урочище, Курганная улица обозначают границу города домонгольского времени. Можно думать, что курганный некрополь охватывал его древнейшую территорию плотной дугой и располагался в районе современных Бернардынского и Иезуитского монастырей.

Основной городской магистралью здесь в те далекие времена была нынешняя Замковая улица,

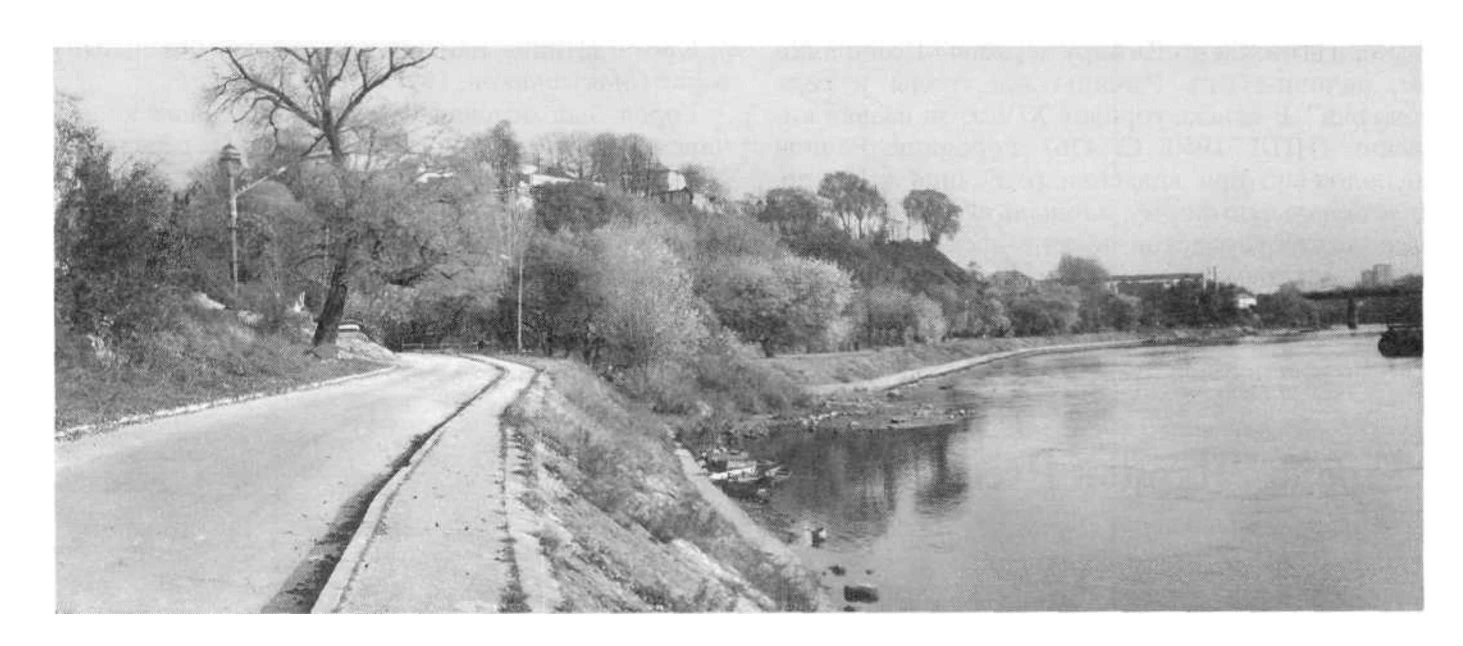


Рис. 93. Гродно. Детинец. Фото автора, 1980-е годы

1

2

Калажа

Старый Замок

Новый Замок

р. Неман

0 20 40 60 80 100 м

Рис. 94. Гродно

1 - Гродненский замок по гравюре 1568-1572 гг.; 2 - ситуационный план памятников

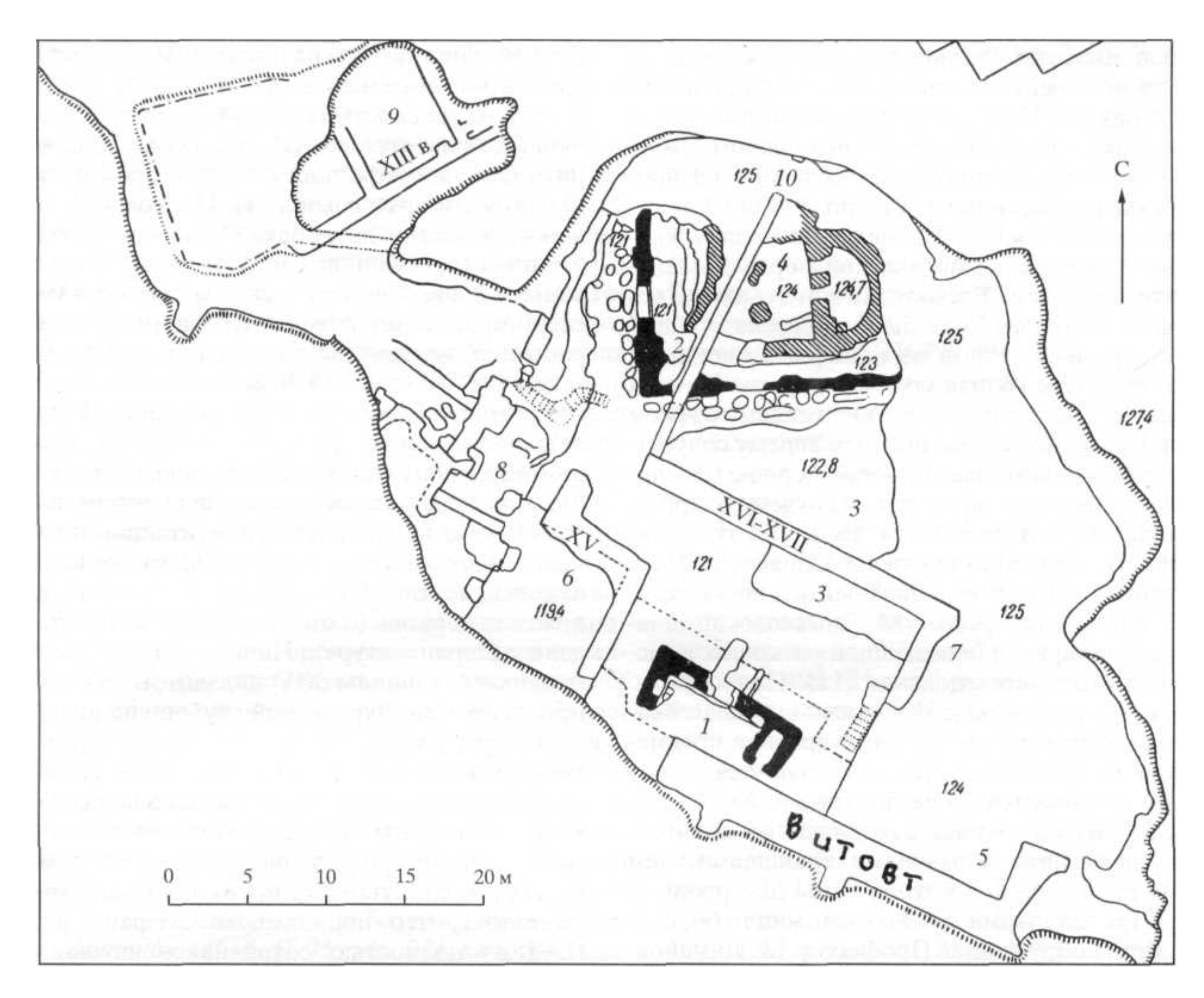


Рис. 95. Гродно. Генеральный план раскопок на Замковой горе по состоянию на 1934 г.
1 - Южная башня ("терем"), 2 - Нижняя церковь; *3* - остатки деревянных строений; *4* - Верхняя церковь; 5 - стена замка Витовта; *6* - часть каземата XV в.; 7 - стена XVI-XVII вв.; *8* - руины XVI-XVII вв.; 9 - фундаменты времен С. Батория; *10* - остатки стены (аркады) XVII-XVIII вв. (По Иодковскому)

подводившая к Замку - детинцу. Город первоначально был русским, и неудивительно, что в этой его стихийно сложившейся части с тех пор расположен пояс православных церквей: собор Пресвятой Богородицы, так называемая "Малая церковь", православный монастырь, древность которого подтверждают остатки домонгольской церкви из плинф на цемянке, о которой мы будем говорить. Видимо, вся посадская часть перед "замком" выросла в домонгольское время. Это была самая оживленная часть города, где работали ремесленники, торговали торговцы, грузили и разгружали неманские суда. Здесь был обычный в средневековых городах Торг.

Детинец (гора "Старый замок") - высокий (32 м), неприступный в древности холм, где сама природа создала условия для строительства крепости. Впервые крестоносцы осадили Гродно и его крепость в 1284 г. и после длительной осады завладели ею, благодаря измене в городе. Еще отражали гродненцы в своем замке осаду рыцарей в 1296, 1305, 1306, 1311, 1328, 1390 гг. и т.д. - 10 раз, причем лишь трижды его сдавали (1284, 1328, 1390 - *Ткачоў,* 1978. С. 52). Литовский князь Витовт (1350-1430) отстроил здесь мощную крепость со своим дворцом, в XVI в. ее сменила еще более мощная цитадель Стефана Батория (1533-1586). Историю детинца Гродно удалось детально выяснить благодаря археологическим раскопкам (см. рис. 94, 2).

Археологические раскопки детинца. В начале 1930-х годов гродненские городские власти, борясь с подмыванием Замковой Горы Неманом, соорудили облицованную камнем набережную, а склоны было решено подсыпать землей сверху - со двора современного Гродненского музея. Работы возглавил (1932-1936) создатель музея, его первый директор, археолог-энтузиаст И.И. Иодковский, окончивший до революции Московский археологический институт и известный по исследованиям Мирского замка {*Иодковский,* 1915). Немедленно обнаружились древние находки и выявились мощные "готические" (как их называл И. Иодковский) стены укреплений Замка из рядов крупного нетесанного камня, перемежающихся рядами кирпича, по-видимому, времен Витовта (рис. 95). Были об-

наружены остатки каменного храма - маленькой одноапсидной церкви, одновременной укреплениям. Раскопки И.И. Иодковского оказались столь интересными, насыщенными материалом столь обильно, что финансирование исследований продолжалось до самого начала войны (1939 г.).

Ниже слоев времен Витовта выявились уникальные строения домонгольской поры. Выяснилось, что во времена Всеволодки и его сыновей вся громадная Замковая Гора была обнесена мощной по тому времени стеной из плинфы на цемянке. Внутри крепости вблизи края со стороны Немана была княжеская резиденция с княжеским теремом из плинфы с мозаичными полами. Терему сопутствовала так называемая Нижняя церковь, выложенная также из плинф, о чем мы будем говорить.

Работы И.И. Иодковского получили громкую известность, о них писали газеты. Однако, в 1936 г. в Гродно разразился грандиозный научный скандал. Виленский профессор М. Лимановский, очевидно, неоднократно посещавший раскопки, выяснил, что методы исследования И.И. Иодковского далеки от современной науки: древние напластования не фиксируются, находимые древние предметы к ним не привязываются, смешиваются между собой и оказываются беспаспортными. Автор раскопок, к тому же, окопал найденные им архитектурные памятники метровыми траншеями, чем оторвал их от слоев, в которых они построены и датируются находками... А это осложнило определение даты сооружений! Профессор М. Лимановский обратился с воззванием к министру[54]. В результате, несколько дней подряд в громадном замке Батория на горе Старый Замок шли заседания - крупные варшавские археологи выступали с серьезнейшими обвинениями против методов "исследования" И.И. Иодковского. В результате, глубоко обиженный, он снял с себя директорство созданного им музея и уехал на запад, в Польшу (см. также: *Аляксееў,* 1996. С. 17, 62, 63).

Исследование гродненского замка было продолжено в 1937 г. молодым и талантливым польским исследователем Здиславом Дурчевским (погибшим в Варшавском восстании 1944 г.). Его раскопки кончились в 1939 г., в связи с началом Второй мировой войны. К сожалению, этот новый археолог смог опубликовать некоторые выводы из своих раскопок только за 1937-1938 гг. *(Durczewski,* 1939). Критика И.И. Иодковского Зд. Дурчевским была во многом верна, но были и утверждения, с которыми согласиться уже нельзя: "Бесплодный вымысел Иодковского, - пишет ученый, - заявляющий о том, что упадок литовской культуры налицо по сравнению с русской, ни на чем не основан. Есть разница характера памятников, но видна также сразу и довольно выразительно определенная последовательность культур (существование стеклянных браслетов до XIV в.), также нельзя говорить о катастрофичной гибели старой культуры, как об этом ярко говорит И. Иодковский... Ни на чем не основаны датировки Иодковского, когда он датирует (древнейшие слои) IX веком. Слои эти не раньше XII в. Фантастическая хронология Иодковского происходит оттого, что он хищнически вел раскопки, не зная (не разработав. - *Л.А.)* стратиграфии *{Durczewski,* 1939. S. 10-11).

Как мы увидим дальше, раскопки Н.Н. Воронина действительно показали богатство культуры домонгольских (здесь - долитовских) слоев, когда были возведены каменные стены детинца, выстроена Нижняя церковь XII в. с богатейшими майоликовыми полами, терем с подобными же полами и, наконец, на окраине города так называемая Коложская церковь (о них мы будем говорить в разделе об архитектуре). Ничего подобного (кроме маленькой каплицы XIV в. в литовских слоях не отмечено - Зд. Дурчевский глубоко не прав).

Интереснейшие работы археологов на гродненском детинце обратили на него внимание историков архитектуры. С 1936 г. здесь начались историко-архитектурные исследования известного польского ученого профессора Ярослава Войцеховского. Их результаты тоже превзошли все ожидания: оказалось, что под замком Стефана Батория (XVI в.) полностью сохранились нижние части дворца Витовта (XIV в.), а некоторые части последнего даже не были разобраны и вошли составной частью во дворец Батория. В 1938 г. Я. Войцеховский издал свои интереснейшие исследования, сопровождая их фотографиями и реконструкциями того и другого замков *(Wojcichowski,* 1938).

Найденные на раскопках многочисленные предметы всю войну пролежали в Гродненском музее без достаточного внимания, потом приводились в порядок виленскими археологами В. и Е. Голубовичами, после их отъезда в эмиграцию - волковысским археологом Г.И. Пехом, а в 1948-1950 гг. автором этих строк *(Алексеев,* 1949). Наконец, раскопки польских коллег в 1949 г. завершил Н.Н. Воронин (которым и был написан труд "Древнее Гродно" *(Воронин,* 19546). Н.Н. Ворониным был обработан материал как польских, так и своих раскопок.

Гора Старый Замок - уникальное вместилище разнообразных древностей, начиная с сооружений архитектуры первых гродненских князей XII в. и кончая постройками времен Батория и еще более поздними. Она хранит к тому же огромное количество бытовых предметов древности, все более переполняя обширные залы музея в Баториевом дворце, и, естественно, продолжает волновать ученых и в наше время. Белорусских археологов М.А. Ткачева, О.А. Трусова, А.К. Кравцевича в последние годы здесь ждали новые открытия: вы-

[54] Мне не удалось видеть отголосков этих сложных ученых споров - их у нас нет. По-видимому, к ним относятся статьи М. Лимановского, М[аскевича] и др.: *(Limanowski,* 1936; M[askiewicz], 1936). Результаты работ И.И. Иодковского суммировал Р. Якимович *(Jakimowicz,* 1938. S. 196-214).

яснилось, что гродненская крепость была основана на месте поселка X-XI вв. и не так уж не прав был И.И. Иодковский, говоря, правда, не о X, а IX в.! Оказалось, что первые укрепления здесь были дерево-земляными, их уничтожил мощный пожар. Непосредственно на пожарище в XII в. были возведены укрепления из плинфы. Однако просуществовали они не долго: их уничтожили крестоносцы, и только в XIV в. крепость возобновил, как мы говорили, из рваного и тесаного камня князь Витовт.

Бытовые предметы из гродненского детинца подробно изучены Н.Н. Ворониным, к исследованиям которого и следует желающим обратиться *(Воронин,* 19546). Сейчас лишь отметим, что предметы домонгольских отложений в Гродно позволяют изучить жизнь древнего города во всем ее многообразии: определить страны, с которыми торговал город, установить характер городского ремесла и т.д. Оригинальных вещей множество: наиболее интересные находки, связанные с христианской религией - бронзовые накладки от алтарной преграды (иконостасы появились позднее) с гравированными изображениями святых Павла, Симеона, литые фигурки Дмитрия Солунского, Христа, пластины с гравированными орнаментами, кресты-энколпионы, лампада и др. Отметим прежде всего замечательную фигурку - шахматную ладью, сделанную "из светлого желтоватого камня с серовато-зелеными прожилками, может быть, и не относящуюся к работе местного мастера" *(Воронин,* 19546. С. 75, рис. 37), которую ученый описал следующим образом: «ладья длиной 55 мм и шириной в бортах 15 мм поддерживается ножкой с прямоугольной подставкой, в которой просверлено круглое отверстие. Ладья - с двумя одинаковыми острыми носами; круглые отверстия для вёсел; гребцов не видно - они закрыты палубой ("под палубы"). На палубе четыре крошечных фигурки воинов: на носу фигурка лежит или полулежит, согнув ноги в коленях, и смотрит вперед; на корме сидит кормчий; посередине бортов также были фигурки, теперь отломанные. На бортах у кормы, посередине и на носу повешено по три миндалевидных щита; висящий рядом с кормчим щит превратился как бы в большое весло в его правой руке. На щитах и на корпусе ладьи - украшение в виде четырех точек, простейший орнамент, символизирующий по остроумной гипотезе Б.А. Рыбакова, "защиту со всех четырех сторон света"» *(Рыбаков,* 1951. С. .406-408)".

Далее исследователь сообщает, что форма и характер ладьи полностью отвечают тому, что нам известно по источникам XII-XШ вв. о подобных, вероятно, речных судах, предназначенных для боя на воде. Они могут передвигаться вперед и назад без поворота ладьи (и пересаживались в этих случаях, как мы думаем, только гребцы, меняясь скамьями). Гребцы на судах этого типа были защищены палубой от стрел, воины же на палубе командовали движением судна и были, в свою очередь, защищены доспехами. Сообщив, что летописец отнес это усовершенствование судов к 1151 г., Н.Н. Воронин (19546. С. 76) приводит следущий текст о битве под Киевом: "б-Ь бо исхитрилъ Изяслав лодьи дивно б1зша, бо в нихъ гребци невидимо токмо весла видити, а человекъ бяшеть не видити. Бяхуть бо лодьи покрыти досками и борци, стояще гор-Ь, въ броняхъ и стр-Ёляюще а корьмника (в других списках "кръмника". - *Л.А.)* два б-беста: единъ на нос-Ь, а другыи корми..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 423).

Мы видим, таким образом, что гродненская фигурка полностью иллюстрирует текст Ипатьевской летописи, что исключительно интересно!

Среди находок крайне любопытны предметы с надписями: обломок колокола с отлитой надписью "РАБОУ", шиферное пряслице с процарапанной надписью "Г(осподи), помози рабе своей Недане" *(Медынцева,* 2000. С. 59-60). Исследовательница опротестовала наше чтение (последнее слово, настаивает она, - "Недане": так как существовало мужское имя "Недан", то можно думать, что оно было и в женском). На гродненском пряслице имя дано в дательном падеже, но последняя буква "-ь" не удалась пишущему.

Интересные дополнительные сведения о гродненском детинце и посаде дали раскопки белорусских археологов последних десятилетий: Я.Г. Зверуги (1971-1973 гг.), М.А. Ткачева (1971, 1985-1988 гг.), О.А. Трусова (1977, 1981, 1983-1989 гг.), А.К. Кравцевича (1986-1989 гг.). Выяснилось, что мощность культурного слоя детинца достигает 8-10 м и распадается на четыре напластования. Нижний, четвертый слой достигает мощности 7 м. В его нижней части обнаружены фрагменты штрихованной керамики, оставленной аборигенными балтскими племенами (VI в. до н.э., IV-V вв. н.э.). Напластования четвертого слоя содержат мощный слой XII в. (до 3 м) с остатками деревянных строений, фрагментами плинфы от строений кирпичных и т.д. В это время здесь были сооружены стены[55], терем, так называемая Нижняя церковь, исследованная И.И. Иодковским и Н.Н. Ворониным. Керамические плитки, по утверждению авторов раскопок, показали, что каменное строительство на детинце началось в 1130-х годах *(Ткачоў, Трусаў, Краўцэвіч,* 1993. С. 195). Третий слой залегал выше и имел мощность 30-40 см. В нем было много угольных прослоек. Судя по керамике, его следует датировать XVI-XVIII вв. Второй слой мощностью 30-40 см включал брусчатую вымостку из камней диаметром 30-40 см (XIX в.), выше - первый слой насти-

[55] Любопытно, что в южной части детинца, ближе к краю холма под каменными фундаментами стены Витовта (XIV в.) "выявлены остатки более древних деревянных укреплений. Вероятно, это были городни, следы которых сохранились в виде завала обугленных дубовых бревен толщиной 18-25 см." *(Зверуго, Ткачев,* 1972. С. 407).

лал эту вымостку и по времени доходил до современности *(Ткачоў, Трусаў, Краўцэвіч,* 1993. С. 195). Само собой разумеется, что находки, обнаруженные за все годы раскопок, в будущем дадут материал для специального исследования жизнедеятельности этого замечательного княжеского города в домонгольское время и позднее.

Новогрудок

Замечательный домонгольский центр левобережья Немана, Новогрудок раскрылся историкам лишь благодаря интенсивным работам археологов. Само наименование его Новогрудок - т.е. Новый центр, Новый город, показывает, что возник он далеко не сразу, а после каких-то городов более "старых". Не вполне понятно, каких. Неясно, в какое княжество он входил, каким князьям подчинялся.

Распространено мнение, что Новогрудок принадлежал к числу пяти неманских городов, на которые распространялась власть Гродно. Но уверенности в этом нет: Новогрудок находился на расстоянии 162 км от Гродно и был, как увидим, крупным самостоятельным торгово-ремесленным центром Понеманья. О его домонгольских правителях ничего не известно. Он входил в пятерку крупных центров Понеманья, как увидим, домонгольского времени (Гродно, Новогрудок, Волковыск, Слоним, Турейск), и мы условно относим его к Гродненской земле.

Археологические разведки вокруг Новогрудка установили обилие курганов домонгольского времени, и Ф.Д. Гуревич (1980. С. 88) стало ясно, что в Новогрудке несомненно должны были наличествовать домонгольские культурные отложения. Работы в Новогрудке ею производились с 1956 по 1977 г. Памятник состоит из детинца ("Замковой горы", расположенной на северной окраине города) и Окольного города. Площадка детинца, близкая к треугольнику (100 х 75 м), окружена валом высотой 6 м (рис. 96). Небольшой перешеек на юго-западе соединял ее узким перешейком с посадом - окольным городом, имеющим в плане вид трапеции, вдвое превышающей в плане детинец. На северо-востоке от детинца и посада прямая линия вала ограждала, как считает Ф.Д. Гуревич, окольный город *(Гуревич,* 1980. 4. С. 91, рис. 2). Культурный слой на детинце был в значительной степени уничтожен. Удалось выяснить, что первое поселение на детинце возникло на рубеже X-XI вв. и позднее, чем в Окольном городе. Причем первоначально он был не укреплен, первое его укрепление было осуществлено во второй половине XI в., и памятник стал детинцем. Стены были деревянные, остроконечные столбы были забиты в один ряд. Лишь в послемонгольское время здесь были поставлены срубные сооружения, заполненные землей. Вал окольного города был насыпан в конце XII - начале XIII в. Во второй половине XIII в. на детинце была построена первая башня, выложенная из камней на извести (12 х 12 м). Это было время борьбы с крестоносцами, что находится за пределами нашего исследования. Работы по изучению укреплений Новогрудка возглавлял талантливый белорусский археолог М.А. Ткачев (1987. С. 14-25).

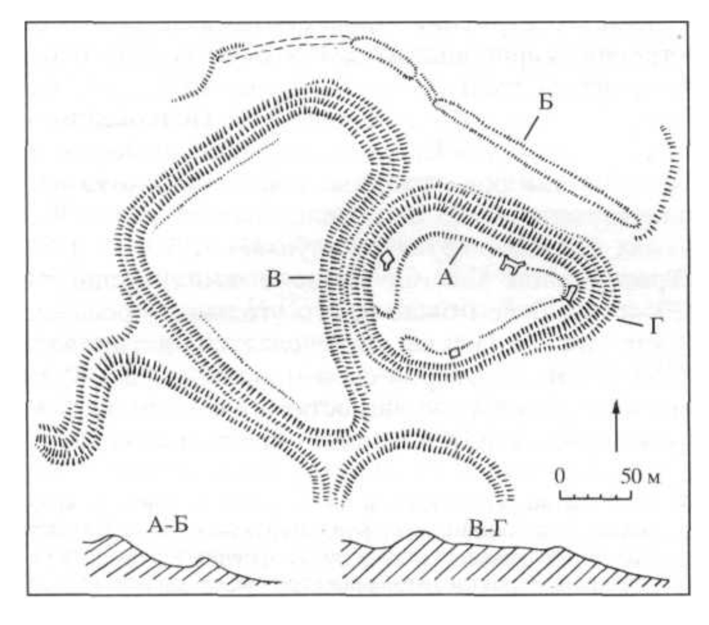


Рис. 96. Новогрудок. План городища

Работы Ф.Д. Гуревич в Новогрудке, на детинце, превзошли все ожидания. Вот как она описывает это сама: "Судя по разведочным раскопкам, обнаружившим здесь культурный слой домонгольской поры, можно было предполагать, что придется иметь дело с материалами, типичными для городского посада лесной полосы. Велико было наше удивление, когда при разборке слоя ХП-ХШ вв. открылись остатки совершенно необычайных построек. В них поражало все: их большие размеры (площадь до 100 м^2), наличие кирпича и оконного стекла, встречающегося среди строительных остатков, стенная роспись одной из построек, разнообразный инвентарь, в составе которого было много предметов роскоши и уникальных изделий. В 1959 г. вблизи южной (поздней) башни детинца был заложен разведочный раскоп площадью 24 м^2... Мощность культурного слоя достигает здесь примерно 5 м." Исследовательнице стало очевидно, что Новогрудок существовал "задолго до того времени, когда он был впервые упомянут в летописи... Письменные свидетельства о Новогрудке не начинали, а как бы завершали его историю" *(Гуревич,* 1981. С. 5).

Где обитал владелец детинца, выяснить не удалось, как не удалось точно определить, где жила его челядь, которой принадлежали, как считает Ф.Д. Гуревич (1980. С. 95), амбары и кладовые, а также разнообразное оружие и дорогие привозные изделия, найденные в культурном слое. Часть

детинца при северном вале была отведена для хозяйственных построек, которые распределились на пять строительных периодов. Это были обычные наземные срубы площадью до 20 м. Все они гибли в постоянных пожарах. На земляном полу нижних помещений под деревянными полами обычно находили остатки обгорелых зерен (пшеница, рожь, ячмень). Там же находили остатки бочек, фрагменты амфор и т.д. *{Павлова,* 1965. С. 93-38). В южной части детинца встречались и наземные деревянные дома с глинобитными печами, принадлежавшие, возможно, княжеской челяди (в одном из них занимались сапожным делом).

ОКОЛЬНЫЙ ГОРОД обладал своеобразной застройкой. Южную часть занимали срубные жилища площадью до 30 $м^2$. Центральную же часть занимали большие дома, возводившиеся часто на развалах более ранних сооружений. Все они были наземными. Площадь таких домов колебалась между 70 и 100 $м^2$. Эти большие дома были дерево-глинобитными при их возведении, как свидетельствует Ф.Д. Гуревич (1980. С. 96), часто употребляли камень и даже кирпич (плинфа?). Особенностью больших жилищ было остекление окон фигурным стеклом (диски размером 20-22 см), "аналогичным оконному стеклу древнерусских храмов". Стена одной из построек была украшена фреской, сходной с росписью новогрудского храма Бориса и Глеба *(Гуревич,* 1980. С. 96). "Почти в каждой из раскопанных построек сохранились следы занятия ювелирным делом - горячей и холодной обработкой цветных металлов" *(Гуревич,* 1962. С. 77; 1964. С. 97-102). Судя по находкам, это были большие дома богатого населения, что подтверждалось и соответствующими материалами. Богатые жилища были распространены на значительную часть окольного города. Владельцами больших домов, полагает Ф.Д. Гуревич, были "кузнецы меди, серебру и злату".

"Новогрудок ХП-ХШ вв. выступает главным образом в качестве потребителя сельскохозяйственной продукции. В этом мнении позволяют утвердиться почти полное исчезновение сельскохозяйственного инвентаря и одновременно большие запасы зерна на детинце" *(Гуревич,* 1980. С. 97). Археологические находки свидетельствуют, что в ХП-ХШ вв. город был наводнен импортными изделиями и товарами. Это были в основном утварь и предметы роскоши из богатых домов Окольного города. Наибольшее количество вещей прибывало, считает автор раскопок, через Киев. "Поражает обилие, - пишет она, - ближневосточных изделий. Это прежде всего стеклянная посуда из Византии и Сирии, привозившаяся сериями: сосуды в форме кубков, флаконов, чаш и стаканов... Местом, где выделывалась нарядная фаянсовая посуда, покрытая люстровой росписью, является Иран. Из Прибалтики поступал янтарь и некоторые виды оружия, из западных, вероятно, рейнских мастерских происходили некоторые образцы стеклянной посуды". Образок из стеклистой массы - изделие из Венеции *(Гуревич,* 1980. С. 97).

Как в такой удаленный от Немана город попадало столько редких дорогих вещей для исследователей осталось неясным, как и неясен вопрос о том эквиваленте, который "могли предложить горожане за дорогие, нередко уникальные изделия." Ф.Д. Гуревич предположила, что таким эквивалентом могло быть зерно (в окольном городе найден безмен, на котором можно было взвешивать несколько пудов), шкуры пушного зверя и т.д. Любопытно, что в слоях до XII в. за 20 лет раскопок не встречено ни одного предмета христианского культа, начиная с XII в. они встречались повсеместно. В XII в. в Новогрудке, на горе Малый замок была возведена церковь Бориса и Глеба, сохранившаяся, как увидим, и поныне.

Определяя социальные слои населения Новогрудка, автор раскопок считает, что на детинце жил властитель города - князь. По письменным источникам, это - полулегендарные Изяслав, сыновья Даниила Галицкого Роман и Шварн, позднее - Войшелк. Причину возникновения богатого квартала в Новогрудке Ф.Д. Гуревич (1980. С. 99) объясняет тем, что "из всех видов ремесла, существовавших на посаде в X-XI вв., к XII в. особое значение приобретает труд златокузнецов и ювелиров... Возможность обрабатывать редкий и дорогой металл превращает златокузнецов в группу городского населения, выделяющуюся своим богатством. Строгий принцип наследования ремесла... не мог не придать богатому кварталу замкнутого и привилегированного характера. Это дает возможность предположить, - интересно заканчивает исследователь, - что богатый квартал окольного города Новогрудка мог представлять собой своеобразное раннесредневековое ремесленное объединение" *(Гуревич,* 1980. С. 100), подобно тем, о которых исследовательница писала ранее *(Гуревич,* 1972. С. 31-36). "Скромные поселения догородского характера конца X в. и первой половины XI в. (конец гнёздовской эпохи. - *Л.А.),* детинец и неукрепленный посад второй половины XI в., яркий по своей культуре древнерусский город XII в. - 70-х годов XIII в. и первоклассный замок позднего средневековья - таковы основные этапы истории и истории культуры Новогрудка", - резюмирует исследовательница *(Гуревич,* 1980. С. 101).

Нам остается констатировать, что в Новогрудке перед нами предстает совершенно особый тип древнерусского города, который требует еще многолетних археологических изысканий и дальнейшего углубленного анализа.

Что касается письменных источников, то они упоминают Новогрудок достаточно поздно. В Га-

лицко-Волынской летописи под 1235 г. сообщается: "По том же л-Ьтіз Данилъ же возведе на Кондрата Литву Минъдога, Изяслава Новгородьского..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 776). Таким образом, это первое косвенное упоминание о городе. Имя Изяслава Новогородского встречается еще один раз позднее, в ЗО-е годы XIII в. Под 1252 г. узнаем, что волынские князья двинулись на Новогрудок и другие города Понеманья: "Данило же и Василько брать его поидоста к Новогороду" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 816). Новогрудок далее упоминается под 1253 г.: "Наутр-Ья же плениша всю землю Новогородьскую (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 818). Под 1256 г.: "Поиде Данило на ятвяз-Ь с братомъ и сыномъ Львом и с Шеварномъ, младоу сущу емоу, и посла Романа на Новъгородокъ и приде к нему Романъ со всими новъгородци и со отцемъ своимъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 831). По договору галицких князей с Литвой, Новогрудок достается князю Роману Даниловичу. В 1256 г. Роман с новгородской ратью двинулся на ятвягов. По смерти Миндовга Новогрудок достается его сыну Войшелку и т.д. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 831). В 1274 г. сын Даниила Галицкого Лев напал на Новогрудок, "взя околний градъ, а д-Ьтинецъ остался..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 872, 873). Это, по свидетельству Ф.Д. Гуревич (1980. С. 89), одно из последних и ярких упоминаний о Новогрудке. Таким образом, нас интересует долетописный Новогрудок, с чем мы выше и познакомили читателя.

Слоним

Древнерусский город Слоним (Вослонимъ) (ныне райцентр Гродненской области) расположен на р. Щаре при впадении в нее р. Исы. Впервые он упоминается в летописях под 1252 г., когда вместе с Волковыском город вошел в Галицкую Русь: "Даниилъ же и Василько - братъ его со сыномъ брата си посла на Волковыескъ, а сына на Оуслонимъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 816). Второй раз летописец говорит о Слониме, повествуя о поступках Войшелка: в 1255 г. "Воишелкъ створи мир с Даниломъ... вдасть Романови сыну кролеву Новъгородок от Мендога и от себе и Вослоним..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 831). Таким образом, город этот, как и Волковыск, стал принадлежать Роману Данииловичу, сыну Даниила Романовича. Под 1276 г. мы узнаем, что Тройден посадил в Гродно и в Слониме прусов, бежавших к нему от Ордена (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 874; Пашуто, 1959. С. 36 - о дальнейших действиях князей). В 1281 г., когда некоторые земли Руси отошли к Литве, там еще сидел последний русский князь "Вослонимский" - Василько Романович (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 884).

Слонимский детинец был обнаружен известным западнобелорусским археологом-краеведом Г.И. Пехом в 1946 г., когда в разрушенном войной городе, на месте, именуемом "Замчище", в траншее им были обнаружены в профиле "ложновитой" стеклянный браслет и несколько фрагментов древнерусской керамики. В 1959 г. "на этой возвышенности, где, по свидетельству польских хроник, располагался средневековый укрепленный замок, построенный (1520) королевским наместником Иоанном Радзивиллом, был заложен раскоп" *(Пех,* 1966. С. 276). Был выявлен мощный культурный слой, доходящий до 5 м, где прекрасно сохраняется дерево и наличествовали остатки многочисленных построек, рубленных в обло, в углах жилищ были зафиксированы остатки печей-каменок. Большинство изб этого участка принадлежали, как заключил Г.И. Пех, "кожевенно-сапожных" дел мастерам. "Найденные в различных слоях железные шлаки и крицы свидетельствуют о существовании железоделательного ремесла" *(Пех,* 1966. С. 278). Интересен сосуд тонкостенного стекла с арабской надписью - "Салим... ученый" (чтение В.А. Крачковской). Основываясь на этих работах, Г.И. Пех заключал, что "в XII в. Слоним был одним из богатых и цветущих городов Понеманья. Возник он, по-видимому, на месте поселения, которое существовало в XI в. и, может быть, несколько ранее" *(Пех,* 1966. С. 279).

Археологические раскопки в Слониме в 1968 г. продолжил Я.Г. Зверуго. Его также заинтересовало слонимское "Замчище", где вел работы Г.И. Пех. Под полутораметровым слоем XVIII-XIX вв. и ниже слоя песка выявились отложения XI-XV вв. с прекрасной сохранностью дерева, о чем говорилось выше. Были выявлены две уличные мостовые, по сторонам которых располагались остатки деревянных домов и хозяйственных построек. Как и в раскопках Г.И. Пеха, в домах в углу находилась печь-каменка.

Вещей много. В слое XП-XШ вв. было найдено много обломков стеклянных браслетов, обломки шпор, скребница и др. свидетельствовали о верховой езде и т.д. "Раскопки убедительно свидетельствуют, - писал исследователь, - что уже во второй половине XII в. Слоним являлся богатым и благоустроенным городом: широкие мостовые, добротные бревенчатые дома, высокая материальная культура, значительное развитие ремесла и торговли..." *(Зверуго,* 1969. С. 350-351)56.

Остается пожалеть, что работы названных исследователей в Слониме не были должным образом оценены белорусскими исследователями - их не продолжили, и мы располагаем самыми незначительными данными об этом замечательном археологическом объекте.

[56] Повторив этот текст в своей монографии, Я.Г. Зверуго (1989. С. 73) предположил, что укрепления Слонима появились в начале XII в. он, "по-видимому, тоже имел две линии обороны - внутреннюю (детинец) и внешнюю (окольный город).

Волковыск (Волковыеск)

Древний город Волковыск расположен на небольшой реке Волковые - притоке р. Рось. Летописи упоминают его впервые под тем же годом, что и Слоним - 1252 г., когда Даниил Галицкий сажает сюда своего сына (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 816). Вместе со Слонимом он упоминается и в 1254 г. Войшелк передает сыну Даниила Роману Даниловичу "Новогородокъ от Миндовка и от себя Вослоним и Волковыеск" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 831). Упоминается Волковыск и под 1261 г. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 847). В 1277 г. у русских князей возник военный совет. Предполагалось идти к Новогрудку, но "тамо оуже татарове завоевали все. Поидемь гд-Ь к ч-Ьлому (целому) м-Ьсту!" - предложили Мстислав Владимирович, Владимир Василькович и Юрий Львович. Таким местом было Гродно и, двигаясь туда, эти волынские князья за Волковыском "сташа на ночь" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 88). Более поздние упоминания об этом городе находим в западнорусских летописях при описании событий XIV в. (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 41, 132 и др.). В 1386 г. здесь ведутся переговоры о женитьбе великого князя Литовского Ягайлы на польской королеве Ядвиге - город, следовательно, имел уже значительный политический вес.

Древний Волковыск имел три укрепленных археологических объекта: возвышенности Шведская Гора, Замчище и "Муравельник". Первым исследователем их был неутомимый создатель Гродненского музея Иозеф Иодковский, который не преминул после первых работ на Шведской Горе издать о них небольшую работу *(Jodkowski,* 1925. S. 1-42). Первый археолог - исследователь Волковыска (в работах принимал участие уже знакомый нам по Слониму Г.И. Пех - будущий создатель Волковыского музея) в целях общего изучения напластований на Шведской горе разрезал вал траншеей метровой ширины *(Jodkowski,* 1925. S. 23). То же было проделано и на Замчище. В результате, на Шведской Горе были обнаружены домонгольские вещи, среди которых - железные наконечники стрел (одна - "ранняя" двушипная), обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица и др. *(Jodkowski,* 1925. Ris. 4, 18, 19 и др.), а также костяные предметы, керамика разных типов. К сожалению, И.И. Иодковский, окончивший некогда Московский Археологический институт, опубликовавший исследование о Мирском замке, все-таки был мало осведомлен о раскопочной работе археолога, и его работа о Волковыске, как и упоминавшаяся работа о Гродно, дают весьма мало.

В 1954-1956 гг. работы на Шведской Горе были произведены уже знакомым нам белорусским археологом В.Р. Тарасенко (19576. С. 258-279). В раскопках были обнаружены остатки храма из плинфы на цемяночном растворе. Раскопки этого исследователя в 1958 г. были завершены Г.И. Пехом (1963. С. 231-236). В 1959 г. Н.А. Раппопортом был прорезан вал Замчища, обследовано городище Муравельник и изучены остатки храма *(Раппопорт,* 1963. С. 237-239). Однако некоторые детали храма были не ясны и уяснить их предстояло М.К. Каргеру в 1966 г. *(Каргер,* 1968. С. 420-428)".

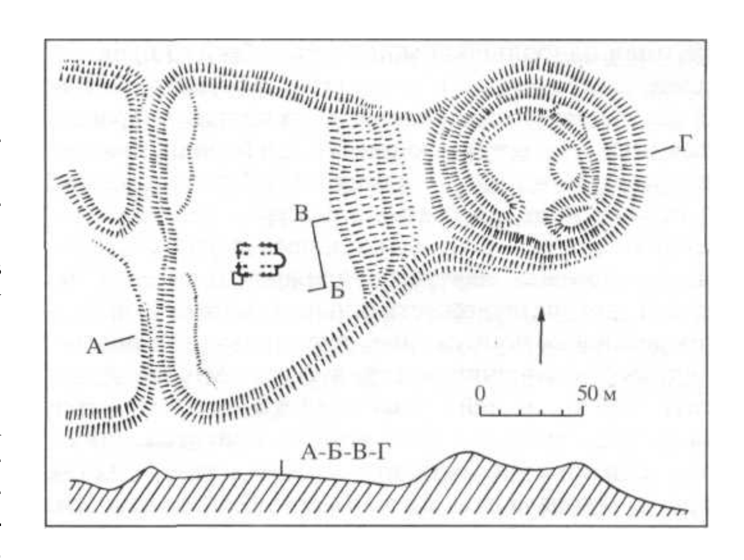


Рис. 97. Волковыск. План городища

С 1965 г. в течение семи лет в Волковыске проводил работы белорусский археолог Я.Г. Зверуго (1975), который сосредоточился на всех трех памятниках: "Шведской Горе", Замчище и "Муравельнике".

ГОРОДИЩЕ "ШВЕДСКАЯ ГОРА" - самая большая возвышенность в городе, ее, по свидетельству автора раскопок, видно из всех частей города. Высота горы от подошвы до самой высокой точки вала - 32,5 м. Фактически "Шведская Гора" является детинцем древнего Волковыска, "Замчище" - при ней окольный город (рис. 97). Детинец имеет в плане округлую форму (55 х 50 м), его площадка окружена высоким валом (до 7 м) с напольной стороны (со стороны окольного города), который с южной стороны прерывается въездом.

Гора "ЗАМЧИЩЕ" (ОКОЛЬНЫЙ ГОРОД) отделяется от детинца рвом. Его трапециевидная площадка (стороны: 81 и 123 м) с напольной стороны защищена валом (в средней части въезд) и рвом. Высота трапеции от рва до детинца - 104 м, глубина рва - 4-7 м *(Зверуго, 191 А.* С. 10).

Мощность культурного слоя детинца - 0,6-1,8 м, членится на три слоя. Нижний (0,8-0,9 м) автор датировал X в., хотя он беден находками. Керамический материал (так называемая "волынская керамика") X в. уходил под вал: детинец возник, следовательно, на месте неукрепленного поселения. В этом начальном слое заметны следы деревянных строений. Весь нижний слой перекрыт слоем пожарища рубежа XI-XII вв. Средний слой детин-

[57] См. кн. 2, очерк "Культура".

ца имел наибольшую мощность и богато представлен находками XII - первой половины XIII в. Здесь обнаружены обломки стеклянных браслетов (ниже не встречающиеся), шиферные пряслица (ниже пожарища - единичны). Среди находок: застежки книг, шахматные фигурки из кости, каменная плитка с изображением зверя, костяная часть триптиха, навершие "парадного сиденья" из кости, другие художественные изделия. Обильно представлено вооружение, двушипные и "ланцетовидные" наконечники стрел и т.д. Можно полагать, что к верхней (?) части этого слоя относится прослойка разрушенных плинф, приготовленная, как считают исследователи, для строительства храма. Фундаменты храма были обнаружены (см. кн. 2, очерк "Культура"). К северо-западу от них "культурный слой отчетливо разделен на две части: серая гумусированная супесь, залегавшая до глубины 0,3-0,9 м сверху, и такая же, но более темная - снизу (глубина залегания - до 2,1 м). Между ними находилась прослойка толщиной 0,4-0,5 м, обильно насыщеная обломками плинф, щебнем, обожженой глиной, углем, кусками обгорелого дерева" *(Зверуго,* 1975. С. 15). Такова была стратиграфия детинца времени постройки храма.

В верхнем слое были найдены вещи более поздние: двулезвийные кресала в форме укороченного овала (в Новгороде они датируются не ранее первой половины XIII в.), шпоры с "массивными и шарообразными шипами" (не позднее ХП-ХШ вв.), двусторонние костяные гребни прямоугольной формы (с накладками?) и, наконец, - пражский грош Венцеслава II (1278-1305) *(Зверуго,* 1974. С. 17). Суммируя, можно отметить даты напластований детинца и окольного города Волковыска. Он возник на рубеже X-XI вв., средний слой (именуемый автором "нижним слоем", а наш нижний слой у него именуется "прослойка", хотя ниже - материк!) датируется XII - первой половиной XIII в., верхний слой - второй половиной ХШ-XIV в. (включительно) *(Зверуго,* 1975. С. 18).

Названному автору удалось прорезать вал окольного города и изучить все имеющиеся наслоения его *(Зверуго,* 1975. Рис. 4), исследовать деревянные постройки Волковыска (двух типов: землянки и наземные срубные и столбовые), которые отапливались печами-каменками.

В низинной заболоченной местности, в 0,5 км к востоку от детинца, расположено еще одно городище, именуемое населением "Муравельник". На запад от Муравельника некогда протекала небольшая, ныне пересохшая речка Нетупа - левый приток р. Волковыи. Овальная площадка памятника по периметру окружена невысоким валом, в юго-западной части которого видны остатки въезда. Площадка размером 60 х 120 м в южной части имеет обширную (20 х 35 х 6 м) впадину - вероятно, остатки древнего колодца, подобного тому, который мы видели в Друцке *(Зверуго,* 1975. Рис. 6). При раскопках выяснилось, что большая часть памятника лишена культурного слоя. Лишь у вала были зафиксированы остатки полуземлянок - там вал сохранился на 2 м. В полуземлянках и около были найдены предметы, позволяющие датировать памятник. Таковы наконечник копья IX - начала XI в., шпоры с шипом X-XI вв., "гнёздовского типа" (свидетельство автора раскопок) ланцетовидные, двушипные, ромбовидный и др. наконечники стрел), 12 глиняных пряслиц "и только три шиферных" и т.д.

Суммируя, И.Г. Зверуго (1975. С. 20) заключает: «Ранее всего была заселена "Шведская Гора". Поселение на этой возвышенности было основано в середине или во второй половине X в. Возникновение поселений на Муравельнике и Замчище (окольном городе) относится примерно к одному и тому же времени - рубеж X и XI вв.[58]... В XI - начале XII в. была заселена территория, примыкавшая к "Шведской Горе" и Замчищу, а несколько позже (конец XI-XII в.) - берег Волковыи» *(Зверуго, 191 А.* С. 20). Занятия горожан Волковыска, судя по находкам, не отличались от занятий горожан других городских поселений Западнорусских земель того же времени. По свидетельству автора раскопок, у подножия детинца Г.И. Пехом были обнаружены в 1953 г. обломки глиняных сопел от мехов разрушенной домницы *(Тарасенко,* 19576. С. 271), что позволило Я.Г. Зверуго считать, что большая часть из найденных на памятнике железных вещей (всего свыше 3800) "изготовлена на месте волковысскими кузнецами" *(Зверуго,* 1975. С. 25), правда, кузнечно-слесарного инструмента на памятнике найдено мало. Металлографический анализ изделий показал, что мастера были знакомы со всей техникой изготовления изделий на Руси.

Три литейных формы, найденные на городище, свидетельствуют, что его жители занимались и литьем. Правда, трудно доказать, что обнаруженная в раскопках лампада, фрагменты ажурных подвесок (?) хороса и прочие вещи из бронзы отлиты именно в Волковыске *(Зверуго,* 1975. Рис. 12), скорее они прибыли сюда в результате торговли, когда ставили церковь. Впрочем, мелкие литые вещи: змеевики, кресты и др. вполне могли быть продукцией местного производства *(Зверуго,* 1975. Рис. 13), ведь найдены на памятнике тигли!

Наверняка жители города (может быть, именно окольного города) занимались производством изделий из кости. Но пластина кочевнического налучья *(Зверуго,* 1975. Рис. 18, *629,* 19), конечно, была привезена, как и шахматные фигурки *(Зверуго,* 1975. Рис. 19, *1-3).* Не приходится сомневаться в том, что производство керамических сосудов было налажено на месте. Однако, изготовляя их, мастера

[58] Нам ясно, что Шведская гора в Волковыске принадлежит к кругу предфеодальных памятников, который мы называем "гнёздовским".

следовали общерусским традициям своего времени (иначе мы не смогли бы датировать по типу сосуда).

Турийск

Древний небольшой город Турийск был расположен на р. Немане в Щучинском районе Гродненской области и впервые упоминается Ипатьевской летописью под 1253 г. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 874), когда он был взят ратью князя Владимира Васильковича, воевавшего с литовским князем Тройденом. Памятник сохранился на восточной окраине с. Турейск и занимает среднюю часть возвышенной гряды вдоль правого берега р. Неман. Площадка (35 х 85 м) без следов вала окружена рвами трехметровой глубины, с северо-запада заметны следы въезда.

Городище раскапывалось сотрудницей Гродненского музея К.Т. Ковальской (1961, 1962 гг.) и Я.Г. Зверугой (1969, 1970 гг.).

Выяснилось, что памятник возник в конце XI - начале XII в. как небольшая пограничная крепость Руси, которая с течением времени превратилась в небольшой город, укрепленный валом, отделенным от площадки частоколом, забитым в материк *(Зверуго,* 19936. С. 618). Вскрыты наземные жилища с печами-каменками (тем не менее, дерево в Турийске сохраняется плохо).

Обнаруженные материалы позволяют до некоторой степени представить хозяйственную жизнь Турийска. Существовало железоделательное и железообрабатывающее (сопла горнов) производство. Найдено 50 наконечников стрел (осада города? свое производство?). Обломки тиглей и льячек свидетельствуют о ювелирном деле. Зерна жита указывают, вероятно, на земледелие (торговля?). Сохранившиеся костные остатки свидетельствуют о господствующей роли в хозяйстве свиноводства.

Датировку памятника подтверждают находки "О"-образных кресал (ХП-ХШ вв.), были ли находки важных для датировки обломков стеклянных браслетов, к сожалению, Зверуго (1993; 2000) не сообщил. Также нет сведений о торговле и массовом распространении ремесла, что указало бы, что Турийск был действительно городом.

Дрогичин Надбужский

Мы видели, что р. Буг - также одна из коммуникаций, выводящая в Западную Европу. Значение ее было, по-видимому, меньшим, чем Днепр - Западная Двина, но не приходится сомневаться, что и здесь должны были быть пограничные с Польшей торговые центры. Здесь действительно были небольшие города Дрогичин Надбужский (современная Польша), Мельник, Берестье и др.

Совершенно особое место занимал Дрогичин, где было найдено множество свинцовых товарных пломб, указывающих на пограничное значение поселения. Летопись почти не говорит о Дрогичине домонгольского времени, видимо, до летописцев не доходили события этого далекого и не столь значительного для их интересов центра. Первое упоминание о нем находим в Ипатьевской летописи под 1142 г.:

"Ъха Святославъ къ Игореви и рече: что ти даеть брат старишеи, и рече Игорь: даеть ны по городоу Берестии, и Дорогычинъ, Черторыескъ и Кльчьскъ, а ОТЧШГБ свое* не даеть Вятичь!..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 310).

Недовольство раздачей земель великим киевским князем Святославом Всеволодовичем в том же году кончается уступкой им ряда городов:

"И посла по нихъ Всеволодъ брата своего Святошю, река им: братья моя, возмите оу мене с любовию, что вы даю: Городечь, Рогачевъ, Берестии, Дорогичинъ, Клическъ, рек им: боле не воюетеся!" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 312).

В послемонгольское время Дрогичин упоминается летописью чаще, начиная с 1240 г., когда возвращавшегося из Ляхов князя Даниила Романовича Дорогичане не приняли:

"И приде ко градоу Дорогычиноу и ВОСХОТ-Б ВНИти во градъ, И въхтьно бысть емоу яко не внидеши во градъ. Оному рекшоу, яко се былъ градъ наш и отець наших. Вы же не изволисте внити вонь и отиде"... (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 788).

Можно думать, что к этому времени Дрогичин был достаточно укреплен, и князь не решился его взять насильно. Возможно, были у него и другие чисто политические соображения (за взятие города ему могли отплатить и другие князья). Все это показывает, что Дрогичин в это время имел какое-то большое значение на Руси - мы увидим, что это был важный уже пограничный пункт.

Н.П. Авенариус (1890. С. 3) сообщает, что, по сведениям хроники Кадлубека (1160-1223), в конце XII в. в Дрогичине сидел какой-то князь, с которым воевал король Казимир Справедливый (1138-1194), а в 1220-х-1230-х годах Дрогичин был якобы в руках Кондрата Мазовецкого *(Авенариус,* 1890. С. 3). Упомянем еще, что Даниил Романович построил в Дрогичине церковь Богородицы (1240), а в 1263 г. в Дрогичине князь Даниил коронуется королевским венцом (ПСРЛ, 1962. Стб. 827) и т.д. В 1569 г. Дрогичин вошел в состав Великого княжества Литовского. С XVII в. начинается постепенный упадок Дрогичина. В 1635 и 1637 гг. он страшно пострадал от пожаров во время русско-польской войны, в 1637 г. "семиградский воевода Ракочи превратил его в груду развалин" *(Авенариус,* 1890. С. 5).

В 1886 г. Н.П. Авенариус (1834-1903) открыл в Дрогичине городище, а вокруг, как он говорит, до 40 могильников "с несколькими тысячами (курган-

Рис. 98. Дрогичин Надбужский. Вид со стороны р. Буг. Фото автора, 1958 г.

ных. *-Л.А.)* могил" *(Авенариус,* 1890. С. 6), указывающих на обильное население в домонгольское время. Больше всего исследователь был потрясен обилием свинцовых домонгольских пломб, которые некогда привязывались к товарам, а здесь при пограничной ревизии, очевидно, снимались и выбрасывались.

Дрогичинский памятник находится ныне на территории Польши (повет Семиатичи) и расположен на правом высоком берегу р. Буг, которая ежегодно подмывает памятник (рис. 98).

Польской исследовательнице Кристине Мусианович (Варшава) за несколько лет раскопок (1954—1959 гг.) удалось открыть обширный поселенческий комплекс, состоящий из городища на правом берегу Буга, сильно подмытом этой рекой, по-видимому, остатков окольного города и курганов вокруг. На север и юг от этого памятника по берегам Буга распространились многочисленные синхронные с ним поселения - селища. Автору удалось провести исследования как на самом городище (в тех местах, которые оказались неиспорченными), так и на селищах (западном, восточном). На городище ("Замкова Гора") констатирован культурный слой с тремя напластованиями, на восточном селище выявлен также культурный слой, состоящий из двух напластований. Дерево на памятнике не сохранилось, и судить о постройках можно только по тем частям деревянных зданий, которые были подвергнуты огню. Печи были глинобитные, с куполообразным верхом.

Из находок, характеризующих жизнь и занятия жителей Дрогичина, особенно интересны, конечно, так называемые дрогичинские пломбы, которых сохранилось несколько тысяч. Все они связаны, по-видимому, действительно с товарами, перевозившимися через таможню. 25% из них связано, как считает К. Мусианович, с русскими князьями, метившими пломбы своей тамгой. Судя по знакам Рюриковичей, более всего знаков, связанных с тремя князьями, поддерживавшими наиболее интенсивные экономические связи с Польшей. Это - Олег Святославич, Всеволод Ярославич и Всеволод Ольгович. 75% пломб без знаков Рюриковичей, по-видимому, принадлежали боярам, богатым купцам и т.д. *(Musianowicz,* 1969. S. 221).

Мы сказали, что в городе была выстроена церковь Пресвятой Богородицы. Действительно, при раскопках было найдено довольно большое количество христианских вещей: металлические крестики-тельники, подобные тем, что происходили из Рязани (Монгайт, 1955; 1961), кресты-энколпионы, а также и других типов *(Корзухина, Пескова,* 2003. Табл. 103, № IV. 6.4/9; IV.6/10). Все кресты и многочисленные тельные крестики были детально разработаны К. Мусианович (в указанном ее обширном исследовании). Ряд предметов был сделан из кости и рога, на одном ноже с костяной ручкой была даже надпись с именем владельца (см. кн. 2, очерк "Культура).

"Обнаруженные в Дрогичине предметы, - заключает автор, - пролили много света на повседневную жизнь обитателей, их одежду и украшения нарядов, знакомят с видами разного ремесла, которыми они занимались (гончарное дело, кузнечное ремесло)... позволили ознакомиться с предметами христианского культа, а также языческих пережитков". Особая роль принадлежала тысячам товарных пломб, обнаруженных на памятнике. "Согласно общему мнению, это знаки таможни на Буге, которыми обозначались перевозимые через Дрогичин товары". Сама К. Мусианович полагает в виде гипотезы, что пломбами обозначались товары, ввозимые в Дрогичин. "Таким образом пломба обозначала владельца товара и одновременно являлась порукой качества". Однако почему эти пломбы с товаров, перевозимые через Дрогичин, в нем срывались и выбрасывались - этого вопроса исследовательница не осветила *(Musianowicz,* 1969. S. 230, 231).

Весь "дрогичинский поселенческий комплекс" (как она его называет) К. Мусианович датирует

X-XIII и XIV вв. К XI в. относится нижний слой городища и западного селища. Жизнь на последнем замерла в XIII в. Восточное селище возникло в начале XII в. Первое упоминание Дрогичина летописью (1142) относится ко времени, когда город получил уже достаточно сильное развитие и памятник распространился, по-видимому, достаточно широко *(Musianowicz,* 1969. S. 231). Ведущую роль играло городище, где, как мы видели, в XIII в. осуществилась даже коронация!

Итак, Дрогичин Надбужский - видный перевалочный и даже княжеский центр на границе Руси и Польши.

В капитальной монографии М.Н. Тихомирова (1956. С. 12—43) о древнерусских городах, написанной по данным письменных источников, исследователь утверждал, что на Руси в IX—X вв. существовало 23 города, в XI в. - 64, втрое больше, в XII в. - 134 (он понимал, что многие из них возникли "значительно раньше"), в XIII в. до 1237 г. - 47. Всего на Руси, по М.Н. Тихомирову, к этому времени был 271 город. Цифры эти сейчас, с развитием археологии, не удовлетворяют, но исследователь уловил главное: в массе города начали возникать с XI в. Та же картина ожидает нас и в Западнорусских землях, где на основании археологии можно утверждать, что в IX в. уже существовали главные города на водных путях: Полоцк, Витебск, гнёздовский Смоленск (Свинеческ) - всего три раннегородских центра (возможно, предгородских). В X в. к ним прибавилось лишь два: Туров и Изяславль, в XI в. - 18, в XII в. только 6. Одиннадцатый век, можем мы утверждать, - время, когда на наших землях прочно возникли в массе образования городского типа, положив начало государственности. XI - начало XII в. - расцвет Киевской Руси. Главным археологическим критерием города является посад.

Типичные черты древнерусских городов мы знаем благодаря раскопкам. К сожалению, ни один из белорусских и смоленских городов не раскопан полностью (не говоря уже об остальных городах Западнорусских земель). Самое сложное - установление социальной топографии, ибо большинство древних городов застроены в более позднее время, что часто не позволяет изучать памятник в нужных местах. Автору этих строк удалось исследовать Друцкое городище, полностью незастроенное, и в результате впервые в науке мы получили социальную топографию западнорусского города, во всяком случае, на его детинце. Выяснилось, что в самом конце X в., или, может быть, скорее в самом начале XI в. жители холма прежнего Друцка выстроили на ближайшем более неприступном холме (Замковая гора) детинец будущего феодального княжеского города. Под самым высоким валом (западным) обосновался с челядью друцкий князь (возможно выходец из местной родовой знати). Рядом с ним на другой стороне колодца были поселены его, вероятно, уже не полностью свободные ремесленники (под южным валом). Восточную часть памятника над рекой занимала деревянная церковь. Центр детинца был свободен от застройки - здесь собирались в походы, седлали лошадей, устраивали смотр княжеским воинам и т.д. На Нижнем замке, в окольном городе, видимо, располагалась дружина, княжеская администрация и т.д. Здесь позднее, чем на детинце, тоже была выстроена церковь (раскопки О.Н. Левко), в храме были половые плитки другого размера, чем на детинце.

Можно думать, что социальная топография друцкого городища была характерна для западнорусских городов домонгольской эпохи.

О занятиях населения городов, как всегда, свидетельствуют археологические находки. Как правило, они типичны для всех древнерусских городов этого времени. Прежде всего, ремесленники занимались железоделательным производством, добывая железную руду в болотах. Черный металл, вскоре ставший ремеслом, представлял самостоятельную группу производства (кузнецы и т.д.). В Друцке, например, много лет возле выезда существовала кузница. Из железа и стали выковывались различные железные изделия, необходимые в быту и военном деле и, конечно, найдено более всего остатков ремесленных орудий труда - топоры, долота, стамески, сошники и пр. Жители городов занимались литьем - ювелирные изделия встречаются в городах постоянно, как и литейные формы из камня. Отливали чаще всего из бронзы различные украшения (лунницы, тельные крестики и т.д.). Обилие лесных массивов вокруг, изобилующих всяким зверьем, на которого интенсивно охотились (главным образом на лося), дало возможность из костной ткани рога этого животного делать различные поделки, и развилось косторезное производство - вырезались самые разнообразные украшения, носимые на шее, наклеиваемые на кожаные колчаны и т.д.

Как и во всех средневековых городах, в городах наших земель жили кожевники, которые обрабатывали кожи, шили из них прежде всего обувь и многие изделия, необходимые в военном деле и в быту. Обрезки кож, сношенную обувь и т.д. археологи находят постоянно. Налажено было и керамическое производство - из глины вырабатывалась посуда, нужная всем. Вопросы ремесла детально разработаны исследователями ремесла и прежде всего Б.А. Рыбаковым (1948). Наличие ремесла свидетельствует и о сбыте его продукции.

О торговле наших городов широко свидетельствуют городские находки, указывающие, прежде всего, на ввоз. Более всего в городах находят шиферных пряслиц (Волынь), обломков стеклянных браслетов (Киев и другие места). Их производство

существовало и в Смоленске. Путем торговли попадали различные изделия из стекла. В изобилии эти предметы найдены в Новогрудке (где торговля вообще была сильно развита). Там есть посуда из византийского стекла, из рейнских мастерских, с Ближнего Востока (фаянс из Ирана, и т.д.), некоторые изделия - с арабскими надписями и т.д. *(Гуревич,* 1981. С. 155). Бурному развитию торговли в Новгрудке способствовало расположение на Немане.

Торговля в западнорусских городах была очень распространена. Однако материалы Смоленска почти не опубликованы, и с выводами надлежит подождать. Эта отрасль городского хозяйства должна исследоваться монографически (с указанием всех паспортов вещей).

Как известно, земледелие в городах отходит на второй план, несомненно, оно более всего характеризовалось огородничеством.

Таковы основные черты хозяйства в западнорусских городах.

Роль культуры в западных городах Руси рассматривается нами в специальном очерке (см. кн. 2).

Мы рассмотрели 38 городских цетров Западнорусских земель. За небольшим, может быть, исключением (Полоцк?), все они образовались в постгнёздовское время и отражали, несомненно, новую историческую эпоху - образование государства на Руси. "Государственность в ее четкой форме возникает лишь тогда, - писал Б.А. Рыбаков (1982. С. 95), - когда сложится более или менее значительное количество подобных центров, используемых для утверждения власти над аморфной массой общинников. Первичные классовые отношения зарождаются конвергентно в тех округах, где общество доросло до вычленения центров с наибольшим набором функций". Наибольший набор функций приобрели в нашем случае те гнёздовские центры, которые были выстроены на днепро-двинских торговых путях и ранее являлись "городками". Крупнейшими центрами здесь оказались, как показала археология, гнёздовский Смоленск и Полоцк, уже в XI в. переместившиеся в более удобные места, где они стали приобретать характерные черты раннефеодального города. Следом большинство этих черт приобретают и остальные "городки".

Если возникновение города более всего зависит от торгового пути, на котором он возникает, и прежде всего от "торности" последнего, то мы понимаем, что в наших землях более всего городов основано на днепро-двинских путях, что и объяснило раннее возникновение Полоцкой земли, шедшей, как мы увидим, впереди многих соседних древнерусских княжеств. В соседней Смоленской земле с огромным гнёздовским Смоленском на этих путях города возникали позднее, ибо только в ее западной части был Путь из Варяг в Греки. И не случайно Смоленское княжество возникло на полстолетия позднее Полоцкого - в середине XI в. Позднее здесь возникли и города Черной Руси, вероятно, тогда, когда движение по Неману стало более интенсивным.

Рамки нашего исследования не позволяют нам детально остановиться на характере западнорусских городских посадов, наличие которых является руководящим указанием на действительное существование города в научном понимании этого слова. Возникновение посадов под стенами древнего города - новое и важное явление. Это свидетельствует о том, что в городе живут ремесленники и торговцы. Археологически посады удается проследить возле всех поселенческих центров, которые мы называем городами. Остатки посада были обнаружены в 300 м к востоку от полоцкого детинца, причем, уже в XI в. он был огражден стеной из камня и дерева *(Тарасаў,* 1998. С. 52). Это же наблюдается у Лукомля, Витебска, Менска на р. Менке, Друцка и т.д. *(Штыхов,* 1978. С. 41, 53, 66 и т.д). Население посадов занималось, как правило, ремеслом и торговлей. Находки на посаде у Лукомля, например, отразили следующие ремесла: железоделательное и кузнечное, ювелирное, косторезное, гончарное *(Штыхов,* 1978. С. 50 и ел.). Горожане, несомненно, занимались и торговлей. Однако об этой стороне городской жизни мы имеем мало фактов - слишком мало велось целенаправленных исследований древних городских посадов.

Библиография

Источники

Аввакум, протопоп, 1934. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. М. Т. 1, 2.

Акты Московского государства, изданные имп. Академиею наук / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1901. Т. 3.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1; 1848. Т. 2.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб, 1836. Т. 4.

Бернгард Таннер, 1891. Описание польского посольства в Москву в 1678 г. М.

Варкоч Н., 1877. Описание путешествия в Москву Николая Варкоча - посла римского царя с 22 июля 1593 года. М.

Гейденштейн Р., 1889. Записки о московской войне. СПб.

Генрих Латвийский, 1938. Хроника Ливонии. М.; Л.

Герберштейн С, 1908. Записки о московитских делах. СПб.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 9.

Древнерусские княжеские уставы. М., 1976.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.

Изборник 1076 года. М., 1965.

Илларион, 1986. Идейно-философское наследие Иллариона Киевского. М. Ч. 1.

Иоанн Дамаскин, 1844. Точное изложение православной веры. М.

Иоанн Златоуст, 1889. Наставление о молитве и трезвении // Святоотеческие наставления и трезвения. М.

Иоанн Златоуст, 1905. Творения. СПб. Т. 11, кн. 1.

Иосафовская летопись. М., 1957.

Иродионов Петр, протоиерей, 1778. Историческое и географическое известия до города Торопца касающиеся... СПб.

Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1893. Т. 24.

Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1894. Т. 25.

Ігрй та пісні: Весняно-літня поезія трудового року / Упорядокования, предмова і приміткі О.І. Дея. КиТв, 1963.

Кампензе, 1836. Письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII // БИПР. СПб. Т. 1.

Киево-Печерский Патерик, 1911. Патерик Киево-Печерского монастыря / Изд. Археологической комиссии. СПб.

Кирилов И.К., 1977. Цветущее состояние всероссийского государства. М.

Книга Большому чертежу. М., 1950.

Лизек, 1837. Сказание Адольфа Лизека о посольстве в Россию от императора Римского Леопольда к великому князю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г.//ЖМНП. Т. 11.

Лопарев Х., 1892. Послание метрополита Климента к Смоленскому пресвитеру Фоме: Неизданный памятник литературы XII в. // ПДПИ. СПб. Вып. 90.

НПЛ. М., 1950.

Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв.

Патерик Печерский или отечник. Киев, 2003.

Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1.

Повесть о Ефросиний Полоцкой из сборника XVI в. Троицко-Сергиевой Лавры // ПЛ. СПб., 1862. Вып. 4.

Полное собрание законов Российской империи: Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839.

Полоцкая ревизия 1552 года. М., 1905.

Полоцкие грамоты XII - начала XIV в. М., 1980. Т. 3.

Полоцкие грамоты XII - начала XIV в. М., 1982. Т. 4.

Полоцкие грамоты XII - начала XIV в. М., 1985. Т. 5.

Псковские летописи. М., 1955. Т. 2.

ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.

ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2: Ипатьевская летопись.

ПСРЛ. М., 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись.

ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4: Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись.

ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5: Псковские и Софийские летописи.

ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку.

ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 9: Патриаршая или Никоновская летопись

ПСРЛ. М., 1965. Т. 11: Патриаршая или Никоновская летопись.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 12: Патриаршая или Никоновская летопись.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 13: Патриаршая или Никоновская летопись.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью.

ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17: Западнорусские летописи.

ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21: Степенная книга.

ПСРЛ. М., 1949. Т. 25 : Московский летописный свод конца XV века.

ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26 : Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.
ПСРЛ. М., 1965. Т. 29: Лебедевская летопись.
ПСРЛ. М., 1965. Т. 30: Владимирский летописец. - Новгородская вторая (архивная) летопись.
ПСРЛ. М., 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в.
ПСРЛ. М., 1975. Т. 32: Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца - Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного.
ПСРЛ. М., 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Вельский летописцы.
ПСРЛ. М., 1980. Т. 35: Летописи белорусско-литовские.
ПСРЛ. М., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв.
ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38: Радзивилловская летопись.
Радзивиловская или Кёнигсбергская летопись: Фототипич. воспроизвед. рукописи. СПб., 1902.
Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т. 27: Литовская метрика. Отд. 1, ч. 1: Книга записей. Т. 1.
Слово Даниила Заточника, 1932. Слово Даниила Заточника по редакциям XII—ХШ вв. и их переделкам. Л. (ПДЛ; Вып.З)
Слово о полку Игореве. М.; Л, 1950.
Смоленские грамоты XIII-XIV вв. М., 1963.
Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей и по разным местам. Минск, 1848.
Устюжский летописный свод. М., 1950.
Хроника Быховца. М., 1966.
Gwagnin AL, 1578. Sarvmatiae Europa descriptio. Cracowiae.
Gwagnin AL, 1611. Kronika Sarmacjey Europskiej. Krakow.
Strykowski M., 1846. Kronika Polska, Litewska. Ïmydska i wszytkiej Rusi. Warazawa. T. 1.
Stiykowski M., 1847. Kronika Polska, Litewska. Ïmydska i wszytkiej Rusi. Warazawa. T 2.

Литература

Авдусин Д.А., 1951. Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. М.; Л. Вып. 38.
Авдусин Д.А., 1952а. Гнёздовская экспедиция // КСИИМК. М.; Л. Вып. 44.
Авдусин Д.А., 19526. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 году // МИСО. Смоленск. Вып. 1.
Авдусин Д.А., 1953. Раскопки Гнёздовских городищ в 1953 г. // Вестн. МГУ. № 11. Сер. обществ, наук. Вып. 4.
Авдусин Д.А., 1957а. Возникновение Смоленска. Смоленск.
Авдусин Д.А., 19576. Новые памятники смоленской архитектуры // СА. № 2.
Авдусин Д.А., 1957в. Отчет о раскопках Гнёздовинских курганов // МИСО. Смоленск. Вып. 2.
Авдусин Д.А., 1957г. Смоленская берестяная грамота // СА. № 1.
Авдусин Д.А., 1962. Смоленская ротонда // Историко-археологический сборник: (к 60-летию А.В. Арциховского). М.
Авдусин Д.А., 1966. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 года // СА. № 2.
Авдусин Д.А., 1967. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск: к 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск.
Авдусин Д.А., 1969. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 годов // СА. № 3.
Авдусин Д.А., 1970. Гнёздовская корчага//Древние славяне и их соседи: (к 60-летию П.Н. Третьякова). М. (МИА; № 176).
Авдусин Д.А., 1972. Гнёздово и Днепровский путь // Новое в археологии. М.
Авдусин Д.А., 1978. VII всероссийская конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии // СА. № 3.
Авдусин Д.А., 1979. О Гнёздове и Смоленске // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. № 4.
Авдусин Д.А., 1980. Происхождение древнерусских городов по археологическим данным // ВИ. 1980. № 12.
Авдусин ДА., 1991. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово: (к истории древнерусского города). М.
Авдусин Д.А., 1999. Актуальные вопросы изучения Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово. М.
Авдусин Д.А., Асташова Н.И., Сапожников Н.В., 1977. Раскопки в Смоленске // АО 1976 г. М.
Авдусин Д.А., Каменецкая СВ., Пушкина Т.А., 1976. Раскопки в Гнёздово // АО 1975 г. М.
Авдусин Д.А., Мельникова Е.А., 1985. Смоленские грамоты на берёсте (из раскопок 1952-1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 г. М.
Авдусин Д.А., Пушкина Т.А., 1989. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города: (к 60-летию В.А. Янина). М.
Авенариус Н.П., 1890. Дрогичин Надбужский и его древности // МАР. СПб. № 4.
Авенариус Н.П., 1892. Несколько слов о дрогичинских пломбах // ЗРАО. Новая сер. Ч. 6, вып. 1, 2.
Авенариус Н.П., 1897. Еще несколько слов о дрогичинских пломбах // Тр. IX АС. М. Т. 2.
Адамович С.А., Гилеп В.А., 1973. Раскопки в Заславле // АО 1972 г. М.
Адсмунг Ф., 1863. Древнейшие путешествия иностранцев по России // ЧОИДР. М. Вып. 2, разд. 3.
Аксенов Н.В., 1912. Исторические записки о Смоленской губернской гимназии. Ч. 1: (1786-1833).
Александров Д.Н., Володихин Д.М., 1893. Битва между Литвой и Московским государством // Полоцкий летописец. Полоцк. № 1,2.
Александрович Д., 1926. Литовские татары : краткий исторический очерк. Баку.
Алексеев Е., 1864. Полоцк и его примечательности // Иллюстрация. Т. 7, № 173.
Алексеев Л.В., 1955. Три пряслица с надписями из Белоруссии // КСИИМК. Вып. 57.
Алексеев Л.В., 1957. Лазарь Богша - мастер-ювелир XII в. // СА. № 3.
Алексеев Л.В., 1958. О работе сектора славяно-русской археологии в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 72.
Алексеев Л.В., 1959а. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Тр. Прибалтийской экспедиции. М. Т. 1.

Алексеев Л.В., 19596. Еще три шиферных пряслица с надписями // СА. № 21.
Алексеев Л.В., 1960. Раскопки древнего Браславля // КСИА. Вып. 81.
Алексеев Л.В., 1962. Художественные изделия косторезов из некоторых древних городов Белоруссии //СА. №4.
Алексеев Л.В., 1963. Городище Девичья гора в Мстиславле // КСИА. Вып. 94.
Алексеев Л.В., 1964. К истории и топографии древнейшего Витебска // СА. № 1.
Алексеев Л.В., 1966а. Полоцкая земля. М.
Алексеев Л.В., 19666. Раскопки в Друцке // АО 1965 г. М.
Алексеев Л.В., 1967. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в. // СА. № 4.
Алексеев Л.В., 1972. Грамота Ростислава Мстиславича Смоленского 1136 г. в свете данных археологии // Беларускія старажытнасці. Мінск.
Алексеев Л.В., 1972. Исследования в Смоленской земле //АО 1971 г. М.
Алексеев Л.В., 1973. Исследования в древней Смоленщине //АО 1972 г. М.
Алексеев Л.В., 1974а. Древний Ростиславль // КСИА. Вып. 139.
Алексеев Л.В., 19746. Мелкое художественное литье из некоторых Западнорусских земель: (кресты и иконы Белоруссии) // СА. № 3.
Алексеев Л.В., 1974в. "'Оковский лес" Повести временных лет // Культура средневековой Руси: посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л.
Алексеев Л.В., 1974г. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии. М.
Алексеев Л.В., 1974д. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // Siowianie w dzeyach Europy. Poznac.
Алексеев Л.В., 1975. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X-XШ вв. М.
Алексеев Л.В., 1976а. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь: памяти Н.Н. Воронина. М.
Алексеев Л.В., 19766. Древний Мстиславль // КСИА. Вып. 146.
Алексеев Л.В., 1977. О древнем Смоленске: (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) // СА. № 1.
Алексеев Л.В., 1978. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX-XIII вв. // Древняя Русь и славяне: (к 70-летию Б.А. Рыбакова). М.
АлексеевЛ.В., 1979. Периферийные центры домонгольской Смоленщины // СА. № 4.
АлексеевЛ.В., 1980а. Новые книги по археологии белорусских городов // СА. № 2.
Алексеев Л.В., 19806. Смоленская земля в IX-XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.
Алексеев Л.В., 1981. Исследование Мстиславля // АО 1980 г. М.
Алексеев Л.В., 1983. Берестяная грамота из древнего Мстиславля // СА. № 1.
Алексеев Л.В., 1987. Капитальное исследование по начальной истории Минска // СА. № 2.
Алексеев Л.В., 1988. Игнатий Кульчинский - первоисследователь белорусских древностей // Древность славян и Руси: к 80-летию Б.А. Рыбакова. М.
Алексеев Л.В., 1990а. Кто был автором "Приглашения барона И.Г. Аша" (1819 г.)? (о первой периферийной инструкции собирания древностей) // СА. № 1.
Алексеев Л.В., 19906. Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20-30 гг. XX в. // СА. № 4.
Алексеев Л.В., 1991а. Е.Н. Клетнова - один из первых смоленских археологов // Очерки истории русской и советской археологии. М.
АлексеевЛ.В., 19916. Е.Ф. Канкрин и история открытия "Борисовых камней" в Белоруссии // СА. № 2.
Алексеев Л.В., 1993а. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена // СА № 2.
Алексеев Л.В., 19936. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле (Белоруссия) // РА. № 4.
Алексеев Л.В., 1995а. Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. Мінск. Вып. 6.
Алексеев Л.В., 19956. Мстиславский детинец в XII-XIV вв. // СА. № 3.
Алексеев Л.В., 1996а. Археология и краеведение Белоруссии с XVI века по 30-е годы XX века. Минск.
АлексеевЛ.В., 19966. Великая просветительница белорусских земель XII века Преподобная Ефросиния Полоцкая // Алексеев Л.В., Макарова Т.И., Кузмич Н.П. Крест - хранитель всея вселенныя. Минск.
Алексеев Л.В., 1996в. Домонгольская архитектура Полоцкой земли в историческом осмыслении // РА. № 2.
АлексеевЛ.В., 1998а. Археология средневекового периода в Белоруссии (1950-1990) // РА. № 3.
Алексеев Л.В., 19986. Менские дреговичи и полоцкие князья // РА. № 2.
Алексеев Л.В., 1998в. "Меньск" и Минск: (к начальной истории белорусской столицы) // Культура славян и Руси: (к 90-летию Б.А. Рыбакова). М.
Алексеев Л.В., 1998г. Минск и Друцк // Славяне и их соседи: к 70-летию Э.М. Загорульского. Минск.
Алексеев Л.В., 2000. Детинец Мстиславля в XIV-XVII вв. // РА. № 2.
Алексеев Л.В., 2002а. Древний Друцк: (письменные источники, топография, время возникновения): к празднованию тысячелетия Друцка // РА. № 1.
Алексеев Л.В., 20026. Друцк в XII-XVI вв.: (общие вопросы истории памятника) // РА. № 2.
Алексеев Л.В., Колединский Л.В., Метелъский А.А., 1994. Памяти Михаила Александровича Ткачева // РА. № 3.
Алексеев Л.В., Макарова Т.И., Кузмич Н.П., 1996. Крест - хранитель всея вселенныя. Минск.
АлексеевЛ.В., Сергеева З.М., 1973. Раскопки курганов в восточной Белоруссии // КСИА. М. Вып. 135.
Алешковский М.Х., 1972. Русские глебоборисовские энколпионы 1072-1160 гг. // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.
Алешковский М.Х., Подъяпольский С.С, 1964. Новые данные о церкви Михаила Архангела в Смоленске // СА. № 2.
Алихова А.П., 1976. Постройки древнего городища Мохша // СА. № 4.
Алферова Г.Ф., 1969. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследство. М. Вып. 18.

Аляксееў Л.В., 1949. Аб чым расказвае "Замкавая тара" // Гродзенская правда. 8 черв.
Аляксееў Л.В., 1969. Крыж Еуфрасініі Полацкой // Маладосць. № 7.
Аляксееў Л.В., 1971. Старажытны Мсціслаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусь Мінск. № 1.
Аляксееў Л.В., 1996а. Гродна і помнікі Панямоння. Мінск.
Аляксееў Л.В., 19966. "Менскія дрыгавічы і полоцкія князі" // Беларускі гістарычны часопіс. № 4.
Амброз А.К., 1959. Фибулы зарубинецкой культуры // МИА. № 70.
Амброз А.К., 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. // СА. № 1.
Антонович В.Б., 1885. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев.
Арсеньев В., 1832. Состояние Спасской церкви близ Полоцка в 1832 г.: (письмо могилевского епископа князю Н.Н. Хованскому 30/10 февраля 1832 г.) // ВГВ. 1910. № 108.
Артамонов М.И., 1935. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе // ПИДО. № 9/10.
Артамонов М.И., 1958. Саркел - Белая Вежа // МИА. №62.
Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.
Артамонов М.И., 1974. Некоторые вопросы отношения восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья: (В.В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. 1970) // СА. № 1.
Артеменко И.И., 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы // МИА. М. № 148.
Археологическая карта России: Смоленская область. М., 1997. Вып. 1.
Археологическая карта России: Смоленская область. М., 1997. Вып. 2.
Археолёгія Беларусь Мінск, 1988.
Археолёгія Беларусь Мінск, 2000. Т. 3: Сярэднявяковы перыяд (IX-XIII ст.ст.).
Археолёгія і нумізматыка Беларусі, 1993. Мінск.
Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
Арциховский А.В., 1934. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // ПИДО. № 11/12.
Арциховский А.В., 1937. В защиту летописей и курганов // СА. Т. 4.
Арциховский А.В., 1945. Городские концы в древней Руси // ИЗ. Вып. 16.
Арциховский А.В., 1947. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. № 7.
Арциховский А.В., 1948. Оружие // История культуры древней Руси. М.; Л. Т. 1.
Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953-1954 годов. М.
Арциховский А.В., Тихомиров М.Н., 1953. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). М.
Арциховский А.В., Янин ВЛ., 1978. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962-1976 гг. М.
Асеев, 1980. К вопросу о времени основания киевского Софийского собора // СА. № 3.
Асташова Н.И., 1974. Энколпион из Гнёздова // СА. №3.
Асташова Н.И., 1979. Постройки древнего Смоленска // Проблемы истории СССР. М. Вып. 8.
Асташова Н.И., 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнёздово. М.
Асташова Н.И., 1999. Хронология смоленских древностей // Археологический сборник: (памяти Майи Васильевны Фехнер). М.
Асташова Н.И., Зализняк А.А., 1998. Берестяные грамоты из раскопок в Заднепровье Смоленска // Историческая археология: (к 80-летию Д.А. Авдусина). М.
Афанасьев А., 1865. Поэтические воззрения славян на природу. М. Т. 1.
Афанасьев А., 1869. Поэтические воззрения славян на природу., М. Т. 3.
Афанасьев К.Н., 1961. Построение архитектурных форм древнерусскими зодчими. М.
Бадер О.Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы // МИА. № 7.
Баландин СВ., 1981. Деревянное зодчество Сибири XVII-XX вв. Новосибирск. Т. 2.
Банк А.В., 1967. Искусство // История Византии. М. Т. 2.
Баравы Р.В., Сінчук II., 1993. Мазыр // Археолёгія і нумізматыка Беларусь Мінск.
Барсов Н.П., 1885. Очерки русской исторической географии: География начальной (Нес.торовой) летописи. Варшава.
Барсуков Н., 1882. История русской агиографии. СПб.
Барщевский Ян, 1846. Очерки северной Белоруссии // Иллюстрация. СПб. № 10.
Баскаков Н.А., 1969. Русские фамилии тюркского происхождения // СЭ. № 4.
Безбородое М.А., 1964. Исследование мозаичных стекол XII в. из Полоцка // Докл. АН БССР. Минск. Т. 8, №3.
Без-Корнилович М.О., 1855. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением других сведений, к ней же относящихся. СПб.
Бектинеев Ш.И., Скрипченко А.С., 1997. Метрологические материалы поселения на р. Менке: (к денежному обращению X-ХП вв. // ГАЗ. Мінск. № 12.
Беларуси архіў. Мінск. Т. 3.
Белецкий СВ., Лесман Ю.М., 1982. [Рец. на кн.:] Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.). Минск, 1978 // СА. № 3.
Белогорцев И.Д., 1963. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске // МИСО. Смоленск. Вып. 5.
Белозерский Е., 1901. Предместье Взгорье и Песковатик // ВГВ. № 132.
Белоруссия в эпоху феодализма. Минск, 1960.
Белорусская археология. Минск, 1987.
Белорусские поверья о змеях // Зап. Северо-западного отдела РГО. Вильна, 1911. Т. 3.
Белоцерковская И.В., Пушкина Т.А., Петру хин В.Я., 1974. Раскопки в Гнёздове // АО 1973 г. М.
Белоцерковская И.В., Сапожников Н.В., 1980. О вятичских древностях из Смоленска // СА. № 2.
Беляев И.Д., 1872. История Полоцка или Северо-Западной Руси до Люблинской унии. М.
Беляев Л.А., 1998. Христианские древности. М.
Бережков Н.Г., 1963. Хронология русского летописания. М.

Беридзе В., 1974. Древнегрузинская архитектура. Тбилиси.

Бернштейн-Коган С.В., 1959. Путь из Варяг в Греки // Вопр. географии. Вып. 20.

Богданов В.П., Рукавишников А.В., 2002. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII - первой трети XIII в. // ВИ. № 10.

Богданович А.Е., 1894. Пережитки в миросозерцании белорусов // Минский листок. № 176.

Богданович А.Е., 1895. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно.

Богданович В.А., 1963. Розкопки в Путивльському кремлі // Археологія. Кйї'в. Вип. 15.

Богуславский Г.К., 1909. О результатах изыскания Гнёздовского могильника // Смоленская старина. Вып. 1,ч. 1.

Борисенков Е.П., 1982. Климат и деятельность человека. М.

Бранденбург Н., 1908. Журнал раскопок: 1888-1902 гг. СПб.

Брунов Н.И., 1924. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. М.

Бруноў Н.І., 1928. Беларуская архітектура XI-XII ст.ст. // Зборнік артыкулаў. Менск.

Брюсов А.Я., 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.

Бубенько ТС, 1983. Раскопки окольного города Витебска//АО 1981г. М.

Бубенько Т.С., 1985. Исследования в Витебске // АО 1983 г. М.

Бубенько Т.С., 1987. Исследования Витебского отряда// АО 1985 г. М.

Бубенько Т.С., 1991. Посад Витебска X - первой половины XIV в.: (по материалам исследований Нижнего Замка). Л.

Бубенько Т.С., 1992. Жылле феадальнага Віцебска: (па матэрiалах даследавання у Ніжняга Замка) // З глыбіны вякоў. Мінск.

Бубенько Т.С., 1996а. Планировка и застройка посада средневекового Витебска // ГАЗ. Мінск. № 8.

Бубенько Т.С., 19966. Торговля и культурные связи Витебска: (по материалам Нижнего Замка) // ГАЗ. Мінск. № 8.

Бубенько Т.С., Ткачев М.А., 1986. Раскопки оборонительной башни в Витебске // АО 1984 г. М.

Будько В.Д. и др., 1966. *Будько В.Д., Поболъ Л.Д., Гарасенко В.Р., Штохов Г.В.* Мимо главного // Коммунист Белоруссии. № 6.

Будько М.И., 1980. Климат в прошлом и будущем. М.

Булкин Вал., 1980. Работы на верхнем замке в Полоцке//АО 1979 г. М.

Булкин Вал., 1990. К истории малых форм в домонгольском зодчестве // Музей і развіцце гістарычнага краязнаўства: (Гродно, к 70-летию гродненского музея).

Булкин Вал., 1992. К обоснованию датировки Софийского собора в Польше // Населніцтва Беларусі і сумежных тэрыторій у эпоху жалеза: да 80 з дня нарожэнне А.Г. Мітрофанава. Менск.

Булкин Вал., Булкин Вас, 1980. Седую древность постигая // Неман. Минск. № 3.

Булкин Вал.А., Булкин Вас. А., Смирнов В.Н., Ратнер И.Е., 1979. Работы в Полоцке // ОА 1978 г. М.

Булкин ВасА., Назаренко В.А., 1971. О нижней дате Гнёздовского могильника // КСИА. Вып. 125.

Булкин В А., Лебедев Т.С., 1974. Гнёздово и Бирка: К проблеме становления города // Культура средневековой Руси: (к 70-летию М.К. Каргера). Л.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники древней Руси IX-XI вв. Л.

Булкин В.А., 1981. Исследования Софийского собора в Полоцке // АО 1980 г. М.

Булычев Н.И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.

Буслаев Ф., 1861. Исторические очерки русской народной словесности. СПб. Т. 2.

Бухау Даниил фон, 1876. Начало и возвышение Московии//ЧОИДР. М. Кн. 3.

Быковский В., 1868. Памятная книжка Виленского губернаторства на 1868 год. СПб.

Вагнер Г.К., 1978. О чертах космологизма в народном искусстве // Древняя Русь и славяне: (к 70-летию Б.А. Рыбакова). М.

Вагнер Г.К., 1990. Искусство мыслить в камне. М.

ВанкинаЛ.В., 1952. Археологические памятники I тыс. до н. э. на территории Латвийской ССР // КСИИМК. Вып. 42.

Василенко В.М., 1977. Русское прикладное искусство: Истоки и становление. I в. до н.э. - XIII в. н.э.. М.

Васильев Ив., 1906. Предместье Заручавье // ВГВ. № 64.

Веревкин М., 1893. Записка об археологических памятниках Витебской губернии // Тр. ВОМПК. Вильно.

Вертинский А.Н., 1939. Города Калининской области: Исторические очерки. Калинин.

Виезжев Р.И., 1954. Розкопки курганів у Коростені та поблізу Овруча в 1911 року // Археологія. Кйї'в. Т. 9.

Викентъев В.Н., 1910. Полотский кадетский корпус. Полоцк.

Витое М.В., 1962. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. М.

Вл. Б., 1893. Проектируемое Смоленское общество ис[1] тории, археологии и этнографии // Смоленский вестн. № 125.

Воеводский М.В., 1949. Городища верхней Десны // КСИИМК. Вып. 24.

Воронин Н.Н., 1935. К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост, село, деревня // Сообщ. ГАИМК. Л. Вып. 138.

Воронин Н.Н., 1941. Медвежий культ // МИА. № 6.

Воронин Н.Н., 1946. Хутынский столп 1535 года // СА. Т. 8.

Воронин Н.Н., 1949а. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. № 11.

Воронин Н.Н., 19496. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11.

Воронин Н.Н., 1951. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. Вып. 41.

Воронин Н.Н., 1952. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник ИИИ. М.

Воронин Н.Н., 1954а. Архитектурный памятник как исторический источник // СА. Т. 19.

Воронин Н.Н., 19546. Древнее Гродно: (по материалам раскопок 1932-1949 гг.) // МИА. № 41.

Воронин Н.Н., 1954в. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник ИИИ. 1952. М.

Воронин Н.Н., 1956. Бельчицкие руины // Архитектурное наследство. № 6.

Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси в XII-XV вв. М. Т. 1. *Воронин Н.Н.,* 1962а. Андрей Боголюбский и Лука
Хризоверг: (из исторического развития отношений XII в.)//ВВ. Т. 21. *Воронин Н.Н.,* 19626. К истории полоцкого зодчества
XII в. // КСИА. Вып. 87. *Воронин Н.Н.,* 1963. "Житие Леонтия Ростовского" и
византийско-русские отношения второй половины XII в. // ВВ. Т. 23.
Воронин Н.Н., 1964. Смоленские граффити // СА. № 2.
Воронин Н.Н., 1965. Памятник смоленского искусства XII в.: Предварительная информация // КСИА. Вып. 104.
Воронин Н.Н., 1967. К истории смоленского зодчества ХП-ХШ вв. // Смоленск: к 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск.
Воронин Н.Н., 1972. Следы раннего смоленского летоисчисления // Новое в археологии: к 70-летию А.В. Арциховского. М.
Воронин Н.Н., 1975. Два смоленских фрагмента в Устюжском летописном своде // ВИ. № 2.
Воронин Н.Н., 1977. Смоленская живопись ХП-ХШ веков. М.
Воронин Н.Н., Жуковская Л.П., 1976. К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Руси.М.
Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1967. Смоленский детинец и его памятники // С А. № 3.
Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1969. Раскопки в Смоленске в 1966 году // СА. № 2.
Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1971. Раскопки в Смоленске в 1967 году // СА. № 2.
Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979а. Древний Смоленск // СА. № 1.
Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 19796. Зодчество Смоленска XII-XIV вв. М.
Востоков А.Х., 1842. Описание славяно-русских рукописей Румянцевского музеума. СПб.
Высоцкая Н.Ф., 1984. Дэкаратывна-прыкладное мастацтва Беларусі XII-XVIII ст.ст. Мінск.
Г-В Ин., 1832. Полоцк 8 августа 1832 года // Ведомости. СПб. № 212.
Гальковский Н.М., 1916. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков.
Гаусман М., 1877. Исторический очерк местечка Турова, прежней столицы Туровского княжества. Минск.
Гаусман М., 1879. Заславль // МГВ. № 49-51.
Генинг В.Ф., 1982. Очерки истории советской археологии. Киев.
Гилеп В А., 1969. Некоторые сведения о памятниках Заславля // Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск.
Гліньнік В., Залізаў /., 1996. Калажанскія граффіці з XIII ст. // ГАЗ. Мінск. Вып. 8.
Голубева ЛА., 1960. Белозерская экспедиция 1957 года // КСИИМК. Вып. 79.
Голубева ЛА., 1973. Весь и славяне на Белом озере: (Х-ХШ вв.) М.
Голубинский Е.Е., 1901. История русской церкви. М. Т. 1.
Голубовский П.В., 1895. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев.
Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. Киев.
Горбачев К.А., 1887. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губернии // ИОЛЕАЭ. Т. 49, вып. 4.
Горбачев К.А., 1890. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губернии // ИОЛЕАЭ. Т. 49, вып. 5.
Город Витебск // Кругозор. СПб., 1876. № 10.
Граудонис Я.Я., 1962. Строительство в Мукукалнс (по материалам археологических раскопок 1959-1961 гг. // Тез. докл. научно-отчетной сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических экспедиций 1961 г. Рига.
Граудонис Я.Я., 1967. Латвия в эпоху бронзы и раннего железа. Рига.
Греков БД., 1949. Киевская Русь. М.
Гроздилов Г.П., 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 году // СА. Т. 14.
Гроздилов Г.П., 1965. Археологические памятники старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7.
Грушевский А.С, 1901. Очерки истории Турово-Пинского княжества: (XI-XIII вв.) Киев.
Гуревич А.Я., 1966. Походы викингов. М.
Гуревич Ф.Д., 1958. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // КСИИМК. Вып. 72.
Гуревич Ф.Д., 1962. К истории древнего Новогрудка // Swiatowit. Warszawa. Т. 24.
Гуревич Ф.Д., 1964. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке // Вып. 99.
Гуревич Ф.Д., 1965. Изображения музыкантов Древней Руси // СА. № 2.
Гуревич Ф.Д., 1972. Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным // КСИА. Вып. 129.
Гуревич Ф.Д., 1973. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // КСИА. Вып. 135.
Гуревич Ф.Д., 1980. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956-1977 гг. //СА. №4.
Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.
Гуревич Ф.Д., 1983. Погребенные памятники жителей Новогрудка // КСИА. Вып. 175.
Гуревич Ф.Д., 1986. О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. Вып. 187.
Гуревич Ф.М. и др., 1968. *Гуревич Ф.М., Джанпола-дян Р.М., Малевская М.В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л.
Гурин М.Ф., 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. Минск.
Данилевич В.Е., 1896. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев.
Данилова Л.В., 1955. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV-XV вв. М.
Даркевич В.П., 1963. Костяное навершие из Волковыска // КСИА. Вып. 96.
Даркевич В.П., Пудовин В.К., 1960. Раскопки на Севском городище // КСИИМК. Вып. 79.
Даркевич В.П., Пуцко Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани: (1970-1978) // СА. 1981. № 3.
Даўгяла З.І., 1926. Стары Менск // Звезда. Менск. № 207, 223.
Даўгяла 3.1., 1927. Стары Менск // Звезда. Менск. № 77.
Даўгяла 3.1., 1928а. Заслаўе на Меншчыне // Працы II.
Даўгяла З.І., 19286. Стары Менск // Наш край. Менск. № 1.

Дело Имп. Археологической комиссии в Санкт-Петербурге. СПб., 1897.
Дерновіч С.Д. Североевропейские древности эпохи викингов с территории Полоцко-Витебского Подвинья // Пстория і археолёгія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк.
Дероко А., 1953. Монументальна и декоративна архитектура у средневековно] Србщи. Београд.
Джаксон Т.Н., 1986. "Syrnes" и "Gadar": загадки древнескандинавской топонимии // Scando-slavica. Kobenhavn. Т. 32.
Джаксон Т.Н., 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей Х-ХШ вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988-1989. М.
Джаксон Т.Н., 2001. AUSTR і GORDUM: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.
Дмитриев М.А., 1985. Московские элегии, стихотворения, мелочи из записей для памяти. М.
Добровольский В.Н., 1915. Бобры в Смоленской земле // Смоленская старина. Смоленск. Вып. 1.
Добровольский И.Г., Дубов И.В., 1975. Комплекс памятников у д. Большое Тимерево под Ярославлем // Вестн. ЛГУ.
Довженок В.И., 1952. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье // КСИИМК. Вып. 48.
Довнар-Запольский М.В., 1891. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев.
Достоевский Ф.М., 1975. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л. Т. 13: Художественные произведения.
Драгун Ю.Н., 1967. Археологическое изучение детинца древней Орши // Докл. науч. конф. аспирантов и молодых ученых, посвящ. 50-летию Великой октябрьской соц. революции. Сер. ист. наук. Минск.
Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985.
Дроченина Н.Н., Рыбаков Б.А., 1960. Берестяная грамота из Витебска // СА. № 1.
Друцк старажытны. Мінск, 2000.
Дубінскі СА., 1928. Досьледы культур жалезнага пэрыяду на Віцебшчыне, Магілеўшчйне і Меншчыне // Працы I.
Дубінскі С.А., 1930а. Гарадзішча каля в. Германоў Аршанскай акругі // Працы П.
Дубінскі С.А., 19306. Досьледы культур жалезнага пэрыяду па БССР у 1929 г. // Працы. Менск. Вып. 2.
Дубінскі С.А., 1930в. Чаркасоўскае гарадзішча пад Воршай // Працы II.
Дубінскі С.А., 1933. Бібліографія па археолёгіі Беларусі і сумежных краін. Менск.
Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
Дубов И.В., 1989. Великий Волжский путь. Л.
Дубровин Г.Е., Малыгин П.Д., Сарафанова НА., 2002. Археологические исследования в Торжке // АО 2001 г. М.
Дубинин А.Ф., 1955. Работы Московской экспедиции // КСИИМК. Вып. 57.
Дубинин А.Ф., 1960. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г. // КСИА. Вып. 79.
ДучыцЛ.У., 1991. Браслаўскае Паазерье у IX-XIV ст.ст. Мінск.
Дучыц Л.У., 1993. Археолёгічныя помнікі у навах вераваннях і гаданнях Белорусаў. Мінск.
ДучыцЛ.У., 1985. Культура паучна-заходняй ускраины Полацкага княства: (па матэрыялах гарадзішча Маскавічы) // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці. Мінск.
Дучыц Л.В., Мельникова Е.В., 1981. Надписи и знаки на костях городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980. М.
Егорейченко А.А., 1983. Иваньское городище // Древнерусские государства и славяне. Минск.
Егоров Ю.А., 1954. Градостроительство Белоруссии. М.
Ельчанинов Н., 1819. О древних надгробных памятниках // Благонамеренный. СПб. Ч. 8.
Ельчанинов Н., 1858. Старина г. Белого // ПКСГ на 1858 г. Смоленск.
Ельчанинов Н., 1860. Очерк Вельской местности // ПКСГ на 1860 г. Смоленск.
Еремин И.П., 1925. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // ИОРЯС. Т. 30.
Еремин И.П., 1956. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 11, 12.
Ермаловіч П., 1990. Старажытная Беларусь. Мінск.
Ефименко П.П., 1953. Первобытное общество. Киев.
Жаватворны сімвал бацкаушчыны: Пстория Крыжа святой Еуфрасініі Полацкай. Мінск, 1998.
Журжалина Н.П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // С А. № *2.*
Завитневич В.З., 1886. Область дреговичей как предмет археологического исследования // Тр. Киевской духовной академии. Киев. Вып. 8.
Завитневич В.З., 1888. Археологические раскопки в системе Немана и Березины // ЧИОНЛ. Кн. 2.
Завитневич В.З., 1890а. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье // ЧИОНЛ. Кн. 4.
Завитневич В.З., 18906. О курганах Минской губернии // Календарь Северо-Западного края на 1890 год. М.
Завитневич В.З., 1892. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье // ЧИОНЛ. Кн. 6.
Завитневич В.З., 1895. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии // Труды IX АСТ. 1.
Завитневич В.З., 1905. К вопросу о культурном влиянии Византии на быт русских славян курганного времени // Труды XII АС.
Загарульскі Э.М., 1960. Археолёгічнае вывучэнне дзяцінца старажытнага Мінска // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 4.
Загорулъский Э.М., 1958. Общая планировка и застройка раннефеодального города на территории БССР по археологическим данным // Тр. Ин-та истории АН БССР. Минск. Вып. 3.
Загорулъский Э.М., 1963. Древний Минск. Минск.
Загорулъский Э.М., 1965. Археология Белоруссии. Минск.
Загорулъский Э.М., 1973а. Открытия в Копыси // Неман. № 1.
Загорулъский Э.М., 19736. Раскопки в Копыси // АО 1972 г. М.
Загорулъский Э.М., 1977. Древняя история Белоруссии. Минск.
Загорулъский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Загорульский Э.М., 1983. Древняя история Белоруссии. М.
Загорульский Э.М., 1993. Древнейший храм Минска. Минск.
Загорульский Э.М., 2004. Вищинский замок ХН-ХШ вв. Минск.
Зайкоўскі Э.М., Дучыц Л.У., 2001. Жыватворныя крыніцы Беларусь Мінск.
Замалеев А.Ф., 1987. Философская мысль в средневековой Руси. Л.
Засурцев П.И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.
Заяц Ю.А., 1983. Курганный могильник Изяславля. Минск.
Заяц Ю.А., 1987. Заславль X-XVIII вв. Минск.
Заяц Ю.А., 1989. Заславль (Изяславль) X-XVIII вв.: хронология и социо-историческая топография. Киев.
Заяц Ю.А., 1994. Паселішча X-XVIII ст.ст. каля в. Дружба (Рылаушчына) // ГАЗ. Мінск. Вып. 3.
Заяц Ю.А., 1995. Заславль в эпоху феодализма. Минск.
Заяц ЮА., 1996. Новае даследованьне па археолёгіі Стараго замка у Горадні // Крыуя. Мінск. № 1.
Заяц ЮА., 2001. Друть и Друцк // Древнему Друцку 1000 лет. Витебск.
Зверуго Я.Г., 1969. Раскопки в Слониме // АО 1968 г. М.
Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск (X-XIV вв.). Минск.
Зверуго Я.Г., 1989. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. Минск.
Зверуго Я.Г., Ткачев М.А., 1972. Археологические исследования в Гродно // АО 1971 г.. М.
Зверуго Я.Г., 1993а. Турыйск // Археолёгія Беларусь Мінск. Т. 3.
Зверуго Я.Г., 19936. Турыйск // Археолёгія і нумізматыка Беларусі. Мінск.
Зильманович И.Д., 1965. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. // КСИА. Вып. 104.
Зимин А.А., 1953. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. М.
Зимин А А., 1972. Россия на пороге нового времени. М.
Змитроцкий К.А., 1912. Каталог музея Витебской ученой архивной комиссии. Витебск.
Знаменский П., 1888. Руководство по церковной истории. СПб.
Зотов Р., 1892. О черниговских князьях по Любецкому синодику. СПб.
Зябловский Е.Ф., 1810. Землеописание Росссийской империи для всех состояний. СПб. Т. 3.
Иванов В., 1973. Крест: (знак и значение) // Журн. Моск. патриархии. М. № 1.
Ивановский А.А., 1874. Александр Сергеевич Пушкин // Русская старина. № 2.
Ивановский Л.К., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках [Л.К.] Ивановского // МАР. №20.
Игнатьев Р.Г., 1878. Раскопки курганов в м. Заславле Минского у. // МГВ. № 1.
Из Белорусского уезда // ГГВ. 1898. № 51.
Изюмова С.А., 1949. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси // КСИИМК. Вып. 30.
Изюмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65.
Иконников В.С., 1908. Опыт русской историографии. Киев. Кн. 2, вып 1, 2.
Иов О.В., 2002. "Клад" викинга из поймы Березины // Гісторыя Полацка і Полацкай зямли. Полацк.
Иодковский И.И., 1915. Замок в Мире // Древности: ТМАО. М. Т. 6.
Ионисян О.М., Могитыч И.Р., Свешников И.К., 1983. Церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде на Белке - памятник деревянного зодчества домонгольской Руси // Памятники культуры: Новые открытия. Л.
Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1803.
Историко-статистические сведения города Дорогобужа и уезда его // ПКСГ на 1860 год. Смоленск, 1860.
Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии. СПб., 1864.
История Византии. М., 1967. Т. 2.
История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1.
История Минска. Минск, 1957.
Кабищев СВ., 1991. Исследования на Гомельском посаде в 1990 г. // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель.
Каваленя А.З., 1932. Археолёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукамкі // Працы III.
Каваленя А.З., Шутаў С.С., 1930. Матер'ялы да гісторыі Тураўшчыны // Працы II.
Кавельмахер В.В., 1985. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола: История и современность. М.
Каганович Е.П., 1915. Легенда о святом озере в Белоруссии // Живая старина. СПб.
Кайгородов Н., 1914. Полоцк и его церковно-археологические древности // Светильник. СПб. № 2.
Калечиц Е.Г., 1987. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск.
Калядінскі Л.В., 1986. Марьина пряселка // Білорусь. №8.
Калядінскі Л.В., 1993. Писала // Археолёгія і нумізматыка Беларусі: Энціклапедыя. Мінск.
Калядінскі Л.В., 1995. Археолёгічныя доследованні дзядзінца летапіснага Случаска // Случчына мінулае і сучаснае. Слуцк.
Каменецкая Е.В., 1991. Заольшанская курганная группа Гнёздова: (к истории древнерусского города) // Смоленск и Гнёздово. М.
Каменецкая Е.В. Керамика IX-XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.
Карабушкіна Т.Н., 1999. Насельніцтва беларускага Пабужжа X—XIII ст. Мінск.
Карамзин Н.М., 1816, История государства Российского. СПб. Т. 2.
Карамзин Н.М., 1817. История государства Российского. СПб. Т. 5.
Каргер М.К., 1951а. Археологические исследования древнего Киева. Киев.
Каргер М.К., 19516. Памятники переяславского зодчества XI-XII вв. в свете археологических исследований //СА. Т. 15.
Каргер М.К., 1954. Раскопки в Переяславле Хмельницком в 1952-1953 гг. // СА. Т. 20.
Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. 1.
Каргер М.К., 1961а. Древний Киев. М.; Л. Т. 2.
Каргер М.К., 19616. Новгород Великий: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Л.; М.

Каргер М.К., 1964. Зодчество древнего Смоленска (XII-XIII вв.). Л.
Каргер М.К., 1965. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. Вып. 100.
Каргер М.К., 1968. К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске // Славяне и Русь: К 60-летию Б.А. Рыбакова. М.
Каргер М.К., 1972. К истории полоцкого зодчества XII в.: (Руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. М.
Каргер М.К., 1977. Храм-усыпальница в Евфросиньевском монастыре в Полоцке // СА. № 1.
Карский Е.Ф., 1903. Белорусы: в 3 т. Варшава. Т. 1.
Карташев А.В., 1959. Очерки истории русской церкви. Париж.
Карташев А.В., 1996. Церковь. История. Россия: статьи и выступления. М.
Карты военных действий между русскими и поляками в 1579 году // ЖМНП. СПб., 1837. Т. 8.
Каспарова К.В., Мачинский Д.А., Щукин М.Б., 1976. Рец. на кн.: Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии, 1971, 1973, 1974 // СА. № 4.
Квитницкая Е.Д., 1964. Планировка Гродно в XVI-XVIII вв. // Архитектурное наследство. М. Вып. 17.
Кеппен П.И. 1833. О церкви всемилостивого Спаса близ г. Полоцка Витебской губернии // ЖМВД. Т. 7, отд. 5.
Кеппен П.И. 1851. По Водь и Вотская пятина // ЖМНП.
Керцелли Н.Г., 1876. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губернии // ИОЛЕАЭ. Т. 20.
Киркор А.К., 1859. Археологические розыскания А.К. Киркова в Виленской губернии // ИР АО. СПб. Т. 1.
Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1-2 // САИ. Л. Вып. Е1-36.
Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3 // САИ. Л. Вып. Е1-36.
Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. Л. Вып. Е1-36.
Кирпичников А.Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л.
Кирьянов А.В., 1959. История земледелия Новгородской земли X-XV вв. // МИА. № 65.
Кирьянов А.В., 1960. Зерна хлебных растений из раскопок древнего Браслава // КСИА. Вып. 81.
Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси. М.
Кислое М.Н., 1952. Приемы топографической съемки Гнёздовских курганов // КСИИМК. Вып. 47.
Клейн Э.М., Довгялло Д.П., Белоцеркович Н.Е., 1910. Город Борисов // Зап. северо-западного отд. РГО. Вильно. Кн. 1.
Клетнова Е.Н., 1910. Открытие систематических лекций в Смоленске Московским архитектурным институтом // Исторический вестник. СПб. Декабрь.
Клетнова Е.Н., 1912. Исследования и раскопки у станции Меньшиково Вяземского уезда // Смоленские вести. № 172.
Клетнова Е.Н., 1913. Об имеющих быть раскопках членов Московского археологического института // Смоленские вести. № 168.
Клетнова Е.Н., 1914. Раскопки в Гнёздово // Смоленские вести. № 116.
Клетнова Е.Н., 1916. Археологические разведки и раскопки в Вяземском уезде 1912 года // Смоленская старина. Т. 3, вып. 2.
Клетнова Е.Н., 1922. Новые раскопки в Гнёздове // Смоленская новь. № 4.
Клетнова Е.Н., 1925. Великий Гнёздовский могильник // Obzor praehistoricky. Praha. Rож. 4: Niderluv sbornik.
Ключевский В.О., 1916. Курс русской истории. М. Т. 1.
Ключевский В.О., 1918. Добрые люди древней Руси // Ключевскийй В.О. Очерки и речи: второй сборник статей. Пг.
Ключевский В.О., 1988. Древнейшие жития святых как исторический источник. М.
Ковальская К.Т., Пех Г.И., 1962. По следам прошлого // Гродненская правда. 16 окт.
КолединскийЛ.В., 1987. Работы в Слуцке // АО 1985 г. М.
Колединский Л.В., 1988. Раскопки на детинце древнего Слуцка//АО 1988 г. М.
Колединский Л.В., 1991. Верхний замок Витебска в XI-XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск.
Колединский Л.В., 1994. Городище Слуцк в раннем железном веке // ГАЗ. Мінск.
Колединский Л.В., 1995. Віцебскі храм Св. Міхаіла // Весці АН Беларусь Сер. гум. навук. Мінск. № 1.
Кологривов И., 1961. Очерки истории русской святости. Брюссель.
Колосов В.И., 1890. Стерженский и Лопастецкий кресты. Тверь.
Колчин Б.А., 1956.Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. № 55.
Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.
Колчин Б.А., 1963. Дендрохронология Новгорода // МИА. № 117.
Колчин Б.А., 1968. Новгородские древности: деревянные изделия//САИ. М. Вып. Е1-55.
Колчин Б.А., 1972. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
Комеч А.И., 1987. Древнерусское зодчество конца X - начала XII века. М.
Кордт В., 1910. Материалы по истории русской картографии. Киев.
Корзухина Г.Ф., 1950. Из истории древнерусского оружия XI века // СА. М.; Л. Т. 13.
Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX-XIII вв. М.
Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках "корсунского дела" на Руси (по материалам медного литья) // ВВ. Т. 14.
Корзухина Г.Ф., 1962. О некоторых находках в древнем Торопце // КСИА. Вып. 87.
Корзухина Г.Ф., 1964. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. Таллин. Т. 8.
Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. Древнерусские энколпионы: нагрудные реликварии X-XIII вв. СПб.
Корнилович А.О., 1957. Сочинения и письма. М.
Коробушкина Т.Н., 1979. Земледелие на территории Белоруссии в X-XIII вв. Минск.
Коробушкина Т.Н., 1988. Археология Белоруссии. Минск.

Коробушкина Т.Н., 1993. Курганы белорусского Побужья X-XП вв. Минск.
Косвен М.О., 1963. Семейная община и патронимия. М.
Кособрюхов П., 1911. Могильные курганы Холмского уезда Псковской губернии // Тр. Псковского археологич. общ-ва. Псков. Вып. 7.
Кошман В.И., 2001. Изделия с перегородчатой эмалью на территории Белоруссии // ГАЗ. Мінск. № 16.
Коялович М.О., 1887. Поездка в середину Белоруссии // Церковный вестн. СПб. № 3.
Крадин Н.Н., 1988. Русское деревянное зодчество. М.
Краснов Ю., 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы II тыс. до н.э. М.
Красноперое ИМ., 1883. Учреждение Смоленской епископии // Смоленские епарх. вед. № 19.
Красноперое ИМ., 1883. Общинный строй и просвещение в Смоленском княжестве // Мир божий. № 12.
Красноперое ИМ., 1894. Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XVI в. // Историческое обозрение. СПб. Т. 7.
Красноперое ИМ., 1901. Некоторые данные географии Смоленского и Тверского края в XII в. // ЖМНП. Ч. 335.
Краснянский В.Г., 1912. Город Мстиславль. Вильно.
Красовицкий П.М., 1911. Памятники церковной старины в Витебской губернии и их охранение // Полоцко-. Витебская старина. Витебск. Кн. 1.
Красовский М., 1916. Курс истории русской архитектуры. Пг. Ч. 1.
Кром М.М., 1995. Меж Русью и Литвой. М.
Кропоткин В.В., 1957. Крест-складень из Коктебеля // СА. № 2.
Кропоткин В.В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. М. Вып. Е4-4.
Кропоткин В.В., 1971. Новые находки сасанидских куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. 9.
Крылов В., 1862. Исторические записки о селе Оковцах. Тверь.
Крымина ММ., 1977. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // РА. № 3.
Куза А.В., 1961. Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам // Археологический сборник / МГУ; Ист. ф-т; Науч. студ. общ-во. М.
Куза А.В., 1996. Древнерусские города X-XШ вв. М.
Куза А.В., Соловьева Г.Ф., 1972. Языческое святилище в земле радимичей // СА. № 1.
Кузняцоў КВ., 1949. Собалеўскі скарб // Весці АН БССР. Мінск. № 6.
Кулагин А.Н., 1981. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии. Минск.
Кулъчинский И., 1870. Инвентарь гродненского коложского базилианского монастыря, основанного в древние времена со тщанием и в надлежащем порядке, составленный в 1738 году доктором богословия римского, ныне гродненским архимандритом монахом... Игнатием Кульчинским // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильно. Т. 9.
Кусцинский М.Ф., 1883. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 г. // Древности: ТМАО. М. Т 9, вып. 1.
Кухаренко Ю.В., 1957. Раскопки на городище и селище Хотомель: (предварительное сообщение) // КСИИМК. Вып. 68.
Кухаренко Ю.В., 1961. Средневековые памятники Полесья//САИ. Вып. Е1-57.
Кухаренко Ю.В., 1962. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. М. Вып. Д1-29.
Кухаренко Ю.В., 1968. Пинские курганы // Славяне и Русь: (к 60-летию Б.А. Рыбакова). М.
Кучера М.П., 1961. Кераміка древнего Плеснеска // Археологія. Кйі'в. Вып. 12.
Кучкин В.А., 1966. О древнейших смоленских грамотах // ИСССР. № 3.
Кучкин В.А., 1969. Ростово-Суздальская земля в X-XШ вв.: (центры и границы) // ИСССР. № *2.*
Кучкин В.А., 1984а. Межевание 1489 года и вопрос древней новгородско-смоленской границы // Новгородский исторический сборник. Л. Т. 2.
Кучкин В.А., 19846. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М.
Лабутина И.К., 1972. К топографии городских концов Пскова в XV в. // Новое в археологии. М.
Лазарев В.Н., 1954. Живопись и скульптура Новгорода // История русского искусства. М. Т. 2.
Лазарев В.Н., 1978. Византийское и древнерусское искусство. М.
Лебедев Г.С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
Лебедев Г., Жвиташвили Ю., 2000. Дракон Нево: на пути из варяг в греки. СПб.
Левашева В.П., 1966. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X-XШ вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).
Левко О.Н., 1983. Работы в Витебске и округе // АО 1981 г. М.
Левко ОН., 1984. Витебск XIV-XVIII вв. Минск.
Левко О.Н., 1986. Работы на Витебском взгорье // АО 1984 г. М.
Левко О.Н., 1988. Изыскания в Витебской области // АО 1986 г. М.
Левко О.Н., 1989. Торговые связи Витебска в X-XVIII вв. Минск.
Левко О.Н., 1992. Средневековое гончарство Северо-Восточной Белоруссии. Минск.
Левко О.Н., 1993. Средневековая Орша и ее округа. Орша.
Левко О.Н., 1995. Археолёгічныя помнікі Аршаншыны у эпоху сяреднявечча // Аршанскі краезнаўчы зборнік.Орша.
Левко О.Н., 1999. Новое в исторической топографии Витебска // Гісторыя Беларусі: Новое у дасьледаванні і выкладанні. Мінск.
Леукоў Э.А., 1992. Мауклівыя сведкі мінушчыны. Мінск.
Леже, 1908. Славянская мифология. Воронеж.
Леонтьев А.Е., 1996. Археология Мери. М.
Лепахин В.В., 2002. Икона и иконичность. СПб.
Лесючевскийй В.И., 1956. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. Т. 8.
Линдер ИМ., 1975. Шахматы на Руси. М.
Літвінаў У., Макушнікаў А., 1984. Старажытны Гомель // ПГКБ. № 4.
Лихачев Д.С, 1945. Устные летописи в составе Повести временных лет // ИЗ. № 17.
Лихачев Д.С., 1947. Русские летописи. М.; Л.

Лихачев Д.С, 1951. Литература // История культуры древней Руси. М.; Л. Т. 2.
Лихачев Д.С, 1966. Принципы ансамбля в древнерусской эстетике // Культура древней Руси: (к 60-летию и 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина). М.
Лихачев Д.С, 1970. Человек в литературе древней Руси. М.
Лихачев Д.С, 1973. Развитие русской литературы X-XVII вв. Л.
Лихачев Д.С, 1976. Стилеформирующая доминанта древнерусского домонгольского искусства // Средневековая Русь. М.
Лихачев Д.С., 1979. Поэтика древнерусской литературы. М.
Лихачев Д.С., 1984. Заметки о русском. М.
Лихачев Д.С., 1985. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. М.
Лихачев Д.С, 1986. Исследования по древнерусской литературе. Л.
Лихачев Д.С., 1991. Книга беспокойств. М.
Ловмяньский Г., 1972. Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян // Становление раннеславянских государств. Киев.
Логвин Г.Н., 1976. О древнем зодчестве домонгольской Руси // Средневековая Русь. М.
Лорер Н.И., 1988. Записки моего времени // Мемуары декабристов. М.
Лужинский В., 1885. Записки // Православный собеседник. Казань.
Лысенко П.Ф., 1965. К вопросу об исторической топографии древнего Бреста // Материалы IX конференции молодых ученых. Минск.
Лысенко П.Ф., 1966а. К вопросу об исторической топографии древнего Пинска // Вопросы истории и археологии. Минск.
Лысенко П.Ф., 19666. Шиферные пряслица с надписью из Пинска // СА. № 3.
Лысенко П.Ф., 1967. Свинцовые иконки из Турова // СА. №1.
Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.
Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.
Лысенко П.Ф., 1987. Берестье: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
Лысенко П.Ф., 1991. Дреговичи. Минск.
Лысенко П.Ф., 1999. Туровская земля. Минск.
Лысенко П.Ф., 2004. Древний Туров. Минск.
Львов А.С., 1975. Лексика "Повести временных лет". М.
Любавский М.К., 1892. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко врмени издания первого Литовского статута // ЧОИДР. Кн. 4.
Любавский М.К., 1915. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.
Любомиров П.Г., 1923. Торговые связи древней Руси с Востоком в VII-XI вв. // Учен. зап. Саратовского ун-та. Саратов. Т. 10, вып. 3.
Лявданский А.Н., 1924. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских гос. музеев. Смоленск. Вып. 1.
Лявданский А.Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научн. изв. Смоленского гос. ун-та. Т. 3, вып. 3.
Лявданский А.Н., 1932. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщ. ГАИМК. № 7, 8.
Лявданский А.Н., Дмитриев В.В., 1923. Археологические новости // Рабочий путь. № 171.
Ляпушкин И.И., 1958. Городище Новотроицкое // МИА. № 74.
Ляпушкин И.И., 1968а. Новое в изучении Гнёздова // АО 1967 г. М.
Ляпушкин И.И., 19686. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. № 152.
Ляпушкин И.И., 1969. Исследования Гнёздовского поселения // АО 1968 г. М.
Ляпушкин И.И., 1971. Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л.
Ляўданскі А.Н., 1928. Археолёгічныя раскопкі ў Заслаўлі Менскай акругі // Працы I.
Ляўданскі А.Н., 1930а. Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай акрузе // Працы II.
Ляўданскі А.Н., 19306. Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе // Працы II.
Ляўданскі А.Н., 1930в. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе // Працы II.
Ляўданскі А.Н., 1932. Археолёгічныя досьледы ў Смаленйчыне // Прапцы III.
Ляўданскі А.Н., Палікарповіч К.М., 1936. Археолёгічныя досьледы у БССР ў 1933-1934 гг. // Запіскі БАН. Мінск. № 5.
Ляўко О.М., 2000. Новыя археолёгічныя доследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старожытны. Мінск.
Лященко А.И., 1926. "Eymunder Saga" и русские летописи // Изв. АН СССР. № 12.
Мавродин В.В., 1945. Образование Древнерусского государства. Л.
Мавродин В.В., 1971. О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л. (Труды ЛОИИ; Вып. 12).
Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда: из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. М. Вып. Е1-38.
Макарова Т.И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.
Макарова Т.И., 1986. Черневое дело в Древней Руси. М.
Макарова Т.И., 2001. К 80-летию Л.В. Алексеева // РА. № 1,2.
Максимов П.Н., 1951. Особенности деревянного зодчества XV-XVI вв. // История русской архитектуры. М.
Макушников О.А., 1986. Исследования средневекового Гомеля // АО 1985 г.. М.
Макушников О.А., 1991. Первые итоги полевых работ Гомельского областного археологического центра // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель.
Макушнікаў О.А., 1993. Гомель // Археолёгія і нумізматыка Беларусі. Мінск.
Малевская М.В., 1963. Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.) // КСИА. Вып. 96.
Малевская М.В., 1965. О датировке нижнего горизонта Новогрудка // КСИА. Вып. 104.
Малевская М.В., 1966а. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура древней Руси: (к 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина). М.

Малевская МВ., 19666. Раскопки древнего Торопца // АО 1965 г. М.
Малевская М.В., 1967. Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 году // КСИА. Вып. ПО.
Малевская М.В., Постройки древнего Торопца // СА. №4.
Малевская М.В., ФоняковД.И., 1991. Древний Торопец. Торопец. Т. 1,2.
Мальм В.А., 1959. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни Х-ХШ вв. М. Вып. 2. (Тр. ГИМ; Вып. 33)
Мальм В.А., 1963. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников // Ярославское Поволжье. М.
Мальм В.А., Фехнер МВ., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни Х-ХШ вв. М. Вып. 3. (Тр. ГИМ; Вып. 43)
Марзалюк I.A., 1998. Магілёу у XII-XVIII стагоддзях. Мінск.
Марков А.Е., 1910. Топография кладов восточных монет. СПб.
Мартос А., 1990. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск.
Мачинский Д.А., 1966. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. Вып. 107.
Медведев А.Ф., 1959а. К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. № 2.
Медведев А.Ф., 19596. Оружие Новгорода Великого // МИ А. № 65.
Медведев А.Ф., 1960. Древнерусские писала X-XV вв. // СА. № 2.
Медведев А.Ф., 1963. Ближневосточная и золотоордынская обливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. № 17.
Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие: Лук, стрелы, самострел VIII-XIV вв. // САИ. М. Вып. Е1-36.
Медынцева А.А., 1978. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.
Медынцева А.А., 1985. Грамотность женщин на Руси XI-XIII вв. по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. М.
Медынцева А.А., 2000. Грамотность в древней Руси. М.
Мейерберг А., 1874. Путешествие в Московию. М.
Мельников А.А., 1992. Путь непечален: Исторические свидетельства о святости Белой Руси. Минск.
Мельникова Е.А., Седова М.В., Штыхов Г.В., 1983. Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1981 г. М.
Мельниковская О.Н., 1967. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
Мец Н.Д., 1960. Серебреники из села Митьковки // СА. № 1.
Мигулин И.С., 1991. О кресте // Вестник Могилева. №38.
Миллер В.Ф., 1874. Суеверные обряды простонародья Западного края // Киевские губерн. вед. № 23.
Миловидов А.М., 1988. Церковно-археологические памятники города Пинска. Минск.
Минский листок. 1886. № 28, 29.
Миссионер, 1906а. Немножко язычества // Полоцкие епархиальные вед. Витебск. № 10.
Миссионер, 19066. Язычество в епархии // Полоцкие епархиальные вед. Витебск. № 6.
Митрофанов А.Г., 1978. Железный век средней Белоруссии (VI-V вв. до н. э. - VIII н. э.). Минск.
Митрофанов А.Г., 1986. Рец.: Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск, 1983. Минск.
Михайлов ММ., 1913. Памятники русской вещевой палеографии. СПб.
Михайловский Л.А., 1951. Петровский вал // Беларусь. №7.
Молчанова Л.А., 1956. Беларускае сялянскае жыллё феадальнай эпохі // Весці АН БССР. Мінск. № 4.
Монгайт АЛ., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
Монгайт АЛ., 1961. Рязанская земля. М.
Монгайт АЛ., 1963. Возникновение и первые шаги советской археологии // ИСССР. № 4.
Монгайт АЛ., 1966. Фрески Спас-Ефросиниевского монастыря в Полоцке // Культура древней Руси: (к 60-летию Н.Н. Воронина). М.
Монин А.С., Шишков Ю.А., 1979. История климата. Л.
Морель А.К., 1907. История Полоцка и возникновение здания Полоцкого кадетского корпуса. Вильна.
Моця А.П., 1983. Сведения об этническом составе летописного Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне. Минск.
Мошин В., 1947. Русские на Афоне и русско-византийские отношения XI-XII вв. // Byzantinoslavica. Прага. Т. 9, вып. 1.
Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в Х-ХП вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями: Пути сообщения. Рига.
Мурзакевич Н.А., 1804. История губернского города Смоленска. Смоленск.
Мурзакевич Н.Н., 1835. Достопамятности города Смоленска // ЖМНП. Ч. 8, № 12.
Мурзакевич Н.Н., 1837. Об открытии древней гробницы в окрестностях г. Смоленска // Труды и летописи ОИДР. М. Т. 8.
Мурзакевич Н.Н., 1877. Никифор Адрианович Мурзакевич - историк города Смоленска. СПб.
Мухлинский, 1830. Праздники, забавы, предрассудки и суеверные обряды простого народа в Новогрудском повете Литовско-Гродненской губернии // Вестник Европы. № 13.
Мясникова Н.В., 1980. К дендрохронологии Смоленска (по материалам ул. Соболева, раскопа XI) // СА. №2.
Мясоедов В.К., 1925. Фрески Спаса-Нередицы: [Альбом] / Вступ. Н.П. Сычева и В.К. Мясоедова. Л.
Мяцельскі А.А., 1996. О местонахождении центра Заруб Смоленской земли // ГАЗ. № 10.
Мяцельскі А.А., 2001. Фарміраване і тэрыторыяльнае развіцє мстиславускага княства // Матэріалы на археолёгіі Беларусь Мінск. № 3.
Мяцельскі А.А., 2003. Старадаўні Крычаў. Мінск.
Н.Б., 1924. Подземный Витебск // Заря Запада. Витебск. № 254.
Насонов А.Н., 1951. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М.
Насонов А.Н., 1969. История русского летописания XI - начала XVIII, века. М.
Недошивина Н.Г., 1963. Михайловский могильник по материалам Тимиревского, Михайловского и Пет-

ровского могильников // Ярославское Поволжье X-XI вв. М.
Нейман В.И., 1895. Военное зодчество в Прибалтийском крае в средние века // Труды IX АС в Вильне. СПб.
Некрасов А.И., 1924. Великий Новгород и его художественная жизнь. М.
Некрасов А.И., 1936. Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII вв. М.
Некрасов А.И., 1994. Теория архитектуры. М.
Нечаев С, 1878. Нечто из религиозных обрядов и суеверий в Бегомельском приходе Борисовского уезда // Минские епарх. вед. № 7.
Нечто о поверьях белорусцев Полоцкого уезда // Вестник Западной России. 1865. № 6.
Никитенко А.В., 1955. Дневник. М. Т. 1.
Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI-XVII вв. // САИ. М. Вып. Е1-34.
Никитин П., 1848. История города Смоленска. М.
Никитин Ф., Неверович В., 1858. Историко-статистическое описание города Рославля и уезда его // Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год. Смоленск.
Никитина В.В., 1965. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // СА. № 1.
Никифоровский Н., 1896. Простонародные приметы и поверья // Витебские губерн. вед. № 36, 42-51, 77-87, 89-103.
Никифоровский Н.Я., 1897. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск.
Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI-XV вв. // САИ. М. Вып. Е1-60.
Никольский Н.М., 1983. История русской церкви. М.
Никольская Т.Н., 1953. Городище у д. Свинухово // КСИИМК. Вып. 49.
Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.
Никольская Т.Н., 1987. Городище Слободка ХП-ХШ вв. М.
Новокамский П.И., 1836. Книга о посольстве // Библиотека иностранных писателей о России. М. Т. 1.
Новосельцев и др., 1965. *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М.
Носов Е.Н., 1976. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII-X вв. // ВИД. Л. Т. 8.
Носов Е.Н., 1984. Археологические памятники Новгородской земли VIII-X вв. // Археологические исследования Новгородской земли. Л.
Носов Е.Н., 1985. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога: новые открытия и исследования. Л.
Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
О Церкви Всемилостивейшего Спаса близ Полоцка Витебской губернии // ЖМВД. 1833. Т. 8, отд. 5.
Обязательное постановление Смоленского губисполкома // Рабочий путь. Смоленск, 1923. № 220.
Оглоблин Н., 1880. Объяснительная записка к карте Полоцкого повета // Сборник Археологического общества. СПб. Кн. 4.
Один из многих, 1891. Село Волочёк Дорогобужеского уезда // Смоленский вестн. № 76.
Описание поездки в Пинск // Минская старина. Минск, 1911. №2.
Орлов А.С, 1946. Владимир Мономах. М.; Л.
Орлов С.Н., 1960. Археологические исследования в низовьях р. Меты // СА. № 3.
Орлов С.Н., 1962. Писало и дощечка для письма из Новгорода // СА. № 2.
Орлов С.Н., 1968. О раннеславянском групповом могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге // СА. №1.
Орловский ИМ., 1902. Смоленская стена. Смоленск.
Орловский И.И., 1903. Священник [Н.А.] Мурзакевич, обвиняемый в измене в 1812 году // Русская старина. СПб., Вып. 5.
Орловский И.И., 1906. Достопамятности Смоленска. Смоленск.
Орловский И.И., 1907. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск.
Орловский И.И., 1909. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смедыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Смоленск.
От археологического общества // Смоленская Новь. 1922. № 5.
Отклики и заметки // Рабочий путь. Смоленск, 1927. № 166.
От редакции // Смоленская Новь. 1922. № 1.
Отчет Императорской археологической комиссии за 1907 год. СПб., 1910.
Отчет СУАК во второй год существования (1909-1910). Смоленск, 1912.
Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970. Т. 1.
Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972. Т.2.
Оятева Е.И., 1962. Обувь и другие кожаные изделия из древнего Пскова // АСГЭ. Л. Вып. 4.
Павлинов А.И., 1895. Древние храмы Витебска и Полоцка // Труды IX АС. М. Т. 1.
Павлова К.В., 1965. Раскопки могильника близ Новогрудка // КСИА. Вып. 104.
Павлова К.В., 1967. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка // КСИА. Вып. ПО.
Паломник Даниила Мниха. СПб., 1891.
Памяти Александра Николаевича Лявданского // СА. 1964. № 1.
Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. Л., 1936.
Памятники старины // Рабочий путь. Смоленск, 1927.
Паничева Л.Г., 1980. Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV-XVII вв. // КСИА. Вып. 160.
Паничева Л.Г., 1981. Изразцы и изразцовые печи позднего средневековья Полоцка // СА. № 3.
Панова Т.Д., 1983. Памятники Московского кремля в Лицевом своде XVI в. // СА. № 4.
Пашуто В.Т., 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.
Пашуто В.Т., 1959. Образование Литовского государства. М.
Пашуто В.Т., 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.
Перхавко В.Б., 1986. Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре Днепра и Немана // КСИА. Вып. 187.
Петрухин В.Я., 1998. Большие курганы Руси и Северной Европы: К проблеме этнокультурных связей в

раннесредневековый период // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.
Петру хин В.Я., Пушкина Т.А., 1979. К предыстории древнего города // ВИ. № 4.
Пех Г.И., 1963. Раскопки в Волковыске в 1958 // СА. № 1.
Пех Г.И., 1966. Раскопки древнего Слонима // Древности Белоруссии. Минск.
Писарев СП., 1882. О городках и курганах Смоленской губернии // Смоленский вестн. № 52.
Писарев СП., 1887. Пожертвования в Смоленский музей // Смоленский вестн. № 153.
Писарев СП., 1891. От историко-археологического музея // Смоленский вестн. № 82.
Писарев СП., 1894. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск.
Писарев СП., 1898. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск.
Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.
Плоткин КМ., 1974. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской обл. // КСИА. Вып. 139.
Плющенников С.А., 1952. Акклиматизация уссурийского енота и расселение выхухоли и бобра в Смоленской области // МИСО. Вып. 1.
Пляшкевич Б., Чулков С, 1888. Историко-статистическое описание прихода с. Волочёк Дорогобужского уезда // Смоленске епарх. вед. № 23.
Побойнин И., 1897. Торопецкая старина // ЧОИДР. Кн. 1.
Поболъ Л.Д., 1960. Древнерусский меч из Полоцка // Весцi АН БССР. Минск. Вып. 1.
Поболъ Л.Д., 1970. Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск.
Поболъ Л.Д., 1971. Славянские древности Белоруссии: (Ранний этап зарубинецкой культуры). Минск.
Поболъ Л.Д., 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск. Т. 1: Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры.
Поболъ Л.Д., 1974. Славянские древности Белоруссии. Минск. Т. 2: Свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с середины III в. до н. э. по II в. н. э.
Поболъ Л.Д., 1983. Археологические памятники Белоруссии: Железный век. Минск.
Поболъ Л.Д., 1988. Новые данные о древнем Менске (Минске) // Древности славян и Руси: К 80-летию Б.А. Рыбакова. М.
Поболъ Л.Д. и др., 1986. Раскопки в Минске // АО 1984 г. М.
Погодин М.П., 1838. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. М. Т. 2.
Погодин М.П., 1871. Древняя русская история до монгольского ига. М. Т. 3.
Подземный Витебск // Заря Запада. Витебск, 1924.
Пожаров Г.И., 1910. Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев.
Познякоў В.С., 1993. Клецк // Археолёгiя i нумiзматыка Беларусi. Мiнск.
Покровская Л.В., 1978. Народы Франции // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: конец XIX - начало XX в.: Летне-осенние праздники. М.
Покровский В., 1908. Религия нашего простого народа // Полоцкие епарх. вед. Витебск. № 44.
Покрышкин П.П., 1904. Смоленская крепостная стена // ИАК. СПб. Вып. 12.
Покрышкин П., 1916. Краткие советы по вопросу ремонта предметов старины и искусства // Смоленские епарх. вед. № 7.
Полесский-Щепилло М.П., 1870. Раскопки развалин древнего храма св. великой Екатерины в восточном предместье г. Смоленска // ПКСГ на 1870 год. Смоленск.
Полоцк: Исторический очерк. Минск, 1962.
Полубояринова М.Д., 1963а. Раскопки древнего Турова // КСИА. Вып. 96.
Полубояринова М.Д., 19636. Стеклянная посуда древнего Турова // СА. № 4.
Полубояринова М.Д., 1963в. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. № 117.
Попов П.П., 1940. Памятники литературы стригольников // ИЗ. № 7.
Поппэ А.В., 1966. Учредительная грамота Смоленской епископии // АЕ за 1965 г. М.
Поппэ А.В., 191 А. К изучению древнерусской верви: (тезисы) // Польша и Русь. М.
Поеное М.Э., 1964. История христианской церкви (до раздела церквей - 1054 г.). Брюссель.
Потин В.М., 1970. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. Л. (Тр. ЛОИИ; Вып. 11)
Правдин В., 1927. Интересная находка // Рабочий путь. Смоленск. № 140.
Православный палестинский сборник. СПб., 1887.
Пресняков А.Е., 1909. Княжое право Древней Руси. СПб.
Приселков М.Д., 1940. Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. науки. Вып. 7.
Пушкин А.С., 1949. Полное собрание сочинений. М.; Л. Т. 6.
Пушкина Т.А., 1974. Гнёздовское поселение в истории Смоленского поднепровья (IX-XI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Пушкина Т.А., 1981. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения // СА. № 3.
Пушкина Т.А., 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского поднепровья: (к истории древнерусского города // Смоленск и Гнёздово. М.
Пушкина Т.А., 1998. Первые гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: традиции и перспективы. М.
Пушкина Т.А., Розанова Л.С, 1992. Кузнечные изделия из Гнёздова // РА. № 2.
Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12.
Рабинович М.Г., 1978. Очерки истории русского феодального города. М.
Рабцэвiч В.Н., Стуканаў А.А., 1973. Манеты Арабскага халiфата на тэрыторыi Беларусь // ПГКБ. № 4.
Равдина Т.В., 1957. Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. Вып. 70.
Равдина ТВ., 1963. Поливные керамические плитки из Пинска // КСИА. Вып. 96.
Равдина Т.В., 1966. Раскопки в Пинске // СА. № 1.
Равдина ТВ., 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М.

Равдоникас В.И., 1949. Старая Ладога // СА. М.; Л. Т. 11.
Ракочевский С.С., 1878. Исторические сведения о Рославле // Смоленские вести. № 30.
Ракочевский С.С, 1880. Опыт собирания исторических записок о Рославле // ИРАО. Т. 9.
Ракочевский С.С, 1885. Опыт собрания исторический записок о Рославле. Смоленск.
Рапов О.М., 1977. Княжеские владения на Руси в Х-ХШ вв. М.
Рапов ОМ., 1988. Русская церковь в IX - первой трети XII в.: Принятие христианства. М.
Раппопорт П.А., 1952. Волынские башни // МИА. № 31.
Раппопорт П.А., 1956а. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 62.
Раппопорт П.А., 19566. Очерки по истории русского военного зодчества Х-ХШ вв. // МИА. № 52.
Раппопорт П.А., 1959. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси // СА. № 1.
Раппопорт П.А., 1960. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества // СА. № 2.
Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. // МИА. № 105.
Раппопорт П.А., 1962. Археологические исследования памятников русского зодчества Х-ХШ вв. // СА. № 2.
Раппопорт П.А., 1963. Раскопки в Волковыске в 1959 г. //СА. № 1.
Раппопорт П.А., 1967. Военное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. // МИА. № 40.
Раппопорт П.А., 1972. "Латинская церковь" в древнем Смоленске // Новое в археологии. М.
Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище // САИ. Л. Вып. Е1-32.
Раппопорт П.А., 1976. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // СА. № 2.
Раппопорт П.А., 1977. Русская архитектура на рубеже ХП-ХШ веков // Древнерусское искусство: Проблемы атрибуции. М.
Раппопорт П.А., 1980. Полоцкое зодчество XII века // СА. № 3.
Раппопорт П.А., 1982. Русская архитектура Х-ХШ вв.: Каталог памятников // САИ. Л. Вып. Е1-47.
Раппопорт П.А., 1985. Строительные артели древней Руси и их заказчики // СА. № 4.
Раппопорт П.А., 1987. Церковь Благовещения в Витебске // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1985 г. М.
Раппопорт П.А., 1994. Строительное производство древней Руси Х-ХШ вв. СПб.
Раппопорт П.А., Шолохова Е.В., 1975. Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске // КСИА. Вып. 144.
Раппопорт П.А., Шолохова Е.В., 1976. Раскопки в Рославле. //АО 1975 г. М.
Раппопорт П.А., Штендер Г.М., 1980. Спасская церковь Евфросиньевского монастыря в Полоцке // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1979 г. Л.
Ратич О.О., 1959. Древньоруськи вироби з кості і рогу знайдені на террйторіі ГалицькоТ і' Волінськоі' земель // Матеріалй і дослидження з археологіі Прикарпаття і Волйні. Кйів. Вып. 2.
Рачинский С.А., 1902. Школьный поход в Нилову пустынь. СПб.
Редкое Н.Н., 1909. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом // Смоленская старина. Вып. 1, ч. 1.
Риер Я.Г., 1977. Исследования у г. Чаусы Могилевской области // АО 1977 г. М.
Риер Я.Г., 1978. Исследования у г. Чаусы // АО 1978 г. М.
Риер Я.Г., 1980. Изучение феодальной деревни в Могилевском Поднепровье // АО 1979 г. М.
Риер Я.Г., 1981. Феодальное поместье в Могилевском Поднепровье // Вопросы истории. Минск.
Риер Я.Г., 1982. Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье // СА. № 4.
Робинсон А.Н., 1980. Литература древней Руси в литературном процессе средневековья XI-XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М.
Ровинский К., 1890. Письмо в редакцию // Смоленский вестник. № 149.
Рогов А.И., 1966. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его хроника). М.
Родословная потомков князя Рюрика, князей Друцких-Горских... сост. из исторических преданий авторов польских, немецких и российских и из законных документов по настоящее время. СПб., 1821.
Рождественская Т.С., 1992. Древнерусские надписи на стенах храма: новые источники XI-XV вв. СПб.
Розенфельдт РЛ., 1968. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. // САИ. М. Вып. Е1-39.
Розенфельдт РЛ., 1969. Белорусские изразцы // Древности Восточной Европы: К 70-летию А.П. Смирнова. М.
Романов Б.А., 1948. Деньги и денежное обращение // История культуры древней Руси. М.; Л.
Романов Е.Р., 1881. Два клада из древнего Лукомля // ИАК. СПб. Вып. 6, прибавл.
Романов Е.Р., 1890. О курганных раскопках в Сенненском уезде Могилевской губернии. // ИОЛЕАЭ. М. Т. 49, вып. 5.
Романов Е.Р., 1898. Очерки Витебской губернии. Витебск.
Романов Е.Р., 1909. Еще два клада из древнего Лукомля // ИАК. СПб. Вып. 6, добавл. (Перепечатка из Могилевских губ. вед. № 38.)
Романов Е.Р., 1912. Белорусский сборник. Вильна. Т. 8-9.
Россия: Полное географическое описание / под ред. В.П. Семенова-Тяныпаньского. СПб., 1905. Т. 9.
Рукавишников А.В., 1999. Об организации власти в Полоцке в конце XII - середине XIII в. // ВИ. № 3.
Рулье К., 1845. О животных Московской губернии. М.
Румянцев В.Е., 1881. Почему с половины XVII в. воспрещалось строить церкви с высокими шатровыми покрытиями // Древности: ТМАО. М. Т. 9, вып 1.
Русанова И.П., 1958. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. на территории древлян // СА. № 4.
Русанова И.П., 1973. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. Вып. Е1-25.
Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984. Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой области // КСИА. № 179.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.
Русская историческая библиотека, СПб., 1910.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // МИА. № 11.
Рыбаков Б.А., 1950. Уличи: (Историко-географические заметки) // КСИИМК. Вып. 35.
Рыбаков Б.А., 1951. Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси. М.; Л. Т. 2.
Рыбаков Б.А., 1958. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. М. Т. 2.
Рыбаков Б.А., 1963а. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.
Рыбаков Б.А., 19636. Татарская кириллическая надпись из Полоцка // СА. № 4.
Рыбаков Б.А., 1964а. Любеч - феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. Вып. 99.
Рыбаков Б.А., 19646. Русские датированные надписи XI-XIV вв. // САИ. Вып. Е.1-44.
Рыбаков Б.А., 1964в. Смоленская надпись XIII в. о "врагах игуменах" // СА. № 2.
Рыбаков Б.А., 1969. Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1968 г. М.
Рыбаков Б.А., 1971. "Слово о полку Игореве" и его современники. М.
Рыбаков Б.А., 1972а. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игорове". М.
■ *Рыбаков Б.А.,* 19726. Смерды // ИССCР. №1,2.
Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
Рыбаков Б.А., 1982. Киевская Русь и русские княжества. М.
Рыбаков Б.А., 1987. Язычество древней Руси. М.
Рыбаков Б.А., 1991. Петр Бориславич: (поиски автора "Слова о полку Игореве"). М.
Рыбаков Б.А., 1993. Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М.
Рыбакоў Б.А., 1932. Радзімічы // Працы III.
Рыбакоў Б.А., Аляксееў Л.В., 1971. Калі быў заснованы Віцебск? // ПГКБ. № 2.
Рыбина Е.А., 1971. Из истории южного импорта в Новгород // СА. № 1.
Рывкин М.С., 1961. Из опыта внеклассной краеведческой работы по истории Витебска. М.
Рыдзевская Е.А., 1934. К варяжскому вопросу // Изв. АН СССР. Сер. 7, отд. обществ, наук. Л. № 7.
Рыер Я.Р., 1978. Помнікі феадальнай вёскі // ПГКБ. №3.
Рыер Я.Р., 1990. Развіцце сярэдневяковай вёскі на Беларусі і у суседніх землях. Магілеў.
Рябков Г.Т., 1957. Города Смоленской губернии в последней четверти XVIII-XIX вв. // МИСО. Вып. 2.
Рябцевич В.Н., 1998. Дирхемы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX-X вв.) // Славяне и их соседи: (К 70-летию Э.М. Загорульского). Минск.
Рябцевич В.Н., 2000. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X - начала XIV в. // ГАЗ. № 15.
Савва, 1902. Савва, архиепископ Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни. Троицко-Сергиевская лавра. Т. 4.
Савельев А.И., 1884. Опыт собрания исторических записок о городе Рославле С. Ракочевского // ИР АО. Т. 10, вып. 2.
Савельев Ю.Р., 1992. Заказ в архитектуре средневековой Руси XI-XV вв. СПб.
Савін Н.І., 1930. Раскопкі курганоў ў Дарагабужскім і Ульнйнскім паветах Смаленскай губерніі // Працы II.
Саганович Г.М., 1993. Лоск // Археолёгія і нумізматыка Беларусі. Мінск.
Самоквасов Д.Я., 1916. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археолёгического съезда (раскопки 1908 г.). М.
Самоквасов Д.Я., 19'17. Могильные древности Северянской Черниговщины. М.
Санковский А., 1911. О деятельности Смоленского церковно-археологического комитета в прошлом // Смоленские епарх. вед. № 7.
Сапожников Н.В., 1979. Раскопки городского вала в Смоленске // АО 1978 г. М.
Сапожников Н.В., 1980. "Литовский вал" в Смоленске // КСИА. Вып. 160.
Сапожников Н.В., 1981. О разведке на территории Смоленска // АО 1980 г. М.
Сапожников Н.В., 1983. Историческая топография древнего Смоленска: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Сапожников Н.В., 1985. Раскопки на Соборной горе в Смоленске. // АО 1984 г. М.
Сапожников Н.В., 1991. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596-1602 гг.) // Смоленск и Гнёздово. М.
Сапунов А.П., 1883. Витебская старина. Витебск. Т. 1.
Сапунов А.П., 1885. Витебская старина. Витебск. Т. 4.
Сапунов А.П., 1886. Церковь Бориса и Глеба в Полоцке. Витебск.
Сапунов А.П., 1888а. Витебская старина. Витебск. Т. 5.
Сапунов А.П., 18886. Житие Евфросинии Полоцкой. Витебск.
Сапунов А.П., 1888в. Полоцкий Спасо-Евфросиньевский девичий монастырь. Витебск.
Сапунов А.П., 1893. Река Западная Двина. Витебск.
Сапунов А.П., 1898. Архив Полоцкой духовной консистории. М.
Сапунов А.П., 1910. "Чертеж" города Витебска 1664 года // Тр. Витебской губерн. учен, архивной комиссии. Витебск. Кн. 1.
Сапунов А.П., 1911. Исторический очерк Витебской Белоруссии // Полоцко-Витебская старина. Витебск. Кн. 1.
Сахарова И.Г., 1957. О технике настила майоликовых полов // КСИА. Вып. 68.
Свердлов М.Б., 2003. Домонгольская Русь. СПб.
Свиньин П., 1826. Взгляд на достопримечательные здания в городе Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии // Отечественные записки. Сент.
Свяпгский, 1915. Астрономические вечера. СПб.
Святыня города Полоцка: церковь святого Спаса и крест преподобной Евфросинии // ЖМНП. 1841. Вып. 7.
Севергин В., 1804. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802-1803 годы. СПб.
Северная почта. 1818. № 89.
Сегюр, 1911. Поход на Москву 1812 года. М.

*Седов В.*В., 1953. Древнерусское язычество на Перыни // КСИИМК. Вып. 50.
Седов В.В., 1954. Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.) // КСИА. Вып.53.
Седов В.В., 1957. Археологические разведки древнерусской деревни Смоленской области // КСИИМК. Вып. 68.
Седов ВВ., 1960а. Кривичи // СА. № 1.
Седов В.В., 19606. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.) // МИА. №92.
Седов В.В., 1961. К исторической географии Смоленской земли // МИСО. Вып. 4.
Седов В.В., 1962а. Некоторые вопросы географии Смоленской земли // КСИА. Вып. 90.
Седов В.В., 19626. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. Вып. 87.
Седов В.В., 1970. Славяне древнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163.
Седов В.В., 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. М. Вып. Е1-8.
Седов В.В., 1975. Смоленская земля // Древнерусские княжества Х-ХШ вв. М.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.
Седов В.В., 1994. Славяне в древности. М.
Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
Седов В.В., 1999а. Древнерусская народность. М.
Седов В.В., 19996. У истоков восточнославянской государственности. М.
Седов В.В., 2001. Предыстория белорусов // КСИА. Вып. 211.
Седов В.В., 2002. Изборск - протогород. М.
Седова М.В., 1964. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.
Селицкий А.А., 1992. Живопись Полоцкой земли XI-XII вв. Минск.
Семевский М.И., 1894. Торопец - уездный город Псковской губернии 1016-1864. СПб.
Сементовский А.М., 1862. Описание Витебской губернии в лесном отношении // Тр. ВЭО. Т. 3.
Сементовский А.М., 1867. Памятники старины Витебской губернии. СПб.
Сементовский А.М., 1878. Полоцк // ПКВГ на 1877 г. Витебск.
Сементовский А.М., 1890. Белорусские древности. СПб.
Семянчук А., 1995. Мацей Стрыйковскій у векікім княжестве літовском // Спадчна. Менск. № 1.
Семянчук Г.М., 1993. Браслаў // Археолёгія і нумізматыка Беларусі. Мінск.
Семянчук Г.М., 1997. Гарадзітча "Замкова Гара" у Браславе // Гісторыя Беларусі: Жалезны век середня вечча (к 70-летя Г.В. Штыхава). Мінск.
Семянчук Г.М., Шыдловскі К.С., 1994. Замкава гара у Браславе. Мінск.
Сербаў А., 1927. Архэолёгічныя раскопкі ў аколіцах Менску ў 1925 г. // ГАЗ. Менск.
Сергачев С.А., 1984. Деревянная археология Белоруссии. Минск.
Сергачоў С.А., 1981. Драўляныя званіцы // ПГКБ. № 4.
Сергеева З.М., 1969. Курганы у д. Баринова вблизи древнерусского Друцка (БССР) // КСИА. Вып. 120.
Сергеева З.М., 1972. Раскопки курганов в Толочинском районе (БССР) // КСИА. Вып. 129.
Сергеева З.М., 1977. О подковообразных фибулах на территории Древней Руси с утолщенными концами // КСИА. Вып. 150.
Сергеевич В.И., 1867. Вече и князь. СПб.
Сергий, иеромонах, 1864. Жизнеописание преподобной Евфросинии, княжны полоцкой // Памятная книга Витебска на 1864 г. Витебск.
Сизов В.И., 1887. Раскопки в Смоленской губернии // Древности: ТМАО. Т. 9, вып. 3.
Сизов В.И., 1894. Раскопки в Смоленской губернии // Древности: ТМАО. Т. 15, вып. 2.
Сизов В.И., 1902а. Длинные курганы Смоленской губернии // Тр. XI АС. Т. 2.
Сизов В.И., 19026. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. № 28. СПб.
Следы почитания змей в Белоруссии // Ковинские губ. вед. 1893. № 89.
Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975. Т. 1.
Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.
Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55.
Смоленский вестник. 1889. № 204, 205.
Снитко, 1911. Описание поездки в Пинск // Минская старина. Т. 2.
Соболев П.В., 1946. Фольклор Смоленского края. Смоленск.
Соколов Б., 1923. Эпические сказания о женитьбе Владимира // УЗГСУ. Саратов. Вып. 3.
Соколова В.К., 1979. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX - начало XX в.). М.
Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000.
Соловьев А.В., 1940. Белая и черная Русь // Русское археологическое общество в Королевской Югославии. Белград.
Соловьев А.В., 1948. Политический кругозор автора "Слова о полку Игореве" // ИЗ. Т. 25.
Соловьева Г.Ф., 1956. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // СА. Т. 25.
Соловьева Г.Ф., 1962. Древности железного века в междуречье Днепра и Десны. Вып. 2: Погребальные обряды // САИ. Вып. Д1-12.
Соловьева Г.Ф., 1967. Славянские курганы близ с. Демьянки // СА. № 1.
Соловьева Г.Ф., 1968. К вопросу о приходе радимичей на Русь // Славяне и Русь: (к 60-летию Б.А. Рыбакова). М.
Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1868. Т. 15: Смоленская губерния.
Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906.
Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910.
Спицин А.А., 1899. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении: Гродненская губерния // ЗРАО. Т. XI, вып. 1, 2, новая серия. СПб.

Спицин А.А., 1903. Сведения 1873 года о городищах и курганах // ИАК. Вып.5.
Спицин А.А., 1905. Гнёздовские курганы в раскопках СИ. Сергеева // ИАК. Вып. 15.
Спицин А.А., 1917. Русская историческая география. Пг.
Срезневский И.И., 1880. Древние памятники письма и языка XI-XIV вв.. СПб.
Срезневский И.И., 1893. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. Т. 1.
Срезневский И.И., 1903. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. Т. 3.
Станкевич Я.В., 1951. Классификации керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. Т. 15.
Станкевич Я.В., 1959. Предварительные итоги исследований 1956 года в Великолукской области // КСИИМК. Вып. 77.
Станкевич Я.В., 1960. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н.э. // МИА. Вып. 76.
Стоклицкая-Терешкович В.В., 1960. Основные проблемы истории средневекового города X-XV вв. М.
Стрижова Н.Б., 1991. Московский археологический институт по материалам отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М.
Струве Н.А., 1992. Православие и культура. М.
Стубав А.Я., 1963. Археологические раскопки 1962 года в Кокнесе в 1962 г. // Тез. докл. на научн. отчетн. сессии, посвящ. итогам археологических и этнических экспедиций 1962 г. Рига.
Смоленская ученая архивная комиссия просит ответить на предлагаемые вопросы для составления археологической карты. Смоленск, 1914.
Сумникова Т.А., 1973. "Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском" и о церкви // Восточнославянские языки: Источники их изучения. М.
Супінскі А.К., 1925. Могільнік каля вёскі Лятох Віцебскага раёну і акругі // Віцебшчына. Віцебск. Т. 1.
Тараканова С.А., 1956. Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62.
Таранович В.П., 1946. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА. Т. 8.
Тарасаў С.В., 1992. Новае у археолёгіі Полацка // Полоцкий летописец. Полоцк.
Тарасаў СВ., 1998. Полацк IX-XVII стст. Мінск.
Тарасенко В.Р., 1952. Раскопки Минского замчища в 1950 году // КСИИМК. Вып. 44.
Тарасенко В.Р., 1955. Гродно - древний русский город: [рец. на кн.: Воронин Н.Н. Древнее Гродно: По материалам археологических раскопок 1932-1949 гг. М., 1954. (МИА; № 41)] // Коммунист Белоруссии. № 7.
Тарасенко В.Р., 1957а. Древний Минск: (По письменным источникам и данным археологических раскопок 1945-1951 гг.) // Материалы по археологии БССР. Минск. Т. 1.
Тарасенко В.Р., 19576. Раскопки городища "Шведская Гора" в Волковыске в 1954 г. // Материалы по археологии БССР. Минск. Т. 1.
Тарасов СВ., 1988. Раскопки в Полоцке // АО 1986 г.. М.
Татищев В.Н., 1962. История Российская. М.; Л. Т. 1.
Татищев В.Н., 1963. История Российская, М.; Л. Т. 2
Татищев В.Н., 1964. История Российская, М.; Л. Т. 3, 4.
Татур Г.Х., 1892. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Минск.
Тацит Корнелий, 1964. Соч. в двух томах, Л. Т. 1.
Терещатова О.И., Ходыко Ю.В., 1985. Ранние фресковые росписи на территории Белоруссии (XI-XII вв.) // Славянские культуры и мировой культурный процесс: Материалы международной конференции Юнеско. Минск.
Тетрадь, 1856. Тетрадь: В ней описаны рубежи г. Полоцку и Полоцкому повету / Доставил С. Савельев // ВОИДР. 1856. Кн. 224, отд. 2.
Тимофеев ЕМ., 1961. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X-ХШ вв. // СА. № 3.
Тимощук Б.А., 1967. Северная Буковина XI-XIV вв. по археологическим данным: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Черновцы.
Тимощук Б.А., 1990. Восточнославянская община VI-X вв. н.э. М.
Тимощук Б.А., 1995. Восточные славяне от общины к городам. М.
Тихомиров ММ., 1952. "Список русских городов дальних и ближних" // ИЗ. Т. 40.
Тихомиров ММ., 1953. Пособие для изучения "Русской Правды". М.
Тихомиров ММ., 1956. Древнерусские города. М.
Тихомиров ММ., 1968. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.
Ткачев М.А., 1969. Прорезка вала городища на реке Менке // Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск.
Ткачев М.А., 1976. Работы в белорусском Посожье // АО 1975 г. М.
Ткачев М.А., 1977. Работы посожского отряда // АО 1976 г. М.
Ткачев М.А., 1987. Замки Белоруссии. Минск.
Ткачоў М.А., 1977. Замкі Беларусі (XIII-XIV стст.). Мінск.
Ткачоў М.А., 1978. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XII-XVIII стст. Мінск.
Ткачоў М.А., 1993а. Клецкія абарончыя збудаванні // Археолёгія і нумізматыка Беларусі. Мінск.
Ткачоў М.А., 19936. Прапойскі замак // Археолёгія і нумізматыка Беларусі. Мінск.
Ткачоў М.А., Трусаў А, 1992. Старажытны Мстіслаў. Мінск.
Ткачоў М.А., Трусаў А.А., Краўцэвіч А.К., 1993. Гродна // Археолёгія і нумізматыка Беларусі. Мінск.
Токмаков И., 1889. Историческое и археологическое описание церкви с. Оковец Осташевского уезда Тверской губернии. М.
Толочко П.П., 1989. О торгово-ремесленном пути становления древнерусских городов // История и культура древнерусского города. М.
Толстой ИМ., 1888. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. Ноая сер. Т. 3, вып. 3/4.
Толстой ИМ., Кондаков Н.П., 1897. Русские древности в памятниках искусства. СПб. Вып. 5.
Топографические известия, служащие для полного описания Российской империи. СПб., 1871. Т. 1, ч 1.
Топоров ИМ., 1995. Святость и святые в русской духовной культуре. М. Т. 1.
Третьяков П.Н., 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. М. Т. 4.

Третьяков П.Н., 1941. Северные восточнославянские племена // МИА. № 6.
Третьяков П.Н., 1952. Древлянские "грады" // Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия. М.
Третьяков П.Н., 1958. Городища-святилища Левобережной Смоленщины // СА. № 4.
Третъяков П.Н., 1962. Средневековые замчища Смоленщины // Историко-археологический сборник (в честь 60-летия А.В. Арциховского). М.
Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.
Третьяков П.Н., 1974. Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тыс. н. э. // СА. № 2.
Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.
Трубачев О.Н., 1959. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.
Трубачев О.Н., 1992. В поисках единства. М.
Трубницкие А., М., 1887.. Хроника Белорусского города Могилева. М.
Труды Минского статкомитета. Минск, 1870.
Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1.//МИА. 1956. №5.
Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. // МИА. 1959. № 65.
Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3.//МИА. 1963. № 117.
Трусаў А.А., 1990. Старонкі мураванай кнігі. Мінск.
Трусаў А.А., 1993. Мазырская каменярэзная майстэрня // Археолёгія і нумізматыка Беларусь Мінск.
Трусаў А.А., 1995. Вяртанне да нашчадкаў // Гісторычны альманах. Мінск. Вып. 1.
Трусаў А.А., Соболь В.Е., Здановіч Н.І., 1993. Стары замак у Гродне XI-XVIII стст. // Псторычна-археолёгічны нарыс. Мінск.
Трусов А.А., 1986. Белорусская черепица XIV-XVIII вв. // СА. № 3.
Трусов О.А., 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI-XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Минск.
Турчинович О., 1857. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб.
Уваров А.С, 1876. Об архитектуре первых деревянных церквей Руси // Тр. II АС. Вып. 1, отд. 4.
Указатель памятников Российского Исторического музея. М., 1893.
Улащик Н.Н., 1985. Введение к изучению белорусско-литовского летописания. М.
Урьева А.Ф., 1991. Стратиграфия и хронология раскопа УС-V в Смоленске // Смоленск и Гнёздово. М.
Успенская А.В., 1953. Курганы южной Белоруссии X-XШ вв. // Тр. ГИМ. М. Вып. 22.
Успенская А.В., 1964. Древнерусское поселение Беницы // Ежегодник ГИМ. 1962 г. М.
Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории деревни X-XШ вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 43).
Успенская А.В., Фехнер М.В., 1956. Поселения древней Руси. // Очерки по истории русской деревни X-XШ вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 32).
Фасмер М., 1971. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 3.
Фасмер М., 1973. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 4.
Федотов Г.П., 1998. Национальное и вселенское // Собр. соч. в 12 т. М. Т. 2.
Федотов Т.П., 2000. Святые русской земли // Собр. соч. в 12 т. М. Т. 7.
Федотов Г.П., 2001. Русское религиозное сознание: христианство Киевской Руси X-XШ вв. // Собр. соч. в 12 т. М. Т. 10.
Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни. М. (Тр. ГИМ; Вып. 33).
Фехнер М.В., 1982. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня // СА. № 4.
Филарет, митрополит, 1888. История русской церкви. М.
Филатов В.В., 1986. О фресках XII в. Спасского собора в Полоцке // Русское искусство XI-XIII вв. М.
Флоря Б.Н., 1978. Русско-польские отношения и политическое развитие в Европе во второй половине XVI-XVII вв. М.
Флоря Б.Н., 1995. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // ОИ. № 5.
Фоняков Д.И., 1991. Цветной металл Торопца: (типология и технология) // РА. № 4.
Франчук В.Ю., 1988. Языческие мотивы древнерусского летописания // Древности славян и Руси: (К 80-летию академика Б.А. Рыбакова). М.
Фрейд 3. Введение в психоанализ: Лекции. М.
Фроянов М.Я., 1974. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л.
Фроянов М.Я., 1999. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.
Фурсов М.В., Чоловский С.Ю., 1892. Дневник курганных раскопок, произведенных по поручению г. начальника Могилевской губернии Александра Станиславовича Дембовецкого в течение лета 1892 г. в уездах Рогачевском, Быковском, Климовичском, Черниковском и Мстиславском. Могилев.
Хавлюк П.И., 1974. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
Ханенко Б.И., В.Н., 1899. Древнерусские кресты и образки. Киев. Вып. 1.
Ханенко Б.И., В.Н., 1900. Древнерусские кресты и образки. Киев. Вып. 2.
Хлебникова Т.А., 1956. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. Вып. 62.
Ходаковский 3., 1837. Пути сообщения древней Руси // РИС. СПб. Т. 1.
Хозераў І.М., 1928. Полацкае будаўніцтва старадауняга пэрыоду // Зап. аддзела гуманітарных навук / ИНБЕЛКУЛЬТ. Менск. Кн. 6.
Хозеров ИМ., 1928. Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска // Seminarium Kondakovianum. Praha.
Хозеров ИМ., 1994. Белорусское и смоленское зодчество XI-XII вв. Минск.
Хозеров ИМ., 1995. Полацкае зодчество XI-XII вв. в свете новых исследований // Гісторычный альманах. Мінск. Вып. 1.
Хойновский И.А., 1893. Раскопки великокняжеского двора древнего Киева, произведенные весной 1892 года. Киев.

Хойновский И.А., 1896. Археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною с объяснением и XX таблицами рисунков, Киев. Вып. 1.
Хорошкевич АЛ., 1980. Полоцкие грамоты XIII - начала XVI в. М. Т. 3.
Хорошкевич АЛ., 1982. Полоцкие грамоты XIII - начала XVI в. М. Т. 4.
Цалкин В.И., 1954. Фауна из раскопок в Гродно // Воронин Н.Н. Древнее Гродно. М. (МИА; № 41).
Цветков М.А. 1957. Изменение лесистости европейской части России с конца XVII столетия по 1914 год. М.
Церашчатава В.В. 1986. Старажытна-беларускі манументальны жівапіс XI-XVII стст. Мінск.
Цікавая знаходка, 1927 // Рабочий путь. № 257.
Чебышева В.М., 1886. Раскопки курганов Смоленской губернии Дорогобужского уезда летом 1879 года // ИОЛЕАЭ. Т. 29, вып. 1.
Черепнин Л.В., 1972. Русь: Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX-XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин А.В. Пути развития феодализма. М.
Черных Н.Б., 1967. Абсолютные даты деревянных сооружений древнего Смоленска // МИСО. Вып. 6.
Черных Н.Б., 1972. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
Черных Н.Б., 1995. Дендрохронология и археология. М.
Чернявский М.М., 1983. Пречистинская церковь XII в. в Гродно // Древнерусское государство и славяне. Минск.
Чернявский М.М., 1987. Каменный и бронзовый века Понеманья и Подвинья // Белорусская археология. Мінск.
Черняўскі М.М., 1979. Неаліт беларускага Панямоння. Мінск.
Чукова Т.А., 1987. Древнерусские керамические плитки // КСИА. Вып. 190.
Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск.
Шашкина Т.Б., 1985. Модульный метод колокольного ремесла // Колокола: История и современность. М.
Шашкина Т.Б., Голибин А.К., 1986. Памятники древнерусского колокольного литья // СА. № 4.
Шахматов А.А., 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
Шейн П.В., 1893. Материалы для изучения, быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. Т. 1,ч.2.
Шейн П.В., 1898. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. Т. 2
Шейн П.В., 1902. Материалы для изучения, быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3. // Сб. ОРЯС. Т. 7, № 4.
Шейн П.В., 1913. Материалы для изучения, быта и языка русского населения Северо-Западного края // Сб. ОРЯС. Т. 7.
Шестаков П., 1857. География Смоленской губернии // ПКСГ на 1857 год.
Ширинский С.С, 1968. Ременные бляшки из Бирки и Гнёздова со знаками Рюриковичей // Славяне и Русь: (К 60-летию Б.А. Рыбакова). М.
Шмидт Е.А., 1961. Некоторые особенности городищ верховьев Днепра во второй половине I тысячелетия до н.э. // МИСО. Вып. 4.
Шмидт Е.А., 1969. Раскопки в Смоленской области // АО 1968 г. М.
Шмидт Е.А., 1970. Об этническом составе населения Гнёздова // СА. № 3.
Шмидт Е.А., 1974. К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // МИСО. Вып. 8.
Шмидт Е.А., 1976. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск.
Шмидт Е.А., 1982. Археологические памятники Смоленской области. М.
Шмидт Е.А., 1983. Археологические памятники Смоленской области. М.
Шмидт Е.А., Ходченков А.А., 1961. Археологическоие памятники и их охрана. Смоленск. (Памятники культуры Смоленской области; Вып. 1).
Шовкопляс А.М., 1954. Некоторые данные о косторезном ремесле древнего Киева // КСИА АН УССР. Кшв. Вып. 33.
Шперк Ф., 1900. Смоленская губерния // Словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 60.
Шпилевский П.М., 1855. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. СПб. Т. 52, №7.
Шпилевский П.М., 1858. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб.
Шпилевский П.М., 1992. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Минск.
Штыхаў Г.В., 1963. Пытанні гістарічнай тапаграфіі Полацка // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 2.
Штыхаў Г.В., 1970. Полацкія фрэскі XII стагоддзя // ПГКБ.№ 1.
Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы. Мінск.
Штыхаў Г.В., 1993. Лятохі // Археолёгія і нумізматыка Беларусь Мінск.
Штыхаў Г.В., Лебедеў Г.П., 1974. Старажытны город на Віцьбе // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 4.
Штыхов Г.В., 1963. Письмена на камне из Полоцка // СА. № 4.
Штыхов Г.В., 1971. Археологическая карта Белоруссии. Минск. Вып. 2.
Штыхов Г.В., 1972. Поднепровские и посожские города восточной Белоруссии // Очерки по археологии Белоруссии. Минск. Ч. 2.
Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк IX-XIII вв. Минск.
Штыхов Г.В., 1977. Исследования в Минске и его окрестностях // АО 1976 г. М.
Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли IX-XIII вв. Минск.
Штыхов Г.В., 1980. Исследования Полоцко-Минского отряда //АО 1979 г. М.
Штыхов Г.В., 1985. Раскопки близ Минска // АО 1983 г. М.
Штыхов Г.В., 1986. Ворота XII века в Минске // Метрострой. № 6.
Шчакаціхін М., 1928. Нарысы з гісторыі Беларускага мастацтва. Менск. Т. 1.
Щ. К., 1891. Село Волочёк Дорогобужского уезда // Смоленский Вестник. № 91.
Щапов Я.Н., 1963. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // АЕ за 1962 г. М.

Щапов Я.Н., 1965. Церковь в системе государственной власти древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М.
Щапов Я.Н., 1972а. Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв. // Становление раннефеодальных государств. К.
Щапов ЯМ., 19726. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М.
Щапов Я.Н., 1972в. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии: Сб. статей, посвящ. Артемию Владимировичу Арциховскому. М.
Щапов Я.Н., 1974. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л. Т. 28.
Щапов Я.Н., 1975. О функциях общины в древней Руси // Общество и государство феодальной России. М.
Щапов Я.Н., 1976. Древнерусские княжеские уставы. М.
Щапова ЮЛ., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.
Щапова ЮЛ., 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода//МИА. № 117.
Щапова ЮЛ., - 1966. Плитчатый пол вновь открытой церкви на Соборной Горе Смоленска // Культура древней Руси: (К 60-летию Н.Н. Воронина). М.
Щеглова В.В., 1969. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Древности Белоруссии. Минск.
Щекатов А., 1804. Словарь географический Российского государства. М. Т. 2.
Щекатов А., 1805. Словарь географический Российского государства. М. Т 4.
Щекатов А., 1807. Словарь географический Российского государства. М. Т. 5.
Щепкина М.В., 1977. К изучению изборника 1073 года // Изборник Святослава 1073 года. М.
Щукин Л., 1892. Рославль // Смоленский вестник. № 19,51.
Щукин А., 1893. К истории Рославля // Смоленский вестник. № 108.
Щукин А., 1894. Памятники Рославльской старины // Смоленский вестник. №81.
Эвальд Э., 1854. Полоцкая старина // Санкт-Петербургские ведомости. № 229.
Эйдельман Н.Я., 1983. Последний летописец. М.
Юркина Т.В., 1976. О чернолощенной керамике Смоленска XIV-XVII вв. // Проблемы истории СССР. М. Вып.5.
Юшко А.А., 1991. Московская земля в IX-XIV вв. М.
Юшков СВ., 1939. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.
Якобсон АЛ., 1983. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л.
Янин ВЛ., 1956а. Вислые печати из Новгородских раскопок // МИА. № 55.
Янин ВЛ., 19566. Денежно-весОвые системы русского средневековья. М.
Янин ВЛ., 1960. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и "Повесть игумена Даниила" // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 16.
Янин В Л., 1962. Новгородские посадники. М.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. М.
Янин ВЛ., 1998. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII-XV веков. М.
Янин В Л., Алешковский М.Х., 1971. Происхождение Новгорода // ИСССР. № 2. *Янин ВЛ., Зализняк А.А.,* 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М.
Alexsandrowic: S.T., 1971. Nowe zrodlo ikonograficzne do oblkїenia Polocka w 1579 r. // Kwartalnik historii kultury materialnej. № 1. *Arne T.J.,* 1952a. Det vikingatida Gnezdovo Smolecska foregor gare // Archeologiska forakningar och fynd. Stockholm. *Arne T.J.,* 19526. Die Naragertrade und die sowietrussishe Forschung // Acta Archeologica.. Kobenhavn. Vol. 23
Archeologicke rozhledy. Praha, 1969. T. 21, № 6. *Avdusin D.,* 1969. Smolensk and Varangians: According to the archeological data // Norwegian archeological Review. Vol. 2-4. *Balinski M., Lipinski T.,* 1886. Staroïytna Polska. Warszawa. T. 4.
Baloza F., 1940. Jersika. Riga. *Buczek,* 1863. Dzieje kartografii Polskiej od XV do XVII w. Wroclaw; Warszawa; Krakow. *Chitil K. I.,* 1930. Kriz zwany Zavisov. Praha. *Dalbor W.,* 1955. Wczesnoњredniowieczny Gryd w Gnieцnie // Њwiatowid. Warszawa. T. 21. *Durczewski Z.D.,* 1939. Stary zamek w Grodnie w њwietle wykopalisk, dokonanych w latach 1937-1938 // Otbitka z czasopisma "Niemen". Grodno. № 1 1 . *Gumowski M.,* 1960. Handbuch der polnischen Numismatik. Graz.
Hedemann O., 1930. Historja powiatu Braslawskiego. Wilno.
Hilczeerowna Z., 1965. "Male plemiona" wczesnego srednowiecza i archeologiczne sposoby ich badania // Slavia antiqua. T. 12. *Holdschmidt A., Weltzmann K.,* 1930. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen. Berlin. Bd. 1. *Hruhy V.,* 1957. Slovanske Kostene predmety a jejich vyroba na Morava // Pamatki archeologicke. T. 48. *Jakimowicz R.,* 1938. Prawda o Gyrze Zamkowej w Grodnie // Marchoit. Warczawa. T. 2. *Jakimowicz R.,* 1939. Dawidgrudek. Pinsk. *Jodkowski J.,* 1933. O znakach na cegle "teremu" w Grodnie // Wiadomoњci numizmatyczno-archeologiczne. Krakow. T. 15. *Jodkowski J.,* 1934. Grodno wczesnoњredniowieczne w siwietle prac wykopaliskowych dokonanych krylewskim zamku starym w grodnie 1932 i 1933. Warszawa.
Jodkowski J., 1936. Swiatynnia warowna na Kolozy w Grodnie. Grodno. *Limanowski M.,* 1936. Apeluje bozpossposrednio do pana ministra // Siowo. № 325.
Lowmianski //., 1967. PoczNtki Polski. Warszawa. T. 3.
M[askiewicz] Y., 1936. Skandal... nie tylko w Dawidgorodku // Siowo. № 320. *Mienicki W.,* 1892. Wykopalisko w Mosarzu: Wiadomoњci numismatyczno-archeologiczne. Warszawa. T. 1,2.
Miskewicz B., 1964. Rozwyj staiych punktyw oporu w polsce do polowy XV wieku. Poznac. *MoravtcsikG.Y.,* 1950. Byzantinoturcica. Berlin. T. 1. *Musianowicz K.,* 1957. Wyniki Badac porowadzonych w 1956 r. na osadzie podgrodowej w Drogiczyniee, pow. Siemiatycze // Wiadomoњci Archeologiczne. T. 24, № 4.
Musianowicz K., 1969. Drohiczyn we srednjowiecu // Materiaiy wsesnosrenjoweczne. Wroclaw; Warszawa; Krakow.

Narbutt T., 1856. Pomnijesze pisma historyczne. Wilno.
Niesiecki, 1728. Kronika Polska: Metropolia Ruska. Lwyw. *Plater A.,* 1848. Uber alte Graber und Altertiimer in Polnisch-
Livland. Riga. *Poppe* A., 1968. Pacstwo i kosciol na Rusi w XI w.
Warszawa. *Poppe D.A.,* 1967. Dziedzice na Rusi // Kwartalnik
Historiczny. Warszawa. № 1.
Prochaska A., 1882. Codex epistolaris Vitoldi. Krakow.
Solovjev A.W., 1936. Новые раскопки в Гродне и их значение для русской истории // Zapiski russkiego naucznego Instytutu w Belgradie. T. 13. Sprawozdanie Wojewydzkiego komitetu uezczlnia kryla
Stefana Batorego z prac na Starym Zamku w Grodnie (1933-1937). Grodno, 1938. *Stubavs* A., 1963. Jauni archeologiski dati par seno Koknesi //
Dabas un vestures kalendars. 1964. Riga. *Tarasov S.V.,* 1990/91. Neues in Archaologie von Polock
1986-1988 // Zeitschrift fur Archaologie des Mittelalters. Bonn. Jg. 18/19.
Taube M., 1935. Russische und Fiirsten an der Duna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands // Jahrbiicher fiir Kultur und Geschichte der Slaven. N.F. Bd. 11, H. 3^.
Tyszkiewicz E., 1847. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno. *Tyszkiewicz E.,* 1849. Badania archeologiczne nad zabytkami
przedmiotyw sztuki remiosl i t.d. w dawniej Litwie i Rusi Litowskiej. Wilno. *Tyszkiewicz K.,* 1858. Wiadomoњж historyczna o zamkach,
horodyszach i okopiskach na Litwie i Rusi litewskiej // Jeka Wilecska. Wilno. T. 4. *Wasilewski T.,* 1968. Reci Polockaja zemija // Kwartalnik his-
tori i kultury materialnej. Warszawa. T. 16, № 2.
Wojciechowski /., 1938. Stary zamek w Grodnie // Bulletin historii sztuki i kultury. Warszawa. T. 6. *Zuwwski K.,* 1953. Uwagi na temat obrybki rogu w okrese wczesnoredniowiecznym // Przegl№d archeologoiczny. Poznac. T. 9, № 2.
Zurowski K., 1957. Konstrukcje obronne wczesnoњredniowiecznego Gniezna // Archeologia Polski. Warszawa. T. 1.

Принятые сокращения

ААЭ
АЕ
АЗР
АИ
АН БССР
АО
АСГЭ
БИПР
ВВ
ВГВ
ВИ
ВИД
ВОИДР
ВОМПК
ВЭО
ГАЗ
ГГВ
ГИМ
ГАИМК
ДАИ
ДАК
ДДГ
ДКУ
ЖМВД
ЖМНП
ЗРАО
ИАК
ИЗ
ИИИ
ИОЛЕАЭ
ИОРЯС
ИРАО
ИСССР
ИЮМ
КСИА
КСИА АН УССР-
КСИИМК
ЛОИИ
МАР
МГВ

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб.
Археографический ежегодник. М.
Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.
Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. М.
Академия наук Белорусской советской социалистической республики
Археологические открытия. М.
Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
Библиотека иностранных писателей о России. СПб.
Византийский временник Витебские губернские ведомости
Вопросы истории. М.
Вспомогательные исторические дисциплины
Временник императорского Московского общества истории древностей российских. М.
Виленское отделение Московского предварительного комитета по устройству IX археологического съезда Вольное экономическое общество
Гістарычна-археолёгічны зборнік Інстытуту культуры. Мінск
Гродненские губернские ведомости Государственный Исторический музей. Москва Государственная академия истории материальной культуры Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.
Дело Императорской Археологической комиссии в Санкт-Петербурге
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950 Древнерусские княжеские уставы Журнал Министерства внутренних дел. СПб. Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Сборник. СПб.
Известия Государственной Российской Археологической комиссии. СПб.
Исторические записки. М.
Институт истории искусств
Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М.
Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. Л.
Известия императорского Русского Археологического общества
История СССР
Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск
Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
Ленинградское отделение Института истории
Материалы по археологии России, изданные Археологической комиссией. СПб. Минские губернские ведомости

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИСО - Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск.
НГБ - Новгородские грамоты на бересте
НПЛ - Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
ОАК - Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
ОИ - Отечественная история
ПВЛ - Повесть временных лет. М.; Л., 1950.
ПГКБ - Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Менск.
ПДЛ - Памятники древнерусской литературы
ПДПИ - Памятники древней письменности и искусства. СПб.
ПИДО - Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.
ПКВГ - Памятная книжка Витебской губернии. Витебск
ПКСГ - Памятная книга Смоленской губернии. Смоленск
ПЛ - Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко / под ред. Н. Костомарова. СПб.
Працы I - Працы сэкціі археолёгіі і гісторыі Б АН. Менск, 1928. Т. 1
Працы II - Працы сэкціі археолёгіі і гісторыі Б АН. Менск, 1930. Т. 2
Працы III - Працы сэкціі археолё'гіі і гісторыі Б АН. Менск, 1932. Вып. 3
Працы IV - Працы першага зъезду даследчыкаў беларускай археолёгіі і археографіі / Інстытут беларускае культуры. Менск
ПСЗРИ, 1839 - Полное собрание законов Российской империи. Книга чертежей и рисунков.
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
РА - Российская археология
РГО — Русское географическое общество
РИБ — Русская историческая библиотека
РИС — Русский исторический сборник
СА — Советская археология
Сб. ОРЯС - Сборник отделении русского языка и словесности императорской Академии наук
СС — Скандинавский сборник
СУАК - Смоленская ученая археологическая комиссия
СЭ - Советская этнография
ТМАО - Труды Московского Археологического общества
ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома). М.; Л.
Тр. II АС - Труды второго Археологического съезда в Петербурге. СПб.
Тр. IX АС - Труды девятого Археологического съезда в Вильне в 1893 г. М.
Тр. XI АС - Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве в 1899 г. М.
Тр. XII АС - Труды двенадцатого Археологического съезда в Харькове в 1902 г. М.
УЗСГУ - Ученые записки Саратовского государственного университета
ЧОИДР - Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Москва
ЧИОНЛ - Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца

* Неоценимую помощь при составлении указателя оказали Н.В. Басукинская, В.П. Богданов, Т.И. Венславская, Н.М. Кузнецова, которым автор приносит глубокую благодарность.

Принятые сокращения: архиеп. - архиепископ, вел. - великий, визант. - византийский, вице-губ. - вице-губернатор, гос. - государственный, губ. - губернатор, дир. - директор, др.-греч. - древнегреческий, др.-рус. - древнерусский, еп. - епископ, имп. - император, императрица, кн. - князь, мин. нар. проев. - министр народного просвещения, митр. - митрополит, рос. - российский, рус. - русский, с. - село, св. - святой, с-цо - сельцо, франц. - французский

Содержание

Научное издание

Алексеев Леонид Васильевич

Западные земли домонгольской Руси

Очерки истории, археологии, культуры

В двух книгах

Книга 1

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Российской академии наук

Зав. редакцией *НЛ. Петрова*

Редактор *ММ. Леренман* Художник *В.Ю. Яковлев* Художественный редактор *Т.В. Болотина* Технический редактор *Т.В. Жмелъкова* Корректоры *А.Б. Васильев, ЕЛ. Сысоева* Компьютерная верстка *СВ. Ишутина*

Подписано к печати 23.03.2006
Формат 60 х 90 '/8- Гарнитура Тайме
Печать офсетная
Усл.печ.л. 36,5 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 37,1. Уч.-изд.л. 33,4
Тираж 900 экз. (РГНФ - 300 экз.) Тин. зак. 3197

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

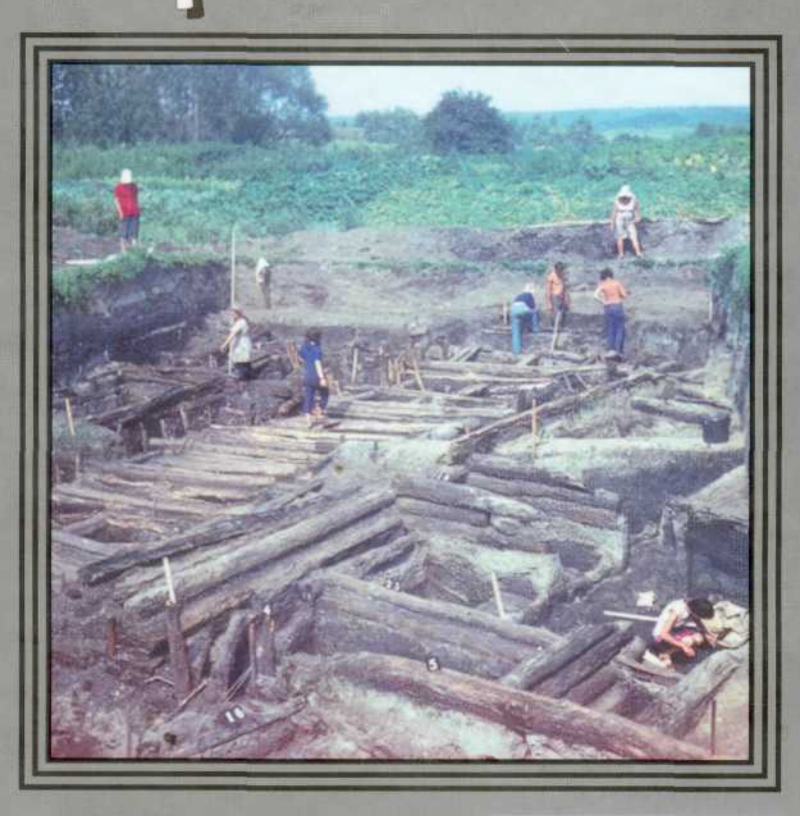
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука" 199034,
Санкт-Петербург, 9 линия, 12

«Мы должны изучать Россию, любовно вглядываться, вырывать её в земле закопанные клады...»

Г.П. Федотов

Л.В. АЛЕКСЕЕВ

Западные земли домонгольской Руси



ISBN 5-02-034937-2

9 785020 349377

НАУКА